

РОБЕРТ

МАККАММОН

ПЯТЕРКА

РОБЕРТ
МАККАММОН

РОБЕРТ
МАККАММОН

П Я Т Е Р К А

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Маккаммон — лучшее!»

Robert McCammon

THE FIVE

Перевод с английского *М. Левина*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Маккаммон, Роберт.

М15 Пятёрка : [роман] / Роберт Маккаммон ; [пер. с англ. М. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 640 с.— (Маккаммон — лучшее!).

ISBN 978-5-17-092582-7

Рок-группа «The Five» на грани распада — похоже, странствия по маленьким городкам и выступления в захолустных барах не всем по душе, ведь проходят годы, а настоящей славы, какая была у «Роллингов» или «Битлов», не видно.

И вдруг, как гром среди ясного неба, на молодых музыкантов обрушивается смертельное внимание убийцы, отчего-то невзлюбившего песни «Пятёрки». Смерть одного из рокеров резко подогревает интерес к малоизвестной группе: продажи дисков исчисляются четырехзначными цифрами, все телевизионные каналы транслируют их историю. Вот она, долгожданная слава!

Только стоит ли она того, чтобы за нее умереть?

Ведь убийца не собирается останавливаться, более того, кажется, что за его неожиданными атаками стоит сам Дьявол...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Robert McCammon, 2011

© Перевод. М. Левин, 2014

ISBN 978-5-17-092582-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Ведь жизнь — симфония, и радость в ней горька.
Концы с концами ты пытаешься свести,
Как раб деньгам до самой смерти служишь ты.
Я проведу тебя единственным путем,
Который знаю сам, и он ведет туда,
Где вены сходятся.

*«Bittersweet Symphony»,
эпымна «The Verve»*

Часть первая
ТАК УМИРАЮТ ГРУППЫ

Глава первая

Кочевник решил, что официантку придется убить.

* * *

Как именно, он пока не знал. Но убить придется, и быстро, потому что еще минута — и он взорвется, как тот хмырь из «Нечто», у которого инопланетная кровь булькала и визжала от удара провода под током. Шея вырастет до шести футов, из рук выскочат шипы, и начнется разгром.

Официантка попалась жизнерадостная и говорливая. Кочевник таких ненавидел. Он не хороший человек, он не плохой человек — он музыкант.

А до полудня он вообще не человек, а сейчас только десять утра, и он сидит в кабинке ресторана «Денниз» рядом с федеральной трассой I-35 возле Раунд-Рока, миль на двадцать севернее Остина. И все тут для него слишком ярко. Все желтое и зеленое, и солнце палит сквозь жалюзи окон, выходящих на восток. Защитные очки помогают, но глаза под ними уже устали. И опять эта гадская официантка, третий раз уже за несколько минут пикирует. Старая хиппи, вид как с похмелья, возраст — где-то под пятьдесят. Точно была в свое время чьей-то группы. Слишком тощая и слишком старая для своих медных ко-

сичек, как, блин, у Пеппи Длинныйчулок. Несет кофейник, сияя золотарниково-желтой униформой, улыбаясь лошадиными зубами богини завтрака. А на табличке написано: «Привет, я Лори».

— Бог ты мой! — сказал Кочевник, ни к кому особо не обращаясь.

— Дольем? — спросила Лори, взявшись за кофейник. Последовало согласное хмыканье.

— Спасибо, — сказал Майк, когда чашку ему долили до краев.

Лори ответила: «Ноль проблем!» — и Кочевник прикинул возможности банки кетчупа как орудия убийства, потому что официантка только что наступила на мозоль одному из его любимейших тараканов. Откуда пошло это проклятое «Ноль проблем», он знать не знал, но хорошо бы хоть на пару минут оказаться в запертой комнате с тем гадом, который сказал это первым. Официант, понимаешь, или официантка тебе говорит: «Да ноль проблем, едрена корень, что ты меня просишь сделать то, за что мне, блин, платят, и это в мои обязанности, мать их, входит, и если я этого не сделаю, мне дадут сапогом под зад, а денег ни хрена не дадут. Да ноль проблем!»

Лори окинула всех долгим взглядом: Кочевника, Ариэль и Терри в первой кабинке, Майка и Берк во второй, потом криво улыбнулась и выдала знакомый вопрос:

— А вы группа, да?

Кочевник, с детства носивший имя Джон Чарльз, не держал завтрак в списке самых главных ежедневных потребностей. Но из остальных некоторые завтракать любили, особенно Майк и Терри, и они захотели тут остановиться по дороге в Уэйко. Обычно они заезжали в барбекюшницу под названием «Смиттиз» рядом с Остином, где одноглазый повар, отставной морпех, засовывал в блендер яйца и говядину с адским самодельным соусом и

называл это «Техасский торнадо», но «Смиттиз» закрылся в начале лета, так что большинством голосов выбрали «Деннииз». Они никогда здесь не были и Лори видели впервые, но она, конечно, поняла. Наверное, потому, что если есть тысяча триста пятьдесят два гитариста в Нэшвилле, то должны быть и тысяча четыреста шестьдесят три группы в Остине и в окрестностях, и увидеть в «Денниизе» музыкантов — событие невеликое. А может, она поняла по браслетам зеленых лиан и нотам — первые такты «О, Благодарить!», — вытатуированным на запястьях у Ариэль Коллиер, или по бородачке и бритому черепу Терри Спитценхема, или по густо татуированным рукам Майка Дэвиса, по серебряному кольцу в носу Берк Бонневи и всему ее виду, предупреждающему, что лучше ее не цеплять, или по виду самого Кочевника: волосы до плеч, очки, отгораживающие от солнца и от всего мира, мрачная повадка.

Все это вместе сложить — и либо группа, либо передвижной цирк уродов. (Есть расхожее мнение, что особой разницы нет.)

— Да, — ответила Ариэль, поощрив официантку прямым взглядом и улыбкой. Кочевник знал, что она улыбнется: Ариэль, девочка простая и добрая, не может просто отвернуться от человека.

— А зовут вас как? В смысле название группы какое?

— «The Five»*, — сказала Ариэль.

Почти незаметная пауза. Лори наморщила лоб, наклонила голову, будто чего-то недослышала.

— Чего пятерка?

— Пятерка тузов, — буркнул Майк в чашку.

— Тузиков, — поправила его Берк.

Но Лори не сводила глаза с Ариэль, будто знала, что здесь это единственный человек, который не пошлет ее подальше.

---

* Пятерка (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Просто «Пятерка», — ответила Ариэль. — Выбрали так, чтобы легче запомнить было.

— А, поняла. Типа «Знаменитая Пятерка»?

— «Знаменитая Четверка», — заговорил Терри. Солнце блеснуло на металле оправы очков — очень уместно по-ленноновски. — Это «Битлз».

— Верно, верно, — кивнула Лори и снова оглядела собравшуюся «Пятерку» во всей ее красе, готовую седлать коней на рассвете и мчаться к неведомой славе. — Только почему это вас *шесть*?

Она показала кофейником на стул рядом с Берк, где полторы минуты назад сидел номер шестой.

— Он наш менеджер, — ответила Ариэль.

— Раб-водитель, — сказал Майк. — Держатель ключей и денежных мешков.

— *Босс* ваш, да? — спросила Лори. — Наверное, у каждого должен быть. — Она поймала взгляд посетителя, который жестом подзывал ее долить кофе. — Прошу прощения.

И двинулась прочь.

Терри вернулся к блинчикам. Берк жевала тост с маслом, запивая водой. Майк ел свою яичницу, Ариэль попивала яблочный сок, а Кочевник чуть-чуть раздвинул жалюзи, выглядывая на парковку, залитую жарким солнцем.

Там стоял Гений-Малыш, разговаривал по телефону. Джордж Эмерсон, организатор переездов, звукооператор, гаситель конфликтов, устранитель кризисов, посредник в спорах и универсальный пластырь на все прорехи. Он стоял возле фургона группы, серого, как военный корабль, «форд-эконолайна» 1995 года, трехдверного, с прицепленным сзади трейлером. Джордж, не прерывая энергичного разговора, закурил, и Кочевник смотрел, как он затягивается, разговаривая. Ростом Джордж был пяти фу-

тов шести дюймов, волосы имел курчавые, светло-каштановые (честно сказать, слегка поредевшие спереди), глаза скрыты за роговыми темными очками, одет в свою обычную светло-голубую рубашку с короткими рукавами и хлопчатобумажные штаны. И одному Богу известно, зачем Джордж носит коричневые лакированные туфли с блестящими монетами — может быть, для контраста. Он продолжал говорить, расхаживая взад-вперед и оставляя за собой дымный след. Не только Гений-Малыш, но еще и малыш-локомотив.

«Я думаю, что можно бы... Я думаю, что... Я думаю...»

— Здесь сегодня играете?

Вернулась Лори — улыбка до ушей, косички прыгают. Вопрос был обращен к Ариэль, и та ответила:

— Мы вчера играли в пабе «Саксон». Сегодня на «Коммон Граундс» в Уэйко.

— А все вы местные, значит?

— Ага, живем здесь уже... сколько, Терри?

— Много лет, — ответил Терри.

— Наше турне только начинается, — сказала Ариэль, предупреждая следующий вопрос Лори. — Это было первое представление.

— Я буду. Ты на чем играешь?

— На гитаре. И еще пою.

— Это я могла бы и догадаться, — сказала Лори. — Голос у тебя приятный.

Кочевник отпустил жалюзи и стал пить горький черный кофе, но думал о Джордже, о его телефонном разговоре, о дымовых сигналах в воздухе.

— Дочка моя на гитаре играет, — продолжала официантка. — Только шестнадцать исполнилось. И еще поет. Посоветуйте ей чего?

— Всегда оставаться шестнадцатилетней, — бросила Берк, не поднимая головы.

— Переехать на такой остров, — предложил Майк низким хриплым голосом, — где агентов и промоутеров отстреливают на месте.

Лори кивнула, будто нашла в этих словах здравый смысл.

— Еще одно хотела бы спросить, если можно. И больше приставать не буду. — Она переложила кофейник в левую руку, правую сжала в кулак, стукнула себя в грудь напротив сердца, потом показала знак мира. — Вот это что значит?

Кочевник рассматривал ее через темные очки. Лет на пять-шесть моложе, чем ему сперва показалось. Суровое солнце Техаса состарило ее кожу. И она еще туповата, наверное. Довольна жизнью и туповата. Чтобы быть довольным жизнью, надо быть туповатым. Или таким забывчивым, чтобы думать, будто ты счастлив. Не в силах сдержаться, он сказал:

— Фигня это.

— Не поняла? — переспросила Лори.

— Это значит, — объяснила Ариэль как ни в чем не бывало, — солидарность с публикой. Мы вас любим, и мир вам.

— А я сказал: фигня. — Кочевник делал вид, что не слышал Ариэль, а она делала вид, что не слышит его. Он допил кофе одним глотком. — Я все.

Он вышел из кабинки, положил на стол доллар и шагнул из ресторана на жаркое солнце. Сейчас, в середине июля 2008 года, уже много дней подряд стояла немилосердная жара. Землю спалила засуха. В воздухе висела дымка и едкий запах степного пожара — может быть, из соседнего графства. Но где же Джордж?

Возле «Жестянки» — как называл машину Майк — Геня-Малыша не было. Кочевник увидел улетающий клуб дыма и направился к краю парковки, где на низком

кирпичном заборе сидел Джордж, все еще занятый телефонным разговором. Точнее, Джордж слушал, часто затягиваясь сигаретой, а по длинному прямому коридору шоссе I-35 пролетали автомобили.

Кочевник тихо подошел и встал сзади. Джордж, наверное, почувал присутствие черной ауры, потому что вдруг повернул голову, посмотрел прямо на Кочевника и сказал в телефон:

— Слушайте, мне пора сейчас, я перезвоню, о'кей? — Телефонный собеседник вроде бы не хотел оставлять тему, и Джордж добавил: — Я вам дам знать завтра. Да. Утром, до десяти. Да. Ну, о'кей.

Он убрал телефон в кармашек на поясе, затянулся сигаретой, как астматик — кислородом, и выпустил дым через нос.

Кочевник ничего не сказал.

Наконец Джордж спросил:

— Готовы они уже?

— Нет.

Джордж все смотрел на проезжающие машины. Кочевник сел на забор чуть поодаль, не ожидая приглашения, потому что у нас свободная, мать ее, страна.

Оба они в своем мундире, подумал Кочевник. У Джорджа — мундир человека при власти, человека, который разговаривает с бухгалтерами, если они есть. Человека, который ведет переговоры с банкиром о ссуде на новую аппаратуру, если есть такой банкир, и ссуда, и новая аппаратура, которую надо приобрести. Хотя у Джорджа в каждой мочке по три серебряных колечка, все равно вид у него консервативный, он представляет голос разума, узды на этих психов, которые называют себя «The Five». А мундир Кочевника — армейской зелени футболка, сильно поношенные черные джинсы, черные высокие конверсы и темные очки, отсекающие жар света и заслоня-

ющие мир, пока он, Кочевник, не сочтет нужным на него посмотреть. Мундир бойца, бунтаря против машины, сурового бойца-барда, что пленных не берет. Изрекателя истины — когда есть что изрекать. Это если он хоть какую-то истину знает, в чем Кочевник сомневался. Но что костюм должен быть выбран под роль — в этом сомневаться не приходится.

Две недели назад ему стукнуло двадцать девять. Ему поднесли торт без сливок и соевое мороженое, потому что на молочное у него аллергия. Сводили на пейнтбол. День рождения празднуют у каждого, такова изначальная договоренность. Не письменная, но понимаемая. Как и на сцене, где у каждого свое время. Время, когда товарищи показывают, что тебя ценят. Это важно — чтобы тебя ценили. Как будто ты что-то значишь в мире и твоя жизнь и твоя работа — не застрявший грузовик, молотящий колесами в грязной яме. Как будто кому-то важно, что ты делаешь.

Он был хорошим фронтменом: шесть футов один дюйм, худой и поджарый, вид как у голодного волка. Боевой оскал и стойка у него получались не хуже, чем у любого идущего по дороге ствола и ножа. Нос перебит в кабацкой драке в Мемфисе, на подбородке шрам от брошенной пивной бутылки в Джексонвиле. Родился он в Детройте и на суровых улицах научился оглядываться, чтобы сзади чего-нибудь не прилетело.

Вот сейчас, здесь, с Гением-Малышом, как раз время оглянуться.

— Деловой звонок? — спросил Кочевник.

Джордж не ответил, и это сказало Кочевнику все, что он должен был знать. Но через какое-то время — десять секунд, пятнадцать, не играет роли, — Джордж заговорил, потому что он правильный пацан и понятия знает.

— Джон, мне тридцать три года.

— Ага. — Не новость. Кочевник помнил, как отмечали в апреле день рождения. — И?

— Тридцать три, — повторил Джордж. — Десять лет назад я готов был горы свернуть. Весь мир был мой, понимаешь?

— Да, — ответил Кочевник, но это прозвучало вопросом.

— Десять лет — долгий срок, друг. А в нашем деле год за семь надо считать, как собачий возраст. С самых моих двадцати лет я на дороге с какой-нибудь группой. Первый живой концерт — с «Survivors» из Чикаго. — Джордж в Городе Ветров родился и вырос. — Месяца четыре они продержались, потом лопнули. Не осталось выживших*. — Он не стал ждать и смотреть, улыбнулся ли Кочевник, но этого бы все равно не случилось. — Потом группа Бобби Эппла из Урбаны. Я тебе про это рассказывал?

— Нет.

Много было историй из пестрой жизни Джорджа, но этой не было. Кочевник подумал, не берег ли Джордж ее на случай.

— Хилая была группочка, студенты, в общем. Бобби Эппл — он же Бобби Коскавич — был тощим компьютерным гиком из Иллинойсского универа, но заворачивать умел, как чернокожий лет пятидесяти, выросший в гетто. Я видел, как он в одиночку, на зубах, вытаскивал концерты и взлетал с ними в небо. Просто взлетал, а группа оставалась позади. В иное пространство и время уходил, понимаешь?

— Да.

Об этом мечтает любой музыкант: чтобы тебя подхватило и унесло, когда плевать на весь мир, его нет, остал-

---

* Survivors — выжившие (англ.).

ся только звук, и он тебя уносит в безумии, и это лучше, чем секс с шестнадцатью бабами сразу.

— Они записали два диска в подвале у ударника, — сказал Джордж. — Настоящие песни, почти все оригинальные. Эфир получили на местной радиостанции. Музыканты менялись, приходили и уходили. Подбирали духовиков получше. Но вот эта сила, эта магия сцены у Бобби — ее никогда не удавалось передать.

Не так уж необычно, и Кочевник это знал. Если не сумеешь передать ее на диски, или на mp3, или на винил, рано или поздно дорога тебя измотает.

— Ну, концертов у них было много вживую, — говорил Джордж. — Зашибали деньги, и Бобби был двужильным, и какие-то поклевки были от типов из звукозаписи, но ни одной серьезной. А потом в один прекрасный день... он просто проснулся, спросил, в каком он городе, сказал, что будет давать вечером концерт в «Арсенале», а потом со всеми расплатится, потому что едет домой. Я пытался его отговорить — все мы пытались. Я ему говорил: «Чувак, не дури». Я говорил: «У тебя талантище, не отворачивайся ты от него». Но ты ж понимаешь, он устал. Уперся в стену — дальше некуда. Я, наверное, устал тоже, потому что не стал сильнее стараться. Подумал, наверное... что групп на мой век хватит. — Джордж затаился, поглядел на тлеющий окурок, будто гадая, не пора ли его гасить. — Последнее время часто о нем думал. Он вернулся к своему программированию, антивирусные штучки. Наверное, сейчас бешено богат, ржет и задницу чешет в Кремниевой долине.

— Может, и так, — ответил Кочевник. — А может, волосы себе рвет на заднице и хочет обратно в свою прежнюю группу.

— А ты хочешь когда-нибудь вернуться в прежнюю группу?

— В которую из? — спросил Кочевник, не изменившись в лице.

— В ту, в которой тебе было лучше всего.

— Тогда мы оказались бы в текущей ситуации, что аннулирует твой вопрос.

Джордж вымученно улыбнулся:

— Понятия не имел, как мало тебе нужно для счастья.

— Ну, дело-то не во мне, не в том, доволен я или нет. Так ведь? — Кочевник ждал ответа от Джорджа, но Генний-Малыш молчал, и тогда Кочевник наклонился к нему: — Глаза-то у меня есть. И мозги еще не пропил. И групп видал достаточно, чтобы понимать, когда человек начинает на сторону смотреть. Так вот, будь братом и скажи мне правду. Кто тебя зовет?

— Не тот, кто ты думаешь.

— Скажи.

Лицо Джорджа исказилось страдальческой гримасой. Он затянулся остатками сигареты, выдул серый дым, закрутившийся надписью неведомой каллиграфии, и вдавил окурок в кирпичи.

— У моего двоюродного брата Джеффа в Чикаго есть контора, называется «Аудио эдвэнсез». Ставят аппаратуру в филармониях, конференц-залах, в церквях, в общем, где она нужна. Микшеры, колонки, блоки эффектов — все, что надо, короче. Ну и обучение, как с этим работать. В общем, не бедствует. — Джордж замолчал, провожая взглядом пролетевший по шоссе «харлей». На седоке сверкал ярко-красный шлем. — Ему нужен представитель на Среднем Западе. И завтра в десять утра он уже должен знать, согласен я или нет.

Кочевник молчал. На миг он застыл неподвижно, думая, что все, все понял неправильно. Он думал, что Джорджа охмуряют — переманивают, если угодно, — в другую группу. Решил на «GinGins», или «Austin Tribe», или «Sky

Walkers», или любую из нескольких сотен иных, с которыми приходилось выступать на одной сцене и которые уволили менеджера и теперь хотят перетащить Джорджа, обещая огни рампы, отличную травку и отвязный секс под кайфом.

Ан нет, дело хуже. Потому что зовут в реальный мир, а не в искусственную жизнь, и Кочевник по глазам Джорджа видел, что он не будет стараться оттянуть наступление десяти утра.

— Господи... — У Кочевника пересохло во рту. — Ты все бросаешь?

Джордж сидел, отвернувшись, глядя в землю. Бисеринки пота собрались у него на висках в нарастающем жаре дня.

— Что я могу сказать? — Других слов у него не нашлось.

— Можешь сказать, что да, можешь — что нет. Ты все бросаешь.

— Да, — кивнул Джордж, лишь слегка приподняв подбородок.

— Мы отлично выступили вчера! — Сказано было с силой, но не с громкостью. Кочевник подался ближе, лицо у него напряглось. Очки он снял, и глаза оказались яростно-синие, как небо Техаса, горящие гневом — и отчаянием. — Послушай, ладно? Вчера же *на нас* билеты продавались! *Мы* произвели фурор, мы! Чего ж ты?

— Да, — согласился Джордж, не поднимая головы. — Выступили классно. Продали сколько-то билетов, сколько-то дисков и сколько-то футболок. Завоевали сколько-то новых фанов. Держали зал в напряжении. Что да, то да. И то же самое будем делать в Уэйко, то же самое — в Далласе. А потом в Эль-Пасо и в Тусоне, в Сан-Диего и в Лос-Анджелесе, в Фениксе и в Альбукерке, и еще где попало... И всюду отлично выступим. Обычные наклад-

ки и лажания, лопнувшие струны, проблемы со звуком, гаснущие юпитеры, пьяные лезут в драку, малолетние девки — в койку. Кто бы сомневался.

Тут Джордж наконец поднял голову и посмотрел Кочевнику прямо в глаза, и тот подумал: когда же это Генний-Малыш налетел на свою стену? На последнем турне по юго-востоку, когда два клуба отменили выступления в последнюю минуту и пришлось делать концерт из ничего и где попало — на самом деле как нищим на улице, чтобы на бензин заработать? Или в той дыре в Дайтона-Бич, под рыбацкими сетями и пластиковыми меч-рыбами, когда пьяные байкеры начали швыряться банками пива и положили конец выступлению, а появление полиции стало прелюдией к столкновению между скинхедами и дубинконосцами? А может, когда на фривее к югу от Майами у «Жестянки» лопнула шина, тошнотворное небо стало лиловым, поднялся ветер и завывли вдали штормовые сирены? Или что-то тихое, простое и внезапное, типа жучка в коробке предохранителей или вылетевшего микрофона? Загаженный пивом и блевотиной пол? Кровать без простыней с пятнами на матрасе? Может, стена Джорджа была построена из серых шлакоблоков, с печальными коричневыми потеками на черепице сверху и осыпавшейся крошкой у подножия?

А может быть — всего лишь может быть, — стена у Джорджа оказалась человеческой, и просто не пришел на назначенную встречу какой-нибудь тип из компании звукозаписи.

Может быть.

— Ну так, в общем, мне тридцать три. — Джордж говорил тихим, спокойным, усталым голосом. Прищурился на солнце. — Часики тикают, Джон. Да и твои тоже, если честно.

— Я не так, блин, стар, чтобы не делать того, что люблю делать! — хлестнул он как бичом. — И мы же видео сняли! Боже ты мой, Джордж, мы же сняли видео!

— Да, видео — это хорошо. Это о'кей. Но нас и раньше снимали, Джон. С чего ты решил, что именно этот ролик станет волшебной пулей?

Где-то под сердцем завертелся вихрь злости. Кровь застучала у Кочевника в висках. Хотелось схватить Джорджа за грудки и дать по морде наотмашь, чтобы этот пустой бизнесменский взгляд убрался к чертям, чтобы вернулся старый друг Джордж. Но он огромным усилием сдержал себя и сказал едко:

— Ты же больше всех хотел его снять. Забыл уже?

— Не забыл. Песня хорошая. *Классная* песня. И видео тоже классное. Нам нужен видеоряд, и он стоил каждого затраченного на него цента. Но я не знаю, изменит ли это нашу игру, Джон. В том смысле, в котором ты думаешь.

— Так, ладно, черт побери, но неужто нельзя было мне сказать *до того*, как мы туда ухнули две тысячи долларов?

— Я ничего тебе не могу сказать такого, чего ты сам не знаешь, — ответил Джордж. — Сам понимаешь, все на свете — игра. Все на свете — бросок костей. Да, у нас есть классная песня и классное видео, и я надеюсь на лучшее. Но *сейчас* я тебе говорю другое: это мой *последний* выезд. — Он помолчал, давая Кочевнику это осознать. Когда в ответ Кочевник не дал ему по морде и не схватил за горло (Джордж хорошо знал его знаменитые вспышки, подобные взрыву сверхновой), он сказал: — Потом я пойду к своему братцу и буду у него представителем. А до того, обещаю тебе, *клянусь* тебе, как брату клянусь, что буду работать как работал, как всегда. Буду прыгать, ког-

да надо прыгать, и давить любого паразита, которого надо будет раздавить. Я, ребята, буду заботиться о вас, как всегда. О'кей?

Прошло несколько секунд, и кто-то подошедший сзади сказал:

— Ну, о'кей так о'кей.

Джордж слегка вздрогнул, но Кочевник и ухом не повел. Они оглянулись — спокойно, никак не показывая, что их застали врасплох, ничем не выдавая, что говорили о чем-то важном, — и увидели Берк, обратившую к ним такое же равнодушное лицо. Одета она была в линялые джинсы и винного цвета майку. Она родилась двадцать шесть лет назад в Сан-Диего, ростом была пять футов девять дюймов, волосы — черные, волнистые, такие густые, что расческа проходит с трудом, — носила очень коротко, и глаза под невыщипанными черными бровями были только чуть светлее волос. Справа на шее у нее виднелась вертикальная татуировка на санскрите, которая, как объясняла Берк, значила «Открыта моменту», — хотя весь ее вид скорее наводил на мысль о двери, запертой на засов. Крепкие руки и сильные пальцы французских крестьян, кровь которых текла в ее жилах. Сами эти жилы проступали под белой кожей предплечий и кистей синими каналами. Она в группе была ударником, и тяжелые лепные бицепсы не оставляли сомнения в физической силе. «Кирпичной стеной», как любил называть ее Майк, она была благодаря хорошим генам, правильному питанию и пробежке в несколько миль при любой возможности.

— Вот чего, — сказала Берк. — Ариэль хочет подарить нашей официантке футболку.

Джордж встал, выудил из кармана ключи и бросил ей.

— Скажи ей только, чтобы никаких бесплатных дисков. Понятно?

Берк ушла, не сказав ни слова. В трейлере вместе с аппаратурой ехала пара ящиков с футболками и дисками. Футболки всех размеров, красные, поперек груди черный отпечаток ладони с расставленными пальцами и надписью «The Five» шрифтом, напоминавшим вдавленные отпечатки пластиковой ленты «Даймо».

Кочевник надел очки и встал.

Джордж спросил:

— Как ты думаешь, сколько она слышала?

— Не знаю. Но ты должен всем сказать раньше, чем она. Или ты собирался ждать, пока кончится турне?

— Нет, — нахмурился Джордж. — Да нет, видит Бог. Я просто, ну... понимаешь, хотел разобраться...

— Надеюсь, ты уже разобрался.

— Ага, — согласился Джордж и пошел к фургону, сопровождаемый Кочевником. Все остальные уже залезли через пассажирскую дверцу с правой стороны фургона, кроме Ариэль — она шла от ресторана через парковку.

— Это не для бесплатной раздачи, — сказал ей Кочевник, пока Джордж обходил фургон, направляясь к месту водителя.

Ариэль посмотрела на него тем взглядом, которым смотрела училка перед тем, как погнать к директору.

— Одна дареная футболка нас не разорит. Это для ее дочери. А грубить ей было не обязательно.

Он залез на сиденье рядом с Джорджем, которому Берк уже передала ключи через Терри. Сама Берк сидела в глубине фургона с Майком, Ариэль — рядом с Терри. Рассадка была обычной, изменения зависели от того, чья очередь была вести. Каждый свободный дюйм был забит чемоданами, сумками и рюкзаками шестерых человек. Джордж завел мотор, включил кондиционер, тут же начавший тарахтеть, дребезжать и испускать запах мокрых

носков. Потом кондиционер вышел на более или менее приемлемое гудение, Джордж вывел машину со стоянки и поехал по I-35 на север.

К трем часам нужно было успеть на «Коммон-Граундз» в Уэйко — выгрузиться, проверить звук. Была пятница, восемнадцатое июля. Вечером в пятницу представление начиналось в десять вечера, плюс-минус сколько-то. Но сперва надо было заехать к Феликсу Гого, к северу от Уэйко. Инструкции, полученные Джорджем по электронной почте, были таковы: свернуть с Тридцать пятой на Ист-Лейк-Шор-драйв и держать на запад, пока не доедешь до Северной Девятнадцатой улицы, ведущей к северу. На перекрестке свернуть направо и ехать мимо Босквилья по Чайна-Спринг-роуд миль шесть, там увидишь.

Машина удалялась от Раунд-Рока, и Кочевник ждал, чтобы Джордж выложил свое дело. «Жестянка» громыхла и скрипела по равнинной дороге мимо жилых кварталов, мимо банков и моллов. Миновали большие склады с низкими крышами, с широкими парковками, выехали в сельскую местность, где вдали паслись коровы и пастбища тянулись бесконечно.

Кочевник гадал, не передумал ли Джордж. Вот в последние минуты. Решил, что не откажется от нее ни за что. Отказаться от *мечты*? После всех трудов, которые в нее вложили? А вот хрен им всем. Кочевнику стало легче. Да, Джордж решил не отклоняться от плана, что бы ни ждало впереди, от плана, который был — как всегда — дорогой в неведомое.

И тут из глубины фургона небрежным тоном заговорила Берк:

— Ребята, а ведь Джордж нам хочет кое-что сказать. Да, Джордж?

Глава вторая

Джордж, надо отдать ему должное, не дал вопросу повиснуть в воздухе. Но выбора у него не было, потому что почти сразу после слов Берк Майк остановился, начав уже было вставлять в уши наушники от айпода, и тоже встрял:

— А про что, шеф?

Хороший ударник всегда играет с басистом синхронно, подумал Джордж. Они выкладывают основу, на которой строится здание. И даже сейчас один из них подхватывает за другим.

Но перед тем как сказать то, что сказать необходимо, перед тем как открыть рот и выпустить оттуда будущее, к добру или к худу, Джордж запнулся на секунду, охваченный чувством утраты, чувством одиночества. Внезапным сомнением, делает он шаг к цели — или прочь от нее, потому что в этом деле, в любом искусстве фактически, успех — это всегда удар молнии. Да, он не пропадет, работая разъездным представителем по продаже аппаратуры. Он отлично изучит продукт, он с первого взгляда будет знать, что нужно клиенту. Но хватит ли ему этого? Не проснется ли он среди ночи как-нибудь, сорокалетний, слушая тиканье часов и думая только: «Если бы я тогда выдержал...»

Потому что в этих дремучих зарослях, где розы совсем рядом — и никак не достать, есть самая острая колючка, и все пассажиры «Жестянки» знают ее. Это неотвязная мысль: сколько лет ты будешь отдавать жизнь мечте, пока эта мечта не съест твою жизнь?

— Да ничего особенного, — начал он, хотя собирался сказать другое, но как-то растерялся. Джон Чарльз смотрел на него из-под очков — таким взглядом дыры свер-

лить в бетоне. Все молчали, ожидая продолжения. — Я в смысле...

В каком смысле, он сам не знал. «Жестянку» занесло на левую полосу, он выправил машину.

— Слишком долго я уже этим занимаюсь, — начал он снова и снова смешался. Но теперь колеса его слушались, машина лежала на курсе. — Я последний раз на дороге. Я Джону сказал, вот сейчас, в ресторане. Я выхожу из игры. — Вот это оно и было, признание... чего? Стыда или решительности? — Я нашел работу. То есть *новую* работу. Предлагают, если хочу, а я хочу. В Чикаго.

Он быстро глянул в зеркало и увидел, что все на него смотрят, кроме Берк, мрачно отвернувшейся к окну. Он понимал, что видит сейчас перед собой не одну, а пару десятков групп. Один только Майк играл басистом в шести группах, почти все высококлассные — профессиональные ребята, занимающиеся своим делом, но одна из них — «Beelzefudd» — демонстрировала вспышки гениальности и открывала выступление Элиса Купера в 2002 году. Джордж подумал, что кто-кто, а эти ребята свой вступительный взнос выплатили. Выплатили в таких группах, как «Simple Truth», «Jake Money», «The Black Roses», «Garden Of Joe», «Wrek», «Dillon», «The Venomaires», «The Wang Danglers», «Satellite Eight», «Strobe», «The Blessed Hours», и другие, и прочие. И благодаря этому долгому опыту они слишком хорошо знали — как и он, — что люди приходят и уходят, уходят из-за выгорания, фрустрации, измотанности, наркомании, смерти, да чего угодно. От жизни, выведенной на полное усиление.

Он им рассказал про кузена Джеффа, про его фирму «Аудио эдвэнсез», про свои намерения. Они молчали.

— Но я вам скажу, как Джону сказал, — добавил он, — я с корабля не сбегаю. — Как-то не так прозвучало, и он

начал снова: — Я не уйду, пока не кончится турне, о'кей? И даже потом останусь, пока Эш не найдет замену.

Он надеялся, что сможет выполнить этот обет, потому что на работу в Чикаго должен будет выходить в середине сентября. Эш — это был Эшваттхама Валлам-пати, агент из «АРЧ» (Агентство Роджера Честера) в Остине.

— Ну, черт... — сказал Майк, когда Джордж замолчал. Сказал без нажима, выразил удивление от неожиданности, а не мнение.

— Слушай, я же хотел вам сказать, только уже потом, на дороге. Не собирался же я в последний момент выкладывать.

— Ты в этом уверен? — спросила Берк, не отворачиваясь от окна.

— Уверен. Я хочу, чтобы турне получилось. Понимаешь? Не стал бы я иначе так пробивать это видео.

Джордж покосился посмотреть на реакцию Джона, но Кочевник глядел прямо перед собой, на разворачивающуюся ленту дороги.

Он решил не помогать Джорджу, но и не гнобить его. Джордж сделал выбор — теперь ему с этим выбором жить.

Снова воцарилось молчание, которое прервал на этот раз Майк:

— Вроде как вполне разумный план. Я тебе желаю удачи, брат.

— Аналогично, — добавил Терри.

Джордж испытал такое облегчение, что чуть не повернулся к ним сказать спасибо, но так как справа как раз стоял припаркованный «краун-виктория» полиции штата Техас, замеряя скорость проезжающих машин, Джордж подумал, что это не в интересах группы.

— Спасибо, ребята, — сказал он. — Серьезно.

— Ты не прав, Джордж, — вдруг проговорила Ариэль, и прохладная чистота ее голоса проколола пузырь его обретенного спокойствия.

— В чем это?

— Что у тебя ничего нет. У тебя есть «Жестянка». А еще — мы.

— Ну, это да. Что есть, то есть.

— Ага, и мы приедем в Чикаго и будем жить у тебя, — сказал Майк, и Джордж увидел в зеркале, как он криво улыбнулся. — Заведи себе дом с большим подвалом.

— Домашний театр с конфетной лавкой, — предложил Терри.

— И автомат для поп-корна, — добавила Ариэль.

— И автомат для свертывания косяка, — подхватил Майк. — Нам придется тебя навещать, друг, потому что иначе ты за пару месяцев начисто забудешь, что мы вообще были.

— И еще, — сказала Ариэль, — это не значит, что ты не сможешь вернуться, если захочешь. Я в том смысле, что если у тебя... ну, не все получится, как хотелось, ты же сможешь вернуться. Правда, Джон?

Кочевник хотел сказать: «Вы меня не впутывайте», но подумал несколько секунд и ответил:

— Наверное, не как *наш* менеджер. К тому времени Эш нам кого-нибудь другого найдет. Я не хочу сказать, что никак нельзя будет это устроить, но... кто знает? — Ариэль, наверное, ждала не такого ответа, потому что ничего не сказала. — Но конечно, Джордж сможет вернуться в игру, — добавил Кочевник.

Он считал, что обязан расставить все точки над *i*, чтобы нависшая туча, которую он над собой ощущал, не пролилась на всех остальных. В конце концов, он же в этой группе *лидер* и должен действовать как лидер. Привести народ в чувство.

— А вообще мы сейчас вставляем телегу впереди лошади, нет?

— *Впрягаем*, — поправила Ариэль.

— Без разницы. Джордж еще не ушел, у нас впереди турне, на руках отличное видео и песня для промоушн, и впереди еще всякое может быть. Из чего и будем исходить, да?

— Он так и сказал, — подтвердил Майк.

— Да, — ответила Ариэль.

От Берк ответа не было. Кочевник оглянулся и увидел, что она свернулась на сиденье, привалившись головой к бронзово-коричневой подушке и закрыв глаза.

— Берк? — спросил он.

— Чего?

Она даже не дала себе труда открыть глаза.

— Ничего сказать не хочешь?

— Подожду до письменного экзамена.

Кочевник знал, что нет смысла от нее добиваться мнения. Если уж она решила слиться, то уходит глубоко. Закрыв глаза, Берк погрузилась в мир, куда никто за ней не в силах был последовать. Слово «одиночка» придумали, имея в виду Берк, и Кочевник уважал это ее умение уходить в себя. Каждому нужно личное пространство. Только у Берк оно, кажется, очень уж пустое.

Дорога тянулась среди огороженных полей различной степени желтизны, с попадавшимися время от времени скелетами деревьев и редкими домами с сараями вдали. Маршрут вел «Жестянку» мимо городков Джаррена, Прейри-Делл, Саладо и Мидуэй, через большой город Темпл и в Уэйко. Небо нависло горячее и светлое, волны жара поднимались от асфальта, над дохлыми броненосцами кружили вороны, спешившие спикировать за очередным куском падали, пока очередная фура не размазала трапезу по дороге.

— У меня есть что сказать, — объявил Терри за три мили до съезда на Прейри-Делл.

Кочевник обернулся к нему. В голосе Терри прозвучала непривычная нотка напора. Не похоже это на него. Он может, конечно, заводиться, но обычно спокоен и выдержан, в речи точен, как в музыке.

Терри поправил круглые очки, сдвинул их пальцем вверх на переносицу. Кондиционер работал исправно, но на лице у Терри выступил пот, и круглые щеки («как у бурндука», говорила Ариэль) покрылись красными пятнами. Светло-карие глаза, слегка увеличенные стеклами, казались еще больше, и бритый череп поблескивал проступающей испариной.

Первая мысль у Кочевника была такая, что у Терри сердечный приступ — но нет, Терри был во вполне приличной форме, если не считать некоторой пухлости и начинающегося брюшка, и ему всего двадцать семь. И все же видеть его в таком расстройстве Кочевнику было тревожно. Он снял очки и хрипловатым от волнения голосом спросил:

— Терри, ты чего это?

— Да нет, ничего. Нормально. Просто не хочу... Не хочу, чтобы ты на меня психанул.

— С чего бы мне?

— Потому что, — ответил Терри и быстро заморгал, будто боялся удара, — потому что я тоже ухожу из группы. После турне.

Сидевшая за ним Берк открыла глаза и села прямо. Потянулась к Майку — он отключился от мира, слушая мелодии на айпode в случайном порядке, — и вытащила ближайший наушник. Майк обернулся, хмурясь, и начал было: «Какого...» — но Берк смотрела на переднее сиденье, и он понял, что без серьезной причины она бы его не стала тревожить.

— Бог ты мой! — выдохнула Ариэль. — Отчего?

Джордж глянул в зеркало заднего вида на Терри, но не сказал ни слова. Он понял, что это его откровенность заставила Терри тоже открыться и потому ему лучше сейчас помолчать.

А у Терри вид был страдальческий. Он перед тем, как заговорить снова, всматривался в глаза Кочевника, ища там красное пламя ярости.

— Я вчера хотел сказать, ребята. После концерта. Но так... так мы хорошо выступили, и все вы на таком были подъеме, и я... я решил подождать. Но клянусь, я собирался сказать до того, как...

— Ты про что это вообще? Ты спятил, на хрен?!

Голос Кочевника скрежетал яростью, но в душе он был просто испуган. Если от «The Five» исходила аура ретро-рок-фолк — как утверждали рекламные материалы «АРЧ», — то компонент ретро создавал Терри Спитценхем. Он был клавишник, умом живущий в две тысячи восьмом году, а сердцем — в середине шестидесятых, и он горько сокрушался, что не жил тогда. Особенно он восторгался органами звуками той эпохи, выворачивающим душу рокотом «ВЗ», высоким причитанием «фарфисы», суровым рычанием «Вокса» и всеми их тысячами различных голосов. В этом турне он играл на «Хаммонде ХВ-2» и «Роланде JV-80» со звуковой картой «тоунвил» и таскал с собой саундбокс «Воче» и кучу блоков эффектов, чтобы создавать любой звук, который только можно придумать. В руках у Терри инструмент мог орать, вопить, рычать или всхлипывать, как требовала песня. Терри умел наполнять зал невероятной дрожью пульса или создавать тихий фон издевательского смешка. Кочевник не мог себе представить «The Five» без клавишной партии Терри, без его четко выделяющегося стиля, без его движущей энергии. Это ж, блин, просто немыслимо. Пришлось сделать

резкий вдох, потому что вдруг показалось, будто в салоне не осталось ни капли кислорода.

— Нет, — сказал он, когда слова вернулись. — Тебе нельзя, ни за что нельзя.

— Можно, я объясню?

— Нельзя тебе, никак нельзя, — повторил Кочевник. — Не будет тебя — не будет группы.

— Это не так. — Терри говорил, тщательно подбирая слова, пробуя их на язык, чтобы не было острых углов. Подмышки пестрой рубашки, одной из его винтажного гардероба, потемнели. — Не будет меня — группа *переменится*. Можно, я объясню? Пожалуйста.

— Да, хотелось бы услышать, — сказала Берк. — Ты тоже в бизнес уходишь к кузену Джорджа? Может, блин, *мне* стать представителем в Калифорнии? Скажите только, где расписываться.

— Заткнись и дай ему сказать! — бросил ей Майк, и она, возмущенно фыркнув, снова развалилась на сиденье.

Терри посмотрел на Ариэль, в ее расширенные, потрясенные темные глаза.

— Боже мой! — сказал Терри с нервным смешком, исказившим углы стянутых губ. — Я никого не убил. Я принял решение, только и всего.

— Решение убить группу? — возразила ему Берк.

— Решение, — ответил Терри, не сводя глаз с Кочевника, — создать собственное дело. — Никто ничего не сказал, и он повел дальше: — Не свою группу, если вы про это подумали. Мне нужен перерыв от всего этого. Я в этом деле давно, Джон. Ты же знаешь.

Кочевник знал. Терри был с ним вместе в «Venomaires» больше года — суровый период, — потом уже три года в «The Five». Он пережил прошлым летом развод, который давил на него свинцом в турне по юго-востоку, и корот-

кий флирт с оксиконтином, пока товарищи по группе не помогли ему завязать с этим опасным увлечением.

Глядя в лицо Терри, Кочевник подумал, что вот так же может выглядеть его лицо. Или Майка, или Джорджа, или Берк, или — если отвлечься от румянца молодой свежести — Ариэль. Все они устали. Это была не физическая усталость — у них еще хватит сил тянуть этот плуг, и они будут делать свою работу, и делать ее профессионально, но усталость мозговая. Усталость души, рожденная смертью ожиданий. Столько вокруг групп, столько групп. И столько среди них *хороших*, которые никогда не дают передышки. Сейчас каждый может записать диск на портативных восьми- или двенадцатидорожечных устройствах, всякий может выложить дурацкое видео на YouTube, сделать для своих творений страницу на MySpace. Так много вокруг *шума* — как добиться, чтобы тебя *слушали*? Не просто включили в плей-лист очередным шумом, но *слушали*, чтобы отложили свои телефоны и отключили лихорадочное бормотание мира, а тебя — слушали? И *слышали*? Но столько шума, столько треска вокруг, столько музыки — и хорошей, и плохой, и все это в эфире, но такая музыка только для одного годится — крутить ее, закольцованную, тихим фоном в лифте или в магазине.

— Можно мне объяснить? — повторил Терри.

Кочевник кивнул.

— Я хочу заняться старыми инструментами. У меня кое-что отложено на это, и отец говорит, что даст мне ссуду.

По торопливой, взхлеб, речи Терри, по слышному в голосе облегчению от сказанного Кочевник понял, что друг давно уже вынашивал это решение. Сперва оно было как мелькнувшая мысль, еще когда они играли в «Venomaires». Эта мысль развивалась, крепла, отращивала крылья и целеустремленность — и теперь выросла достаточно, чтобы унести с собой Терри.

А Терри продолжал говорить, радуясь возможности наконец-то облегчить душу. Его план, говорил он, в том, чтобы вернуться домой, в Оклахома-Сити. И там заняться этим делом — покупать инструменты в любом состоянии: винтажные органы «Хаммонд» во всех вариациях, «фарфисы», пианино «Родес», клавиши «Хохнер», «Джемы», «Кастомы», «Кордовоксы», «Элки» и «Эйстоны», линии «Дорик» и «Экосоник», и прочих древних и гордых воинов — и возвращать их к жизни. У него почти по всем уже есть инструкции, говорил он, и он сам отлично умеет восстанавливать винтажные инструменты собственной коллекции. Он может починить вообще все, что в руки попадет, а если какие-то запчасти не найдутся, может сам их сделать. Старые клавишные, говорил он, теперь мечта коллекционеров. Они — вымирающий вид, и почти все их модели исчезли, когда началось победное шествие диско. Но есть сейчас люди, желающие найти инструменты, на которых играли в юности в гаражных оркестрах, или починить те, что плесневеют в подвале. И он уже слышит некоторые из них в новых песнях. Он наверняка сможет создать в интернете поисковую службу для музыкантов или коллекционеров, которым нужны какие-то конкретные клавиши. Надо еще кое-какие детали продумать, но он считает, что начало будет хорошее.

Когда Терри закончил прокладывать свой будущий курс, Кочевник не знал, что сказать. Впереди справа висел рекламный плакат — они подъезжали к окраинам Темпля. На плакате был изображен мужчина латиноамериканской наружности, с серебристыми усами и густыми серебристыми бакенбардами, одетый в черную ковбойскую шляпу, черный смокинг, черную рубашку с кружевами и черный галстук с бирюзовой булавкой, и он улыбался, показывая на надпись: «Хорошие парни не всегда в белом». Над головой у него красным было напи-

сано: «Феликс Гого Тойота», а рядом — «Темпль... Уэйко... Форт-Уорз... Даллас». Под этой перенаселенной рекламой были слова: «Входи пешком — выезжай на машине!»

— Ну? — спросил Терри с напором. — Что скажете?

Кочевник не ответил. Он думал о том, как же много есть у группы способов погибнуть.

Ему довелось видеть их почти все. Война самолюбий, вдруг вспыхивающая пожаром, вялотекущее недовольство, накапливающееся со временем, резкая вспышка гнева, скрывающего опустошенность, тяжелый громкий хлопок дверью, потасовка на автостоянке, взрыв на сцене, уход с репетиции, обвинения в предательстве — такие же резкие, как предсмертные судороги издыхающего брака, орущее молчание, гитара, летящая через весь номер мотеля, как брошенный серп, кулак в стену и сложенные пальцы, «Черная смола» и «пыль стервятника», «ТВЭК» и «шизнит», «ню-джек-свинг» и прочие комбинации героина, крэка, метамфетаминов и всего, что можно сварить, скурить, вдохнуть или вколоть.

Нет ничего красивого в этом зрелище — смерть группы.

Он смотрел вперед невидящими глазами, и ему казалось, что он смотрит в бездну. Конечно, можно продолжать и без Терри. Можно будет найти другого клавишника — *если* они будут продолжать. Но Терри давал звук, неотъемлемый от имени «The Five», от резкой и грубой закрутки психоделических цветов до темных блюзовых стонов, по-своему оттенявших собственный резкий, пропитой и прокуренный голос Кочевника. Конечно, можно жить дальше и без Терри, но ни с каким другим клавишником это уже не будет «The Five». Другой оркестр, другая группа, но не «The Five».

И Кочевник понимал, что эту смерть он будет оплакивать — и больше, чем любую другую. Когда работали

на всех парах, «The Five» была ясной, сплоченной, и у каждого свое место. У каждого своя работа, и делали ее все профессионально. С гордостью. И хотя жизнь была трудна, и денег не столько было, чтобы об этом упоминать, концерты были подъемом. Ничто не сравнится с тем мигом, когда нащупал колею, ощущаешь энергию зала и жар юпитеров и электрический пульс минуты. Это было настоящее. Но более того, Кочевник думал тогда — надеялся, — что «The Five» проложит себе путь сквозь стену, что именно эта группа из всех, в которых он играл, пробьется в звукозапись. Найдет денежных людей, умеющих продвигать, имеющих контакты и открытые двери.

Джонни, сказал где-то внутри очень знакомый голос, здесь дорожной карты нет.

Он все еще видел эту кривую усмешку на лице отца, эти синие глаза, горящие, как полночный неон на Билстрит.

— Ладно, — сказал Терри. — Только не говорите все сразу.

Кочевник знал, что говорит ему это молчание. Все думали об одном и том же: после этого тура, когда они проедут на запад через Аризону в Калифорнию и вернутся через Нью-Мексико для последнего выступления в Остине шестнадцатого августа — до чего уже чуть меньше месяца, — «The Five» перестанет существовать.

— Вы же можете кого-нибудь найти на мое место. — Терри показал, что умеет читать мысли, если это необходимо. — Я же не один-единственный.

— Не могу поверить. — Голос Ариэль звучал еще тихо от потрясения.

— Я вам могу пять-шесть клавишников назвать прямо сейчас, — продолжал Терри, неловко поерзав на сиденье. — Это не конец группе.

Джордж издал неясный звук, что-то среднее между вздохом и хмыканьем, и услышал его только Кочевник.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Кочевник резко, чем намеревался, но Джордж только покачал головой и еще внимательнее стал следить за дорогой.

— Колоссальная лужа кипящего дерьма, через которую нам теперь вброд перебираться, — сказала Берк, и если кто-нибудь мог высказаться саркастичнее Кочевника, то первое место было бы за ней. — Охрененно колоссальная.

— Не надо грязи, — повернулся к ней Терри. — Меня *можно* заменить. Да вообще *никого* нет, кого нельзя было бы заменить.

— И что ты будешь делать, когда тебе надоест вытаскивать паутину из старых пластиковых клавиш? Устроишь концерт в баре местной гостиницы? Выставишь чашку для подаяния, вложив туда пятерку? Станешь играть по заказу Билли Джоэла?

— Билли Джоэла не трожь, — предупредил Терри.

— Я *тебя* трогаю. Ты думаешь, можешь бросить музыку и быть доволен?

— Я не бросаю. Я...

— Репозиционируешь жизнь, — сказал Майк, и Терри замолчал, потому что так это звучало хорошо — уж лучше, чем он мог бы сейчас найти слово. — Ну да, я понял. — Майк кивнул, потер подбородок. На костяшках сверкнули извитые татуировки. — Репозиционируешь. Как мне сдается, каждый должен время от времени такое делать. Встряхнуть все и посмотреть, как фишка ляжет.

Берк нахмурилась и хотела ему что-то сказать и, может, сказала бы что-то вроде «Да хрен ли ты в этом понимаешь?», но Майк Дэвис в репозиционировании понимал чертовски много, и она промолчала.

Кочевник подумал, что в любой группе на каждую яркую звезду — склочного кретина — приходится дюжина Майков Дэвисов. Крепкий мужик, работник. Человек, который, когда играет, выходит из-под прожектора, потому что пылающего света не любит. Майку тридцать три, рост пять десять, но он некрупный — на самом деле тощий — и выглядит так, что хочется его покормить как следует, хотя ест он, как медведь гризли после спячки. Крутой, битый жизнью, жилистый, всем своим видом говорящий: «Не трожь меня или голову оторву на фиг и кадку для цветка из нее сделаю». На глазах у Кочевника Майк поглядел на троицу безбашенных поддатых футболистов из Теннессийского университета — в каком-то заштатном клубе в Ноксвилле было дело, — и что-то проскочило между Майком и этими разошедшимися ребятами, сигнал об опасности, информация на животном уровне, и парни отступили, не успев совершить очень серьезной ошибки. Может, дело в длинном клюве вместо носа, в бетонном подбородке с вечной щетиной, в темно-карих глазах, глубоко сидящих в резном лице и обычно не выражающих никаких эмоций. В покер в дороге он почти всегда выигрывал — на лице у него можно было прочесть не больше, чем у краба. Длинные каштановые волосы начинали седеть на висках. Можно сказать — вполне оправданно, учитывая, через что ему пришлось пройти. Шесть групп, о которых знал Кочевник, и еще, наверное, парочка, о которых Майк не давал себе труда упоминать. Две бывших жены, одна в Нэшвилле, другая с их общей шестилетней дочерью в Ковингтоне, Луизиана. И родной город Майка как раз по дороге оттуда — он родился в Богалусе рано утром на Рождество семьдесят четвертого года. Разной бывала его жизнь, только святой не была.

Первым делом бросались в глаза татуировки на бицепсах, и они либо пугали до смерти и заставляли держаться подальше, либо завораживали и манили подойти — если осмелишься. Майк ходил в безрукавке, выставляя руки напоказ. На закрутлении правого плеча красовался всплывающий из океана Моби Дик, а на левом — веснушчатая физиономия улыбающегося мальчишки. Майк говорил, что это его старший брат Уэйн, погибший на лесопилке восемнадцать лет назад. И первый его товарищ по группе. Играл на убогом «Фендер телекастере», говорил Майк. Голубой огонь, как резной алмаз, — «телекастер», не брат. И он, «телекастер», тоже был тут изображен, изогнутый, как разозленный галстук-бабочка.

Кочевник всегда считал, что человек носит в себе свой мир. То, что он испытал, перевидал или перечувствовал, все свои радости и скорби, все, что не может в точности повторить никто другой, и поэтому мир у каждого свой. В случае Майка различные татуировщики — не меньше полудюжины и с контрастно различающимися стилями — изобразили его мир у него на руках. От плеча до кисти сверкали разноцветные чернила ярких тонов: лица мужчин и женщин, переведенные с фотографий, крутые или раздолбанные машины, «пикапы пикаперов», как называл их сам Майк, даты, которые что-то для него значили, где бутылка виски, где дымящийся косяк, тюремная решетка, длинная сельская дорога, плюющий огнем череп, топоры бас-гитар, которые он любил, или терял, или закладывал, белый пес, черный пес, дьявол, ангел, лицо его маленькой Сары, названия групп, которые ему хотелось запомнить («The Five», конечно же, входила), изречения вроде «Доверие надо заслужить» и «Живи, пока жив» — и все, что происходило от прошлого к настоящему, от плеч до кистей. Все это, разумеется, на фоне фантазматической темно-синей звездной бездны, где среди кар-

тин блуждали огненно-красные и ярко-желтые кометы. Кочевник подумал (как наверняка уже думал и Майк), что кончается свободное место.

Моби Дик? Первая прочитанная Майком книга, которая ему понравилась. Он даже украл ее в публичной библиотеке Богалусы, когда библиотекарь ему сказал, что ему еще рано такое читать. И он очень болел за белого кита и хотел, чтобы тот снова жил.

— Верно, — сказал Терри, когда решил, что можно уже говорить. Обращался он прямо к Майку. — Именно репозиционирую.

— А чего бы нам не остановиться и не репозиционировать твою задницу на обочину прямо сейчас? — спросила Берк в совершенно очаровательной манере.

— Потому что, — ответил он с большим достоинством, — я в игре, как вот Джордж. На это турне. Я буду делать то, что делал всегда. И никто не скажет, что я стал работать спустя рукава, не сомневайся.

— Не могу поверить. Не могу поверить, — повторяла Ариэль, и Кочевник подумал, что никогда не слышал у нее такой страдальческой интонации. — Когда ты уйдешь, Терри, кончится все. Никто тебя заменить не сможет, кто бы он ни был.

— Ну, не знаю, — начал Джордж. — Есть же...

— Мне кажется, тебе лучше бы заткнуться, — перебил Кочевник, и Джордж замолчал.

— Вот объясни ты ему, блин, — попросила Берк.

— И ты свой вулкан с левой заткни тряпкой! — огрызнулся Кочевник.

— Ура-ура, радость-радость! — засмеялся Майк смехом могильщика. — Живем мгновением, братья!

Кочевник приложил пальцы к вискам и сполз по сиденью вниз. Кондиционер тарахтел как бешеный, но *работал* ли? Кочевник приложил руку к отверстию трубы —

слабое дуновение прохладного воздуха, но не холодного. Да готовил ли Джордж вообще «Жестянку» к дороге на прошлой неделе, как должен был? Вот этот низкий скрежещущий шум — как если взять аккорд ми минор на дешевой сингапурской гитаре, — вроде бы набирает громкости и всех с ума сведет, пока машина доберется до Уэйко. Уже эта собака Джордж начал халтурить, а ведь только-только выехали.

— Так что, — спросил Терри дрогнувшим голосом, — все сейчас меня ненавидят?

Да, то еще турне намечается.

Последнее в таком составе. Может быть, последнее турне с кем-либо из них вместе, потому что как только начинает распадаться группа, император оказывается голым в ноль минут.

Штука в том, что император — это он. Он никогда не просил этой чести, не хотел ее. Но так получилось.

Он понял, слушая шум приборной доски и ощущая спиной гнетущее молчание, что такая хрень может развалить группу еще до того, как этот уик-энд кончится. В лучшем случае их будет сильно штормить. И что он может сделать вот сейчас — вот прямо в эту блядскую минуту, — чтобы они увидели, что он все еще император, а «The Five» — все еще группа и будет ею, пока он не скажет, что уже нет?

В гуще хаоса мелькнула мысль, и Кочевник за нее ухватился.

* * *

— Да никто тебя не ненавидит. Казалось бы, я должен, но тоже нет. По-моему, всякий должен делать то, что считает правильным. И еще я думаю, что мы должны написать новую песню.

Все промолчали.

— Новую песню, — повторил Кочевник и обернулся оценить реакцию.

Берк сидела с закрытыми глазами, Майк бессмысленно смотрел в окно, Терри подолом рубашки протирал очки. Слушала только Ариэль.

— О чем?

— Не знаю. Просто новую.

— Но в чем идея?

— Да нет никакой идеи. Написать новую песню — и все.

— Хм... — Ариэль нахмурилась. — В смысле — вот с потолка взять?

— Нет.

Кочевник понял ее вопрос, потому что они не так работали. Большая часть оригинальных песен, которые исполняла «The Five», — мелодии вроде «Отпускай», «Парад страданий», «Не нужно мне твое сочувствие», «Очередной» или «Бледное эхо» — были написаны совместно Кочевником и Ариэль. Кое-что еще написал Терри — и в одиночку, и с каждым из двух ведущих певцов. Но обычно они работали так: Кочевник или Ариэль придумывали идею и начинали ее вертеть вдвоем, и она могла к чему-нибудь привести, а могла застрять и сдохнуть. Когда песню пишешь, никогда наперед не знаешь. У других тоже могли спрашивать мнения насчет темпа или тональности, или Терри сам предлагал аккомпанемент или соло на клавишах. Майк быстро придумывал оригинальную партию бас-гитары, прокручивал несколько вариаций и выбирал, которую предложить. Берк предлагала основной ритм, завитушки и украшения и иногда давала то, что от нее просят, а бывало, что взбрыкивала и уходила в неожиданную сторону. Но как бы ни получалось дело — а иногда трудно было понять, как именно оно получа-

лось, — в результате появлялась песня для выступления, хотя от начала процесса и до конца могла пройти пара дней, а могла и пара-тройка месяцев.

— Не с потолка, — продолжал Кочевник. — Я хочу, чтобы все на эту тему подумали. Объединим головы.

— Это мы-то объединим головы? — Берк прервала свой демонстративный сон. — И что значит — «все»?

— То и значит. Мы все должны работать над новой песней. Вместе. Не только мы с Ариэль, а вся группа. Начать, может, стоит с текста. Каждый пишет несколько строчек.

Густые брови Майка взлетели вверх.

— Как ты сказал?

— Сказал, что каждый внесет свой вклад в текст. Слишком сложная мысль?

— Для меня — да, — ответил Майк. — Я вот ни хрена не поэт. Строчки в жизни не написал.

— И я тоже, — поддержала его Берк. — Не моя это работа.

— Можно мне сказать? — спросил Джордж и в наступившей паузе продолжил: — Мне эта мысль кажется хорошей. В смысле — отчего бы и не попробовать?

— Рад, что ты так думаешь, — кивнул Кочевник. — Потому что ты тоже будешь участвовать.

— Я? Да брось ты. Если в этом мире кто и не умеет писать песни, так это я.

— А ты пробовал?

— Нет, и как раз потому, что *не могу*. Я кое-как знаю, что такое *звук*, но такого немзыкального, как я, еще поискать.

— Но ты же сам сказал: отчего не попробовать хотя бы?

Джордж не успел ответить, как Берк сказала:

— Ладно, до нас дошло. — В ее голосе звучали снизводительные нотки, от которых Кочевнику подумалось:

а не надо ли было давно уже дать ей по морде и на этом покончить? — Ты ищешь что-то такое, что удержит нас вместе? И чтобы все мысли были только о турне? Типа занять душу работой или что-то в этом роде?

— Может быть. — Горло сдавило спазмом, как бывало при аллергической реакции, из-за которой он всегда держался подальше от всех молочных продуктов. — А может быть, людям полезно давать голове работу.

— Попробовать можно, брат, — согласился Майк, — но я свои пределы знаю.

— И я тоже, — кивнула Берк. — И это не заставит меня забыть. Послушай, если даже мы все сядем вокруг костра и сочиним новую «Кумбайю»*, все равно будем знать, что дело кончено. Я имею в виду — всерьез. Без Джорджа и без Терри мы уже будем не те. Да, можем найти другого разъездного менеджера и устроить прослушивание для нового клавишника, но...

Она замолчала на секунду, и в этот миг нерешительности Кочевник подумал, что видит страдание, искажившее ее черты, как рябь на темном пруду, скрывающем свои тайны в темной воде. Потом рябь исчезла, оставив у Кочевника уверенность, что не он один уже начал оплакивать эту смерть.

— Но ничего не выйдет, — спокойно договорила Берк и посмотрела на Кочевника с грустью в шоколадных глазах. А по контрасту с этой печалью промелькнула на губах быстрая и злая улыбка. Кочевник подумал, что она разрывается внутри, как и он, и не знает, рыдать или ругаться. Но Берк есть Берк, и перед тем, как отвести глаза, она сказала: — Ну и хрен с ним.

---

* Кумбайя (искаженное *come by here*) — народная песня, традиционно распеваемая у костра. Известна в исполнении Джоан Баез

Глава третья

Вот только что они были не пойми где — и вдруг оказались именно там, где должны были быть.

* * *

— Здесь, наверное, — сказал Джордж, сворачивая на парковку с Чайна-Спринг-роуд и волоча за собой трейлер. «Жестянка» миновала тоскливый ландшафт к северу от озера Уэйко, проехала аэропорт, окруженный порыжевшими полями и ржавеющими складами. Феликс Гого в электронном письме велел Джорджу искать желто-красный фургон «Дельгадо кейбл», и вот он показался, этот фургон, рядом с блестящим «лендкрузером», в котором солнце отражалось, как в пылающем зеркале.

— Осторожно, стекла, — предупредил Терри.

На потрескавшемся от жары бетоне блеснули неровные осколки и валялись разбитые бутылки из-под пива. Попад под колесо, такая розочка не только грохнула бы, как придорожная иракская мина, но могла бы и сильно испортить поездку.

— Ну и ну. — Берк явно не понравилась обстановка. — Я думала, мы едем в *студию*.

— Будем надеяться, он знает что делает.

Джордж припарковал «Жестянку» рядом с шикарной «тойотой». Он представил себе, как красавец «лендкрузер» на автомобильном языке высокомерно говорит его фургону: «Вы вообще слышали о таком понятии, как мойка?»

Заглушив мотор, Джордж поставил рычаг в парковочное положение и вытянул ручной тормоз, потом, не вставая с места, посмотрел на строение, которое могло быть придорожным магазином, пока на него не рухнул метеор размером с товарный поезд.

Кочевник подумал, что в здание врезался самолет, промахнувшись мимо посадочной полосы. Почерневшие стены свидетельствовали о пожаре. Окна ввалились внутрь, металлическая крыша местами просела. Там и сям на уцелевших секциях серого шлакоблока виднелись сложные завитки знаков разных банд. Похоже, две банды дрались за эту территорию, и ни одной не удалось взять верх. Потом он сообразил, что здание вообще не было достроено, потому что рядом стояли два заброшенных передвижных туалета, а еще дальше, где вскипала густая чаща, валялись обломки бывшей бетономешалки. Рядом с ней — штабель старых шин, несколько битых мусорных ящиков, полных горелого дерева. Висели на кустах постирушкой отшельника какие-то тряпки, валялся непонятный мусор.

— Не может быть, чтобы здесь, — сказал Кочевник, но Джордж уже вылезал из машины. В «Жестянку» дохнуло жаром адской печи. А в перекошенных дверях уже стоял сам отшельник. Это был коренастый парень, даже мальчишка, лет девятнадцати-двадцати, латиноамериканской внешности, и одет он был в мешковатые коричневые шорты и белую футболку, промокшую от пота. Руки исчерканы татуировками, череп выбрит, оставлена только черная полоса гребнем на макушке. Кочевник подумал, что этот *чоло* сейчас на них полезет, и тут заметил у него на шее на шнурке фотометр.

— Привет, друг, — сказал этот тип Джорджу. — У нас уже почти все готово.

Он ткнул пальцем себе за спину, показывая на дверь, и пошел дальше к фургону кабельной компании — что-то там достать.

— Н-н-н-ну, о'кей, — сказал Майк, обращаясь в основном к себе. — Давайте делать дело.

Они вылезли из «Жестянки» — тут же хлынул пот изо всех пор. Черные тени людей легли на выжженный бетон. Терри, Майк и Берк вошли в двери вслед за Джорджем, Кочевник остановился подождать Ариэль.

— Осторожнее, — предупредил он, потому что у него под подошвами зловеще хрустнуло битое стекло. Остальные уже скрылись в относительной тьме. Ариэль взяла его за локоть — она осторожно ступала между поблескивающими осколками. Как, блин, в зоне боев, подумал он, и зачем нужно было устраивать встречу здесь, а не в нормальной студии с кондиционером, он, убей, не понимал.

— Послушай, — сказала Ариэль. — А мне твоя идея нравится. Насчет песни. Я думаю, это для всех будет хорошо.

— Ага.

Он ничего на эту тему не говорил с тех пор, как проехали Уэйко.

Она продолжала держать его за руку и не пускала дальше — хотела минуту поговорить.

— У меня в блокноте есть кое-что на эту тему. Так, наброски. Но может, для начала сойдет?

Ариэль со своим блокнотом, украшенным наклеенными стразами в дюжину цветов. Иногда ее идеи песен начинались с одного слова, или с описательной строчки, или с вопроса к себе самой. В блокнот он к ней не заглядывал, но знал, как она работает. Сам он был огневой энергией песни, раскаленной яростью и волей к битве. Она — океанской глубиной, прохладной синей тайной течений, покорностью неотвратимой воле прилива. Он демонстрировал оскал и показывал кулак, она — чуть грустную улыбку и открытую ладонь. Ей было двадцать четыре, родилась она в Манчестере, штат Массачусетс, чуть выше по берегу от Бостона. Пшеничные волосы она носила колечками, ниспадающими на лоб и на плечи,

как героиня викторианских романов, обреченная влюбиться в черствого и грубого мужлана. И одевалась она в том же стиле: блузки с кружевной оторочкой, пышные рукава с кружевами, тонкая вязь кружев на вороте рубашки и на отворотах выдавших виды джинсов. Не то чтобы он хорошо разбирался в викторианских романах, но еще со школьных уроков литературы их ненавидел.

Ариэль была хорошенькая — в староанглийском стиле. Или в ирландском — россыпь веснушек на носу и сливочная бледность кожи наводили на мысль о стране, в честь которой названо зеленое мыло. И пахла она хорошо, этого не отнимешь. Чуть заметный аромат жимолости, когда она проходит мимо или рядом работает. У каждого, конечно, свой запах. От Берк, например, разит упрямством.

Но что особо выделялось у Ариэль Коллиер — не считая того, что она удекает Кочевника на акустической гитаре как хочет, и он это знает, и того, что голос у нее — красивая меццо-сопрановая тесситура (по ее словам, она узнала это, когда родители оплатили ей курс обучения оперному вокалу), — это глаза, которые меняют цвет. В зависимости от освещения и от эмоций они могут меняться от серых до темно-сизых или поблескивать сапфировой синевой, а иногда светиться зеленью морских мелей, где рифы почти под самой поверхностью. Он знал, что в семье она была младшей и любимой, у нее есть старшие брат и сестра — когда-то юрист корпорации в Бостоне, теперь агент в фирме брокеража яхт в Форт-Лодердейле. Отец — из высших руководителей инвестиционной компании. Мать занимается недвижимостью. В этой семье Ариэль была деточкой, но с трудностями — престежками? — жизни бродячего музыканта она знакома не по-детски. Нил Тэпли — руководитель той группы, в которой она была до «The Five», — вел машину по двухполосной дороге к югу от Остина и влетел в заросли дере-

вьев, как сообщила потом полиция, на скорости сто тринадцать миль в час. Это удивило тех, кто знал Нила и его группу «The Blessed Hours», потому что Нил — парень нормальный, если не считать пары нехороших моментов вроде крэка и ростовщиков с Третьей улицы, и никто себе представить не мог, чтобы его старый драндулет «вольво» выдал больше шестидесяти.

Потрясающий был гитарист Нил. Еще один мир сгорел в пламени.

— Ага, — ответил Кочевник. — Надо с чего-то начать.

Но он не был уверен, что они смогут, и сам слышал эту неуверенность. И не был уверен, что идея хороша, если подумать. В чем смысл-то? Но заставить всех думать над новой темой — значило дать задание, на котором можно сосредоточиться, и подтолкнуть к тому, чего они никогда не делали: сложить песню, где слова придуманы всеми, даже теми, кто считал, будто не умеет писать. Это может облегчить мучительное чувство разобщенности, раздражающее группу. И еще одно: в самой глубине души Кочевник надеялся — такая песня будет свидетельством, что «The Five» может выстоять в самый тяжелый час, и Терри решит остаться, и Джордж может найти в себе поэта, каким бы плохим этот поэт ни был, и решить, что он тоже не готов уходить.

Может быть, может статься, может оказаться, если только, при условии...

А, мать твою!

— Дорогу, ребята! — скомандовал техник-латинос.

Кочевник и Ариэль посторонились и пропустили его с бухтой ярко-оранжевого кабеля, банкой краски фирмы «Шеврин-Вильямс» и кистью.

— Вроде поздновато эту помойку отделявать, — заметил Кочевник, но техник даже головы не повернул, и тьма поглотила его.

Кочевник вошел внутрь следом за Ариэль. Перешагнув порог, снял темные очки. Здесь, в прямоугольном зале с бетонным грязным полом, воздух был как в духовке, а на стенах, пестреющих от пробитых — или простреленных — дыр, потому что похоже, будто здесь поработали пистолеты, — тесно от напыленных граффити банд. Мебель отсутствовала. С потолка к полу свешивалась здоровенная труба, как хрен гигантского робота. Будто для акцентировки образа — прилипшие к полу использованные презервативы. В левом углу находился переполненный мусорный ящик, сверху на гряде мусора валялась коробка из-под «Шипли донатс». Отличная комбинация, подумал Кочевник. Сперва отвязная молодежь позанималась сексом, потом подняла сахар крови пончиками и закончила пистолетной оргией.

Справа на полу стоял на ручной тележке портативный генератор «Хонда». Один из самых тихих, мурлычущий, как кот, которого за ухом чешут. От него змеились по полу оранжевые и желтые кабели, которые уходили в другую дверь, расположенную в глубине здания чуть направо.

Из темноты вынырнул Джордж:

— Парни, сюда.

Они вошли в дверь, стараясь не споткнуться о кабели. Эта комната была поменьше размером, но загажена так же. Остальные были уже здесь. У Кочевника зарябило в глазах: снова граффити и пулевые дыры, местами вмятины, будто в сухую штукатурку врезались мачете. В пулевые пробоины в крыше струился солнечный свет, задняя стена, выжженная огнем, сверкала черным блеском. Над ней был приколот большой чистый американский флаг, по всему полу — бычки от сигарет, раздавленные банки из-под пива и прочий мусор, только кое-где расчищено место под штативы для прожекторов, питаемых генератором. Техник подключал принесенный ка-

бель к пластиковому вентилятору в половину человеческого роста, а второй молодой парнишка с каштановой бородой и страдальческим выражением лица, открыв банку с краской, наводил символы банд ярко-красным. На полу стояли две профессиональные видеокамеры со светом и микрофонами, каждая изолирована от мерзости запустения желтой холщовой сумкой с эмблемой «Дельгадо кейбл».

— Давайте побыстрее все сделаем, — сказал человек, повернувший ручку вентилятора в положение «быстро». На смуглой толстой руке сверкнули три перстня с бриллиантами. Струю он направил себе в лицо. — Ни хрена себе теплынь, а?

Ему никто не ответил, и он, глянув из-под полей черной ковбойской шляпы, осмотрел всех, кроме Джорджа, который стоял рядом.

— Я Феликс Гого, — сообщил он. — Но вы же это и так знаете? Видали мою передачу? Видали, конечно, — ответил он сам на свой вопрос. — Кто не видал? Я вам могу назвать цифры, неделю за неделей. Все время они растут. Эти бедолаги спать не могут, тревожатся, аж ручки трясутся. А меня посмотрят — и счастливы. — Он усмехнулся, полыхнув белыми зубами — мечта дантиста. — А ну, amigos*! Сами-то ведь тоже счастливы сейчас?

Счастье, подумала Берк, для разных людей разное. Она увидела блеск его глаз и прочла в них какое-то резкое осуждение. Он отвел глаза, а Берк уставилась на американский флаг на облизанной огнем стене и подумала, чьего же это бога они так оскорбили, что он им устроил такое счастье — сюда привез.

Феликс Гого (которого на самом деле, если верить Эшваттхаме Валлампати, звали Феликс Гоганазаига), один из крупнейших дилеров «Тойоты» в центральном Техасе

---

* друзья (исп.).

и столице штата, воображающий себя Диком Кларком — нет, лучше Райаном Сикрестом — в вечерних шоу кабельного телевидения Техаса и его столицы, — о фотошоппе знал не понаслышке. Он оказался вдвое шире, чем на билбордах. Черное его никак не стройнило — слишком он любил энчилады. Было ему чуть за пятьдесят, и он щеголял густыми серебряными бакенбардами и такими же серебряными усами. Помимо черной ковбойской шляпы, на нем были еще черный смокинг, черная гофрированная рубашка и черный галстук, заколотый треугольной топазовой булавкой. На правом лацкане смокинга — значок с американским флагом. Сверху он был вполне готов к съемке, а нижняя половина была вполне домашнему: джинсовые шорты, серые носки до щиколоток и пара дорогих кроссовок «наик». Ноги слишком тощие для такого массивного парня, отметил Майк. А пузо у Гого было как колесо приличного трактора.

— Можно вопрос?

Джордж в присутствии такой знаменитости держался с некоторой робостью. Что ни говори, а получасовая передача Феликса Гого выходила в одиннадцать часов вечера в пятницу (повтор в субботу днем в четырнадцать тридцать) уже более десяти лет. Она шла по сети «Дельгадо кейбл» в Остине, Темпле, Уэйко и столичном комплексе. Этот человек гонял музыкальные клипы и беседовал с сотнями групп. И интервьюировал таких звезд, как Уильям Шетнер и Дженна Джеймисон, а на YouTube можно найти видео, где как громом пораженная Сандра Баллок смотрит, как перебравший Феликс отплясывает шимми под песню Рода Стюарта «А правда, я сексуальный?». Это было в студии в две тысячи втором году. Тогда «Танцоры Гого» поддерживали настроение в антрактах. Шоумен, яркий персонаж, богач, а главное — человек, по-настоящему довольный собой и жизнью.

— Валяй, Джордж, — ответил Гого с искренним расположением только что обретенного лучшего друга. Очевидно, Джордж либо поговорил с ним по телефону до того, как получил указания маршрута по почте, либо же минуту назад успел пожать ему руку и представиться.

— Я хотел спросить... как получилось, что мы не в студии? В смысле... это ведь...

— Помойка, ага, — согласился Гого. — А главная студия у нас в *Далласе*. Понимаешь, я попросил свою команду надыбать место. Правильное место, как раз чтобы для вашей группы. Для интервью в смысле. Тут планировалась первая стадия офисных зданий, понимаешь? Новое ответвление дороги. Лопнуло дело, и офисный парк тоже накрылся. Потом сюда повадились малолетние шайки. Я хотел найти место, подходящее к вашему видео. Разве не оно? — Джордж не успел ответить, как Гого сказал маляру: — Бенджи, ты давай от низких до высоких штрихом пройдишь, да? Сделаем ближние планы, и ничего из этого не высветится, и задохаться в парах краски тоже ведь не хотим? Накапай малость, пусть будет как кровь.

— Есть, сэр, — ответил Бенджи, послушно водя кистью.

— А еще вот чего: ты тут постер налепи, вон как раз где дыры от пуль, и краски на него плесни. Этак под углом.

Бенджи послушно пошел через комнату, из холщовой сумки вытащил мятый постер «The Five», где лица всех участников были серьезны как смертный грех (музыканта улыбнуться не заставишь, это мгновенная смерть) и посередине красовался черный отпечаток ладони. Кочевник знал, что Эш, посылая Гого видео, приложил медиакит с портретами, биографиями и всей фигней.

— Вот так, под углом, — велел Гого. Бенджи приложил постер к сырой краске, как ему было сказано. — Те-

перь малость испохабь. — Бенджи плеснул на постер каплями красной краски. — Еще раз. Ага, вот так. Искусство для служителей искусства.

— Мы готовы, — сообщил техник с выбритой на темени гривой. Он переставлял прожектора и проверял своим пробником, пока не добился, чтобы все было, как он хочет.

— Значит, сейчас я вам расскажу, как мы это будем делать. — Гого вынул из внутреннего кармана черный платок и вытер со щек искорки пота, хотя ветер от лопастей вентилятора трепал его галстук. — Мы вас сейчас расставим, и я потреплюсь с вами примерно минуту на фоне вот этой стены. — Он показал на заляпанный краской постер и пулевые дыры. — Потом переставим вас сюда, — кивок в сторону государственного флага, высвеченного прожекторами, — и треп еще две минуты. Вот это ваше время, три минуты. На самом деле вы получите даже больше, потому что, если помните, в перебивках между сменой фона мы показываем видео. Джордж, можешь меня представить по-настоящему быстро, нет?

— Эй... можно *мне* кое-что спросить? — начал Кочевник прежде, чем могли начаться какие-то представления. Приглашения он не ждал. Жара, сплошная и колючая, обливала потом каждый дюйм шеи и текла струйками по бокам. Гого удивленно уставился на Кочевника и убрал платок. — Я не уловил, какое отношение у этого места к нашему видео.

— Тогда я объясню, — ответил Гого, не пропустив ни секунды. Голос у него был ровным, лицо таким же пустым, будто энергию он берег для интервью. — Я ваше *видео* смотрел, понятно? Очень технично сделано. Кто вам его снимал?

— Какие-то студенты-кинематографисты из Техасского университета.

— И актеры — студенты?

— Ага, хотя местных актеров мы тоже наняли.

Просто потрясающе, как быстро один видеоролик может сожрать две тысячи долларов, если хочешь, чтобы он выглядел по-настоящему профессиональным: костюмы, реквизит, дымовые шашки, холостые выстрелы, спецэффекты и редакция. К финалу, когда кончилась наличность, Джордж продал старый катушечный магнитофон, который хранил в шкафу, Кочевник выжал досуха счет, на котором накопил деньги покраской домов, Майк загнал на eBay один из своих любимых топоров, Берк дала открытый урок игры на ударных жаждущим тинейджерам в ИМКА на Оуклер-драйв и заработала двадцать баксов, Ариэль несколько дней играла за мелочь на дорожках кампуса Техасского университета, а Терри заработал уроками игры на фортепьяно в епископальном студенческом центре на Двадцать седьмой улице.

— И где снималось? — спросил Гого, все еще не сводя глаз с Кочевника. — Похоже, что в каком-то заброшенном здании, таком же, на хрен, обветшалом, как вот это.

— В многоквартирном доме, — ответил Кочевник, понимая, к чему он клонит. — Превратившемся в наркопритон. За пару дней до того, как подогнули экскаватор с гирей.

— Ну ты понял, да? Я хотел, чтобы интервью были примерно с тем же фоном, что и ролик. Чтобы поострее было. Видишь, я даже нашел пулевые пробоины, так что цените. Отлично смотрятся в кадре, Гектор. Так?

— Ага, muy bueno*, — подтвердил Гектор.

— Ну и ладно. Господи, плавлюсь уже. Джорджи, представляй людей. Кто тут кто?

Джордж наскоро представил группу, потому что Гого хотел побыстрее к делу. Остальных это тоже устраивало,

---

* очень хорошо (исп.).

потому что в тесном помещении потели все и никому не нравилось. Потом Гого сказал: «Готовы», — двое техников подхватили камеры, включили их подсветку и проверили установку громкости на микрофонах. Тихое гудение генератора в соседнем помещении ничего не заглушало, и Кочевник решил, что оно вносит свой вклад в атмосферу.

— О'кей, все встали к стене. Осторожно, краска... как, еще раз, тебя зовут?

— Ариэль.

— Краска мокрая, осторожнее. Оборванец, влево на фут. Чтобы постер был виден. — Майк без единого слова повиновался. — Как оно смотрится?

Последний вопрос был задан операторам, прильнувшим к резиновым наглазникам.

— Длинного сдвинуть направо, — сказал Гектор, и Кочевник переместился. — Ага, вот так. Вроде бы готовы.

— Пошел отсчет, — велел Гого и выключил свой вентилятор.

— Пять... четыре... три... два... один!

— С вами я, — объявил Гого с нажимом, ослепительно улыбаясь прямо в камеру Бенджи, — а со мной группа из Остина «The Five»! Ребята только что начали новое турне и предлагают нам взглянуть на свой новый — с пылу с жару — ролик! Песня называется «Когда ударит гроза». Ролик мы вам запустим через минуту, но сперва — ха-ха! — пара вопросов. — Он повернулся к группе. Камера Бенджи следила за его лицом, а Гектор направил объектив на группу. Кочевник почувствовал, что находится в самом центре яркого света и черных теней. — Гляньте на постер, — говорил Гого. — Гектор, дай крупным планом. — Очевидно, операторы не только снимали, но еще и подыгрывали. — Так вот, мой вопрос: большой палец — это кто из вас?

Несколько секунд оглушительного молчания. *Такого* идиотского вопроса Кочевник еще ни разу не слышал. Секунды шелкали, первая минута уплывала. Он ответил:

— Кто большой — не знаю, но из меня отличный средний.

— Стоп! — скомандовал Гого операторам. Лампы камер потухли. Гого поскреб подбородок и улыбнулся без малейшей теплоты. — Внесу ясность: хозяин здесь я, это понятно? Я добавляю юмора для оживляжа, но никого не вызываю мериться пиписками. И скажу честно: я за вас взялся ради Роджера, он приличный мужик и много мне работы подкидывает. Так что свою фанаберию сохрани для сцены, и все будут довольны. Пошел отсчет, — скомандовал он Гектору.

Снова загорелась лампа камеры.

— Пять... четыре... три... два... один!

— И вот я здесь, прямо тут, где мы находимся, а со мной группа из Остина «The Five». Ребята только что начали новое турне, и их видеоролик «Когда ударит гроза» мы увидим буквально через минуту, но сперва я напомним, чтобы вы не забыли посмотреть наше спецпредложение на уик-энд и проверили, что может сделать для вас Феликс Гого, потому что наши предложения не только на уик-энд, у нас *каждый* день они есть! Пришел пешком — уехал на машине. И помните, друзья мои, что хорошие парни не всегда одеты в белое!

Он говорил прямо в объектив Бенджи, а сейчас посмотрел на группу и сделал преувеличенно изумленное лицо при виде внезапно материализовавшихся у стены залитых светом фигур, похожих на парящих в воздухе духов.

— Вас пятеро! — сказал он клоунским голосом. — Ой, а чего ж я ждал-то?

Он ослабился прямо в камеру, приложил указательный палец к виску, вывесил язык и закачался, как дере-

венский дурачок. Кочевник стиснул зубы и уставился на грязный пол.

Ариэль засмеялась, но нервным смехом. У Терри на лице застыла улыбка. Глаза у него горели, на лбу выступил пот.

— Вы долго искали себе имя? — был следующий вопрос. — Ариэль?

— Нет, — ответила она. — На самом деле нет.

Она почувствовала, как пытается отстраниться от яркого света, но за спиной была мокрая краска.

— Мы прикидывали названия «The Four» или «The Six»*, — вдруг заговорила Берк спокойным и сдержанным голосом, — но почему-то это казалось неправильным.

— Ух ты! — сказал Гого, снова выдавая фантастическую улыбку на камеру. — Кто-то думает, что у меня работа легкая? Смотрите, какие умы сегодня у нас! Ладно, кто-нибудь, ставьте там ролик. Вы его в Ирак ездили снимать?

— Это про войну, — сумел сказать Кочевник.

— Песня называется «Когда ударит гроза», исполняет группа...

Гого поднял руку ладонью наружу, расставив пальцы, и Гектор дал пятерню крупным планом.

— И стоп, — сказал Гого. Сделал пару шагов к вентилятору, снова его включил, вынул из внутреннего кармана черный платок, промокнул лицо, даже не глянув на стоящего в нескольких футах неподалеку Джорджа.

Подняв двойной подбородок, Гого жадно ловил ртом воздух.

— Парни, вы, блин, вообще по телевизору интервью давали когда-нибудь? Простите за откровенность, тупите невероятно. Бенджи, воды мне.

---

* «Четыре» или «Шесть» (англ.).

— Мы не получили минуту полностью, — сказал Кочевник.

— Что?

— Повторяю, — сказал Кочевник. — Мы не получили минуту полностью. — Он вышел вперед, протиснувшись между Ариэль и Терри. Джордж энергично качал головой, предупреждая: не надо. Кочевник остановился, но отступать не собирался. — Вы наше время использовали на рекламу. Так нельзя.

— Боже ты мой, — буркнул Гого, принимая у Бенджи бутылку воды, вынутую из какой-то сумки. Открыл, глотнул, но никому не предложил этого облегчения в жару. — Да вся передача полностью рекламная. Ты как себя называл? Кочевник? Когда будет у тебя на кабельном передача «Шоу Кочевника», будешь делать что хочешь. А пока мы в передаче «Шоу Феликса Гого», и тут я делаю что хочу. Кто будет косячить, или строить из себя дебила, или не оценит юмор, — он пожал плечами, — то дверь вон там. Можем прекратить прямо сейчас. — Он повернулся к Джорджу: — Прекращаем, Джордж? И я пошел автомобилями торговать, а то у меня дело стоит.

Операторы ждали, как повернется дело, и пока проектора не переставляли. Джордж посмотрел на Гого, на Кочевника, опять на Гого, опустил голову.

— Никто не хочет прекращать.

Операторы продолжали ждать. Гого выпил с полбутылки. Потом закрыл ее, торжествуя победу в битве.

— О'кей, — объявил он, и операторы взялись за работу.

Кочевник перехватил взгляд Берк. Она слегка прищурилась, явно спрашивая: «Ты считаешь, что мы должны это проглотить?» Ему этого хотелось ничуть не больше, чем ей, но передача им нужна была. Пусть даже ее пустят слишком поздно, чтобы собрать публику на «Коммон-

Граундс», но и она, и ее субботний повтор приведут людей в «Кертен-клуб» на субботний концерт в Далласе.

— Хотите говорить о своем ролике? — спросил Гого. — Или о своем турне?

— Турне, — ответил Кочевник, быстро переглянувшись с группой.

— Мне все равно. Ролик ваш наберет популярности примерно на уровне сэндвича с кактусом под каловым соусом. Но это мое мнение. Ладно, теперь все встали перед флагом.

Группа выстроилась (как манекены, выставленные для продажи уцененной версии патриотизма, подумал Кочевник), включились прожектора, засветились камеры, прошел обратный отсчет, и Феликс Гого вышел на нужную дорожку, говоря о концерте в «Кертен-клуб» в далласском округе Дип Эллум. Начало в восемь тридцать, другие гвозди программы — «Naugahydes», «Critters», Джина Фейн и «Mudstaynes». Гого спросил Майка про его татуировки, и Майк рассказал историю из своей жизни. Гого спросил Ариэль, давно ли она стала музыкантом, и она сказала, что не помнит времени, когда не слышала бы какой-то музыки и не хотела бы ее записать. У Терри Гого спросил, какую песню он больше всего любит из созданных «The Five», и Терри ответил, что вопрос трудный, но все же две любимых есть, хотя и сильно друг от друга отличаются: скользкая «Эта песня — змея» и жесткая, угловатая «Отчаяние некрасиво», которую иногда группа исполняет на бис. Гого был мухой, порхающей с места на место: чувствуешь, как зачесалось, но от ладони увернется.

Потом Гого обратился прямо к Кочевнику:

— Вы вместе уже три года? Верно? Как получилось, что у вас нет контракта на запись?

Вопрос прозвучал искренне и с неподдельным интересом, но Кочевник понял, что это она и есть — писько-

мерка, и Гого только что сдернул с него джинсы, показывая всем жалкого сморщенного червячка.

За отведенное время Кочевник не мог бы объяснить, что фирма «Дон Ки рекордз» в Нэшвилле всплыла кверху брюхом, не успев выпустить их первый диск. Не мог рассказать, что скользкий их представитель из «Электрик фюжн рекордз» в Лос-Анджелесе был пойман с женой спонсора в горячей ванне и потому вышибли не только его, но и выбранные им группы. Кочевник не мог объяснить в этот радостный момент, что музыкальный бизнес — выжженная земля, а продажи дисков падают из года в год, и за право выживать группы борются концертами, от которых в лучшем случае наберется сотня долларов на раздел, но ведь Гого все это наверняка сам знает, и то, что будет правдой для акул этого бизнеса, прозвучит для платящей публики как «зелен виноград». В любом случае, подумал Кочевник, отчаяние некрасиво.

Он нацепил небрежную улыбку. Пожалуй, ему никогда ничего не было так трудно, как это, настолько оно казалось омерзительно, гнилостно-фальшиво, и сказал он в ответ:

— Мы над этим работаем.

Многие и многие так говорили, уходя с потоком по трубам.

— Ну, удачи вам! — бросил Гого и снова обратился к Терри: — Куда вы после Далласа?

— Будем в пятницу вечером в «Спинхаусе» в Эль-Пасо, двадцать пятого числа. Потом мы...

— Так что ваши фаны могут вас найти в сети? — перебил Гого.

— Ну... да. И у нас еще на MySpace есть страница.

— Ну и отлично. Теперь большое вам спасибо от Гого, что были с нами сегодня, и я *знаю*, что впереди вас ждут великие успехи. — Он осклабился прямо в объектив Бен-

джи. — Кстати, о великом: нет ничего более великого, чем наше специальное предложение на уик-энд. Нет ничего проще, чем прийти к «Феликс Гого Тойота» пешком и уехать на своей машине. Вот прямо сейчас!

Он наставил палец в объектив и сложил губы трубочкой, будто пытаясь поцеловать своего покупателя — точнее, его кошелек.

— Снято, — сказал Гектор.

Лампы камер отключились. Гого снова промокнул лицо платком.

— Закончили, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Сегодня отредактируем. Вечером включите, посмотрите, как вам понравится.

— Мы сегодня вечером работаем, — напомнил ему Кочевник.

— Ловите утром повтор, чего хотите делайте. Мне пофиг.

Техники разбирали аппаратуру. Ариэль, Берк и Майк вышли сразу, как погасли камеры. Гого пошел на выход, вслед за ним Джордж, Терри и Кочевник. Снаружи, на парковке, было лишь на пару градусов прохладнее, чем в душном помещении, но зато здесь хоть ветерком веяло. Гого, разговаривая по телефону, уже стоял возле своего «лендкрузера». Интервью закончено, услуга Роджеру Честеру оказана, и чего тут еще?

— Спасибо, — сказал Джордж, обходя вокруг, чтобы сесть в «Жестянку», но Гого заткнул свободное ухо пальцем и весь ушел в разговор.

— Давно я так не веселилась, — сказала Берк, обращаясь к Ариэль и залезая на сиденье. — С последнего раза — как ботинки себе облевала.

— Ты у меня пробуждаешь аппетит, — сказал Майк. — Кто-нибудь хочет гамбургер? Мы тут на дороге «Макдоналдс» видели.

Кочевник собирался уже сесть, как Гого закрыл телефон и сказал:

— Эй, ты! Кочевник! Подойди на минуточку.

Первым импульсом было показать ему, что он, Кочевник, и правда может быть средним пальцем, и даже два раза, но он сделал несколько шагов в ту сторону, где стоял Гого рядом со своей машиной. Черная ковбойская шляпа набекрень. И Гого смотрел настороженно, как зверь на зверя.

— В материалах от Роджера говорится, что ту песню ты написал, — сказал Гого. — Ты и девушка.

— Песню для ролика?

— Ага. Антиамериканская и антивоенная чушь.

Ну вот оно, подумал Кочевник и приготовился к спору.

— Я не считаю ее антиамериканской.

Гого посмотрел себе под ноги, толкнул камешек носком кроссовки.

— Не считаешь? Ты думаешь, она что-то говорит *благородное*? Что-то *стоящее*? Типа политическое заявление?

— Это всего лишь песня.

— Давай я тебе вот что скажу. — Гого уставился Кочевнику в глаза, и что-то в выражении его лица было и злое, и как-то странно отцовское. — На моих глазах возникали и исчезали группы. Гениев, трубящих о своей гениальности, дюжинами видал. И все они были в чем-то талантливы, не спорю, но талант — дело десятое. Понимаешь, талант — он, блин, дело двадцать пятое по сравнению с *честолобием*, а оно по важности начисто уступает *личности*. Так что дам я тебе бесплатный совет, а? Не лезь ты в это дерьмо, в политику. Не мути чужое питье. Ты — развлекатель? Вот и развлекай. Я делал пару лет назад интервью с «Камнем» — помнишь, когда он был бор-

цом? Девиз у него был — «Помни свою роль». Вот это я тебе и говорю: помни свою роль — и куда-нибудь и доберешься.

— Докуда, например?

— Не до выгребной ямы, куда попадает девяносто девять процентов вас всех. Послушай, у тебя отличный голос и классный вид. Ты мне нравишься. Я только вот что говорю: сейчас черные рулят в музыке, потому что песни у них — про секс и про веселье. Ребята поют про блески с мишурой и про найти свежую девку, а девицы — про блески с мишурой и про отрезать яйца тем ребятам, что их затрахали. Понимаешь? — Гого ждал, чтобы его мысль дошла. — Белые музыканты поют про экзистенциальный страх, про жестокий мир и про то, что ничего нет хорошего. Под такой ритм кто танцевать будет, а? Вот и ты полез, блин, в *политические*. А я тебе, добра желая, говорю: не ходи в ту сторону.

— Может, у меня нет выбора.

— Почему? Потому что ты вот такой *артист*? Служитель искусства? Потому что ты должен научить мир петь? А, понял. — Он придвинулся лицом к Кочевнику, и тот ощутил исходящий от Гого жар. — Выбор есть у *каждого*. И если у тебя есть хоть капля мозгов, ты будешь помнить свою роль. Comprendes?*

Несколько секунд Кочевник молчал, ощущая жар уже изнутри.

— Пойду я лучше, — сказал он.

— Еще один бесплатный совет, — сказал ему Гого. — Лесбу выгони.

Кочевник повернулся спиной и пошел к «Жестянке», где его ждала его семья.

---

* Понял? (*исп.*)

Глава четвертая

«Макдоналдс», о котором говорил Майк, находился в двух милях обратного пути по Ист-Лейк-Шор в сторону Уэйко. Он стоял рядом с заправочной станцией, но было у него и окно для обслуживания автомобилистов. Джордж сделал заказ: два чизбургера, кола и двойные чипсы для Майка, бургер и кола для Кочевника и для себя то же самое. Остальные ничего не захотели. После интервью разговоров почти не было. Фальшиво гудел кондиционер, солнце немилосердно палило капот и ветровое стекло, небо сделалось белесым от жары, и все было в этом мире не так, как надо.

Пока ждали заказа у окошка, Берк глотнула из бутылки тепловатой воды.

— Вот наверняка он нас перепохабит. Ручаюсь, когда посмотрим этот сегмент, себя не узнаем.

— А я *не хочу* его смотреть, — сказала Ариэль, сдирая с ногтей серебристый лак.

— Нормально будет, — заверил Джордж. — Не перепохабит он нас. Это же одолжение Роджеру, помните?

Как будто он настолько близок с Роджером Честером, чтобы по имени его называть.

— Достали меня грубые механические человеки, — сказал Терри, морщась на далекое поле, где скот тщетно искал тени. — Миром правят они.

— Да, но другого мира у нас нет. — Майк ждал появления пакета с бургерами. — Приходится жить, в каком есть, брат.

Кочевник снова надел темные очки. Он ничего не сказал. У него было такое ощущение, что он выгорел, энергию высосала жара, а еще и полдень толком не наступил. Перед тем как ехать на «Коммон-Граундз», надо

было заселиться в «Мотель-6» в Южном Уэйко. Два номера, по три койки, каждый по сорок долларов. Если сегодня не продать достаточно футболок и дисков, то они уже будут отставать от графика.

Принесли еду. Джордж ее раздал и двинулся дальше, сворачивая направо на Ист-Лейк-Шор. Кочевник рассеянно поставил колу на сиденье между ногами и начал разворачивать бургер.

— Так о чем он с тобой говорил? — спросил Джордж.

— Ни о чем.

— Ну все-таки — о чем-то?

— Я так понял, что он предупреждал меня. В смысле — нас.

— Да? О чем? — спросил Терри.

Кочевник откусил кусок сэндвича.

— Насчет помнить свою...

Он собирался сказать «роль», но как раз проглотил кусок и ощутил под мясом вкус плавленого сыра, и *учуял его запах*, и посмотрел на сэндвич, и там действительно был сыр, желтый и тягучий. Кочевник понял, что кассир на раздаче перепутал заказ, потому что бургер был завернут не в желтую бумагу, а в белую. И сыр уже ушел вниз, его уже не выплюнуть, и хотя Кочевник знал, что один кусок сыра не завалит его наглухо, все равно горло будет чесаться и одной проблемой больше, и он заорал:

— Блин!

Удивленный Джордж ударил по тормозам. Кочевник схватил банку с колой, случайно сбил пластиковую крышку — и облил все сиденье.

— Какого черта? — спросил Джордж, сворачивая к обочине. — В чем дело?

— Твою мать! — заорал Кочевник, давя в кулаке этот гадский гамбургер. — Выпусти меня! Останови машину, выпусти!

— Остынь, брат! — сказал Майк с набитым ртом. — Чего ты?

— Выпусти! — повторил Кочевник почти на визге. Ощутил у себя на плече руку Ариэль, стряхнул ее и понял, будто глядя на себя во сне, что растрескивается, готов разлететься на куски, ослепнув от этого идиотского чизбургера, это еще не все, дело еще хуже, он сейчас взорвется и ударит кого-нибудь, и надо отсюда выбираться... ПРЯМО... БЛИН... СЕЙЧАС!

— О'кей, о'кей, о'кей!

Джордж свернул на грунтовую дорогу, ведущую в чашу сосен и кустарника. Не успел он остановиться, как Кочевник вылетел из двери, капая колой со штанов спереди и сзади, и закинул смятый бургер куда подальше с таким усилием, которое еще плечо припомнит ему завтра утром.

Комедия, подумал он. Комедия ошибок, больших и малых. Стоит мужик на грунтовой дороге в мокрых джинсах, прижав кулаки к бокам, топая ногами в пыль, с яростью в сердце, а драться ему совершенно не с кем. Это, должно быть, смешно и стоит настоящего смеха — во всех отношениях.

Только он не смеялся, и в следующую секунду на глазах горячо выступили слезящиеся слезы, и грудь затряслась от всхлипываний.

Прочь отсюда. Но непонятно — куда.

Куда угодно. Прочь.

— Джон! — окликнул его Джордж из фургона. — Приберем мы все, ерунда! Фигня все это.

Но Кочевник, который всю жизнь считал, что имя Джон Чарльз как-то его принижает, зашагал вдоль по дороге, будто и впрямь куда-то шел. На миг он снял очки, протер глаза. Какой способ испортить собственный имидж, подумал он. Здоровенный, грубый, крутой парень превращается в хнычущую писюху. Он знал, слы-

шал, что «Жестянка» едет за ним, как приبلудная дворняга, вымаливающая внимание. За трейлером тянулся в воздухе пыльный шлейф, небо над темными соснами было молочно-белым.

— Джон, брось! — сказал Джордж. — Ну его!

Кочевник не поднимал головы и продолжал идти. Место ему нужно, пространство. Место, куда забиться и подумать. Сердце болело. Он пытался ногой отбросить свою тень с дороги, чтобы не мешала. Без Джорджа и Терри группы больше не будет. Когда развалится центр — это только вопрос времени. «Помни свою роль», — подумал он.

Мои часы тикают, Джон. Да и твои тоже, если честно.

Джордж за спиной загудел клаксоном, но Кочевник не оглянулся.

Он шел своей дорогой, на которую нет карты. Прав был его отец — таков путь музыканта. Прав был его отец, еще в ту ночь десятого августа девяносто первого года, когда его застрелили рядом с клубом «Шенаниганз» в Луисвилле, штат Кентукки. Так что почайте в мире, Дин Чарльз и группа «Roadmen».

Помни свою роль.

«Кто бы мне сказал, в чем она, — подумал он. — Кто-нибудь, Бога ради. Пусть мне скажут, где мне место и куда я иду... Потому что я заблудился».

— Джон!

Голос вспугнул мысли. Он не слышал, как она вылезла из фургона, но Ариэль шла рядом с ним. Он отвернулся от нее и так и шел дальше.

— Нормально все, — сказала она ему и попыталась взять за руку.

— Ты не нужна мне, — ответил он и отвел руку.

Она заморгала, обиженная, задетая. По опыту она знала, что иногда надо перестрадать в одиночку, но все равно шла рядом с ним.

Зазвонил колокол.

Чистый звук, звон светлого металла. Не низкий печальный голос погребального колокола, но призыв.

Дорога вывела Кочевника и Ариэль из сосновой роши, и перед ними открылось широкое поле, засаженное какими-то растениями ниже человеческого роста. Не конопляное поле, как подумал он сначала, — скорее ряды кустарников. А между кустарниками возникали люди, будто отвечая на призыв колокола. Все они были в шляпах, некоторые с сетками от насекомых, все в перчатках, у всех корзины. Ягодное поле, решил Кочевник. В корзинах — темные ягоды. Ежевика, похоже. Кое-где виднелись коричневые проплешины, но почти все поле процветало даже в этой безбожной печи.

За деревьями примерно в сотне ярдов от главной дороги затаился фермерский городишко. Не столько город, сколько Джоудвиль какой-нибудь, подумал Кочевник, напрямик из «Гроздьев гнева». Ярдах в пятнадцати от того места, где стояли Кочевник и Ариэль, грунтовая дорога сворачивала к строению из толя и зеленого пластика. Над дверями висел раскрашенный деревянный крест. Перед этим зданием стояла широкобедрая женщина латиноамериканской внешности, седые волосы убраны под бандану, и размеренно мотала в воздухе колоколом. Неподалеку другие женщины хлопотали около стола, убранного в тень большого дуба, расставляя тарелки с лепешками, бобами и энчиладами. Перед церковью на редкой траве возвышался колодец, сложенный из коричневых камней.

Время обеда, понял Кочевник. Сзывают рабочих с поля.

Он увидел за церковью еще с десятков лачуг из толя, сараи, стоящие в тени других дубов. Эти сараи построили из материалов, выброшенных людьми побогаче: плит-

ки, которыми мостят двор, жестяные короба с водяными потеками, листы гофрированного металла и пластиковые щиты, разноцветные куски стекла, сплавленные в окна. Клочки земли украшены маленькими бетонными статуями, бывшими когда-то орнаментами газонов в ином мире: кролик с отбитым ухом, гончий пес, будто ищущий свою заднюю ногу, херувим, который вот-вот выпустил бы стрелу, будь у него лук и рука, чтобы этот лук держать. Интересно, нет ли тут где-нибудь свалки, на которой эти люди находят то, что им нужно? Вокруг стояли несколько пикапов и легковушек, бесстыдно выставив ржавеющие радиаторы и потрескавшуюся чешуйками краску, похожую на аллигаторову шкуру.

Из зарослей ежевики выходили люди в пропотевшей одежде и мокрых от пота шляпах. Даже в этой жаре почти все они были одеты в рубашки с длинными рукавами — защита от колючек. Как люди это выдерживают — Кочевник не понимал. Он бы на коленях уполз отсюда.

К Кочевнику и Ариэль шла шоколадного цвета дворняга, за ней, чуть поотстав, два других кабыздоха. Собака остановилась, припала на передние лапы и стала приветствовать пришедших серией взлаиваний, от которых заложило уши, пока одна из женщин не прикрикнула на нее грозно и не бросила ей лепешку.

А больше никто не обратил внимания на прищельцев, разве что глянул мельком, или пожал плечами, или сказал что-нибудь соседу.

— Пойдем лучше, — сказала Ариэль.

— Минуту.

Он ждал, чтобы чуть подсохли джинсы — на такой жаре это недолго.

— Как вы тут? — спросил подошедший Майк. — Джон, ты уже пришел в себя?

— Вполне.

Припадок миновал при виде этой нищеты. Да, дело туго, и крушение надежд, и группа распадается, но ему хотя бы не нужно работать на ежевичной плантации и жить в лачуге. Может, это еще ждет его впереди, но пока нет. Он глянул назад и увидел, что Джордж остановил «Жестянку», вылез, подошел к пассажирскому сиденью и стал его оттирать полотенцами, вынутыми из чьей-то сумки. Терри тоже вышел и шагал к Кочевнику, покачивая головой и криво улыбаясь.

Кто-то вышел с поля на дорогу и встал перед Кочевником. Тот почувствовал, что его изучают. Подняв голову, он увидел перед собой стройную девушку с длинными блестящими черными волосами. На голове у нее была потрепанная соломенная шляпа с широкими полями. Бугорки груди выдавались под раскрытой рабочей блузой и потемневшей от пота футболкой, и еще на ней были выбеленные солнцем джинсы с заплатами на коленях. Пыльные сандалии на ногах. Он не успел рассмотреть ее лица, как она уже отвернулась — осталось только впечатление пронзительных глаз в озерце тени.

Отнеся свою корзину с ягодами к пикапу, она отдала ее человеку, который пересыпал содержимое в плоский пластиковый контейнер. Девушка что-то этому человеку сказала, он усмехнулся, блеснув серебристыми зубами. Она сняла измазанные кожаные перчатки, сбросила рабочую блузу на землю и пошла к столу, где уже стояли тарелки с едой и запас пластиковых стаканов. Подойдя к колодцу, девушка завертела ворот, поднимая бадью, потом взяла черпак и глубоко погрузила его в воду. Но пить она не стала, как ожидал Кочевник, а повернулась и налила протянутый бумажный стаканчик другой женщине, постарше, промокшей от пота, которая вышла вслед за ней из зарослей и тоже отдала ягоды человеку на грузовике. Девушка что-то сказала, взяла женщину за руку. Та

заулыбалась морщинистым лицом, кивнула в ответ на ее слова и пошла за едой.

Вперед выступил следующий — белесый мужчина постарше. Когда он сбросил рабочую блузу, обнажились массивные татуированные предплечья. Он тоже протянул стакан, и девушка его наполнила, наклонилась вперед и потрепала мужчину по плечу — быстрое прикосновение, и когда тот повернулся, чтобы идти за своим обедом, Кочевнику показалось, что сквозь черты морщинистого лица проглянул вдруг мальчишка.

— Можем ехать! — окликнул его Джордж, выжимая полотенце на землю. Рядом с ним стояли и наблюдали за его действиями двое детишек лет семи-восьми. Руки у них были сложены на груди, лица серьезные, как у солидных землевладельцев.

Но Кочевник смотрел на процессию. С плантации вышло человек тридцать — сорок. Всех возрастов, от подростков и почти до стариков. Все почерневшие от солнца, все шли усталой походкой, пока не доходили до девушки возле колодца, и ее улыбка и прикосновение будто оживляли их, но как — Кочевнику было не постичь.

Скорее всего их день был окончен только наполовину. Пообедав, они снова пойдут на плантацию. Может, будут тут работать, пока все ящики не наполнятся. Может, они с восхода здесь. Кочевник представил себе, как везут ягоды на фермерский рынок, или на винодельню, или куда-то, где их переработают в варенье или джем. Тяжелая работа, как ни посмотри. Он думал, глядя на девушку и проходящих мимо людей, что она им дает больше, чем воду. Кого потреплет по плечу, кого тронет за локоть, кому кивнет, с кем тихо перемолвится словом, кому тихо засмеется. Может быть, важнее воды доброта человеческая, подумал он. Потому что она тоже утоляет жажду.

Он знал, что она каким-то образом дает им силы, чтобы жить и работать дальше.

А еще... а главное, что она не останавливалась, чтобы попить самой, хотя наверняка была обезвожена и жажда ее мучила не меньше всех прочих. Она решила, что сперва всем даст воды и только потом займется собой.

Может быть, это всего лишь малая жертва в этот грубый и жаркий день. Может быть, это не много значит на самом-то деле, но жертва любого рода — не то явление, с которым Кочевник сталкивался часто.

— По коням, люди! — позвал Джордж, готовый влезть за руль.

— Ребята, готовы? — спросил Терри.

— Нет, — ответил Кочевник. — Я еще не готов.

Его заворожила происходящая сцена. Как эта девушка, пятнадцати-шестнадцати лет, обращалась ко всем, кто проходил мимо. У нее это выходило так естественно и казалось таким важным делом. Их никто не торопил. У некоторых торчали из карманов фляжки или полупустые бутылки воды, но видно было, чего они хотят — что им *нужно*. Вода от девушки у колодца.

Его охватило желание увидеть ее лицо. Такое чувство, что, если не увидит, другого шанса никогда не будет. Тут он себя спросил, большая ли важность? Подумаешь, молодая мексиканочка в растрепанной соломенной шляпе поит людей водой. И что такого?

Но он хотел увидеть ее лицо — было у него чувство, что в нем он увидит такую красоту, о существовании которой вообще забыл.

— Долбоюноши, так и будем стоять? — Берк вылезла из машины и остановилась, положив одну руку на бедро, в другой держа бутылку воды, в которой осталось еще два добрых глотка. Дети отступили на пару шагов. — Тепловой удар вам нужен?

— Уже идем, — ответила Ариэль, но не отошла от Кочевника.

Тут последний из рабочих получил свою воду и направился к остальным, сидевшим уже за столом под дубом за обедом и разговорами, а девушка у колодца окунула свой черпак и поглядела прямо на членов группы.

Протянула им черпак, предлагая пить.

Несколько секунд никто ничего не говорил и с места не двигался, а потом Майк сказал:

— Да черт возьми, попью я, если она предлагает.

И пошел вперед.

— Может быть, вода не совсем чистая, — предупредила Ариэль.

— Я вырос на колодезной воде, — ответил Майк. — Вроде бы не сильно помешала расти.

Он кивком поздоровался с женщинами, принесшими еду и стаканы, и взял один стакан со стола. Потом подошел к колодцу, сказал девушке «Buenos días»* и протянул стакан. Девушка что-то сказала Майку, наливая воду, но так тихо, что Кочевник не расслышал. Майк залпом выпил воду и вернулся к группе.

— Холодная, — сказал он. — Девочка говорит всем добро пожаловать, и не надо бояться.

— Чего бояться? — спросил Кочевник. Он смотрел на девушку, которая будто их ждала. И сама еще не пила воды.

— Не знаю. Может, что вода не совсем чистая.

— По-моему, лучше держаться воды из бутылок, — сказала Ариэль.

— Эй, вы, мы тут *сваримся!* — Берк подошла поближе. — Хрен ли это с вами тут творится, люди?

— Дай-ка я рот сполосну, — сказал Кочевник, взял у Майка стакан и подошел к девушке.

---

* Добрый день (исп.).

Она снова окунула черпак и протянула ему. В тени полей шляпы он не мог толком разглядеть ее черты, только овал лица. Подойдя ближе, Кочевник снял темные очки, но даже тогда увидел лишь блеск ее глаз.

На расстоянии вытянутой руки он резко остановился, потому что его пронзило — нет, не страхом, но каким-то очень похожим чувством, и он был ошеломлен силой этого. Дальше не мог сделать ни шагу.

Она смотрела на него пристально из тени растрепанной соломенной шляпы.

Черпак был все так же протянут к нему, несколько капель упали на землю.

Кочевнику показалось, что да, он хочет пить и хочет избавиться от вкуса чизбургера во рту, но — как бы дико это ни звучало, — если принять сейчас воду, за это будет своя цена, и он боялся, что цену эту знает. Он смотрел только на девушку, все еще стараясь различить скрытые черты лица, но не мог рассмотреть. И чувствовал, что она тоже полностью на нем сосредоточилась, и это его еще больше пугало. Ее внимание ощущалось почти физически, оно будто нащупывало путь в самые скрытые уголки его личности, души и разума, будто он — пазл, который надо сложить, или ходячий кубик Рубика. Но и это было еще не все. Ощущение — будто чужой человек ворошит твоё грязное белье или подобрался слишком близко к коробке порнодисков на полке за сложенными шмотками.

Она ничего не говорила, только ждала, и казалось, что времени у нее достаточно.

У Кочевника пот струился из всех пор. Ну у кого бы не струился на стоградусной* жаре? «Нет, — сказал он себе, — не полезу я в эти колючие заросли». Потому что ему мнилось, будто именно это она его приглашает сделать. Тут какая-то наколка, думал он. Наколка всегда

---

* По Фаренгейту. Примерно 38° по Цельсию.

есть, потому что не бывает ничего бесплатного. Если он примет у нее воду, то выйдет на эту плантацию и будет работать как зомби. Может, он плохо пригляделся, и эти люди, о которых он вообразил, будто им нужна ее сила и они благодарны ей за ее заботу, на самом деле обыкновенные зомби. Шли себе по дороге собственной жизни, пока она не заманила их, не напоила дурманной водой и не пристроила к работе на ежевике. Внушила им желание *всегда возвращаться*, даже если они выберутся. Заставила их быть счастливыми в своей жалкой участи. Это было безумие — такие мысли, потому что она всего лишь ребенок, ему она никто, он ее одной рукой может сломать пополам, если надо будет. И жертва ее тоже фальшивая, потому что она наверняка из тех, кто любит всегда быть в центре внимания, как Мадонна свалки какая-нибудь, и вся эта показуха со стоянием у колодца и раздачей воды — все это лишь для самоудовлетворения. Он терпеть не мог фальшь, еще даже больше, чем плохих официанток. В мире нет ничего бесплатного, думал он. Даже стакана воды.

Все звуки сделались приглушенными, будто откуда-то очень издалека, и все вокруг — церковь, сам колодец, прочие строения, ржавые машины, люди под дубом — все это колебалось в волнах жара, размазывалось и сплавлялось одно с другим, как те куски цветного стекла, из которых сделали окна толевых лачуг.

«Ну нет, — подумал он. — Мне оно не надо».

И шагнул назад.

Все снова стало резко в фокусе, снова, раздирая барабанные перепонки, обрушились звуки — лай собак, вопли играющих детей, голоса рабочих под деревом. Девушка все еще стояла перед ним, а он шагнул еще назад и смял бумажный стаканчик, выпустил его из пальцев на землю.

— Да что с тобой? — спросила Берк, проходя мимо.

Она подошла к девушке, протянула ей почти пустую бутылку и спросила по-испански:

— Налъете мне ее полную?

Девушка налила, и Берк вернулась обратно, прижимая холодную бутылку ко лбу. Мимо Кочевника она прошла так, будто он стал невидимым.

Джордж стоял между Ариэль и Майком; на лице у него выступили яркие капли пота.

— Привет, как жизнь? — спросил он у девушки. — Ребята, не надо нам докучать этим людям. Пошли отсюда!

Последнее было адресовано прямо Кочевнику.

— Ты это видел? — спросил Кочевник. Голос его, от которого так зависела вся его жизнь, прозвучал как у придушенной кошки.

— Что видел? — нахмурился Джордж.

Он посмотрел через плечо Кочевника на девушку, которая как раз отвернулась налить чей-то стакан.

— Что только что было.

— Гм... — Джордж коротко глянул на Майка. — Слушайте, готовы вы уже ехать?

Берк и Терри шли уже обратно к фургону.

— Я видела, что случилось, — сказала Ариэль, глядя на него своим фирменным неодобрительным взглядом. — Ты бросил на землю мусор.

Она подошла к смятому стакану, подняла его и подала девушке у колодца. Та приняла его, подставив ладонь.

— Perdón!* — сказала Ариэль. Даже если бы она не учила испанский в школе и в колледже, жизнь в Техасе как-нибудь этому языку научила бы. — El tiene maneras muy malas**.

---

* Извините! (исп.)

** У него очень дурные манеры (исп.).

Извинение за плохие манеры Кочевника.

Девушка склонила голову набок, Ариэль различила блеснувшие черные глаза на смуглом лице с широким плоским носом. Такое лицо можно было бы увидеть вырезанным из древнего камня в джунглях Майя, если бы не россыпь юношеских угрей на обеих щеках.

— Gracias, señorita*, — сказала девушка и добавила по-английски с сильным акцентом: — Вы очень добры.

— Я просто пытаюсь убрать свинство, — ответила Ариэль, поняв заодно, что именно этим она занимается в том или ином смысле почти всю жизнь.

А девушка глядела куда-то ей за спину. Ариэль проследила за ее взглядом и увидела, как ее друзья возвращаются к «Жестянке». Кочевник пятился, будто боялся повернуться спиной.

— Вы держите долгий путь, — сказала девушка. Она утверждала, не спрашивала.

— Да. — Прицепленный трейлер говорил сам за себя. Ариэль сочла нужным добавить: — Мы музыканты, едем в турне.

Девушка снова посмотрела на Ариэль и улыбнулась широкой теплой улыбкой, от которой Ариэль захотелось подвинуться поближе, окунуться в эту улыбку. Зубы у девушки были белые, но брекеты ей бы очень не помешали.

— А! — сказала она. — А вы... какое у вас место?

— Играю на гитаре и пою.

— Я тоже музыку люблю. Очень радуюсь, — сказала девушка.

— Да, бывает.

Сзади Джордж дважды нажал на клаксон. *Давай, давай!*

Ариэль подумала, что та жизнь, которую она выбрала — или которая выбрала ее? — очень похожа на то, что рассказывают про жизнь военных: торопись и жди. Но

---

* Спасибо, сеньорита (исп.).

все остальные уже расселись, она их задерживала, значит, надо идти.

Какое-то движение заставило ее глянуть в сторону плантации, и она увидела темные силуэты ворон. Они кружились, кружились и вдруг резко пикировали за ягодами. Все быстрее и быстрее, со всех сторон света. Кто-то из рабочих уже начал вставать, снова надевать блузы. Надо было кончать работу, пока вороны не прибрали остаток.

Ариэль снова посмотрела на девушку и сказала:

— *Adiós!**

— Счастливого пути вам, — ответила та и наморщила лоб в поисках перевода следующей своей фразы, но оставила так: — *Y a valor cuando usted lo necesita***.

— *Gracias****.

Ариэль подумала, что это заботливое пожелание живет в семье девушки уже много поколений. Она повернулась и пошла прочь от девушки и колодца, от крытой толем церкви и на честном слове держащихся домов, от тени дуба и сожженной солнцем плантации ежевики, прочь от прошлого к будущему.

Но первой на этом пути была «Жестянка» и ее экипаж. Ариэль села на свое место, Джордж сдал назад — осторожно, чтобы не вмазать трейлером в дерево, — и еще через пару минут они вернулись с грунтовой дороги на Ист-Лейк-Шор, оставив за собой клубы пыли.

— Ну и жизнь у них, — вздохнул Терри. — Вот дыра, правда?

— Может, к ней они пришли от еще худшей, — сказала Берк. — Откуда нам знать?

Кочевник хряснул ладонью по приборной доске, пытаясь заглушить раздражающее гудение.

---

* До свидания! (исп.)

** Мужества вам, когда оно понадобится (исп.).

*** Спасибо (исп.).

— Разобьешь, — предупредил Джордж.

— Стоило бы, — сказал Майк. — Добить, чтобы не мучился. Ты его проверял на той неделе?

— Он гонит прохладный воздух, и это все, что мне нужно.

— Еле-еле гонит, — заявила Берк. — Здесь так вообще не чувствуется.

Кочевник развернулся к Ариэль:

— Что она тебе сказала? — Ариэль от неожиданности растерялась, и Кочевник настойчиво продолжил: — Она с тобой говорила. Что она сказала тебе?

— Да... ничего особенного. Сказала, что музыку любит. — Ариэль пожала плечами. — Я ей сказала, что мы музыканты.

— Были мы музыкантами. — Голос Берк прозвучал гулко, как приговор рока. — Красиво получилось.

— А странная она, — сказал Кочевник. — Кто-нибудь еще почувствовал?

Все помолчали пару секунд, а потом Джордж спросил:

— А чем она странная?

— Да не знаю.

Очевидно, никто больше не ощутил этого приступа головокружения, или первой стадии теплового удара, или чем бы оно там ни было. Он подумал, не надо ли ему сходить на медосмотр, когда вернется в Остин. Мозг проверить, нет ли опухолей. Он про такое читал.

— Ты сегодня на взводе, брат, — заметил Майк. — Если кто и ведет себя странно сегодня, так это ты.

— А нет! — вспомнила Ариэль. — Ничего странного, но одну интересную вещь она сказала. Как раз когда я уходила.

— Какую? — спросил Кочевник.

— Сказала, что желает нам счастливого пути и мужества, когда нам оно понадобится.

— Отлично, — сказал Джордж. — Пожалуй, из этого можно песню сделать.

— Хм. — Ариэль задумалась. — Может, и так.

Кочевник отвернулся, снова глядя на дорогу. Он сполз по сиденью. «Господи, — подумал он, — только бы не эта гадская опухоль мозга. Просто была идиотская минута там, на жаре. Плюнь да разотри, — велел он себе. — Встряхнись и смотри на мир».

В том, что он сейчас увидел, была одна мораль: брось предаваться жалости к себе да подумай, где ты находишься и что у тебя есть. Пусть все плохо, пусть все совсем не так, как ему хотелось бы, но в любом случае он едет, он на дороге и *куда-то* движется. В квартире, которую он снимает в Остине с еще двумя работающими музыкантами, есть кабельное телевидение и хороший кондиционер, и хотя он спит на футоне на полу, это его дом, который его вполне устраивает. Он занимается любимым делом, и оно чего-то стоит. Он не ищачит, согнувшись, под палящим солнцем, и не вынужден обдирать шкуру о ежевичные колючки. Нет, черт побери. Много есть того, за что надо быть благодарным судьбе. И они едут в турне, и у них есть ролик, и Феликс Гого, может, и гнида, но передача его будет отличным вступлением к концерту в Далласе.

Могло быть хуже, подумал Кочевник. Да и вообще, кто знает? Джордж или Терри могут передумать. Даже оба сразу. Ничего из этого в граните не выбито. Так что надо ждать и наблюдать, а пока что отложить в сторону все, кроме того, что действительно важно, — кроме музыки.

Примерно через два часа они будут ставить и проверять звук в «Коммон-Граундз». Это процесс долгий, местами утомительный, но жизненно важный для выступления, потому что позволяет предупредить возможные проблемы. В процессе выступления возникнут проблемы,

отличные от выловленных при проверке звука. Это еще хуже, чем закон Мерфи, это следствие Финейгла из закона Мерфи: «Все, что может испортиться, портится самым неудачным способом и в самое неподходящее время».

Привет, люди! Спасибо вам, что пришли, и надеемся, что вам понравится БЗЗЗЗЗППП.

От такой жизни кино про «Spinal Tap» покажется фильмом Бергмана.

Ариэль за спиной Кочевника закинула голову назад и закрыла глаза. От жары у нее слегка болели виски. Мысленным взором она видела кружащихся над ежевичной плантацией ворон, солнце, палящее с бледного неба, тень девушки у колодца, легшую ей под ноги поперек дороги.

«Вы держите долгий путь», — снова услышала она голос девушки.

Да, ответила Ариэль. И она чувствовала на земле тени ворон, кружащихся в небе, их все больше и больше, они собираются вместе, усиливая тьму, больше и больше, со всех сторон света, затмевающие небо в своем нетерпеливом кружащемся голоде.

«Мужества, когда оно вам понадобится», — подумала Ариэль и открыла глаза: ей показалось, что она слышит вокруг взмахи черных крыльев, готовых накрыть ее черным плащом.

Но это всего лишь рокотала и гудела «Жестянка».

И ничего больше.

Часть вторая
ТЫ МОЙ ПЕС

Глава пятая

Джереми Петта поглотила ночь. Если на самом деле существует Зверь, то Джереми у него в брюхе и уже наполовину переваренный.

Он лежит голый в теплой воде, вытянувшись во весь рост в ярко-белой ванне. Подошвы ног он прижал к кафельным плиткам цвета мокрого песка. Вода охватывает его туловище, плещет поперек живота, подходит под подбородок. Уже несколько дней он не бреется, лицо отяжелело. Сколько дней? Непонятно, потому что время свернулось в кольцо. Оно стало припадочным — то ползет, то скачет. Иногда часы ползут, иногда завиваются вихрем, как пепел на суховее. Наверное, вечер пятницы, потому что на кабельном канале по расписанию идет фильм «Гладиатор» с Расселом Кроу. Петт смотрит его уже в четвертый, если не в пятый раз, потому что понимает. Был у Джереми DVD-плеер, да он его дал кому-то, а кому — не помнит. Кто-то взял взаймы и не вернул. Но Джереми это понимал, вот того, кто там на арене, окровавленного, забытого и выброшенного, преданного и проданного, но воинский дух его не сломлен. Не сломлен — благодаря чистой силе воли. Телевизор в соседней комнате все еще включен, и тени пляшут в холодном синем свете.

Джереми Петт отправляет в рот еще две таблетки тайленола и запивает глотком найкуила из бутылки. Это уже

пятая и шестая таблетки. Усиленные, по 500 мг каждая. Он читал в сети, что 7000 мг могут положить ему конец, но он мужик крупный, мясистый. Весит порядка двухсот тридцати фунтов*, рост больше шести футов. И он не знает, сколько на самом деле нужно будет для этого таблеток и глотков найкуила, да и не хочет он этого. Он просто хочет, чтобы захотелось спать, чтобы начало окутывать теплым одеялом, и когда это случится, он возьмет нож для картона, что лежит на краю ванны, возле правой руки. И начнет с левого запястья. Потому что хочет смотреть, как будет вытекать кровь, а заодно и силу воли проверить, которой он так гордится. Кажется, неплохой способ ухода для воина — без шума, от заостренного железа.

Он принял решение уйти, и так оно и будет. Решено, подписано и вилкой скреплено. Сегодня он двинется в Елисейские поля.

Из-за стен доносились звуки из других квартир: журчание спускаемой воды в туалете, гулкий басовый ритм музыки. Звуки будто из другого мира, с которым он, Петт, больше не связан. Его квартира на втором этаже. Квартира восьмая, жилой комплекс «Вангард эпартаментс», юго-восточный Темпл, штат Техас. Здесь все заброшено — и дома, и люди. И очень сердитые юнцы крейсируют на крутых моциках, ища повода защитить свою территорию. В воздухе постоянная завеса серого дыма, полицейские машины с визгом слетаются на ночную стрельбу. Односпальная квартирка с миниатюрной кухней дешева и достаточно уютна, хотя от ковра несет гнилью, особенно зимой, когда снаружи клубится мокрый туман. Но все равно пришло время отсюда уйти.

Джереми глотает еще две таблетки тайленола, запиывает найкуилом и ждет. Постепенно заволакивает сон, охватывает тепло, отупляя мозг. Вот этого он больше все-

---

* Примерно 105 кг.

го желает: чтобы стих дом с призраками, воющими у него в голове.

В животе буркнуло. «Я голоден», — думает он. Но когда же он ел последний раз? Несколько часов назад? Надо бы встать и чипсов навернуть, думает он. Кажется, еще полпакета осталось в кладовой. Не будет же вреда от картофельных чипсов?

Но нет, нет... лежи себе тихо. Ты уже поел, мальчик, в свой последний раз. Пирог с курятиной, ага. Ты его разогрел в микроволновке, как хотел, но вкуса особого не было. Так что хорошо бы сейчас чипсов, хотя бы ради соли. Но тепло заползало все глубже, все становилось тусклым, туманным, расплывалось перед глазами, и Петт решил, что и так хорошо.

Интересно, думает он, кто его найдет и когда? Скорее всего мистер Салазар, менеджер, и Джереми огорчается, потому что мистер Салазар всегда с ним обращался по-человечески. Не наседал по мелочам, заступался за него перед компанией-владельцем последние два месяца. Пятого января принес ему пакет лепешек-тамале — в день, когда Джереми исполнилось тридцать. У мистера Салазара венчик седых волос, у него сморщенное лицо и кашель курильщика, и он говорит, что это черт знает что за мир, amigo, если такой герой, как ты, должен жить в этой дыре, как пес в будке.

Но Джереми улыбнулся на доброту мистера Салазара и ответил ему: «Ну, сэр, я же не герой никакой, я только так, прохожу мимо».

Джереми знает, где водятся герои. Он знает, где похоронены герои мертвые и где живут те, кто еще дышит, сидит и смотрит восход солнца, а потом смотрит закат. Он все знает о героях, не сомневайтесь, сэр, и он знает, что сам он не из них. «Но спасибо, сэр, что вы так обо мне думаете».

Он на этой неделе ездил в больницу навещать Криса Монтальво. Каждую неделю ездит с тех пор, как в прошлом году переехал в Темпл из Хьюстона. И всегда по средам. Он вспоминает день, когда был там на этой неделе, потому что в этот день сложил неоплаченные счета и извещения о прекращении услуг в стопку и решил, что уже достаточно далеко зашел и дальше не пойдет и надо начать составлять планы. И тогда, навестив Криса, он пошел в аптеку и купил таблетки и найкуил, а потом пошел в супер «Уол-март» на Тридцать первой улице и купил нож для резки картона. Оставалось только решить когда.

И он лежит в ванне, засыпая, уплывая прочь из этого мира, и думает при этом о Крисе в больнице. Здание со всеми флагами на фасаде, прямо на Ветеранз-Мемориал-драйв. Он вспоминает, как санитар вкатывает Криса в палату с широкими окнами, где пробивается сквозь жалюзи утреннее солнце, и Джереми, как всегда, наклоняется к приятелю и тихим шепотом поет с той стороны головы Криса, которая не провалена внутрь: «Хороший денек для белой свадьбы».

* * *

И никогда не было, чтобы Крис не улыбнулся — насколько он это может.

Именно это всегда говорил Крис, когда они уходили на задание в жару и в пыль против целого мира врагов в чалмах и куфиях на черт знает сколько времени, пока не вылетит пуля. *Хороший денек для белой свадьбы*. И Крис умел, черт возьми, умел прорычать это точно как Билли Айдол. Так что Крис, конечно, узнаёт песню, а значит, узнаёт Джереми, и попробовал бы кто-нибудь сказать Джереми, будто это не так.

За свою жизнь Джереми любил очень немногих людей. Он любил отца и мать в Неваде, любил ту женщину и мальчика, которые улыбаются ему из рамки, прислоненной к раковине так, чтобы можно было взглянуть, проходя, и он любил младшего капрала Криса Монтальво, своего наводчика. Тем, кто не был в Славной Зеленой Машине, не понять той любви, которую испытывал он к Крису. И это хорошо, потому что это дело личное, такое, о котором он ни с кем не стал бы говорить, кроме разве что другого морпеха. Только тот, кто там бывал, мог бы это понять, как любишь брата своего во Корпусе, как вы друг от друга зависите, как прикрываете друг другу спину, одну пыль глотаете и одной крови чувствуете запах и всегда надеетесь, что это кровь Джонни Джихада выливается как из разбитой бутылки. Когда плечом к плечу с братьями услышишь завывания ада, ощутишь лижущий лицо огонь, тогда становишься с ними единым целым, неразделимым, потому что только так можно там выжить.

Так что когда в Хьюстоне дело стало плохо, Джереми приехал в Темпль — быть поближе к Крису, навещать его каждую среду, нагибаться к лицу, говорить: «Хороший денек для белой свадьбы» — и получать в ответ едва заметное узнавание. Пусть никто больше его не видит, но видит Джереми. И пусть Крис не может говорить и никогда больше говорить не будет, а может быть, он просто сидит сейчас на стуле, глядя в пустоту, но Джереми знает, что его приятель, его друг, любимый друг — осознает его присутствие в этой палате высоко над бульваром флагов. И он знает, что реакция есть — движение уголка рта у Криса, будто ищет ответ. Джереми ему рассказал, что собирается найти Карен и Ника. И еще сказал, что доктора тут — люди хорошие и дело свое знают, и они всегда будут о нем заботиться. «Увидимся на той стороне, — сказал ему Джереми. — Я пойду вперед, разведую, как там и что. О'кей?»

Джереми обнял Криса перед уходом и подумал, насколько же Крис стал хрупким, какие у него тонкие детские косточки под бумажной кожей. Крис ведь был таким здоровым парнем с бычьей шеей. В школе играл лайнбэкера и любил вместе с отцом ремонтировать старый «понтиак файрберд» тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Жутко даже подумать, насколько легко и быстро можно разрушить человека.

Джереми пришлось зайти в туалет — вытереть глаза бумажным полотенцем, — но прощание, которого он страшился, произошло, и можно было оставить Криса, и Крис согласен. В Бога Джереми верил и знал, что Бог тоже согласен.

Сделав долгий вдох, Джереми выпускает воздух в медленном выдохе. Таблетки и найкуил уже действуют, погружая его все глубже. Он знает, что от ножа будет больно — поначалу, но к боли ему не привыкать, а что нужно сделать, то нужно. Тяжелой рукой он поднимает лезвие. Приставляет режущую кромку к левому запястью, где течет жизнь. Жаль, не зажег свечу или что-нибудь такое для момента, потому что белый свет ванной слишком резок. Он останавливается на несколько секунд, вдавив лезвие в кожу.

«Вот здесь и кончается старая жизнь, — думает он, — и начинается то, что ждет впереди, что бы оно ни было».

— Помоги перейти, — говорит он женщине на фотографии и вдавливая лезвие в руку — резкая, жаркая боль, но не очень страшная, — и выступает кровь, и течет по руке, и он смотрит, словно под гипнозом, как падают в воду капли. Он создает свой собственный алый прилив. Закусив нижнюю губу, Джереми глубже вдавливая лезвие и начинает его вести поперек руки к венам и не отрывает глаз от фотографии жены и сына, потому что скоро он будет с ними на той дороге, что ведет в Елисейские

поля, — вот как Максимус воссоединяется со своей семьей в конце «Гладиатора».

Но вдруг рука Джереми с ножом замирает, не успев перерезать вены. Он останавливается на тропе самоубийства, и кровь капает и капает в воду с его руки.

Что-то там, в конце коридора, в другой комнате, требует его внимания.

На кресле, которое Джереми поставил перед телевизором, чтобы смотреть фильм, кто-то сидит. Вроде бы это человек, повернувший к нему голову, но лицо — шевелящаяся маска темноты. И рука поднята, и палец согнут: *Иди сюда.*

«Бог ты мой», — думает Джереми, а может быть, даже говорит вслух. Ибо ангел смерти прибыл в квартиру номер восемь в «Вангард эпартаментс» в юго-восточной части Темпла, штат Техас.

Иди сюда, повторяется инструкция.

— Дай мне минуту, — просит Джереми неясным голосом, отдающимся эхом от кафеля. Он намерен закончить то, что начал, и он не боится ангела смерти, потому что так или иначе этот ангел смерти с ним давно, всюду рядом с ним, давным-давно. И минуту, Джереми просит лишь минуту, чтобы объяснить это все.

Но пока он собирался заговорить, ангел смерти сделал себе лицо Криса Монтальво — и череп провален, и детские глаза блестят в свете экрана, и палец манит Джереми подойти с настойчивостью, не допускающей отлагательства.

Теперь Джереми понимает, что у него в организме полно тайленола и найкуила, и он знает, что кровь течет по руке свободно, а в голове не все в порядке, и время истекает, и еще он знает, что это не Крис Монтальво пришел, а кто-то замаскировался под Криса Монтальво, и человеческим глазам — даже замутненным и расплыва-

ющимся — на это смотреть страшно, но все равно... кто бы это ни был, он требует, чтобы Джереми поднялся из ванны и подошел. Сейчас же.

— Блин, — говорит Джереми, потому что очень уж неподходящий момент. Ему кажется, что встать и пройти по коридору туда в комнату будет как скатиться с койки в самой жуткой «нулевой видимости — 30» за всю его жизнь или поднять руки и растолкать камни, вылезая из могилы, которую уже почти закрыл за собой. Он себе представить никогда не мог ничего столь трудного в эту последнюю ночь, но с судорожным вздохом, с напряжением мышц и замиранием под ложечкой он садится, откладывает нож в мыльницу и выходит из ванны, расплескивая кровавую воду, наступая на что-то вроде бы твердое.

На полпути через коридор он спотыкается и влетает в стену, оставляя кровавый мазок под рамой поддельной картины — пустынный пейзаж, наверняка купленный прежним жильцом на eBay. Колени едва держат, его мотает взад-вперед, и очень трудна дорога от ванной до кресла, где сидит кто-то с лицом Криса. Он понимает, как выглядит со стороны, как страшно задыхается, как болтается в обвисшем мешке собственной кожи. Хоть выбрасывай, думает он. Пять лет назад он мог пробежать три мили за восемнадцать минут с секундами, сделать сотню приседаний, не выходя из двух минут, и проплыть пятьсот метров как Аквамен. А сейчас единственный его классный результат — размер поглощаемой кучи фаст-фуда и оставляемой в сортире кучи дерьма.

Ура, сволочь! Ура!

Он мучительно входит в комнату. Существо, сидящее в кресле, поворачивает искусственное Крисово лицо к телевизору, и Джереми слышит его голос:

— Это про войну.

Он смотрит на экран и видит с трудом различимую фигуру в черном, в черной ковбойской шляпе.

— Песня называется «Когда ударит гроза», исполняет группа...

Перед камерой возникает ладонь с расставленными пальцами, и вокруг их кончиков играет электрически-синее пламя.

Несколько секунд затемнения с титром внизу «Когда ударит гроза», а под ним мельче: «The Five».

Потом, похоже, то ли молния, то ли срабатывает вспышка, и начинается ритм ударных и рокот гитары, и дергается ручная камера. По улице между разбитыми бетонными стенами пробираются то ли шесть, то ли семь солдат. Цвета линиялые, смазанные, болезненно-бледная желтизна Ирака. Но это не Ирак, а эти шуты — не солдаты, потому что одни одеты в имитацию пустынного камуфляжа MARPAT, другие — в имитацию пустынного камуфляжа ARPAT. Какие-то идиоты актеры с липовым снаряжением, и никуда они не годятся, потому что идут не так, как когда знаешь, что тебе в любой момент башку оторвать может, они все дергаются и смотрят, мать их, куда попало — сплошь бардак и никакого порядка. Мясо для мукиев*, думает Джереми. Пройдитесь, девочки, вот так вот по улице, чтоб вас легче было штабелями складывать.

Экран показывает стоящую на улице группу: длинноволосый панк на ведущей гитаре, басист с татуированными руками, бритоголовый хмырь в очках лабает на пианино или на какой-то штуке на металлических ножках, девка-хиппи с рыжеватыми кудряшками обрабатывает белую гитару и еще одна девка, чернявая и коротко стриженная, отчаянно колотит по ударным, сверкая на сол-

---

* Собирательное название повстанцев по имени их лидера, Муктады аль-Садра.

нце тарелками. Потом камера берет крупным планом лицо панка, смотрит прямо в злые синие детские глаза, и он поет, как полупьяный негр с выбритым изнутри горлом:

Я иду по улице, солнце бьет в упор.
Мой щиток опущен, и взведен затвор.
Слышу грохот в небесах. То ли гром гремит,
То ли «Супер Хорнет» улетел в зенит.

«Щиток», — думает Джереми и кривится. Этот тип понятия не имеет, о чем шепчет.

Камера выхватывает лицо певца, потом лица других участников группы, а между ними перебивкой сцены: в американском доме молодому парню отец показывает старую фотографию солдата. Снят он на веранде, на фоне развевающегося американского флага.

Панк ведет дальше:

Мне сказали: кровь твоя трех цветов, как флаг.
Мне сказали: делай, мы научим как.
Для чего так надо, я позабыл узнать.
Вышло, тем, кто молод, — им и умирать.

«Ага, блин, — думает Джереми. — Поди догадайся».

Он понимает, что ему нужно сесть, колени слабеют, а в животе ощущение, будто там рыбы плавают.

Взрыв ударных, баса и гитары, словно товарный поезд врезается в дом, и камера показывает лицо одного из солдат на улице, и Джереми видит, что это тот парнишка из дома, и тут ад срывается с цепи, из окон палят красноголовые, якобы-солдаты вбегают в другой дом, — все, кроме одного, который падает на брюхо и сучит ногами, изображая раненого, а певец продолжает:

В день, когда ударит гроза и смоем всех.
В день, когда раздастся громкий страшный смех,

Мы разбогатеем, а вас отправят в бой.
Полночью глухой вернется в дом герой.

Джереми видит, что кресло пусто. Он опускается в него и чувствует, что воздух вокруг пахнет больницей.

В музыке он не так чтобы разбирается, но эта ничего. Мощный ритм. Мышцы и стиснутые зубы. Гитарные аккорды пронзают воздух лентами острой стали. Между домами продолжается перестрелка, и вспыхивает шар огня, выпуская щупальца дыма, и это вот выглядит очень реальным. Потом еще одного из наших подстреливают, он хватается за горло, и Джереми наклоняется ближе, потому что там густая тень.

Замолкает все, кроме ударных, и над их стуком и рокотом рычит панк:

Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой.
Пусть в траве зеленой он найдет покой.

И второй раз, пока говорят барабаны:

Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой.
Пусть в траве зеленой он найдет покой.

Музыка снова набирает объем, бас и гитары взлетают и с ними партия клавишника, которая наполовину сдавленное рычание, наполовину грустный ропот. Парнишка, герой этого ролика, как-то потерял шлем, у него кровь на щеке, вокруг него валяются тела его братьев. А исполнитель поет:

Мир куда-то катится — мне ль о нем судить?
Не скажу, что он такой, как мог бы быть.
Знаю лишь: война — это деньги, оттого
Слишком многим эта тварь милей всего.
В день, когда ударит гроза и смоем всех...

И молодой парень теряет самообладание и вскакивает из-за прикрытия; с дикими глазами он перебегает улицу, в одиночку, и вламывается в дверь, а там никого, только лежит на полу кто-то и смотрит на него, и камера показывает, что это иракский мальчишка лет двенадцати-тринадцати, поднимает руки и жмет к стене, а солдат вскидывает автомат и целится.

Мы разбогатеем,
А вас отправят в бой,
Полночью глухой вернется в дом герой.

Камера снова выходит из дома, и солдат переваливается, шатаясь, через порог с выражением ужаса на засыпанном белой пылью окровавленном лице, и бросает автомат, и бежит по улице туда, откуда пришел.

Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой,
Когда ударит гроза,
Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой,
Когда ударит гроза, когда ударит гроза,
Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой,
Когда ударит гроза, разразится буря, когда
разразится, ох, когда ударит гроза,
Был он чьим-то сыном, был чьею-то мечтой,

И тут музыка обрывается, и лицо панка заполняет весь экран, и он поет хриплым обожженным голосом:

Пусть в траве зеленой он найдет покой.

Постепенно возвращается передача, в которой Джереми теперь узнает «Шоу Феликса Гого». Несколько раз он его видел и встречал портрет Феликса Гого на улицах. Феликс Гого стоит перед камерой с этой группой — «The Five» они себя называют? — в помещении с ярким светом и резкими тенями, и за ними на стене висит амери-

канский флаг. Они будут играть в «Кертен-клуб» в Далласе в субботу вечером. Гого задает вопросы, а под лицами появляются имена. *Майк Дэвис* говорит о своих татуировках, потом камера коротко показывает *Берк Бонневи*, но та не говорит ничего, *Ариэль Коллиер* начинает отвечать на вопрос, давно ли она стала музыкантом, и вдруг экран разваливается цветными квадратами, будто кабельная связь отключилась, но звук продолжается, и сквозь цифровое шипение помех хиппушка отвечает:

— Я хотела стать музыкантом, чтобы иметь возможность говорить правду.

— Какую правду? — спрашивает искаженное изображение Гого на терзаемом экране.

— Вот такую, — отвечает она, и эхо какое-то странное повторяет: такую, такую, такую. — Правду об убийстве, — отвечает она, и ее изображение смывает мозаика бледно-зеленых квадратов.

Потом экран исправляется, становится как нужно, и Джереми видит *Терри Спитценхема*, который говорит, но что — непонятно, потому что отключился звук. Экран идет рябью и снова рассыпается, потом полностью чернеет. Динамик шумит взрывом помех, потом включается с середины, когда этот человек говорит:

— Война — это натаскивание киллеров, тренировочная площадка для убийств. Знаете, сколько детей убили наши так называемые герои?

— Не лез бы ты, — слабым голосом говорит Джереми черному экрану. — Не лез бы.

— Стыдно, — говорит другой голос сквозь треск помех. — Стыдно им должно быть, и они заслужили страдание.

Снова появляется картинка, но серая и призрачная, и призрачный образ Феликса Гого возмущенным голосом пищит, как персонаж мультлика:

— И вы хотите внушить людям, что наши солдаты там стреляют в детей? Что после всего, что они сделали для нашей страны, после всех принесенных ими жертв вы из них делаете убийц детей?

Снова мелькают светящиеся пятна, и вдруг картина проясняется, стоит этот поющий панк с фальшивой улыбкой, а под ним его имя *Кочевник* — что за имя дурацкое? И он очень ясно произносит:

— Мы над этим работаем.

— Что ж, флаг в руки, — отвечает Феликс Гого, и ясно по тону, что будь у Феликса пистолет в руках, он мог бы пристрелить этого длинноволосого гада на месте.

Остальное Джереми уже не воспринимает, потому что увидел все, что хотел увидеть, а сил выключить телевизор нет. Где вообще пульт? В кухне, в ванной? Накатывает волна изматывающей тошноты, он чувствует запах собственной крови из пореза на запястье, она стекает темным кругом на коричневый ковер. Вот, блин, думает он, тяжелое будет объяснение с мистером Салазаром.

«Погоди минуту, — говорит он себе. — Постой. Я же ухожу сегодня. Сейчас вернусь и закончу, что начал».

Но он не встает. И даже не пытается встать.

До него доходит откуда-то из глубин мозга, издалека, что надо встать и *двигаться*, перевязать рану, пока еще он может.

Странный этот мир, думает он. Пытаешься подняться по лестнице — под тобой ломаются перекладки, но когда решаешь прыгнуть с обрыва, невесть откуда появляется крюк и цепляет тебя, убогого.

Он не совсем понял эту песню и ролик, и не понял, чего это ангел смерти хотел, чтобы он увидел. Ангел смерти? Чьей? Его или...

Он думает, что песня была о богатых, зарабатывающих на войне, или даже начинающих войны, чтобы за-

работать. Ну и что? Кто сейчас этого не знает? И всем наплевать, что знают. Так всегда был устроен мир, так что же? Может, это еще было новым во время Гражданской войны или в древней истории. Ага, вот эта же *группа* тоже пытается заработать на войне? Обхохочешься.

Но вся эта фигня насчет «буря разразится, чей-то сын, покой в зеленой траве» и все прочее... Может, это разговор о том, что случится, когда солдаты вернутся домой и задумаются... о чем? Что делали работу, которую их научили делать?

Джереми чувствует, как от него горячим туманом поднимается испарина. Желудок крутит, сейчас его вырвет, и добраться до ванной, пока не разразилась его собственная буря, — тяжкий труд.

«Знаете, сколько детей убили наши так называемые герои?»

— Да что ты в этом понимаешь? — спрашивает он у экрана телевизора, уже перешедшего к следующему эпизоду, где Феликс Гого за столом у себя в кабинете и чирикает с какой-то грудастой мексиканской актрисой. Она сидит на красном диване, сделанном в форме двух губ.

Фишка в том, что в ролике не сказали напрямую: солдат убивает ребенка. Может быть, убил, может быть, не убил. Джереми знает только одно: каждый квартал был полем боя. Особенно в Фаллудже, после того как ребят из «Блэкуотера» размазали. Будь Джереми солдатом из этого ролика, он бы мальчишку пристрелил на месте. Стреляешь в меня — я тебя убираю. Но опять же... Где было оружие у этого мальчика? Может, он просто случайно там оказался, бывало и такое. Случайная жертва при выполнении задания, невелика важность. Пригибаешься и идешь дальше.

«И вы хотите внушить людям, что наши солдаты там стреляют в детей? Что после всего, что они сделали для

нашей страны, после всех принесенных ими жертв вы из них делаете убийц детей?»

«Мы над этим работаем», — сказал этот панк.

Джереми наклоняет голову и зажмуривается очень крепко. Начинает просыпаться старая ярость, и если бы эти брехливые мерзавцы оказались здесь, он бы их всех передал, как клопов, одного за другим. Просто чтобы лживые пасти заткнуть.

А кто-то стоит у него за правым плечом и наклоняется и говорит едким шепотом, саркастическим и вызывающим:

— Ты мой пес*?

Джереми вскидывает голову и оглядывается, но никого больше нет. Так ему говорил его старый ганнери-сержант, Ганни, когда у Джереми разрывались легкие от долгих миль бега в гору, или когда он полз по грязи с полной выкладкой, или делал бесконечные отжимания, или что еще, что сержант для него придумывал. Перевод: парень с девчачьей фамилией** не должен быть девчонкой — в Корпусе служат *мужчины*.

Больше он ждать не может. Он поднимает себя усилием воли, шатается из стороны в сторону, сталкивается с телевизором, заставляет себя повернуть колени туда, куда хочет идти, и начинает двигаться в ванную. Коридор превращается в узкий проход лабиринта ужасов, памятный с детства, но тут ничего веселого нет. После столкновения — на этот раз со стеной — он попадает в ванную, падает на колени и успевает выблевать в унитаз процентов восемьдесят принятого на борт, а остальные двадцать процентов — на пол.

---

* Игра слов: фамилия Петт (Pett) произносится как слово «pet» — домашний любимец, обычно собака или кошка.

** В оригинале: pussy last name. Слово pussy имеет два значения: одно — «кошечка», второе — грубое название женского полового органа.

Когда дело кончено и рвотные спазмы стихают, Джереми старается рассмотреть рану. Он слишком устал, чтобы как-то серьезно ее обработать, а может, нужна пара швов, но вроде бы кровь запеклась. Слышно, как старик снизу стучит в потолок — похоже, ручкой от метлы. Небось раздражается по поводу всего этого шума, побоялся, что в его ванной обрушат потолок. Через несколько секунд стук прекращается. Джереми медленно поднимается с пола, включает холодную воду и плещет ею себе в лицо. Левую руку заматывает полотенцем. Тяжело моргает, видя покрасневшую воду в ванне, струйки крови на белом фаянсе, грязь на полу.

Завалил работу начисто, думает он мрачно.

Не будет сегодня дороги в Елисейские поля. Кое-что надо продумать, разложить в голове по полочкам. Он берет фотографию Карен и Ника и нетвердым шагом идет в спальню. Включает верхний свет. Ставит фотографию на ночной столик, достает из шкафа «Ремингтон-700» с прицелом «Таско» и ложится на кровать, тупо уставясь в потолок, прижимая к груди оружие.

«Моя винтовка, — думает он. — Их много есть таких, но эта — моя. Моя винтовка, мой лучший друг. Она моя жизнь. Я ее хозяин и точно так же должен быть хозяином своей жизни. Моя винтовка без меня бесполезна. Без моей винтовки бесполезен я. Из моей винтовки я должен уметь правильно стрелять. Стрелять лучше моего противника, который старается застрелить меня. Я должен его застрелить раньше, чем он застрелит меня».

После своей почетной отставки Джереми испробовал работы строителя, кровельщика, докера, охранника на складе стройматериалов, охранника в торговом центре, клерка в магазине видеозаписей, мойщика машин, продавца в магазине «7-11», а последние четыре месяца ра-

ботал мусорщиком. Две недели назад его уволили в связи с сокращением городского бюджета.

Он давно уже понял, что больше всего годится для той работы, где нужен инструмент, лежащий сейчас у него на груди. Вопрос вот в чем: как может человек использовать свой дар — Богом данный дар снайпера морской пехоты — вне поля боя? Но после сегодняшнего вечера и появления ангела смерти с лицом Криса Монтальво он понял, что его работа, возможно, еще не закончена. И ролик, который ему сейчас показали, может быть ответом на его вопрос.

Профессиональный убийца.

Он может стать наемным ликвидатором.

Они нужны людям — чтобы избавляться от проблем. Правительствам и корпорациям — чтобы их секреты оставались секретами, а враги молчали. Избитым женам — чтобы избавляться от тиранов-мужей. Очень много есть фильмов, где профессиональные ликвидаторы делают то, что необходимо сделать. А откуда они берутся? Да больше всего из военных. Из таких, как он, обученных выбирать цель и посылать пулю. Один выстрел — одна жизнь. А почему нет?

Максимус в «Гладиаторе» на самом деле и есть такой профессионал. Выученный для войны, преданный своими начальниками, окровавленный, но не согнувшийся, этот человек выходил на арену убить или погибнуть.

«Вот и я, — думает Джереми. — Я это могу».

У него есть винтовка и автоматический револьвер сорок пятого калибра, купленный для самозащиты. И для них полно патронов — здесь же, в шкафу на полке. «Ремингтон» мало отличается от винтовки, с которой он работал в Ираке. Прицел не такой мощный, но на стрельбище на севере Темпла он по-прежнему попадает в цель за пятьсот ярдов — почти всегда. Кое-какие деньги у него

имеются, не так чтобы куча, но есть действующая кредитная карта. И темно-синий пикап, побитый и поцарапанный, семилетний уже, но на нем можно добраться куда хочешь.

Все, что ему нужно, чтобы начать работу, — это цель.

Или цели.

Пять штук, быть может.

Если положить их всех, можно будет выбрать, куда поехать. Скажем, в Мексику. Видит Бог, там смогут использовать его талант — против наркобаронов. Потому что если он будет профессиональным ликвидатором, то работать захочет только ради правого дела. А эта группа... эта когорта панков в телевизоре, триндащая, что солдаты Армии Соединенных Штатов убивают в Ираке детей, что эти солдаты должны стыдиться и страдать — за что? За выполнение своего долга? За простое выполнение приказов, за то, что жертвуют будущим не только своим, но и своих жен и детей... Эти сволочи закидывают дерьмом память Криса Монтальво и всех ребят, что там жизнь положили?

Эта группа на стороне неправого дела.

«Наверное, надо бы поспать сейчас, — думает Джереми, — дать себе отдохнуть». Он думает: надо бы пойти утором в аптеку, взять антисептика какого-нибудь и бинтов и руку перевязать. Можно пойти хорошо позавтракать в «Крэкер-боллер» на Дженерал-Брюс-драйв. Можно зайти в библиотеку, выйти в сеть и найти сайт «The Five». Проверить, посмотреть, где они когда будут. Составить план. Можно бы взять с собой стволы, остаток денег и кредитную карту — и в Даллас, где они завтра будут играть. Выцелить их, выражаясь фигурально.

В наши дни профессиональный ликвидатор может заработать много денег. Но сперва должен показать потенциальным работодателям, что дело свое знает. Хотя опыта ему и так не занимать.

Эта группа со своим враньем... Нельзя, чтобы они и дальше выпускали этот яд. Да, у нас свободная страна, слава Богу, и каждый имеет право на свое мнение, но это... это уже не свобода слова, это излучение ненависти.

«Мы над этим работаем», — сказал длинноволосый гад.

А это действие врага, явное и простое. Это рак, разъедающий страну изнутри.

Лежа тихо и неподвижно, Джереми вдруг понимает, что нашел смысл жизни.

Он закрывает глаза, слушая шум крови в жилах.

И когда в голове у него тихо шелестит язвительная подначка: «Ты мой пес?» — он не колеблется с ответом.

— Да, — говорит он. — Да, я такой.

Глава шестая

Кочевник увидел, что на крыльце для него оставили свет. Непонятно было только, забота это или упрек.

Он вышел из такси на темную пригородную улицу, расплатился с водителем. Такси уехало. Ночь переходила в «предутреннюю печаль» — так называлась песня, которую Ариэль с Терри написали для диска, записанного «The Five» в прошлом году.

Ночь близится к утру, уже четвертый час.

В унынии повисли стрелки до рассвета.

Иду куда-нибудь. Мне все равно сейчас.

Мне незачем домой, когда тебя там нету.

Песня малость отдает Лореттой Линн, несколько нервная и неровная от пульсирующего звука «Б-52 фарфи-

сы». Такую песню мог бы записать Джо Кинг Карраско и «Сгоуэрс» где-нибудь в середине восьмидесятых.

Как бы то ни было, а сейчас было именно это предутреннее время воскресенья.

С воскресными утрами та фишка, думал Кочевник, идя к ступеням домика в юго-западном районе Далласа, что после субботних вечеров всегда приходят они.

Было тихо, только собака лаяла где-то квартала за два. Задувал слабый ветерок, и светила сквозь деревья луна, только начинающая убывать. «Жестянка» с трейлером стояли перед домом, напротив детской площадки, где вчера днем качалась на качелях Ариэль. Он смотрел на нее из окна, просто смотрел. Он знал, что она пыталась снять Нила Тэпли с зелья. Он знал, что она была неравнодушна к Нилу, опасно равнодушна, позволила себе слишком погрузиться в его испытания и проблемы. Она слишком за него переживала, вот и все. Если слишком за человека переживать, он может разбить тебе сердце. Если слишком близко подойти, слишком жить его жизнью, то ты на это сама согласишься. Кочевник видал, как распадаются группы в результате того, что казалось влечением, желанием, любовью, назови как хочешь. Так что пока он тут император, в *его* группе такого не будет. Не важно, что вы спите в одной комнате или в одной кровати, и что вы чаще вместе, чем порознь, и что тебе нравится, как человек пахнет, и ты балдеешь от его улыбки и голоса, и что-то в этом человеке вызывает в тебе к чему-то, чего еще нет, но что хочется, чтобы было.

В *этой* группе ничего такого не будет.

Он взошел по ступеням, открыл сетчатую дверь и аккуратно ее затворил, следя, чтобы не хлопнула. Хотелось надеяться, что входная дверь не заперта, — иначе придется спать на полу здесь, а не на полу внутри. Через пару секунд он узнает, какой вариант его ждет.

Пять часов назад он был в совсем другой обстановке.

Грохочущее эхо его электрифицированного голоса над головами зрителей в «Кертен-клуб»:

— Привет, люди! Спасибо вам, что пришли, и надеюсь, что вам понравится.

Быстрая барабанная дробь Берк, потом пульс большого барабана — сто двенадцать ударов в минуту, шипение тарелок и первый струнный звук, чудовищное «ре», загремевшее из табачного цвета «стратокастера» Кочевника. Ариэль встречает его своим «фа», и вместе они уходят на «соль» на ее глянцево-белой «Шектер Темпест». Майк берет низы на своем огненно-красном «Фендере» семьдесят восьмого года. Терри замирает в ожидании. В зале многие знают, что за песню они слышат, знают по начальным аккордам, потому что она была на первом диске «The Five», названном по имени группы, и они начинают вопить, а Кочевник подходит к микрофону и поет, выхваченный из темноты алым прожектором, самым хриплым, самым рычащим голосом:

Я по главной улице ехал не спеша,
Для моей конфетки эта скорость — тихий шаг.
Вдруг сирены взвыли за моей спиной.
Леди Правосудие гонится за мной.

Злой коп!
Она была злой коп!
Сказала, что я — урод,
Что задницу мне надерет.
Она была злой коп!

И каждый раз, когда Кочевник пел строчку «Злой коп!», фаны в зале подхватывали припев и размахивали банками пива — своего рода ритуал именно для этой песни, который сложился еще во время первого турне. Как

возникают такие обычаи, гадайте кто может, но Кочевник посмотрел на Ариэль и довольно кивнул, потому его уже уносила волна энергии. Многоцветные огни переливались вокруг, разного градуса синее, желтое и ярко-оранжевое. Поверхность микрофона на стойке вспыхивала, будто звезды взрывались. Он смотрел на свой мир.

Говорю, мол, офицер, у вас потрясный вид.
А она мне — слай назад, от тебя разит.
Зубы заговаривать мне не торопись,
Ну-ка из машины и по прямой пройдишь.

Злой коп!
Она была злой коп!

Они сегодня выступали уже вторыми, после «Critters». За их сорокапятиминутным выступлением пойдут местные фавориты Джина Фейн с группой «Mudstaynes», а к полуночи гвоздь программы — группа «Naugahydes» из Лос-Анджелеса, имеющая контракт на запись с «Интерскопом», исполняющая песню в новом фильме Адама Сэндлера и расползшаяся сейчас по артистической с таким видом, будто они здесь хозяева. Кочевник тоже мог носить кожаные штаны в обтяжку, когда ему было двадцать. Пусть ребята ловят момент.

Я ей — вы шикарны, форма, мол, ништяк.
Я, положим, выпил, детка, но совсем пустяк.
А она мне — болтовней ты не спасешь свой зад.
На колени и считай от сотни и назад.

Злой коп!
Она была злой коп!

Желтые и синие прожектора скрещивались в воздухе над залом. Все стояли, наставив камеры. Кочевнику пле-

вать было, что на YouTube появятся так называемые нелегальные ролики. Сейчас идет веселье, и это здорово. Пусть большая часть публики пришла на гвоздь программы, но сейчас в центре внимания на авансцене «The Five», сейчас ее время показывать, на что она способна. Барабаны Берк заполнили зал, Терри заиграл в тембре органа, начав высоко и красиво, как пение ангела, и вдруг опустив звук низко и злобно, как будто мечется накачанный амфетаминами демон.

Злой коп!

Она была злой коп!

И сразу за открывающей песней Терри начал пульсирующее вокстонное введение одной из принесенных им песен шестидесятых, «Твое тело, не твою душу», голландской группы «Cuby & the Blizzards» шестьдесят восьмого года, и Кочевник бросился в ее мотив под грохочущие в спину барабаны Берк, среди вертящихся красных огней с потолка. Это тоже была любимая песня фанов, подходящая к личности и голосу Кочевника, и он умел душу вывернуть ею. Ариэль выступила вперед сразу после припева и показала, что ее «Шектер Темпест» тоже может устроить бурю. Группа перешла к следующей песне, в которой ведущую партию чередовали Ариэль и Кочевник, — медленная блюзовая мелодия с названием «Набираю твой номер».

Набираю твой номер — гудки. Напрасно грузу провода.

Набираю твой номер — гудки. Любовь к тебе —
путь в никуда.

Перережь этот провод, что держит меня, поводок
из любви и тоски.

Я опять набираю твой номер, и снова гудки.

Песня кончилась первобытным плачем гитар — Кочевник и Ариэль играли гармонично, потом в диссонанс. Следующая была «Когда ударит гроза», которую Кочевник представил как новое видео с третьего и пока последнего диска группы, названного «Кет-ЦЕЛЬ-коатль оправдывает средства», который продается в фойе со всяким прочим барахлом.

— Я надеюсь, что мы сможем вытащить всех из зоны боев и доставить домой, — сказал он публике, стоя под белым прожектором. Хотел на этом и остановиться, но не смог. — А Буш и Чейни — блядские вруны.

Он собрался, ожидая реакции на эти слова. Почти вся публика завопила (что Кочевник воспринял как согласие), некоторые молчали — может быть, слишком набрались, чтобы возражать. А потом Берк повела ритм, Майк вышел с бас-гитарой и врубился в мотив. Реакция была очень хорошая, за что Кочевник был благодарен — песня очень непохожа на все, что они обычно делают.

Где-то в середине выступления Кочевник и Ариэль отступили в стороны, давая Берк исполнить соло на ударных, перешедшее в дуэль с бас-гитарой Майка, и Терри внес в эту битву рычание органа. Эта демонстрация музыкальной рубки всегда удавалась хорошо, и Кочевник заметил, что фанатки Берк — они же фанатки Джинны Фейн, преданной гражданки той же нации, — в быющем через край веселье танцевали на левой стороне сцены.

Кочевник читал на Yahoo статью, где говорилось, будто финские ученые провели испытание одной рок-группы, выясняя, насколько изматывает эта работа. Они выяснили, что нагрузка сравнима с физическим трудом примерно за такое же время. Работа гитариста и ведущего вокалиста похожа на копание канав или перестановку мебели, ударник работает не меньше каменщика, а басист выматывается примерно как мясник. Температура

тела взлетает до ста градусов, выступает испарина, пульс мечется от ста двадцати восьми до ста сорока четырех ударов в минуту. Концерт шел к концу, и Кочевник ощущал его всеми клетками, а еще предстоял последний номер и на бис — если публика захочет. Основную часть выступления они закончили песней «Отчаяние не бывает красивым» — высокооктановый рок, завершающийся яростным взрывом барабанов и тарелок Берк, а потом сошли со сцены, давая вареву пару минут покипеть. Когда группа вернулась на свои места, Кочевник поблагодарил зрителей за реакцию, напомнил, что в фойе продаются диски и футболки «The Five», а потом произнес с нажимом в микрофон: «Вселенная провоняла керосином», — вторая песня ретро, принесенная Терри, «Затемнение в Грэт-ли», гаражной рок-группы «Gonn» тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Песня-землетрясение, топот динозавра, который, как иногда опасался Кочевник, может толкнуть толпу на уличный бунт, если ее еще разогреть выпивкой. Песня кончалась смазанным гулом расстроенных гитар.

— Спасибо, Даллас! Веселье продолжается! — крикнул Кочевник в микрофон.

Берк бросила барабанные палочки в толпу обожателей, и группа «The Five» ушла со сцены, освобождая место следующей. а работники клуба унесли аппаратуру туда, где она хранится.

В артистической за сценой они пробыли всего несколько минут, заглатывая воду из бутылок и расхватывая с тарелки сырые овощи и три пиццы-пепперони — одна без сыра. Тут подошел Джордж.

— Классно выступили, парни, просто классно! — сказал он. Он никогда не произносил таких слов, если думал иначе. — Джон, слушай, тут с тобой говорить хотят.

— Потом, — ответил Кочевник, устраиваясь на складном стуле с пищей без сыра в зубах.

— Ну да... я сказал, что ты устал, но он говорит, что ему уезжать надо. Проехал двести миль, только чтобы тебя увидеть, говорит. Просит тебя подписать шесть дисков и четыре футболки.

— *Потом*, — повторил Кочевник. Джордж не уходил, Кочевник нахмурился. — Слушай, отстань! Дай передохнуть!

— Шесть дисков, четыре футболки, — повторил Джордж. — Это недолго.

— Тащи его сюда, если ему так загорелось. Мы все подпишем.

— Уже просил. Он говорит, что ты должен к нему выйти и что ему нужен именно ты.

— Странный какой-то тип, — заметил Майкл. Он сидел, закинув ноги на стол с пищей. — Непонятный.

— Я никому ничего не должен, — заявил Кочевник Джорджу. — И вообще я сейчас ем. Скажи ему, чтобы подождал.

— Надо выйти, — сказала Ариэль. Она устроилась рядом с Терри, оба на складных стульях, а Берк сидела, ссутулясь, на деревянной скамье, разминая мышцы шеи пальцами. — Может, он фанатскую страничку ведет.

— Я одно могу сказать: это *деньги*, — добавил Джордж. — И никому из вас не будет вреда, если на секунду выйти из этой пещеры и показаться фанатам.

— Это не на секунду, — напомнил Кочевник. Он понял, что Джордж не уйдет, не добившись какого-то компромисса. — Ладно, — сказал он, сдаваясь и поднимая руки. — Дай мне пять минут.

— Приятно быть популярным, — усмехнулась Берк. — Это наверняка фрик, и у него в постели кукла с твоим лицом.

— Уж кто бы говорил, — ответил ей Майк.

Кочевник вышел из комнаты, вниз по короткой лестнице и в дверь мимо мрачного охранника в черном, в зал клуба, где ходили, разговаривали и пили люди, ожидая следующей группы. Тут же его увидели, узнали, стали ему кричать, салютовать кружками, направили с полдюжины камер сотовых телефонов, начали хлопать по плечу, по ладоням, — все сразу. Какие-то девчонки бросились к нему, улыбаясь до ушей, а их парни отошли чуть назад. Кочевник продолжал идти, хотя дорога перед ним начала сужаться. Вот почему, в частности, он не любил выходить в зону для публики после выступления в больших залах: никогда не знаешь, не попытается ли чья-нибудь подвыпившая подруга схватить тебя за задницу, а ее не менее подвыпивший бойфренд тут же начнет в твою сторону махать кулаками, или какому-нибудь обдолбанному ковбою не понравится, как тебя приветствуют, и он захочет проверить, правда ли ты так крут, как думаешь, или найдется идиот, который решит, что ты украл у него песню, написанную им в мечтах, и пусть и ты, и все вокруг об этом узнают, или прицепится к тебе крепче суперклея какой-нибудь хмырь и начнет рассказывать, как ты классно поешь и что ни у кого другого такого голоса нет, и будь другом, послушай вот этот дома записанный диск, потому что это потрясающе... В общем, никогда не знаешь, что может стрястись. Все это с ним уже бывало — и еще многое другое.

Он увидел, что Джордж стоит у стойки, где продаются сувениры. Подсчитывает, естественно. Чья-то рука схватила Кочевника за плечо, он обернулся, чтобы хлопнуть по ладони какого-то парня — волосы дыбом, футболка «Kings of Leon». Пробрался через еще одну группу людей, будто выстиранных в пиве, и Джордж сказал: «Вон тот, вот там», — и провел его мимо трех девиц, у которых

платья были будто напыленные разными оттенками красного.

Вдруг Кочевник оказался прямо напротив здоровенного парня с ежиком каштановых волос и длинным небритым подбородком. Одет этот человек был в мешковатые джинсы и синюю рубашку в белую полоску с длинными рукавами. Глаза у него были запавшие, как будто он только что проснулся от тяжелого сна. А в руках — зеленый пластиковый пакет.

— Вот он, — повторил Джордж.

Кочевник не понял, к кому из них он обращается.

— Привет, — сказал тип.

— Как она, жизнь? — спросил Кочевник, замечая одновременно, что три красные девицы приближаются к нему справа. Две блондинки, не натуральные ни по цвету волос, ни по размеру буферов, но которая посередине с рыжеватыми волосами — та класс.

— Лучше всех, — ответил посетитель. Он яростно моргал — то ли нервничал, то ли ему очки нужны. И потом он вдруг резко шагнул в сторону, а за ним оказалась худощавая женщина.

— Джон Чарльз! — сказала она и улыбнулась, но работала только одна сторона рта. — «Трилистники», вперед!

««Трилистники»? — подумал он. — Школа в восточном Детройте? «Трилистники»?»

Кто эта женщина, он понятия не имел. Невысокая, изможденная, за тридцать, похоже. Опирается на металлические искривленные ходунки с резиновыми наконечниками, как ходят старики в больницах. Яркий радостный лиловый шарф обернут чалмой вокруг головы и заколот спереди золотой булавкой в виде бабочки. *Химия*, подумал Кочевник, поняв, что у женщины нет волос. Скулы и подбородок торчали так, будто хотели проткнуть

кожу. Бесформенные джинсы и белая блузка, на плечи брошен розовый свитер.

— Знаю, что не припомнишь. Я Черил Буониконти. В смысле была — теперь я Черил Каприата. Это мой муж Рей.

— Много о вас слышал. — Рей пожал руку Кочевнику. — Вы сегодня потрясающе выступили.

— Спасибо.

У Кочевника было ощущение, будто его сбили на пол и он пытается подняться. Он учился с Черил Буониконти с шестого класса по восьмой в Оуквуд-миддл-скул, а потом еще два года в старшей школе восточного Детройта. Черил уехала со своими родными летом перед последним классом. Та Черил, которую он знал, была озорной девчонкой, даже в группу входила «Flirty Four», математику секла на раз, репортером была в школьной газете и сверху вниз смотрела на тупиц, хулиганов и двоечников, с которыми тусовался Джон Чарльз.

— Спасибо, что пришел, — сказала Черил. — Мне сейчас через толпу пробираться не очень удобно.

— Да ноль проблем, — ответил Кочевник и чуть не поперхнулся собственными словами, услышав свою интонацию. — Э-э... Черил, Боже мой... ты в Далласе живешь?

— Нет, мы к востоку от Шривпорта, в Миндене. Рей в школе алгебру преподает. Я... то есть мы следим за твоей страницей в сети. За твоим брендом в смысле. Не то чтобы даже следим, потому что это первое представление, на которое мы приехали, но...

— Держимся в курсе, — подсказал Рей.

— Стараемся держаться. — Черил снова улыбнулась, и на этот раз что-то сверкнуло в карих глазах, напомнившее прежнюю озорную девчонку. Но проблеск мелькнул и погас. — И не только мы. На Facebook полно народу из

школы восточного Детройта. — Она назвала нескольких, почти всех Кочевник вспомнил как существовавших в иных, высших слоях атмосферы. — И все за вас болеют. Я помню ту демонстрацию талантов в первый наш год в школе. Ты тогда вышел на сцену со своей группой — как она называлась?

— «The Unwanted», — сказал Кочевник.

— Вот тогда я подумала, что вы нашли свое дело. И мне хотелось найти для себя что-то такое же важное, как для тебя музыка. Кажется, нашла. Можно показать тебе фотографию нашей дочери?

— Даже желательно.

Рей извлек из бумажника фотографию девочки лет восьми-девяти. У нее были мамины карие глаза, волосы челкой спереди и открытая, уверенная в себе улыбка.

— Вот мой ангел, — сказала Черил. — Зовут ее Кортни, и ей только что исполнилось девять.

— Впечатляет, — ответил Кочевник, и ему показалось, что ангел нужен каждому — какого-то рода ангел. Он вернул фотографию Рею.

— Мне пришлось уехать летом, перед выпускным классом. Папа потерял работу на заводе «Файрстон», мне даже не представилась возможность попрощаться с друзьями, и мы поехали в Луизиану к дяде Берту на какое-то время. Я думала, что после лета вернусь, понимаешь?

— Тебе, наверное, туго пришлось, — ответил Кочевник, понимая, что ей важно не только объяснить это ему, но еще и получить реакцию.

— В общем, да, но... я же понимаю, это не то, что с тобой было в шестом классе. У тебя с отцом. Я помню, мои про это говорили между собой. Ой, слушай, я тут растрепалась, как мама в очереди в «Пабликсе». Подпишешь нам эти штуки? Рей, ручка есть?

— Есть, — сказал Рей, доставая из кармана серебряный маркер.

В зеленом пакете были диски и футболки. Рей протянул первый диск для подписи, и Кочевник глянул на Черил:

— Имя писать настоящее или сценическое?

— Да какое хочешь. Я просто так рада встретить здесь человека из нашей школы! Правда, хорошие были времена?

— Это да, — ответил он и подписался: Джон «Кочевник» Чарльз. Интересно, давно ли Черил болеет и какой у нее прогноз? Спрашивать не хотелось, но выглядела она плохо. В какой-то момент Кочевник, подписывая очередной предмет, услышал, как Рей спрашивает: «Как себя чувствуешь?», а она ответила: «Нормально». Рей обнял ее за плечи, помогая держаться на ногах, а Кочевник продолжал подписывать.

На последней футболке он под своим именем написал: «Трилистники, вперед!»

— Можно сфотографировать? — спросила Черил, и Кочевник сказал: конечно, сколько захочет.

Рей защелкал камерой, Кочевник обнял Черил за хрупкие плечи, приблизил к ней лицо. Он заметил, что три девицы подошли к нему вплотную, чтобы тоже снять этими вездесущими телефонными камерами. Они смеялись громким пьяным смехом, толкали его плечами и бедрами, а он им как можно вежливее сказал, чтобы отошли назад, что они ему мешают, и одна из крашенных блондинок обозвала его тупым мудаком, а другая сунула средний палец прямо ему в лицо, и первая блондинка это щелкнула. Но они отошли обратно в толпу, а когда Рей закончил снимать, Черил сказала: «Я тебе кое-что принесла», достала из кармана джинсов и положила в руку Кочевнику кусочек горного хрусталя. Он тут же уз-

нал: такой хрусталь с собой носят те, кто верит в натуропатию.

— Спасибо, — сказал Кочевник. — Я тебе очень благодарен, что пришла на наше выступление.

— Мы бы его ни за что на свете не пропустили. Но остаться мы не можем, к сожалению, — нам надо вернуться сегодня домой. Я картинки выложу на Facebook. Очень многие мои знакомые будут в восторге. А если когда-нибудь будешь проезжать через Минден, наш адрес есть в справочнике. Под именем Реймонд Каприата. — Это имя она произнесла по буквам, потом сжала руку Кочевника тонкими пальцами и улыбнулась: — Так радостно знать, что кто-то из нашей школы добился исполнения своей мечты. На это мало кто способен, Джон. И я так горжусь возможностью сказать, что знала тебя в те дни.

Кочевник кивнул. «В те дни, ага». Он ощутил горький наплыв сарказма, ему хотелось спросить: «Какие конкретно дни? Тот вторник, когда Квинс Мэсси и двое его подстилок напали на меня на парковке сзади, а когда отделили, засунули в мусорный ящик и захлопнули крышку? Или та пятница, когда мне в шкафчик подбросили измазанную соплями записку, что если еще хоть раз посмотрю на Софию Чандретт, могу прощаться со своими яйцами? Нет, суббота, когда в драке возле Олив-гарден я увидел у Квинса Мэсси нож и ударил его в горло изо всей силы, а потом приходила полиция меня арестовать за избиение? Отличные дни, конечно».

Но ничего этого он не сказал, потому что когда все это было, Черил уже была в Луизиане, а может быть, уже тогда темным пятнышком завелся в ее теле рак.

Так что он только наклонился к ней, поцеловал в щеку и сказал:

— Ты береги себя, о'кей?

— Обязательно.

Она слегка порозовела. Снова чуть ожила озорная девочка, в самой глубине душевных глаз.

— *Кочевник*, — сказала она, и муж взял ее за руку, помогая идти. Она шла медленным осторожным шагом, тяжело опираясь на металлическую палку, и Кочевника поразило, какими юными показались ему все остальные люди, как они молодо двигаются, разговаривают и выглядят, хотя годами они не намного моложе Черил, да и его тоже. У него было ощущение, что он из двадцатидевятилетнего вдруг стал пятидесятилетним. Но Черил едет домой, рядом с ней ее муж, а там ее ждет дочка. Не так-то уж плохо, да?

Когда он отвернулся, его задел плечом здоровенный парень в темно-серой толстовке с капюшоном, спешащий к выходу. Кочевник хотел было спросить: «Где пожар?» — но представил себе, как кто-то услышит, крикнет: «Пожар!» — то ли как пьяную шутку, то ли просто от глупости, и решил промолчать. К нему подошел какой-то человек, восхищенно сказал: «Охренительно выступили, парни!» — и полыхнул камерой ему в лицо. Кочевник нашел глазами Геня-Малыша, который вернулся к стойкам, где продавались сувениры.

Джордж не только вел учет продажам, но следил по телефону за другими цифрами.

— Триста тридцать восемь посещений нового ролика на YouTube, триста шестьдесят одно на MySpace и четыреста двадцать шесть на веб-странице. Неплохо, еще только повесили.

— И сколько раз ты сам его смотрел?

— Несколько, не много. Ты все уже выяснил с этими людьми? Она мне сказала, что с тобой в школе училась, хотела сделать сюрприз. Удалось?

— Удалось.

— Не хочешь подписать пару футболок, пока ты здесь?

— Я уже почти *там*, — ответил Кочевник и вошел в главный зал, где через несколько минут, плюс-минус, должна была выступать группа Джини Фейн. Он мельком заметил Берк в окружении пяти или шести женщин, они смеялись и болтали, и он заметил — как замечал всегда, когда видел, как Берк тусуется с сестрами, — что у них там пара девок с плечами, как у тexasских дровосеков, с мрачно поджатыми губами и устрашающим видом, а остальные стараются поддерживать в себе такой жар, что стальное дилдо расплавится. Наверное, подумал Кочевник, дело в самой *идее*, что им не нужны мужчины, чтобы так завестись. Может, дело в том, что если только они не встраиваются в роль мужика, то не педалируют так свою сексуальность, как бывает с женщинами обычной ориентации. Кочевник видал Берк в компании совершенно ошеломительных женщин, от которых хотелось, как говорил Майк, «попытаться и возрыдать». И еще дело было в том, как они на тебя смотрели. Либо долгим взглядом холодных отстраненных глаз, будто вызывая тебя перейти невидимую черту, либо полосовали несколькими быстрыми взглядами и перерезали тебе горло кинжальной полуулыбкой.

— Привет! — сказала девушка, оказавшаяся рядом с его левым локтем. В руках у нее была банка пива, и она наклонилась поближе, чтобы перекрыть шум. — Прости, что они вели себя как идиотки.

Это была та рыженькая, спутница двух крашенных блондинок. На вид ей было лет двадцать, глаза светло-зеленые, симпатичный курносый носик и татуированная синяя звезда на правом плече.

— Ты из той группы, которая сейчас играла, — сказала девушка, будто хотела убедиться.

Веки у нее были тяжеловаты. Наверное, не первая уже банка пива сегодня.

— Ага.

— Хочешь поехать куда-нибудь? — спросила она, доставая ключи от машины с серебряным плейбойским зайчиком на цепочке.

Постороннему трудно понять, в какую попадаешь мясорубку, когда едешь с группой на гастроли. Трудно представить себе, что весь блеск и легкость — искусственные. Трудно понять, что турне — это мили и часы, часы и мили дороги, а если нет — так ожидание. Есть три вещи, которые эту мясорубку делают сносной: первая — сам концерт, где всегда либо парадиз, либо пандемониум, вторая — частое употребление незаконного, но вполне естественно выращенного вещества, чтобы облегчить ток электрической энергии, выдаваемой в парадизе, и чтобы потом можно было спать в ту же ночь или на следующий день, или же разозлиться и спустить собак на своих товарищей по группе после катастрофы в пандемониуме.

А третья?

Вот на нее Кочевник сейчас и смотрел.

— Конечно, — сказал он, как много раз говорил раньше. — А твои подруги?

— Да пошли они, стервы, — буркнула девушка. — И вообще машина моя.

— О'кей, только я поведу, наверное.

Следующие три часа Кочевник провел в квартире на Эймсбери-роуд в северном Далласе. Было видно, что здесь живет еще и соседка, и была запертая вторая спальня, но оттуда никто не вышел. Они с девушкой (звали ее Тиффани, и работала она в Галерее кем-то там, он так и не понял) покурили травки, смешали в блендере несколько «маргарит», она показала свою коллекцию Барби-Деннрожденный-Камень, очень дорогие, как она сказала, и одной только у нее нет: мисс Опал, октябрь. А потом Тиффани спросила, не хочет ли он под душ. Он запом-

нил, что когда ответил, что идея потрясающая, по телевизору как раз был «Воин-Ниндзя».

Когда они были уже мокрые и намыленные, Тиффани спросила, не возражает ли он, если она поставит видеокамеру и пару клипов снимет в спальне, потому что она от их пересматривания вся горит потом, и вообще она любит, чтобы ею руководили. Кочевник, который уже увидел вытатуированного дельфина, выскакивавшего из розовой щели между бедрами, и успел подумать: «Блин, опять этот дурацкий Флиппер», только пожал плечами. Не в первый раз. Он уже несколько лет назад думал завести себе на такие случаи черную маску. Не раз бывало, что девушка сажала в шкаф подругу с видеокамерой. Этот технофетишизм даже смешил — не могут люди *жить*, не держа в руке какой-то прибор. Но сейчас не время было рассуждать о будущем цивилизации, подсевшей на порнуху или электронную фиксацию важных событий, потому что Тиффани уже встала на колени.

Они перебрались в спальню, где Тиффани показала себя опытным игроком и к тому же громким, и она на весь дом, на весь Даллас и почти на весь северный Техас объясняла, насколько грубо она любит, чтобы это делали, и в какое именно отверстие. Соседи у нее либо глухие, либо они просто переворачиваются с боку на бок со словами: «А, да это же Тиффани». Во всяком случае, в стену никто не стучал. Тиффани вытворяла такое, что ее Барби могли бы покраснеть, но Кочевник не сдавался. Однако когда она обрушилась на него сверху, ему вдруг померещилась Ариэль на сцене, облитая синим светом. Она пела, подыгрывая себе на акустической гитаре:

Эта песня — змея, она вползает неспроста.
Этот ритм — это треск ее гадючьего хвоста,
Она свернется в изголовье, и пока ты с другой,
Ты всегда будешь слышать этот треск над головой.

— Сильнее, сильнее, сильнее! — кричала Тиффани, но все равно не могла заглушить треск змеи.

Откричав и закончив все действия, они заснули. Потом Кочевник проснулся оттого, что рядом с кроватью стоял мужчина.

— Кто ты такой?

Голос Кочевника дрогнул. Он схватил простыню и натянул ее до подбородка, как какой-нибудь хлыщ из английской секс-комедии. Только было не смешно, потому что именно из-за такой сцены погиб его отец. Если этот тип вытащит пистолет, Кочевник был готов драться за свою жизнь.

Парень был тощий, с копной перепутанных светлых волос и в очках. Но музыкальный вкус у него был хороший, потому что одет он был в черную футболку с белыми символами из альбома «Zoso» «Led Zeppelin». Он был то ли пьян, то ли обкурен, судя по застывшей на лице ухмылке и по невозможности стоять прямо, не шатаясь.

— Тиффани? — сказал он, тряся ее за звездное плечо. — Тиффани, ну отзовись, ну?

Она была в полном отрубѣ. Что-то буркнув в розовую подушку, она отмахнулась, как от мухи цеце. Он продолжал ее окликать, требуя внимания, словно опечаленный младенец.

Кочевник решил, что пора натягивать шмотки и сваливать. Он слез с кровати, оделся поспешно, но стараясь без лишнего шума, а то вдруг этот панк психанет. Однако не успел он выйти из комнаты, как Тиффани села, протирая глаза, и заговорила с этим хмырем. Разговор был типа «ты правда хочешь получить еще один шанс и почему я должна его тебе давать?» — и как-то совершенно неуместно прозвучало, когда Тиффани вспомнила про Кочевника.

— Там на кухне телефонная книга... вызови себе такси.

— А какой тут адрес?

Она замотала головой, пытаясь привести в порядок цифры, а фанат «Led Zeppelin», который явно был в этой квартире не чужой, сообщил, не глядя на Кочевника:

— Скажи: жилой дом «Зона» на Эймсбери-драйв. Они знают.

Кочевник не сомневался, что знают. Он вспомнил, как уже возле самого дома проехали мимо круглосуточного «Арби», и сказал, вызвав такси, что ждать будет там. Потом он вышел, ловя спиной хлесткую речь Тиффани, а бедный этот парень чуть не рыдал.

Рок-н-ролл, бэби!

Вот так и получилось, что Кочевник подходил к дверям пригородного дома в четвертом часу утра. Попробовал дверную ручку — она оказалась благоразумно заперта от таких, как он. Он уже стал подумывать, не свернуть-ся ли на крыльце, когда приоткрылась дверь и показалось знакомое лицо.

— Привет, братец. — Майк открыл дверь пошире. — Слышал, подъехала машина, решил, что это или ты, или Берк.

— Берк? Ее нет?

— Хорошо веселятся, наверное. Она с подругами рванула почти сразу после тебя с этой *чикитой*. Осторожно! — В тусклом свете из коридора Джон едва не наступил на Терри, лежавшего на полу в спальном мешке. Джордж устроился на диване, потому что знал владельца дома и сам организовал здесь ночевку.

Кочевник заметил, что задний двор освещен, а раздвижная дверь, ведущая туда, полуоткрыта.

— Ты спишь на улице?

— Нет. Проснулся уже какое-то время. Просто сидел там и думал.

— Серьезно звучит.

Майк пожал плечами. Ариэль вдруг заворочалась, подняла голову и посмотрела сонным взглядом на этих двоих, прищурившись, чтобы разглядеть, кто из них кто.

— Джон?

— Ага.

— Тут вообще-то люди спят, — сообщила она и снова задремала.

Кочевник подумал, что и правда, блин, все порядочные люди в такое время спят. А прочие по клетке мечутся.

* * *

— Эй! — шепотом окликнул Майк. — Хочешь сигарету?

Кочевник кивнул. Вслед за Майком он вышел через стеклянную дверь и задвинул ее за собой. Двор освещала пара охранных фонарей, установленных на свесе крыши, и свет падал на бетонные ступени, ведущие в огороженный кусок с газончиком. Там стояли стол для пикников, игровой домик, изображающий лесной форт, и детский бассейн, украшенный переводными картинками в виде улыбающихся морских коньков. У владельцев дома было двое детей, оба младше десяти, и спали они в глубине дома, подальше от этих бродяг-музыкантов. Когда-то отец был техником и мотался с группами — достаточно успешными, чтобы нуждаться в техниках и им платить, — но то когда было, а теперь он менеджер кинотеатра «Эй-Эм-Си», в котором, как он с гордостью говорил, шестнадцать экранов.

На столе для пикников стояла кофейная чашка, приспособленная Майком под пепельницу. Рядом с ней лежали пачка сигарет, зажигалка «Зиппо» с логотипом «Свя-

тые Нового Орлеана», небольшой блокнот в зеленой обложке и шариковая ручка. При свете охранных фонарей Кочевник разглядел в чашке три-четыре окурка. Он знал, что Майк ждет, пока вернется Берк.

— Она вполне самостоятельная, — сказал Кочевник и сообразил, что это он уже говорил в прошлые разы в похожей ситуации.

И ответ Майка был тем же самым:

— Да понятно, но я не за *нее* волнуюсь, брат.

Они сели за стол друг напротив друга. Майк предложил Кочевнику сигарету, сам тоже взял, оба прикурили от зажигалки.

Кочевник выпустил дым в ночной воздух.

— Вы там еще долго болтались?

— Да нет, не очень. Примерно половину выступления Джины Фейн. Крутая группа, а у Джины голосина ничего себе, гадом буду.

— Ага.

Ее на сайте «Mudstaynes» сравнивали с Дженис Джоплин. Может, не столько хрипоты в голосе, но ей всего двадцать. Кочевник слышал, что она догоняет Дженис по части выпивки и наркоты, и надеялся, что не найдет дурака, который ей для полноты картины даст попробовать героин.

Он посмотрел на ручку и блокнот:

— Пишешь?

Майк поморщился, будто вопрос был неуместен.

— Да так, балуюсь.

— Чем балуешься?

— Собственным хреном, — ответил Майк, давая понять, что дальше на эту тему разговора не будет. Он затыкнулся и прислушался к шуму подъехавшей машины. Где-то залаяла собака, другая ей ответила, но в остальном округа была охвачена предутренней воскресной ти-

шиной. — Отличный тут у них дом, — сказал Майк. — Бассейн мне нравится. В жаркую ночь можно прямо там свернуться.

— Ага, — согласился Кочевник.

Майк приложился к сигарете, затянулся, выдохнул, глядя на разгоревшийся огонек, как обычно делают курильщики. Потом протянул руку и отодвинул блокнот от Кочевника на четыре-пять дюймов, стараясь сделать это якобы невзначай, но все же получилось неловко.

— А ты знаешь, — спросил он, — что у Берк отчим умер в прошлом месяце?

— Да? Не знал. — Кочевник сдержанно улыбнулся. — Она же только с тобой разговаривает.

— Инфаркт. Первый был лет десять назад. Он ходил с ритмоводителем, принимал таблетки от давления и все такое прочее, но истекло его время. Они вообще не очень близки были.

— Я знаю. Она не слишком много о нем говорила.

Флойд Фиск его звали.

— Ну да. Я бы тоже не знал, но она мне сказала, что ей мать звонила. Из Сан-Диего. Сказала, что Флойд оставил одну вещь, которую хотел передать Берк. Чувал, наверное, что срок подходит, или просто на всякий случай. Но Берк говорит, что он оставил письмо... Типа там последние желания и все такое.

— Что он ей оставил?

— Она не знает. И мать ее тоже не знает. Чем бы оно ни было, хранится оно в трех запечатанных коробках у них в гараже. В письме сказано только, что вскрыть их должна Берк. И в любом случае ее мама хочет, чтобы она их забрала.

Группа по плану должна была выступать в «Касбахе» в Сан-Диего первого августа, в пятницу, открывая концерт «The Mindfuckers» и «Mad Lads».

— Понятно, — ответил Кочевник, потому что это казалось нейтральной и подходящей репликой.

Какое-то время оба они молчали. Сигареты догорели, собаки затихли. Майк шевельнулся на скамейке и сказал:

— Я вот тут подумал. Помнишь ту поляну, где ежевика росла? Что-то там было не так.

— Прости?

Кочевник вполне расслышал, но фраза застала его врасплох.

— Не так, — повторил Майк.

Это точно, подумал Кочевник. Он уже второй день ощупывал череп, выискивая, не растет ли где опухоль. А можно ее вообще так обнаружить? Он не знал.

Майк еще раз затянулся, почти обжигая пальцы. В свете разгоревшейся сигареты шевельнулись татуировки на веревках мышц.

— Ежевику собирал когда-нибудь? — спросил он, и Кочевник покачал головой. — Когда я второй раз сбежал из дому, нашел работу на ферме. У этого фермера среди прочего ежевика росла. Ну, помню, сезон заканчивался в... в конце июня, первая неделя июля как максимум. Так вот, они... они очень нежные. Ягоды нежные, а не эти гадские колючки. Но им нужно много дождей, а такая жара их должна была высушить начисто. Я тут думал... или задумался, точнее сказать: как это сейчас на лозах вообще могли быть ягоды? В такую жару и сушь? Понимаешь?

— Не совсем, — признался Кочевник. — Может, они какие-то... ну, стойкие, да?

— Я думаю, это просто дикая ежевика, — тихо сказал Майк. — Растущая там, где ей не следует.

— Ну да.

«Какая разница?» — чуть не сказал он, но это прозвучало бы как неуважение, а выказывать неуважение Май-

ку Дэвису не рекомендуется никогда, никому и ни при каких обстоятельствах.

— Девушка у колодца, — продолжил Майк после короткой паузы, — мне кое-что сказала.

Кочевник кивнул. Он вспомнил, как Майк передал ее слова: «Девочка говорит всем добро пожаловать, и не надо бояться».

— Ты же нам передал.

— Не это. — Майк слегка повернул голову, и Кочевник сквозь завесу дыма уловил быстрый блеск глубоко посаженных темно-карих глаз, будто первую демонстрацию оружия, которую лучше не игнорировать. — Мне сказала. Только мне. По-английски.

Кочевнику было страшно вато спрашивать, но Майк ждал.

— И что это было?

— То же самое «добро пожаловать». В смысле что мне здесь рады. — Майк уже было загасил догорающую в чашке сигарету, но затянулся еще раз. — И знаешь... я видел... я понял...

Он судорожно вдохнул, и Кочевник заметил, что глаза у него влажные. Кочевник отвернулся, потрясенный не меньше Майка.

— Я понял, — продолжал Майк, когда снова смог говорить, — что она *искренне*.

Кочевник не знал, что сказать, а потому мудро решил промолчать. Он глядел на бассейн, на неподвижную поверхность воды.

— Ты знаешь, — проговорил Майк отстраненно, будто сам себе задавал вопрос, — сколько раз мне такое говорили искренне? Вот если посчитать... впервые, выходит. Я привык, брат, что меня отовсюду вышвыривают. По крайней мере — *пытаются* вышвырнуть к хренам. Иногда я говорю: «О'кей, иду по-хорошему», — иногда

говорю: «А ну, давайте!» И так всю жизнь, Джон. Всегда было и всегда будет. Только вот эта девочка... Она и правда была бы мне рада. Улавливаешь, что я хочу сказать?

— Даже не знаю.

Это казалось разумным ответом.

— Вот чего я про себя знаю, так это то, что всегда понимаю, когда мне лапшу на уши вешают. Вот прямо сейчас ты ни хрена не видишь в моих словах смысла, потому что обыкновенная мексиканская девчонка воду раздавала, ну так что? И ты думаешь, что я дурак и туплю на ровном месте. Так?

— Я не думаю, что ты дурак, — сказал Кочевник. — Откуда такие мысли?

Майк медленно проморгался и раздавил в чашке остатки сигареты.

— Да потому что я и правда дурак. Да нет, бас-гитару шевелить я умею. Свою партию веду. Я профессионал, что бы это ни значило. И пока меня умные берут с собой, я еще долго буду мотаться по дорогам.

— Мне кажется, что кто читал «Моби Дика» в детстве, уже не дурак. А тебе?

— А, ты про это. Нет, я больше в смысле схимичить, а не прочитать. Была такая мысль, что, если смогу продрасть через книгу такой толщины и ее понять, тогда... — Он резко прервался; вынул новую сигарету из пачки. — Стану таким умным, как Уэйн, — закончил он и прикурил от зажигалки.

Покойный брат Майка, погибший на лесопилке. Мальчик, лицо которого у Майка на левом плече. Кочевник молчал — просто ждал продолжения. Майк заговорил дальше — хрипло и печально:

— Уэйн во всем был чемпионом. Звезда-защитник в футболе, отличник, общий любимец... бомба, не человек. Его ждала стипендия в университете Мак-Низа. Он себе

на лето работу нашел на лесопилке. Ребята каждое лето на такую работу нанимались, год за годом. Лопнула цепь, груз бревен сорвался с крюка... И это все о нем, как говорится. Только он не сразу умер. Его, изувеченного и разорванного, в больнице еще пытались сложить обратно, но он... не стал бороться, типа. Не то чтобы к нему сознание вернулось... но он бы никогда, блин, уже ходить не смог, так ему разбило хребет. Черный то был день. А я брата любил, и очень. Он из тех был ребят, из которых хорошие отцы получаются. Понимаешь? Ну, внимательные.

— Понимаю.

— Тебе ничего, что я про это? — спросил Майк, прищурившись. — Накатило на меня сегодня. Ты не против?

— Ага. В смысле не против, давай.

— Как-то не очень красиво, — сказал Майк.

— Да ты и сам не очень, — ответил Кочевник, и Майк мрачно улыбнулся. Улыбка долго не продержалась, но все же была.

Он еще затынулся и задумался. Потом сказал:

— Понимаешь, он меня накрывал. Я просто болтался в его тени, и никто от меня ничего не ждал. Мне так легче было жить. А его не стало, и мои старики... Они по нему горевали, скажем так. Горевали, горевали и горевали еще раз, и наш дом вообще превратился в сточную яму для горя, будто лампочки одна за другой лопались и никто их не заменял. И очень скоро я уже возненавидел и его, и все, что было с ним связано, и они, типа, ненавидели меня, потому что я был дебильный братец, дубина, хулиган и музыкант. Когда они на меня смотрели — не часто бывало, — я понимал: они видят то, что осталось. Нет в нашем доме больше ни звезды футбола, ни студента из почетного списка, ни выпускника Мак-Низа. Все, птичка улетела. И я понимал, что должен убраться из этого дома и от этих людей, чтобы мне можно было любить

Уэйна по-прежнему. Чтобы думать о нем как о горе, на которой держится небо, а облака у него в зубах. Мой старший брат. — Майк снова затянулся и пустил струи дыма ноздрями, как дракон. — И он первый мне бы сказал, чтобы я уходил. Вот я и ушел. Пару раз возвращался, когда попадал в беду. Но потом как-то раз ушел совсем от этой ненависти и воплей, и на хайвее меня подобрал какой-то черный хмырь лет ста двадцати от роду на потрепавшем старом золотом «кадиллаке» с хвостовыми плавниками. Он мне сказал, что зовут его Гровер Мак-Фарленд, едет он в Новый Орлеан из Монтгомери в Алабаме, играть на блюзовом фестивале. Но еще он сказал, что у него сценический псевдоним — Каракатица Мак-Фарленд, потому что он умеет играть на басу так глубоко, что прямо залегает на илистое дно и там лыбится. — Майк сам улыбнулся, вспомнив. — Был он алкаш, в карты жульничал, имел двух жен сразу и в пятьдесят девятом застрелил проповедника в Паскагуле. Но этот сукин сын, упокой Господь его душу, не врал. По крайней мере насчет игры на басу. — Майк тронул изображение гитары на правой руке. — Вот это была его, лучшая, что я помню. На которой он учил меня. Он ее называл «Эльвира, повелительница черненьких».

Вдруг Майк поднял голову, посмотрел в сторону улицы.

— Машину слышишь?

Кочевник прислушался.

— Нет, — решил он. — Она пока не вернулась.

— Ей бы найти хорошую девочку, чтобы за ней приглядывала, — сказал Майк. — Достает она меня иногда.

Кочевник докурил сигарету и погасил ее в чашке. Ему хотелось встать и убраться прочь, поспать несколько часов перед тем, как надо будет складываться и ехать в Эль-Пасо. Концерт только в пятницу вечером, но можно с тем

же успехом выехать раньше и несколько дней поваляться где-нибудь у бассейна. Он надеялся, что от продажи дисков и футболок они получили достаточно, чтобы хватило на «Мотель-6» в нешумном районе. Но он не ушел, чувствуя, что еще нужен Майку.

— Никогда не думал играть для заработка, — снова заговорил Майк после паузы, когда прислушивался к машине, которой не было. — В детстве хотел быть ветеринаром. Любил зверей, всегда умел с ними ладить. Только там математика нужна, химия, вся эта фигня. А мне сообразиловки не хватает. Даже учителя говорили... И тетка в библиотеке, она мне сказала: «Ты мал еще, ума не хватит на такую большую книгу». Она сказала: «Пойди поставь на полку и возьми такое, что ты *будешь* читать». А потом пригляделась и говорит: «Так ты брат Уэйна Дэвиса? Для *него* книгу берешь?»

Майк наклонил голову и закрыл глаза на несколько секунд, а Кочевник снова отвернулся, глядя куда-то вдаль.

— Хорошие слова, правда? — спросил Майк. Кочевник не ответил, и он добавил: — «Добро пожаловать». Хорошие слова.

— Для начала, наверное.

Майк не стал развивать мысль, а Кочевник не хотел допытываться. Слишком много страдания вкладывал Майк в свою речь, чтобы еще и расспрашивать.

После долгой паузы Кочевник сказал:

— Я, наверное, завалюсь. — Он просто из вежливости подождал, пока Майк скажет «о'кей».

Несколько шагов к дому — и он обернулся.

— Тебе же не обязательно ждать. Тебе самому тоже надо...

— Нормально, — прервал его Майк. — Мне и тут хорошо.

— Тогда доброй ночи, — сказал Кочевник.

— Доброго утра, — поправил его Майк.

Кочевник поднялся по ступеням, открыл скользящую стеклянную дверь, вошел в дом тихими кошачьими шагами и задвинул дверь обратно. Оставшийся во дворе Майк взял в зубы сигарету и потянулся за ручкой и блокнотом.

Глава седьмая

На запад, на запад ехала «Жестянка», увлекая за собой трейлер, по федеральному шоссе I-20 через выжженный солнцем ландшафт в сторону Эль-Пасо.

Весь списочный состав группы был в наличии. Берк в самом начале восьмого привез красный пикап со стикером международной ассоциации гей-родео. Она влезла в спальный мешок и не шевельнулась до половины одиннадцатого, почему «Жестянка» и не выехала до полудня. Но времени хватало, и все было хорошо.

— Триста восемьдесят два на YouTube, четыреста шесть на MySpace и четыреста пятьдесят четыре на нашей странице, — сообщил Джордж, посмотрев на сотовом статистику обращений к видео. — Но еще не вечер, парни, еще не вечер.

Сегодня он сиял — только что из-под душа, в джинсах и свежей футболке лимонного цвета — и чувствовал себя на миллион евро. Отчасти от радости и облегчения: он все рассказал о своих планах, и этот тяжелый момент остался позади. На него не пролился поток ненависти, никто никого не обзывает и не старается уесть. Джефф в Чикаго отмерил ему время щедро, тут проблем не будет. Концерт в «Кертен-клуб» принес три сотни с мелочью —

вполне приличный улов. Не было ощущения, что он бежит с тонущего корабля: Джордж чувствовал, что создается какое-то солидное основание, что «The Five» переходит на новый уровень. Ролик оказался дорогим, не поспоришь, но вчера Джордж уже слышал о нем кучу комментариев, а все, что заставляет людей говорить о группе, — на пользу. СМИ — вот ключ ко всему. Как только они заинтересуются, это будет означать половину победы. И вот почему он не возражал потратиться на несколько дней в мотеле Эль-Пасо: потому что у них договорено интервью с «Таймс» во вторник, шесть минут на «Кей-Ти-Эс-Эм» в утренней передаче в среду, неформальный визит на ток-шоу местного радио «Кей-Ти-И-Пи» в среду, а в четверг — появление в магазине «Фрики фронт-тир комикс, книги и диски» на бульваре Пеббл-Хиллз. Надо мелькать в СМИ, надо, чтобы люди тобой интересовались и чтобы шли разговоры. Так что — да, он сможет их оставить в лучшем виде, чем когда пришел в команду, и ему очень важно было в это верить.

За рулем был Терри. Все достали кто айпод, кто геймбой, каждый по-своему проводил время. Терри втянул Джорджа и Кочевника в дискуссию, какая рок-опера «The Who» лучше: «Томми» или «Квадрофения»? Джордж стоял за волшебника пинбола, а Терри с Кочевником — за четыре личности Джимми. Потом разговор переполз на знаменитых авторов одного хита, из которых Берк считала самым очевидным «The Knack» с «Моей Шароной», — песню, которую крутили без конца на чьем-то дне рождения в боулинге. Берк тогда было десять, а было это лет через тринадцать после записи песни. Тут они соскальзывали на опасную почву, потому что Терри обладал энциклопедическими познаниями о бывших когда-то группах и в любой момент мог пуститься в странствие по — как говорила Берк — «царству плесени».

С горящими глазами за ленноновскими очками, со страстью в звенящем голосе Терри сказал бы, что уж точно потрясающая была группа «Kings of Leon», певец Badly Drawn Boy и группа «Band Of Horses», но если ты не слышал, как «Montells» исполняют «Тебе меня не заставить», или «Humans» играют «Предупреждение», или «Warlords» — «По-настоящему прекрасная леди», то ты не знаешь, что такое огонь и горячка чистого гаражного рока. Ты не знаешь, как может звучать в музыке первобытная сила. Если ты не дергался под «Дина хочет религию» группы «The Fabs» или под «ЛСД» группы «Pretty Things», так закрой за собой крышку гроба, потому что ничего тебе уже не поможет. А когда Терри нападал на тему «рок-звезда», то, по его оценке, ею мог быть только Фил Мэй из «Pretty Things», а увидеть его в самой его издевательской ипостаси можно в ролике «ЛСД» на YouTube, посеревшем и полинявшем, старом и любительском, но когда Фил Мэй в полосатом стильном пиджаке глядит мимо камеры и мотает головой, отбрасывая с лица длинные черные волосы, и слова будто разжевывает в клочья перед тем, как выплюнуть, вот тогда ты понимаешь, что это и есть — Звезда.

Так считает Терри.

«Жестянка» себе погромыхивала вперед по дороге, стучал и повизгивал кондиционер, разворачивался под колесами хайвей посреди желтовато-бурого пейзажа, и лишь кое-где попадались деревья, дрожащие над полинялой зеленой листвой, как скряга над золотом, окруженные колючими кустами и бурьяном по пояс. Земля лежала сухая как порох. Абилин они проехали около половины третьего. Впереди волнами ходил горячий воздух, блестела водой раскаленная поверхность дороги.

— Необычные группы, — сказал Гений-Малыш, предлагая новую тему дебатов.

Вспомнили несколько. «Uncle Fucker», описанный как «психобилли-кантри на кристаллических амфетаминах», вспомнил Кочевник. Ариэль сказала, что видела «A Band Of Orcs» в Сан-Франциско — группа «хэви-метал», одетая в стиле орков из «Властелина колец», в боевой броне и устрашающей раскраске. Джордж сказал, что для него очень странная группа «ArnoCorps». Исполняют песни по мотивам боевиков Шварценеггера и одеваются соответственно. Берк напомнила про «Empire of the Sun» с ее совершенно отвязными костюмами и странной и в то же время завораживающей вибрацией электропопа. Майк сидел с закрытыми глазами, слушая свой айпод, и мнения не имел.

— «13-th floors», — предложил Терри.

— Доисторические времена не трогаем, — напомнил ему Джордж. — Только современные группы.

— Наплевать. «13-th floors». И я вам скажу, что «13-th floors» могли бы сдуть и нас, и любую группу с любой сцены в любом городе.

— О Господи, — сказала Берк. — Нафталин!

— Пусть так. — Терри глянул на нее в зеркало заднего вида. — Но покажи мне еще хоть одну группу, которая сама создала бы себе инструменты. Покажи мне хоть одну группу, которая давала такой потрясающий звук. И они писали такие песни, которых ни одна группа в мире написать не могла бы. Покажи мне...

— Покажи мне хоть что-нибудь, оставшееся от «13-th floors», — перебил Джордж, — кроме покоробленных долгоиграющих пластинок в кладовке коллекционера. Может, эти ребята и стали легендой, но их давным-давно нету. Давай лучше будем говорить про тех, кто еще работает?

Терри несколько секунд не отвечал. А потом попросил Кочевника, сидевшего рядом с ним:

— Подержишь руль минутку? — Кочевник взялся за руль, Терри вытащил из заднего кармана джинсов бумажник. — Вам, ребята, имя Эрика Геросимини знакомо?

— Еще бы, — ответил Джордж. — Клавишник и фронтмен. Сидел на кислоте всю дорогу, да? Пропал после того, как группа распалась в... года не помню.

— В шестьдесят восьмом, в ноябре, — сказал Терри. Он вытащил из бумажника потертый на сгибах листок, отдал Джорджу и снова взялся за руль. — Не прочтешь вслух?

Остальные стали смотреть, и даже Майк открыл глаза, почуяв, что здесь что-то происходит. Джордж пробежал листок глазами.

— Блин! — тихо сказал он. — Ты шутишь?

— Прочитай.

— «Терри, — начал читать Джордж. — У меня тут нет компьютера, но я поехал в библиотеку в город. Поискал вашу группу, посмотрел ваше видео. В магазине нашел диск. Отличная клавишная хрень. Если ты столько перелопатил дерьма, чтобы меня найти, и так уж хочешь услышать мою красавицу, давай приезжай. Условия не лучшие, могу тебе сказать, но работаю над кое-чем настоящим. Хотелось бы, чтобы ты послушал молодым свежим ухом. Если едешь из Альбукерка, то по шестьдесят шестой дороге проедешь тридцать две мили, увидишь дорогу направо и знак...» — Он заморгал, поднял глаза: — Это дорога к дому Эрика Геросимини?

— Соображаешь. Там он внизу подписался, если ты читать не разучился.

— Не улавливаю, — сказала Ариэль. — Про кого это мы?

— «13-th floors» — это была... — начал Джордж, но Терри перебил:

— Я расскажу.

Он протянул руку назад и подождал, чтобы Джордж положил в нее письмо. Потом сказал:

— «13-th floors» существовала с шестьдесят пятого по шестьдесят восьмой. Они сделали три пластинки под этикеткой «Полидор» и еще пару синглов — продавались отлично, но мир не перевернули. Если сейчас найти эти пластинки в хорошем состоянии, можно заработать приличные деньги. Группа «13-th floors» выдавала экспериментальный рок, я бы даже сказал, кислотный рок. Использовали жуткие эффекты, писали совершенно отвязные тексты, инструменты делали из тыкв да железных труб. Эрик Геросимини играл на пианино «Родос», на органе «Вокс» и на «Меллотроне», и он с ними возился, разбирали, перестраивали их, состыковывали с другими клавишными. Все эти ребята сидели на кислоте прочно, да так, что работать с ними было тяжело. Концерты проваливались налево и направо, только так. Барабанщик у них прыгнул из окна «Холидей Инн» в Батесде, Мэриленд...

— Вперед, барабанщик! — воскликнула Берк, взметнув кулак в воздух.

— ...и приземлился на какую-то тетку в бассейне, сломал ей спину — на этом их дорога и закончилась. Они распались, и их засосало в трубу. Как воду из ванны. — Терри пожал плечами. — Но в восьмидесятых их музыка стала всплывать отдельными кусками. Собиратели пластинок вздули цены на их записи. Критики, ни разу о них не слышавшие, заинтересовались, и вдруг они оказались на одном уровне с «Procul Harum», «Cream», «The Doors» — ну, такого рода группами. Только почуднее. Кто-то нашел фрагмент любительского цветного фильма, где они давали концерт в Окленде, в шестьдесят восьмом, за пару месяцев до распада... и там Эрик Геросимини играет на большом клавишном инструменте, который никто опознать не может. Не «Вокс», не «Родос», не «Меллотрон». Но са-

мое обидное — что в этом фрагменте нет звука. И я думаю, что он эти клавиши сам из кусочков собрал. Я слышал про этот инструмент — ходил о нем слух среди собирателей пластинок. Ни на одной записи этих клавиш нет, и никаких свидетельств, что они хоть на одном концерте были, кроме как в Окленде. Но у Геросимини было имя для этого инструмента. Он его... точнее, ее называл «Леди Франкенштейн».

— Так, постой, — перебил Джордж. — Если это он и есть, то как *ты* его нашел?

— В прошлом году разговорились мы с одним моим учеником-пианистом в Епископальном центре. Просто так трепались и стали говорить про прежние группы. Парню всего двадцать, но ретро знает отлично. И спрашивает, слышал ли я про такую группу, а еще и такую... я говорю да, да, и тут он мне выдает, что его *дед* был техником у гастрوليрующей группы, на западном побережье в середине — конце шестидесятых, вот откуда у него такой интерес. Потом обрушивает на меня, что дедушка не только техником был, но и волшебные грибы продавал, и хэш, и кислоту, и вообще все — группам, с которыми работал. Этот тип у них был, ну, как доктор Филголд. Вот внучек и говорит, что дедушка в шестьдесят седьмом был на приходе с парнем по имени Нейт Клив, были добрыми приятелями и до сих пор связь держат.

По бензомеру Терри увидел, что надо бы поискать заправку, потому что стрелка держалась чуть-чуть над литерой «Е».

— Нейт Клив играл на басу в «13-th floors», — продолжал Терри. — Это сейчас он доктор Натан Клив, профессор астрономии в университете Флориды. Я этого не знал до последнего времени, но сообразил, что могу начать с дедушки. Изложил Кливу свое дело, написал, почему это мне так интересно. Он мне ответил, что знает, где живет

Эрик Геросимини, но этот человек — анахорет, и посетителей ему не нужно. Интернета у него нет, сотового нет. Наконец он мне сказал, что напишет ему письмо. Бумажное, которое в почтовый ящик кладут. На это ушел не один месяц, но в мае пришло мне вот это. Приглашает меня к себе. *Меня!* — У него голос перехватило от напыль-ва чувств. — Парни, для клавишника это как Святой Грааль найти. Один из величайших кислотных исполнителей рока всех времен и народов зовет меня посмотреть на инструмент, который он создал. Это же как... легенда легенд. Вот почему я должен поехать. Вот почему должен увидеть сам.

— О'кей, я понял, — сказал Кочевник. — Но что в ней такого особенного?

— Поет, как голос женщины, — ответил Терри. — И более того. Доктор Клив говорит, что она как кольцо настроения — воспринимает душевное состояние музыканта. Он говорит, что Геросимини как-то встроил в нее жизнь, что тон меняется в зависимости от твоего настроения, от состояния эмоций. Он говорит, что она всех пугает, и в те немногие разы, когда он ее слышал, никакие два человека не могли добиться от нее одинакового звука. И это же ранние технологии, парни. До появления больших синтезаторов. Я хочу это услышать. Только услышать, вот и все.

Наступила тишина. «The Five» должна была давать концерт в «Стейнд-Гласс» в Альбукерке в субботу, девятого августа. Джордж подумал (зная, что Терри тоже уже подумал об этом), что если этот визит к Эрику Геросимини должен будет состояться, то произойдет это на следующий день, в субботу десятого. И тогда молчание нарушила Ариэль:

— Это ведь еще не все, Терри. Для тебя наверняка самое главное — сыграть на ней самому.

Терри кивнул.

— Ага, — ответил он тихо. — Вот это действительно правда. — Он увидел справа у съезда с дороги заправку «Шелл». — Бензин нужен, — сказал он и свернул на пандус. Съезжая с хайвея, он заметил в боковом зеркале, что темно-синий пикап, который много миль держался за ними, тоже свернул. Терри еще раз повернул направо у конца съезда, пикап взял налево и уехал по эстакаде.

— Мне бы поесть чего-нибудь. — Майк потянулся так, что спина хрустнула. Он снял наушники и слышал почти весь рассказ Терри. — Терри, — сказал он, когда «Жестянка» остановилась возле колонки под желтым пластиковым навесом, — с шестьдесят восьмого много воды утекло. Надеюсь, что «Леди Франкенштейн» не превратилась в редкозубую каргу, которая на ужин себе нагудеть не сможет.

Терри не ответил. Он думал о том, что сказал ему доктор Клив в одном из первых телефонных разговоров: «Должен вас предостеречь, что иногда лучше прошлое не трогать. Но если вы действительно хотите, чтобы я ему написал... если *на самом деле* хотите — я напишу».

Было как раз время для перерыва на туалет и на закуску газировкой или кофе, батончиками, поп-корном или что там еще есть в магазине при заправке — строе-ние, покрашенное желтым, с красной каймой вдоль окон. У входа автомат со льдом, рядом с ним — хреновина со шлангом и раструбом, за пятьдесят центов подышать воздухом. На зеркальных стеклах смываемым мелом были написаны цены на пакеты пива разных сортов, литров колы и кварт моторного масла. Лежала стопка шин на продажу, хотя гаража не было. Кредитная карта, которой платили за бензин, была у Джорджа, так что он начал за-качку, а остальные разминали ноги, ходили в туалет за зданием или в магазин что-нибудь купить.

На станции работали коренастая мексиканка и ее сын-подросток. На голове у него была черная бейсболка с лиловым логотипом «Nine Inch Nails». Кочевник купил бутылку газировки из холодильника и осушил ее наполовину, разгуливая между «Жестянкой» и трейлером, из тени на палящее солнце и обратно. Жара стояла адская, градусов сто в тени. Ариэль вышла из здания с бутылкой холодной воды и батончиком «Алмонд джой», который расплавился в обертке раньше, чем Ариэль успела его съесть. Она подошла к Кочевнику и увидела, что к колонке напротив подъехал джип техасского дорожного патруля. Оттуда вышел полицейский.

В помещении заправки, где кондиционер гремел, как в «Жестянке», но работал как минимум вдвое эффективнее, Терри купил себе колу и «баттлфингер», а Майк — имбирный эль, полдюжины глазированных пончиков и пакет вяленой говядины. Берк тем временем решила, что кофе она не хочет, и выбирала между различными сортами холодного чая в холодильнике. Ночь у нее прошла интересно. Когда аппаратура была погружена в трейлер от греха подальше, а выступление «Mudstaynes» закончилось, она вышла с какими-то подругами из Далласа и с подругами подруг — две девицы, которые знают Викторию Мэдден по салону тату «Чернильница Виктории» в Остине. Они были первой марки фанаты «Mudstaynes» и ехали на вечеринку к другой девице в Хайленд-парке, куда позже должна была заглянуть Джина Фейн. Так как Берк всегда была открыта моменту, она залезла на заднее сиденье кремового «Мерседеса CLK-350» с откидным верхом и полетела наперегонки с луной, зажата между двумя сестрами с запахом «Мисс Диор шери» и «Эмбер романс».

Когда Берк приехала, всю гудела вечеринка мощностью так теток в шестьдесят. На комнатных растениях

перемигивались лампочки, горели свечи — там, где их еще не сбили, прожигая дыры в персидских коврах, из колонок «Боуз» ревела Джина Фейн, плыл запах травы, наливали в бокалы со светящимися палочками «космосы» и «апплетини», слетали крышки с пивных бутылок — образцов множества микропивоварен. Берк смотрела текущее мимо нее дефиле продольно-полосатых блузок и клетчатых серферских шортов. Кто-то включил видео с записью свального лесбийского греха, но под общие вопли его выключили. Поставили гей-порно, но его тоже потребовали снять. Когда Берк глянула на экран в следующий раз, там крутился фильм «Из 13 в 30» — сцена, когда Дженнифер Гарнер танцует «Триллер». И это попало в резонанс.

Берк получала предложения почти непрерывно — от одной, от двух, от трех сразу. Она понимала, что тут дело в ее рельефных мышцах. И хотя она всегда была открыта моменту и всегда была готова подхлестывать события, иногда ей хотелось найти местечко просто посидеть, выпить пива и понаблюдать за разворачивающимся действием. Когда в одной квартире набьются шестьдесят лесбиянок, да еще все время, кажется, приходят новые, когда течет выпивка и свободно выдается травка, драма со смертельным исходом неизбежна. Берк решила, что тут набилось как минимум двести двадцать четыре личности, и половина из них будет дезориентирована или озлоблена так, что простое «Чи ку!» (не бери в голову) не сможет успокоить. Вдруг сцепятся две натуралки — из тех, что любят тусоваться с лесбами, или музыку перекроет вопль: «Я Швейцария!» — означающий, что мирный договор нарушен и оказавшаяся среди боевых действий девушка пытается быть дипломатом. Кто-то попытался кого-то поцеловать всасос, кто-то уклонился или оттолкнул — и гнев развернулся черной змеей. Или же, наоборот, удач-

ный поцелуй взасос и массаж языка на публике делался напоказ бывшей, чтобы понимала: на ней свет клином не сошелся. Берк видела, как за такой номер на красные кудри цвета пожарной машины вывалили ведро со льдом.

Очень было интересное зрелище. Представление после представления.

Берк заметила, что собралось очень много молодых девчонок. Лет этак девятнадцати, двадцати, двадцати одного. Некоторые были по-настоящему красивы. Держались стильно и с достоинством. Но все они чего-то искали, и вряд ли кто-нибудь знал чего. Секса? Конечно, но это лишь верхний слой, кожа. Горячая, веснушчатая, бело-лунная, загорелая и гладкая, эбеновая и блестящая, молодая, мягкая, приятная. Вот почему все они здесь собрались, вот что свело сестер вместе, и многие сказали бы, что это и есть жизнь, что вот она, цельная картина, вот это реальность, это суть секса и доминанции, и в конце вечера — последний нежный поцелуй или едкое замечание, брошенное как пощечина. Но, думала Берк, вряд ли здесь кто-нибудь знает, чего ищет на самом деле... и в этом смысле нам ничуть не легче, чем натуралкам.

Может быть, тебе нужно общение, сколько найдешь его. Чужая молодость, красота, крутость — что угодно. Может быть, дело во власти над другими, в том, чтобы плясали под твою дудку. Реванш за испытанные унижение и боль. А секс — лишь способ это оформить.

Сидя на диване, глядя на проходящие тела и происходящие игры, Берк вспоминала открытку, которую прислал ей отец. Не Флойд, мать его, Фиск, а настоящий ее отец, Уоррен Бонневи. Прислал накануне первого ее концерта, когда ей было семнадцать. Открытка выцвела, заляпалась желтым и выглядела реликтом пятидесятых. На

картинке порхали женщины с длинными ресницами, похожие на пчел. В строчке «С первым заработком!» слово «заработком» было зачеркнуто и сверху написано «концертом».

На развороте открытки было напечатано стихотворное поздравление:

Поздравление с новой работой

*Поздравляю тебя с новым делом,
ты ведь этого очень хотела.
Смог бы много я наговорить,
но открытке всего не вместить.*

*Стремись все выше, поднимайся и расти,
И будешь мед, как пчелка, в улей свой нести.*

Эта последняя строка тоже была вычеркнута, а вместо нее написано:

*Но помни, что живым отсюда не уйти.
Целую,
Уоррен.*

Странно, да. Тревожно — тоже. Но отец же был сумасшедшим.

— Привет, я Нобль, — сказала женщина с темным загаром и с белыми прядями в волосах. В одной руке она держала бутылку «Сьерра-Невада пейл», а другую протягивала Берк. Было ей лет двадцать восемь — двадцать девять. Очень красивые зеленые глаза, уверенный голос. Одета в черную майку, облегающие джинсы и коричневые потертые ковбойские сапоги. Ничего ослепительно-го, но вполне сойдет.

Берк пожала ей руку и, когда Нобль спросила, свободно ли место рядом с ней, ответила, что вполне, пусть занимает...

— Слушай, можно тебя спросить?

Берк оторвалась от холодильника и важного выбора сорта чая. Майк подошел сзади, держа свой имбирный эль, коробку пончиков и пакет говядины.

— Давай, — сказала она, видя, что он не решается.

Майк глянул в сторону двери. Берк увидела входящего полицейского — молодой, очень аккуратный латиноамериканец подошел прямо к холодильнику и взял себе бутылку яблочного сока. Кивнул им, Майк спросил у него: «Как жизнь?» — а полицейский поставил бутылку на прилавок и заговорил по-испански с женщиной — они явно были хорошо знакомы.

— Что берешь? — спросил Майк.

— Пока не знаю. Ты это хотел спросить?

Она знала, что нет. Он всегда подбирался боком, как краб.

— Пробовала «В-8 фюжн»? Тропический апельсин у них хорош.

Она посмотрела ему в глаза, потому что он чертовски нервничал.

— Что случилось?

Майк смотрел вслед уходящему полицейскому. Они с Берк были тут одни, если не считать женщины с мальчиком.

— Да вот... я тут хотел узнать... Ты насчет песни думала?

— Какой песни?

— Ну, что Джон предложил, — объяснил Майк. — Чтобы к новой песне каждый написал слова.

— А, ты про *эту* фигню. — Берк улыбнулась, чуть раздвинув губы. — Новая «Кумбайя»?

Она решила попробовать тропический апельсин и полезла за ним в холодильник.

— Ну... да, о'кей, но... знаешь, может, не так это и глупо. — Майк пошел за ней к прилавку. — Я понимаю, к чему он клонит, но...

— К тому, чтобы работой нас занять, — перебила Берк, доставая деньги.

— Да, но... — Майк выглянул в окно, через все написанные мелом на стекле слова и цены. Машину уже заправили. Джордж расплатился у колонки и куда-то ушел — в туалет, наверное. Терри залезал в «Жестянку» — была очередь Кочевника вести. Кочевник и Ариэль пока что стояли в тени чуть поодаль. Полицейский поднял капот своей машины и вроде бы наливал воду из пластиковой канистры в резервуар омывателя. — Может, это неплохо, — продолжал Майк. — Чтобы все как-то вместе держались.

— А мы и так вместе, — напомнила она ему, убирая в карман сдачу. — Мы же в турне, как можно тут быть не вместе?

— Вместе — это в смысле не злиться друг на друга. Не ругать друг друга за развал. Быть на одной частоте... или как-то так.

Берк уже готова была выйти, но тут она остановилась и внимательно посмотрела на Майка, будто третий глаз на лице высматривала.

— А может, я злюсь?

Он пожал плечами — дескать, может, и он злится где-то в глубине души, но приходы в группу и уходы из нее — факт жизни музыканта. И ничего тут не сделаешь.

— А кто сказал, что мы развалились? — продолжала Берк. — Ну да, Джордж и Терри уходят. Мы их заменим и дальше будем играть. — Майк не успел ответить, что она принимает желаемое за действительное, как она при-

шурилась: — *На одной частоте?* Ты что, психологом доморощенным заделался?

Она двинулась к двери, ее слегка окатило жаром, но она остановилась, услышав слова Майка:

— Я начал писать песню. У меня еще не все, конечно... но думал, ты глянешь до того, как я еще кому-нибудь покажу.

Берк замолчала. Пару секунд она просто не знала, что сказать. На лице ее не отражались эмоции — такой у нее защитный барьер от мира, но в душе она была тронута. На миг ей даже почудилось, что она сейчас прослезится, но уж это фигушки. Дело было в том, что Майка Дэвиса она любит — насколько вообще может кого-нибудь любить. Они — сыгранная пара, спинной хребет, основа, близнецы ритма. Он всегда готов подставить ей шершавый локоть, чтобы было за что держаться, и она тоже готова ткнуть его в ребра, чтобы показать, что ей это нужно. Они законтачили с самого начала, если этот контакт подразумевает общие грубые шутки и пиво из одной бутылки. И вот он стоит и просит ее для него это сделать. Ему это важно, по глазам видно. «До того, как я еще кому-нибудь покажу».

Но она такая, как есть, ее не переделаешь, и у нее это легко бы не получилось.

— Ты что, запал на эту чушь насчет песни написать? Неужто у тебя дури на это хватило?

Он улыбнулся, но углы губ остались стянутыми.

— Может, я и чушь написал... в смысле никуда не годится... но до сих пор никто ни разу не просил меня написать слова. Ну да, я знаю, что не моя это работа. Ну, не та работа, которой от меня ждут. Но кто сказал, что нельзя попробовать? — Он поймал мелькнувшее в ее полуулыбке презрение и удвоил темп, как при игре двойным слэпом. — Если предполагается, что все будет о'кей и на-

чем с новой песни, где каждый примет участие... то я же тогда на пользу группе действую? И ты... ну, тоже могла бы свою долю внести.

— Мы не текстовики. — Берк говорила тихо и терпеливо, будто с ребенком или с собакой. — Джон, Ариэль и Терри — они текстовики. Я понятия не имею — ну никакого, nada*, — как писать тексты песен. Давай-ка поехали.

Она вышла, Майк сразу следом за ней.

Полицейский уже опустил капот и губкой смывал слой пыли с ветрового стекла, которое не мог очистить неисправный «дворник».

— Ну пожалуйста, — сказал Майк.

Берк отошла только на два шага от двери. Она остановилась, поняв, что бывает время проявить суровость и бывает время не бояться быть доброй. Вот сейчас как раз второй случай.

Берк обернулась к Майку.

— Ладно, — вздохнула она. — Показывай, что там у тебя.

— В заднем кармане. Блокнот. — Прижимая к груди имбирный эль и пакет с закусками, Майк обернулся, чтобы она могла достать блокнот. — Слушай, я... Нет, на самом деле... спасибо тебе. Только никому не говори, ладно? В смысле пока не говори.

— Ладно. — Она с трудом вытащила зеленый блокнот. В таких тесных джинсах у него яйца либо сожмутся до изюмин, либо распухнут, как яблоки. — Слушай, как ты их надеваешь, черт побери?

— Просто натягиваю.

— Задница каучуковая, — заметила она и все-таки выдернула блокнот, пошатнувшись и отступив на пару шагов.

Что-то ударило в находящееся между ними окно.

---

* никакого (исп.).

Резкий треск — и рядом с меловым знаком доллара в цене упаковки «будвайзера» в окне появилась дыра. Берк это увидела, и Майк увидел, и еще они увидели, как се-ребристая трещина зазмеилась от краев дыры. Майк повернулся к Берк спросить, что за черт, и на глазах у Берк появилась вторая дыра, словно по волшебству — злему, злогребучему волшебству, — у Майка во лбу, в дюйме над левой бровью. Левый висок выпятился наружу, будто его ударили кулаком изнутри, рот остался открытым, будто он собирался что-то спросить, а бутылка имбирного эля взорвалась у ног, упав на бетон.

Майк почувствовал страшное давление в голове и вдруг стал падать — прочь от Берк, прочь от техасской жары, прочь от «Жестянки» у колонки и от друзей, что ждали там, падать спиной назад, падать в прошедшее время.

Это было черт знает что. Он падал назад, будто на пущенном обратно вагончике «русских горок»: быстрый полет, дух захватывает, и ничего нельзя сделать, только падать. И в этом падении, в этом последнем репозиционировании летела ему навстречу в обратной перемотке его жизнь. Он пролетал сквозь водоворот групп, концертов и дымных клубов, проносился мимо столов, заставленных бутылками виски, через тюрьму, что пахла болотным августом, мимо своей дочери Сары — и подумал было коснуться ее щеки, или волос, или плеча, но поздно, поздно, она ушла, и снова бандитские машинки, и машинки неудачников, и грузовики автостопа, и бас-гитары всех цветов, пролетели черный пес и белый пес и лицо Гровера Мак-Фарленда, глядящего на него с суровым неодобрением при свете желтой лампы, он падал спиной вперед среди множества лиц и теней, через болото тьмы и отчаяния, через что-то вроде последнего отсвета лета, грустного света, света прощания со всем, что есть, рука с веснушками вынырнула из ниоткуда и ухватила его за руку,

и знакомый, очень знакомый голос явственно произнес: «А вот и ты!»

Наземь он упал уже мертвым.

Секунда или две тишины, пока Берк тупо смотрела на тонкий кровавый туман, алеющий там, где только что стоял Майк. Она видела, как он выронил пончики, но пакет с говядиной зажал прочно. Левый глаз превратился в омерзительное кровавое пятно, из дыры в голове потекла струйка.

Берк еще не успела издать ни звука — ни вопля, ни сдавленного вскрика, ни стона дикой боли, да и все равно бы она его не услышала, — как молодой полицейский уже бежал к ней, а когда увидел рану во лбу упавшего и пулевое отверстие в окне, выхватил свой служебный пистолет, полуавтоматический «Зиг-Зауэр» калибра 357. Глаза у него сделались дикими. Он был отлично обучен, но две пули невесть откуда в тихое воскресенье могут вывести из равновесия и опытного копа.

— Всем лежать! — крикнул он, приняв двуручную стойку и поводя стволом. Кочевник шагнул вперед — полицейский направил на него пистолет и рявкнул: — Всем лежать, я сказал!

Он не знал, у кого тут есть оружие, у кого нет, откуда стреляли и вообще — что за хрень творится.

Так что Кочевник бросился на землю, за ним Ариэль, Берк упала на колени возле тела Майка, тупо тряся его за руку, чтобы привести в сознание, а Джордж, встревоженный шумом, выбежал из туалета, подтягивая штаны.

— Ложись! Ложись! — заорал полисмен поверх пистолета.

Джордж упал, подняв руки, будто сдаваясь.

— Ты! Быстро из машины! — крикнул полицейский Терри, который тут же вылез из-за руля и лег на бетон, раскинув руки и ноги.

Владелица заправки высунулась из здания, за ней мальчик, и полицейский ей по-испански велел вернуться обратно, а она пыталась ему сказать, что Карлоса ранило осколком стекла и у него кровь идет из подбородка. Потом она увидела тело на бетоне и попятилась, а мальчик с порезанным подбородком вытаращился, разинув рот, и начал щелкать сотовым телефоном.

— Лежать! Лежать! Лежать! — орал полицейский сорванным голосом, приближаясь к Берк с наставленным пистолетом.

Ее трясло. На глазах выступили слезы, не получалось сделать полный вдох. Но где-то глубже всего этого ужаса держалась холодная мысль: «Надо ему сказать, что стиль диско мертв».

И мертв, дошло до нее, ее друг, ее ритм-близнец, шершавый локоть, за который можно держаться.

Она легла рядом с ним на горячий бетон и вдруг ощутила в себе перелом, разрыв, шов, лопнувший под небывалым ранее давлением. Она заплакала — сперва тихо, потом зарыдала открыто и прерывисто. Не плакала она с раннего детства — когда еще не умела сдержать холодную крышку над чашей боли.

Ее друг был мертв. И мертва была группа «The Five». Мертва. Мертва. Мертвее мертвого.

Глава восьмая

Джордж посмотрел на черный телефон. Обычный проводной телефон, без фокусов.

— Выход через девятку? — спросил он, и толстый детектив, мужик, не расстававшийся с ковбойской шляпой,

кивнул. Второй детектив — узколицая латиноамериканка лет за тридцать с красными ногтями и глазами-озерами цвета горького шоколада — смотрела на него с той стороны стола.

Джордж набрал девятку, вышел на внешнюю линию и ввел остальные цифры номера. Заметил время по часам на белой штукатурной стене. Сотовым телефоном его попросили не пользоваться. Они хотели сидеть и слушать, и Джордж понял, что разговор будет записываться. Детективы местные, из маленького городка, но никакой сельской расслабухи: они дотошно вникали в детали, даже в то, что Джордж сейчас собирается сказать. Нервировали они его адски, а ведь он *вообще* ничего не сделал.

В Остине зазвонил телефон. На третьем звонке автоответчик Эша произнес обычные слова: «Я сейчас не могу подойти к телефону, но после сигнала оставьте тра-ля-ля тра-ля-ля». Джордж и так знал, что Эш слегка шепелявит, но автоответчик это как-то подчеркивал.

— Эш, это Джордж, — сказал он после сигнала. — Если ты там, возьми трубку. — Он выждал пару секунд. — Слушай, это серьезно. Очень. Возьми трубку.

Щелчок — и появился Эш. Проблема? Эш хотел знать какая.

— Слушай, — заговорил Джордж. Что-то в его голосе заставило Эша повторить вопрос, но теперь с одной из самых жестких своих интонаций крутого агента. — Майк Дэвис... — Как это высказать? Только правду и ничего, кроме правды. — Майка Дэвиса застрелили. Убили. Он убит.

Как будто это надо было повторять.

Из Остина — полное безмолвие.

— Это случилось полтора часа тому назад, в нескольких милях к востоку от Свитуотера, — говорил Джордж. — Мы сейчас в полицейском участке. В Свитуотере. Пого-

ди, постой. — Эш сыпал вопросами так быстро, что индийский акцент стал мешать пониманию. — Давай расскажу. Мы были на заправке. Майк и Берк стояли перед входом и разговаривали, и вдруг... пуля попала ему в голову. — Господи, как же это дико звучит! Как фраза из боевика, только в жизни от нее выворачивает наизнанку. Джордж уже поблевал в туалете. — Говорят, что он погиб... прямо на месте.

Эш стал заваливать вопросами, беглым огнем. Его всегда нелегко было понять, а сейчас вообще шла мешанина английского с хинди.

— Полтора часа назад, — повторил Джордж, уловив вопрос. — Да, да... остальные нормально. Ну... в смысле крыша у всех малость поехала, но целы-невредимы. — Он замолчал, пытаясь понять, о чем Эш спрашивает. — Нет, никого не поймали. Они думают... — Он посмотрел на женщину: — Можно ему рассказать?

Та кивнула.

— Они думают, это несчастный случай. Откуда точно прилетели пули, они не знают, но думают, что из роши на другой стороне шоссе. Да, я сказал «пули». Два выстрела. Они думают, что кто-то там палил из винтовки, просто баловался.

Детективы сказали Джорджу, что заросли деревьев и кустарников шириной ярдов шестьдесят за шлакоблочным зданием, где ремонтировали моторы грузовиков, привлекают стрелков по «нечисти», как они ее называют. Крысы, какие-то еще грызуны, змеи — вот детишки с винтовками по ним и палят. Ремонтная мастерская давно закрылась, никто ничего не видел и не слышал, и в немногочисленных неподалеку стоящих домах-развалюхах — тоже.

— Нет, они понятия не имеют, кто это был.

Дело в том — хотя Джорджу не было необходимости это говорить, — что детективы полагали, будто это может

быть несчастный случай — просто из-за расстояния. Ремонтная мастерская была в двухстах ярдах по ту сторону федерального шоссе I-20, а роща с «нечистью» — еще в полуторахста ярдах дальше. Так что похоже было на пару шальных пуль — конечно, дальнобойных, но в этом ничего нет особенного. Так говорят местные.

— Потом будет известно больше, — сказал Джордж. — Тут копы сейчас кишат.

Когда «Жестянку» отвели от колонки (в нее сели два детектива), заправочную станцию обнесли желтой лентой, и она стала похожа на парковку для полиции и «скорой помощи». В пробоину окна засунули тонкую желтую трубку — определить угол, под которым вошла пуля. На одной линии с ней установили что-то вроде треноги с монокуляром, нацелив на лес с «нечистью» на той стороне дороги. А там тоже стояли полицейские машины. Копы выковыривали из стены станции первую пулю. Джордж думал, что и вторую пулю они тоже извлекут из головы Майка, но когда «Жестянка» увозила группу — уже не пятерку, — бас-гитарист остался лежать на бетоне. Джордж был рад уехать, потому что уже видел, как вынимают из белого грузовика мешок для трупов, и видел, что творится с Берк... лучше для всех было отсюда уехать.

— Тут еще вот что, — продолжал Джордж. — Они хотят известить ближайших родственников. Нет, хотят отсюда. Да. Ну вот... у меня этой информации нет. Я знаю, что его родители живут в Богалусе, но... да, верно. Ты сделаешь? — Он прикрыл микрофон ладонью и обернулся к детективам: — Он смотрит у себя в компьютере.

Они ждали.

— Вы ехали в Эль-Пасо, — произнесла женщина невыразительным голосом.

Ей было рассказано все как есть, и она уже заглянула на сайт группы, но в участке ее называли «Копалкой» не

только из-за длинных лопатообразных красных ногтей. Это прозвище было у нее на кофейной чашке: она не могла остановиться, пока не докопается до дна. Они были командой: Везунчик Льюк и Копалка — известные широкой публике как детективы Льюк Халпрей и Рамона Риос.

— Ага, — подтвердил Джордж.

— Напрямую, — сказал Льюк, жуя зубочистку.

— Именно так.

— Мистер Эмерсон, я должна вас спросить... вы тут никому денег не должны? Я имею в виду лиц, у которых могло бы сложиться мнение, будто денег им не видать, и они... оказались злопамятными, — пояснила Копалка.

— Нет. То есть... я тут никому не должен, — ответил он. — А что вы хотите сказать? Что это *заказное* убийство? Из-за денег? Мне казалось, вы говорили, это несчастный случай.

Тут настала очередь Льюка уточнять:

— *Возможно*, несчастный случай. Мы так сказали.

— А наркотики не могут быть? — Дуга черных бровей Копалки поднялась вверх. — Кто-нибудь нехорошо обошелся с дилером?

— Да нет же, черт побери! Мы никогда в этих краях не играли. Откуда стрелку знать, что мы вообще здесь?

— Это был бы мой следующий вопрос, — ответил Везунчик. — Вы остановились на этой заправке не потому, что с кем-то тут была назначена встреча?

— Нет. У нас не было назначено никаких встреч. Погдите секунду... Давай, — сказал он в телефон Эшу, который продиктовал ему номер в Богалусе. Этот номер он передал детективам, и Льюк записал его в блокноте с рекламой «Биг бойз барбекю». — Вот это, пожалуй, все, — сказал Джордж. Эш не ответил. Джордж знал, что сейчас должен сказать, и приготовился заранее, но от этого не-

намного было легче. — Придумаем, как заменить Майка, и потом вернемся.

— Мы бы просили вас заночевать здесь, — сказала Копалка. — Мы пока тут кое-что проверим, выясняем.

— *Здесь?* — переспросил Джордж, пораженный идеей спать в полицейском участке.

— В мотеле, — пояснил Льюк. — Отдохнуть ночью как следует.

— А... О'кей. — Джордж снова обратился мыслями к текущим делам. — Нас просят здесь заночевать. Да, и... в общем, можешь начинать звонить.

Эш сказал, что начнет, что потрясен свершившейся трагедией и что другого такого басиста, как Майк, уже никогда не будет. И чтобы Джордж всем передал, как он им соболезнует.

— Еще одно, — сказал Джордж. — Репортерша тут из местной газеты задавала вопросы. Она говорит, что не будет подавать материал, пока копы не дадут добро. Я прос-то хотел, чтобы ты знал.

Эш поблагодарил и сказал, что немедленно будет звонить Роджеру Честеру.

— Мы закончили? — спросил Джордж, и Льюк ему сказал, что предлагает группе ехать за ними к мотелю «Лассо» на Восточном Бродвее, где они поселятся, а рядом есть «Сабвей», где можно поужинать. Было вполне понятно, хотя не произнесено вслух, что детективы хотят их держать под присмотром и вопросы далеко еще не закончились.

У него тоже были вопросы. Кто на всем божьем свете мог хотеть убить Майка Дэвиса? И в Свитуотере тем более? Нет, это не может не быть несчастный случай. Пациан с винтовкой палил в лесу по «нечисти».

Ничего иного.

* * *

В соседней комнате работал телевизор, настроенный на погодный канал. Четыре человека в оранжевых пластиковых креслах делали вид, что его смотрят. Кочевник всегда говорил, что погодный канал похож на дзен: он оставляет в голове пустоту с цветными картинками и успокаивает разум иллюзией упорядоченности. Сейчас им всем дзен был необходим в максимальных дозах.

Через комнату прошел полисмен — что-то спросить у Везунчика Льюка и Копалки. Берк, сидевшая поодаль от других в черных очках Кочевника на бледном лице, выпрямилась и спросила скрипучим голосом:

— Нашли его уже?

Полисмен, испытывая неловкость, посмотрел на детективов. Копалка сочувственным тоном проговорила:

— Как только найдем, дадим вам знать. Обещаю.

Берк откинулась назад, на спинку стула. Губы сжались в ниточку. В очках отражались сверкающие солнечные символы с карты погоды.

Кочевник коротко глянул на Ариэль, сидевшую через пару кресел от него рядом с Терри. У нее запали глаза, лицо побледнело, и то и дело в горле зарождался какой-то резкий звук, будто она просыпалась в начале очень плохого сна. Терри смотрел то в телевизор, то в пол. Веки за очками отекали.

— Мы едем в мотель, — объявил Гений-Малыш. — Там сегодня заночуем.

— Отвези их, — сказала Копалка напарнику тихим голосом. Взяла блокнот «Биг бойз барбекю» с записанным номером. — Я займусь этим.

Кочевник подумал, что не сможет встать. Со стороны могло показаться, что он лучше всех владеет собой в этой разбитой группе. Менее других потрясен, более дру-

гих способен вынести трагедию и быстрее от нее оправиться. Но такой взгляд со стороны был сугубо неверен.

За прошедшие девяносто минут он сто раз пережил свой личный кошмар.

* * *

«Джонни, дорожной карты здесь нет».

Но...

Это был другой вечер. Десятого августа девяносто первого года. Суббота, возле клуба «Шенаниганз» в Луисвиле. Около полуночи, на парковке, залитой синим и зеленым неоном, Дин Чарльз и «Roadmen» начали паковать-ся в фургон, выступив на открытии у «Street Preachers». Джон был мальчик, сынок, фан. А отец был бомба, «Киллер». Играл на золотистом «страте», который прорезал аранжировку, как бритва — сало. А петь... этот человек умел вопить. Он был как бутылка, начиненная молниями. На сцене, впереди и в центре, он стоял в золотом сиянии, и сила исходила от него, энергия и жизнь. Других таких не было.

И на парковке, когда увидели две спущенные шины у фургона — старая синяя кошка припала на лапы — и кто-то сказал: «Блин», а кто-то вспомнил мать, и Джон все слышал, он был совсем свой, ветеран дороги, пусть всего двенадцатилетний.

Дин глянул на своего сына, осклабился и пожал плечами, будто говоря, что нет в этом мире ничего настолько важного, чтобы выводило тебя из формы, всегда можно найти обратную дорогу к центру того классного мира, в котором музыкант живет, и сказал, как всегда говорил в такой ситуации: «Джонни, дорожной карты нет». Потом он замолчал на пару секунд, может быть, впервые об-

думав эту фразу, и добавил с этой косой улыбкой, обращаясь к сыну:

— Но...

— Вот и все, — сказал человек, вышедший из тени, где притаился за машиной, и Дин глянул на него лишь с некоторым интересом, будто на ожидаемого посетителя, который несколько запоздал.

* * *

Джон стоял рядом с отцом, когда пистолет рывкнул. Рывкнул отцу в левое ухо, и Джон помнит, как отец дернулся от громкого звука, потому что он всегда говорил Джону, что надо беречь слух, ушей всего одна пара выдается на всю жизнь.

Пистолет еще два раза выстрелил, пока Дин Чарльз падал, клуб порохового дыма в ноздрях Джона смешался с запахом крови, мальчишка отшатнулся, падая одновременно с отцом, и одного через четыре часа в больнице признают мертвым, а другому всю жизнь предстоит переживать эту минуту снова и снова.

— Я должна его найти, — сказала Берк, непонятно, к кому обращаясь. Со стула она не сдвинулась.

— Найдется. — Джордж встал над ней. — Пошли, пора.

Кочевник медленно посчитал до трех и встал. Выходя вслед за другими из полицейского участка в обволакивающий жар клонящегося к вечеру дня, он подумал, до чего же смехотворная ситуация. Офигительно, блин, смехотворная. Позавчера еще его напрягал факт, что «The Five» закончит последнее турне в Остине шестнадцатого августа — «месяца смерти» для самого Кочевника, — а потом снова придется собирать новую группу, новое имя, новый дух, новый набор личностей. И вот где он

оказался теперь, вот где они все теперь, и настоящий последний день пришел слишком рано. И Майка нет, он убит. *Убит*. Внезапная смерть была Кочевнику не в новинку, но потом он узнал, что из-за его отца, одного из самых отчаянных котов, стучавшихся когда-либо в заднюю дверь домохозяйки, работница косметического кабинета в Луисвилле бросила безработного мужа, владевшего десятью пистолетами. Это был бы фарс, черная комедия, снятая братьями Коэнами (в главной роли — Джордж Клуни, только с голубыми контактными линзами), но последний штрих оказался трагическим: человек, убивший Дина Чарльза, сделал пять шагов в сторону и застрелился, сунув себе пистолет под подбородок и осиротив еще двоих детей, у которых всегда теперь в день рождения будет ощущение пустой дыры. Но как бы это все ни было ужасно, в *том* был смысл. А в *этом*... если бы он верил в Бога — а он не верил, — он бы услышал сейчас жестокий космический смех, ни для кого больше не смешной. Сейчас надо было перестать видеть, как падает Майк, снова и снова, перестать слышать сдавленный вопль Берк, или он сорвется в безумие прямо вот тут, сейчас, на улице Свитуотера.

Джордж сел за руль и ехал за машиной детектива. Берк сидела сзади, отодвинувшись от всех, одна. Все в тех же очках. Никто ни на кого смотреть не мог. Кочевник уставился прямо перед собой и продолжал молча себя грызть.

По дороге от заправочной станции к городу Берк вдруг вышла из забытья и вскрикнула:

— Блокнот! Я забыла блокнот!

— Постой! — сказал Джордж. Он и без того готов был из себя выскочить, и от этого ее вопля у него чуть кожа на хребте не лопнула. — Какой еще блокнот?

— Господи, Боже ты мой! Я же его уронила! Он у меня в руке был, он наверняка выпал! — Берк была чуть ли не

в истерике, и все прочие тоже завелись почти до срыва. — Ты его не видела? — спросила она у Ариэль. Та покачала головой. — Надо вернуться! — потребовала она от Джорджа. — Разворачивайся, возвращаемся!

Она чуть не сорвалась на визг.

— Легче! — сказал Кочевник. — Мы сейчас вернуться не можем.

Они ехали за детективами, которые могли не понять, почему это «Жестянка» останавливается и разворачивается. Или понять не так.

— А ты заткнись! — зашипела на него Берк, вытаращив глаза и брызгая слюной. — Заткнись к хренам!

— Ну-ну-ну!

Ариэль развернулась и схватила Берк за руку, с другой стороны пытался ее успокоить Терри, но Берк не сдавалась. Она выдирала руку, чуть не вывернула Ариэль за пястье, она рычала: «На хрен, на хрен всех вас!» — но Ариэль не отпускала, повторяя размеренно: «Успокойся, успокойся», — пока в Берк слегка не ослабла готовность сражаться со всем миром. А когда она ослабла, Берк едва не развалилась. У нее затряслись плечи, она опустила голову так, что лица стало не видно, и зарыдала — почти беззвучно, но все же не совсем.

И все это время Ариэль ее не отпускала.

Кочевник и Джордж быстро переглянулись. Берк Бонневи, мастер скрытности, раскрылась так, что прятать стало нечего. Ни вызывающих замечаний, ни небрежного презрения, ни взрыва барабанной дроби от ударной установки. Она как есть, раскрытая настежь. Это зрелище вызывало не меньшую оторопь, чем давешняя стрельба.

Секунду спустя она вроде бы перестала плакать, потому что шмыгнула носом и свободной рукой мазнула себя по глазам.

— На, — сказал Кочевник, и так она получила его очки.

В полицейском участке всплыла история зеленого блокнота — Кочевник вспомнил, что этот блокнот лежал в саду на столе, около Майка.

— Он хотел, чтобы я это прочла, — объяснила Берк. — Для него это было важно.

Место преступления навестили, но Льюк оттуда доложил:

— По нулям. Его там нет. — Почувствовав, что Берк медленно и болезненно возвращается в собственный панцирь, он добавил: — Но всплывет. Когда все будет переписано.

Мотель «Лассо» на Восточном Бродвее оказался маленьким, но чистым, с бассейном за белым забором с плакатом: «Только для гостей. Плавать на свой страх и риск». Номеров здесь было примерно дюжина, все на одном уровне. Построен в стиле старого ранчо, и на каждой двери выжжено свое тавро. Джордж заполнил бумажки и получил два соседних номера с бесплатным кабельным телевидением и подарком от заведения — «завтраком скотовода» из бисквитов с вареньем плюс кофе или апельсиновый сок. Льюк подождал, пока они занесут чемоданы. Перед отъездом сказал, что вернется к ним около десяти вечера.

Они поели в «Сабвее», который обнаружился в стрип-молле в полумиле от мотеля. Поковырялись в тарелках, точнее говоря, хотя им действительно надо было что-то в себя запихнуть. Несмотря на то что солнце уже начинало садиться, Берк оставалась в темных очках. Съела она половину маленького пакета чипсов. Разговоров было мало — казалось неуважением говорить о чем-либо, кроме Майка, а эту тему трогать нельзя.

Наконец, когда все поели и настало время возвращаться в «Лассо», в ночь тихого ада и отупляющего кабельного телевидения, Терри сказал:

— Джон...

«...дорожной карты нет...»

Но нет, Терри этого не говорил, а Кочевник, быть может, услышал голос призрака из угла «Сабвея», где солнце уже ушло из города.

— Что ты собираешься делать? — спросил Терри.

— Делать? Когда? Вот прямо сейчас? Через пять минут? Через, блин твою мать, целый час? — Он почувствовал, как бросился жар в лицо, увидел, как расширились глаза Терри за очками и сам Терри сжался за столом — потому что фитиль динамитной шашки горел. — Ты это имел в виду?

— Нет, я...

— Так *какого хрена* ты имел в виду?

— Сэр! — сказал пожилой чернокожий из-за конторки. — Пожалуйста, без выражений.

Он показал на молодую пару с грудным ребенком и девочкой постарше в соседней кабинке. На Кочевника смотрели три пары глаз.

— Ой. Прошу прощения, — сказал Кочевник и клерку, и другим посетителям. Жар гнева перешел в краску стыда. Кочевник сделал глубокий вдох, беря себя в руки, потом снова посмотрел на Терри. — Я тебе скажу, что я собираюсь делать, — ответил он. — Я завтра вернусь в Остин, оттуда поеду домой и пару дней буду спать. Потом, когда смогу думать нормально, позвоню Ариэль и Берк и спрошу, остаются ли они. Если да — а им не надо прямо сейчас отвечать, да или нет, — тогда я буду работать с Эшем и искать замену тебе и Майку. И *тебе*, — сказал он Джорджу, сохранявшему бесстрастный вид. На нижней губе у него желтел мазок горчицы. — С этого мы начнем — с того, кто будет с нами работать. Мы найдем себе новое имя, начнем репетиции, выйдем с новым материалом. Если Ариэль и Берк останутся — хорошо. Не

останутся — тоже хорошо. Но я буду делать то, что делаю. Такой у меня план. А у тебя какой?

Терри заколебался, не очень понимая, как себя вести. Он любил, когда мир, когда все друг с другом ладят. Любил, чтобы его любили. Он знал, что если его считают спокойным и сдержанным, то лишь потому, что он девять раз из десяти уходил от конфронтации. Один из самых трудных в жизни поступков был сказать им, что он уходит из группы. Сколько дней и недель ушло, чтобы заставить себя выдать эти слова? И ушло бы еще столько же, если бы Джордж не высказался первым. Одна из вещей, которых он по-настоящему боялся, и еще с тех пор, как играл в «Venomaires», — засветиться на радаре гнева у Джона Чарльза, стать целью этого гнева, взрывам которого он не раз бывал свидетелем. Между Джоном и Кевином Килером не раз вспыхивали молнии — до того, как у Кевина случился нервный срыв на сцене в Атланте. Но сейчас Терри, считавший Майка одним из лучших басистов среди всех, кого приходилось слышать, и своим настоящим другом, которого он будет оплакивать посвоему — наедине со своими клавишами, — решил, что Джон здесь, в «Сабвее», взрыва не устроит. В этом нет смысла — что сделано, то сделано, и даже сам Джон Чарльз не может вернуть время назад, до той секунды, когда какой-то мальчишка с винтовкой пустил две свои дурацкие пули.

— Когда мы вернемся, — ответил Терри, — я возьму машину и поеду в Альбукерк. Навестить Эрика Геросимини. А потом я вернусь домой и возьму у отца ссуду. Чтобы начать свое дело.

Кочевник допил колу. Что он мог на это сказать? План как план. А Берк, наверное, захочет поехать в Сан-Диего, открыть коробки, которые отчим ей оставил. Тоже план. У Малыша-Гения свой план, у паразита этакого.

Кочевник перехватил взгляд Ариэль — она сидела с Джорджем за соседним столом.

— Я с тобой, — сказала она.

Что-то в этом — а что, непонятно, — чуть не заставило его прослезиться.

Когда они вернулись в мотель, сумерки уже сгустились настолько, что желтая неоновая вывеска сияла в полную мощь. Она была из породы уже вымирающих вывесок — честный анимированный рисунок улыбающегося ковбоя, крутящего лассо, а в следующем кадре (или картинке, или как это называется для анимированных вывесок) оно превращалось в логотип, оборачивающийся вокруг его сапог. Ариэль сказала, что вывеска эта должна быть в книге фотографий вывесок мотелей, а Терри ответил, что наверняка есть, надо менеджера спросить. В стеклянных квадратах над дверями горели желтые лампочки. «The Five» случалось останавливаться в разных дырах, в куче грязных маленьких мотелей, где на рассвете растрепанные женщины и сонные мужчины разбегались по своим автомобилям, но этот мотель как раз был приличным. Кочевник не мог не подумать, что сказал бы Майк про этого вертящего лассо укротителя коров. «На свой любимый предмет старается лассо накинуть, брат».

Один номер заняли Ариэль и Берк. В другом бросили монету, кого исключить первым, а второй бросок монеты между Кочевником и Джорджем выдал Джорджу небольшую раскладушку. Но через несколько минут дверь между номерами открылась, и Ариэль с Берк пришли смотреть телевизор. Берк сняла очки. Выглядела она ужасно, глаза распухли, но она отпустила замечание насчет того, что Джордж будет спать в детской кроватке, и стало понятно, что она приходит в себя.

Полчаса они так просидели, растянувшись на стульях и кроватях и глядя в телевизор, как обычная путеше-

ствующая семья, а потом в дверь постучали. Не в их дверь, как показалось, — в дверь номера, где жили Берк и Ариэль. Этот номер был ближе к офису мотеля. Ариэль встала, отодвинула коричневые шторы и выглянула через жалюзи в окно.

— Какой-то человек... это сегодняшний. Тот патрульный.

Джордж открыл дверь номера:

— Здравствуйте. Чем могу служить?

У патрульного уже не было такого официального вида — или такого грозного. Он был одет в темно-коричневые брюки со свежестуженными стрелками. В брюки аккуратно заправлена белая тенниска с логотипом «флаг-и-орел» сети магазинов «Пенниз». Джордж узнал эмблему, потому что у него тоже такие тенниски были. Костюм дополняли коричневый кожаный пояс и коричневые ботинки на шнурках. Расчесанные волосы блестели, как свежая смола. Никогда ни одна бритва, даже эти чертовы штуки с четырьмя лезвиями, не проходила в такой близости к человеческому подбородку. Выглядел он как нервничающий старшеклассник, хотя, на взгляд Джорджа, ему было лет двадцать пять.

— Э-гм, — начал полицейский, что не предвещало хорошего. — А... а девушка эта здесь? Ну, которая с черными волосами?

«Кто?» — чуть было не спросил Джордж, но оглянувшись через плечо на Берк — единственное в этой комнате существо женского пола с черными волосами, только называть ее *девушкой* — что-то в этом было неправильное. Ощущалось неправильно.

— Кажется, он хочет тебя видеть, — сказал Джордж.

— Меня? — Берк встала. Один лишь Кочевник заметил, что она, проходя мимо зеркала над комодом, успела

туда глянуть и слегка вздрогнула от того, что в нем увидела.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек, когда она вышла вперед. Если у нее опухли веки, если лицо отекало и вид у нее был как у кучи из пяти разбитых автомобилей (а она знала, что так и есть), то по мальчишеской улыбке патрульного невозможно было сказать, что он это заметил или что для него этого важно. — Э... как вы вообще?

— Лучше.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Я вам хотел сказать... то есть вам всем, — пояснил он, и она отодвинулась от двери, открыла ее шире, чтобы всем был виден он, чистый и отглаженный, в свете желтой лампочки. — Хотел извиниться, что там вышел из себя. Пистолетом размахивал и орал на вас. Не лучший мой день.

— И наш тоже, — ответил Джордж. — Но вы делали то, что должны были, мы это знаем.

— Ну да. — Он потупился, передвинул носком сияющего ботинка какую-то невидимую крошку. — Мне предлагается держать такие ситуации под контролем. Убедиться, что ни у кого нет ствола, который я не вижу. Знаете, нас готовят к любым крайним случаям, но... когда такое случается, оно как-то вдруг.

— Уже выяснили, кто это сделал? — спросил Терри.

— Нет, сэр. Работают еще. Сейчас там их в той роще полно, прочесывают ее с фонарями. — Он снова внимательно посмотрел на лицо Берк и произнес, обращаясь ко всем: — Я скажу одну вещь... может, не следует, но я перед вами в долгу... в общем, латунь еще не нашли.

— Латунь? То есть гильзы? — уточнил Джордж. Интерес к сериалу «Копы» давал свои плоды.

— Да, сэр. Стреляные гильзы. Их две должно быть. Нашли несколько старых, но не то, что искали.

— Так что это значит? — спросил Кочевник. — Они не нашли место?

— Искали там, откуда, по расчетам, должны были быть произведены выстрелы, но... — Патрульный пожал плечами, показывая, что дальше углубляться не будет, и снова обратился к Берк: — Я... ну, в общем, понимаю, что не время... но я... ну, просто хотел спросить, может, вы не против были бы пойти выпить пива? Тут рядом, я бы вас доставил обратно через час... или как только скажете. Просто подумал, может, вам хочется поговорить. Но понимаю, время неудачное. Просто спросить.

Все присутствующие остолбенели от такой демонстрации отваги. Полицейский пришел позвать Берк *на свидание*. По крайней мере некое полусвидание — посидеть выпить пива, поговорить в темном баре.

Все затаили дыхание.

Ничего себе, какие штучки может выкидывать время. Какой медленной может стать река секунд, втекающая в море песка.

Наконец Берк сказала очень твердо:

— Спасибо, но нет.

— Что ж, ладно. — Полицейский кивнул. Может быть, какая-то тень разочарования мелькнула на чисто выбритом лице, но этим все и ограничилось. — Вот это я нашел на земле, — сказал он, поднимая правую руку таким жестом, каким в другой ситуации мог бы протянуть букет или коробку конфет. — Я так понимаю, это ваше?

Она уставилась на зеленый блокнот в его руке.

— У меня был вызов по рации, потому не смог сразу вам отдать, — пояснил он. — Наверное, следовало бы передать его детективам, но я пролистал — там только ваши рецепты.

— Мои рецепты?

— Ну да. Он же ваш?

— Да, — сказала она и взяла блокнот.

До нее дошло, что если бы он не пожелал за ней приударить, блокнот мог бы полететь в мусорный ящик.

— Спасибо. Я думала, что потеряла.

Она открыла блокнот — на первой странице был написан от руки рецепт лимонного печенья. Женским почерком, никак не Майка. На следующей — инструкции и ингредиенты для соуса чили с курятиной.

«Вот кретин», — подумала Берк. Майк взял блокнот на кухне того дома, где они ночевали.

— Из них некоторые... у нас в семье из поколения в поколение, — сказала Берк, поняв, что полицейского нужно как-то погладить. — Кажется, я его вынимала что-то записать, не помню. — Она перелистнула блокнот. «Куриное жаркое с горохом и красной чечевицей». «Цыплята с кукурузной корочкой». «Любимый кокосовый пирог Эми». — Куча сентиментальных воспоминаний. Спасибо вам еще раз.

— Я поеду тогда, — сказал он. — Мне жаль вашего друга. Надеюсь, я вам чем-то помог.

— Помогли.

Она едва заметно улыбнулась и подумала, какая у него должна была быть мысль: «Нельзя упускать женщину, которая умеет все это готовить».

Он попрощался, Берк закрыла дверь и заперла ее, потом, поворачиваясь к остальным, подумала, что надо Майку сказать: «Потрясающие новости! Я лесбиянка!» Но Майка не было.

— Что там в блокноте? — спросила Ариэль.

— Как он и сказал — рецепты.

Берк стала листать страницы. Курятина, жаркое, супы и пироги. И лишь на нескольких страницах с обратной стороны она нашла то, что записал Майк.

— Вот, — сказала она и прочла про себя. «Я начал писать песню», — сказал ей Майк. — Наша «Кумбайя», — объявила Берк. — Похоже, что он ее начал.

Она протянула блокнот посмотреть.

Страница была беспорядочная, что-то писалось, тут же зачеркивалось. «Девушка у колодца», — было там написано. «Тебе рады!» — написано несколько раз. На третий раз надпись стала буквенной картинкой, где у одной буквы «е» были глазки, а у другой хвостик, как у черта. Демон творчества взялся за мозг Майка как следует. Кочевник, Ариэль и Терри отлично знали этого дьявола. Еще строчка, написанная и зачеркнутая, и под ней нацарапано слово «Дюрьмо!».

Потом шла строчка полная и без помарок: «Добро пожаловать в наш мир, тебе все рады тут».

На следующей странице снова попытки, снова зачеркнутые строки, а потом: «Придумай песню не длиннее четырех минут».

— Это оно? — спросил Джордж, заглядывая через плечо Терри.

— «Девушка у колодца», — прочел Терри и нахмурился. — Это, что ли, заглавие? — Он посмотрел на Берк: — Он что делал? О той девушке песню писал?

— Не знаю, что он делал. Я только знаю, что перед тем, как... перед тем, как его застрелили, он сказал, что пишет... вот это, что бы оно ни было. Ну, понимаете... — Слова «песня-кумбайя» казались бы сейчас неуважительными по отношению к Майку. — Ту общую песню, которую Джон хотел, чтобы писали все. Ну, про которую я сказала, что это фигия мозги занять.

Берк стала закрывать блокнот, но Кочевник протянул руку, и она ему отдала.

Кочевник снова прочел текст, первую и вторую страницы. Ариэль подвинулась к нему, сидя на краю крова-

ти, и они прочли вместе. Он ощущал тепло ее щеки, почти касающейся его собственной. Слышал ее запах — легкий аромат жимолости. Может быть, когда-то в этой жизни он шел через густые заросли переплетенной жимолости и остановился посмотреть, куда идет. Ее щека была очень близко к его щеке, они будто готовы были соприкоснуться. Потом Кочевник отодвинулся на пару дюймов, посмотрел на Ариэль и спросил:

— Как оно тебе?

Он имел в виду слова.

Она тоже отодвинулась на столько же и не отрывала глаз от истерзанной бумаги. Уголок рта у нее сжался — так бывало, когда она думала.

— Не знаю, куда он дальше хотел повернуть. Но... может, *что-нибудь* мы с этим сумеем сделать.

— Ребята! — Голосом Джорджа заговорила мрачная реальность. — Мы утром едем домой. Турне отменено. Кончилось.

Берк вспыхнула:

— Может, они хотят *в его память* песню написать! Может, надо сделать последнее представление — для него. В его пользу. Для его дочери по крайней мере.

— Это мы можем, — сказала Ариэль. И спросила у Джорджа: — Можем ведь?

— Без вариантов, — ответил он. — Я первым делом провентилирую это с Эшем.

Кочевник вернул блокнот Берк. «Тебе здесь рады», — говорил Майк вчера ночью в Далласе, во дворе. Начало неплохое. Кочевник не видел в этих словах никакого направления, но Ариэль и Терри могут куда-нибудь вырулить. Сейчас единственное, чего он хотел, — добраться до дома, до своего футона на полу, свернуться и оставить весь мир снаружи до тех пор, пока не надо будет либо поесть, либо...

Ночь обещалась быть тяжелой — в этом мотеле с ковбоем, размахивающим лассо на вывеске. Наверное, они все собьются в одну комнату, в кучу, как хорьки в клетке, дыша и вздрагивая в тяжелой дреме. Если вообще кто-нибудь заснет.

Но он заснул, уже далеко за полночь. Среди последних мыслей до отключения сознания была такая, что как-то, почему-то эта девушка сильно запала Майку на ум. Забросила в него семечко. Точно так же, как Кочевнику пыталась забросить. Заставила поверить, что у него какая-то блядская опухоль мозга, когда он не впустил ее.

«Ну нет, — поклялся он про себя. — Только не я».

Но сам не очень понимал, о чем эта клятва. И если честно, то не хотел знать. Явление слишком большого для него масштаба, чем бы оно ни было.

Около двух часов ночи Ариэль встала, проспав час-другой, обулась, тихо вышла наружу и закрыла за собой дверь. Неоновая вывеска уже не горела. На Восточном Бродвее было тихо, звезды покрывали небо узором, от которого захватывало дух. При желтом свете лампочек Ариэль увидела, что заселились новые гости: рядом с «Жестянкой» и трейлером стояли белый внедорожник, серебристая или светло-серая «субару» и черный или темно-синий пикап. На внедорожнике номер из штата Нью-Мексико, остальные две машины техасские. На заднем бампере пикапа был металлического цвета стикер с надписью «Semper Fi». Ей хотелось пройтись, подышать ночным воздухом, ощутить на щеке легкий ветерок, похожий на любовное касание. Ариэль направилась к бассейну и, когда подошла ближе, услышала тихий звук движения в воде.

Кто-то там был, в темноте, в одиночестве. Похоже, плавал туда-сюда. Без ударов ногами, просто загребал

воду медленным кролем. Ей казалось, что это очень отдает одиночеством — плавать туда-обратно в темной воде под пологом ночи. Она заколебалась, потом решила подойти туда, а заговорить или нет — там видно будет. Потому что она очень, очень хорошо знала, каково это — быть одиноким.

Часть третья
БАЛЛАДА О КАРТОШКЕ
ПО-ГРЕЧЕСКИ

Глава девятая

Через час после восхода Берк завязывала кроссовки — черные «Нью балансез», уже протаскавшие ее более двухсот миль. Наряд у нее был спартанский, в котором не страшно вспотеть. На волосы она натянула черную ленту от пота и опустила ее на лоб. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь жалюзи, уже покусывали. В черед неужели жарких дней этого лета нынешний обещал выдаться самым жарким.

В прошлый раз, когда ушел из ее жизни человек, очень ей небезразличный, она на следующее утро встала с кровати, завязала кроссовки, стиснула зубы и пошла на шестимильную пробежку. Получится ли такое сегодня, она не знала, но была намерена попробовать.

Все остальные еще спали. Никак не укладывалось в голове, что Майка в это утро здесь нет. Он не лежит на спине, вытянувшись и заложив руки за голову, потому что терпеть не может ощущения подушки под головой. Она никогда не спрашивала его, почему так, — полагала, что это связано с количеством заholустных тюрем, где ему приходилось сидеть, и вшами, клещами или клопами, — что-то вроде этого. Невозможно было поверить, что она больше не услышит хриплого рокота его голоса, и вот это было, может быть, самое худшее. Его больше нет. И никогда, никогда не будет.

Кажется, не она одна провела сегодня мучительную ночь. Ребята замотались в простыни, Джордж едва не свалился с детской кровати. А Ариэль? Ее не было ни в одной комнате и ни в одном из двух туалетов. Наверное, вышла пройтись, пока солнце еще не вставало. В общем, здесь ее не было.

«Ладно, — сказала себе Берк. — Вперед, пошла».

На парковке она увидела трех новоприбывших: белый внедорожник, серебристая «субару» и темно-синий пикап. В неподвижном воздухе пахло горячим металлом. На Восточном Бродвее стояло несколько машин, но не много. Утро понедельника здесь было не таким, как в Остине.

Берк остановилась возле трейлера минут на пять — выполнить упражнения на растяжку: наклоны вперед, выпады и «фламинго», по тридцать секунд на каждое, — и отметила движение жалюзи в номере, перед которым стоял пикап. Кто-то тоже привык рано вставать или хочет первым успеть на «завтрак скотовода». Она решила двинуться налево, по Восточному Бродвею на северо-восток. Сперва шагом, потом постепенно ускоряясь до бега, она миновала бассейн за белой загородкой и там увидела Ариэль.

Ариэль лежала возле бассейна в голубом шезлонге, на правом боку, к Берк спиной. Колени согнуты, ноги поджаты. Одна туфля на ноге, другая лежит рядом со стулом. Берк подумала, что у Ариэль шея потом будет ныть, если так лежать, сгорбив плечи и повернув голову. Подумала подойти и разбудить ее, но решила этого не делать. Наверняка Ариэль трудно было заснуть, и здесь ей как-то удалось успокоиться, одной в темноте.

Берк двинулась дальше, набирая темп, быстрее и быстрее. Пройдя по улице ярдов двести, перешла на бег, ровной рысью уходя прочь от «Лассо».

Детектив с ковбойской шляпой звонил вчера ровно в десять вечера. С ним говорил Джордж. Что-нибудь понятно насчет того, кто стрелял? «Они сейчас мало чего знают, — сообщил Джордж. — Но утром хотят с нами говорить». На том и кончилось.

Берк бежала размеренно, ровно дыша, не напрягаясь. Красный шар висел на две ладони над горизонтом, целясь ей между подбородком и правым плечом. Мимо проползали обычные виды любого маленького города в любом штате Америки: небольшие мастерские, парковки, церкви, моллы. Остался позади «Сабвей», где они вчера ели, в полумиле от него обнаружился «дейри квин» — жалко, что раньше не знала, она мороженое любит. Потом мелькнула зона маленьких домиков, парковки, автосервисы, свалки старых кузовов и шин и тому подобное. Именно здесь ей крикнул какой-то мужик из проезжавшего белого пикапа: «Hey, muchacha caliente!»*, — но она ни головы не подняла, ни с шага не сбилась. Да, она девushка горячая, и это правда, особенно сейчас, когда как следует вспотела и солнце лупит в правый бок. Проезжали в обе стороны машины, иногда ей гудели, но она ни направо, ни налево не смотрела. Она смотрела лишь на растрескавшийся бетон на шаг впереди, потому что именно так надо вести любой серьезный бег.

Она думала про Майка, про то, как это бессмысленно, как ей будет его недоставать. Но когда-то очень тяжела была гибель ее подруги по бегу и скалолазанию, Мелиссы Кавано. Случилось это шесть лет назад, когда Берк жила в Сиэтле и играла в недолго просуществовавшей группе «Time Keeps Secrets». С Мелиссой они познакомились в кофейне, через общих знакомых, и тут же сошлись. Мелисса у себя в колледже в Джорджии была баскетболисткой и вообще во всем была первой — от-

---

* «Эй, горячая девчонка!» (исп.)

личница-студентка, звезда беговой дорожки, репортер студенческой газеты, активистка-эколог, волонтер в убежище для бездомных, без ума от бродячих собак, кофе «Кона» и альбома «Сандиниста» группы «The Clash». Так отчего же Мелисса Кавано, двадцати двух лет, с блестящим будущим графического дизайнера в Изумрудном городе, привязала веревку на крюк в собственном шкафу, полном стильной, но со вкусом подобранной одежды, другим концом той же веревки обвязала себе шею и в один прекрасный воскресный вечер повесилась?

Между ними не было секса, не было поцелуев, за ручки не держались. Они не говорили о том, каково быть нетрадиционной, потому что Берк на самом деле так и не поняла, нетрадиционная Мелисса или нет. Она встречалась с парнями, рассказывала, какие попадаются среди них ужасные, а какие бывают по-настоящему классные и веселые, но как-то... как-то... все не то, что она искала. Берк решила, что если Мелисса и нетрадиционная, то ей еще предстоит найти собственный путь к себе. Но они были добрыми друзьями и любили бывать вместе. «Предки у меня жуть консервативные, — говорила Мелисса. — И я их ни разу не огорчила. Я лучше сдохну, чем их огорчу. Они мечтают, чтобы я была во всем совершенной — в нашей семье иначе нельзя. Посмотри достижения прошлых наших поколений, призы да почетные грамоты. Разве можно разочаровать клан, который всю жизнь ставит себе трудные задачи и побеждает, всегда побеждает. Понимаешь?»

«Да, — отвечала Берк. — Я понимаю».

«Я знаю, что ты не особо набожная. Но благодарю Бога, что мы с тобой встретились, — создалась как-то Мелисса. — С тобой можно говорить обо всем».

Кроме одного. И это одно постепенно ее убивало и заставляло ее мысленно прикидывать крепость веревок

и идеально отмерять нужную длину. И когда наступило самое подходящее время, когда мозг сосредоточился конкретно на этой трудной задаче, она покинула этот мир, потому что не могла принять правды сердца своего и была слишком хорошей девочкой, чтобы хоть когда-нибудь огорчить родителей.

Берк понятия не имела, что случилось. Последний телефонный разговор, в субботу накануне, был о том, что надо во вторник пойти поесть пиццы, посмотрев «Клетку для кроликов», — по вторникам они ходили в кино. Мелисса сказала, что думает поехать в Мейкон, провести пару дней с родными. Но все было светло, легко, весело. Мысли только о будущем — в котором небеса голубые, все мечты сбываются и каждый может стать кем хочет, потому что Это Америка. Тело нашла соседка Мелиссы днем в понедельник. Ни записки, ни обвинений, ни жалоб. Молчание на века.

Солнце стало жарче. Берк быстро огляделась, определяя направление. Она оказалась в зоне сухих темно-желтых полей, ржавой колючей проволоки изгородей, далеких фермерских домов, с виду заброшенных. Из тощей земли вылезали немногочисленные жилистые деревья. Пора было поворачивать обратно. Берк приближалась к грунтовой дороге, змеившейся через заросший сорняками участок. В воздухе стоял горьковатый запах, смешивающийся с вонью придорожной падали. Возле этой грунтовой дороги Берк решила повернуть назад.

Она никогда не сомневалась в избранном пути. При выборе между платьем и фланелевой рубашкой она всегда выбирала шотландку. Не то чтобы она не пробовала секса с парнями — просто узнать, что это такое. Парней этих было трое, в разных штатах, в разное время года. Три, только три раза. Под алкоголем или под наркотиком, а может, просто из сочувствия. Ничего она толком

не помнила, кроме шершавых рук, не понимающих, что делают, неандертальского уханья, от которого больших трудов стоило не заржать, и наконец — о раны Иисусовы, наконец-то! — эта жуткая грязь, хуже которой никогда ничего в жизни не размазывали по простыням. Ты это куда хочешь засунуть? Ах-ах, Блутто, мое милосердие иссякло.

Она не хотела иметь ничего общего с этими королями секса, в котором нет искусства, с этими охорашивающимися принцами, считающими себя подарком для женщин всех размеров, форм и цветов, и которые визжат и топают ножками в слезах, стоит им услышать слово «нет». Эти ее три трофея были смехотворно тяжелыми, валялись на ней сверху бетонными глыбами. Волосатые спины, тощие задницы... фе. Хватит об этом думать, пока не пришлось подбегать к обочине проблеваться.

Ей недоставало Мелиссы. И Майка недоставало, и будет со временем недоставать еще больше. Может быть, так устроен мир, что людей, которые тебе всего дороже, забирают у тебя без предупреждения, но если это лучшее, что Бог смогла сотворить, Ей бы стоило пересмотреть Свой замысел.

Берк уже почти добежала до грунтовой дороги. Посмотрев вдоль нее, она увидела какую-то плывущую в воздухе пылевую дымку, будто только что здесь кто-то проехал. Выгоревший плакат, когда-то красный-бело-синий, сообщал, что «Земля продается». Вдали, в паре сотен ярдов в обрамлении скелетов-деревьев, стоял фермерский дом того же цвета, что и окружающий серо-коричневый кустарник. Окна у него были выбиты, кирпичная кладка вокруг трубы рассыпалась, обнажив железный цилиндр. Но, как ни странно, облезлый почтовый ящик остался висеть возле поворота на грунтовую дорогу, а на нем было написано: «Сэм Додж».

В окне блеснул свет. «Солнце на металле», — подумала Берк.

Где-то стрельнула петарда — не очень громкий хлопок.

Что-то дзенькнуло мимо лица — что-то вроде осы или шершня, на уровне ключицы. Запахло жженым воздухом. Плянув направо, Берк увидела султанчик пыли, поднимающийся от голой земли за колючей проволокой. И тут ее обдало обжигающее осознание, что в нее только что стреляли из окна того дома в поле.

«Додж»*, — подумала она.

Но поступила еще умнее: бросилась на дорогу и в одну секунду заползла в бурьян справа. Отлично натренированное сердце бешено стучало, легкие ловили воздух, из пор хлынул свежий пот.

Берк сжалась в ожидании второй пули. Ноги ее оставались на дороге, и она на руках втянулась глубже в траву. Оглянувшись снова на дом, она его не увидела. Но это еще не значило, что *оттуда* не видят *ее*. В мозгу завертелся вихрь эмоций, выдавших в результате прилив гнева: какая сволочь там стреляет? Упираясь в землю кроссовками, локтями и коленями, она поползла через кустарник вдоль колючей проволоки изгороди. Что-то оказалось прямо перед лицом — она сперва подумала, что кусок истрепанного каната, но с каких пор у канатов появилась чешуя и полосатая бело-коричневая расцветка? Головы Берк не видела, треска погремушки не слышала, но змея вдруг бросилась прочь, будто ткнулась в горячий утюг, скользнула среди стеблей и исчезла. Берк подумала, что обмочила лайковые шорты не меньше чем стаканом.

Послышался шум приближающейся машины. Берк подняла голову, насколько посмела. По левой полосе, на-

---

* Игра слов: Додж (Dodge) — уклоняться, делать обманные движения.

правляясь в город, ехал пикап, сваренный, похоже, из останков четырех, если не больше, разбитых машин. В нем сидели двое мужчин, опустив стекла, а в глубине стоял какой-то аппарат, который мог быть даже кондиционером. На побитой и поцарапанной водительской дверце было написано: «Баумгартнер — обогрев и охлаждение», и номер телефона. Еще несколько секунд — и пикап проедет мимо. Если сейчас вскочить и броситься к машине, тот, кто там в доме, получит еще один шанс ее убить. Но оставаться тут тоже не вариант, это даже у змеи хватило ума сообразить.

Когда пикап оказался почти между ней и домом, она вскочила и бросилась к дороге, размахивая руками.

— Эй! — крикнула она. — Стой! Стой!

Водитель ударил по тормозам, машина поехала юзом и остановилась. У водителя была швабра седых волос и седые усы, а красные буквы в белом круге на коричневой рубашке с темными пятнами пота сообщали, что его зовут Рой.

— Подвезти можете? — попросила Берк. Голос у нее дрожал. — До мотеля?

Рой и его напарник, тощий мексиканец, почти дочерно сожженный солнцем, уставились на нее.

— До мотеля «Лассо», — объяснила она. — Меня подвезти.

Сквозь кабину она глянула на фермерский дом, но он казался пустым и заброшенным.

— Подвезти? — Рой был явно из тех, кто предпочитает говорить и действовать в своем темпе. — А что вы здесь делаете? — Он окинул взглядом ее наряд. — Бегае-те в такую жару?

— Сесть мне можно в машину?

Рой втянул воздух сквозь зубы. Неторопливая повадка явно включала в себя звуковые эффекты.

— Да, — решил он. — Садитесь.

Она боком обошла грузовик. Мексиканец открыл ей дверь и подвинулся. Пока Берк влезала, кожу на шее покалывало в ожидании пули, но в нее ничего не впилося, кроме нескольких комаров, привлеченных запахом соли. Она захлопнула дверцу, снова глянула на пустой дом. Ни движения, ни блеска металла. Ничего.

— Кто там живет? — спросила она.

— Земля продается, — ответил Рой. — Наверное, пустует. Хотите купить?

Берк покачала головой, а Рой тем временем поставил ботинок на педаль газа, и заплатанный пикап с усталым стоном покатился в сторону города.

— Вы не отсюда, нет? — спросил Рой, и Берк ответила, что нет, не отсюда. — А откуда тогда? — Берк ответила, что из Остина. — Большой город, — отметил Рой и стал рассказывать про те времена, когда ездил на свадьбу к сестре в Форт-Уэрт, тоже большой город, но вообще он больших городов не любитель, он вот тут всю жизнь прожил, и прожил неплохо, жена и трое сыновей, один на нефтяной платформе работает в Заливе, и надо же, сколько мальчишка бабла заколачивает.

Берк перестала слушать примерно тогда, когда сказала, что сегодня вернется в Остин. Она знала, что кто-то в нее стрелял. *Знала.* Ощутила пролетевшую пулю, почувяла ее запах. Но *зачем*, о Господи? Пуля, прилетевшая из пустого фермерского дома? Ну да, значит, он ни хрена не пустой. Что же она такое сделала, что какой-то любящий стрелять анахорет на нее разозлился? Но это как-то дико странно. Вчера застрелили Майка, теперь вот это...

Слишком странно.

Рой и его молчаливый спутник глядели на нее. Она что-то пропустила.

— Да? — переспросила она.

— Вы падали? — повторил Рой. — В пыли испачкались, я подумал, что вы упали.

— Да, упала.

Они были уже близко к «Лассо». Берк взялась за ручку дверцы.

— Вы бы поосторожнее, — посоветовал Рой, заводя машину на парковку. Берк увидела, что список гостей сократился: серебристой «субару» и темно-синего пикапа не было. — Тут вчера одного подстрелили насмерть на дороге I-20. В газете утром было. Безумные времена теперь, — сказал он.

— Ага, ладно. Спасибо, что подвезли.

Она вышла, не дожидаясь, пока машина остановится совсем. Мексиканец поднял руку на прощание, и Рой поехал прочь. Берк была достаточно близко к бассейну и видела, что Ариэль лежит на синем шезлонге в том же положении, в котором была минут сорок назад. Берк открыла калитку. Широкими шагами обошла бассейн, тронула Ариэль за плечо.

— Эй, проснись! — сказала она. — Ариэль! Проснись!

Ариэль открыла глаза, повернула голову к Берк — и тут же застонала от боли и схватилась за шею.

— Ой!

Плечо у нее тоже затекло. Шезлонг явно не предназначен на роль кровати, но тут было так хорошо лежать под звуки воды и смотреть в звездное небо. Сейчас, впрочем, оно стало светлым и жарким. Кто это над ней? Она прищурилась.

— Берк? Что такое?

— В меня стреляли.

— В тебя... *что?*

— Слушай, что я говорю. Проснись. В меня стреляли, когда я ходила на пробежку.

Ариэль села, все еще разминая непослушные мышцы шеи. Только сейчас она заметила, что одна туфля с нее ночью свалилась.

— На пробежку?

Берк резко развернулась и направилась к номеру. Ариэль — лапушка, умница, способный автор текстов и музыки, настоящий командный игрок, когда доходит до дела, но с утра, пока не получит свою тарелку гранолы и чашку чая «серебряные иглы», бывает тупее кирпича. Берк открыла дверь и вошла в номер, где сидел на стуле Джордж и таращился в экран своего телефона. Кочевник и Терри лежали на кроватях и спали. Берк почувствовала, как подступают к глазам свежие слезы, потому что Майка здесь не было, и она не знала, сможет ли когда-нибудь вообще отрешиться от этой трагедии.

— В меня...

Она хотела сказать, что в нее стреляли, но не успела.

— Потрясающе! — сказал Джордж. — Это просто... невероятно.

— Джордж, слушай, что я тебе говорю, о'кей? В меня...

— Мы в последний раз продали сто шестьдесят три диска, — продолжал Джордж. — Это только для «Кет-ЦЕЛБ-коатля» цифры. Сто шестьдесят три, — повторил он, подчеркивая. Ему не надо было ей говорить, что диски стоят по десять долларов за штуку, платить можно через PayPal. Он посмотрел еще какие-то внушительные цифры. — Ролик получил пятьсот девятнадцать просмотров на YouTube, шестьсот тридцать восемь на MySpace и — можешь себе представить? — семьсот двенадцать на странице. — Глаза его сияли за очками. — Боже ты мой! — сказал он. — Что же это творится?

— Ну, класс, я рада, но...

— Парни! — Джордж стал тормошить спящих. — Вставайте! Парни, вы должны это услышать! — Ответом ему были храп и ворчание, как если бы зверей вытаскивали из нор, не давая спать. — Я всерьез! — Джордж почти перешел на крик. — У нас такие, блин, цифры отличные за прошлый вечер!

Первым отреагировал Кочевник, хриплым со сна голосом:

— Какого хрена...

У Джорджа загудел сотовый. Он посмотрел, кто звонит, — это был Эш.

— Ага, — сказал Джордж и стал слушать. Кочевник и Терри выбирались из простыней, в которых успели запутаться за ночь. Кочевник, шатаясь, пошел в ванную. — Да, видел цифры. Какие условия контракта?

Он замолчал, слушая Эша.

— Кто-то в меня стрелял, — сказала Берк, обращаясь к Терри.

Она не знала, слышит он ее или нет, потому что он нашаривал очки на тумбочке. Снова открылась дверь, полыхнуло солнце, и вошла Ариэль, все еще разминая шею.

— Ага. Да, понял, — сказал Джордж, опускаясь снова на стул. Что-то в его голосе переменялось, восторг несколько увял.

— Что случилось? — спросила Ариэль.

— Кто-то в меня...

Берк остановилась. Она все еще слышала звук просвистевшей мимо пули, но все событие казалось сновидением, нереальностью, сливалось с треском пули, выбившей вчера окно заправочной станции. Она подумала, что это жар на нее подействовал перед тем пустым домом, или же что она, может, с ума сходит. С чего в нее кто-то будет стрелять? Ведь полная же бессмыслица. Но вот пуля,

попавшая в голову Майку, который сейчас лежит где-нибудь на столе, — в ней какой смысл?

— Ага, на самом деле. — Это Джордж ответил на какую-то реплику Эша. — Нет, не видели. Вау! Ничего не могу сказать — просто вау.

Берк приложила ко лбу ладонь — проверить, не перегрелась ли. Ощутила только, что кожа липкая. Может, и правда перегрелась. Может, ее сейчас вот вырвет, потому что желудок вертится. «Как тот синдром, что у солдат бывает, — подумала она. — Синдром отложенного стресса».

Она почувствовала, как холод ползет по щекам.

— Что с тобой? — спросила Ариэль.

Возле бассейна она четко расслышала слова Берк — «В меня стреляли», — и у Берк лицо серое. Наверное, это у нее нервная реакция на вчерашнее. И кто ей может поставить в вину, что она так расклеилась?

Берк рванулась в ванную через соединяющую номера дверь, повернула кран, плеснула в лицо воды, а потом, дрожа крупной дрожью, нагнулась над унитазом, и ее вывернуло долгими спазмами, слышными по крайней мере через две двери. Ариэль встала около двери ванной на случай, если Берк понадобится помощь.

— Одну секунду, — сказал Джордж Эшу в телефон и спросил у Ариэль: — Что там с ней?

— Все, блин, в порядке! — рявкнула Берк сквозь картонную дверь. — В охренительном порядке!

— Кто там блюет? — спросил Кочевник, выходя из другой ванной и щуря заспанные глаза.

— У нас тут недоразумение, — сказал Джордж в телефон. — Говори, я слушаю.

— Что тут творится? — спросил Терри, ни к кому конкретно не обращаясь, потом неохотно встал и пошел в ванную, откуда только что вышел Кочевник. Тот вернул-

ся к своей кровати и лег на спину, глядя в плитки потолка и гадая, сказали уже дочери Майка или нет. Поездка обратно в Остин обещала выдаться нерадостной, да и там мало что хорошего их ждет, несмотря на его грандиозные планы вчерашнего вечера.

— А почему они это так назвали? — Вопрос, заданный Гением-Малышом в телефон, привлек внимание Кочевника. Джордж снова замолчал, слушая, что говорит Эш. Кочевник приподнялся на локте, пытаясь по лицу Джорджа понять смысл разговора. — Нам обещали позвонить сегодня утром. Я думаю, нас отпустят.

Про детективов говорит, подумал Кочевник.

— Так... какой же контракт? — При этих словах Кочевник снова наострил уши. — Еще лучше? Пятьдесят процентов?

Берк и Ариэль вернулись в комнату: одна — держась за живот, другая — потирая шею. Берк в туалете выпила пару стаканов воды, и ей стало лучше. Она никак не могла решить, продолжать ли попытки рассказать о стрелке на заброшенной ферме.

— Боже мой! — сказал Джордж. — Это он серьезно?

Спуск воды обозначил выход Терри из туалета. Терри вопросительно глянул на Кочевника — тот пожал плечами.

Джордж поскреб подбородок.

— Он может дойти до семидесяти пяти процентов от продаж?

— О чем он? — спросила Берк, но никто не мог ей ответить.

Кочевник не хотел этого говорить, но похоже было, что Джордж и Эш обсуждают концерт. Он не без горечи вспомнил голос разума, говоривший вчера в «Сабвее» устами Джорджа: «Утром мы возвращаемся домой. Турне отменяется. Все кончено».

Да, сейчас утро, турне отменено, и «The Five» больше нет. Так о чем же он бормочет?

— Слышу, да. Понимаю, — сказал голос разума. — Я это всем перескажу. — Он кивнул, слушая еще какие-то инструкции из Остина. — О'кей, спасибо.

Джордж отложил телефон и остался сидеть как сидел, без движения, глядя в пол. Шли секунда за секундой.

— Нам что, угадывать? — спросила Берк с сарказмом в голосе, что было хорошим признаком.

— А ни за что не угадали бы, даже за тот самый миллион лет, — ответил Джордж спокойным размеренным голосом. Посмотрел сперва на Кочевника, потом на остальных. — Вчера Трей Йегер оставил Эшу сообщение. Хочет, чтобы мы выступили в ту же дату в «Спинхаусе». — Йегер был менеджером по заказу мест в «Спинхаусе», крутился в бизнесе уже больше тридцати лет в разных клубах Юго-Запада. — Это еще не все. Они хотят нас выставить главными. Это чуть больше денег, но Эш считает, что мы получим лучший процент от продаж.

Никто не сказал ни слова, потому что никто не знал, что сказать. Потом Кочевник сформулировал самую суть:

— Если ты не забыл... мы вчера лишились нашего басиста.

— Да, это есть. Эш говорит, что к нам может в Эль-Пасо подъехать Бутч Манджер, или же Трей найдет местного таланта.

— Стоп-стоп-стоп! — перебила Берк. — Я с первым уличным крокодиллом играть не буду!

— Только не Бутч Манджер! — заявил Кочевник с не меньшей страстностью. Он вскочил с кровати и встал в стойку — как боксер, готовящийся ударить хуком справа. — Этот паразит в прошлом году развалил «Hemp For Shemp»! И не только это. Он еще славится своими скандалами, и его арестовали как-то за то, что своей девушке

нос сломал. Обвинения сняли, потому что она этого гада сильно любила.

— Парни? — спросил Терри.

— Слушай, это же одно выступление, — примирительно сказал Джордж. — Я знаю репутацию Манджера, но играть он умеет. И вроде в стиле Майка...

— Заткнись! — Берк поперла на него, нависла всей массой. Джордж испугался, как бы разгневанная лесбиянка не разодрала его на части. — Как Майк, *никто* не играет, понял? Никто!

— Ребята? — повторил Терри.

— Только не Бутч Манджер! — Кочевник почти сорвался на крик. — Я с ним на одну сцену не выйду!

Зазвонил телефон на прикроватной тумбочке — резкое «ля» третьей октавы и вниз к «до». Джордж осторожно просунул руку между Кочевником и Берк и взял трубку.

— Да? Да, конечно. «Завтрак скотовода» нам очень будет кстати. Да... шесть... Ой, простите — пять. Минутку. — Он прикрыл микрофон рукой. — Кому кофе, кому апельсиновый сок?

— Сок, — сказал Терри и добавил: — Парни, я могу взять на себя бас.

— Два сока пока что, — доложил Джордж в телефон.

— Кофе, черный, — сказал Кочевник.

Джордж приложил трубку к уху.

— Да, это будет отлично. Спасибо. — Он повесил трубку. — Мотель не слишком загружен, так что она принесет кофейник, пять чашек и пять стаканов сока.

— Вы слышали, что я сказал? — спросил Терри. — Я могу взять на себя партию баса.

Джордж не ответил, ожидая реакции Берк. Она долго смотрела в пол, будто прикидывая, хватит ли у Терри сил нести бремя Майка. На лице у нее читалась борьба эмоций.

Потом она посмотрела на Джорджа и твердо сказала:

— Меня устраивает.

— Ушам своим не верю! Мы будем играть *без Майка*?! — Устами Ариэль говорил не голос разума, а крик озверения. — Плевать мне, что это всего одно выступление! — Она не дала Джорджу вставить слово. — Неужто нам не надо вернуться домой и... траур какой-то выдержать, что ли? Играть без него — это неправильно!

— Я думаю, — ответил ей Джордж, — ты в этом не права. Давайте я расскажу, что случилось, как мне Эш передал. Репортаж про Майка вот здесь, в утренней газете. И еще есть в абилинской местной. Но вчера вечером материал передало «Ассошиэйтед пресс» и на Yahoo попало в новости. Знаете, какой заголовок? «Участник гастролирующей группы убит снайпером».

— Снайпером? — нахмурился Терри. — Кто что сказал про снайпера?

— Так мне Эш рассказал. В газетах сказано «выстрел из винтовки». На Yahoo превратился в снайпера. Давайте я вам расскажу... в общем, в сети это *очень много* людей видели. Так что хотя на Yahoo нас называют «The Fives», но за эту ночь мы продали сто шестьдесят три диска «Кет-ЦЕЛЬ-коатля». — Малыш-Гений подождал, пока эта цифра дойдет. — Потрясающие цифры заходов, и я ручаюсь, что, если просмотреть цифры прямо сейчас, они еще выше поднялись. Бог знает до чего. Эш звонил в «Спинхаус» отменить, но там хотят, чтобы мы выступили — потому что вдруг мы стали *нюсмейкеры*. — Он заметил страдальческое лицо Ариэль, а на Берк даже глянуть не осмеливался. — О'кей, я понимаю, что это дерьмовый способ засветиться на медиа, но почему, как вы думаете, нас ни с того ни с сего ставят главными?

Никто ему не ответил, и Джордж продолжал гнуть свое:

— Любая засветка на медиа продает билеты. Мы можем считать себя великими и тонкими музыкантами, или бунтарями без причины, или бушующим пламенем гневной праведности, или кем вообще хотим... но бизнес интересуется лишь одно: как на тебя продаются билеты? В общем, я говорю — и пусть нам это не нравится, но так жизнь устроена, — что надо взять себя в руки и поступать как профессионалы. Если сможем быть гвоздем программы и получить хорошие продажи от «Спинхауса», то будем там играть. Есть несогласные? — Ответа не последовало, но Джорджу надо было донести еще одну мысль. — Вы думаете, Майк бы отказался? После такой долгой работы до седьмого пота, когда нас приглашают ведущим номером? — Следующий вопрос он адресовал Берк: — Ты думаешь, он бы сказал паковать и мотать в Остин?

Берк смотрела в другой угол комнаты, на лежащий на комодке зеленый блокнот. Насколько она понимала, Майк никогда в жизни не написал ни одной стихотворной строчки, да и не хотел никогда. Почему вдруг, как раз перед тем, как его застрелил...

...снайпер?

— Майк сказал бы ехать в Эль-Пасо и играть в «Спинхаусе», — ответила Берк больше себе, чем остальным. — Он бы сказал...

Живым никому не уйти?

— ...взять себя в руки. Может, не такими словами только.

— Мы отыграем концерт, мы сорвем у зала крышу, и я скажу, что родные Майка получают его долю, как если бы он здесь был. — Джордж приподнял брови. — Все согласны?

Все были согласны, и Кочевник ответил за всех:

— Ясен пень.

— Значит, правильно так, — сказал Джордж, обращаясь к Ариэль. — А как угодно иначе — будет неправильно.

На это Ариэль не ответила.

Тут принесли завтрак — бисквиты, варенье, кофе и апельсиновый сок. Принесшая завтрак женщина оглядела номер, проверяя, не разнесла ли его ночью эта шайка (полиция сказала, что они музыканты), и вернулась в свой офис, несколько успокоившись. Пока они ели, про Майка никто не упоминал, но Берк для надежности убрала зеленый блокнот в сумку. Она решила больше не говорить о пережитом на дороге: слишком это было странно, чтобы обсуждать. И Джордж может захотеть, чтобы она рассказала полицейским, а она уже не уверена, что это не шуточки ее мозга, а больше всего на свете ей хочется просто отсюда убраться. Поэтому она промолчала и пошла в ванную — принять душ и смыть пыль с волос.

Около половины одиннадцатого, когда солнце стояло высоко и жара давила в окно, в дверь постучали двое детективов, пришедшие для разговора. Вид у Везунчика Льюка и Копалки был усталый: ночь выдалась трудная, потом жаркое утро в этом колючем лесу, и ни удача, ни тщательнейшие поиски не помогли узнать больше, чем было уже известно на закате.

— Итак, — заявила детектив Риос, стоя со своим напарником под кондиционером и ловя его струю, — там, где, по нашему мнению, стоял стрелок, свежих гильз не нашли. Так что либо мы неверно определили место, либо латунь кто-то убрал. И это несколько озадачивает, потому что пацан, недообученный безопасному обращению с оружием, такого делать не станет.

— И куда это нас приводит? — спросил Джордж.

— В дебри теорий, пока не найдем гильзы или кто-нибудь нам что-нибудь не расскажет. — Льюк жевал зубочистку, ковбойская шляпа сидела чуть-чуть набек-

рень. — То ли все-таки сегодня найдем латунь, то ли она перекачивается по полу машины этого мальчишки. Кто знает...

От этих слова краска гнева бросилась Кочевнику в лицо:

— Кто знает? Нашего друга убили, и это все, что вы накопили?

— Тише, тише, Джон, не напирай, — остановил его Джордж.

— Видите ли, наша ситуация вот такая, — продолжал Льюк, не торопясь. — Несчастный это случай или же намеренный поступок? Там баловался какой-то мальчишка — или же выстрелы были на поражение? Если так, то у нас серьезная проблема.

Берк знала, что вот сейчас нужно заговорить, если она вообще собирается это сказать, но момент миновал, и она промолчала, потому что хотела убраться из этого города вот прямо сейчас, а они тут могут завязнуть надолго из-за чего-то, в чем она сама не уверена, было оно или не было. Никогда раньше открытая дорога не казалась такой манящей. Или такой *безопасной*, если на то пошло.

— Есть другие возможности, — сказала детектив Риос, пристально глядя на Кочевника. — У кого-то зуб на хозяйку заправки. Или на нефтяную компанию. Мы сейчас привлекаем к допросу некоторых людей, которых можно было бы назвать подозрительными. Проверяем их оружие и возможные причины гнева. Посмотрим, приведет ли это нас к чему-нибудь.

— Рассерди какой-нибудь мелочью того, кого не надо, — и нам сразу привалит работы, — добавил Льюк.

— Жаль, что мы сейчас ничего больше предложить не можем, — сказала Риос. Судя по интонации, она заканчивала разговор. — Вы возвращаетесь в Остин?

— Нет, едем дальше в Эль-Пасо, — ответил Джордж. Детектив непонимающе посмотрела на него, и он решил пояснить: — У нас концерт там в пятницу вечером, и это очень важно для нас.

— Видно, вы очень преданы своей музыке, — сказала она, но никто ей не ответил.

Что им действительно надо сказать, продолжала Копалка, так это, что родственники организовали перевозку тела из морга в Богалусу и что, если дело будет как-то развиваться, полиция Свитуотера будет поддерживать контакт с мистером Валлампати по остинскому номеру, который дал им Джордж. Она сообщила, что имущество мистера Дэвиса может быть доставлено из Свитуотера в Богалусу в офис Единой службы доставки или в Эль-Пасо, или куда будет удобнее. Джордж сказал, что пусть будет Эль-Пасо. Он тоже думал, что хочет как можно скорее выехать и что пакету травы «Синяя тайна» из сумки Майка хорошо бы в ней не быть, когда имущество придет к родным.

— Нам очень жаль, — сказала детектив Риос, говоря за двоих. — Надеюсь, что вскоре у нас будут для вас новости.

На этой реплике визит завершился. Детективы ушли, закрыли за собой дверь, а Джордж почесал в затылке и сказал, как много раз до того говорил во многих различных мотелях:

— По коням, люди.

Они оплатили счет, Кочевник сел за руль «Жестянки» — сегодня была его очередь вести, Ариэль рядом с ним, Джордж и Терри за ними, в самом заднем ряду Берк рядом с пустым сиденьем.

Они выехали со стоянки мотеля и под жгучим солнцем повернули на I-20 на запад, в сторону Эль-Пасо. Какое-то время ехали молча, потом Терри заговорил об од-

ном памятном концерте, который они давали в июне прошлого года в Миртл-Бич. Клуб находился прямо на пляже, и был ранний вечер, и с океана веяло солью, и свет был ласковым и синим, и зал был набит, и слушатели благодарно вопили и просили еще песен, и разогрелись как раз, чтобы быть веселыми, и в короткой тишине между номерами Майк подошел к нему, наклонился и сказал: «Брат, пей до дна, потому что лучше никогда не будет».

Да, сказали остальные, они помнят этот концерт. Отлично помнят. И все согласились, что теперь, когда Терри вспомнил, кажется, будто это было только вчера.

Глава десятая

Когда из колонок орет «Белая свадьба», Джереми Петт позволяет себе мимолетную улыбку, потому что теперь знает: он там, где должен быть.

— Ты капитан? — спрашивает он черноволосую девушку с серебряными палочками в сосках, когда она наклоняет к нему голову (и от нее пахнет жвачкой и кокосовым лосьоном для загара), и она улыбается в ответ, потому что думает, что его улыбка обращена к ней, и говорит, что пусть еще закажет пива и тогда может звать ее как хочет. Он говорит: конечно, и она уходит в лиловый свет с багровыми бликами. Он переводит взгляд не на другую черноволосую, которая обернулась вокруг шеста в десяти футах от него, а на стол справа, где минуту назад сидел Ганни, но Ганни там уже нет. Ганни — лазутчик и долго на одном месте сидеть не может. Но теперь Джереми знает, что Ганни все время неподалеку, и это знание успокаивает.

Он теперь это точно знает! Ганни как следует надрал ему задницу за первый промах на заправочной станции. Джереми мог бы сказать, что это был выстрел холодным стволом, что не было наводчика, который выверил бы расстояние и поправку на ветер, и — да, он *мог* занервничать, когда подъехал полицейский. Он мог бы сказать, что сперва целился в ведущего певца, но тот расхаживал туда-сюда из глубокой тени на ослепительное солнце, и потому пришлось от него отказаться, а вторая цель — тот, который заливал бензин, — была закрыта поднятым капотом полицейской машины, и еще надо было учесть трафик на I-20, и это не так легко — стрелять в интервал между пролетающими по шоссе машинами, — но Ганни оправданий не принимает. А потом... о Господи, потом... когда Джереми услышал, как кто-то идет мимо его двери, и решил, что это старуха несет завтрак, и выглянул через жалюзи, а это она была, барабанщица, в своих доспехах для пробежки, и Джереми обдумал ситуацию и решил, что эту сможет убрать в подходящем месте в подходящий момент, и потому выписался из мотеля, сел в свой пикап и обогнал ее на дороге, высматривая укрытие, где поставить винтовку на опору. Может, она добежит туда, может, нет, но он там будет готов и заряжен.

Еще раз выстрел холодным стволом. И солнце было на этот раз в глаза. Пуля ее миновала не более чем на полдюйма. Кончик носа обожгла наверняка.

Но Боже ты мой, что ему выдал Ганни, когда он оттуда уезжал, выворачивая на I-20 на восток! *Ты ведь считаешься мастером*, говорил Ганни, пока еще спокойно, но с привкусом разгорающейся ярости. *Считается, что ты из лучших специалистов. Сколько этих, с тряпками на голове, на твоём счету?*

— Подтвержденных — тридцать восемь, — ответил Джереми, потому что знал счет.

Классно, Петт. Но ты мне скажи... сколько из них не детей?

Нога Джереми ударила в тормоз, и мчащийся шестьдесят пять миль в час пикап затрясся и завизжал, будто все соединения у него разболтались, и вдруг его занесло, он пошел юзом, оставляя на асфальте черные следы. Ганни, ехидный пассажир рядом с водителем, вылинял в серый туман. Джереми на секунду подумал, что так и надо лететь и погибнуть, что надо было умереть еще в ванной, и сейчас как раз время, но воля к жизни — дух морской пехоты, дух гладиатора, как хочешь назови, — взяла управление на себя. Он перехватил руль, не дал машине перевернуться — эта битва, казавшаяся вечной, длилась всего один вдох с запахом горелой резины. Пикап, дрожая и стеля, снова отдал свою жизнь в руки Джереми и замедлял ход, залезая шинами в траву на правой обочине... бухнул взрыв воздуха, с возмущенным воем клаксона пролетел полугрузовичок, за ним белый «БМВ», и водитель пораженно покачал головой, глазам своим не веря, как Джереми на четырех колесах исполняет «танец вокруг сомбреро».

Джереми глянул в боковое зеркало. Полицейских нет, но могут появиться — если заметили клубы дыма от резиновых следов.

Вперед, сказал Ганни, снова ставший собой. Джереми замешкался, и он добавил: *Возьми себя в руки и делай что должен. Вперед!*

Он двинулся дальше. Двигатель дребезжал, как мешок разбитых тарелок, но постепенно все вроде бы само собой встало на место (благодаря Господу американское автомобилестроение), и пикап ехал дальше — уже более ягненком, чем лев.

Из кричащего сияния возникает девушка с серебряными капитанскими палочками в сосках, несет ему пиво.

У нее татуировки в виде колючих лиан и роз на обеих руках и грустный мишка ниже кольца в пупке. Он платит убывающими деньгами из бумажника, и она снова к нему наклоняется, чтобы ее легче было расслышать за грохотом музыки — какой-то рэп, которого Джереми не узнает (там слова насчет иметь киску двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю), — и она спрашивает, хочет ли он приватный танец, и опускает руку ему на бедро. Но Джереми перехватывает руку и отводит ее в сторону. В сверкающей темноте зала она смотрит на него озадаченно.

— Потом, да? — спрашивает она с намеком.

Акцент у нее странный. В ней самой смесь латиноамериканского, африканского и азиатского. Все они тут такие, кроме одной с огненно-рыжими волосами и еще одной блондинки с хвостом.

Он отвечает: «Потом, да», — не имея этого в виду, и она снова уходит. Он пьет воду со вкусом пива и, глянув на часы, убеждается, что среда сменилась четвергом. Он не хочет, чтобы девочка его трогала, — она может нащупать в брюках выпуклость, прикрытую складками просторной черной футболки. Публика поредела, но танцовщица у шеста все еще энергично дергается, и музыка гремит достаточно громко, чтобы мозги перемолоть в муку. Он смотрит, как девица-с-хвостом исполняет приватный танец для мужика мексиканской наружности в темном костюме — тот уже сидел здесь, когда приехал Джереми, час назад. Ему лет сорок — сорок пять, волосы каштановые, но на макушке большая лысина, на висках седина. И седая кочка на голове, с которой играет девица-с-хвостом, вертя задницей у него над пахом. У мужика глаза сонные, он слишком много скалится. Зубы очень белые, и Джереми думает, не дантист ли он из какого-нибудь сельского городка, а в Эль-Пасо приехал на конферен-

цию или что-то такое. Но кто бы он ни был, а ему приятно показывать девице-с-хвостом толстую пачку наличных, а ей нравится для него зажигать, и Джереми забавляется, глядя, как она выставляет подбородок подобно бульдогу, отпугивая прочих *чикитас*, которые тут же вертят имплантами, стараясь немножко и себе добыть того, что он разбрасывает.

Остановись там, откуда будет видно шоссе, сказал ему Ганни.

Это был не совет, а приказ.

Джереми тогда ошетинился. Сжал кулаки на руле и добавил газу. Вчера он убил одного из музыкантов группы, сегодня стрелял в другую, но результатами трех выстрелов был не очень доволен. Да, класс у него совсем не тот, что был когда-то. Не смог поразить медленно движущуюся цель за двести ярдов. Жалкий результат. Но хуже того, он не мог вспомнить, зачем вообще ехал за тем фургоном и трейлером от клуба в Далласе, парковался на ночь в каком-то пригороде, чтобы следить за ними, зачем преследовал их на шоссе, если знал из программы у них на сайте, что следующий раз они играют в Эль-Пасо. Он не мог точно припомнить, зачем их нужно убивать, кроме того факта, что в телевизоре они высказали жуть до чего мерзкие замечания и обвинения против солдат в Ираке — которых не повторили в «Кертен-клуб», — и еще, что он собирается начать новую карьеру ликвидатором у *федералес* в Мексике. Тогда, получается, это у него тренировка. Но все-таки... Что они вообще ему сделали, если по-настоящему? Это же не то, что лежать и ждать часами противника, как в Ираке. Тогда понятно было, какова цель. Отлично понятно, что каждая посланная тобой пуля спасет жизнь брата, и даже не одну жизнь. А тут...

Он чувствовал, будто потерялся в собственных мыслях.

Ты не потерялся, говорил ему Ганни, но Джереми не помнил, чтобы говорил вслух. Ты нашелся. Неужто не понимаешь?

Может быть. Джереми покачал головой. Он не понимал.

Встань там, где будет видно шоссе, повторил Ганни. Голос тихий, ласковый, почти отцовский. И мы кое-что проясним.

Джереми пронесся мимо следующего съезда.

Боже мой, сказал Ганни. Ты еще не понял, что без меня ты ноль? Ну так вот... Если хочешь опять быть нулем, остановись возле ближайшей заправки и выпусти меня.

Джереми смотрел прямо перед собой. В следующий миг он понял, что сидит в кабине один, потому что уже не видит Ганни краем глаза. И еще он знал, что все время был один и того, что он видел и слышал как своего ганнери-сержанта из учебной команды, на самом деле здесь не было ни сейчас, ни раньше. Это что-то внутреннее, как когда одинокий человек разговаривает с зеркалом. Он вспомнил какую-то фразу из фильма, кажется, в Ираке на базе показывали, когда один мужик говорит, что когда ты разговариваешь со своим отражением, ты еще не псих, но если ты ему *отвечаешь*, тогда у тебя точно крыша поехала.

Он подумал, что образ Ганни, такой же отутюженный, подтянутый и застегнутый на все пуговицы, каким был этот человек в реальной жизни, как-то связан с идеалом. Возможно, именно таким хотел когда-то быть он сам... хотел, чтобы жизнь была *по плану*, а не такой кучей мусора. Он наверняка мог бы стать инструктором в школе. Мог бы прожить долгую и интересную жизнь в Корпусе. *Semper Fi*, вот в чем все дело. Так что он понимал, что Ганни здесь нет и на самом деле не может быть, и в то же время не допускал сомнений в реальности Ганни — по-

тому что присутствие сержанта возвращало его в те времена, когда он был уважаемым человеком и делал важное дело.

До него дошло, что он едет на восток и находится примерно на полдороге между Свитуотером и Абиле-ном, что пальцы на руле кажутся длиннее, чем ему помнится. И костяшки толще. Он не оправдывал себя за плохие выстрелы — чего нет, того нет, он профессионал, — но эти длинные пальцы могли смазать нажатие на спусковой крючок. Это он только сейчас заметил, и это было потрясение — не узнать собственные руки. Когда он шевелил пальцами, они волнами ходили на руле, как ноги паука, которого ткнули горячей иглой. Он посмотрел в зеркало заднего вида, с ужасом отметил, что один глаз не того цвета, и стал уговаривать себя, всхлипывая и бормоча какие-то слова, имеющие для него смысл, вроде «виноградное мороженое», и «их дочь Джуди», и «меня зовут Гладиатор, меня зовут Гладиатор». В конце концов руки с паучьими пальцами свели пикап на следующем съезде к заправке, и Джереми остановился выпить кофе.

Пикап он оставил в дальнем углу стоянки, радиатор с размазанными насекомыми обращен к дороге I-20.

Наручные часы показывают почти час. В этом якобы театре, где из колонок гремит «Brown Sugar» «Rolling Stones», огненно-рыжая теперь в очередь танцует возле шеста, а дантист так набрался пива, даже этого разбавленного, что покачивается на стуле. Девушка-с-хвостом все время едва не касается его, оберегая свой золотой прииск от конкуренток. Джереми уже побывал сегодня в трех таких заведениях. У первого и второго были охранники, патрулирующие парковку, у третьего — прожектора и видеокамеры по углам здания, а этот вот находится в промышленной зоне — шлакоблочный куб без окон, и

передвижная вывеска на колесах сообщает, что это клуб «Сальвадж», где играют «The Wild Angels». Освещение на парковке есть, но такое, что между машинами — внедорожниками и грузовиками — большие лужи темноты. На самом здании стоят две видеокамеры, направленные на входную дверь, что могло бы быть проблемой, да только они наверняка фальшивые: нет красных огоньков «запись». Слишком дешевое заведение, думает он, слишком временное, чтобы себе позволить настоящую систему охраны с видеокамерами. Аккумуляторы у этих фальшивок наверняка давно сели.

Нужны деньги. Он слишком много использовал кредитную карту на оплату бензина, еды и номеров в мотеле. Она была в критическом списке, когда он выезжал из Темпля, и очень скоро ее закроют. Если не хватит наличности, позвонят в полицию, и это тоже никак ему не на пользу. Прошлой ночью он прогуливался, заглядывая в другие стрип-клубы, тратил деньги на их дерьмовое пиво, потому что просто так там сидеть не разрешают. Но никакие возможности не подвернулись. Сегодня он не ел, сохраняя последние доллары на вечер. Сейчас он смотрит на дантиста-мексиканца и думает, где на стоянке может быть его машина.

Если ты хоть сколько-то сомневаешься насчет того, что делаешь, сказал ему Ганни, когда Джереми вернулся к машине с пластиковой чашкой кофе и батончиком «Милки вей», *так помни, что это ты себе строишь новую жизнь. Возвращаешься из отставки. Каково оно?*

Джереми не ответил, потому что иначе он бы стал разговаривать сам с собой. Пальцы вернулись к норме, руки тоже теперь такие, как были. Он глянул в зеркало — и глаз тоже такой, как был.

Тебе не доставало возможности быть полезным, сказал Ганни. *Быть необходимым для дела. Для задания. Быть че-*

ловеком, к которому обращаются. Ведь это же для тебя вся жизнь, правда?

Джереми чуть сполз по сиденью вниз и глядел на машины, проезжающие по I-20 в обе стороны.

Вся жизнь, повторил Ганни. Ну так вот, у тебя снова есть задание. Может, ты и потерял класс, но... кто знает? На этот раз Ганни не стал делать паузу для ответа. *Ты все равно очень одаренный, очень умелый. И ты по-прежнему рад охоте, правда?*

— Правда, — ответил Джереми, не успев подумать, что отвечать не надо.

Тебя обучили, тебя воспитали, создали и выпустили на волю. Создали, чтобы ты был таким, как есть. Что, они думали, ты будешь делать, когда станешь им не нужен?

— Не знаю, — ответил Джереми.

Но ты им по-прежнему нужен. Им нужны такие люди, чтобы встать за честь любого ветерана, у которого сапоги в тамошней пыли. Который оставил дома родных и вернулся не таким, каким уходил. Который там погиб или вернулся таким, что лучше бы его убили, — как Крис, например. Ты думаешь, в этой группе кто-нибудь когда-нибудь воевал за свою страну? Или стал бы воевать? Нет, они забираются на сцену, на возвышение и оттуда кидаются обвинениями и заявлениями, играют свою музыку — хреновую музыку, если честно, — и такие вот портят все на свете, марают флаг и битву за свою страну называют преступлением. И ты преступник, потому что выполнял задания? Ты выполнял приказы — значит, ты преступник?

Джереми покачал головой.

Нет, не значит. Точно нет.

Он сам не знал, сказал это вслух или нет, но знал, что Ганни его слышал.

Не только в этом говенном оркестрике дело, сказал Ганни, помолчав. Не только в том, чтобы стереть грязь

с памяти таких ребят, как Крис. Дело еще в тебе. Ты слушаешь?

Да, ответил Джереми.

Это твое новое начало, говорил Ганни. Сделай это правильно — будь умным и осторожным, и ты осуществишь мечту. Тебя время от времени будут вызывать с этой каменной виллы на берегу в Мексике, давать тебе цель, и ты будешь выходить на охоту. Три-четыре дня в поле, потом выстрел, и на тебя рушится гора денег и признательности. И ты для них сослужишь службу, то, чего они сами не могут сделать. Нечто такое, что в книгах учета не отражается. Опасно? Еще бы. Тебя могут убить или повесить за ноги и так изрезать, что ты жалеть будешь, что живой? Стопроцентно. Но где ты был в пятницу вечером, Джереми? Ты резал себе вены, верно? Ты жил в нищете и погибал в печали. Так что же тебе терять? А с другой стороны — взвесь тщательно, что ты можешь выиграть. Понимаешь?

У Ганни золотые уста, думал Джереми, глядя на хайвей сквозь волны жаркого воздуха. У него так все получается легко и возможно... Не только возможно. Правильное слово — неизбежно.

Чтобы попасть туда, куда хочешь, надо отработать проезд, говорил Ганни. Что один из них убит, этого мало. Очень мало. Думай о них как о тренировке по стрельбе. Но не облажайся опять, Джереми. Слышишь?

— Слышу, — ответил Джереми. У него давно назрел вопрос, и вот сейчас время его задать. — Сколько надо убить?

Я скажу тебе, когда остановиться. Ты знаешь, что твоя шоколадка тает?

Джереми посмотрел вниз. «Милки вей», уже развернутый, пустил по руке темные липкие пряди. Джереми посмотрел направо, но Ганни там уже не было. Он же лазутчик, он не может долго оставаться на месте.

Ганни пришел к нему в субботу утром — после неудавшейся ночной попытки самоубийства. Он проникал медленно, как снайпер ярд за ярдом ползет в маскировочном костюме, похожем на клумбу сухой травы и опавших листьев. Сперва Ганни был едва заметным контуром в зеркале ванной, потом бледной тенью на фоне песочного цвета стены, потом мелькнувшей в углу человеческой фигурой, и наконец — откровением в виде ангела смерти, на стуле, на котором накануне маскировался под Криса.

Джереми смотрел на Ганни, на мужественно-красивые резкие черты, чуть перекошенный рот, прямую спину, всегда отглаженный мундир, скрывающий жилистое мускулистое тело. Джереми был охвачен скорее восторгом, чем страхом, больше потрясен, чем испуган. Но в полутемной комнате он твердо осознавал реальность и спокойно сказал:

— На самом деле тебя нет.

Ганни просто посмотрел на него пристально — прямой взгляд человека, более чем уверенного в своей физической силе. Шли секунды, но Ганни молчал.

— Тебя нет, — повторил Джереми.

И тут Ганни улыбнулся так, как помнил Джереми. Неожиданно — будто треснула глыба льда. Продержалась улыбка недолго, и снова лицо сделалось неподвижно-суровым. *Петт*, сказал Ганни именно так, как говорил когда-то, *я настолько здесь есть, насколько тебе это нужно. А теперь не возьмешься ли тебе наконец за работу?*

Ганни еще чуть-чуть побыл, но исчез быстрее, чем можно моргнуть, и перед Джереми оказался пустой стул.

Он знал, чего хочет, и знал, что должен делать. Он хотел жить, и ему надо было кому-то доказать, что он еще чего-то стоит... пусть даже этот «кто-то» — всего лишь тень Ганни. Работа, которую надо сделать: уложить в сумку кое-какую одежду, винтовку в футляре, взять патроны,

автоматический пистолет и все, что нужно, из металлического сейфа в багажнике пикапа. Потом в библиотеку, посмотреть в сети сайт группы «The Five» и переписать график выступлений. Сегодня «Кертен-клуб» в Далласе. Вечером в пятницу — Эль-Пасо.

Чего стоит жизнь, в которой нет цели?

Сидя в машине и глядя на дорогу, с размазанной по руке растаявшей шоколадкой, Джереми думал о том, что только что говорил Ганни:

Ведь тебе по-прежнему нравится охота?

Для снайпера охота — это все. Это то, для чего тебя муштровали до седьмого пота. То, для чего ты живешь, ешь и дышишь. Что тебе снится по ночам. И когда ты знаешь, какова она на вкус — охота на человека, и когда ты столько раз ее вел и каждый раз — успешно, ничего лучше для тебя быть не может.

Даже мир.

Так что, конечно... охота нравится по-прежнему.

Он точно знал, почему сейчас сидит в машине, глядя на дорогу I-20. Он ждал, пока проедет их фургон с трейлером. Заметить будет не слишком трудно. Он рассчитывал, что они до одиннадцати утра уедут из Свитуотера — расчетный час в «Лассо». Поедут они на восток, обратно в Остин, где обычно находятся — так говорит их сайт. Он их дождется и поедет за ними, когда проедут.

Ему по-прежнему нравится охота.

Когда он сидел в бассейне, в темноте, эта девушка к нему подобралась.

— Привет, — сказала она, и он по голосу узнал, кто это.

Тут же он прекратил медленные гребки по воде, отплыл к дальней стороне, оперся локтями на бетон бортика, пряча лицо.

Но она подошла ближе и через несколько секунд сказала:

— Сколько звезд сегодня.

Он не ответил и не собирался отвечать. Ничего не мог он ей сказать такого, чего его винтовка не сказала бы лучше. Но почти сорвалась с губ, почти-почти, едкая фраза: «Ты, сука, ты думаешь, ты знаешь правду про Ирак? Ни хрена ты не знаешь!»

Через какое-то время он понял, что девушка ушла. Джереми вылез из бассейна в мокрых трусах и пошел к себе в номер, где ожидал — или надеялся — найти Ганни, но номер оказался пуст. Джереми попрыгал по каналам, фильмы — реклама — новости — реалити-шоу, утомился и заснул с пультом в руке возле экрана, беззвучно показывающего постоянное движение мира.

Сейчас в центре пульсирующего лилового света и бьющего в виски шума, который тут считался музыкой, Джереми смотрит на девицу-с-хвостом и мексиканского дантиста. К девице подходит мужик в облегающей футболке и холщовых брюках, на голове у него темная бейсболка, на шее цепь. Он ей что-то говорит — может, заманивает деньгами на приватный танец, — но она смотрит на него пристально, по-кошачьи, что-то отвечает. Он пожимает плечами, явно получив отлуп, и снова уходит в темноту. Мексиканский дантист улыбается шире, радуясь своей избранности. Еще отключивает ей денег, и снова она боронует его передний двор своей опытной задницей.

В воскресенье Джереми сидел в своей машине, глядя на шоссе I-20, а фургон и трейлер так и не показались. Он ждал почти до заката, а потом решил, что надо ехать обратно в «Лассо». Куда они девались?

Я сотовый потерял возле бассейна, кажется, сказал Джереми женщине за конторкой. Я там ночью разговаривал с какой-то девушкой, она сказала, что музыкантша из группы. Они уехали?

Сегодня утром, ответила она. *Нет, телефона никто не находил нигде.*

Джереми сказал спасибо и вернулся к своей машине. Мнения Ганни спрашивать не было нужды. Он уже сам сообразил, что они поехали в Эль-Пасо. Не назад, а вперед. Их сайт говорил, что они играют в пятницу вечером в заведении, которое называется «Спинхаус». Он удивился — ожидал, что они соберут вещи и вернутся домой.

«Значит, если один убит, этого недостаточно, — думал он, снова направляясь на запад. — И близко недостаточно».

На восточной окраине Эль-Пасо он нашел дешевый мотельчик, почти весь понедельник спал и смотрел телевизор, а сегодня днем позвонил в «Спинхаус». Вопрос он задал такой: «“The Five” будет играть в пятницу?»

«Ага, — ответили ему. — “Soul Cages” начинают около половины девятого, “The Five” будет где-то около десяти. Билет заранее — десять баксов, у дверей — двенадцать. Ожидается классный концерт, приходи».

Джереми сказал, что обязательно, ждет с нетерпением.

Сейчас в той пьесе, что перед ним разыгрывалась, что-то переменялось. Мексиканский дантист наклонился, глядя, как девица-с-хвостом что-то пишет внутри бумажной штучки вроде книжечки спичек. Телефон ему дает? Договаривается о чем-то похлеще приватного танца? Потом целует его в щеку, как будто говорит: «До скорого», и он встает и идет между столами, покачиваясь, к двери. Как только он оказывается снаружи, девица-с-хвостом перемещается к коренастому седому мужику в футболке с эмблемой университета Эль-Пасо и включает флирт на полную, но Джереми уже на ногах и идет через зал. Он старается сделаться невидимым — медленно крадущийся никто, не спешащий никуда, — но на самом деле он внутри напряжен, в животе клубится что-то, и нельзя ска-

зять, что он совсем уж не боится того, что должен сделать.

Он выходит наружу, отпускает двери, чтобы они закрылись, но секунду стоит, прижавшись к ним плотно. Если через пару минут выйдет еще кто-нибудь, то выполнение *этого* задания придется отложить. На парковке стоят одиннадцать машин, пикапов и внедорожников, в том числе его собственная. Цель Джереми идет между машинами, сворачивая направо. Больше думать на эту тему нет времени. Он делает два быстрых шага вперед, пригибается за красной «шеви тахо» и несколько секунд неподвижно слушает молот собственного сердца. Потом крадет-ся за мексиканцем, вынимая из кармана то, что не давал нащупать стриптизерше: тяжелый кусок мыла, завернутый в спортивный носок.

Он смотрит поверх ветрового стекла и видит, что мексиканский дантист стоит рядом с красным «лексусом», перебирая ключи. У Джереми на лице пот: много раз он посылал пулю из снайперской винтовки, много раз встречался с насильственной и внезапной смертью, но никогда ни на кого не нападал, никого не грабил, и ему даже присниться не могло, что придется такое делать. Но пришло время, и надо действовать.

Мексиканец нажимает кнопку на брелоке, и подмигивают огоньки — машина отперта. Джереми встает и устремляется вперед, примериваясь импровизированной дубиной по черепу мексиканца, но не успевает добежать, как кто-то выходит из-за машины самого Джереми, припаркованной напротив «лексуса», и спрашивает:

— Друг, огоньку не найдется?

Мексиканец-дантист поворачивается на звук, несколько путаясь в собственных ногах.

Джереми ждет, зажав носок в кулаке.

— Огоньку? — спрашивает мужик в облегающей футболке и темной бейсболке, с цепью на шее. На отлете держит сигарету.

У дантиста точно огонек есть. Он достает книжечку спичек, которую дала ему девица-с-хвостом, и протягивает ее тому, в бейсболке, и в этот момент появляется третий участник пьесы, человек в темной вязаной шапочке, с каштановыми волосами до плеч. Он возникает за спиной мексиканца и наносит мощный удар по затылку чем-то вроде дубины. Тот не успевает упасть, как двое шакалов уже хватают его и тащат тело через прореху в сетке изгороди в какую-то канаву рядом с темным складом, где возле погрузочных площадок стоят грузовики.

На все уходит несколько секунд. Джереми снова пригибается, затаившись, и обдумывает ситуацию. Значит, девица-с-хвостом дала мужику в бейсболке какой-то сигнал. Спички передавались, чтобы организовать не свидание, а ограбление. Джереми думает, не последний ли вечер девушка работает в клубе, и не могла бы полиция, пока эта девица не натянула стринги и не сделала ноги со своими двумя приятелями, найти еще случаи, когда мужчин оглушали и грабили. Как бы там ни было, а проблема в том, что денежки Джереми украли, пока он тут затаился за чужим «фордом», пытаясь сообразить, что делать.

«Мать их так! — думает Джереми, чувствуя, как растет гнев. — Не дам я им забрать мое».

Они собираются все сделать быстро. Взять его бумажник, может, и часы тоже, если те можно как-то перепродать. Хорошо бы, чтобы у мудака хоть золотых зубов не нашлось.

Джереми знает, что у него три единицы оружия: мыло в носке, обретенные в Корпусе умения и фактор внезапности. Если он хочет получить эти деньги, надо сделать

работу. Поэтому он движется вперед, стиснув зубы, и когда добирается до порванной сетки изгороди, видит, что они там, в канаве, один обшаривает карманы штанов, другой снимает часы с правой руки.

Один что-то говорит другому, тот в ответ смеется коротко и визгливо.

Но не успевает он затихнуть, как Джереми соскальзывает в канаву и бьет зеленую шапку мылом в висок. Раздается очень приятный звук, будто стукнулись два деревянных бруска. Смеющийся грабитель больше не смеется. Он издает придушенный всхлип, падает, изо рта у него сочится кровь, и Джереми понимает, что откушенный кусок языка попал в горло. Вор в бейсболке поднимает глаза и застывает, но оказывается быстрее, чем можно было подумать, потому что не успел Джереми замахнуться, как вор отскакивает от тела, разворачивается и пускается бежать по канаве, будто за ним гонится ад.

Джереми мгновенно бросается за ним, потому что именно у этого гада бумажник и, если что, все зря.

Вор быстр, сомневаться не приходится — страх придает силы ногам. Но Джереми целеустремлен, и хотя начинает уже ловить ртом воздух, он не даст вору украсть свои деньги. И он догоняет бегущего, хотя не может вогнуть в ноги ту силу, что им нужна. Очень давно это было, уже и память не держит — бег по шесть миль под дождем в лагере Пенльтон, изо всех сил.

Но если в Корпусе его чему-то научили, так это цепкости. Вцепиться и не отпустить, пока противник не даст слабину. Канавы тянется и тянется, но цепкость Джереми в конце концов дает плоды, потому что вор ломает ритм и пытается взобраться по крутой стене слева. Он тянется, хватается за стебли травы, баскетбольная кроссовка оскальзывается на пыльном бетоне, не находя опоры,

и Джереми налетает вихрем. Хрустящий удар мылом по левому колену — и нога подкашивается.

— Ой, не надо, не надо, — говорит парень детским умоляющим голосом, и Джереми думает, что это, может быть, и правда мальчишка, но на самом деле оно без разницы. Значит, выпал мальчику ночной урок.

Джереми стаскивает воришку за цепи на шее. Тот поворачивается и пытается лягнуться здоровой ногой, одновременно нанося удар по касательной в грудную клетку. Ничем хорошим это для него не кончается.

Джереми уходит от кулака, уклоняется от нацеленного в пах колена, а потом бруском мыла наносит удар поперек лица. Хруст — и нос взрывается. Джереми замахивается снова, бьет под черную измазанную бейсболку и по звуку слышит, что, похоже, выбил все передние зубы. Третий удар приходится по плечу, но тут тело опускается, перестав сопротивляться, и вор начинает рыдать и одновременно блевать на дно бесконечной канавы.

— Не надо, не надо, не надо, — говорит мальчишка. Если бы Джереми это уже не слышал, он бы не узнал английскую речь.

Он пытается заговорить. Сперва надо вернуть дыхание. Ребра завтра будут саднить от удара. Он чуть не замахивается своим оружием снова, просто от злости, но потом соображает, что парнишке на один раз урока хватит.

— У тебя бумажник? — спрашивает Джереми.

— Ойблябольно, — доходит неразборчивый ответ.

— Бумажник, ты, сучонок! Где?

Дрожащая окровавленная рука отрывается от лица, копается в кармане и вынимает тощий кусок кожи. Джереми берет его, достает деньги и понимает, что это не бумажник мексиканского дантиста, а собственный этого воришки: в нем вшивые три купюры, в темноте не разглядеть какие.

— *Его* бумажник где? — требует Джереми. — Того, который в костюме!

Но его уже не слышат — парнишка валится на склон канавы, зажимая лицо обеими руками. Джереми его обыскивает, находит в одном кармане мелочь, в другом — ключи от машины. Мелочь оставляет себе, пустой бумажник летит в траву. Джереми отворачивается и идет обратно, туда, где все еще лежит в отключке мексиканец, а второй грабитель свернулся рядом с ним.

Возле его правой ноги — оброненный бумажник. В нем приятная тяжесть налички, которую Джереми быстро извлекает. Кто-нибудь мог бы наварить и на лежащих там кредитных картах, но Джереми в эти игры не играет. Опустевший бумажник он выбрасывает, потом нагибается и проверяет у лежащего сердцебиение. Достаточно сильное. Все-таки лучше головная боль, чем сердечный приступ. Побитый начинает стонать и шевелиться, Джереми решает, что пора уходить.

Но сперва он берет бумажник другого грабителя и вынимает четыре банкноты. В правом кармане обнаруживаются еще две бумажки и мелочь, а с ними — весьма неприятный продолговатый кусок кожи, в который зашит свинцовый цилиндр. Деньги он пересчитает в мотеле.

Окровавленный носок Джереми выбрасывает вместе с мылом как можно дальше, вылезает из канавы, проходит через дыру в сетке, идет к своей машине, будто гуляя по английскому парку, и уезжает. Он ждал, что Ганни окажется рядом и скажет что-то вроде «отличная работа» или «четко сделано», но Ганни не показывается. Ну и ладно, думает Джереми. Чему его еще научили в Корпусе — это умению надеяться на себя.

На обратной дороге по почти пустым улицам Джереми приходится заехать на парковку какого-то ресторана, потому что на него напал приступ дрожи и выступил хо-

лодный пот. Не удастся перевести дыхание — наверное, ребро треснуло, и что теперь делать? Но он сидит, держась за рулевое колесо, и когда наконец получается сделать глубокий вдох, он замечает, что припарковался перед «Попай фрайед чикен», и не может сдержать болезненного смеха, потому что у Бога очень извращенное чувство юмора. Просто злобное.

Он решает, что все с ним в порядке. Сломанных ребер нет. Просто схватка еще гудит в нервах, и в носу стоит запах крови.

В номере мотеля при свете лампочки в ванной Джереми выясняет, что разбогател на триста двадцать восемь долларов и семнадцать центов. Неплохо за ночную работу.

Он себя поздравляет и дарит себе «доктор Пеппер» и два пакета жареной картошки из автомата в офисе, и когда погружается в сумеречную дремоту, ощущает приятную сытость.

Глава одиннадцатая

В шесть часов утра в воскресенье «Жестянка» отъехала от гостиницы «Ла Квинта» на Ремнон-серкл в Эль-Пасо. Джордж сидел за рулем, Ариэль на переднем пассажирском сиденье, Кочевник и Терри за ними, Берк на своем обычном месте. Не было шуток, не летали туда-обратно острые замечания. На самом деле было еще слишком рано, чтобы издавать какие-либо звуки, кроме неразборчивого бормотания. Вчерашний концерт в «Спинхаусе» дался нелегко и оказался серией разочарований. Сегодня до трех часов дня надо проделать примерно двести восемьдесят миль. Они направлялись на северо-запад

к I-10 в Нью-Мексико, а потом по этому шоссе, где оно сворачивает почти точно на запад в Тусон.

Эш позвонил в среду вечером, примерно через час после их интервью на ток-шоу местного радио. Субботний концерт в «Фортунато» в Тусоне не отменен, если они желают в нем участвовать, сказал Эш Джорджу. И если уж они заедут в такую даль, то можно с тем же успехом прокатиться в Сан-Диего и по всем остальным сценам, закончить турне нормально, но это пусть решает группа, так что, если им нужно время подумать, пусть ему утром сообщат.

— А как там ситуация в Свитиутере? — спросил Джордж, лежа на кровати в номере, который занимал вместе с Кочевником и Терри. Детская кроватка на сей раз досталась Джону Чарльзу. — Стрелявшего нашли?

Эш ответил, что следствие никуда не продвинулось. И еще — что оставил сообщение детективу Риос и ждет, чтобы она перезвонила.

Джордж поблагодарил, а когда Эш закончил разговор, сказал своим соседям по номеру:

— Надо позвать Ариэль и Берк и решить, что мы будем делать после «Спинхауса». Мы все еще в расписании в Тусоне, и Эш говорит насчет того, чтобы все-таки выполнить турне. Кто что думает?

— По мне — о'кей, — ответил Кочевник. — Если все согласны.

Он в свои двадцать с чем-то прожил в Тусоне два года, работая в дешевом пункте проката автомобилей в аэропорту. Играл он тут в паре групп, которые ни разу из города не выезжали. Приятно вернуться на старую почву с историей какого-то успеха за плечами.

— По мне тоже, — согласился Терри, но прежде всего он думал о том, чтобы добраться до дома Эрика Геросими-ни возле Альбукерка и увидеть «Леди Франкенштейн».

— Давай послушаем, что скажут *они*.

Джордж потянулся назад и два раза стукнул в стену. Через несколько секунд Ариэль открыла соединяющую дверь.

Решение принять было нетрудно. Они профессионалы, а шоу должно продолжаться.

Это не значило, что шоу будет продолжаться идеально или хотя бы просто хорошо. Джордж вел машину под безжалостно пылающим безоблачным небом, между зубренными линиями коричневых горных хребтов, а группа ехала молча, переживая события вчерашнего вечера.

В «Спинхаусе» набилось полно народу, сувениры и диски улетали «с колес», но неприятности начались, когда ведущий певец «Soul Cages» — злой за то, что они перестали быть гвоздем программы, — заметил Кочевнику за сценой, что собралось полно фанатов Майка Дэвиса и было бы разумно продавать диски и футболки «Beelzefudd» вместо файвовского мусора. Кочевник бросил на него взгляд, способный расплавить стекло, но язык и нрав придержал. Он бывал в группах, которых выкидывали с ведущей позиции, он знал, каково это, и все-таки он бы с удовольствием сбил этому оборзевшему дураку сопливому «рейбаны» с морды.

А потом само выступление. Кочевник решил не исполнять «Злой коп» и начал программу с «Чего-то из ничего», гремющей будь здоров, но замедляющейся на припеве потише:

Когда распадается мир и приходит к концу рассказ,
Из ничего мы делаем что-то снова в который раз.

И это совпадало с их общим ощущением.

Через несколько минут Кочевник чуть не пробил ногой барахлящий монитор-спикер, но Ариэль сумела его

успокоить. Ее собственный монитор стал загибаться во время третьей песни, она себя не слышала, не попадала в ноты и стала сбивать ритм. Джордж копошился вместе с техником — благожелательным старым хиппарем, который слишком много раз путешествовал на светлую сторону и теперь двигался в замедленном темпе, пригодном лишь для альтернативной плоскости существования, пытаясь разобраться в путанице проводов и разъемов на консоли микшера. При свете дня на проверке звука все выглядело нормально, но в темноте, когда вращаются под потолком три зеркальных шара, в грохоте барабанов Берк, завываний сваренных в пиве фанатов, визге и вое колонок на грани перегрузки и перегорания предохранителей консоль оказалась такой же кривой, как руки ее хозяина, и траченной временем, как его кафтан.

Пока Джордж укрощал увечную консоль, Терри пытался исполнить партию Майка на песнях, которые, по общему согласию, действительно нуждались в аккомпанементе баса, и пару раз пропустил ноты в собственной партии. Это было само по себе потрясением, потому что никогда раньше Терри свою работу не портил, и почти сразу стало понятно, что он слишком сильно старается, так что Кочевник ему велел заниматься своей работой и забыть про бас, а это вывело из себя Берк, которая решила, что это неуважение к памяти Майка, как будто его партию можно просто выбросить к чертям и всем пофиг.

Но пришло время соло Берк на ударных, посреди песни «Не нужно мне твое сочувствие», и она обратила гнев в энергию. Когда ударил открывающий взрыв ее тарелок, остальные поняли, что лучше отойти и не отвечивать. Сцена принадлежала ей, и почти три минуты она владела не только платформой, но каждой унцией взвихренного воздуха в черных стенах «Спинхауса». Она опустила голо-

ву и превратилась в машину, начав с фанк-грува бас-барабана и малого барабана, добавила хай-хэты, базз-роллинги, двойные удары, запустила свободный разговор между райд-тарелками и бас-барабаном под резкий треск римшотов, ускоряясь и замедляясь, медленнее, медленнее, в медный звук часового механизма хай-хэтов на фоне ритмичного гудения бас-барабана, добавила россыпь триплетов и дробы септолями и вернулась к несущему фанк-груву в традициях эмоционального стиля ее отца — до того времени, как он потерял разум. Терри вернулся было на сцену добавить партию клавишника, но она резким взмахом головы велела ему отойти на двухминутную отметку, и он вышел из лучей синих и красных прожекторов. Все, что ей нужно было сказать, она намерена была сказать сама.

В последующие секунд сорок она довела свою игру до края. Она сидела верхом на троне в центре бури, мелькали руки с палочками, она выводила сложный узор напольных том-томов, малого и большого барабанов, медных крэш-тарелок. Кочевник видел мелькавшие в темноте вспышки камер сотовых телефонов. Берк стучала так усердно, что Кочевник стал опасаться, как бы она не сломала свою аппаратуру, но когда одна палочка треснула у края малого барабана, она сунула руку в чехол с запасом, вытащила другую и продолжала стучать, не пропустив и полтакта. Пот блестел у нее на лице, глаза были закрыты, она была в приходе, в нирване барабанщика, залитая красным светом. Тарелки под тяжелыми ударами переливались синим и багровым, черные стены отвечали Берк и грому, которым она говорила с ними, и остальные музыканты «The Five» понимали яростный дикий язык: *Я есть, я здесь, я здесь, я человек, я здесь, и я заслужила эту минуту.*

Пресекайте.

Берк будто военную татуировку набила на малом барабане пулеметной очередью — и вдруг взметнула руки, зажав палочки, и настала тишина. В следующую секунду молчание заполнили аплодисменты, крики, и это было хорошо, потому что зачастую публике наплевать на соло ударника, — но этот подогретый алкоголем восторг не заставил Берк опустить поднятые руки. Остальные знали: она ждет, чтобы низкое гудение бас-гитары Майка вернуло ее в ровный — четыре четверти — ритм «Мне не нужно твое сочувствие». Но шли секунды, бас не вступал, и когда Кочевник, Ариэль и Терри снова взошли на сцену, Берк опустила руки и подхватила песню, будто слушала, как ее товарищ подкладывает основу, как было на почти трехстах уже концертах в тридцати шести штатах и пяти канадских провинциях.

И с этой минуты Берк вернулась к своей роли в «The Five»: машина ритма,двигающая музыку вперед, создающая фон и время от времени — всплески, просто потому, что хочется всплеска. Но каков бы ни был темп, она успевала всюду, где она нужна.

И когда концерт закончился, пришли люди проситься за кулисы, те же люди, только лица у них были другие. Первыми были простые честные фанаты, которые покупают диски и сувениры и знают песни, и они хотели сделать снимок, и выразить соболезнования по поводу гибели Майка, и спросить, как продается «Кет-ЦЕЛЬ-коатль», потому что, парни, это класс, это вообще лучшее, что было. Спасибо, что приехали, говорили они, и говорили всерьез. Потом приходили люди, знакомые с менеджером «Спинхауса» или имеющие те или иные связи в местной развлекательной индустрии, — им просто надо было, чтобы видели, как они идут за кулисы, и вот от этой публики могли быть комментарии насчет того, как охренительно потрясающе звучит новый диск группы «Death

Cab for Cutie», или что на самом деле они пришли послушать «Soul Cages», а тут вы оказались, очень к месту, почти не хуже. В такой публике всегда найдутся несколько разогретых девиц, рвущихся в дело со всяким, кого можно поймать, и пара скользких парней, желающих узнать, «не нужно ли группе что-нибудь», и обычно еще какая-нибудь мерзопакостная стерва с вонью изо рта и черными кругами вокруг глаз спросит Кочевника прямо в лицо, отчего они не так популярны, как другие группы вроде «Ra Ra Riot».

В отличие от концерта в Далласе группа упаковала аппаратуру и уехала в гостиницу «Ла Квинта» без дальнейших отвлекающих моментов. Все заснуло, как старые усталые хрычи, потому что завтра — которое теперь стало сегодня — ожидался напряженный день.

На съезде с дороги милях в шестнадцати от Эль-Пасо они проехали через «Макдоналдс». Кочевник настоял, чтобы пакет развернули и проверили, правда ли его «эгг макмаффин» сделан без сыра, как заказывали. Потом Джордж снова вывел машину на I-10, волоча за собой трейлер, и по обе стороны хайвея горячо палило солнце, отражаясь от твердой желтой земли, истыканной редкой бурой растительностью и чахлыми стволами железного дерева.

Ариэль развернула и съела палочку гранолы, купленную с собой. Запила ее из бутылки чаем «серебряные иглы», потом оглянулась и спросила:

— Берк, можно мне посмотреть песню Майка?

Берк зашевелилась, расстегнула дорожную сумку и вытащила зеленый блокнот. Наклонилась вперед — передать его Ариэль, но Кочевник — глаз его не было видно за очками — взял его первым.

Ариэль ждала, пока Кочевник открывал блокнот на последних страницах и снова перечитывал слова Майка:

Добро пожаловать в наш мир, тебе все рады тут.
Придумай песню не длиннее четырех минут.

Кочевник посмотрел на все вычеркнутые строки, из которых родились эти две уцелевшие. Взгляд скользнул к строчке «Девушка у колодца» — как фраза для...

— Для затравки, — сказал он.

— Что? — переспросила Ариэль.

— Вот. Вот он написал «Девушка у колодца». — Кочевник показал строчку, и Терри наклонился — тоже взглянуть. — Я думаю, что это не заглавие. То есть... не обязательно. Я думаю, это что-то, что он написал для затравки. — Он решил рассказать все полностью. — В ночь на воскресенье, после «Кертен-клуб», Майк мне сказал, что девушка с ним говорила. Сказала: «Тебе тут рады», и это его зацепило, потому что... — Кочевник пожал плечами. — Потому что действительно она была рада его видеть. Я думаю, от своих родных он не так часто это слышал. Может, поэтому он и начал вот с этих слов, выбрал из всех возможных именно их.

— Он это написал из-за той девушки? — спросил Джордж, глядя на них в зеркало заднего вида.

— Я сказал только, что эти слова он выбрал, потому что она с ним заговорила. Потому что именно это она сказала, а он что-то из этого извлек.

— В смысле что-то из этого *сделал*, — возразила Берк.

— Или так. Я про это знаю не больше тебя.

Он передал блокнот ожидавшей Ариэль.

Несколько секунд прошли в молчании — Ариэль изучала написанные строчки. Джордж думал, что сегодня утром на I-10 много машин и почти все они его обгоняют. «Жестянка» пыхла из всех сил. В зеркале заднего обзора Джордж видел колонну трейлеров, внедорожников, пикапов и легковушек, направляющихся на запад.

— Странно как-то, — тихо сказал Терри. Сегодня он надел одну из своих любимых винтажных футболок, психоделический вырвиглаз из синих цветов на оранжевом фоне. — Ездишь с человеком вот так долго, а потом вдруг понимаешь, что мало что знаешь о нем. Я никогда не знал, что Майк хочет написать песню.

Берк глотнула из бутылки с водой и ответила:

— На той заправке... — Голос подсел, и она начала снова: — На той заправке он сказал, что никто его раньше не просил попытаться. Он сказал... что если он начнет новую песню, в которую каждый может внести свое, это будет хорошо для группы. Я думаю, ему понравилось твоё предложение, Джон.

Кочевник не ответил. Он думал о той девушке. Та девушка, черт ее побери, с черпаком колодезной воды и с лицом, скрытым тенью от соломенной шляпы. Жуткая девица, даже сейчас, даже так далеко. Черт, лучше бы не было этого приступа ярости или уж где-нибудь подальше от того места.

— Берк! — Терри обернулся к ней. — Тебе хотелось когда-нибудь написать песню?

— Никогда. Не мое это дело.

— Несколько строчек написать могла бы. Добавить к тому, что Майк уже сделал. Все мы могли бы, и это может получиться...

Он замолчал, потому что понял, к чему клонит.

— Последняя песня, — договорил за него Кочевник. Исходная идея у него была, чтобы все вместе работали и не свалились в склоку, которая на его памяти отравила последние недели жизни не одной группы. Как повелитель своей группы, он хотел дать ей нечто выше и вне мятосорубки концертов. И — дикая, отчаянная надежда — заставить передумать и Терри, и этого Гения-Малыша со-

зданием того, что Берк называла (справедливо, быть может) «песня-кумбайя».

Но теперь эта идея смотрелась как план создать остающееся после Майка наследство, нечто такое, что будет жить дальше без него. Наследство, которому у него хватило храбрости положить начало. А от Майка это действительно потребовало храбрости — выйти из зоны комфорта и положить слова на бумагу.

Никто не любит, чтобы его отвергали, или смеялись над ним, или считали дурачком. Кочевник знал, чем рискуешь, когда кидаешься в дебри творчества, когда не ведаешь зачастую, куда идешь, но надеешься найти тропинку, которая выведет куда надо. Он сам много раз такое испытывал, как и Терри и Ариэль. Это страшно-вато — заблудиться в самом себе.

Но в сухом остатке это и есть та жизнь, которую он себе выбрал. Или которая выбрала его, тут непонятно. Всех их выбрала. Мирись с этим или нет, строй или ломай, сделай или сдохни, но мир живет дальше. Как живет сейчас без Майка.

— Мы должны ее закончить, — сказал Кочевник. — Все мы, каждый что-то добавит.

— *Все?* — нахмурился Джордж. — Я же тебе говорил, я совсем не умею!

— Попытаться можешь. Майк вот попытался.

— А смысл?

— Смысл в том, что пусть ты себя считаешь всего лишь менеджером, я тебя считаю весьма ценным членом коллектива. Пока ты не собрался и не ушел. Так что раз я в этой группе главный, я говорю, что ты какой-то вклад в песню внесешь. Какой — не важно. Две-три строки или два-три слова, но это будет коллективный труд. — Кочевник снял очки, чтобы можно было играть в гляделки с Берк. — Если это будет наша последняя песня в текущем

составе — а я думаю, так оно и будет, — то я хочу, чтобы текст писали все. — Вдруг его осенила мысль, придавшая энергии: — Мы ее сможем сыграть на последнем концерте в Остине. Последнее выступление — последняя песня. Как вам?

— Бессмысленно, — возразила Берк. — Выйдет хаос и неразбериха.

— Майк, видимо, так не думал, — напомнил он. — Ты сказала, он тебе говорил, что это будет для нас *хорошо*.

— Да, только Майк уже не скажет, что он собирался с ней делать.

— Есть у меня кое-какие мысли, — сказала Ариэль, и все прочие замолчали. Кочевник знал, что пусть он в группе лидер и фронтмен, но творческое начало — Ариэль. — Я думала... может быть...

Ариэль была автором или соавтором почти семидесяти песен групп «Blue Fly», «The Shamans», «Strobe», «The Blessed Hours» и «The Five» — и все равно всегда несколько стеснялась общего внимания, будто опасалась, что, если сказать это вслух, оно может ее сглазить, отнять способность творить.

— Я думала, — продолжала она, потому что от нее ждали продолжения, — что Майк мог писать про музыкальный бизнес. Про ограничения, может быть. Про то, что песня должна быть не длиннее четырех минут. — Все знали, что музыкальные продюсеры редко выпускают синглы, которые крутятся дольше трех пятидесяти. — В смысле он хочет написать песню о мире и обо всем, что в нем есть, но ограничен четырьмя минутами. Или... или это про перемены, или про выбор.

Все слушали, что она скажет. В кондиционере что-то мерно хлопало, как отваливающаяся подошва.

— О переменах он... вот в каком смысле, — продолжала Ариэль. — За четыре минуты невозможно написать

обо всем на свете, и чтобы уложиться, надо либо менять сам мир, либо воспринять его по-другому, и приходится выбирать... Погодите, дайте я попробую.

Она развязала кожаную сумку, вытащила ручку с лиловыми чернилами и собственный блокнот со стразами. Нашла пустую страницу, остановилась в раздумье, написала строчку, зачеркнула, написала снова, еще раз коротко зачеркнула что-то, и дальше лиловые чернила потекли без задержки.

— О'кей, — сказала она. — Вот как вам это в качестве следующей строки? — Она прочла вслух: — «О чем споешь, о чем смолчишь — решай, тут все, как в жизни, и не проще». — Подняв глаза, она увидела лицо Кочевника. — Черновик, самое начало, — сказала она, и он заметил, что сегодня глаза у нее синие — как море на той линии, где кончается континент и начинается таинственная глубина.

«Твирп... Твирп... Твирп...» — хлопало в кондиционере.

— Видишь? — Кочевник обращался к Джорджу, но имел в виду и Берк. — Что, трудно было?

Они не стали отвечать. Кочевник надел очки, Берк откинулась на сиденье, сложив руки на груди и закрыв глаза, Терри слушал свой айпод, а Джордж постучал по кондиционеру ладонью, помогая ему прокашляться.

Ариэль снова вернулась к песне. Она подумала, что нужно что-то после слов, «как в жизни, и не проще». Перед тем как переходить к следующей строфе, нужна еще строчка или две. Какое-то утверждение выбора или перемены. Краткое и решительное.

Что бы это ни должно было быть, сейчас его найти не получалось. Но время у нее есть. У них у всех времени полно. Завтра, послезавтра, на той неделе, но в нужный момент все сложится.

Она закрыла зеленый блокнот и свой тоже и отложила ручку. Посмотрела в окно на сверкающее голубое небо, на желтую землю с бурыми и серыми пятнами, на горную цепь на горизонте.

«Я прошла долгий путь, — думала она. — Все мы прошли, но в особенности я. — Она увидела отражение Кочевника в игре солнца и стекла. — Люблю этих ребят, они — моя семья. Люблю такими, как они есть. Что я буду делать без них?»

Потому что перемена и решение витали в воздухе. Решение Терри и Джорджа пойти своим путем и перемена, которую не остановить. Она уже началась, со смерти Майка. Джон и Берк попытаются собрать новую группу, с новым именем, и она с ними останется, но никогда уже не будет так, как сейчас. Не может больше быть. Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, это она знала. Текущая вода не сохраняет следов.

Закрыв глаза от пылающего солнца, Ариэль увидела, что осталось позади: большой двухэтажный кирпичный дом с широким зеленым газоном и извилистой мощеной дорожкой, а в конце этой подъездной дорожки — белый «ягуар» и темно-синий «БМВ» с откидным верхом. Дом, который не был домом, потому что внутри она бродила из комнаты в комнату словно тень. В этом доме, среди людей, которые ее родили и воспитали и хотели на нее влиять, она была необязательным приложением. Они все друг другу подходили — отец, мать, старшие брат и сестра, — потому что говорили на одном языке, измеряли «благополучье — цифрою бабла, а счастье — шириной телеэкрана» (такую строчку она написала в одной из первых своих песен). Они всегда были страшно заняты. Дом яростных устремлений, где никогда не бывало тихо и спокойно и никогда не было времени для слабости и самосозерцания. Жизнь есть битва с конкурентами, битва иму-

ществ и банковских счетов, и никакой другой жизни они не знали.

Но Ариэль была странной. В ней «вот этого не было», как часто повторял ее отец. Ленивая, без амбиций. Мечтательница, у которой время между пальцами течет. О да, она любила писать рассказы и стихи и подбирать на гитаре, но на самом деле... она была так тиха, так пассивна, могла слиться со стенкой, и даже не заметишь ее на пути, пока не споткнешься. Молодым успешным профессионалам нужны девушки живые, с шармом и общительностью. Да, всегда была надежда, что девушка очнется от летаргии или сомнамбулизма, или как оно там называется, и если она вообще как-то заинтересована в постановке голоса, она должна начать изучать оперные дисциплины. В конце концов, мадам Джордано говорила, что голос у нее податливый.

Сестра была ближе всех к ней по возрасту, но все-таки шесть лет бывают серьезным расстоянием. Брат ее, бостонский адвокат, приезжал редко, поскольку мать недолюбливала его жену, — ситуация, которая порождала споры между родителями, так как эта девушка была дочерью одного из партнеров Эдуарда Коллиера. Ариэль — нареченная Сьюзен, но взявшая новое имя от одной британской няни, которая в детстве играла ей на гитаре, — видела, как ее родители опускаются в хаос, в сценарий пьянства и ссор, и думала поэтому, что разлад между ними начался еще до ее рождения. Кажется, центром этого разлада был ее брат Эндрю. Но вспышки раздражения ничего не решали, сменяясь напряженным спокойствием, и Ариэль поняла еще в детстве, что отец и мать друг другу нужны для встречного обмена обвинениями, для взаимной компенсации каких-то тайных грехов или измен.

Если не считать приличного количества нянек, она была всю жизнь одна, сколько себя помнит. Одна — в са-

мом глубоком смысле, одна, как будто ее оставили в корзине у входной двери в дом, овеваемый ароматом соли от манчестерской гавани, и внутрь внесли чужие люди, решившие воспитать живую душу в своих правилах. Она ничего не имела против вещей блестящих, красивых и пустых, но быть их рабыней решительно отказывалась.

Неужто в жизни ничего больше нет, кроме существования, движимого гонкой за модной моделью машины и страстью к сотовому телефону?

Неужто нет?

Она думала, что есть. Почему она ищет мира, когда ее родные наслаждаются хаосом, почему она ценит книги, где рассказываются спокойные и разумные истории, написанные не для пропаганды методов Чингисхана в современном бизнесе, почему она слышит музыку в ночном ветре и видит стихи на бумаге раньше, чем они написаны, — она не знала. Но так было, и Феликсу Гого она сказала правду: она не помнила времени, когда не слышала музыку и не хотела бы ее записать. Точнее — поймать то, что слышит, а это совсем нелегко, потому что бывают мелодии, похожие на диких животных или на Джона Чарльза: им не нравится, чтобы их сажали в уютные коробочки на потеху публике.

Ариэль считала, что песня — живое существо. Она может вырваться в мир до срока, неровная и лишь наполовину сформированная, но лучшие из них — наиболее полно осознанные, наиболее способные проходить дистанцию, — такие песни медленно прорастают из зернышка, постепенно развивают свои сердце и разум, становятся мужскими или женскими по повадке, по манере, по точке зрения. Отращивают себе оболочку, цветущую или сияющую, выбирают для своего рокота ночь или день, одеваются в кожу или шелка или в паутину миллионов цветов. И те, прикосновение которых она помнила, когда была

одна и одинока среди чужих, что-то говорили ей. Именно ей, хотя могли быть написаны для иных поколений, как «Ждите ответа» группы «Heart» или «Леди» авторства Сэнди Денни. Эти песни предлагали тайное утешение, дружбу, похожую на прикосновение руки к плечу, шептали ей: «Я была там, где ты сейчас. Куда ты идешь теперь?»

Или слегка похлопывали по голове, будто говоря: «Проснись и действуй, детка, все в твоих руках. То, что тебе мешает, — это просто страх».

И это была строчка из одной из ее ранних песен.

Она ушла из этого дома, ушла от людей, населявших его, намного раньше, чем покинула его физически. По-надобился красивый парень, которого она встретила, играя на двенадцатиструнном «Гибсоне» в «Старбаксе» на Черч-стрит в Кембридже, чтобы окончательно обрезать привязь к прежней жизни. Он тогда сколачивал группу, у него была пара музыкантов, уже поигравших в других группах, и свою новую они называли «Blue Fly», и, может, Ариэль хочет, чтобы ее послушали? Он ничего не обещает, сказал он, но к ним проявили интерес большие люди из тех, кто работал с популярными группами вроде «Big Top» и «Adam Raised a Cain», так что вот так.

«Потрясающе», — сказала она тогда.

Она думала, что отец и мать вздохнули с облегчением в тот день, когда она им сказала, что бросает работу у «Барнса и Нобла» в Бруклине, что съезжает с квартиры, которую снимала с двумя девушками, и едет в Нэшвилл с тремя бывшими музыкантами «Blue Fly» затевать новую группу. Она так считала, потому что они ни разу не попросили ее подумать еще раз, не сказали, что уезжает слишком далеко от дома, что она еще неопытна и не знает жизни.

Может быть, отец был рад, что она наконец нашла свой интерес, пусть для него и непостижимо, как она хоть

что-то на нем заработает. Может быть, мать хотела в одиночестве оплакать потерянные годы, которые не возместит никакая пластическая хирургия. Может быть, они оба тоже были одиноки, каждый сам по себе, может быть, такими положено быть Коллиерам Манчестерским.

Что бы там ни было, но Ариэль никак не могла им помочь, а потому отодвинула в сторону тот самый страх, который мешал, и стала помогать самой себе.

Это было весной две тысячи третьего. В Нэшвилле она пробыла чуть больше года, работая с группами «The Shamen» и «Strobe», потом уехала в Остин в группу, назвавшую себя «The Blessed Hours», и дальше пошла жизнь самостоятельной одинокой женщины.

Утро тянулось к полудню. Перед «Жестянкой» размазывалась длинная серая лента I-10, над раскаленным бетоном дрожал воздух. Они проехали пустыню, где шоссе подходило к стоянкам грузовиков и городишкам, построенным вокруг кладбищ. В дымке у горизонта высились горы, небо было безоблачным и скорее белесым, чем синим, будто и оно выгорело от жары.

После гибели Майка любой заезд «Жестянки» на заправку снова вызывал к жизни все страшные подробности. Берк больше не выходила из машины — ей кто-нибудь приносил бутылки с водой и что еще ей там было нужно. Тот, кто заливал бензин, не мог не оглядываться нервно через плечо, чтобы осмотреть окрестности, не зная при этом, что высматривать. Всем начинало дышаться легче, когда «Жестянка» отъезжала от заправки, потому что «Жестянка» — как бы она ни была изношена и побита тысячами миль — защищала их. Но от чего — никто не знал.

Если не считать двадцатиминутной пробки на I-10, как бывает, когда ломается машина и каждый водитель вместе со своим Иисусом с иконки на торпедке обязатель-

но должен поглазеть на аварию, до Тусона они добрались с большим запасом времени. Кочевник любил Тусон еще с тех пор, как жил здесь. Красивый город, не без выдумки украшенный, яркие мексиканские цвета, миссия Сан-Ксавье дель Бака, сухой мескитовый запах Сонорской пустыни, множество полей для гольфа, потребляющих драгоценную воду, полно стариков, естественно, потому что тут рай для пенсионеров, но и готов с металлистами в Тусоне тоже полно, университет штата Аризона продолжает функционировать. Отличная такая горячая музыкальная сцена, приличное количество разных клубов, демонстрирующих разные стили, несколько очень хороших и дешевых ресторанов и отличные бары вроде «Серли венч паб» и «Снаффиз». В какой-то мере Кочевник ощущал этот город как вторую родину, хотя не давал себе труда снова посетить угрюмую квартиру «особая музыкантская», в которой жил когда-то на Южной Херберт-авеню.

Кочевник на этот раз нашел способ сэкономить в Тусоне немножко денег и напомнил Джорджу адрес и как добраться. Здесь они переночевали у родственника одного из старых товарищей по группе «Uppercut». Сам товарищ умер полгода назад, но родственник оказался отличным парнем и даже разрешил репетировать у себя в гараже. Дом стоял в новостройке к северо-западу от города. Туда добрались без проблем, поздоровались с родственником и его женой, распаковались и даже успели поесть бутерброды и тако, любезно предоставленные им на завтрак. Потом снова собрались и поехали в центр, к темному кирпичному зданию «Фортунатоз» на Северной Четвертой авеню к трем часам для установки и проверки звука.

Аппаратуру выгрузили, проверка шла хорошо, администрация сообщала, что билеты разлетаются только так, и у всех все получалось. Ящики с сувенирами поставили в комнату, где стояли такие же ящики других участвую-

щих в концерте групп — «The Yogi Barons» и «The Bella Kersey Band». «The Five» должна была выступать только около девяти, поэтому ее участники снова сели в «Жестянку» и вернулись в дом родственника прихватить пару часов сна, выпить пива, помедитировать над свечкой, посмотреть по кабельному бои без правил, в общем, приготовиться к концерту — каждый по-своему.

Энергичное выступление «The Yogi Barons» закончилось около девяти. На сцену вышла «The Five», и разогретый зал радостными воплями отвечал на «Что-то из ничего». Группа без перерыва заиграла «Обман» — хард-рок, начатый Ариэль на ее белом «Темпесте». Концерт катил как хорошо смазанный механизм — каждый свободен и ловок, публика орет, когда это нужно, и затихает, когда следует слушать. Берк исполнила свое соло на ударных, не затягивая ни времени, ни буйства, и позволила Терри вступить с партией клавиш, когда надо было. Кочевник порвал струну «ля», исполняя «Твоя душа, не твое тело», но ерунда, сегодня он играл для ангелов. Через сорок минут они исполнили «Когда ударит гроза», встреченную на ура, группа сошла со сцены, переждала гром оваций и вернулась исполнить для финала громоносную «Затемнение в Грэтли», от которой дрожали стены.

За кулисы пришли несколько фанов, нащелкали фотографий, потом был быстрый обмен вопросами и ответами с репортером Брэдом Лоуэллом из «Дейли стар», знакомым по прошлым посещениям города. Он похвалил их новый диск, сказал, что думал, будто они на пути к распаду и он будет первым, кто скажет: «Я же говорил». О смерти Майка он спросил лишь мимоходом, но они ничего не могли сказать такого, чего он еще не знал.

Потом они остались за кулисами посмотреть часть выступления группы Беллы Керси. Им приходилось с ней играть раньше, и Ариэль была от нее в восторге. Белле

было за тридцать, длинные волосы преждевременно поседели, а лицо казалось безмятежным, как у Матери-Земли, но она умела давать чертей на концерте, и ее вишневый «Гретч стримлайнер» семьдесят пятого года завывал не хуже миномета. Группа у нее была семейная, и жили они в Тусоне. Муж играл на баса, брат — на ударных. Можно было смотреть разинув рот, как Белла обрабатывает публику, слушать, как плывет страстный голос на волне пылающих аккордов. Она била воздух кулаком, пинала ногой, обутой в красный ковбойский сапог. А потом с бунтующего рока она переключалась на педальную слайд-гитару и, залитая синим светом, исполняла медленную, до боли красивую версию «Если лишусь я благодати Господней» Шейна Макгоуэна.

Пока Белла играла, Гений-Малыш сказал Кочевнику: — Пойду пригоню трейлер.

Он вышел через заднюю дверь и прошел по переулку, где потом будут грузить аппаратуру.

«Жестянка» стояла на соседней улице. Джордж, несмотря на трагическую утрату, ощущал, что все в порядке. Всякий, кто увидел бы его сейчас, сказал бы, что он идет как человек, которому есть куда идти. Группа сегодня выступала классно, на большом подъеме, сувениры продаются, на сайте видно, что диски расходятся сотнями, а число заходов на YouTube и MySpace зашкаливает. Вполне возможно, это связано с тем вниманием СМИ, которого ни одной группе не хотелось бы, но в любом случае — что есть, то есть. Сейчас надо готовиться к выступлению в «Касбахе» в Сан-Диего, потом в субботу, второго, — Большое Шоу, где пан или пропал, в клубе «Кобра» в Голливуде. На Сансет-Стрип, детка! Чего он не сказал — пока не сказал, но скажет еще, — что там будут двое ребят из фирм звукозаписи: один из «Соник бум» и другой из «Манतिकоры». То есть должны быть, будем надеяться.

Он оставит группу в отличном состоянии, с видами на будущее. Это он должен для нее сделать.

Он показал служителю парковочный талон и пошел через стоянку под ярко-желтым светом охранных прожекторов. Вытащил из кармана ключи, отпер дверцу, открыл ее, думая, не заехать ли в супермаркет — купить бутылку вина для гостеприимных хозяев, как вдруг его ударили молотком по правому плечу.

Он подумал, что кто-то подкрался сзади, обернулся, ловя ртом воздух, но никого не увидел.

Левой рукой он схватился за плечо. Футболка была мокрой. Возникла и резко стала нарастать пульсирующая боль. Ощущение в плече было такое, будто сустав выбит. Джордж ошеломленно огляделся. Очки висели у него на одном ухе. Дышать становилось все труднее, будто дыхание из него тоже выбили. А сердце... Боже ты мой, оно качало как насос.

Он посмотрел в сторону будки сторожа, увидел размытую фигуру человека, сидящего на табурете и глядящего в телевизор.

Джорджу пришло на ум, что надо бы позвать, сказать: «Сэр, простите, не могли бы вы мне помочь?»

Но слова не были произнесены, потому что его снова ударили молотом, на этот раз в грудь, и он спиной опрокинулся на «Жестянку». Попытался вдохнуть — но раздалось лишь бульканье жидкости. В груди горело раскаленным углем. Уголь надо было убрать немедленно, и Джордж схватился за грудь обеими руками, но не мог добраться до того, что нужно найти, пальцы промокли, их не удавалось ввести на нужную глубину. Он когтил собственную грудь, раскрыв рот, чтобы позвать на помощь, но не издал ни звука, потому что голоса у него тоже не было.

Джордж пошатнулся. Колени не держали его, он попытался схватиться за «Жестянку», удержаться на ногах,

но без толку — он падал на асфальт, и когда, изогнувшись, грохнулся, то увидел в последнем своем свете отпечаток мокрой руки на бетонной серости.

Как логотип на футболках. Только логотип не таял в теплом вечере Тусона.

Глава двенадцатая

— Понятия не имею, — ответил Кочевник.

Он сидел измотанный, с покрасневшими глазами: прожектор видеокамеры — штука не очень добрая. Как и вопросы, которые раздавались из-за этого прожектора. Вот очередной прилетел, голубчик.

«Джон, у вас есть хоть какие-нибудь предположения, кто мог желать им смерти?»

— Вопрос дурацкий, Дэйв, — сказал похожий на латиноса капитан, сидящий за столом между Кочевником и Ариэль. — Сам понимаешь, мы это уже проходили.

— Для публики, сэр, — отозвался Дэйв, репортер с видеокамерой «Фокс-Кей-Эм-Эс-Би», улыбнувшись сдержанно и невесело. — Работа такая.

— Мисс... Боннеуи, правильно?

Берк тяжело моргнула и перевела взгляд на спрашивающую молодую женщину.

— Бонневи. Через «в».

— О'кей, запомню. Вы действительно сообщили капитану Гарца, что в вас стрелял этот же снайпер, когда вы были в Свитиутере? После того как убили вашего басиста?

Этой женщине, светловолосой, с резкими чертами лица, вряд ли было больше двадцати двух. На табличке с именем значилось, что она — репортер «Тусон ситизен».

— Да. — Берк одолевала слепящая головная боль. И тошнило уже часа два. — Сообщила.

— Можно спросить, вы об этом сообщили полиции Свитуотера или нет?

— Нет, не сообщила. Я думала... Я не была уверена, что так и было.

— Простите? Вы не были уверены, что в вас *стреляли*?

— Джейми, тут не допрос, — вмешалась коп по связи с общественностью: пожилая темноволосая дама по имени Энн Гамильтон. Она сидела в конце стола, рядом с Терри. Держалась очень безмятежно, но явно умела, когда надо, подпустить стали. — Мисс Бонневи это уже объясняла капитану Гарца. Пожалуйста, следующий вопрос.

Поднял руку репортер «Кей-Ви-Оу-Эй», но корреспондентка «Ситизен» не сдавалась:

— Я просто размышляю вслух, что у нас тут, возможно, бродит на воле снайпер — потому что полицию в Техасе вовремя не проинформировали. Я не права?

— Дайте я отвечу, — сказал Гарца, глядя на Джейми Лейн глубоко посаженными угольными глазами, будто пригвождая ее к стулу. Челюсть у него была как кирпич, лицо в оспинах, и голос звучал, как ворочающийся в цементе гравий. — Прежде всего мы только начинаем расследование. Куда оно нас приведет, пока сказать нельзя. Во-вторых, вы принимаете как факт, что в мистера Эмерсона стрелял тот же человек, который убил мистера Дэвиса, что еще совершенно не доказано. И еще, Джейми: такими словами, как «снайпер», ты не завоеешь симпатий полиции. Это я тебе говорю.

— Несколько преждевременно, — добавила для смягчения сотрудница по связи с общественностью.

— Простите, сэр? — удивился репортер из «Кей-Ви-Оу-Эй». — Вы хотите сказать, что это было *совпадение*?

Судя по его интонации, предположение казалось ему смехотворным.

— Я хочу сказать, что сейчас у нас есть молодой человек, который борется со смертью. — Гарца не клюнул на пустой крючок. На его лице читалось спокойствие Будды — если бы отцом у Будды был коп из Хуареца. Представитель больницы по связи с общественностью всего несколько минут назад вышел из этой комнаты на первом этаже университетского медицинского центра, сообщив собравшимся репортерам, операторам и прочим техникам, что Джордж Эмерсон доставлен «скорой помощью» в критическом состоянии в двадцать три сорок восемь, чуть больше двух часов назад, и сейчас находится в операционной. У него два пулевых ранения: в правое плечо и в верхнюю часть груди. — И пока у нас не будет больше материала, мы не можем делать никаких выводов ни на какую тему.

— Но выстрелы были сделаны с дальней дистанции? — спросила черная женщина-репортер из, как это ни смешно, «Кей-Джи-Ю-Эн»*.

— Без комментариев.

— Мистер Кастильо говорит, что выстрелов не слышал. Он был прямо там, когда ранили мистера Эмерсона. Если стреляли не с дальнего расстояния, значит...

— Ведется расследование. Комментарии не будет. — Гарца показал рукой на репортера «Дейли стар», тянувшего руку. — Давай, Пол.

— Спасибо. А что известно из биографии мистера Эмерсона? Сколько ему лет, откуда он?

Все взгляды обратились к Кочевнику в ожидании ответа, но Кочевник смотрел лишь на свои стиснутые руки, лежащие на столе. В этот момент он не особо чувствовал

---

* Название канала читается как «Кей-Ган», а ган (gun) означает огнестрельное оружие.

себя императором. Наоборот, он чувствовал себя маленьким, ничтожным мальчишкой, потерявшимся на незнакомой дороге, на которую нет дорожной карты. Он был зажат между слезами и яростью, и если шевельнется чуть влево, его бросит в рыдания, а чуть вправо — и он вскочит и перевернет этот стол к такой-то матери.

И потому он сидел неподвижно, совершенно неподвижно.

Терри кашлянул:

— Джорджу тридцать три года. Он из Чикаго.

— Я не мог бы узнать, сколько лет каждому из вас и откуда вы?

— Много, — сказал Кочевник, когда до него дошла очередь. Жаль, что нельзя было остаться в темных очках, но Гарца посоветовал их снять, когда он будет говорить с прессой. «Ты стисни зубы и перетерпи», — посоветовала ему миз Гамильтон. Он все еще ощущал неподатливость засохшей футболки, пропотевшей на сцене. — Из Детройта, — добавил он, не глядя и не повернув головы.

— Я думаю, пора сворачивать, — сказала миз Гамильтон репортерам, когда все ответили на этот вопрос. — Сами понимаете, что им пришлось пережить.

— Капитан, вы не планируете привлечь к расследованию ФБР?

Снова эта женщина из «Ситизен».

— Этот вопрос не обсуждался.

— Сэр, позвольте, я перефразирую вопрос? — спросил журналист из «Фокса». — *Кто-нибудь* за этим столом может придумать *что-нибудь*, из-за чего какой-нибудь снайпер мог бы — это всего лишь гипотеза — преследовать вашу группу? — Он подчеркнуто не замечал ни внезапно нахмурившегося капитана, ни выставленной вперед ладони миз Гамильтон. — Или это просто музыкальные критики взялись за оружие?

С Кочевника хватило. С бесстрастным лицом он встал и вышел за дверь следом за миз Гамильтон. Еще не дойдя до лифтового холла, он заметил, что с ним идут трое. Капитан догнал их и протиснулся в лифт прямо в закрывающиеся двери. Лифт помчался на второй этаж, где им выделили отдельное место для ожидания и дежурного копа, чтобы не пускать репортеров.

— Ох, как мне не хочется слышать это слово или видеть его напечатанным, — сказал Гарца еще в лифте, — но я знаю репортеров. К восходу солнца уже по всему городу пойдет разговор о снайпере, так что привыкайте. Что попадает в сеть и на телеканалы, то уже всюду.

— Это же идиотизм. — У Берк под глазами залегли лиловые круги. — Ну зачем кому-то надо нас убивать?

— Вот в этом-то и вопрос.

Двери открылись. Коп сидел на диване в закутке, глядя в сторону лифтов. Он отложил спортивный еженедельник и сел прямо, изображая бдительность. На столе рядом с ним лежала стопка журналов и стояла синяя кофейная чашка с красной буквой «А» в белом контуре. Гарца кивнул ему и пошел с Кочевником, Терри, Ариэль и Берк по длинному коридору мимо сестринского поста к другой двери. Открыл ее для всех и вошел последним.

Ничего особенного, помещение как помещение, с серыми мягкими креслами, диваном, парой журнальных столов с лампами и телевизором. На кремовых стенах — картинки в рамках с изображением беленых домов и рыжеватых пустынных пейзажей.

— О'кей, — сказал Гарца, когда все расселись. — Теперь, как я понимаю, нам остается только ждать. Разве что еще хотите молиться. Если не здесь, то в дальнем конце коридора и направо есть часовня.

— Спасибо, — ответил Терри и сдвинул очки на переносицу. — А... нам можно выходить, бродить вокруг...

или нет? На лифте к торговым автоматам съездить? Мы же не... ну, не под арестом?

— Вы свободны ходить, где вам вздумается. Только помните, что если рядом ошиваются репортеры, они могут к вам прицепиться. Но они, наверное, все подались на место преступления. — Гарца посмотрел на часы. — Где, собственно, и мне положено быть. — Он двинулся к двери. — Я еще чем-нибудь могу вам помочь?

Никто не ответил, и тогда Ариэль спросила:

— Я хотела бы знать. Хотела бы знать, откуда стреляли. Ведь *действительно* с дальнего расстояния?

— Мисс, я правда не могу сказать. Мистер Кастильо действительно не слышал выстрелов. Он никого на стоянке не видел, кроме мистера Эмерсона. Так что... единственное, что нам известно, — стреляли не из проезжавшей машины. А остальное... — Он не договорил. — Очень много работы еще предстоит, — закончил он.

— Спасибо, что сделали что можете.

У Ариэль глаза распухли и блестели, как от шока после боя.

— Да чего там. Ну, тут бригада экстренной хирургии лучшая во всей стране. И это не только мое мнение. — Он быстро глянул на Кочевника, который сгорбился в кресле, закрыв лицо руками. — Держитесь, — сказал он и вышел, закрыв за собой дверь.

Какое-то время все молчали. Потом Терри тихо выдохнул:

— Вау.

Это было выражение коллективной неспособности воспринять факт, что Гений-Малыш лежит на операционном столе и хирурги стараются сохранить ему жизнь. И вообще все так устали, что едва могли шевелиться. Это был дурной сон, а внутри его — еще худший. Сколько времени Джордж истекал кровью, пока его не увидел сто-

рожденья, до сих пор неизвестно, хотя полиция считает, что прошло секунд десять — пятнадцать. Сторож позвонил девять-один-один, сообщил, что здесь лежит человек без сознания и на груди у него кровь. Когда с воем подъехали «скорая» и первая полицейская машина, Кочевник вышел через служебный вход «Фортуна» посмотреть, где там Джордж, и услышал сирены. Он потом сказал Ариэль, что почувствовал, будто нож ему вспарывает живот, потому что понял: с Джорджем беда.

В больнице Кочевник позвонил Эшу на сотовый и услышал: «Сейчас я не могу ответить, но...»

— Да отвечай ты, кретин дубоголовый! — заорал Кочевник в трубку. — Это Джон Чарльз! Возьми трубку, мать твою!

— Эй, выбирай выражения! — Сквозь сильный акцент Эша пробивалось резкое возмущение. — Ты понимай, с кем ты...

— Молчи и слушай!

Это был приказ Императора, и Эш затих.

Он едет в Тусон и прилетит либо дневным самолетом, либо, самое позднее, в понедельник утром. Тем временем он позвонит родителям Джорджа в Чикаго. Голос у него был ошеломленный, и когда он спросил Кочевника: «Что там происходит?» — было понятно: он спрашивает, почему двух членов группы «The Five» срезали пулями, а на это вразумительного ответа не было.

Кочевник отнял руку от лица. Перед ним стоял Терри.

— Может, нам надо помолиться за Джорджа? — сказал Терри и посмотрел на Ариэль и Берк в поисках реакции. — Как вы думаете?

— Я думаю, надо, — согласилась Ариэль.

Кочевник закрыл глаза, мотнул головой и снова закрыл лицо ладонями, чтобы не было видно страдания.

— Я вообще-то неверующая, — сказала Берк.

— А на секунду не можешь стать? — спросил Терри, но Берк отвернулась.

Терри подошел и сел рядом с Ариэль, они взялись за руки, свели их вместе, и Терри начал:

— Отче наш...

Берк встала и вышла.

Когда молитва закончилась, Кочевник выпрямился в кресле, потер виски. Если бы он вышел вместе с Джорджем к машине, этого бы не было. Может быть. Если бы, если бы...

— Джон!

— Чего еще?

Кочевник поднял глаза.

Терри придвинул стул, сел напротив.

— Ты веришь в Бога?

— Нет. Я верю в себя. — Свет лампы давал блик на ленноновских очках Терри. — Бог — это миф, чтобы люди не шарахались от смерти. — Терри молчал, будто ждал других слов. — Послушай, — сказал раздраженно Кочевник, потому что и Ариэль тоже на него смотрела, смотрела с ожиданием, как когда они писали вместе очередную песню и она ждала от него строчки. — Я хочу отдохнуть. Можно оставить меня в покое?

— Я просто спрашиваю.

— А ты не спрашивай.

Терри начал отодвигаться вместе со стулом, но вроде бы передумал. Сделал долгий вдох, будто собираясь с духом.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Кочевник, снова на грани слез или ярости. — Чтобы я встал на колени и молился о жизни Джорджа? Чтобы я обещал, что буду хорошим мальчиком или еще что-то типа того, и тогда Джордж выйдет из операционной *живым*? — Он почувствовал, как рот начинается дергаться в оскале. — Тако-

го не бывает. Молитвой к мифическому существу это не делается. Джордж либо выживет, либо нет. Ясно? И вообще... Если даже Бог не миф, какое Ему дело до Джорджа? До кого-нибудь вообще в этой комнате, в этом городе, на всей этой блядской земле? А?

— Не знаю, — ответил Терри, но так, будто уже много раз задавал себе эти вопросы сам. Много раз.

— Еще бы тебе знать. — Кочевник глянул на Ариэль в поисках поддержки, но она смотрела в пол. — Никто не знает, и уж точно — не все эти гадские проповедники. Так о чем мы тут вообще говорим?

Лицо Терри было бесстрастным. Он уже приготовился сделать то, что хотел.

— Можно рассказать одну историю?

— Что за историю?

— Правдивую. Нечто реальное, что случилось со мной в церкви приблизительно...

— Ой, блин! — скривился Кочевник. — Слушай, не надо, а?

— Терри! — Голос Ариэль прозвучал тихо, но твердо. — Можешь мне рассказать.

Терри кивнул, но когда заговорил опять, смотрел на Кочевника.

— В церкви приблизительно на сорок миль к северо-западу от Оклахома-Сити. В городке под названием Кинг-фишер. Я вам когда-нибудь рассказывал про своего отца?

Кочевник молчал.

— Ты нам говорил, что у него мебельный магазин, — сказала Ариэль.

— Не просто мебельный магазин. А «Белый рыцарь». Сеть магазинов — «Белый рыцарь, дешевая мебель». Две точки в Оклахома-Сити, четыре еще в штате. Одна в Литтл-Роке и одна в Сент-Луисе. Мой отец — человек небедный. В смысле дело начинал еще *его* отец, но раскрутил

уже он. Он работяга. Пашет как трактор. Но это его и меняет, я вам скажу. Когда на тебя работает столько людей и все послушно дергаются по твоему приказу... это превращает тебя в самодура, который привык, чтобы все было по-твоему. Вот таким он и был, пока я рос. «Делай, как я говорю, или пинок под зад». Я понятно излагаю?

— С каждым такое было, — заметил Кочевник.

— Ну да. Слыхал ты такое: «Будь добр с каждым, кого встречаешь, потому что каждый ведет свою битву»? — Терри замолчал, ожидая ответа, но Кочевник не сказал ничего. — Своя битва была у моего отца. У его отца — своя, и так далее. Но получалось так... что Клейтону Спитценхему «нет» не говорят. Белый рыцарь просто не услышит. И вот мне было семнадцать, а на пианино я учился играть с десяти, и я сказал отцу, что хочу быть музыкантом, потому что музыка, ну... она просто говорит со мной, она мне как пища. Сказал, что хочу писать музыку. Связаться с какой-нибудь группой, может, самому ее создать. И вы думаете, он меня слушал? Или слышал? — На губах Терри появилась невеселая усмешка. — Так не думайте. Он сказал, что это у меня возрастное и пройдет. «Ты еще не знаешь, что для тебя хорошо. Оглянись вокруг, — сказал он, — и увидишь: все, что у тебя есть, пришло из бизнеса, от которого ты отворачиваешься. Семейного, — сказал он, — бизнеса. Ты должен понять, что твое место в семье».

«Знай свою роль», — подумал Кочевник, вспомнив совет Феликса Гого.

— Мы всерьез схлестнулись, — продолжал Терри. — Я держался своего, а папочка строил планы, как мне получить бизнес-образование. — Он пожал плечами. — Может, мне это было бы и на пользу. Может, я бы сам к этому пришел в свое время, но я не того хотел. Однако он давил на меня круглые сутки, смешивал с дерьмом меня,

мою музыку... ну, в общем, все делал, чтобы удержать меня в клетке.

Клетке ужаса, думал Кочевник. Самое худшее, что есть на свете для художника. Безопасная предсказуемая жизнь, которая творческую натуру может довести до скуки, наркоты, дурдома и ранней смерти. Не для того ли эта клетка придумана? Устранить риск — душу и жизнь творчества?

— «Мебель, — сказал он, — нужна всем. Но без музыки мир вполне может обойтись».

Ариэль ойкнула, как от удара в живот.

— Я ему сказал, что в таком мире не хотел бы жить. Без музыки? Без пищи для меня? Она же для меня как хлеб и вино — вы меня понимаете. Но до него просто не доходило, потому что, когда Клейтон Спитценхем принимает решение, дальше говорить бессмысленно. Думаю, я мог бы уйти из дому, просто уйти на дорогу и все, но я так не хотел. — Терри запнулся, и на этот раз он смотрел мимо Кочевника куда-то вдаль, глаза его за круглыми очками блестели в свете ламп. — Я думаю, мне хотелось, чтобы он дал мне свое благословение, потому что какой бы он ни был, а я его любил. И люблю. Было такое чувство, будто что-то должно произойти. И это что-то действительно произошло. В воскресное утро, в церкви в Кингфишере. И никто об этом не знает, кроме моих родных, я никому не рассказывал, потому что это было такое... — Он запнулся, подыскивая слово.

— Святошески-ханжеское? — подсказал Кочевник.

Терри слегка улыбнулся:

— Нет, не это. — Он нашел слово. — Что-то очень глубинное. Что-то пугающее. Но так оно было, и я об этом рассказываю. Понимаешь, эта церковь строила для детей лагерь. И хотела купить мебель для домиков и центрального здания, так что отец желал заполучить

этот контракт. Вот он погрузил меня в машину — показать, наверное, какой он семьянин, какой набожный, и приехал в церковь с сыном. В Оклахома-Сити он ни в одну ни ногой, как и мама, кстати. Он хотел, чтобы его видели, хотел руки пожимать, но у нас там не оказалось знакомых. Ну, потому что это от нашего дома сорок с чем-то миль. Так что мы сидели где-то посередине на скамье, в такой приличной большой церкви, современной, еще пахнувшей стройкой, и пастор тогда вышел и сказал, что сегодня перед нами выступит необычный проповедник.

Терри на миг замолчал, вертя сдвинутыми пальцами.

— И когда настало время выступать оратору, — тихо сказал он, — тот взошел на кафедру и посмотрел на паству. Я не помню, как его звали, но помню, что выглядел он совсем обыкновенно. Несколько расплывающийся, лысеющий, и одет был в коричневый костюм. Конец июня, на улице тепло. Так что он поздоровался, отпустил какую-то шуточку или что-то в этом роде, сказал, что будет говорить о миссионерской деятельности где-то там. И вдруг, вот просто вдруг он перегнулся через кафедру и... Я помню, он задрожал. Закрыв глаза и задрожал, будто сейчас упадет в обморок. Пастор бросился к нему на помощь и еще кто-то, но тут... тут он поднял голову. Открыл глаза. Он побледнел, у него пот выступил. И он сказал: «Я обращаюсь к Терри».

— Ага! — насмешливо скривился Кочевник. — Этим мощным голосом, от которого содрогаются стены и пыль взлетает с потолочных балок.

— Нет, — ответил Терри спокойно, полностью владея собой. — Точно таким же, как до тех пор. Обычным голосом обычного человека. Я не шучу и не вру.

Они смотрели друг на друга, пока насмешливая улыбка Кочевника не увяла.

— Рассказывай, — напомнила Ариэль.

— Этот человек назвал меня по имени. — Терри вернулся к Ариэль и снова к Кочевнику. — Вполне могли быть и другие Терри в церкви, там человек восемьдесят или сто набиралось, так что могли быть. И он даже на меня не смотрел, а просто уставился в заднюю стену. Но тут он сказал: «Не давай себя сбить с пути. Твоя жизнь будет в музыке». И скажу я вам, люди... когда слышишь такое в церкви от человека, которого ни разу в жизни никогда раньше не видел, и так далеко от дома, то... то чувствуешь *страх*. Благоговение — оно потом приходит. В тот момент мне только хотелось залезть под стол — от страха.

Терри подождал, чтобы его слова дошли. Кочевник никакого интереса не проявлял, эмоций тоже.

— Он говорил не только со мной. Он обратился еще к двум-трем из присутствующих, но не могу сказать, что он им говорил. Что-то такое, что никак не мог знать, наверное. Потом у него просто сделался усталый вид, он пошатнулся, пастор подскочил к нему и попросил всех оставаться на местах, все в порядке. Он помог тому человеку вернуться на место, а тот приложил руку к лицу, и я увидел, что он плачет. А отец мне сказал: «Уходим отсюда», — и лицо у него было цвета плевка на асфальте. В смысле просто *серое*. И он встал, и я тогда встал, и мы вышли, и больше он уже этого контракта не хотел. Думаю, он туда больше не возвращался. И точно знаю, что не возвращался я.

Очки у Терри чуть сползли по носу вниз, и он их пальцем вернул на место.

— Мы никогда об этом не говорили. Я думаю, что маме он сказал. А может, и нет. Но фишка в том, что после этого он перестал давить на меня своей волей. Что я хочу делать с музыкой, что хочу *попытаться* сделать, —

он не вмешивается, дает мне идти своим путем. Не думаю, чтобы это было ему приятно, но он смирился. И так оно до сих пор. Вот почему он помогает мне начать бизнес с винтажными клавишами. Само слово ему нравится — «бизнес». Но чтобы он стал меня уважать и признал право на свой путь, понадобился чужой человек в церкви. Мы *никого* там не знали, Джон. И никак не получается, будто это что-то другое, а не...

Он снова стал подыскивать термин.

— Не голос Божий? — спросил Кочевник резким голосом. — Его, выходит, ты слышал?

— Я слышал голос обыкновенного человека, — ответил Терри. — И не буду притворяться, будто знаю, откуда шли слова. Но он сказал слова, которые имели смысл для меня и только для меня, в этом я уверен. И дело в том... что единственное, чего я всю жизнь хотел, — это построить жизнь так, чтобы в ней была музыка. Не играть на сцене перед многотысячной толпой, не загребать деньги тоннами, не быть какой-то там суперзвездой. — Он взглядом позвал на помощь Ариэль. — И я получил что хотел... и даже больше на самом деле.

— Так чего ты хочешь сказать, что все предопределено, что ли? — с вызовом спросил Кочевник. — Все, блин, звездами записано?

— Он сказал: «Не дай сбить себя с пути». Так что я не думаю, будто все предопределено. Я думаю, выбор у меня был. Он мне лишь сказал, как попасть туда, где я хочу быть.

Кочевник затряс головой:

— Чушь собачья.

Терри усмехнулся, глядя на Ариэль, но глаза у него были грустные.

— Теперь ты понимаешь, почему я никому не говорил. Даже Джулии.

Его легкомысленная и легкая на подъем бывшая жена, с которой они прожили меньше года, а потом она упорхнула из Остина во Флориду с прежним бойфрендом. Никто не знает, что Терри в ней нашел, кроме разве того, что была хорошенькая, играла на классическом фортепьяно и делала классные пироги «креп-сен-жак», когда не сидела на голубых колесах.

— Чушь! — повторил Кочевник с напором.

— Ты, блин, все на свете знаешь? — спросил Терри уже без всякой грусти. Лицо у него покраснелось, глаза сверкали зарождающимся гневом, и он вот прямо сейчас решил, что с этой секунды перестанет испуганно шараться от Джона Чарльза, потому что он, Терри, лучше знает, что именно слышал и видел. — Меня ни один человек на свете не смеет называть лжецом, — сказал он напряженным голосом и быстро заморгал. Может, он все же побаивался Джона, но дело было достаточно важное, чтобы за него сражаться. — Ты не все на свете знаешь, и даже не почти все. И я тебе скажу, что я тоже не все знаю, потому что не понимаю этого и никогда не пойму, и никого я не агитирую и не кликушествую, но тут много есть такого, чего мы не видим и не можем понять. Вроде как мир за пределами вот этого. Какое-то измерение, которое нам не постичь умом.

— Ты теперь про рай заговорил? С ангелами и арфами?

— Когда ты так говоришь, получается глупо.

— Да потому что глупо и есть, Терри. Глупость, придуманная для глупцов. — Терри промолчал, и Кочевник добавил: — Давай говори еще. Выскажи все, чтобы я все и разнес.

Но Терри смотрел на пол, крутил сцепленными пальцами и не отвечал. В коридоре звякнул двойным звонком интерком, и женский голос позвал вроде бы «доктора Падзивонга».

Наконец Терри сказал:

— Не так это просто, как ты пытаешься выставить. И не так это примитивно. Смотри, вот ты смеешься и говоришь: «фигня», потому что никогда не слышал, чтобы твое имя произносил в церкви незнакомый человек. Стобой ничего такого не случилось, что пошатнуло бы твои устои или заставило думать, что ты знаешь не все. Я человек, я не вижу сквозь тусклое стекло. Лично я верю, что есть какой-то рай и какой-то ад, но...

— Вилы и золотые нимбы, — перебил его Кочевник. — Когда умру, я хочу попасть на юг, где происходит действие. И чтобы адская шлюха устроила мне вечный... — он чуть было не сказал «минет», но в присутствии Ариэль сменил выражение, — ...приватный танец.

— Ты, что ли, боишься, — спросил Терри, поднимая взгляд на Кочевника, — даже позволить себе поинтересоваться? Вот так тебя это пугает?

— Нет, меня это не пугает. — Кочевник прищурился. — Я просто не хочу тратить время на размышления ни о чем. Потому что именно ничего не остается, когда умираешь. Все, чем ты был, все, что ты думал, уходит в ничто. В пустую черноту, какая была до твоего рождения. Почему тот незнакомец в церкви тебе не помог с чем-нибудь посерьезнее таких вопросов? Почему он вроде как... стукнул и удрал, не сказав то, что хотел знать каждый в той церкви? Почему он не сказал просто: «Я говорю гласом Божиим, и я вам говорю, что существует вечность, и каждый обретет в ней счастье... что бы это слово ни значило». Почему он из всех, кто там был, выбрал только трех-четырёх человек, а с остальными обошелся как с тощими пацанами на школьном дворе, слишком ботанистскими, чтобы их брать в классную команду? — Он выдержал паузу, чтобы оттенить вопрос, на который ответа не было, и спросил еще: — И почему этот твой незнакомец не отве-

тил тебе, с какой радости каждый день погибают невинные дети и хорошие люди, такие как Майк, каждый день, каждый год? Вот это стоило бы услышать. И если ты говоришь, что это был глас Божий... так ему надо было бы орать куда как громче, чтобы я стал его слушать.

Терри еще несколько секунд смотрел на него, и лицо Кочевника отражалось в стеклах его очков. Кочевник вытянул ноги, запрокинул голову и закрыл глаза, будто указывал Терри, что тому нужно бы пересесть. Через некоторое время Терри встал и подтянул кресло поближе к Ариэль, та ему едва заметно улыбнулась и кивнула. Но она видела, что в попытке объяснить Джону Чарльзу возможность существования Неведомой Руки он потерпел поражение. Бога она себе представляла именно так — Неведомая Рука, действующая ради вящего блага людей. Ей казалось, что рука эта действует, когда может. Но бывают времена, когда не может — или по какой-то скрытой причине не действует.

Джон задал несколько хороших вопросов, думала она, глядя, как он либо делает вид, что заснул, либо старается заснуть. Есть вопросы, которые задают и верующие, и неверующие. Вера не означает, что вопросы нельзя задавать.

Ответов у нее не было. Ни у кого их нет по эту сторону, и если кто притворяется, что они у него есть, то это чтобы заработать на людском страхе и сделаться обманщиком, которого должна бы сокрушить Неведомая Рука... но не сокрушает. Точно так же, как не действует она ради того, чтобы свершить справедливость над неправедными, чтобы прекратить зло, чтобы устранить страдание, пролив чудеса на землю.

Потому что, думала Ариэль, эта работа для ведомых рук, для людских рук. Может быть, Неведомая Рука меняет что-то за пределами людского разума, приводит

колеса в движение так, чтобы люди должны были выбрать и жить с тем, что выбрали, к добру или к худу. Может быть, Неведомая Рука направляет людей, или подталкивает, или предлагает им задачи, которые надо решать, и люди просто не ощущают ее присутствия в суете будней. А может быть, мир принадлежит людям, он им дан в дар, и как они распорядятся этим доверием — на их ответственности, и Неведомая Рука, как тот голос незнакомца в церкви, может направлять, но не заставить.

У Ариэль ответов не было. Как и все прочие, она могла только гадать.

Вернулась Берк с банкой колы, купленной в автомате на первом этаже.

— Кончили молитвенное собрание? — спросила она, но никто не дал себе труда ответить.

Она села на диван, вытянула ноги на стол, где лежали месячной давности журналы. Вот чего Берк не собиралась сейчас говорить — так это того, что она, хотя далеко не религиозна, заинтересовалась часовней и сходила туда глянуть. Войдя, остановилась на пороге небольшого темного зала с двумя скамьями, кафедрой и картиной, изображающей коленопреклоненного Иисуса в саду. Может быть, она мысленно что-то сказала о Джордже. Может быть. Это было как-то очень быстро, мельком. Наудачу, просто так. Для нее Иисус всегда был чем-то вроде четырехлистного клевера. И подмазать не помешает, так что она сунула бакс в щель белой копилочки, привинченной к столу. Рядом с копилочкой лежала книга, где люди записывали имена, за кого молились.

Лучше два бакса, подумала Берк, но в конце концов получилось пять.

Примерно через сорок минут после ее возвращения появился азиатской внешности доктор в синем халате и хирургической шапочке. На безукоризненном англий-

ском, чуть сдобренным южным акцентом, сообщил, что Джордж уже не в операционной, а в палате интенсивной терапии, и следующие двенадцать часов будут, как он сказал, «критическим периодом». К этому он ничего не может добавить. Кочевник понял так, что врачи сделали все, что в их силах, и теперь исход зависит от Джорджа.

Они поблагодарили доктора, а когда тот вышел, сели и стали ждать дальше. Ждать они умели: это приходится делать куда больше, чем играть, а потому они привыкли к этому аспекту музыкантской жизни. Но никогда им не приходилось еще ждать жизни или смерти своего товарища по группе, и для них для всех это было предстоящим испытанием.

И больше всех, быть может, для Кочевника. Стены смыкались над ним. Он и до того, как отца застрелили, не слишком любил больницы, а уж после... Он сидел вот в такой же комнате ожидания, ощущая больничные запахи и чувствуя приближение грозного известия, а перед ним лежали комиксы с остроухим Бэтменом, Зеленым Фонарем и Капитаном Америкой, которые где-то откопала для него медсестра. А потом вошел кто-то из «роадменов» и сказал, что отца больше нет.

В этом году месяц смерти наступил рано.

Ариэль и Терри подремывали, Берк смотрела из-под тяжелых век какой-то старый черно-белый фильм с Бетт Дэвис. Кочевник встал, сказал Берк, что идет вниз к торговым автоматам и не нужно ли ей чего-нибудь. Она сказала: «Спасибо, ничего не нужно».

Он вышел.

Сперва он просто хотел выйти подышать небольничным воздухом. Таким, в котором нет дурных воспоминаний. Потом решил слегка пройтись, не очень далеко, просто кровь разогнать. Этот зал ожидания его убивал.

Вернуться... нет, хотя бы не сейчас. Он пройдет квартал-другой сейчас, в четвертом часу ночи.

Когда именно он решил поймать увиденное такси, Кочевник не помнил. Но вдруг помахал рукой, и оно подъехало его забрать.

— Куда вам? — спросил водитель.

Кочевник задумался. Вот именно, куда ему? Что тут открыто круглые сутки, где-нибудь не дальше двух-трех миль? Где он привык ошиваться во все часы, сидеть над чашкой черного кофе, сэндвичем со стейком и тарелкой...

Картошки по-гречески, вспомнил он.

— В «Аргонавт», — сказал Кочевник. Назвал водителю адрес на Восточной Конгресс-стрит, и машина понесла его прочь.

Глава тринадцатая

Войти в «Аргонавт» было как вернуться в дом, который твои родные продали и уехали, не дав тебе об этом знать. Да, прошли годы, как он здесь был, и так же пахло здесь бараньими отбивными и острым рыбным супом, как ему четко помнилось. Но появились различия. Снаружи здание было раньше выкрашено «эгейской синью», а теперь стало ярко-желтым — Кочевнику этот цвет напомнил то, что он видел мысленным взором, когда закрывал глаза и выдыхал долгое «ля» в конце песни «Мне не нужно твое сочувствие». Да, он действительно видит цвета, когда поет. Еще различие: раньше при входе нежно звякали колокольчики, теперь тебя встречало лишь гудение вентиляторов под потолком. Зато хотя бы было тихо.

Касса стояла на неизменном и, наверное, неподвижном исцарапанном и побитом деревянном столе такого вида, будто его сделали из палубы греческих боевых кораблей. Но где же Джимми? Приземистый Джимми с бочкообразной грудью, коротко стриженными черными волосами, а голос у него — как ржавая колючая проволока, и всегда встречал тебя словами: «Эй, жрать хочешь?» — и провожал вопросом: «Как тебе жрачка сегодня?»

Классная, Джимми. Как всегда.

Джимми не было. На его месте сидела мрачноватая девица с темными волосами и отстукивала кому-то эсэмэску на сотовом.

— Привет, — сказал Кочевник.

— Садись, где место найдешь, — ответила она, не отрываясь от экрана.

Найти место было просто. Семь-восемь столов стояли пустыми, но несколько человек сидели по красным виниловым кабинкам. Лампы с золотистыми абажурами освещали предутренних посетителей. Кочевник насчитал трех парней — похоже, студенты колледжа — в одной кабине, юная парочка, жмущаяся друг к другу, занимала вторую, а третью — одинокого вида мужчина средних лет. Он читал книгу и пил холодный чай. Кочевник занял кабинку подальше от всех, возле окна, откуда открывался вид на Восточную Конгресс-стрит, и стал ждать, пока подойдет официантка. С выбранного места ему была отлично видна фреска с изображением греческой галеры на стене напротив, рядом с кухонной дверью. Красивая штука, и она проплыла через годы почти без изменений с самого семьдесят восьмого, как говорил Джимми. Это был год, когда открыли «Аргонавт».

Естественно, это был «Арго», построенный для Язона и его товарищей ради похода за Золотым руном. Под солнечным небом, украшенным кружевами облаков, резал

синие волны острый нос корабля. Перед ним летели чайки, серые плавники дельфинов высывались среди белых барашков. Здоровенные аргонавты ворочали веслами — в этом варианте их было по двадцать на каждом борту. Перед мачтой с раздутым сероватым парусом стоял чернобородый Язон, указывая вперед правой рукой с вытянутым пальцем. Кочевник всегда думал, что это реальная цветная фреска, по стилю похожая на блестящие работы Максфельда Парриша, которые он видел в одном художественном альбоме у Ариэль. Внизу, где начинались волны, была подпись «Миалодеон», а был ли это оригинальный автор или последующий реставратор, Кочевник не знал.

Он продолжал ждть. Кто-то же здесь работает, наверное, потому что у других посетителей еда и питье были. Жаль, не догадался захватить из больницы журнал, но опять же не стоило: больничные журналы больницей и пахнут. Нужно было что-то, на что смотреть, кроме собственных рук, так что он слегка шевельнулся на стуле, полез в карман джинсов и вытащил некий предмет, который был с ним с самого вечера в «Кертен-клуб».

Это был симпатичный кусочек чистого кварца, который дала ему Черил Буониконти — ныне Черил Каприата. Кочевник положил камешек на стол и стал на него смотреть. Он пытался постичь глубины веры. Черил каким-то образом верит, что целебные кристаллы вступят за нее в битве против рака. Терри и Ариэль верят, что Бог, или Иисус Христос, или кто еще там поможет Джорджу в битве за жизнь. В чем разница? Лично он предпочел бы кристалл, потому что эту хреновину можно подержать в руке, и есть от нее толк или нет, а она существует, она твердая и весомая. В самом крайнем случае можно прижимать ее бумаги.

Он протер глаза основаниями ладоней. Кто стрелял в Джорджа? Тот же, кто убил Майка? Разные снайперы в

разное время и в разных местах? Можно ли в этом вообще найти какой-то смысл? И Берк говорит, что по ней тоже стреляли? Что, открыли сезон охоты на «The Five», и если да — тут он понял, что сидит слишком близко к окну, — кто будет следующим в перекрестье прицела?

Он вымотался, нужно выпить кофе. Из кухонной двери вышла официантка, увидела его — и отступила обратно в кухню. Да сколько можно! Иди сюда, черт бы тебя побрал! Он снова посмотрел на кристалл и подумал, что бы на эту тему мог сказать его отец. Дин Чарльз в своей непрестанной — чуть ли не фанатичной — погоне за женщинами навертел бы на эту тему романтическую историю, что этот кристалл показывает образ будущей возлюбленной, и когда человек в него заглядывает верно и держит вот именно так, он увидит в нем лицо красивого, не говоря уже, что желанного, ангела... и вот она ты, детка, вот она ты.

Из того, что сейчас он знал про своего отца, и из того, что в свое время рассказывали ему товарищи отца по группе, он сделал вывод, что все деяния Дина Чарльза имели единственную цель: макнуть любимый фитилек в любой сосуд с медом, который только попадетсЯ на дороге. Единственную — кроме музыки. А может, в последнее Кочевнику хотелось верить, потому что своя глубина веры у него тоже есть. Он хотел верить, что музыка тогда была важна, что, когда его отец метал в публику пылающие аккорды гитары и притягивал микрофон к потному лицу, выкрикивая слова «Мемфиса», это было из чистой любви к музыке. Но женщины были повсюду. Перед сценой и за кулисами, в ресторане после концерта и возле фургона, и «попадались случайно» возле мотеля. Девочки из бара, секретарши, домохозяйки, официантки, застенчивые девушки, желавшие показать ему свои песни, и напористые девахи, желающие пробиться в шоу-бизнес.

Тихие и шумные, блондинки и брюнетки, рыжие и мелированные, а иногда случайная королева «соула». Кочевник много получил рожков с мороженым и кусков пиццы от товарищей отца по группе, много посмотрел с ними фильмов в городах, больших и маленьких, а из табличек «Не беспокоить» в номерах, где останавливался в мотелях Дин Чарльз, можно бы не одну стену выложить.

С ним никогда об этом не говорили, но в конце концов мальчишка, обожавший своего отца, достаточно вырос, чтобы заметить, как проползают по тому женские взгляды, как говорят женщины между собой, глядя на него уголком глаза, как они улыбаются ему навстречу, касаются его, подбираются поближе — вдохнуть горячий пот музыканта и разогретый кожаный наряд.

«Джонни! — сказал однажды его отец в пятницу вечером в мотеле «Бест вестерн» в Мэнсфилде, штат Огайо, когда по телевизору показывали «Грязную дюжину». — Ты не против был бы досмотреть это у ребят?»

За несколько минут до этих слов он быстро глянул на часы.

«Ноль проблем, па, — ответил Джонни, сдвигаясь на край кровати и надевая кроссовки. — Не против, конечно».

Но когда сын обернулся посмотреть на отца по пути к двери в холл, они оба знали, на что смотрят.

«Пап? — спросил Джонни. — Ты маму больше не любишь?»

«Шутишь? — прозвучал ответ, сопровождаемый сухим смешком. — Еще бы я твою маму не любил. А знаешь, почему я ее так люблю? Потому что она мне подарила тебя, вот почему. Мы с тобой — двое мужчин, живущих на дороге. Свобода и музыка, что может быть лучше? Беги скажи Дэнни, что я вам велел пойти пиццы поесть. О'кей?»

«О'кей, па», — сказал сын, потому что Дин Чарльз был светом его мира и уже много лет в маленьком домике в Восточном Детройте, между Сентер-лейн и Роузвил-стрит сидела на полу Мишель Чарльз, окруженная множеством Библий и религиозных брошюр, нахмутив сосредоточенно брови, и глаза отчаянно бегали по строчкам в поисках чего-нибудь, во что можно поверить, потому что она нашла у своего мужа любовные письма в коробке с обувью.

Но как подруга Бутча Манджера осталась ему предана и после того, как он избил ее до полусмерти, — думал Кочевник, ожидая официантку, — так и Мишель Чарльз оставалась верна и предана своему мужу. Что такая женщина могла делать с этим носорогом Дином? Давать ему свободу, подумал Кочевник. Не мешать странствовать, зная, что он всегда вернется домой, пусть даже только для того, чтобы перетянуть гитару.

С матерью нынче все в порядке. Она живет одна, поблизости от своей замужней сестры во Флориде, в Сэн-форде, ухаживает за больными в хосписе и занимается теннисом с подругами. И не стесняется им сказать, что сын у нее «рок-н-роллер». Жизнь, как и представление, должна продолжаться.

Вдруг рядом с его кабинкой оказалась официантка. Она смотрела на него, а он задумался. Кочевник заметил, что это уже другая, не та, что выходила из кухни, — та наливала холодный чай пожилому.

— Э... мне чашку кофе, пожалуйста, — попросил он. — Просто черного.

— Это все?

Ей было около сорока, скорее меньше, чем больше. Темные волосы. Темные глаза либо очень устали, либо им все смертельно надоело. Будто она предпочла бы находиться в любой точке земного шара, но только не в «Аргонавте» в половине четвертого утра.

— Нет. Еще сэндвич со стейком.

Она не стала записывать.

— Овощи на парú, картошка по-гречески или картошка в сыре?

— По-гречески. — И была еще одна вещь, которую он должен был сказать, потому что в первый раз, когда он сюда пришел и сделал этот заказ, налили слишком много масла, а так как у официанток нагрузка была высокая, ему почти каждый раз приходилось повторять. — Вы не могли бы попросить повара меньше лить масла?

— Он всегда делает одинаково.

— Да, но... понимаете... я тут брал ее у вас раньше, и было слишком много масла...

— Он всегда делает одинаково, — повторила она, на этот раз с мрачной воинственностью, от которой у Кочевника губы сжались в нить. Он посмотрел на женщину колючим взглядом.

— Доверять надо своему повару. — Он попытался улыбнуться, но не получилось. — Он сделает как надо, если его попросить. Вы просто ему поверьте.

Она на несколько секунд замолкла, раскрыв рот. Лицо ее превратилось в маску без выражения, глаза — как два тусклых угля.

— Попрошу у него, — сказала она сдавленным голосом. — Но я знаю, что делаю. Я вам говорю, что делает он их всегда одинаково.

— Вот и хорошо, спасибо, — ответил Кочевник.

— Ноль проблем, — сказала она, поворачиваясь уходить, и он ощутил, что волосы у него на затылке зашевелились, как от горячего дуновения.

«Божежтмой, — подумал Кочевник, когда она ушла. — Шиматта*, какая зараза!» Оставалось только надеяться, что она не плюнет ему в кофе, когда будет его

---

* Проклятие (яп.).

нести. Сердце застучало чуть сильнее. Наверное, можно об этом песню написать. И даже балладу. Ага. И назвать «Баллада о картошке по-гречески».

Строфа первая:

И всего-то он попросил жалкий сэндвич с картошкой
по-гречески,
Он был голоден, не хамил, говорил с ней по-человечески.
Есть хотел, только и всего, не сказал ведь дурного слова ей.
А она глядит на него как на чудище двухголовое.

Ну, что-то вроде этого.

Вот она опять, несет кофе. И старается не смотреть в глаза. Чашка со стуком встала на стол, кофе слегка выплеснулся. Но официантка повернулась и пошла снова на кухню, и Кочевник подумал:

Он просил поварам доверять, мол, они не положат лишнего,
А она на него опять как на грязь, на ботинки налипшую.
И о чем ему с ней говорить? И за что оставлять ей денежки?
Он любил сюда заходить, но теперь уж, конечно, хренушки.

Конечно, из размера выбился, зато смысл есть.

Он съест, что ему принесут, вызовет такси и уедет. Вот так просто.

Кочевник еще раз посмотрел на кусок кварца. В нем есть, во что верить, подумал Кочевник.

Он верил когда-то, что до чего-то дойдет в этой работе. Верил, что когда-нибудь уплатит все свои долги. Он найдет Ту Самую песню, с Той Самой мелодией. Естественно, с Той Самой группой. Он думал — верил, желал, как хочешь назови, — что «The Five» и есть Та Самая группа. Что в ней соединились таланты, личности и желания, насколько такое возможно в одной группе. Совершенны ли они все? Нет. Совершенна ли «The Five» как группа? Вот уж нет. Но они очень, очень старались...

Он вспомнил слова Феликса Гого, и в них была горькая правда: «Талант — дело двадцать пятое по сравнению с честолюбием, а оно по важности начисто уступает личности».

И надо добавить еще два необходимых ингредиента: связи и везение. Но даже когда соединишь это все, что-то может свихнуться с пути и загубить все.

Он представил себе, как раздваивается, делится между Кочевником и Джоном Чарльзом. В его воображении Джон Чарльз отделился от Кочевника и сел напротив.

— Жуть до чего хреновое дело, — сказал Джон Чарльз. — Ты знаешь, о чем я.

«Знаю», — мысленно сказал Кочевник своему воображаемому соседу.

Он говорил о новой музыке, которую остинская группа «Ezra's Jawbone» закончила писать в феврале. Кочевник дружил с певцом и клавишником группы, которые писали все ее песни. Они закончили проект с названием «Дастин Дэй», дали ему послушать тестовый диск и отослали пакет на фирму «Эм-Ти-Би-Эф рекордз», с которой был контракт. «Дастин Дэй» — это была рок-опера про молодого человека, который вдруг просыпается в гостиничном номере в незнакомом городе и понятия не имеет, кто он и откуда. Музыка развивается, и возникает идея, что Дастин Дэй, получивший имя от стертого отпечатка сигнатуры на лежащем в номере блокноте, может быть Вторым Пришествием, может быть Дьяволом во плоти, и он сам не знает, кто он, но кто-то *оттуда* — может быть, и не один кто-то — пытается его убить прежде, чем он выполнит то, что должен выполнить, а он не знает, будет это в результате служить Добру или Злу. Или он просто сбежавший псих? Кочевник не религиозен, но концепцию «свет против тьмы» понимает. Она есть во всех хороших ужастиках.

— Музыка потрясающая, — сказал Джон Чарльз, и Кочевнику пришлось согласиться.

Пятнадцать песен, две из которых приближались почти к семиминутной отметке, а одна еще длиннее десяти минут, просто сносили крышу. Они цепляли, уходили в неведомое, аранжировка и вокал как с цепи сорвались, и посреди песни менялись тональность и темп, что вообще не может быть допустимо, но для Кочевника это звучало как самая свежая, самая живая музыка, которую он в своей жизни слышал. А еще была последняя песня, так и называвшаяся «Последняя песня», от которой Кочевник ночами не спал, мысленно прокручивая ее снова и снова и думая, что это будет огромный прорыв для «Ezra's Jawbone».

— Ты знаешь, что было дальше, — напомнил ему Джон Чарльз.

«Суки в костюмах», — ответил ему Кочевник.

Ошалевший от изумления его друг, ведущий певец, рассказывал, что первое впечатление от «Дастин Дэй» на «Эм-Ти-Би-Эф» было — отсутствие синглов. Что некоторые мотивы — блин, они их «мотивами» звали! — слишком длинные, такие длинные мотивы слушать не будут. Извините, конечно, но это один из самых непонятных, худших наборов мотивов, который они когда-либо слышали. Что «Ezra's Jawbone» двумя предыдущими выпусками уже создала себе репутацию группы стиля хард-рок/кантри-фанк, и то, что они сейчас делают, в имидж не ложится. Ну что за смысл в том, что люди сидят и разговаривают, или ловят призраков, или хрен еще знает, что они делают и зачем тут шатаются. А потом — вопрос насчет религии. Нет, уж кто-кто, а мы все точки зрения и все мнения уважаем, но это же совсем другое, куда нас тут тянут. «Эм-Ти-Би-Эф» не является христианским брендом. Вы видели наш последний хит-лист ай-тунсов? Ни одной религиозной мелодии. *Ни одной. Nada.* Здесь

вы по зыбучему песку ходите. Ваша аудитория хочет развлечений, а не проповеди. Наш бизнес — *развлекательный*. Так что мы должны сказать, и притом мы в этом единодушны, что «Дастин Дэй» просто не подлежит выпуску. А теперь, прояснив этот вопрос... Мы могли бы вас сцепить с зарекомендовавшей себя в смысле продукции группой, которую имеем в виду, и она поможет вам переложить эту запись, но вы должны им позволить делать то, что должно быть сделано, потому что Богдан Анастасио и Дзи Чао требуют полной власти.

— Эти тошнотные мудаки, — фыркнул Джон Чарльз.

«Можешь себе такое представить? — спросил Кочевник. — Сидят эти костюмы на заседании, слушают «Дастин Дэй» и говорят, что это дерьмо, потому что ни одного сингла в нем нет! И это же они весь бизнес на фиг уронили с обрыва».

— Ага, — согласился Джон Чарльз.

«Не сбросили цену на диски, когда это можно было сделать, — сказал Кочевник. — *Нужно* было сделать, наполовину сбросить, до полцены. И все независимые торговцы компактными и винилом прогорели, а эти индивидуальные магазинчики, друг, — это же кровь и жизнь отрасли. — Он сделал паузу — отпить своего черного кофе. — И прежнее так и не восстановилось», — сказал он себе своим мысленным голосом.

— И все равно надо делать то, что должен, — сказал Джон Чарльз.

«Правда?» — спросил Кочевник, но тут он увидел, что официантка несет еду, и Джон Чарльз скользнул обратно в него, потому что они оба были голодны.

Официантка, снова стараясь не глядеть в глаза, хряпнула на стол тарелку с сэндвичем, а потом еще тарелку...

— Это что? — спросил Кочевник.

Она глянула на него щелочками глаз:

— Картошка с сыром, как вы заказывали.

Запах желтого сыра, намазанного на картофель, он учуял раньше, чем увидел сыр.

— Я это есть не могу.

— Вы *заказали*, — ответила она.

— Нет, я заказывал по-гречески.

— Нет, с сыром.

— Послушайте, мэм, — начал Кочевник, чувствуя, как в животе собирается ком. «Легче, — сказал бы Джордж. — Спокойнее, друг». — Я знаю, что я заказывал.

Она стояла, вперившись в него взглядом, угольно-черные глаза горели яростью, голова склонилась набок, будто готовилась сорваться с шеи и откусить Кочевнику причиндал.

— О'кей, — сказал Кочевник, протягивая руки вперед ладонями, чтобы сохранить мир. На шум стали оборачиваться посетители. — Забудем это дело. — Он отодвинул неприятную картошку. — Я съем свой сандвич, и ничего не...

— Нет, если хотите картошку по-гречески, я вам принесу ее по-гречески! — Официантка цапнула картофель с сыром. Лицо у нее скривилось, покраснело, гнев готов был брызнуть из нее, как брызгали у нее сопли из носа и слюна изо рта. — Я вам принесу картошку по-гречески, но вы ее *не заказывали*!

Она почти орала.

«Идиотка, записывать надо!» — едва не сказал Кочевник. Сделав глубокий вдох, он вцепился обеими руками в край стола и попытался выдавить из себя улыбку, но это не получилось.

— Послушайте... — начал он.

— Хватит с меня этого «послушайте»! Я вас отлично слышу. Вы что, думаете, я глухая?

— Нет, я только...

— Хотите картошку по-гречески — принесу вам картошку по-гречески!

Она стала отступать, не поворачиваясь. Из кухни высунулась другая официантка. Кассирша выглядывала из-за угла, вытянув шею.

С совершенно неожиданной силой раздался голос — хриплый, пропитой голос Кочевника:

— Стоять!

Сделав еще два шага назад, она наконец послушалась. И ссутулилась, подав плечи вперед, как самка питбуля перед нападением.

— Пожалуйста, — сказал Кочевник, чувствуя, как дрожит его голос, даже такой хриплый и грубый. — Прошу вас.

Его начало трясти, он чувствовал, что разваливается по швам. Майка нет в живых. Джордж в ближайшие полсуток тоже может умереть. «Критический период», — сказал доктор. Но вот сейчас эта самая минута для него, Кочевника, была самой что ни на есть критической. «The Five», шатаясь, идет к собственной могиле. Кочевник подумал, что сердце бьется слишком сильно, надо успокоиться, *спокойнее, друг*, сказал бы Джордж, но сейчас Геня-Малыша рядом не было. Может быть, уже никогда не будет.

— Прошу вас, — выдохнул он, — давайте я просто съем этот сандвич. Оставьте меня и дайте мне его съесть. Договорились?

Из кухни выглянул приземистый мужик с песочными волосами, в поварском фартуке, глянул поверх головы второй официантки.

А официантка Кочевника улыбнулась мерзко, победно и сказала, будто в три удара загоняя гвоздь в голову Кочевника:

— Ноль. Проб. Лем.

Потом резко повернулась — театральным движением, как Бетт Дэвис в том кино, что смотрела Берк, — подхватила тарелку с сырной картошкой и унесла. Кухонная дверь закрылась.

Кочевник начал есть, но вкуса не чувствовал совсем. Что это за война, на которую он налетел, какая муха укусила эту агрессивную официантку, что она на людей бросается, — не его дело.

— Спокойнее, парень, — сказал один из студентов. Подумал, наверное, что скандал начал Кочевник. Когда Кочевник глянул в их сторону, они все трое уставились на него, и непонятно было, кто из этих дубин заговорил. Кочевник снова вернулся к борьбе с сэндвичем, и тут один из этих парней совершил ошибку — сделал губами неприличный звук, слюнявый смешок, прикрывшись грязной от жира лапой.

У Кочевника загорелось лицо, будто огнем полыхнуло изнутри. Он повернул голову, выбрал самого массивного, глядя на него в упор, и спросил громко и отчетливо, чтобы его нельзя было не понять:

— Эй! Ты Мо, Ларри или тот жирдяй, которому надрали задницу*?

Они уставились на него молча. Пара, сидевшая неподалеку, вдруг встала и вышла из своей кабинки, держась за руки и направляясь к кассирше.

Он хотел им сказать, что все в порядке, никому ничего не грозит, он уже свою вспышку гнева подавил, и нет нужды бежать отсю...

Что-то шлепнулось перед ним на стол с такой силой, что он вздрогнул.

Подняв глаза, он увидел лицо своей официантки — она подошла так быстро, что он даже не заметил, как она вышла из кухни.

---

* Персонажи фильма «Три балбеса»

— Вот, — сказала она, скривившись в улыбке. Глаза ее сделались точечками ярости, но в центре зрачков светился красный отблеск торжества. — Это вам подойдет?

Горгона Медуза не могла бы прошипеть более злобно.

Кочевник увидел, что перед ним — тарелка картошки по-гречески.

Масла минимум.

Как он просил.

Идеально.

И официантка еще скалила зубы!

Этого он снести не мог.

Не было здесь Джорджа, чтобы его успокоить словами. Не было Ариэль, чтобы оказаться рядом, хочет он того или нет. Воспоминания смешивались — тело Майка грузят в белую машину коронера, тело Джорджа грузят в «скорую», тело Дина Чарльза лежит на мостовой, все вместе, и воспоминания переливались друг в друга, как песни в «Дастин Дэй», а из освещенного неоном и тронутого жаром ада Феликс Гого напоминал, чтобы помнил свою роль, и снайпер в деловом костюме перезаряжал винтовку, и три этих студента смеялись над ним у него за спиной, а официантка принесла идеальную картошку по-гречески и заявила, что ноль проблем.

Он превратился в пучок взведенных сигналов тревоги — и сорвался.

И был это всем срывам срыв.

— Мэм? — спросил он, блестя испариной на щеках и на лбу. Чей это был голос? Он не знал. Краем глаза видел, что у двери в кухню стоит вторая официантка и смотрит. Что ж, представление началось. — Мэм? — повторил он. — Тут мне в тарелку что-то попало!

— *Что?*

Он поднял тарелку с картошкой, выскользнул из кабинки одним плавным движением и ответил:

— Твоя блядская рожа.

Непринужденным будничным голосом.

И в тот же миг схватил официантку другой рукой за затылок и вlepил тарелку прямо ей в табло.

Не надо было ей так орать — как дикому зверю. Не надо было ей вцепляться ему в лицо ногтями и бить ногой в голени. Потому что он бы тогда бросил на стол десятку и вышел, а так от полосок крови на левой щеке и боли в чуть не треснувшей голени он сам взревел как зверь и оттолкнул ее от себя, и она перевалилась спиной через стол и стул и хлопнулась на пол, не переставая орать.

И этим трем студягам не надо было набрасываться на него сзади. Не надо было хватать за руки и прижимать их к бокам, пытаться бросить на пол, сбивая с ног ударами по ногам. Все это лишь заставило Кочевника раскидать их ударами, схватить стул и начать им размахивать.

— Эй, друг! Давай брось это дело! — кричал один из них, но чего он хотел: чтобы Кочевник бросил драться или, наоборот, вызывал его на бой, осталось неизвестным, потому что стул врезался ему в левое плечо, он схватился за больную руку, откатился прочь и после этого уже мало чего говорил.

Пожилой с книгой смылся. Вторая официантка вопила: «Звоните копам! Звоните копам!» Официантка со скупом промасленной картошкой на лице мчалась к Кочевнику со столовым ножом, занесенным для удара, и Кочевник в приступе багровой ярости отгородился от нее стулом и оттолкнул, послав кувырком через другой стол.

— О Господи, прекратите! — крикнул кто-то, и Кочевник увидел повара в дверях кухни.

Тут самый храбрый (или самый глупый) из трех молодых людей обхватил его сзади за шею и попытался повалить на пол. Кочевник бросил стул и задергался, как маньяк, освобождаясь. Кровь стучала в висках, перед гла-

зами кружились темные пятна. Он двинул нападавшего локтем в ребра, еще раз, тот ухнул от боли, и Кочевник вырвался, обернулся, ударил правым кулаком так, что челюсть съехала набок. Второй удар в лицо завершил дискуссию, и враг помчался к двери, закрывая окровавленный рот.

На том могло и кончиться, если бы официантка не метнула в Кочевника бутылку кетчупа.

— Чтоб ты сдох, мать твою! — взвизгнула она при броске, давая Кочевнику нужное время, чтобы уклониться и спасти собственный череп, но бутылка вылетела, разбив по дороге окно. И тогда Кочевник, у которого в голове вопил Джордж, умоляя прекратить, но которого схватил и не отпускал почти галлюцинаторный катарсис битвы, подобрал другой стул и запустил в официантку. Она присела, стул пролетел над головой и врезался в «Арго», нарисованный корабль в нарисованном море, оставив в стене пробоину величиной с тарелку, над самой ватерлинией.

И через две секунды после этого повар выскочил из кухни с пистолетом в руках. Морда у повара была красная, он наставил пистолет на Кочевника, палец на спуске, и заревел:

— Пристрелю, сволочь! Я тебя...

Пистолет выстрелил.

Кочевник только успел вздрогнуть, когда пуля просвистела мимо левого уха и вслед за бутылкой кетчупа вылетела на улицу. Повар смотрел на пистолет с ужасом, как на плюющуюся кобру. Кочевник пошатнулся в сторону, уперся в стену кабинки, в которой раньше сидел, и увидел, что повар опять наводит на него пистолет.

— Ни с места! — крикнул повар, но тут чашка кофе, брошенная Кочевником, взлетела в воздух, повар вскинул руку, чтобы закрыться, и пистолет выстрелил снова — то ли случайно, то ли намеренно.

Пуля пробила круглую дырочку в красном виниле кабины. Кочевник увидел, как ствол ищет его. В отчаянии или в безумии он схватил со стола еще что-то, метнул, и кусок целебного кварца ударил повара в ключицу, заставил отшатнуться и упасть спиной на раненый корабль.

Кочевник бросился вперед, на повара, опустил голову и ссутулив плечи для столкновения. Он сам был собственной пулей.

Но не успел добраться до цели, как официантка с пола ухватила его за ноги, он споткнулся, однако инерция была такова, что повар не успел поднять пистолет, и Кочевник влетел в него с такой силой, что они чуть не провалились через «Арго» в Древнюю Грецию или хотя бы в кухню. Схватка пошла лицом к лицу, повар пытался наставить пистолет на противника, Кочевник пытался прижать его руку. И тут Кочевник ударил его головой, и повар разжал пальцы — пистолет оказался у Кочевника.

— Беги! — крикнул повар и — истинно храбрая душа — попытался оттолкнуть Кочевника, чтобы официантка успела выбраться. Она бросилась бежать, тогда повар выпустил футболку Кочевника и тоже пустился наутек.

Кочевник оказался в «Аргонавте» один, с тремя кровавыми полосками на лице и с пистолетом в руке.

Слышались приближающиеся сирены.

Огонь в душе Кочевника угасал, но угли еще тлели. Положив пистолет на стол, он прислушался к сиренам. Тоже музыка своего рода. Ариэль как-то могла бы эту ситуацию использовать. Записать так, чтобы ты почувствовал досаду, и боль, и грусть, как будто сам ее проживаешь. Потому что, если честно и откровенно, она умеет писать песни куда лучше Кочевника.

На улице за разбитым окном замигали красные и синие огни. Сколько машин там точно, непонятно, но похоже было, будто у копов тут съезд. Кто-то там орал —

кажется, это был голос той стервы-официантки, набравший столько децибел, что перепонки рвались.

Он очень, очень плохо себя вел.

— Бог ты мой, — сказал он, хотя не верил в Бога, но к кому еще взывать, когда дерьмо хлынуло на вентилятор?

С улицы заговорил ревун:

— Эй там, в здании! Бросайте оружие в окно, руки на голову и выходите на улицу! Обойдемся без жертв.

Кочевник уставился на поврежденную стену, на разбитую фреску, и тень его танцевала в мире красных и синих вертящихся огней. Бедняга облажавшийся Язон, подумал он. Стоит себе у мачты, направляет корабль, ни разу в жизни с места не сдвинувшийся. Верит, будто куда-то плывет на самом деле, приближается к Золотому руну.

По-хорошему надо бы пристрелить этого Язона с аргонавтами, чтобы не мучились.

Громкоговоритель повторил свое обращение, но на этот раз последнюю фразу не сказал.

Кочевник схватил ближайший стул и стал сбивать фреску, разрушая стену. Когда стул развалился на части, он взял другой и продолжал пробивать дыры в идиотской мечте Язона. Второй стул сломался, Кочевник взял третий, и это была тяжелая работа, очень тяжелая, но он был настроен закончить начатое, он не из тех, что сбегают от трудностей, никогда сын Дина и Мишель Чарльз не сделал бы такого, и он еще работал изо всех сил, когда в окно влетели две гранаты в форме торпед, и он даже не повернулся, ему плевать было, потому что он был занят освобождением Язона, и газ закрутился вокруг него лиловыми змеями, и кожу начало жечь, глаза невольно закрылись, потому что их захлестнуло жидким огнем, и он продолжал качаться в темноте, потому что только это умел делать.

Он стоял на коленях среди разбитых стульев, когда они вошли, вошли как из другого мира. Как идиотское соединение людей-лягушек с борцами в масках из комикса «Из неведомых стран».

Ему завели руки за спину, защелкнули белые пластмассовые путы на запястьях и лодыжках и потащили прочь, словно вчерашний мусор.

Часть четвертая

«СТОУН-ЧЕРЧ»

Глава четырнадцатая

Не так уж плохо было. В мотелях бывали условия хуже даже за деньги. Но этот ярко-оранжевый костюм — это уже смешно. Эта хрень сама по себе светится и еще пульсирует под веками, когда закрываешь глаза. И крупными черными буквами слово «ТЮРЬМА» тоже не приколно.

Но в сложившейся ситуации на Кочевника тюрьма графства Пима произвела благоприятное впечатление. Чистая, хорошо содержится и скорее похожа на ночлежку — с очень суровыми правилами — для бездомных. Камеры-клоповники в современную эру физической изоляции не выжили: сейчас камеры — это ячейки с передней стенкой из небьющегося стекла. В каждой камере восемь заключенных, и восемь камер составляют так называемый модуль, у каждого модуля — свое дневное помещение. Всюду хорошее радостное освещение, кондиционер поддерживает прохладу. Разрешены книги, журналы и телевизор. Он и самого себя видел на экране телевизора, даже несколько раз. Стал здесь настоящей знаменитостью.

Было около десяти часов утра вторника. Кочевник находился в тюрьме уже пятьдесят четыре часа, но кого это интересует? Ему было все равно, что он дошел до конца этой конкретной дороги. Во всей этой истории он так держал язык за зубами и так плевать хотел на все, что су-

дья решил погонять его по психиатрическим экспертизам. Кочевник только пожал плечами.

— Да делай что хочешь, — сказал он этому Вашачеству. — И хрен с ним со всем.

Из чего ничего не вышло хорошего. Пока что он здесь застрял, поскольку Вашачество отложил решение о залоге до тех пор, пока снимется вопрос насчет психа и сколько-то там высоколобых не подадут триста тридцать три заключения насчет умственного состояния Кочевника. Но сейчас ему все равно никуда не надо, «The Five» больше нет, все кончено, так чего тут не поошиваться?

Свой разрешенный звонок он сделал в медицинский центр университета и попросил найти Ариэль.

— Джон? — спросила она. — Ты где?

— Где-то тут. Что там с Джорджем?

— Говорят, что должен выжить. Еще не уверены, но утверждают, что жизненные показатели выглядят неплохо. Джон, скажи, где ты?

— Да я вышел поесть. Может, слишком далеко зашел. — Слышно было, как заорал в приемнике какой-то пьяный. Копы быстренько устранили беспорядок, но Ариэль, наверное, тоже услышала. — И какое-то время не смогу вернуться.

— Что там за шум?

— Бурное веселье.

— В воскресенье утром?! Что это за телефон у тебя? И что с голосом?

— Слушай. — Голос у него был усталый и сорванный — слезоточивый газ голосовые связки не гладит. Он был вымыт, вся лиловая краска с волос смылась, и ему разрешили свернуться в камере временного содержания, пока не наберется сил говорить. — Я рад, что Джордж выкарабкается. А мне придется какое-то время пробыть там, где я есть, так что вы не волнуйтесь, о'кей?

— Джон! — По голосу было слышно, что она поняла. — У тебя неприятности?

— Небольшие.

— Скажи, где ты! — сурово потребовала она. — Я серьезно!

Кочевник позволил себе слегка улыбнуться. От этого натянулись царапины на левой щеке, блестящие розовым дезинфицирующим раствором. Он никогда не видел, чтобы Ариэль сердилась, никогда не слышал, чтобы она вышла из себя. Но сейчас она, судя по голосу, была к этому близка. Это было бы зрелище, подумал он. Ариэль Коллиер, проникнутая сочувствием ко всему космосу, вдруг звереет.

— Возвращайтесь в Остин, — сказал он. — Ты, Терри и Берк. Когда Эш сюда доберется, скажи ему... не знаю, просто скажи, чтобы он вас по домам развез. — Пьяный хмырь на регистрации ревел насчет своих прав и всего прочего, а три копа тащили его во временную камеру. — Возвращайтесь и начинайте снова.

— Начинать снова? Это как? Ты о чем? Мы все еще «The Five», Джон. Нам ничего не надо начинать сначала.

— Надо, надо. Поверь мне.

— Что ты натворил?

— Я не хочу об этом говорить. Езжайте домой, — сказал он.

И он замолчал. Замолчала и она, и он не знал, что она думает, но сам он думал, что на этот раз он реально подвел команду, облажался по полной как раз тогда, когда был больше всего нужен, и смотреть ей в лицо и видеть ее разочарование он бы сейчас не мог. Не мог бы смотреть в глаза никому из них, но ей особенно, потому что... потому что думал, что на самом деле ей «The Five» не нужна, у нее таланта хватило бы делать свое, и за последние три года он это понял, но молчал. Никогда не предлагал

ей хотя бы подумать на эту тему, потому что он — император, а императоры умеют скрывать зависть под лакированной жестяной короной.

Он вспомнил, как она еще в Свитуотере сказала: «Я по-прежнему с тобой». И ее верность была ему как нож в сердце. Она теряла время в этой любительской группе — потому что именно такая она, «The Five». Группа, выдающая фонтаны овсяной каши, чтобы ее запили водопадом дешевого пива. Поломанный и печальный торговый автомат. Одна песня — «Когда ударит гроза» — погоды не делает. Он знал, что Ариэль и гитарой владеет, и поет, и песни пишет лучше, чем он, и считал, что это он на нее давит свинцовой волей, не дает взлететь и найти свой путь, потому что — благослови ее Христос! — это она и имела в виду, говоря: «Я по-прежнему с тобой».

Значит, настало время собраться с духом и это сказать.

И он сказал:

— Ты должна сама действовать... — Он запнулся, прокашлялся. — Собрать собственную группу. Возглавить ее. Слушать исполнителей, добиваться того звучания, которое тебе нужно. Ты можешь. Ты могла бы сделать это сразу, как ушла из «The Blessed Hours», если бы захотела.

— Нет, нет, — ответила она тихим ошеломленным голосом, как ребенок, которому велели уйти из дома. — Нет, нет!

— Ты *можешь*, — сказал он ей. — И группа будет полностью твоя. Что тебе не нравится?

Он вспомнил времена, когда они вместе работали над песнями и он ее подавлял как каток, подминал под себя, когда она вносила предложение транспонировать мелодию в другую тональность или убавить там, прибавить здесь... Даже понимая в глубине души и мрачно досадуя, что она права — *обычно* права, он не мог выпустить уп-

равление из рук. Как только она сообразит, что на самом деле он ей не нужен, куда ему деваться?

Но сейчас — дело другое. День стал ночью, верх стал низом. Майк убит, Джордж ранен, «Арго» затонул в океане пробитой стены, «The Five» сыграла свой последний концерт, и на это место, Джонни, уже нет дорожной карты.

— Я не могу, — ответила Ариэль. — Не могу расстаться со своей семьей.

— С семьей? — Невероятно саркастически прозвучало это слово. — Кучка народу, разъезжающая в разбитом фургоне, — ты про этих? — Он заколебался, но когда она не ответила, договорил, потому что кровь стучала и он был готов ранить ее больно, чтобы заставить уйти. — Музыкантов — дюжина на сраный грош, — сказал он. — Группы распадаются каждый день, так что тут такого страшного? Когда такое случается, идешь и цепляешься за другую кучку ничтожеств. Ну, побыли мы вместе какое-то время, хорошего и плохого хлебнули, но это еще не делает нас семьей. Вот уж никак.

— Хорошо, а чем? Чем это нас делает.

— Да ничем. Потому что нас больше нет, не просекла еще? И сейчас, если хочешь жить в стране радуг и лунных бликов, то ради Бога. Но я живу не там, и я тебе говорю: «The Five» больше нет. О'кей? И я не вернусь, так что вы с Берк и Терри грузитесь в Остин и делайте все, что вам, блин, надо будет. А меня нет.

— Ты не всерьез.

— Слушай, хватит за меня цепляться! — сказал он с большей, быть может, едкостью, чем ощущал. — Либо собирай свою группу, либо мотай домой в Массачусетс, но перестань, блин, цепляться за неудачников вроде Нила Тэпли. Хочешь спасти больных собак — иди в ветеринары.

Он знал, что это удар сильный, потому что Ариэль изо всех сил пыталась снять Нила Тэпли с крэка, с колес и всего того, чем он грузил себя, борясь с депрессией, но и ей не хватило сил, чтобы удержать его от улета с двухполосного шоссе на разбитом «вольво». Кочевник не знал, вся ли эта история и был ли там «роман» — как называют это в старых жутких британских книжках, — но он давно понял, что Ариэль ищет кого-то, в кого верить, на кого уповать, за кем идти.

Детка, так это не я.

— Уезжай в Остин, — сказал он уже опустошенным голосом. — Просто уезжай, и все.

И все равно она его не оставила. Заговорила тихо, но в голосе слышался скрежет:

— Ты знаешь, что мы в новостях по всем каналам? Передовица в утренней «Стар», с картинками. «Эн-би-си», «Си-би-эс», «Эй-би-си», «Фокс» и «Си-эн-эн». Про снайпера теперь знает вся страна. Ты телевизор не смотрел?

— Нет.

— Ты нам нужен здесь. Берк и Терри со мной согласны. Где бы ты ни был, возвращайся.

— Нет, — повторил он очень твердо и повесил трубку.

Эй, амиго! Так это тебя по телику показывали? Это ты?

В воскресенье рано утром за ним пришел служитель.

— Там капитан полиции Гарца, — сказал он. — Хочет тебя видеть.

— Нет, — повторил Кочевник и вытянулся на койке. Служитель вышел, и больше от капитана Гарца ничего слышно не было. Как и от кого-либо другого.

И это было неплохо. Чистая койка, хорошая еда, полно народу, с кем поговорить, когда он решит, что хочет разговаривать. Мало ли отличных музыкантов отсидели срок? Неплохо, нет. Вот только эта флуоресцирующая

оранжевая роба с буквами «ТЮРЬМА» на спине не нравится. Но такое унижение вполне можно вынести.

Он подметал пол в дневном помещении, когда за ним пришли двое бандитов. Не заключенных, а охранников. Моатс, с бритым черепом и родимым пятном на лбу — Кочевника предупредили другие парни, что смотреть на это пятно не надо, потому что Моатс ну очень, очень, *очень* не любит, когда на него пялится такая шушера, как они, — и Кингстон, черный тощий парень с бородкой, с напряженной полуулыбкой на лице и татуированными змеями на веревках-мышцах предплечий.

— Чарльз, — сказал Кингстон, — там тебя хотят видеть. Пряш шаз.

— А кто? — спросил Кочевник.

— Шевелись давай, — сказал лысый с пятном и ткнул большим пальцем в сторону красной стальной двери.

— Никого не хочу видеть, — ответил Кочевник.

— Тебя не спрашивают, — сказал Кингстон. — Оставь щетку и пошли.

Кочевник прикинул варианты. Эти двое стояли перед ним, не напряженные, но готовые. Серьезные ребята, дело знают и шутить не будут.

Он оставил щетку и пошел за Кингстоном. Лысый шел сзади почти вплотную.

Кингстон сунул в слот двери пластиковую карту, потом отпер дверь ключом. Кочевник вышел в голый коридор, выкрашенный серовато-белой краской, с дверями по обе стороны. Дверь за ним закрыли и заперли. Моатс дал ему тычка в спину — просто так, потому что мог.

Кингстон открыл другую дверь, уже без ключа.

— Заходи, — велел он. — Садись и жди.

Потолочные флюоресцентные лампы ровным светом освещали стол и три стула, один напротив двух других. Стены черные, такие же голые, как в коридоре. Доска

объявлений, на которой ни одного объявления не приколото. И здесь стоял запах, будто охранники забежали покурить тайком.

— А кого...

«...мне ждать?» — хотел он спросить, но Моатс и Кингстон уже вышли и закрыли дверь. Кочевник не слышал, чтобы повернулся ключ в замке.

Он сел на край стола лицом к двери. Хоть убей, не мог понять, в чем тут дело. В чем бы оно, впрочем, ни было, ему оно не нравилось. Было у него чувство, что если он сейчас откроет эту дверь, то может вернуться в камеру завязанный узлом.

Примерно через тридцать секунд дверь отворилась и вошел человек. В руках у него была коричневая папка. Он закрыл за собой дверь и взглянул Кочевнику в глаза лишь тогда, когда сел по другую сторону стола.

Они посмотрели друг на друга в упор.

— Вы влипли в историю, Джон, — сказал этот человек.

Первым побуждением Кочевника было мысленно пожать плечами и остаться сидеть с каменной мордой, как вели себя другие заключенные, когда пытались сделать хорошую мину под давлением или в отчаянии, но он этого делать не стал, потому что пришедший сказал правду и без выпендрежа, что следовало уважать. Все же Кочевник не ответил и несколько секунд просидел, пытаясь составить мнение о посетителе.

Это был мужчина лет пятидесяти, в хорошей физической форме. Седые коротко стриженные волосы отступали от висков и напоминали тугую шапку. Выбрит так чисто, будто бритва для него — предмет культа. Военный? Густые брови все еще черные, глаза — бледно-голубые, как небо. Квадратный подбородок героя комиксов, но искривленный нос боксера, которому несколько раз крупно не повезло на ринге. Одет в джинсы и темно-серую

тенниску. Кочевник успел заметить, что у него черный ремень и черные кожаные туфли с дырочками. Рост где-то шесть футов с дюймом, широкие плечи, руки такие, будто он зарабатывает на жизнь колкой дров. На кистях выступают вены — один из немногих признаков, что годы берут свое. На лице несколько глубоких морщин, очерчивающих рот и углы глаз, но нет той обвислости, которая появляется у людей к старости. Той грусти по упущенным шансам и вчерашним дням, уплывающим в зеркале заднего вида. Скорее этот мужик был похож на человека, не упустившего ни единого представлявшего-ся шанса. Глаза живые и острые. На пальце тонкое золотое обручальное кольцо, часы на руке хорошие, но не кричащие. Обе ладони плоско лежат на коричневой папке, которую гость положил перед собой на стол.

— Кто вы такой? — спросил Кочевник.

— Меня зовут Труитт Аллен, агент Федерального бюро расследований в Тусоне. Документ показать?

Он потянулся за бумажником.

ФБР, подумал Кочевник. Почти военный. Крутой мужик явно. Все же Кочевник ответил:

— Неплохо бы.

И подождал, пока ему показали раскрытый бумажник, откуда блеснул золотой щит и удостоверение с улыбающейся деловитой физиономией Аллена.

— О'кей. А теперь — хотите посмотреть, кто убил Майка Дэвиса и ранил Джорджа Эмерсона?

Вопрос подействовал, как двойной удар сразу в грудь и в живот.

— Как? — сумел прохрипеть Кочевник.

— Вот он. — Аллен вытащил из папки лист бумаги и подвинул к Кочевнику. Это была цветная фотография мужчины, глаза в тени. — Последняя фотография с водительских прав. Его зовут Джереми Паркер Петт, родил-

ся пятого января тысяча девятьсот семьдесят восьмого года в Рено, Невада. Видали его когда-нибудь?

Кочевник был ошеломлен. Кажется, он покачал головой:

— Нет.

Аллен дал ему еще некоторое время поглядеть на это лицо, потом вернулся к папке.

— Врачи дают мистеру Эмерсону восемьдесят из ста, что он поправится.

— Это хорошо. Э... гм... спасибо. А почему... — Кочевник никак не мог составить вопрос, пришлось подождать, пока слова придут. — Почему этот самый... Петт... нас...

— Вы это поняли, да? Что Джереми Петт охотится за вами? Точнее было бы сказать, за вашей группой.

Кочевник с трудом проглотил слюну.

— Что мы ему сделали?

— Мы об этом поговорим, — сказал Аллен, не отводя глаз. — Но сперва поговорим на другие темы. Вы побледнели. Дать воды?

— Нет, все в порядке.

— Вы уверены?

— Да, — ответил Кочевник и не покривил душой. Сделав глубокий вдох, он медленно выдохнул. — Это... я такого не ожидал сегодня. Так как вы выяснили, что это он?

— Потом. Сейчас надо поговорить о вашем будущем. Я так понимаю, вы отказались встречаться с капитаном Гарца, когда он сюда пришел. Я беседовал с мисс Коллиер о вашем с ней телефонном разговоре. Можно было бы подумать, что вы хотите здесь затаиться и подождать, пока мир перестанет вертеться. Это так, Джон?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Хм, — сказал Аллен. — Прошу прощения, но это не выйдет. Вы сейчас мне слишком нужны, чтобы я мог себе это позволить.

— Нужен? Зачем?

Аллен чуть подался вперед, все еще держа руки на папке, где была фотография Джереми Петта.

— Я хочу вас отсюда увести, — сказал он. — Сегодня. Точнее... — он глянул на часы, — в ближайшие полчаса.

— А как же! — Кочевник не смог сдержать психованной усмешки. — Вот так взяли и вышли из тюрьмы. После всего, что я натворил? Прямо шаз!

— Да, прямо сейчас, — спокойно подтвердил Аллен.

Кочевник уставился ему в глаза, ставшие какого-то кремневого цвета.

— Вы серьезно? Как, хрен его подери, я могу отсюда выйти? Я заключенный!

— Очень просто. Я вас выведу.

— Вы можете... вывести меня отсюда? Ни хрена себе. — Он откинулся на спинку стула. Ему хотелось засмеяться, но вряд ли Труитту Аллену это понравится, а Кочевник решил, что Труитта Аллена зря доставать не стоит. — Вряд ли это просто. Не знаю, в чем тут дело, но это непросто.

— Да, вы нанесли некоторый ущерб. Сорвались с нарезки, так сказать. Но после того как вас сюда поместили, прояснились некоторые моменты.

— Какие еще моменты?

Настал черед Аллена откинуться на спинку стула и скрестить ноги в лодыжках. Кочевник отметил, что носки у него одного цвета с тенниской.

— Первое: стена, которую вы разломали. С фреской.

— Да, так что?

— Строительный инспектор обнаружил, что там был проложен провод, и прокладка не соответствует нормам. Если бы вы не разбили стену, здание рано или поздно загорелось бы. Так что вы спасли ресторан, и владелец может быть вам благодарен.

— Наверняка будет, — язвительно отметил Кочевник.

— Повар ночной смены не имел разрешения на этот пистолет, — продолжал Аллен, и выражение лица у него было точно как на удостоверении. — Так что он сам в трудном положении. У официантки, на которую вы напали, свои скелеты в шкафу, несколько штук. Есть и крупные — например, ее разыскивают под ее настоящим именем за продажу кристаллического метамфетамина два года назад в Амарилло. Похоже, что ее нынешний бойфренд варит ту же дрянь в съемном доме на Северном Эдит-бульваре.

— Я смотрю, вы много накопили.

— Столько, что теперь их всех закапывать можно.

— Я же человека ударил в зубы. Кажется, челюсть ему сломал. — Кочевник склонил голову набок. — Или вы сейчас скажете, что ему нужна была операция на деснах и я ему деньги сэкономил?

— Нет. Это студент университета, отличник, отец у него банкир. Ярый болельщик «Уайлдкэтс». Второй, которому вы вывихнули плечо, играет на тромбоне в маршевом оркестре. Так что... обвинения в нападении и избиении с вас не сняли?

— Не знаю. Так что, сняли или нет?

Губы Аллена медленно растянулись в улыбке, но глаза оставались холодными.

— Крутой настоящий парень, злой на весь мир? Который вам что-то задолжал?

— Вовсе нет. Мне никто ни хера не должен.

— Мне бы хотелось, чтобы вы не употребляли это слово.

— Какое?

— Не прикидывайтесь глупым. И почему это вы все время его говорите? Так часто, что оно уже ровно ничего не значит. Вместо любого другого слова. Просто мозги у вас ленивые, раз не можете найти иного термина.

— «Вы» — это кто? — уточнил Кочевник, как можно лучше стараясь изобразить прищур Клинта Иствуда.

— Молодежь, — ответил Аллен. — Если это голос будущего, я рад, что проживу не слишком долго, слушая оный.

— Это ваша проблема, — сказал Кочевник, жалея, что у него сейчас нет сигареты, потому что освященная временем традиция тюремных фильмов требовала сейчас пустить струйку дыма в рожу этому старперу.

Или нет. Потому что Кочевнику не особенно хотелось попадать в лазарет, а обладатель таких имени и фамилии наверняка не одному человеку обеспечил гипс надолго. И вообще: заводиться с агентом ФБР, даже с таким чудиком? Лучше не надо.

После долгой паузы, когда, казалось, слышно был тиканье наручных часов этого типа, Аллен сказал:

— Давайте лучше о вашей проблеме, Джон. Потому что она, похоже, в ближайшее время никуда не денется.

— И что это за проблема?

— Джереми Петт, — был ответ. — Видите ли, мы думаем, что в мистера Эмерсона стреляли с верхнего уровня крытой парковки. Латуни мы не нашли, он за собой убрал, но мы полагаем, что достаточно точно рассчитали траектории пуль. Действительно, это был выстрел сверху. Трудный выстрел. Знаете, на каком расстоянии от крытой парковки был ранен мистер Эмерсон? — Он не стал ждать догадки, тем более что Кочевник не собирался догадываться. — Через улицу и еще три квартала. У него был обзор только в щелочку, но он нашел позицию, чтобы виден был фургон, и сидел там, быть может, несколько часов. Просто ждал, чтобы кто-нибудь вышел после представления. Без разницы, наверное, кто это будет, лишь бы из вашей группы.

— Джордж — наш менеджер, — сказал Кочевник. — Он на сцену не выходит. Как же этот х... этот тип узнал Джорджа?

— Мог видеть его на каком-нибудь вашем представлении...

— Концерте, — поправил Кочевник, просто ради того, чтобы поправить.

— Да, спасибо. Или, как я собирался сказать, мог хорошо рассмотреть мистера Эмерсона, когда разглядывал вас на той заправке в Свитуотере. Будем иметь в виду, что Петт наверняка заглядывал на вашу страницу в сети, в чем сомневаться не приходится, и отметил все ваши останки в этом турне. Я с вами чего-нибудь добился? Сумел вам объяснить, насколько серьезен этот молодой человек?

Добился. Кочевник нахмурился, уставился на зеленые плитки пола, но там ответов не было.

— Зачем он хочет нас убить? Мы ничего ему плохого не сделали.

— Насколько вам известно, — уточнил Аллен.

Кочевник снова поднял голову, посмотрел в глаза гостя.

— В каком смысле?

— В том, — сказал Аллен медленно и продуманно, — что Джереми Петт вряд ли прекратит свою работу — для чего бы она ни делалась и что бы ни вызывало его злость, — пока не будет удовлетворен. Я вам хотел сказать, что мистер Эмерсон...

— Джордж. Его зовут Джордж.

Кочевника трясло в ознобе и било в лихорадке одновременно. Кондиционер, что ли, плохо работает?

— Пусть Джордж. Я вам хотел сказать, что Джорджу очень, очень повезло. И что в университете — одна из лучших бригад экстренных хирургов в стране, и что к ним он

попал еще до истечения, как они это называют, «золотого часа». Но со временем его оттуда вывезут, и тогда...

— Стоп! Что значит «вывезут»? Он останется калеккой?

— Нет, он будет ходить, но пуля в груди навредила ему очень сильно. Процесс выздоровления будет далеко не быстрым.

— От блин! — выдохнул Кочевник и чуть не хряснул кулаком по столу. Но все же сдержался, хватит уже этого за последнее время.

— Он поправится, — сказал Аллен. — Но в самом лучшем случае он несколько недель проведет в интенсивной терапии, и его будут тщательно наблюдать, чтобы не было инфекции или других осложнений.

— Вы говорите так, будто там побывали.

— Не лично, но там побывал кое-кто из моих знакомых. — Он снова посмотрел на часы. — Через пару минут в дверь постучат. Вам принесут вашу одежду и обувь в свертке коричневой бумаги и содержимое ваших карманов в пластиковом пакете. Вам придется заполнить и подписать несколько бланков. Я выйду в коридор, оставив вас одного. Вы только оставьте форму и тюремные башмаки на столе. Потом мы пойдем по коридору к другой двери, через нее пройдем, минуем дежурного на посту охраны — вы не будете с ним заговаривать и на него смотреть — и выйдем на парковку к моей машине. Вы понимаете, что для вашего освобождения мне пришлось дергать за много ниточек и набрать на себя много обязательств?

— Понимаю. Но зачем?

Аллен встал со стула, держа папку в руках.

— Пойдете со мной, и я вам объясню зачем. А заодно и расскажу вам историю Джереми Петта. — Он направился к двери, остановился. Кочевник отметил, что движения у него экономны, как у человека, который умеет

за себя постоять в бою. Все же военный? Может, больше, чем ФБР?

— Что-то мне не хочется отсюда уходить, — сказал Кочевник. — Кажется, здесь безопаснее, чем там, где за мной гоняется снайпер.

— В таком решении есть одна большая проблема, сынок.

«Сынок»?

Кочевник чуть не дернулся. Будто сандвич с сыром откусил.

— Трое ваших согруппников не здесь, не с вами. И чтобы их уберечь... вам придется мне помочь поймать Джереми Петта.

В дверь постучали.

Аллен открыл ее и вышел. Вошел Кингстон, принес сверток с одеждой и обувью и пластиковый пакет с барахлом из карманов. Потом положил на стол шариковую ручку, планшет, где было несколько бланков, и вышел, не сказав ни слова.

Кочевник сидел, глядя на свои пожитки. К добру или к худу, но императору вернули одежду.

Он разорвал пакет и снял с себя тюремную робу.

Глава пятнадцатая

Кочевник понял, что он, может, и не в тюрьме, но и не на свободе точно. Это ему четко сказали дверные замки черной «Акура ТЛ» Труитта Аллена, шелкнувшие при включении двигателя. Салон автомобиля был непривычно для Кочевника прибран, нигде не завалялась ни случайная салфетка, ни обертка от гамбургера. Даже при-

борная панель вытерта, и все металлические детали блестят параноидальным совершенством.

— Куда мы едем? — спросил Кочевник, когда машина тронулась со стоянки.

— В медицинский центр. — Аллен надел солнечные очки для защиты от палящего света. В профиль он походил на ястреба со свернутым набок клювом. — Там все ждут тебя.

— *Меня? И* кто эти все?

— Сиди отдыхай, — сказал Аллен.

Команда была одновременно и благожелательной, и настойчивой.

Кочевник подчинился, решив, что ничего другого ему не остается.

При подъезде к медицинскому центру он увидел толпу человек в сорок, стоящую поперек Ринг-роуд. Они собрались возле двух машин с телекамерами, одна от «Кей-би-оу-эй» и вторая от «Кей-эм-эс-би». Некоторые были одеты в длинные белые халаты и держали плакаты, написанные вручную. Кочевник успел увидеть, что на них было написано что-то вроде «Бог ненавидит музыку дьявола» и «Светская музыка славит Сатану».

— Это они против нас? — удивился Кочевник.

— Я думаю, против вашей музыки вообще, — ответил Аллен, заруливая на закрытую парковку. — Любой шанс засветиться на камере — и люди начинают суетиться.

Кочевник кивнул. У него был один секрет. Когда-то всех участников «The Five» просто поразило, что Майк Дэвис — фанат «Моби Дика». Так вот, они не меньше поразились бы, узнав, что с двенадцати лет, сразу после смерти отца, и примерно до четырнадцати Джон Чарльз был увлеченнейшим слушателем «Даблью-кей-ар-эс-эф-эм», радио классики в Детройте. Он открыл эту станцию, когда слушал «Оставайся больным» группы «Cramps»,

поздно вечером на собственном плеере, и пришла мать и просила — умоляла — его сделать тише. Так что он стал возиться с приемником, попадая на разные FM рок-станции, пока вдруг не услышал человека, рассказывавшего о какой-то симфонии Воскресения — потом оказалось, что это Вторая симфония Густава Малера. Этот человек — профессор-музыковед — рассказывал о вокальных партиях части пятой, переводил их с немецкого на английский, а остановил странствия Кочевника с канала на канал его спокойный, сдержанный голос, сказавший: «О, поверь, Ты рожден не зря».

Иногда, в темноте и в тишине, — особенно после смерти отца — он думал, зачем бы он мог быть рожден. Куда лежит его путь? Что должен он сделать в этой жизни? Для человека его возраста вопросы тяжелые, и ответов на них не было, и в темноте и тишине он слышал, как мать читает вслух стихи из Библии, иногда негромко плачет над ними, как будто то, что дает ей Библия, и близко не то, что ей нужно, и вот почему он приучился ненавидеть темноту и тишину.

Но эта странная музыка струнных и фортепьяно, труб и арф на «Даблю-кей-ар-эс» его захватила. Было в ней такое, что звало погрузиться в сон на сотню лет, было и то, что звучало войной. В ней можно было услышать вопросы, которые он задавал себе о жизни, — если их перевести на язык музыки. Время от времени возникал кусок, который мог бы быть маршем процессии призраков, идущих в полночь с лампадами через кладбище.

В чем-то вроде как «Старпс», только не так громко.

В публичной библиотеке он взял книгу «Жизнь композиторов» и сильно ее задержал, пока не прочел всю. Да, из этих парней многие хлебнули дерьма ведрами. Они писали при свечах, их выбрасывали на улицу за неуплату, их ненавидели, считали, что им нет места на земле,

раз они слышат в голове такое, чего не слышат нормальные люди.

Вот эти пикетчики. Ничего в этом нового, подумал Кочевник. Первое исполнение симфонии Воскресения в Берлине приняли в штыки. Потом этот русский, Стравинский. Когда в тысяча девятьсот тринадцатом впервые исполнили его «Весну священную», скандал был невероятный. И история про Моцарта — Майкла Джексона и Принца своей эпохи, — который написал оперу для императора, а тот возьми да и скажи: «Слишком много нот, милый мой Моцарт!»

На что Моцарт ответил: «Ровно сколько нужно, ваше величество».

Вот даже Моцарту, подумал Кочевник, приходилось иметь дело с людьми в костюмах. Хмырями, которые хронометрируют песни и смотрят ноты в поисках сингла. Убийцами оперы «Дастин Дэй».

Все как всегда.

Кочевник не мог не заметить возле больницы полицию. Патрульная машина медленно двигалась по Рингруд, вторая стояла перед больницей, где ее экипаж был виден и видел других. Аллен отыскал место примерно посередине парковки и заехал туда. Щелкнули, отпираясь, дверные замки. Кочевник вылез и за своим новым опекуном пошел в больницу. Коричневую папку Аллен нес с собой. Они прошли мимо лифтов, поднялись по лестнице. Аллен остановился в коридоре предъявить удостоверение полисмену, потом они вошли в тот самый зал ожидания, из которого Кочевник выходил в ночь на воскресенье.

Группа воссоединилась. Здесь были Ариэль, Терри и Берк, и вид у них был такой измотанный и усталый, будто это они провели две ночи под замком. Еще присутствовали трое других: молодой шатен в темно-синем костюме и в галстук в красную полоску, которого Кочевник

не узнал, зато узнал двух других: Эшваттхаму Валлампати и — неожиданно — Роджера Честера, РЧ из «АРЧ». Все, кроме неизвестного молодого человека с блютузовским наушником, сидели, когда вошли Кочевник и Аллен, а сейчас встали, демонстрируя хорошие техасские, оклахомские, массачусетские, калифорнийские и нью-делийские манеры.

— Ах ты собака! — нежно сказал Терри, улыбаясь и выходя вперед, чтобы похлопать по плечам. — Как тебе каникулы за казенный счет?

— Бассейна там нет, — ответил Кочевник. — Да позагорать фиг позагораешь.

Ясное дело, они знали, где он был. Капитан Гарца наверняка им в воскресенье сказал. В углу Кочевник заметил спальные мешки. Наверное, пол и диван не слишком удобны. Может, его согруппники мылись и переодевались в общественном туалете, но безмолвный рассказ завершали россыпь банок от газировки, бутылки из-под воды, обертки от конфет и батончиков «гранола». Ребята здесь торчат с самого утра воскресенья.

Берк подошла хлопнуть его по ладони и откомментировать следы горячего поцелуя у него на щеке. Вдруг прямо перед ним оказалась Ариэль. Он заглянул ей в глаза. Сегодня — сейчас — они были темно-серые, цвета дождя с тревожного неба. Он вспомнил свои слова, сказанные из тюрьмы графства Пима: «Хочешь спасти больных собак — иди в ветеринары».

И самое худшее: «Хватит за меня цепляться».

Потому что он знал, что на самом деле наоборот, и без присутствия Ариэль он боялся, что его гнев — на мир, на отца за то, что изменял матери и чертовски хорошо умел это делать, на себя за то, что и близко не так талантлив, как притворяется, — мог бы подняться и съесть Кочевника заживо.

Ариэль обняла его.

Она обхватила его руками, склонила голову к нему на плечо, и он понял, что самое восхитительное, самое невероятное...

...это то, что он не отодвинулся.

Несколько секунд они так простояли, а потом она посмотрела на него, кивнула, приветствуя его возвращение в семью, и он сказал немножко нервно:

— Мне вас не хватало, ребята.

— Джон! — Роджер Честер протянул ему коричневую руку, и Кочевник ее пожал. — Рад, что мы вытащили тебя из той ситуации.

У него был голос из тех, что заполняют все помещение. Подтянутый, чуть за шестьдесят, круглогодичный загар от гольфа или пребывания во втором своем доме на Косумеле. Черепаховые очки, слегка увеличивающие темно-карие глаза. Кудрявые белокурые волосы, аккуратно подстриженная борода. Модные синие джинсы, тщательно потертые, красная ковбойского стиля рубашка с жемчужными пуговицами под темно-синим блейзером. Кочевник видел его только один раз, в тот день, когда он и ребята подписали контракт о представительстве, и даже тогда это было кратко, потому что Роджер Честер просто остановился возле офиса Криди — спросить про новый диск от «I Died Yesterday», зомби-готской группы Криди. Криди — это Этан Крид, бывший агентом группы «The Five» в течение трех месяцев, пока его не перебросили в Майами на другую группу талантов. Карьеру «The Five» передали с рук на руки другому человеку из агентства, Эшваттхаме Валлампати.

— Привет, Эш! — сказал Кочевник, и Эш ответил со своим резким акцентом:

— Привет, Джон.

Эш его не очень интересовал, и он не думал, что Эша особенно интересует «The Five». Ему было двадцать шесть лет, высокий, по-модному худощавый, красивый экзотической красотой, сражающей техасских девочек — или мальчиков, поскольку не очень понятно, кого он предпочитает, — всегда ходит в черных костюмах, белых рубашках и неонового цвета галстуках. Иссиня-черные волосы всегда зачесаны строго назад и зафиксированы блестящей помадой. Пахнет от него горьким лимоном. Кочевнику еще всегда казалось, что у него на лице держится полуулыбка самодовольной надменности. Агентство Роджера Честера занималось примерно тридцатью группами и еще примерно дюжиной одиночек. У них была пара тяжелых хиттеров стиля кантри-вестерн: «Austin All-Nighters» и «Trailblazers», каждая из которых получила «Грэмми». Ими Роджер Честер занимался персонально, как и чудовищной хэви-метал-трэш группой «Shatter the Sky», недавно вернувшейся из европейского турне. Из остальных групп, сражающихся за внимание публики и место под ее солнцем, «The Five», вероятно, находилась в подвале с прочими дворнягами. По крайней мере Кочевнику казалось, что так видит ее положение Эш. Кочевник считал, что Эш вообще — сплошь разговоры, далеко идущие планы и полное отсутствие энергии, и его злило до шипения, когда Эш пожимал плечами и ни черта не делал, будто и не обязан.

Кочевник решил, что Эш на пути в Лос-Анджелес, и подумал, что его работа скорее быть нянькой при избалованных плаксивых детишках, чем профессионально раскручивать группу. Да, *что-то* он делает. Вот, например, организовал съемку у Феликса Гого и, очевидно, для пяти-шести других групп, которые курирует, тоже *что-то* делает, но Кочевник всегда помнил, как Эш один раз сказал у себя в кабинете: «Ваша группа нам денег не приносит, но мы вас держим из личной симпатии».

Кочевник с Эшем здороваться за руку не стали.

— Я в трауре по поводу этой трагедии. — Роджер Честер стоял к Кочевнику так близко, что слышался запах оранжевых конфеток «тик-так» в его дыхании. — Майк Дэвис был великим басистом, великим музыкантом. А Джордж Эмерсон... слава Богу, что он должен выжить.

Кочевник не думал, что Роджер Честер вообще знает, кто такой Джордж.

— Его родители здесь? — Вопрос был адресован Аллену.

— Они прилетели в ночь на воскресенье. Я с ними говорил, хорошие люди.

— Еще раз повторю: хорошо, что он выживет, — произнес Роджер Честер, будто снова беря управление в свои руки. — Итак, мистер Аллен... или надо сказать «агент Аллен»? Куда мы отсюда едем?

Кочевник уже полагал, что Аллен побывал здесь, говорил с Берк, Терри и Ариэль, а также с родителями Джорджа, но понятия не имел, о чем говорит Честер. Он нахмурился:

— Куда едем? В Остин, вот куда. Турне кончено. — Никто ничего не сказал. — Слушайте, если за нами охотится этот... — а, черт с ним, что там Аллен подумает, — хренов снайпер, так не лучше ли двинуть домой? Вы как думаете?

Он смотрел на Аллена и Честера по очереди.

— Не так все просто, — ответил ему Аллен, и в этой короткой фразе прозвучал приговор судьбы. — Присядем? — Он двинулся к одному из складных стульев, принесенных, чтобы на всех хватило. — Давайте сядем, и я вам расскажу, с чем мы имеем дело.

Кочевник сел на стул рядом с Ариэль. Он думал о том, что сказал в тюрьме Аллен: «Ты мне поможешь поймать Джереми Петта».

Когда сели все, кроме молодого человека в темном костюме, которого так и не представили и который остался стоять у двери, Аллен занял середину комнаты и открыл коричневую папку.

— Я уже вам сказал, как его зовут, но не сказал, кто он. — Аллен посмотрел на собравшихся. — Он ветеран морской пехоты. Два срока отслужил в Ираке снайпером, так что дело свое знает. Тренировка на снайпера в морской пехоте самая тяжелая. И учат их вот чему: одна пуля — один труп. — Он сделал многозначительную паузу. — В идеале — так. На поле боя не всегда получается. Но в послужном списке Петта тридцать восемь подтвержденных результатов и еще сорок два вероятных. Однако последний убитый за ним числится в две тысячи четвертом году, а сейчас — это сейчас. Он пережил тяжелые времена, оставившие на нем свой след. Наверняка позволил себе опуститься физически — и ментально тоже. Совсем не так остер, как был когда-то... Но он придумал себе какое-то Дело. Придумал задание, и в задачу явно входит ликвидация всех членов вашей группы. Он следовал за вами до Свитуотера и нашел себе позицию напротив той заправки. Наверняка ехал за вами всю дорогу от Далласа.

— Стоп! — Берк подняла руку. — Откуда вы все это знаете? Откуда вы вообще знаете, что это он и есть?

Она видела фото с водительских прав Джереми Петта — Аллен показал его сегодня утром, когда появился. Он сказал, что все объяснит, но сперва надо вытащить из тюрьмы Джона Чарльза.

— Полиция нам передала информацию от детектива Риос из Свитуотера. После вашего отъезда она сумела кое-что накопать. Полностью понять, что к чему, она не могла, но все выглядело так, будто стрелял профессионал. Она стала думать, не всколыхнул ли ваш ролик человека с военной биографией и с опытом стрельбы с дальней дис-

танции. Если так, то этот человек, очевидно, решил следовать за вами по местам ваших *концертов*. — Алленглянул на Кочевника: показать, что у него для человека его возраста хорошая память. — Скрадывать вас и отстреливать. По ее мнению, это похоже на военного снайпера. Вопрос был вот в чем: откуда он начал? Она взяла на себя труд позвонить сперва в полицию Остина, потом в полицию каждого города между Остином и Далласом.

— И что она искала? — спросил Кочевник.

— Рапорты о пропавших людях, поданные где-то около двадцатого числа. Проблема была та, что если снайпер подходит под психологический профиль, то живет он наверняка один в съемном доме или квартире, с трудом идет на контакт с людьми и ему трудно сохранять работу. Так что если он снялся и вышел за вами на дорогу, вокруг него могло никого не быть, кто бы это заметил. Но в нашем случае Джереми Петт... установил контакт, и нашлось сообщение о пропаже человека, которое привлекло внимание детектива Риос. Оно было зарегистрировано в понедельник, двадцать первого, в Темпле, штат Техас.

Аллен вытащил из папки другой лист, читая имя по бумажке.

— Менеджер дома, где снимал квартиру Петт, некто Тейо Салазар, сообщил полиции Темпля, что вошел в квартиру, открыв ее своим ключом, чтобы принести пакет лепешек-тамалес, поскольку, как он сказал, Джереми был очень удручен своим финансовым положением. В квартире он увидел кровь на ковре, на стене и в ванной. Вода из ванны была выпущена, но следы крови были очевидны и там. Обнаружен был также нож для резки картона и кое-какие лекарства. Поэтому мистер Салазар вызвал полицию, и она стала искать Джереми Петта, но найти его не удалось. Эта информация была передана детективу Риос, которая начала исследовать биографию

Петта. Выяснилось, что Петт — снайпер корпуса морской пехоты, награжден, вышел в отставку в две тысячи пятом году после второй битвы при Фаллудже. Обнаружилось, что он на свою кредитную карту покупал бензин на заправке в десяти милях к западу от той, где был убит Майк Дэвис. Время покупки — через двадцать с чем-то минут после смерти мистера Дэвиса.

— Ой, блин! — сказал Терри, ошеломленно выдохнув.

— Это еще не все. — Аллен оглядел слушателей холодными синими глазами. — В ночь на двадцатое он снова воспользовался кредитной картой, чтобы заплатить за номер в мотеле «Лассо».

Берк издала звук, будто ахнула на вдохе, но никто на нее не посмотрел. Кочевник с ощущением бешенства и растерянности сказал:

— Так этот гад был в мотеле вместе с нами? Блин. Что мы ему сделали, мать его?

Роджер Честер встал:

— Джон, спокойнее. — На самом деле он встал потому, что после перелета из Остина геморрой жег огнем, и на складном стуле ему лучше не становилось. Он посмотрел на Труитта Аллена. — Тут должно быть нечто большее, чем ролик. Убивают ли кого-то за то, что ролик не понравился?

— Не могу сказать. Но я знаю из опыта, что люди умеют у себя в мозгах создавать исключительные обстоятельства. Особенно те, кто не совсем в себе, — а я думаю, у нас именно такой случай. Такие люди создают сценарии, от которых бы глаза на лоб полезли у любого, кого мы назовем нормальным. Помните белтвейского снайпера в две тысячи втором году? В Вашингтоне, Виргинии и Мэриленде?

— Я помню.

— Десять убитых и трое тяжелораненых. Четверо убитых за одно утро, в течение двух часов. Если помните, оказалось, что это работа одного взрослого и одного мальчишки. Взрослый был сержантом во время войны в Заливе, эксперт по обращению с «М16». После поимки объяснил свои мотивы. Он намеревался убивать по шесть человек в день в течение месяца. Собирался вытребовать у правительства миллионы долларов, чтобы прекратить убийства, потом поехать в Канаду, останавливаясь в гостиницах ИМКА и сиротских приютах, чтобы набрать детей, которых можно подготовить на снайпера. — Аллен приподнял черные брови. — Собирался быть отцом-командиром армии юных снайперов. Их предполагалось послать в главные города США ради массовой стрельбы. Безумие? Для нас — да, а для него — вполне осмысленно. Достижимая цель, в которую, прошу прощения за каламбур, стоит метить.

«Не хрен тут хихикать», — хотел сказать Кочевник, но промолчал.

— Я хочу отметить, что проверка принадлежащих Джереми Петту лицензий на огнестрельное оружие выявила наличие «Ремингтона 700 СПС», стреляющего такими же дальнобойными пулями для «винчестера» триста восьмого калибра, как те, которыми был убит Майк Дэвис и ранен Джордж Эмерсон. Винтовка аналогична тем, которыми он работал в Ираке, и при хорошем оптическом прицеле и на открытой местности стрелять он может на пятьсот и более ярдов. Возможно, не каждый раз попадая, потому что кое-какие навыки он растерял и у него нет наводчика. У него также есть автоматический пистолет сорок пятого калибра, и на близком расстоянии он тоже может быть опасен, но я думаю, он больше доверяет себе как снайперу, чем как стрелку из пистолета. — Аллен невесело улыбнулся. — Это его основное умение.

— Так найдите же его! — Кочевник сам услышал, что голос у него слишком напряжен. — По кредитной карте выследите или как-то еще там! Вы знаете, на какой он машине ездит?

— Как раз перед моим приходом к вам в СМИ были переданы номера его машины и описание его самого и его пикапа. Сегодня должны начать показывать по местным каналам, как только будут готовы. А кредитной картой он пользоваться перестал. Последняя покупка — бензин в Эль-Пасо, двадцать третьего во второй половине дня. Где-то раздобыл денег. Может, пистолет заложил — кто знает?

— Ну хорошо, — сказал Терри. — Но разве нельзя... ну... как-то оповестить все мотели в городе и попытаться его обнаружить? В смысле... это ведь не очень трудно?

— Мы над этим работаем, но пока ничего не нашлось, — ответил Аллен. — Я люблю свой город, но сам первый вам скажу, что здесь полно гадючников с почасовой оплатой, в которых он может скрыться, а если он платит вперед наличными, то никто ни удостоверения не спросит, ни номеров машины записывать не будет. Он может останавливаться не под своим именем. Пусть этот человек уже не тот, что был, но тренировка морпеха куда не делась, и импровизировать он умеет.

— Может быть, он уехал? — предположила Ариэль. — Решил, что Майка и Джорджа ему достаточно.

— Может быть. Зависит от того, что у него в голове творится.

— Но ведь он мог уехать? — Взгляд Роджера Честера сделался резче. — Вероятность есть?

— Вероятность есть, — согласился Аллен, хотя и осторожно. — Вполне может быть сейчас в Мексике.

— Для «The Five» это было бы неплохо. — Честер по очереди оглядел членов группы и сосредоточил взгляд на

Кочевнике, поскольку Эш его проинформировал, кто в группе лидер и кто принимает решения. — Вам известно, Джон, что за последние двое суток ваша группа продала почти двадцать тысяч дисков?

У Кочевника отнялся язык. Казалось, этот голос звучит из другого мира.

— Двадцать *тысяч*?

У Берк сорвался голос. Язык не привык к таким цифрам.

— Восемнадцать тысяч триста сорок шесть было час назад, и это только новые диски, — ответил Честер. Его голос наращивал силу, снова заполнял всю комнату. — Заказы идут со всех концов страны, из Мексики и Канады. Начинают появляться заказы из Англии, Франции, Нидерландов и Германии. По предыдущему каталогу тоже продажи тысячами, а скачиваний синглов на iTunes к девяти часам утра было более сорока тысяч. Число заходов к вам на YouTube и MySpace зашкаливает, а в ночь на воскресенье ваш сайт уронила трафиком. Вы в первых строках новостей — видео и почтовых — на Yahoo. Ваша история во всех газетах. Сегодня звонили из журнала «Пипл». Новость про снайпера повторяется каждый час на «Фокс» и «Си-эн-эн». Она попала в сеть «Уорлд ньюз нетворк». — Он перевел дыхание, лицо у него горело. — Мне не надо вам рассказывать, что могут сделать национальные — поправка: международные — СМИ для продукта и для исполнителей, — сказал он. — Нам всем повезло, что вы так хорошо смотрите в телевизоре.

У Кочевника кружилась голова. И даже слегка поплохело. Как можно быть счастливым — в такую минуту? До него дошло, что группу вдруг постиг невероятный успех, хотя единственное, что изменилось в эти два дня, — за ними стал охотиться снайпер, репортеры за это уцепились, и публика заинтересовалась. Он подумал, что

многие из этих дисков продаются как товар для психоллекционера или что их перепродадут на eBay, когда... когда что? Когда перебьют всю группу?

«Чертов Гений-Малыш, — подумал Кочевник. — Устроил такое освещение в СМИ, но я так не хочу».

— Ребята, скажете что-нибудь? — спросил Эш, и Кочевник едва не вскочил и не врезал ему по пакету орешков с пряностями.

— А что ты хочешь услышать? — Ариэль встала. В глазах ее поблескивало вулканическое пламя, и Кочевнику показалось на секунду, что она сама ему сейчас врежет. Его это так поразило, что он остался сидеть разинув рот. — «Спасибо»? За что? Всю работу проделали мы. И мы та же группа, которой были в субботу вечером, но вдруг мы — *знаменитости*? Потому что Майк убит, а Джордж в больнице? Так что ты хочешь, чтобы мы сказали?

Роджер Честер кашлянул, привлекая внимание к себе.

— Вы могли бы сказать, — заговорил он спокойно, — что будете продолжать турне до конца. У вас еще... сколько? Восемь запланированных дат? Эш, какое там расписание? Сан-Диего в пятницу и Лос-Анджелес в субботу — я правильно помню?

— Да, сэр... но есть еще одно, если они захотят.

— Что там еще одно? — спросила Берк.

— «Стоун-Черч». — Эш предпочел смотреть на Кочевника, не на Ариэль. — Вчера в офис пришло приглашение играть на «Стоун-Черч». Предлагают..

— Нет, — перебила Ариэль. — «Стоун-Черч» — нет.

— Можно мне договорить?

— «Стоун-Черч» — нет, — повторила Ариэль с вызовом. — Я там играть не буду.

Кочевник понял, что кое-что из сказанного им в телефон застряло у нее в голове. «Тебе надо начинать са-

мой. Создавать свою группу. Ты могла бы сделать это сразу после “The Blessed Hours”, если бы захотела».

Он видел по ее лицу, по решительно сжатым челюстям, по новому огню в глазах, что она ему поверила.

Но все-таки эта новая Ариэль Коллиер не была готова выйти на сцену сама по себе, потому что прежняя выглядывала из нее, как малый ребенок, и сказала:

— Извините, мистер Честер.

— Я слыхал про «Стоун-Черч», — сказал Аллен. — Это был шахтерский городок? Возле Хила-Бенд?

— Да, теперь там музыкальный фестиваль на открытом воздухе. — Кочевник глянул на него саркастически. — Если в ваше представление о музыкальном фестивале входит наличие мотоциклетных банд, сатанистов и сектантов с культом смерти, то это ваш рай.

— О чем это мы? — решительно вступила Берк. — Кто-то нас пытается убить, а мы так себе спокойно ездим и даем концерты? Без меня. Я еду...

«...в Сан-Диего», — собиралась она сказать. Открывать коробки Флойда, мать его, Фиска в гараже у матери. Мать сходит с ума и звонит Берк по нескольку раз в день, проверяя, все ли в порядке.

Когда стало ясно, что Берк не станет заканчивать свое заявление, Роджер Честер сказал:

— Давайте я вам изложу суть дела. Предлагают шестьсот долларов за одно выступление. Фестиваль открывается в четверг в полдень. Вы — гвоздь программы в четверг вечером. Можем с ними договориться насчет раздела продажи сувениров. — Он перенес внимание на Кочевника. — Одно выступление, шестьсот долларов. Присутствие местных и национальных СМИ. Вы играете полтора часа, и на этом ваша работа закончена. Ответ надо дать сегодня до двух часов дня, чтобы сунуть вас в промо. Мы вам нашли нового разъездного менеджера.

Скажите только слово, и Эш купит новый фургон. Только скажите, что вам нужно.

Владельцем «Жестянки» был Джордж. И «Жестянки» в жизни группы «The Five» больше не будет. Кочевник не знал, что ответить. Чувствовалось, что Ариэль очень хочется резко отказаться.

— Единственная причина, по которой нас зовут, — сказал он, глядя в глаза Честеру, — это из-за погибшего Майка и раненого Джорджа. И вы это знаете.

— Вас зовет Гарт Брикенфилд, — не сдавался Честер. — Он лично вас просит.

— Кто такой Гарт Брикенфилд? — спросил Аллен.

Ему ответил Честер. Кочевник знал, что Гарт Брикенфилд — Большая Медведица на звездном небе промоутеров Юго-Запада; своим бизнесом он управляет из Тусона, и фестиваль «Стоун-Черч» создал он. Лет ему было за шестьдесят, в свои закатные годы — отшельник, и ходит легенда, что он дважды пытался подняться на Эверест. У него свой аэродром и коллекция винтажных самолетов, а в Луизиане — аллигаторовая ферма. Когда он был важной шишкой в бизнесе звукозаписи, у него была долгая вражда с Бобом Диланом, а Мика Джаггера он однажды вызвал на фехтовальную дуэль.

— Позвольте мне задать вам вопрос. — Аллен обращался не только к Кочевнику, но и к Терри с Берк. — Если я смогу добыть вам восемьсот долларов и обеспечить безопасность, вы будете играть? Мы говорим о дневном показе, не о вечернем.

— Сэр? — В голосе Роджера Честера послышался ледок. — Спасибо, но мы вполне справимся сами! Я много раз имел дело с Гартом Брикенфилдом, и когда он делает денежное предложение, оно окончательно. И ни за что на свете не станет он платить такие деньги за дневной... как вы это назвали, *показ*. Это для закатившихся

и для пытающихся взойти, а «The Five» — звездный материал.

— Так, может, стоит дать сказать *звездам*? — Голос Кочевника сочился ядом. Он поднялся, встал с Ариэль плечом к плечу. — Что это все значит, черт... — он сумел не вставить ни слово «старый» перед «чертом», ни «вас» после, — ...побери? Какой-то псих убил одного из нас и чуть не убил другого, и он сейчас то ли в Мексике, то ли гоняется за нашими скальпами, а вы хотите, чтобы мы продолжали наше турне? Зачем? Потому что мертвые мы для вас ценнее живых?

Берк и Терри остались сидеть. Одна думала о содержимом коробок в Сан-Диего, другой — о рок-легенде и вожаке клавишного инструмента в доме под Альбукерком.

— Продолжать турне — это моя идея, — сказал Труитт Аллен, все так же глядя в пол. — Все это я вывалил мистеру Честеру сегодня утром. — Он посмотрел Кочевнику в глаза. — Почему бы это я вытащил вас из тюрьмы? Я уже вам говорил: мне нужна ваша помощь, чтобы поймать Джереми Петта.

— А, понял. Мы, блин, будем наживкой?

— Сыром в мышеловке, — ответил Аллен.

— У меня аллергия на сыр. Особенно на такой, за который меня... нас могут прикончить.

Аллен пожал плечами:

— О'кей, вы вернетесь в Остин. Обычной своей жизни. Если Петт все еще за вами гоняется, чем это вам поможет? Он вас сможет выбивать по очереди, поодиночке. Пока его не нашли, можете мне поверить: вам безопаснее вместе, на дороге. Особенно если будете делать то, что я говорю.

— Ну еще бы! — нахмурился Кочевник. — А вы кем будете, нашим новым дорожным менеджером?

Агент поскреб безукоризненно выбритый подбородок.

— Ну, — сказал он, — это бы решило одну из ваших проблем.

Для Берк это было уже слишком.

— Да вы спятили? Агента ФБР — к нам менеджером!

Ей понадобилась вся сила воли, чтобы не добавить крепкое словцо.

— Именно так, — ответил ей Аллен. — Потому что вам нужна охрана, которую я могу организовать. Нужна группа моих людей, следующих за вами на шоссе и прикрывающих вам спину. Группа людей, едущих впереди и проверяющих место, куда вы едете. И этот фестиваль «Стоун-Черч» — вам там надо будет играть в четверг днем, и нужно будет завалить местные каналы рекламой, и в новостях про вас все уши прожужжать, чтобы Джереми Петт это увидел и приперся в Хила-Бенд со своей винтовкой, а я поставлю своих людей в горах его ждать. *Вот почему* вам придется играть днем. И вот почему я столько прыгал через обручи, чтобы получить вас на свое попечение... мистер Чарльз, — закончил он.

— Да ни... за что на свете, — сказала Берк, но голос выдавал, что она уже смирилась с этим будущим.

Ариэль снова попыталась протестовать, но тоже получилось слабее, чем раньше:

— Это не наша публика. Нам не следует там играть. Не наше это место — «Стоун-Черч».

— Что вы их разъездной менеджер, это мелочь, — сказал Аллену Роджер Честер. — Суть тут в другом: Гарт Брикенфилд хочет, чтобы они играли вечером. А что он решит, то и будет.

Аллен задумчиво кивнул:

— А что, если я ему позвоню и попрошу сдвинуть? А заодно уж, чтобы два раза не вставать, попрошу восемь-

сот долларов вместо шестисот? Так — показать, что го-
жусь для своей новой работы.

Эш издевательски засмеялся:

— Гарту Брикенфилду не звонят. Звонят в его офис и
говорят с его людьми.

— Надо же! — удивился Аллен. — Кен! — позвал он
молодого человека у дверей.

— Да, сэр?

— Узнай домашний телефон Гарта Брикенфилда.
И попроси его, если не трудно, подойти к телефону.

Молодой человек тут же заговорил с кем-то по блю-
тузу.

— Это даже не смешно, — заявил Эш. — Вы и номе-
ра-то не найдете. Его нет в списках, и его люди не про-
пустят вас без его...

— Дали номер, сэр, — объявил Кен. — Гарт Оруэлл
Брикенфилд, Норз-Саммер-Мун-Плейс. Я звоню.

— У него несколько домов, — сказал Роджер Честер,
снова покраснев. — Не думаю, что...

— Здравствуйте, мэм. Я агент Кеннет Мак-Гайр из ту-
сонского отделения Федерального бюро расследований.
Мне хотелось бы говорить с мистером Гартом Оруэллом
Брикенфилдом. Он дома? — Короткая пауза. — Не мог-
ли бы вы ему передать, что с ним хочет говорить специ-
альный агент Труитт Аллен? Это очень важно. — Кен кив-
нул своему боссу. — Да, мэм, я подожду. — Обернувшись
к Аллену, он сказал: — Она звонит ему в ангар, он сегод-
ня возится с каким-то из своих самолетов. Сказала, что
через несколько минут соединит.

Открылась дверь, заглянула молодая рыжеволосая
женщина в синей медицинской одежде.

— Прошу прощения, — сказала она. — Мистер Эмер-
сон пришел в себя и хочет говорить со своими друзьями.

В больнице знали, кто они.

По пути в отделение интенсивной терапии им рассказали, что в палате Джорджа ни к чему нельзя прикасаться и быть там можно всего несколько минут. У кремowych дверей отделения их встретили мужчина и женщина средних лет, Кочевник остановился побеседовать с ними самым вежливым и внимательным голосом, на который только был способен. Они поблагодарили его за хорошие слова о своем сыне. Отца Джорджа Кочевник узнал бы и в другой ситуации: не по низкорослой фигуре, но по блестящим дискам в туфлях.

Вслед за молодой медичкой Кочевник, Ариэль, Терри и Берк вошли внутрь. Здесь было прохладнее и тише. Негромко шипели аппараты искусственного дыхания, попискивала, создавая тихий фон, следящая за важными показателями электроника. Врачи и сестры в хирургических костюмах тихо переговаривались или сверялись с планшетами. Коридор между палатами, отгороженными задернутыми шторами, был освещен синим светом, будто из-под воды.

— Сюда, — сказала сопровождающая, отдергивая штору палаты слева.

Первым вошел Кочевник, следом сразу Ариэль. Терри входил последним, и когда он увидел Джорджа в центре лабиринта мониторов, серых проводов и капельниц, то подумал, что Джордж сейчас больше машина, чем человек.

А у Кочевника было чувство, что сейчас перед ним не Джордж, а восковая копия Геня-Малыша. Никак не могло быть настоящим это лицо лунного цвета. Рот и нос закрыты кислородной маской, сам он укрыт простыней по шею, и на груди у него что-то такое, то ли бинты, то ли что, отчего она выпирает, как у культуриста. Трубки соединяют кровать с кучей краников. Втекает что-то про-

зрачное, вытекает желтое. Стойка мониторов высотой футов шесть. Что-то чирикает, попискивает, и вдруг зашуршали ноги Джорджа под простыней — резкий, тяжелый звук, — и Джордж посмотрел на друзей красными припухшими глазами и сказал голосом, похожим на шелест опавших листьев на тротуаре под ветром:

— Привет, команда.

Ариэль отвернулась. Берк положила руку ей на плечо и оставила там, как стальной зажим, пока Ариэль снова не овладела собой.

— Ты весь в проводах, — сказал Терри с неловким смешком.

— Еще как, — ответил Джордж скорее выдохом, чем своим обычным голосом. От маски звук получался гулкий. — Настроен на волну, — сказал он. — Странная штука: я стал лучше видеть.

Кочевник подошел к кровати, опасаясь, как бы не задеть чего-нибудь важного. Что сказать, он не знал, и сказал первое, что всплыло в сознании при виде этого воскового лица:

— Этого гада поймают, Джордж.

— Тот же самый, — ответил Джордж. Без вопросительной интонации.

— Ага. А турне мы доведем до конца. — Решение Кочевник принял внезапно, вдыхая ввевшийся горелый запах смертельной раны, тот самый, что стоял над телом отца на луисвиллской парковке. — Мы поможем его поймать.

— Турне... — заморгал Джордж. Он мог подумать, что пришел в себя не настолько, насколько ему казалось. — Доведем до конца?

— Спасибо, что поинтересовался нашим мнением, — сказала Берк, но когда на нее одновременно посмотрели и Джордж, и Кочевник, она поморщилась, будто наступ-

пила на больной зуб. — А, блин. — Морщины у нее на лбу стали только глубже. — Ладно, я с вами.

Терри, шевельнув плечами, так что это нельзя было даже назвать пожатием, сказал:

— Я, похоже, тоже.

Ариэль молчала.

— Психи. — Далекий голос почти обесцвеченного человека. — Все психи.

Наступило молчание. Кочевник плохо переносил больницы, и для него это была пытка: хотеть уйти, но знать, что надо быть здесь.

— Я чуть не сдался, — сказал Джордж.

Ариэль уже собралась. Глаза у нее были красные, но она вышла вперед и встала там, где считала нужным, — рядом с Джоном Чарльзом.

— Оно было там. — Джордж дернул подбородком, показывая на потолок. В угол потолка, справа, где висел карниз шторы.

— Что там было?

Кочевник посмотрел туда, куда показал Джордж. Потолок, карниз. Ничего больше.

— Свернутое, с острыми краями. — Он сделал несколько медленных вдохов, потом заговорил снова: — Головы не видно было. И лица. Но я знал, оно на меня смотрит. Оно такое было... как крылья ворона. Или черное origami. И оно ждало, вон там.

— Чего ждало? — спросила Ариэль.

— Моей смерти, — ответил Джордж.

Терри снова издал нервный смешок.

— Джордж, да не умрешь ты! Брось свои фантазии!

— Не умрешь, — подтвердила Берк. — Худшее уже позади. — Она на это надеялась. — Послушай, нам, наверное, пора уже дать тебе отдохнуть. О'кей?

— Это не все, — сказал Джордж. — Я дрался. По-настоящему. Всерьез. И я не знаю, когда... но услышал, что меня кто-то зовет по имени. Как будто... будто знакомый голос. Может быть, бывший мой учитель. Кто-то, кому я не безразличен. Знакомый голос. — Он издал звук, словно ему трудно стало дышать, и Кочевник готов был уже нажать кнопку вызова сестры, но Джордж произнес: — Я открыл глаза — и она была здесь.

— Кто? — спросила Ариэль.

— Девушка, — сказал он. — Где ежевику собирали. Ну, помните же...

Кочевник и Ариэль переглянулись. Терри глянул на Берк, но та смотрела в пол.

— В углу стояла. Вон там. — Джордж показал подбородком в левый угол. И она мне сказала: «Я в тебя верю, Джордж», — а потом она улыбнулась... да, и кивнула. Голос... чей-то еще голос, не знаю чей. Я испугался, зажмурил глаза, крепко. — Ему пришлось замолчать и сделать еще один тяжелый вдох. — А когда я посмотрел, ее уже не было. — Джорджа встретил взгляд Кочевника. — Джон... я думал, она — ангел смерти. Но сейчас... сейчас я думаю, что ангел жизни.

— Тебе приснился сон, — тихо сказала Берк. — Только и всего.

— Да, сон. Но послушайте... если вы... если вы туда поедете, на это место... она же еще там будет? И все будет такое же?

— Да, — ответил ему Кочевник. — Будет.

— Вернитесь... и проверьте, — попросил Джордж.

Кочевник понятия не имел, о чем он говорит. Уж точно пора было уходить.

— Возьмите «Жестянку». Старый боевой конь. Ни на что не годится... но за музыкой идет.

— Мы не можем, — ответила Ариэль. — Это твоя машина.

— Со мной все. Помнишь, Джон? — Голос его слабел, глаза закрывались и открываться не хотели. — Я сказал... что я с вами. Сказал, что буду о вас заботиться. Как всегда. — Он снова шевельнул ногами под простыней, будто старался устроиться поудобнее. — Ключи у отца, я ему скажу.

Вошла молодая рыжая докторша.

— Джордж, — сказала она небрежно и дружелюбно, — боюсь, вашим гостям пора уходить. — Она бегло глянула на мониторы и системы.

— Эй! — Джордж высвободился из наваливающейся дремоты. — Я насчет песни. Что я придумал, не хотите?

— *Песни*? — Кочевник не понял.

Ариэль поняла. Песня, которую начал Майк. Последняя, наверное, песня, которую им предстоит написать.

— Да, Джордж, — ответила она. — Хотим.

— Я добавил... что эта девушка сказала. Тебе, Ариэль. «Счастливый путь тебе и мужества в пути. Тебе понадобится мужество в пути».

Гений-Малыш задумчиво улыбнулся, и глаза у него блеснули.

— Сейчас как раз понадобилось, — сказал он.

— Увидимся, когда ты выберешься, — пообещал Кочевник.

Все попрощались. Терри, зашедший последним, последним и вышел. Берк пошла первой, опустив голову.

Ариэль поравнялась с Кочевником. Подавленные, они пришли туда, где ждали их бюрократы в костюмах и новый разъездной менеджер, только что добившийся для них восьмисот долларов за девяносто минут на фестивале «Стоун-Черч» под дневным солнцем.

Глава шестнадцатая

— Расскажите мне что-нибудь про «Стоун-Черч», чего я еще не знаю, — попросил Труитт Аллен.

— А что вы уже знаете? — спросил Кочевник в ответ с сиденья позади Ариэль.

— Ты посмотри, какой дурак! — Аллен ударил по педали тормоза. Красно-лиловый, раскрашенный спреем прицепной дом прямо перед ним резко вильнул в правую полосу, не показав поворота. — Вот ничего меня так не достает, как беспечный водитель.

На бампере прицепа ярко сверкало с десятков стикеров вроде «Ешь меня, а не мясо» или «Стал бы Иисус стрелять?».

Кочевник подумал, что мистеру Перевоспитание Водителей стоило бы реагировать спокойнее, потому что нескончаемый поток больших домов на колесах, домов-прицепов, фургонов «фольксваген», пикапов и всякой четырехколесной ржавой мелочи, едущей по I-10, по мере приближения к перекрестку с I-18 и прямого отрезка до Хила-Бенд становился все плотнее и таких вопиющих событий можно было ожидать все больше и больше.

Оранжевым ориентиром стоял трейлер, свидетельствуя, что они на правильной дороге к старому, доброму, маленькому и домашнему фестивалю Гарта Брикенфилда — так он описал его Аллену по телефону. Да, фестиваль уже тринадцать лет, и маленьким и домашним он давно перестал быть. Шоссе в десять утра во вторник уже было столпотворением. В огромных количествах присутствовала полиция, но и потенциальных хулиганов хватало. За несколько минут до того «Жестянка» миновала машину с мигалками, стоящую над канавой, куда свалился

здоровенный черный грузовик, рассчитанный на перевозку стволов, сваленных Полом Баньяном. Вокруг на земле сидели человек семь-восемь, состоящих будто из одних татуировок. Один из этих безрубашечных бритоголовых орал на полицейских, застегивающих у него на руках пластиковые браслеты, и никто из «The Five» не мог не заметить на его загорелой спине татуировку перевернутой пентаграммы с красной козлиной головой в центре.

«Приятного отдыха в тюрьме графства Пима», — подумал Кочевник.

Но он понимал с беспокойством, что таких любителей музыки будет очень много и не все они съехали в канаву.

Ад ожидался на двухполосной дороге, которая отходит от I-8 через несколько миль к западу от Хила-Бенд и вьется среди холмов до городка Апач-Лип. Погодная дикторша по радио говорила, что будет безоблачное небо и сто градусов в полдень, так что к трем, когда «The Five» выйдет на сцену, будет тоже хорошо за девяносто*. Но жара сухая, так что не сварятся, а испекутся.

— А вот у меня вопрос к *вам*. — Берк впервые заговорила с тех пор, как полчаса назад залезла на заднее сиденье. Она была одета согласно погоде в этот тридцать первый день июля и своему настроению — в черные джинсы и черную футболку без рукавов. Новым элементом ее костюма стала серебряная брошка в виде бас-гитары, купленная вчера в лавочке ремесленника на Северной Кэмпбелл-авеню. — Какой на вас приделать ярлык?

— Ярлык? — Пара пристальных голубых глаз глянула на нее из зеркала заднего вида.

— Как вас называть? — пояснила Берк. — Аллен? Мистер Аллен? Труитт? В смысле, раз вы изображаете нашего разъездного менеджера...

---

* По Фаренгейту. Примерно 38° и 33° по Цельсию.

— Нет, — перебил он, и она замолчала сразу, потому что ясно было: когда он говорит это слово, он его говорит всерьез. — Я не *изображаю*. Уж если я вас прошу... сделать то, что прошу, то я уж постараюсь, чтобы вы на этом денежек заработали. И если Петт здесь не появится, мы будем его ловить в Сан-Диего. Или в Лос-Анджелесе, или везде. Но поверьте мне... Вы слушаете?

Он увидел, что она отвернулась, сделав страдальческое лицо.

— Да, — сказала Берк, но не повернула головы, глядя в окно на белое море песка и чахлую колючую растительность, затемненную зеленым от свежетонированного стекла.

— Поверьте мне, — повторил он, — я это буду делать всерьез. — Ему не надо было говорить ей, что эту роль он очень тщательно проработал с Роджером Честером. Организация — его кумир. Насколько трудной может оказаться работа? — Кстати, как вам кондиционер?

— Класс, — сказал Терри.

Кочевник хмыкнул. Он не мог не признать заслуг, когда было что признавать. Этот Упакованный Мальчик сгонял «Жестянку» в какой-то сервис — может, в гараж своего ведомства, — и там ее вылизали и отладили, хотя с побитым кузовом цвета военного корабля сделать ничего нельзя было. Но что все крошки прошлогодней марихуаны убрали начисто, и нигде ни брошенной соломинки, ни забытой крышки от чашки, — это впечатляло. И даже положили новые маты, и от них пахло свежей резиной. Разнообразные пятна от кофе, чая, пива, горчицы, соусов и прочего, кляксами Роршаха украшавшие салон, исчезли, как по мановению волшебного пылесоса. Кондиционер работал, словно мечта нефтяного шейха. И при этом очень *тихо*.

Но что действительно заставляло счетчик изумления зашкалить, так это что мистер Ночью-В-Темных-Очках затонировал стекла за один день. У обычного человека на такое ушла бы неделя. Ветровое стекло, боковые и заднее — все отливали прохладной зеленью, отчего и темные очки переставали быть необходимыми, и кондиционеру легче.

Кочевник знал причину, как и все они: если кто-то — человек по имени Джереми Петт — пожелает стрелять по окнам фургона, ему будет труднее целиться.

Увидев машину, Кочевник спросил у благодетеля «Жестянки», в каком состоянии выдвижные пулеметы, пусковые установки ракет и на каком сиденье эжектор.

— Я не очень в курсе про все про это, — был ответ, — но на сиденье стрелка-радииста поедешь?

Вот так и вышло, что Ариэль оказалась на пассажирском переднем сиденье, хотя Кочевник понимал, что мистер Физическая Форма В Пожилом Возрасте просто дергает его за поводок.

Последние пару ночей он плохо спал, и сегодня это сказывалось. Закрывая глаза, он видел лицо Джорджа в кислородной маске, на койке в больнице, запах которой вернул его в далекий Луисвиль. Он видел, как Джордж смотрит в угол комнаты. «Оно ждало. Прямо там», — и взгляд в другой угол палаты.

«Я открыл глаза, и девушка была здесь».

Почему Джорджу привиделась эта девушка? Из всех людей на свете — именно она?

«Я верю в тебя, Джордж».

Жутковато, подумал Кочевник. Еще как жутковато. И потом добавил к песне строчку про удачу и мужество в пути. Ариэль ее записала в тетрадь с другими строками, начатыми словами «Добро пожаловать».

Словами, у которых хватило мощи вызвать слезы на глазах Майка. Хватило мощи заставить его осмелиться и начать писать.

Жутковато, подумал Кочевник. Но вполне объяснимо. Сны — всего лишь сны, и Майк был куда более сентиментален, чем показывал. Так что ничего особенного. Песня, и все. Что еще это могло бы быть?

— Так что скажете? — не отставала Берк от водителя. — Как вас прикажете называть?

Он обдумал вопрос. Было ведь когда-то для него название, в давние времена, еще до того, как стал таким серьезным... нет, серьезным он был всегда, но...

Ему это имя дали... да нет, он заработал это имя, как заработал в своей жизни все сам, тяжелым трудом. Заработал в студенческом братстве университета штата Орегон. И сейчас это имя вполне подойдет.

— Тру*, — сказал он. — Как антоним к ложному.

Берк произнесла имя, как бы пробуя, прислушиваясь к звучанию.

— Тру. О'кей, сойдет.

— У меня не получится вас так назвать, — сказала Ариэль.

Тру нахмурился. Тяжелый, толстозадый красный внедорожник ехал прямо перед носом, и нельзя было ни на секунду отвести от него глаз.

— Почему так?

— Не знаю, просто не могу.

— А! — Он понял. — Правильно. Потому что я *старый*. Потому что мне надо говорить «сэр» и называть «мистер»?

— Я не хотела сказать, что вы старый. — Она задумалась, пытаясь понять, что же все-таки *хотела* сказать. На-

---

* Тру (True) — настоящий, истинный.

ступило неловкое молчание, и она спросила: — А сколько вам лет?

— Пятьдесят три. В ноябре будет пятьдесят четыре. Биография: познакомился с женой в колледже, в Орегонском университете, поженились после окончания, жена-ты уже — и очень счастливо — тридцать лет. Две дочери, одна работает в Тусоне, другая — агент ФБР в Далласе. Один внук по имени Уэсли Труитт Адамс. Мы с женой любим путешествия, рафтинг и горный туризм. Люблю читать книжки по военной истории. Дома у меня оборудован стереозал, и я часто слушаю Брюса Спрингстина и «Eagles», но еще люблю Тони Беннета и стиль блюграсс. Что еще может вам быть интересно?

— От Орегона до Аризоны — шаг широкий, — сказал Кочевник. — Как это вышло?

— Я вообще-то родился в Юме и школу там окончил. Играл в футбол за «Уголовников»*. Квотербеком за выпускной класс. Пока один из «Королей» не прорвался через защиту и не вырубил меня наглухо за три игры до конца сезона. А меня всегда тянуло увидеть зеленую землю. Посмотреть на лес, услышать дождь. Если ты чего-то хочешь, так возьми и сделай. Так я оказался в Орегоне. Еще вопросы?

— До ФБР вы были полисменом?

— О да. Всю черную работу переделал.

Тру пытался прочесть белый на черном фоне стикер на бампере красного внедорожника. Он чуть прибавил скорость, сократив дистанцию. На красной машине был техасский номер. Часть надписи на стикере, которую удалось прочитать, гласила: «Махни рюмашку». Под ней сло-

---

* Когда-то презрительная кличка, впоследствии взятая себе городской школой Юмы как самоназвание. У учеников и учителей второй в городе школы, «Кофа», самоназвание — «Короли».

ва поменьше, не разглядеть. «Мо...» Нет, не видно. Он чуть добавил газа.

— Вы в Тусоне были копом? — спросил Кочевник.

— Секунду, секунду, я хочу...

И тут он подобрался достаточно, чтобы разглядеть мелкий шрифт. Вторая строчка гласила: «Трахни монашку».

И через две секунды после того, как он это увидел, Тру разглядел на заднем стекле в углу черную переводную картинку с перевернутым распятием, а потом понял, что из-за этого стекла на него что-то смотрит.

Были видны белки двух глаз, а под ними — блеск оскаленных зубов. Черная собака, подумал он. Большая. Животное не сводило с него глаз, будто видело его за тонированным стеклом ясно и отчетливо. А может, так оно и было. От неподвижного взгляда (неподвижного, хотя внедорожник и фургон неслись шестьдесят миль в час, и под ними мелькал хайвей) Тру подумалось, что если бы собака могла до него добраться, разодрала бы ему горло от уха до уха.

Всплыла в памяти цитата из Мелвилла: «Я видел отверстную пасть ада».

Волосы на затылке зашевелились. Вдруг из глубины салона возникла белая рука, покрытая татуировкой в виде колючей проволоки, обняла пса за шею и отодвинула от стекла...

...а потом полыхнули красным стоп-сигналы внедорожника, Тру увидел, что сейчас врежется в зад чужой машины, испортив свою безупречную водительскую историю, а заодно крепление собственной головы к позвоночнику, и резко вильнул фургоном и трейлером на левую полосу, подрезав дом на колесах, разукрашенный песочным камуфляжным рисунком. Едва не содрав эту мерзкую наклейку, он почувствовал, как задрожал, виляя, трейлер, дергая фургон за сцепку. Трейлер несколь-

ко раз мотнуло из стороны в сторону, а Тру сбросил скорость, чтобы его не снесло с дороги. Все это сопровождалось визгом шин и оглушительным воем клаксонов.

— Господи Боже! — заорал Кочевник.

— Слушайте, вы! — сказал Терри, ерзая на сиденье и пытаясь удостовериться, что ремень безопасности не разрезал его пополам. Вообще-то эти ремни — геморрой, но если твою машину ведет агент ФБР, куда денешься? — Я думал, вы водить умеете.

— Прошу прощения.

Тру глянул в боковые зеркала. Слава Богу, аварий позади не произошло. Водитель красного внедорожника поотстал, включил поворотник и встроился в левую полосу за несколько машин позади «Жестянки».

— Вот *это* уже лишнее, — заметила Берк. — Я привыкла возить с собой комплект барабанов, а не мусор со щепками.

— Там все в порядке, — ответил Тру. Ощутив с ее стороны невероятную враждебность, он не сумел удержаться: — Если бы не перепаковали, все бы разбилось, конечно.

— Перепаковали? — переспросил Терри. До него только сейчас дошло, что его клавиши даже в твердых футлярах для таких прыжков и плясок не предназначены.

— Я попросил специалистов, они все перепаковали, — пояснил Тру, чувствуя некоторое превосходство. — Пустоты заполнили пенопластом и все пометили цветными наклейками.

— Цветными *наклейками*? — Берк подалась вперед, насколько позволял ремень. — Это еще зачем?

— А внутри трейлера приклеена схема, показывающая, как следует паковать вещи согласно цветам. — Никто ничего не сказал, и Тру добавил: — Так получается эффективнее.

— Ну, у Джорджа была система. — Берк не собиралась сдаваться. Хмырь в отглаженных джинсах, в бордовой тенниске, вылощенный и помешанный на порядке, начинал доставать ее до печенок. — Он просто *знал*, куда чего. Ему не нужно было целое ведомство с правительственными чиновниками, решающими, какую цветовую наклейку приделать на мой большой барабан.

— Не сомневаюсь, что он классно работал. — Голос Тру был вежлив и спокоен, но сам он находился где-то не здесь, сосредоточился на дороге.

— Он был одним из нас, — сказала Берк, не договаривая очевидное. Этот из ведомства тоже промолчал.

Она откинула голову на спинку сиденья, закрыла глаза, чтобы отключиться и перезарядить аккумуляторы. Ей сказали, что над сценой будет здоровенный навес от солнца, но жара есть жара, а барабанщик еще собственный жар вырабатывает. Ни хрена, она будет готова. Всегда была и сейчас будет.

— Если ваши ребята видели этот финт, — сказал Кочевник фэбээровцу, — то могут отобрать значок Хорошего Водителя. Это не они там были в кювете?

— Нет.

Его «ребята», одетые фанатами фестиваля «Стоун-Черч», ехали на две машины впереди «Жестянки» и на две сзади. Еще одна группа «ребят» отправилась на место с утра пораньше — все организовать, и еще «ребята» сейчас оборудуют себе посты. У Тру вчера состоялся интересный разговор с координатором на месте, когда он сказал, что нужны металлодетекторы на полдороге к входу в «Амфитеатр».

«Металлодетекторы, сэр? — Координатор был мужчина тридцати двух лет, служивший в спецподразделении полиции и фанат группы «Green Day», о которой Тру вообще ничего не слышал. — Сэр... вы себе представляете,

сколько раз они сработают на этой публике? Это же будет несмолкаемый звон. И... прошу прощения, сэр, но у этих людей бывает металл в таких местах, о которых лучше не говорить. И у мужчин, и у женщин».

Тру про себя отметил, что надо посмотреть в сети подобные примеры, и когда он разглядывал картинку разваленного пополам члена (на обеих половинках болтаются металлические кольца), в кабинет случайно вошла его жена — и расплескала вечерний коктейль по всему ковру.

Так что металлодетекторы побоку. За публикой будут присматривать переодетые агенты, но вряд ли Петт попытается подобраться близко. Его инструмент — винтовка, а защитой ему служит дистанция. Самая большая ответственность ложится на подразделения, курирующие место проведения фестиваля. Но пока что все идет по плану. Фотография Петта, номера его машины и описание этого темно-синего пикапа передавали по местным новостям и по «Фокс ньюз». Накануне вечером Нэнси Грейс повторяла эту информацию перед каждым перерывом на рекламу: она в таких делах цепкая, как бульдог, — на нее можно положиться. С другой стороны, СМИ всегда гоняются за сенсацией, а история про снайпера уже не была такой горячей, ее сместили с авансцены новые события — пропавшая девочка во Флориде и четвертое изнасилование, совершенное в Лос-Анджелесе так называемым скотч-насильником.

Местные телестанции отлично рекламировали «Стун-Черч». Они гоняли лихорадочные ускоренные ролики, за которые платил Гарт Брикенфилд, и вставляли в выпуски новостей упоминания, что в три часа дня во вторник там будет играть «The Five» — «помните, та рок-группа, дважды пострадавшая от нападения снайпера в Аризоне и в Техасе... Промоутер Гарт Брикенфилд нас заверил, что

охрана будет надежной и все меры предосторожности будут приняты».

На последнем пункте настоял Брикенфилд, и он сказал, что ему плевать, если ФБР или ФРС или сам Дж. У.Б. будут иметь к нему вопросы по поводу возврата налогов за последние три года, но отпугивать клиентов, которые платят, он не может.

Да это и без разницы, думал Тру. Петт и так знает, что охрана будет надежной. Увидит ли он в этом вызов? Стигммул продемонстрировать, на что он способен теперь, вернувшись на арену?

Время покажет.

Судя по количеству народа на хайвее, напуганных не было. Ехали со всех сторон, с запада тоже, из Калифорнии. Агитационная деятельность Брикенфилда — по телевизору, по радио, в газетах — накрыла весь Юго-Запад и половину левого побережья*. Сайт был сделан гладко и профессионально, но фотоснимки групп были почти так же неприятны на вид, как тот раздвоенный член с двумя полуголовками. В дни молодости Тру группы старались показать свои лица. Им не приходило в голову надевать маски палача, провололочные клетки или извитые штуки, похожие на французские сексуальные игрушки.

Первая группа начинала играть в полдень. Фестиваль должен продлиться до полуночи воскресенья, причем группы будут играть круглые стуки. Тру пробежал расписание, но он ни одного названия не знал: «Triumph of the Dark», «Skullsplitter», «FTW», «The Black Dahlias», «Rat Scab», «Monster Ripper», «Anus and Candy», «The Descenders», «Mjöllnir», «The Bleeding Brains», «The Luciferians», «Dear Mother's Blood», «Fist Deep», «Dreams of Sharp Teeth», «The Sick Crabs», «The Slain» и так далее, и тому подобное.

---

* Западное побережье США политически тяготеет влево.

Он вспомнил, какими странными казались когда-то «Adam and the Ants» в начале Новой волны. Сейчас они сделались обыденными, как записи Митча Миллера, которые слушал отец после обеда.

Вопрос в том... что будет дальше, что придаст уже этим группам привкус заплесневелой старости? Командир его оперативников назвал их группами «дет-трэш». Тру помнил, что сказал Джон Чарльз Роджеру Честеру: «Единственная причина, по которой мы там нужны, — смерть».

Гарт Брикенфилд не достиг бы того, чего достиг, будь он туп или ленив. Он знал, за что платит его публика и что она хочет видеть. Все эти прочие группы могут разводить любой трэш по поводу смерти, но только «The Five» видала ее вблизи, в ее окровавленной подлинности.

На этой веселухе они будут героями дня.

— Джереми Петт... — начал Терри и сделал паузу на пару секунд. — Он мог уехать в Мексику, да?

— Может быть, — ответил Тру, глядя на дорогу и на все едущие впереди машины. Такой трафик на двухполосной дороге приводил его в ужас. — Я ж говорил вам: зависит от того, что у него в голове делается.

— В смысле не решил ли он, что убить одного и тяжело ранить еще одного достаточно? — предположил Кочевник. — Что ему этого хватило?

— Именно в этом смысле.

— Блин, да что ж такого, мать его, страшного в этом ролике? Да, там критикуется война. И другие группы тоже войну ругают, но никого не убивают за это! Чего он нас выбрал?

— Это вам его надо бы спросить.

— А я вас спрашиваю! — У Кочевника стало разгораться лицо. — Вы же его видели! Что в нем такого страшного, что нас за него надо убивать?

— Джон, — сказала рассудительно Ариэль, — он на этот вопрос ответить не может. Он не знает. Никто не знает, кроме Джереми Петта, а он не в своем уме. Может быть, что-то в ролике напомнило ему о пережитом. О таком, о чем он *не хочет*, чтобы ему напоминали. Так я думаю.

— Да, — согласился Тру. — И я думаю так же.

— Так мне что, идти на телевидение и извиняться? — спросил Кочевник у них обоих. — Вылезти на сцену и извиниться, что мы сделали этот ролик и Майка за него убили? Или дело не в ролике, а в песне? Извиниться за то, что мы написали эту песню, но больше никогда ни за что не напишем песню, которая может кого-нибудь разозлить? Знаете, что после этого останется?

— Знаем, — ответила Берк. — Хилые мелодии, как у Ван Халена. Которых, к моему сожалению, мы написали много. Вроде «Злого копа».

— А чем вам не нравится Ван Хален? — поинтересовался Тру.

— А чем тебе не нравится «Злой коп»? — Кочевник повернулся к ней, насколько позволял ремень безопасности. — Развлекательная песенка, людям нравится.

— Алкашам нравится, — бросила Берк, дернув губами в презрительной ухмылке. — И барменам.

— И владельцам клубов.

— С этой публикой не проканает, — напомнила она. — Вылезем с такой ерундой — нас сметут со сцены. Хочешь к Джорджу в больницу? Я — нет.

— *Что?*

До нее дошло, что она только что сказала. Послание из другого мира.

— Я в смысле... только не я. И точка.

— А мне Ван Хален нравится, — сказал Тру, обращаясь к Ариэль.

— Я всего лишь сказала, — продолжала Берк, уже заведенная на ход, — что играть мы должны для этой публики. Если мы с ними не установим контакт, они повытаскивают приборы и сделают нам новые анусы прямо во лбу. Так что, наверное... может, надо сразу ударить «Бедлам-о-го-го». Дисторшн врубить на всю катушку. На полную громкость. И ты, Джон, когда будешь петь, микрофон прямо в пасть захреначивай. Ори так, чтобы ни одна собака слов не разобрала. Сожри микрофон. Нормально?

Наступило молчание. Потом Кочевник кивнул:

— Нормальный план.

— Дисторшн — мое второе имя, — добавил Терри.

— И темп надо набрать, — сказала Берк. — Медленное станет быстрым, а быстрое — бешеным. О'кей? За мной, ребята, и я вас выведу.

— Вот это для меня концерт, — отозвалась Ариэль. — Люди, если у меня руки отвалятся посреди «Сочувствия», кто-нибудь их подберите и засуньте в холодильник.

— Прорвемся, — сказал Кочевник с улыбкой, которую можно было бы назвать нервной. — Девяносто минут шума, искажений и темпа. Может, какие-то песни придется петь *дважды*, но мы прорвемся.

Дорога I-10 свернула на I-8. Примерно через шесть миль после Хила-Ридж Тру и практически все, кто ехал на запад, свернули на двухполосную дорогу, какое-то время идущую ровно, а потом начинающую подъем в раскаленные кирпично-красные горы в сторону городка Стоун-Черч. На забитой дороге машины ползли. Пассажир едущего перед «Жестянкой» серого фургона опустил стекло и выплеснул на дорогу желтую жидкость из ведра. Она запузырилась, испаряясь. Стали появляться молодые люди в шапках-зонтиках с красной надписью «Стоун-Черч 9 — 2008». Они ходили между машинами, продавая

воду в бутылках, футболки и шапки-зонтики с той же красной надписью.

— Награжденный, — вдруг сказала Ариэль. Это пришло ей в голову при мысли о Джордже, лежащем на больничной койке. — Вы говорили, детектив Риос вам сказала, что Петт награжден. — Она подождала, пока Тру глянул на нее, подтверждая, что услышал. — А что за награда?

— «Бронзовая звезда за храбрость». — Тру смотрел прямо перед собой, ровно ведя «Жестянку» вперед. Горы стали большими и неровными. — Это было в Фаллудже, в ноябре две тысячи четвертого. Он был на позиции в заброшенном доме, со своим наводчиком, высматривал цели. Очевидно, их обнаружили и выследили разведчики инсургентов. В рапорте, который я читал, было сказано, что в их убежище влетела граната. При взрыве наводчик Петта был ранен в голову с серьезным повреждением мозга. В результате он попал в госпиталь ветеранов в Темпле, пожизненно. Сразу после попадания гранаты на штурм бросились от тридцати до сорока инсургентов со штурмовыми винтовками.

У Тру были плотно сжаты челюсти, дергался мускул. Ариэль отметила, что голубые глаза приобрели цвет стали.

— Как написано в рапорте, у Петта был шок и кровотечение из ран, но он стал отстреливаться, — ровно и медленно продолжал Тру. — Несколько он подстрелил, свалил прямо на подходах. Тогда они подвезли грузовик с гранатами и стали из гранатомета разносить дом, комнату за комнатой. Согласно рапорту, Петт вытащил своего напарника, оказав ему возможную в тех условиях первую помощь. Он вызывал подкрепление по рации, но дом был окружен, и пути отхода не было. — Стальные глаза глянули на Ариэль. — Можете себе представить, каково

это было? И какие у него были мысли? Да, он был тренирован, но война такого типа... когда сидишь, как собака в клетке, гранаты влетают и делают в стенах дыры, а у напарника из головы мозги вываливаются, — что делать человеку в такой ситуации?

Чуть помолчав, Тру продолжил:

— Он сделал вот что: перебрался со своим наводчиком в подвал, в темноту, и нашел там укрытие, где можно было встать спиной к стене. И стал ждать. Бои шли по всему городу. Помощь была в пути, но быстро она добраться не могла, и ей надо было пробиваться с боем. Согласно рапорту, Петт с наводчиком пробыли в подвале около трех часов. Голова наводчика лежала у Петта на коленях, а руками он наводил винтовку на дверной проем наверху лестницы. Обстрел гранатами продолжался, но внутрь противники не совались. Была уже почти ночь, когда до него добралась помощь. Он успел убить шестерых, ранить примерно вдвое больше. С напарником он согласился расстаться не сразу, и ему дали вынести раненого вверх по лестнице. Это было его последнее боевое задание. За спасение друга и за проявленный героизм под огнем он был награжден «Бронзовой звездой». Полиция Темпла нашла орден у него в квартире, в шкафу на полке, в коробке с письмами жены.

— *Жены?* — Кочевник поразился, что у него есть жена. — А где она?

Тру ответил не сразу. Он смотрел на приближающиеся горы — сейчас они казались массивной линией сложенных зубов.

— Как-то вечером в феврале две тысячи четвертого года жена Петта и их семилетний сын выезжали с парковки у молла. На перекрестке их стукнул внедорожник, ехавший, по оценкам хьюстонской полиции, со скоростью почти семьдесят миль в час. Две восемнадцатилетние де-

вчонки, хорошо обкуренные. Та, что была за рулем, ругалась по телефону со своим бойфрендом. Свидетели утверждают, что она на красный даже не затормозила. Я видел отчеты полиции и статью в газете. — Фотография в «Кроникл» была жуткая. Мини-вэн смяло в бесформенную массу металла, и обломки пролетели сквозь витрину ресторана «Попай фрайед чикен». — Жена Петта скончалась на месте, мальчик прожил еще сутки. Водительница внедорожника умерла через несколько дней, пассажирка осталась калеккой. Петт приехал на похороны, но через пару недель вернулся обратно на службу.

— *Зачем?* — Терри был поражен.

— Наверняка понимал, что он нужен ребятам в Ираке. Это была его вторая семья, — ответил Тру. — По всему, что я читал, он собирался посвятить жизнь Корпусу морской пехоты. В полевой работе он был очень успешен, но не уверен, что это можно слишком долго выдерживать. Мне кажется, он хотел стать ганни — ганнери-сержантом. Новобранцев учить дисциплине. Или тренировать снайперов. Но после Фаллуджи... Тут самое печальное, что можно отлично проходить тесты, но что-то в тебе меняется фундаментальное. Ты теряешь какую-то внутреннюю форму. Я видал, как такое случалось с агентами. Все делают правильно, все по книге, даже похвалу зарабатывают за храбрость, но посмотришь им в глаза — и видишь что-то такое, что ушло в подвал, в темноту, стоит, прижимаясь спиной к стене, и знает... знает, что в следующий раз страх может взять верх. И это тот страх, который толкает к ошибкам, страх, который приводит к гибели. Я думаю, что когда Джереми Петт стрелял из винтовки после Фаллуджи, он не мог в двухстах ярдах в стену сарая попасть, потому что стоило ему взять оружие — и все то возвращалось как прилив. Вот его и вывели из Корпуса в отставку с «Бронзовой звездой» и

отправили в Хьюстон, где на кладбище лежат его жена и сын. Почти сразу он переехал в Темпл — очевидно, хотел быть поближе к госпиталю ветеранов. По книгам регистрации посетителей видно, что он навещал друга каждую среду.

— Вот это да, — тихо сказала Берк. Уж что-что, а преданность она ценила.

Кочевник ни на что это не клюнул:

— И что? Мы должны проникнуться к нему *сочувствием*?

Губы Тру дернулись в мрачной улыбке, и он ответил пустым голосом:

— Проникайтесь чем хотите. Не мое дело.

Машина уходила вверх, в коричневые неровные зубья. Несколько минут дорога двигалась, потом ее снова перекрывала пробка, и вспыхивала длинная полоса стоп-сигналов. Низко над дорогой парил вертолет.

— Смотри, вертолет! — сказал Терри. — Внушительно.

— Не мой, — ответил ему Тру. — То ли телевидение, то ли охрана Брикенфилда ведет наблюдение. Мои ребята не должны быть заметны.

Это еще слабо сказано, подумал Кочевник, вспоминая, как ловко Труитт Аллен сунул под водительское сиденье гладкий кожаный пакет, когда сел за руль. Телефон? Переносная рация? Компактный пистолет? Наверное, все сразу.

— Вопрос? — сказал Труитт с вопросительной интонацией, будто прочел мысль Кочевника.

— У меня вопросов нет.

— Я хотел сказать, что у меня есть. Хотелось спросить... какова история этого фестиваля «Стоун-Черч»? Он же начался не под этим названием. — Это Тру знал. В девяносто пятом, когда фестиваль организовали впервые, он назывался «Апач-Лип», а в двухтысячном стал

«Стоун-Черч». — Здесь самый высокий пик называется Апач-Лип, верно?

— Думаю, так.

— Ну а кто *знает* точно? Меня интересует, почему сменили название. — Он не стал спрашивать Гарта Брикенфилда или Роджера Честера или даже своего командира оперативников — среди миллиона подробностей, которые надо было продумать в этой операции, да и вряд ли это существенный момент. Но все равно любопытно. — Кто-нибудь мне поможет?

— Я об этом читала, — сказала Ариэль, хотя свои знания она недооценивала. Она говорила с другими музыкантами, которые играли на «Стоун-Черч», и по их опыту она тщательно углубилась в тему, как детектив Рамона Риос — в рапорты о пропавших людях. — Про Апач-Лип* легенда такая...

— Один храбрец залез туда сразиться со злым духом, — перебил Тру. — И спрыгнул с пика, когда понял, что зло ему не победить — оно в нем самом. Школьная история. Я хотел узнать про «Стоун-Черч».

— Эта легенда и Стоун-Черч взаимосвязаны, — пояснила она. — Город Стоун-Черч очень долгое время был обиталищем злых духов.

— Это вы кого-то цитируете? — Он прибавил газу, потому что поток снова тронулся, но тут же опять впереди загорелась цепочка стоп-сигналов. Бросая на дорогу темную тень, огромной птицей пролетел вертолет. — Или это ваше мнение?

— Я вам расскажу, что читала и слышала, если вы хотите слушать.

— Хочу, — ответил он, чуть не сказав «ваш выстрел».

Ариэль начала рассказ.

---

* Apache Leap (англ.) — прыжок апача

Глава семнадцатая

Она хорошо умела рисовать картины словами и сейчас стала рисовать их для Труитта Аллена: желтая пыль, реющая в горном воздухе, неподвижность камней, окаймленных красным, солнце, льющее жар на трещины и расщелины старой сухой земли, а глубоко внизу, под этой запекшейся коркой потеют при свете фонарей люди, долбя кирками стены серебряной шахты номер три.

Раньше эту шахту разрабатывали испанцы, используя индейцев как рабов, но лишь в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году предприимчивые американцы обнаружили в земле дыру и выгребли образцы — посмотреть, что там есть. С ними появились вьючные мулы, брезентовые палатки, потом прибыли бочки гвоздей и нужное количество строителей, которым платила инвестиционная компания из Сан-Франциско, и началось возведение деревянных домов. На двух борделях повисли соответствующие цветные вывески, прочно встали четыре бара — качающиеся двойные двери и латунные плевательницы. Фургонами стали прибывать жены и дети. Ночью поднимался ветер и пел в телеграфных проводах, протянувшихся на столбах до Хила-Ридж. Построили школу, подальше от салунов и домов с плохой репутацией. Это была уже третья серебряная шахта, принадлежащая компании, и ее работники имели опыт строительства города вокруг мечты о богатстве.

Из шахты добывалось прилично серебра. И еще кое-что: немного свинца, следы цинка, достаточно золота, чтобы учащался пульс, женщины мечтали о блеске, а мужчины покупали карманные пистолеты — просто для защиты. Но серебра было много, и серебряная шахта номер три должна была обогатить многих.

Посланец Божий прибыл летом тысяча восемьсот девяностого года. На собрании горожан он представился как преподобный Дэниел Кайли. С собой он привез жену, двух юных сыновей, малютку-дочь и фургон с Библиями и сборниками гимнов. Хороший был человек, разумный человек. Человек с мечтами о том, чтобы улучшить мир, нуждающийся в спасении.

Человек.

В Денвере, где последнее время жил Дэниел Кайли, у него возникли трудности. Говорят, они были связаны с властью виски или с властью женщины, которая шепчет мужчине на ухо такие заманчивые вещи, на которые жена никогда не решится. Эта женщина смеется и делает то, о чем шептала. Потом смеется и смотрит, как рушится жизнь мужчины вместе с планами строительства новой церкви на Блейк-стрит. Кайли был изгнан из этого Эдема и долго скитался, стремясь искупить свою вину в глазах Господа, в глазах своей жены и в сердцах своих детей. Он должен был вернуться с боем, и единственным ему известным способом это сделать было построить нечто священное, нечто долговременное, маяк, уводящий грешников с пути тьмы. Потому что он знал, куда ведет этот путь: к гибели. К гибели заманили его пара зеленых глаз и пара рук в зеленых перчатках. В коридоре с красным занавесом, скрывавшим тайну Дэниела Кайли, зеркало показывало ему лицо погибшего человека.

Есть над чем посмеяться.

Компания горячо одобрила все, что предлагал Дэниел Кайли. Церковь стабилизирует общество, дает начало закону и порядку, необходимым в городах, предоставляет людям место, где венчаться, куда приносить детей на крещение, где проводить в тот путь, который ждет каждого. Церковь избавляет рабочих от недовольства. Ее решили воздвигнуть в центре набирающего силу делового

района серебряной шахты номер три, и Дэниел Кайли агитировал компанию построить эту церковь не как обычно — из бревен и смолы, — но из камня самих этих гор. Построить на века.

И вот летом девяносто первого года в пропитанном красной пылью воздухе раздалось громкое «ура», и в землю вгрызлись первые лопаты. Потом пауза: фотограф заряжал аппарат стеклянными пластинами, расставлял мизансцену и запечатлевал момент под яркую вспышку магния.

Достроенная церковь оказалась чудом красоты, исполненным гордости и рождающим надежду. Камни лежали плотно и точно, известь — белее бороды Господней. Перед дверью легли резные каменные ступени, твердые и прочные, дабы вести нуждающихся по пути спасения. Кто знал, какое будущее ждет городок? Шахта давала серебро, и еще много предстояло найти полезного. Поселок с четырьмя сотнями жителей может когда-нибудь стать большим городом. Городом на вершине горы, соперничающим даже с Денвером.

О да, говорил преподобный Дэниел Кайли, обращаясь с новой сосновой кафедры к прихожанам на скамьях. Вполне может так быть.

— Как это началось, никто не знает точно, — сказала Ариэль. «Жестянка» продолжала взбираться вверх по горной дороге. — Но началось.

— Что началось? — спросил Тру.

— Конец, — ответила она.

Может быть, началось с самой шахты. Серебро не то чтобы кончилось — оно все так же блестело на стенах в свете фонаря. Но жилы его уходили глубже, и вслед за ними глубже уходили шахтеры, и день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем шахтеры уходили глубже.

И еще глубже.

Кто же первый рассказал в салуне, залпом хлопнув стакан, что видел в переходах и темных камерах, где тяжело качают пыльный воздух насосы, какую-то чертовщину? И что это было? Что видели другие, что заставило их вылезать из дыры, складывать в фургоны кирки и лопаты, забирать жен и детей, покидать дома, бросая покрывала на кроватях и тарелки в буфете?

Некоторые перед отъездом говорили. «Больше в дыру не полезу, — говорили они. — Нет, сэр, ни за какие деньги на этой земле. Потому что там Оно. Оно смотрит на меня из темноты, а если поднять фонарь, видны только его тени, потому что Оно уходит обратно в камень. Да, сэр, вы не ослышались. В камень».

Городским врачом был старик по имени Леон Льюис, который в свое время много насмотрелся видений среди пожирателей лотоса в Сан-Франциско. Он сказал мэру и городскому совету, что эти галлюцинации, по его мнению, суть следствия неудовлетворительного качества воздуха в штольнях. Насосы устарели, и их мощности не хватает на тех глубинах, которых достигла шахта, сказал он, и пора представить компании план парового двигателя, который будет приводить в действие новую систему вентиляции.

Ответом компании было изучение плана. Тем временем из штолен поднимались новые люди и клялись никогда туда не возвращаться. И почти никто ничего не рассказывал — ни спьяну, ни за деньги. Когда один из них облегал душу, рассказав какой-то проститутке, то вполне было вероятно, что в городе через день-другой станет меньше и на одного шахтера, и на одну проститутку.

Не только тени, не только фигуры, мелькнувшие там, где им невозможно быть, не только быстрый блеск глаз из темноты — нервы шахтерам изматывала музыка.

Всегда еле слышная. Всегда на грани «почудилось». Но все, кто ее слышал, были уверены, что это духовой

оркестр играет марш. Внизу, в темной глубине шахты, там, где кирки и заступы только начали ковырять землю, духовой оркестр играл марш Джона Филиппа Соузы. Был это «Вашингтон пост», или «Гладиатор», или смесь того и другого — встречались разные мнения, потому что слышалась она лишь мгновение и исчезала в пыхтении насосов и стуке заступов.

Док Льюис говорил, что работа на глубине действует на внутреннее ухо человека так, что вполне может слышаться фантомная музыка. Он вызвался сам спуститься вниз с шерифом Мак-Ки и главным десятником.

— Ариэль, ты на меня жуть нагоняешь, — сказала Берк. — Явно половину всей этой фигни сама придумала.

— Хотелось бы. Но я знаю три книги на эту тему, а в апреле прошлого года документальный фильм показали на канале «История».

— Ты чего, ты это *изучала*? — спросил Кочевник.

Черт, сигарету бы сейчас! Чем выше залезали они в эти дурацкие горы, тем больше Кочевник нервничал, а это с ним бывает *очень* редко.

Тру, следуя за предыдущей машиной, въехал в металлические оранжевые ворота. Рядом с ними стояло небольшое беленое здание, перед зданием — пара мужиков в белых рубашках и песочного цвета шортах. Охранники напоминали мясистых отставных футболистов, и один из них показывал «заячьи ушки» четырем девушкам в джипе, а другой на кого-то орал в сотовый телефон. Впереди Тру увидел знак парковки и стрелку, показывающую влево. Он же должен был ехать прямо, в зону для артистов.

— Я думаю, вы слишком Стивена Кинга начитались, — сказал он Ариэль. — Но давайте дальше.

Она продолжила рассказ.

Когда доктор, шериф и десятник вышли из шахты, они ни с кем из ждавших у входа разговаривать не стали, а пошли прямо в Каменную Церковь, и видно было, что шериф Мак-Ки поддерживал дока Льюиса, потому что на ступеньках у того подкосились колени. Они вошли внутрь и сколько-то времени там пробыли. Никто с ними туда не пошел, но один из шахтеров побежал за Дэниелом Кайли, и преподобный прибыл и вошел прямо в церковь. И тоже долго не выходил. Наконец все разошлись по домам, и это была первая ночь, когда телеграф в офисе компании стал выстукивать: «Внимание, новости! Разрушена Каменная Церковь», выстукивать снова и снова где-то под горой, хотя никто из Хила-Ридж этой телеграммы не посылал.

Что выяснилось за следующие несколько дней и о чем шептались в салунах среди недопитых бутылок и позабытых шлях, так это что три человека, спустившиеся в шахту, пошли за еле слышными обрывками музыки — то ли «Вашингтон пост», то ли «Гладиатор», то ли еще что, — за музыкой, от которой обычно человек снимает шляпу и салютует флагу в приступе горячего патриотизма. Они шли за музыкой из камеры в камеру, вооруженные фонарями и здоровенным револьвером «колыт нэви» в красной лапе шерифа. А музыка, говорили шепоты, уводила их глубже и глубже, пока вдруг не прекратилась и в свет фонарей не шагнула женщина.

Она была поразительна. Красивая женщина в изящном платье. Она была в зеленых перчатках, и она сказала этим троим, что хочет говорить с преподобным Дэниелом Кайли. Она предупредила, что если он откажется, городу придется туго. Она сказала, что городу придется туго, даже если он *согласится* с ней увидеться, — потому что так сложились обстоятельства. Но, сказала она, от

столь воспитанного джентльмена она по крайней мере ожидает визита вежливости.

И фургоны потянулись прочь. Главный десятник и его жена двинулись на следующее утро после этого события, бросив все, что не влезло в один сундук. Шериф Мак-Ки был пробужден от пьяного забытья худой китайской девушкой, что спала у него на крыльце, как влюбленная дворняга. И даже док Льюис подумывал сбежать, но он и так уже еле стоял на ногах, семьи у него не было, и был он как старый конь, которого осталось только пристрелить. Он решил переждать — с некоторым количеством листьев лотоса для успокоения нервов.

Дэниел Кайли собрал перед Каменной Церковью сходку. Это пришлось сделать белым днем, потому что с наступлением темноты никто не согласился бы выйти на улицу. К оставшимся перепуганным жителям — их было человек семьдесят — он обратился голосом, будто высеченным из векового камня. Стоял он твердо, с ним рядом — его семья, и он повелел слушателям тоже быть твердыми. Подняв Библию, он сообщил им, что здесь нашел свою цель, свое призвание, свою истину. Нашел то, что искал разными путями всю свою жалкую жизнь.

Он нашел свою битву с Сатаной. И Богом клянется, что не даст Сатане захватить город.

Тут еще человек тридцать бодрой рысью ринулись к фургонам, но сорок оставшихся стоять сплюнули табак, почесали яйца и в ответ преподобному заорали по-гречески, по-китайски, по-норвежски, с ирландским броугом или шотландским берром, настороженным голосом людей, привыкших спать вполглаза.

Они решили отослать жен и детей вниз ради безопасности — если получится, потому что из жен тоже некоторые сплюнули табак, а среди детей некоторые почеса-

ли яйца, как папа. Но чего стоит жизнь, если ее проживать перепуганной овцой?

— Вот тут история и сошла с рельсов, — сказал Кочевник. — Никто бы не остался в городе. Ни один человек. Да я бы сам тут же улетел вниз по дороге.

Вдруг он сообразил, что как раз сейчас едет по дороге *вверх*.

— Может быть. — Ариэль, как и Тру, увидела двойной знак, показывающий на отходящую вправо дорогу. Верхняя стрелка была подписана «Торговцы», нижняя — «Артисты». — Но в том, что я читала, было написано, что людям, решившим остаться, сообщили о бонусе, который компания выплатит каждому, кто вернется в шахту. Компания не знала, что происходит, — там думали, что перебой в работе связан с воздушными насосами, — но послала сейф золотого песка из Сан-Франциско. И пока жертв не было. Была музыка, была женщина, были угрозы по телеграфу — но телеграф прекратил болтать.

— Что значит «пока»? — нахмурилась Берк. — Чертовски зловеще это звучит.

— Две-три недели ничего не происходило. Шахтеры вернулись к работе. Не было больше мелькнувших в темноте силуэтов. Даже из сбежавших кое-кто приехал обратно. А потом то, что там было, — зло, Сатана, называйте как хотите, — вышло из шахты и вошло в город.

Хотел ли Дэниел Кайли спуститься в шахту и увидеть эту женщину — это существо, которое его звало? Встала ли его жена у него на пути, умоляя этого не делать? Он не спустился. А потом... Как-то утром они нашли свою дочь мертвой в постели. И лицо в синяках. Сыновья преподобного проснулись от криков ужаса... и один из них сказал, что ему снился сон. Очень, очень дурной сон. Он будто бы тихо вошел в детскую, когда они все спали, посмотрел на кровать сестры — а там рядом с головой сес-

тры свернулась змея. И у него в руках будто уже была подушка, и он ударил рептилию по голове и прижал изо всех сил, и пытался позвать на помощь... но почему-то голоса не было. У него украли голос этой ночью. Но он давил и давил — и наконец поднял подушку и увидел, что змея сдохла. Он еще отцу во сне сказал, что он настоящий герой и ему, наверное, медаль дадут.

Фургон компании с сейфом золотого песка прибыл из Сан-Франциско на следующий день. Его сопровождали четверо. Звали их Бартон Таггет, Майлз Бранко, Джеррод Спейд и Дьюк Чэндерли. Они были в грязных «стетсонах», и у каждого на поясе висел «кольт». Во имя компании они были готовы объявить войну лежебокам, сачкам и трусам, которые отказываются копать серебро из-за какой-то там неполадки воздушных насосов. Когда они увидели вместо четырехсот человек только пятьдесят и нового десятника — рыжебородого одноногого шотландца, их настроение переменялось. Когда они побеседовали с шерифом Мак-Ки, доком Льюисом и Дэниелом Кайли, когда увидели тело девочки в гробу и пораженные ужасом глаза мальчика, задушившего ее в кошмаре, то засели в последнем оставшемся салуне под взглядами последних оставшихся жриц любви, попили виски, покурили сигары и решили, что для такой фигни, как тут, они уже слишком старые.

Но штука в том, что у этих ребят были принципы, не раз подвергавшиеся испытаниям и выдержавшие их. Так что когда настала ночь, и по всему Стоун-Черчу загорелись лампы, и сама церковь стояла молчаливая и массивная в центре города, бойцы компании решили: черт его знает, есть ли у демонов кровь и черная она или красная, но четверо ветеранов Гражданской вполне могут это выяснить.

— И они спустились в шахту с Дэниелом Кайли и шерифом Мак-Ки, — продолжала Ариэль. «Жестянка» про-

ехала большую огороженную парковку с кучей грузовиков, фургонов и трейлеров. Знак над ней сообщал: «Для торговцев». — Они спустились, чтобы найти эту женщину. Это существо, чем бы оно там ни было. И все. Конец истории.

— То есть как это, на хрен, конец?! — чуть не заревела Берк.

— Да ладно! — сказал Терри. — Не может быть такой конец.

— *Хорошего* конца нет, — пояснила Ариэль.

Тру оглядел машины на стоянке для торговцев. «Кольца Сатурна — тату». «Инк. Бодиарт от Сарафины». «Тату — шок». «Племенные рисунки». «Живая игла».

— Расскажи до конца, — попросил он, проезжая мимо.

— Я слышала и читала про один дневник в какой-то библиотеке. Под замком, доступен для изучения лишь психологам и священнослужителям, — тихо сказала Ариэль. — Написан одной из стоун-черчских проституток. История о том, что она и все ее коллеги, кроме двух, уехали в фургоне, пока бойцы, шериф и проповедник спустились в шахту. Женщины не оглянулись, но все подробности — из этого дневника. О нем говорили в том документальном фильме на канале «История». Женщины ничего не слышали — ехали себе. Но когда компания перестала получать известия, то наняла сыщика из агентства Пинкертона в Тусоне — выяснить судьбу своих новостей. Детектив не нашел ничего и никого. Пятьдесят с чем-то человек, четверо бойцов — исчезли. Никаких следов борьбы. Лошади, мулы, коровы, свиньи — ничего. Ничего живого в Стоун-Черче не осталось. Но белье висело на веревках, грязные тарелки лежали в тазах для посуды, швабры и метлы прислонены в углах, будто их владельцы вышли на минуточку. На одном столе — сковорода с пирожками. В каких-то домах двери были открыты,

в других закрыты. Сейф нашли запертым в камере в конторе шерифа. Все мешки с золотым песком на месте. В гостиной дома проповедника нашли пустой гроб детского размера. Еще два момента: сыщик обнаружил, что все надгробия на кладбище повалены и окна в церкви выбиты изнутри. — Она смотрела вправо через зеленое тонированное стекло и сейчас слегка прищурилась. — Вот она.

И они увидели то, куда смотрит Ариэль.

Церковь стояла в двух-трех милях, господствуя над чуть поднимающейся местностью. Крыша провалилась. Шпиль если и был, то следа от него не осталось. Каменные стены раковины окружали пустую середину. Даже с такого расстояния при полуденном солнце виднелись полосы извести. Земля под стенами была пепельного цвета. Там и сям валялись в беспорядке кучи бревен. Открытый каркас здания, изъеденного ветрами в клочья, еще стоял, но дни его были сочтены. Зато сама Каменная Церковь... она выстояла сотню лет и могла бы простоять еще сотню, хотя прихожанами ее сейчас были только ящерицы да скорпионы. Дорогу, ведущую к городу, перегородила массивная железная решетка, замкнутая чем-то вроде гирлянды цепей и бухт колючей проволоки. Проволока обвивала вершину, как колючие волосы — плешь на темени. Через равные интервалы были расставлены знаки, написанные люминесцентной оранжевой краской. Прочитать их было невозможно, но легко было догадаться: «Опасность», «Проход запрещен», «Проход на свой страх и риск», «Нарушители будут...»

А что они будут? «Поглощены пастью ада»?

— Вся эта история — попсовое вранье, — сказал Кочевник, но не слишком громко.

Между «Жестянкой» и Каменной Церковью встала стена коричневого камня, поросшая кустистой травой, и церковь скрылась из виду.

Глава восемнадцатая

Тру раздумывал.

Ответ на исходный вопрос он получил: Гарт Брикенфилд решил сменить название своего ежегодного фестиваля «Апач Лип» с целью создания более мрачного имиджа. История выбрана такая, которую можно отослать по почте десяти знакомым, и к концу дня ее будет знать уже сотня человек — или несколько сотен? Реклама, реклама и реклама. Реклама — и плюс нотка жути, оттенок сатанинской серы. Плюс привлечение торговцев, которых Брикенфилд для этого фестиваля привлекал. И выходит, что старик, притворяющийся, будто возится с древними самолетами, на самом деле строит летающую зоопалузу*.

За следующим поворотом музыка стала уже ошутимой.

Первым, как всегда, бас. «Жестянка» начала вибрировать в такт еще раньше, чем бас стал слышен. У кого-то были выведены на максимум мощные колонки. Ворота амфитеатра открывались в полдень, и по расписанию, которое было у Тру, первой на сцену выходила группа «The Bleeding Brains».

И играла она очень, очень громко.

Тру замедлил ход. Машина катилась к оранжевым воротам, где ребята из охраны проверяли въезжающих ручными сканерами. Тру опустил стекло и услышал в полную силу гром бас-гитары и бас-барабана, отражающийся от каменных стен и, быть может, двух сотен бритых голов. Чувствовал он себя как боец компании из рассказа Ариэль: слишком он стар для такой фигни — но он называет себя мужчиной и потому должен спуститься в эту самую шахту.

---

* Зоопалуза (zoopalooza) — концерт в зоопарке.

— Спасибо, сэр, — сказал охранник с голубым солнцезащитным кремом на лице, проверив пропуска. Заглянув в машину, он крикнул: — Дайте жару, ребята! — и взметнул кулак в воздух.

Они въехали на грунтовую парковку за сценой. Как на любой парковке за сценой любого фестиваля, здесь была фантастическая панорама из многих элементов: военного лагеря, пикника у барбекю, беспорядка лаборатории сумасшедшего ученого — ящики, коробки, непонятная электроника, — генератора на всякий аварийный случай, строя побитых грузовиков, трейлеров и фургонов из сомнительного автосалона в плохом районе города. Мрачное место за цветастыми транспарантами на ярмарке, куда сваливают объедки сластей.

Тру припарковался между рядом зеленых передвижных туалетов и лиловым фургоном, разрисованным оскаленными серебряными черепами.

Прибыли.

Первое, что должна была сделать группа «The Five», — пойти в большой черный приемный трейлер с красной надписью на боку «ГБ Промоушн», получить воду в бутылках и пропуска на сцену, съесть предложенные сандвичи и чипсы и сообразить, как именно устанавливать оборудование. На обустройство у них было около двух часов. Надо было все выгрузить, подключить и проверить как можно лучше — как оно будет работать в этой обстановке. Насчет выгрузки сувениров можно было не волноваться — их уже доставили из «АРЧ» в компанию Брикенфилда и начнут продавать на «средней аллее», где расположилось море торговцев. Там будет с трудом сдерживаемый хаос, как ни нарежай площадь.

Первой задачей Тру было вынуть из фургона кожаный пакет, зайти за ряд передвижных туалетов, где грохот «Bleeding Brains» был относительно тише, раскрыть па-

кет и достать из него легкий алюминиевый «чартер-армз спешиал» тридцать восьмого калибра. Потом он вынул черную маленькую «моторолу» уоки-токи, принимающую и передающую на восемнадцать миль, и включил голосовую связь.

— «Прайм», обустройстваюсь, — сказал Тру. — «Скаут», вы на месте?

— Так точно.

Прием был такой четкий, будто Тони Эскобар стоит прямо рядом.

— Нэйв, как меня слышите?

— Отлично.

Он перечислил «Ланса», «Лоджика», «Шелтера» и «Сигнета». Имена он выбрал из списка тральщиков класса «Адмирабль» времен Второй мировой. Ребята закатывали глаза к потолку, но против него не попрешь — он начальство.

— Все, что я могу сказать, парни, — объявил он, когда доложились все группы, — так это смотрите в оба.

Они свое дело знали. У них были мощные бинокли и камуфляжная одежда, маскировавшая на местности. Винтовки — у всех «ремингтоны» с оптикой, подобные той, что должна быть у Джереми Петта, — тоже камуфлированы. Группы распределились по всему циферблату амфитеатра, и по умению оставаться невидимыми эти ребята были специалистами. Тру пришла в голову мысль:

— Эй, Кларк!

— Да, сэр?

Кларк Гриффин был командиром группы «Шелтер». Он и его люди должны затаиться на позиции, находящейся ближе всех к этому месту на возвышении. К этому самому месту.

«Будьте осторожны», — чуть не сказал он.

Но это было бы глупо. А командующий операцией глупцом выглядеть не должен. И он сказал:

— Там твоя музыка внизу играет.

— Да в той очереди никто Бакетхеду свечку держать недостойн, — ответил Кларк. — Я из вас еще сделаю фаната, сэр.

— Да я как-то застрял в периоде Кросби, Стилса и Нэша, — ответил Тру. — Ладно, парни, настроились на работу. Одно только напоминание: мы стреляем *по конечностям*. Не на поражение. До связи.

Он выключил голосовую связь. Ну что ж. Хорошо уже, что каждый из них там, где должен быть.

Тру вышел из-за ряда передвижных туалетов и зашел в ближайший из них — облегчить ноющий пузырь.

На пути к приемному трейлеру Кочевник замедлил шаг. Ариэль это заметила и тоже притормозила. Он устался куда-то вправо.

— Джон? — окликнула она, потом проследила за его взглядом до шикарного трейлера «Эйрстрим», где сидел почти голый мужчина с татуированными грудью и руками и волосами цвета масла. Он сидел на садовом стуле, обратив лицо к солнцу. Кочевник сказал Ариэль, чтобы шла вперед, он догонит. Она на миг замешкалась, но Кочевник уже направился к трейлеру, и она пошла вслед за Терри и Берк, переступая через кабели.

Кочевник знал, что этот человек на «Стоун-Черче» будет. Его группа «Mjöllnir» выходила на сцену сегодня в восемь вечера. Он приехал рано — оттянуться, потусоваться, попробовать свежатинки, дернуть хорошей травки, послушать новые группы. Может быть, и его график турне куда менее напряжен, чем бывал десять или двадцать лет назад. Мьёлльнир — имя мифического молота Тора. Человек на садовом стуле, ловящий солнце закрытыми глазами, был поверженным богом.

Кочевник подошел к нему молча, под грохочущую в ста шагах «The Bleeding Brains», но у поверженных богов сохраняется шестое чувство, и этот человек открыл глаза, зеленее всякого изумруда, и пронзил Кочевника *взглядом*.

— Ты как, мимо проезжал или что? — спросил Кочевник, не в силах сдержать радостную ухмылку.

— Ну, пацан! — сказал блондин хриплым голосом, который знают миллионы слушателей и имитируют десятки певцов помельче рангом. Он встал, улыбнулся так же радостно и раскрыл приглашающие объятия. — Иди сюда, паразит ты этакий!

Он был одет лишь в черные плавки и коричневые сандалии. В паху выступал здоровенный бугор.

— Вот к *этому вот*? — спросил Кочевник. — Близко не подойду.

— Он у меня под контролем, — ответил блондин. — Да и вообще *на тебя* тратить не стану. Иди сюда, обними меня.

Кочевник шагнул вперед — и вдруг длинноволосый в черных плавках пригнулся и бросился. Плечом тверже железобетона он толкнул Кочевника в грудь. Тот не успел собраться, пошатнулся и упал бы, если бы этот паразит не обхватил его за пояс и не завертел, как тряпичную куклу. Потом он плюхнул Кочевника на садовый стул.

Тор Бронсон испустил прямо в лицо Кочевнику кошачий вопль — это был смех.

— Это тебе за то, что мозги мне компостировал, Джонни! Я думал, я у тебя на разогреве сегодня. Как вышло, что это не так?

— Господи Иисусе! Ты мне хочешь ребра сломать?

— Я тебе шею сломаю! Иди сюда, я тебя люблю! — Он ладонью схватил Кочевника за шею и вlepил мокрый поцелуй прямо в лоб. — Ты, сукин ты сын, про электрон-

ную почту слышал чего-нибудь? — По его лицу пробежала тень. Полусумасшедшая улыбка погасла, изумрудные глаза потемнели. — Блин, Майк и Джордж. До чего ж хреново-то. Что это за хрен такой, Джереми Петт, и что вы ему сделали?

— Ты по телевизору смотрел?

— Да по всем каналам, мать их так. Какое-то время. Потом мир завертелся дальше. Ты знаешь, что этот гад скотч-насильник трахнул девушку, с которой я встречался? Одна секретарша из «Рино рекордз». Блин, не нравится мне, куда мы катимся. Пива хочешь? Понятно, что хочешь.

— Нет, — ответил Кочевник. — Не хочу. — Он увидел на столе рядом со стулом пачку «Винстона» и зажигалку. — Мне бы сигарету и воды, если у тебя есть.

— Закуривай. Я сейчас другой стул принесу.

Тор пошел в трейлер, оставив Кочевника одного на злом солнцепеке. Кочевник закурил. Через минуту Тор вышел, держа за горлышко две бутылки пива и второй стул под мышкой. Сунув Кочевнику холодную бутылку, он поставил себе стул.

— Эй, такую беленькую цыпочку, как ты, надо беречь от солнечных ожогов! Держи.

Он полез в пластиковый ящик и вытащил большой зонтик в красную полоску с резиновой струбиной на ручке. Раскрыв зонтик, Тор привинтил его к подлокотнику кресла, прикрывая Кочевника от солнца.

— Домашний уют, — сказал он и чокнулся бутылкой с Кочевником. Они выпили, потом Тор вытянул жилистые ноги и задрал обветренное лицо к небесному светилу.

Кочевник глянул на своего соседа справа и отвел глаза. Выпил еще. Тора он не видел уже пару лет — в последний раз на фестивале под открытым небом в Санта-Крузе в июне две тысячи шестого. Тору было лет сорок

пять, плюс-минус сколько-то. На сайте у него был указан год рождения шестьдесят третий, но это был вопрос спорный. На сайте также говорилось, что музыкальный вкус бунтаря-подростка из Байоны, Нью-Джерси, сформировали, в частности, «Judas Priest», «Blue Oyster Cult», «Mountain», «Black Sabbath» и, конечно же, «Led Zeppelin». Особую для него роль сыграли Марк Фарнер из «Grand Funk Railroad», Питер Вольф из «J. Geils Band» и Джим Дэнди из «Black Oak Arkansas». И все это было правдой, но фикцией был сам Тор Бронсон.

От рождения он был Сол Брайтман, отца его звали Мори, известен был также под кличкой Маяк. Эти откровения, произносимые в парах пива и текилы и клубах дыма от забористой травки, Джон Чарльз слышал, когда ошибался в Голливуде фанатом рок-групп, видя себя в мечтах крутым музыкантом. В восемнадцать лет он уехал из Детройта на автобусе с большими надеждами быстро сколотить группу и создать себе имя. Через пару недель он ходил по улицам, выискивая любое место, где можно играть, питался сосисками с перцем и ютился в сырой квартирке на Северной Марипоза-авеню с четырьмя такими же великими музыкантами. Наконец он нашел подработку маляром. И это еще повезло. Но ему пришлось ремонтировать квартиру для одной молодой дамы в Эрмоза-Бич, которая, услышав, что он хочет быть музыкантом, сказала, что сестра ее встречается с одним «стариком», который в музыке был когда-то знаменитостью. Имя у него, как у этого, из комиксов. Такой в шлеме с рогами.

Он играет по субботам вечерами в «Аддикшн» в Дауни, и если красивый маляр девушке сделает скидку, то она его представит. Идет?

Этот «старик» красовался на обложках многих старых записей, которые оставил Джон Чарльз в своей подростковой комнате — вместе с пластинками «Aerosmith»,

«AC/DC», «Guns N' Roses» и «Motley Crue». Этот человек выходил на сцену со своей группой «хэви метал», встряхивал нордической светлой гривой, миру являлась голая грудь, мелькало тощее тело, а голос его был «темным варевом чистого мрачного рока, смешанного с черным лакированным соулом, с добавлением красной глины филлоллера в смеси с первобытным воплем городского отчаяния».

Это было прямо с обложки первого альбома «Mjölnir» «Попади», у которого продажи были чудовищные, особенно в Германии, Норвегии и Швеции.

— Этого гада найдут, — сказал Тор, глотнув еще пива. — В наши дни ему не уйти. Проследят его по спутниковой картинке или еще как.

— Да, наверное, — согласился Кочевник.

— Люблю погорячее, — сказал Тор, а потом усмехнулся Кочевнику, потому что «The Bleeding Brains» подошли к концу песни и взметнули рваное многоголосье толпы, inferнального механизма, что удерживает колеса рок-н-ролла на горящих рельсах, ведущих в ад. Сотни сильных голосов слились в массу концентрированного шума и покатались через парковку грохотом средневековой осадной машины.

— Слушай... *слушай*, — сказал Тор.

Он закрыл глаза на несколько секунд, будто прислушиваясь к хору ангелов, пусть и очень сильно падших. Звук прокатился над ними, через них, и до того еще, как он затих, ударник «The Bleeding Brains» заколотил по басу, и две гитары разорвали воздух, борясь за первенство.

— Новая группа, — сказал Тор. — Молодые парни, перепуганы до усрачки. Я их ведущему певцу сказал, что если только почувствует, будто перестает владеть ситуацией, пусть скидывает джинсы и показывает публике жопу. Лучше всего им напоминает, кто тут главный.

— Кажется, мне ты давал тот же совет.

— Да наверняка. — Тор чуть развернул кресло, чтобы видеть пацана — как он продолжал называть Джона Чарльза. «Где, блин, этот пацан, что мне воду несет? Где, блин, этот пацан с моей, блин, отверткой «Филлипс»? Где этот гадский пацан с изоляционной лентой?»

Именно им и был Джон Чарльз поначалу: шестерка, пригодная лишь двигать колонки и таскать оборудование вместе с ребятами, которые уже годами ездили с группой «Mjölnir». Он начал с самого дна этой сумасшедшей клетки, где новичку на перышки сыплется все валящееся сверху дерьмо.

— Как жизнь? — спросил Тор. — Я в прямом смысле.

Кочевник мог его спросить о том же. Старый друг — первый человек, который после долгого тяжелого лета черной работы дал ему шанс показать, что он может делать, — выглядел куда старше своих лет. Но у рокера года считать надо, как у собаки, — множить на семь. Тор в лучшие годы был грубым качком, сейчас он скорее усох, чем порвался. Вокруг остатков бицепсов вились неровные ленты татуировок. На сердце и на большей части левого плеча расположилась татуировка викингского символа молота Мьёлльнира, а над ней — череп. Эти украшения появились тогда, когда они стали нужны, чтобы отставаться в струе, раньше их не было. Да, он все еще мог одним ударом отправить Кочевника в нокаут, но казалось, что он стал тоньше, меньше. Под загорелой веснушчатой кожей выступили узлы и жилы. Спереди на лбу показались корни волос — жуткий эффект «волос куклы». Дорогие зубы изнашивались, как у старого льва, сгрызшего слишком много закаменелых костей. Но все так же блестели зеленые глаза, и оставался тот же Взгляд, и уже одно это позволяло ему пройти еще очень, очень долгий путь.

— Сурово это было. Если ты про Майка и Джорджа, — сказал Кочевник. — Не знаю, что до тебя доходило, но Джордж должен поправиться.

— Это хорошо. А в тебе, пацан, есть железо. Воля идти и не сворачивать. *Меня* бы на твоём месте здесь не было. Сгруппировался бы — и домой.

— Правда? — спросил Кочевник и выпустил длинную струю дыма.

Тор не ответил. Он лишь слегка засмеялся и сказал небрежно:

— Смотрю, ты все так же разъезжаешь с лесбиянкой, ботаном и хиппушкой.

— Все так же, — ответил Кочевник.

— Дай мне тридцать... да хрен с ним, *пятнадцать* минут с этой лесбокиской — и она только глазами хлопать будет потом. И думать.

— Это вряд ли. — Кочевник прислушался к мозгам, истекающим на сцене кровью*. Глотая пиво, он слышал, как эти убийцы лажают где только можно. — Кто с тобой сегодня?

— Ты их не знаешь. Пацанва, хрен бы им в душу. Но против *дедушки*, — он сжал кулак и больно ткнул Кочевника в правую руку, — им не потянуть. С ними это ж музыкальный детский сад получается. Зато шевелюры у них классные.

— За классные шевелюры. — Кочевник поднял бутылку.

— Была у меня когда-то своя, теперь покупная. — Тор чокнулся с бутылкой Кочевника и допил пиво почти до конца. — Еще одну?

— Нет, мне хватит.

---

* «The Bleeding Brains» — в дословном переводе «Кровоточащие мозги».

— О'кей. — Тор снова поднял лицо к солнцу. Помолчав, он сказал: — Папочка мой ушел в декабре. Если бы ты когда-нибудь писал или звонил людям, которым на тебя не наплевать, я бы тебе сообщил.

— Сочувствую.

Кочевник слышал рассказы про Мори Брайтмана по прозвищу Маяк из воспоминаний его сына, который мотался с отцом и матерью по клубам и отелям в огнях гаснущих закатов Пояса «Борщ»*, Еврейских Альп, известных также как горы Кэтскилл на севере штата Нью-Йорк. Маяк играл на таких курортах, как «Кроссингерз», «Конкорд», «Фриар Тук Инн», «Катшерз-отель» и «Кантри-клуб». Его представление называлось «Заседание совета», и он пародировал среди прочих голоса Тома Джонса, Рея Чарльза, Вика Деймона, Ал Мартино, Джерри Вейла, Сэмми Дэвиса-младшего, Билли Экстайна и Стива Лоуренса, а заканчивалось выступление, конечно же, мистером Синатрой — председателем.

— Я купил черный костюм, черный галстук и белую рубашку в магазине «Пенниз», — сказал Тор. — Вышел вперед и спел ради моего отца «Мой путь». Твою мать, там чуть стены не рухнули. Я думаю, ему бы понравилось.

Кочевник кивнул. Вкладом Мори в вокальное искусство сына стало умение Сола говорить без всякого акцента или тянуть гласные по-южному, изображать новоанглийское жужжание или гнусавость Среднего Запада, британский уличный кокни или отрывистость немецкой речи. Его голос был гражданином мира. Чтобы это понять, достаточно было послушать его сценический речитатив: он разговаривал всюду как местный. Это отлично было слышно в двойном альбоме «С Mjölnir

---

* Юмористическое прозвище курорта в горах Кэтскилл.

вокруг света», вышедшем в тысяча девятьсот восемьдесят шестом.

Джон Чарльз помнил, что ему когда-то сказал этот человек, десять лет назад, после проверки звука в пустом клубе на Лонг-Бич: «Хочешь быть как я, пацан? Четыре бывших жены, привычка к «белой даме», штук шестнадцать язв в кишках и в долгах по самые уши? Хочешь, блин, быть как номад-кочевник, мотающийся по пустыне? О'кей, значит, если это столько для тебя значит... и если ты это сможешь выдержать, что сомнительно... так возьми вот эту, блин, гитару, встань вот тут и спой мне что-нибудь. И уж постарайся получше, потому что если ты слабак, хрен я тебя в мой мир впущу».

— Забавно, — сказал Тор, помолчав и разглядывая мир через бутылочное стекло. — Сон тут у меня был.

Кочевник затанулся и сбросил пепел на красную глину.

— Я видел женщину, она танцевала в клубе. Одна. И все там было темно, лица не видно было, волосы какого цвета — ничего. Только иногда пробежал за ней свет, и виден был ее контур... как еще сказать.

— Силуэт, — подсказал Кочевник.

— Ага, он. И вот она танцевала, медленно так, будто ждала кого-то. Музыка... нет, не моя музыка это была. Но только вот по наклону плеч, по движению руки, когда она отводила волосы с лица, видно было, что... что ждать ей надоедает. — Тор повернулся к сцене, откуда донесся особенно громкий си-минорный аккорд дрожащих струн. — Не знаю. Похоже, я упустил время.

— Ты упустил время? Кончай бредить!

Кочевник постарался саркастически засмеяться, но не вышло.

— Я не про эти дурацкие золотые дни. Половины их все равно не помню. Я про то, что упустил время найти

свою настоящую подругу. — Кочевник не знал, что сказать, и потому не сказал ничего. На той стороне парковки продолжали подъезжать фургоны и трейлеры, среди них машины съёмочной группы «Фокс ньюз». — Я — не комплект, вот что. В этом, блин, и вся моя проблема.

— *Некомплект?* Ты чего курил сегодня? — спросил Кочевник.

— Ничего хоть близко такого, что нужно было бы. — В глазах Тора снова появилось глубокое зеленое сияние. — Слушай, Джонни, я же всерьез. Мне кажется, что эта женщина из сна и есть та самая, пара моей души, но где она — я не знаю. И не знаю, куда ехать, чтобы ее найти. И она меня ждет, но не знает этого, и скоро, да уже в любую секунду плюнет и перестанет ждать, потому что шли годы и годы, а меня не было. Может, я ее где-то видел, но в ней не было блеска, а поскольку я тогда только на блеск клевал, то не видел, кто она такая, и прошел мимо. А может быть, я ее так и не встретил. Может, в этом сне она танцевала не под мою музыку именно потому, что даже не знает меня. Никогда ни хрена даже имени моего не слышала. Но сон этот мне говорит, что она где-то есть, а время, которое я потратил... упустил... может, мне уже не найти ее до того, как она... как она уйдет.

— Подруга твоей души, — сказал Кочевник и сделал последнюю затяжку, пока сигарета не стала обжигать пальцы. — Никогда не понимал, как это должно быть. То ли ты сразу должен узнать эту свою половину, то ли эта женщина — если есть такая женщина, которая вот так тебе подходит, — проявляется со временем, или как еще. И даже не знаю, верю я в такое понятие или нет.

— Ну, я-то верю. — Лицо Тора оживилось. — Абсолютно, друг. Она — твоя Башерт. Об этом говорится в «Зо-харе». Ну, в Каббале. Типа, когда Бог творит души, он создает мужскую и женскую вместе, но как она войдет в

мир, так вроде... ну, разрывается пополам на хрен. И целая душа — это сочетание мужской и женской души, тех, что были оторваны друг от друга. И сам Бог, считается, сводит эти половины снова вместе. Понимаешь?

— Никак не хочу оскорблять твою веру, — заметил Кочевник, — но мне кажется, что эта схема не очень действует последние несколько тысяч лет.

— Ну да, да, да. Но так было задумано. В смысле... ты должен найти свою утраченную половину, и когда найдешь — если вообще найдешь, — ты перестаешь быть некомплектom.

— Так чего же Господь не повесит над головой твоей половины большую неоновую вывеску? С чего бы он в этом твоём сне не сказал тебе точно, где ее искать? А? — Ответа Кочевник не стал ждать. — Как-то это злобно — не дать тебе знать такую важную вещь. Я прав?

Тор услышал музыкальный момент, который ему понравился, и на миг заслушался, склонив голову набок. Волосы его лучились в солнечном свете. Дослушав, он сказал:

— Бог — не лапочка. Он учитель, Джонни, и суровый. Крутой Он, без малейшей поблажки. Конечно, милосердие Он проявить может. Милосердие вообще Его дело. Но и учить — тоже Его дело. Он, бля, такой учитель, что круче не бывает. Иногда ты не хочешь слышать и поворачиваешься спиной. Иногда тебе урок пихают в морду, да так, что не отвернешься. То, что мы называем жестокостью... Он, быть может, зовет необходимостью, и нам это никак не понять, потому что мы знаем только «здесь и сейчас». Вот прямо здесь и прямо сейчас. Как получается, что Он не повесил указатель у нее над головой в том сне, не сказал: «Вот она, Сол, твоя пропавшая половина, езжай вот по этому точному адресу и найди ее и женись на ней, как женился ты на тех прочих бабах, и сойди с

ума среди ночи, и начини обретенную половину своей души наркотой и дрянью, потому что ты такой, Сол, какой есть. И ты бы вот это все тоже испортил начисто, если бы Я тебе это позволил».

Тор вдруг будто спохватился, будто слышал сам себя, будто это говорил за него какой-то другой голос.

Он заморгал, посмотрел на свою правую руку и согнул пальцы перед лицом, пытаясь себе представить, что они держат что-то, чего на самом деле нет.

— Ну так вот, — сказал он. — Вот тебе урок, Сол. И вот что Я тебе дам знать: *была* женщина, предназначенная тебе, и только тебе, из всех, на земле живущих, но ты так запутался, бедняга, что даже эту половину своей души раздавишь. И лучше ей будет остаться без тебя, и Я не стану тебе помогать ее искать, Сол. Я дам тебе знать, что где-то она есть и что ей уже надоедает ждать, и, быть может — *может быть*, — если ты все-таки найдешь ее на этот раз, *может быть*, ты научишься быть мужчиной, ты, безмозглый ненужный кусок мяса! — Тор вдруг улыбнулся Кочевнику злобной и страшной улыбкой. — Урок окончен, свободен.

Может, Кочевник издал какой-то звук. То ли хмыкнул, то ли выдохнул. Наконец, когда Тор отвел глаза, Кочевник бросил окурок в бутылку от пива.

— Пойду-ка я заселюсь, что ли, — сказал он и встал из-под зонтика. — Господи, ну и жарища!

— На самом деле, — сказал Тор уже тише, — мне бы надо было найти такую, которая мне помогла бы вести машину.

Кочевник понятия не имел, что это значит, и потому терпеливо ждал продолжения. Пусть Бог не лапочка, пусть Он не так терпелив, но не Богу был предоставлен когда-то первый шанс выйти на сцену с Тором Бронсоном, и не Богу назвал Тор Бронсон имена нескольких знакомых

деятелей в Тусоне, которые искали приличного ведущего вокалиста-гитариста.

— Каждая женщина, которую мне случалось найти, — сказал Тор, — хотела *ехать* в машине. Хотела забить на все, и пусть папочка все делает. А вести эту машину... это, блин, очень нелегко. И одиноко — хрен знает до чего. Да, они хотели денег, платьев, веселья, наркоты — *бле-еска*. — Последнее слово он протянул с отвращением. — А помочь мне вести машину не хотела ни одна. Вот, блин, почему выходит, что за мной так много крушений. — Он посмотрел на Кочевника взглядом уже не льва — скорее щенка, который хочет ласки.

— Может быть, — улыбнулся Кочевник.

Он думал конкретно об одном крушении, в которое влетел синий «порше тарга» на хайвее Пэсифик-Коаст за несколько лет до того, как Джон Чарльз встретился с Тором Бронсоном. В этом крушении Солу Брайтману сломало ногу, раздробило челюсть и повредило позвоночник. Кончились его упражнения на сцене и невероятные прославленные прыжки из грохота колонок сквозь стены пиротехнического пламени. Врачи думали, что ему еще повезет, если хоть на костылях сможет ковылять, но этот длинноволосый еврей из Байонны, Нью-Джерси... крутой был штаркер*.

— Та, кто захочет тебе помочь вести машину, — говорил Тор. — Может, она и есть та самая половина души, а может, и нет, но она точно человек стоящий. — Он протянул руку, почесал испещренное шрамами колено, которому на солнечной жаре было куда легче. — После концерта у нас тут междусобойчик. Оттягиваются все. Гандоны и молодость свою злогребучую приносят с собой.

— Мы играем и отваливаем, — ответил Кочевник. — Завтра вечером должны быть в «Касбахе» в Сан-Диего.

---

* Сильный, стойкий человек (*идиш*)

— Ага, о'кей. Видел у вас на сайте. Слушай, а ты на мой сайт заглядываешь? И давай, пока ты не уехал, адресами емейлов обменяемся. Ну, я сейчас уже не в твоём классе, понимаю, такие хмыри, как ты, по восемьсот зеленых огребают за девяносто минут *дневного* концерта. Ладно, все знают, не строй такую тупую морду и не пожимай плечами, как слабак какой. Ты либо этого стоишь, либо нет, а чтобы стоять, надо *верить*, что ты стоишь. В общем, ребята, вас выбрал кто-то из пентхауса, какой-то еврейский мамзер, посасывающий гаванскую сигару и высматривающий выгодное дельце. Так что радуйся и работай как проклятый, и не облажайся, и что еще тебе сказать?

— Вроде бы больше нечего.

Но Кочевник знал, что есть еще что сказать. Он знал, что должен был бы сказать: «Это мы ездим последний раз», или «После Остина мы распадаемся», или «Я пока что залягу на дно и буду думать, что дальше», но Тор встал бы на свои жилистые ноги с коленями в шрамах и полыхнул бы своим северным огнем: «Ты не лечи мне уши, Джонни, потому что ты не хуже меня знаешь: шоу должно продолжаться».

А Кочевник на это ответил бы вопросом: «И дальше, и дальше, и дальше, и дальше — без конца?»

Тор встал. Они с Кочевником хлопнули друг друга по ладоням, стукнулись кулаками и плечами и в порыве нежности обнялись.

— Ты иногда думай обо мне, пацан, — сказал Тор.

А как же иначе? Как может Кочевник подняться на сцену и *не думать* о Торе Бронсоне, о длинных тенях воинов дороги, которые ушли раньше?

— Потом пересечемся, — сказал Кочевник и направился к приемному трейлеру. Но не успел дойти, как оглянулся через плечо и увидел Сола Брайтмана, покорно-

го сына великого и любящего отца. Тот сидел на садовом стуле, вытянув ноги, как какой-нибудь средних лет фанат на концерте под открытым небом. Услышав какую-то музыкальную фразу, особо ему понравившуюся, он взметнул кулак в воздух.

Кочевник отвернулся и пошел своей дорогой.

Глава девятнадцатая

— Готовы к выступлению? — спросил одетый в маску черепа клоун в футболке с эмблемой «Стоун-Черч 9», ярких зеленых шортах, ковбойских сапогах и остроконечной черной шляпе, из-под которой клубами выбивались локоны рыжего парика. У него был красный нос с мигающей лампочкой, подсоединенной к аккумуляторам на поясе.

— Готовы, — ответил за всех Кочевник.

Клоун, чье погоняло на этом концерте было «Изи Дазит», направился к сцене по коридору, ограниченному черными занавесами. Из публики, которую Кочевник пока еще не видел, донесся дружный свист и рев предвкушения. Клоун говорил, что их там собралось восемьсот или девятьсот, и еще больше подтянется с центральной аллеи, когда начнется представление. Стульев не было: зрители приносили свои или оставались стоять, а передняя половина зала представляла собой танцевальную зону, где можно было плясать, дергаться или драться — что кому нравится. Но сколько бы их там ни было, в голосах звучал голод.

Когда Изи Дазит подходил к стойке микрофона, публика начала скандировать все громче и четче: «The Five! The Five! The Five!»

— Они там кричат «Сдохни»*? — спросила Берк.

Когда Дазит уже взял микрофон, а скандирование еще не совсем затихло, кто-то очень явственно выкрикнул из публики:

— Гребаный «The Five» сосет!

Ответом был взрыв хохота и выкрики, обсуждавшие умение «The Five» сосать различные предметы, а также принимать их собственной коллективной задницей.

Кочевник отвернулся и посмотрел в лица своих товарищей. На лысине и оттопыренных щеках Терри выступили маслянистые капельки пота, глаза за ленноновскими очками сделались большими и испуганными. Губы Ариэль сжались в суровую линию, лицо побледнело, а глаза стали темно-серыми, как штормовое море. У Берк, несмотря на слегка насмешливое выражение, глаза почернели, а руки упирались в бедра, как у человека, собравшегося пнуть собачье дерьмо прочь с тротуара.

Кочевник — как император — должен был что-то сказать в этот жаркий и напряженный момент. Времени у него было лишь на пару слов, и он выговорил их сильным голосом, да так, что даже Тор Бронсон восхитился бы:

— Порвем их!

— Вы о них слышали! — донесся усиленный голос Изи Дазита из динамиков, выносящих мозг на мощности в шестьдесят тысяч ватт. Голос долетел до скал и отразился эхом. — Вы их видели по телевизору! Приветствуем на сцене «Стоун-Черча» группу из Остина, штат Техас! Группу, которая не умирает! Встречайте — «The Five»!

Взлетели радостные, беспорядочные и не совсем трезвые крики. Берк сделала глубокий вдох, расправила плечи и пошла по коридору. Кочевник глянул в лицо Ариэль, она посмотрела в ответ. Они выходили сразу за коротким

---

* Сдохни (You Die) созвучно с названием группы

выступлением «Cannibal Cult», лидер которых — азиатка Китти Джонс — на пределе темпа, почти срывая голос, вопила в микрофон песни, похожие на смесь корейских выкриков с английскими ругательствами, — по крайней мере так показалось Кочевнику. Публика отвечала ей низким уханьем и таким шумом, который мог бы согнуть металл. В ответ на эту реакцию она на середине пятой песни бросила микрофон на сцену и рванула прочь, скаля белые зубы на напудренном белом лице.

Рабочие сцены выбежали убирать беспорядок и готовить сцену для «The Five». Пока группа готовилась, рабочие быстро вынесли ударные «Cannibal Cult» и внесли ударные «The Five», поставили клавиши, все подключили, проверили звук и мониторы сцены и вообще переход между группами сделали максимально быстрым и незаметным.

Ожидая, пока они закончат, Кочевник вспоминал, что случилось в приемном трейлере сразу после разговора с Тором. Он тогда вошел в кондиционированную прохладу, миновал столы с сэндвичами, картошкой, фруктами, батончиками, газировкой и прочей снедью. Здесь можно было выбрать сэндвич с курятиной, залитый плавленным американским сыром, индейку с плавленным сыром проволоне, ветчину с плавленным швейцарским сыром и какие-то еще блинчики с сырным кошмаром. Выставлены были и пиццы, все покрытые его любимым веществом, закупоривающим горло. Но когда он дошел до стола регистрации, где выдавали пропуск на сцену, очень симпатичная немолодая дама посмотрела на зеленую птичку рядом с его именем и сказала:

— Я вижу, у вас написан особый ленч. Аллергия на молочное?

— Ну да.

— У меня отложена для вас пара сэндвичей без сыра.

— А... о'кей. Вообще-то здорово. А... откуда вы знаете?

— Ваш менеджер сказал.

Кочевник вспомнил, что еще в больнице говорил Труитту Аллену: «У меня аллергия на сыр».

А кстати, где Аллен? С той минуты, как отперли трейлер и стали выносить оборудование, его не было видно. А ведь уже час прошел. Он даже на сцену их не проводил.

Ни хрена себе менеджер!

Перебивая гудение публики, Берк начала ударное вступление в «Бедлам о-го-го». Это был удар малого барабана, вспышка том-томов и яркое шипение тарелок. Потом на басу она стала выбивать ритм, почти вдвое быстрее, чем было в исходной песне с их первого диска.

Настало время действовать. Кочевник кивнул Ариэль, и она пошла вперед. Хлопнул по плечу Терри — и тот шагнул на сцену, и прямо за ними вышел Кочевник.

Свет пылал белым. В лица дул сухой ветер. Над головой вертелся и хлопал здоровенный черный навес.

Публика снова заревела и подалась вперед на сетку-изгородь, установленную в двадцати футах от сцены. Охранники в форме махали руками, отгоняя зрителей назад, а между изгородью и сценой шелкали фотоаппаратами репортеры и наводили телекамеры операторы.

«Группа, которая не умирает», — подумал Кочевник, проходя по сцене к своему месту и беря со стойки свой «Стратокастер».

Черт, это ему даже нравилось.

Терри занял место за «Хаммондом», поставив «Роланда» слева, а стойку эффектов справа. Фузз и дисторшн он вывел на максимум. Ариэль на другой стороне сцены стояла перед микрофоном со своим «Темпестом». Подстроила инструмент. Не глядя на публику, взяла первые ак-

корды песни — си-бемоль, ре-бемоль, соль... — и Кочевник включился, повторяя их и добавляя к конструкции фа. Тут вступил Терри, выдав пронзающий уши удар нот, а тогда Кочевник приблизил рот к микрофону и полузапел, полузаорал слова. Берк тем временем запустила барабаны в лихорадочном дерганом ритме диско.

Мне приснилось — я вышел в астрал
И всю ночь над землею летал,
Над планетою, жалкой до слез,
Я летел, и со мною мой пес.

Смотрим — город, горящий, как ад,
Голоса нам оттуда кричат:
К нам спускайтесь, тут просто улет!
Отрываемся ночь напролет!

В час любой мы открыты для вас,
Наше шоу всегда первый класс!
Мы живем в нем, как в дивном кино,
Но взлететь нам над ним не дано.

Бедлам о-го-го!
Мы живем в этом мире, короли
Никогда не бывавшей земли.
Бедлам, бедлам о-го-го!

Терри запустил между двумя куплетами инструментальный проигрыш — демоническое бугалу, и Кочевник оглядел публику. Перед ним лежал овальный естественный амфитеатр размером с два футбольных поля. В центре его стояла диспетчерская вышка, наверху — застекленная кабина и щетина многоцветных рефлекторов, прожекторов, стробоскопов и прочих приборов для световых эффектов. В глубине и слева расположились турникеты входа, а за ними на центральном пролете татуировщики

со всего Юго-Запада и Калифорнии показывали образцы своего искусства.

Этот бизнес здесь процветал. Кочевнику были видны синие, красные и лиловые языки пламени на бритых головах. Лица, превращенные в графику Эшера. Каллиграфия сотен оттенков на плечах, грудях и животах, и у каждого своя Книга Жизни. Там вертится кто-то, чей естественный цвет кожи давно исчез под синими чернилами и черными лозунгами, здесь крутится без остановки женщина топless с красными косичками и затейливым узором, изображающим дракона, вцепившегося ей в спину, — его лапы спускаются по ее плечам, когти обхватывают соски. Змеи цветов техникolora обвивают шеи, руки, бедра и икры. Из пупков распускаются цветы, на лбах короны из лучистых звезд и пентаграмм. На блестящих от пота мышцах мелькают лица Мэрилин Монро, Чарли Чаплина, Элиса Купера и Гитлера. А вон там в толпе и там... и еще вон там среди этого вихря движения стоят неподвижные фигуры и всматриваются в исполнителей глазами, которые уже не назовешь земными. Это создания иных миров, странной и пугающей красоты человеческой материи, перерисованной безумными иглами. Вот лицо из слоистой чешуи, похожей на серую кожу пустынной ящерицы, вон лицо из десятка перекрывающихся других лиц, как гротескный пазл, составленный из людей, а вот вообще уже нет лица, а только пара глаз, ноздри и рот, висящие на потрескавшемся пергаменте цвета кровоподтека. Документ ярости, подумал Кочевник.

И чуть не упустил нить. Ритм диско превратился почти в скользящий рэп, отзывался эхом, будто сами горы обрели голос:

Сэкономишь — заплатишь вдвойне.

Хочешь мира — готовься к войне.

Эта песня стала их первым роликом. На нем «The Five» шла «соул трейном» в процессии демонов и ангелов. Студент компьютерной графики из Техасского университета подставил цифровую запись Джеймса Брауна, идущего в танце, а за ним, среди прочих, следовали Джордж У. Буш, Билл Гейтс, Саддам Хусейн, мать Тереза, Опра Уинфри, черно-белый оскаленный Сатана из старого фильма «Дантов ад», Годзилла и горбатый мистер Хайд Джона Бэрримора из немого фильма. Ролик провисел на YouTube два дня, пока его не грохнули — с большим шумом.

Спят вампиры всю ночь напролет.
Мне рубашка смирительная жмет...
Бедлам о-го-го!

Монстр кровавый с ножом мясника,
Наигравшись, задал драпака.
Нищий в поле сидит голяком
И банкир на мешке золотом.

Быть смелей призывал президент,
Но свалил в подходящий момент.
Бедлам о-го-го!

В конце песни Кочевник, вспотевший и заведенный, встал на краю сцены, принимая на себя реакцию публики, отличную пока что, и рявкнул в микрофон фразу для другого Го-Го, того самого Феликса, который там в Далласе, или Форт-Уорте, или Темпле, или Уэйко, или где еще он там сегодня скалит зубы и продает машины:

— Знай свою роль и засунь ее себе в задницу!

И на это реакция была куда сильнее, чем на песню.

К концу третьей песни, аранжированной Терри, «Не пачкай мне рубашку кровью», Ариэль стала пропускать

аккорды и отставать от ритма. Выбилась из колеи, утратила концентрацию, и не только от темпа и напряженности. С этим бы она справилась, нет, это ее чувства грызли ее изнутри. Это сама атмосфера «Стоун-Черч», темное стальное ощущение... чего именно? Ненависти? Презрения? Она здесь была не в своей стихии, она была уязвима и под угрозой. Совсем просто говоря, она чувствовала себя легкой мишенью. И еще она заметила, что задник сцены и кулисы разрисованы под кирпичную кладку с полосами извести.

А все остальные выкладывались на полную катушку. То и дело на Ариэль поглядывали вопросительно то Терри, то Джон, — приподнимали брови, молча призывая ее собраться, но нервы ее подводили. Представление продолжалось, жаркий ветер задувал вокруг складок навеса над головой, все больше и больше народу входило в турникеты и тут же вливалось в толпу танцующих, в костоломную пляску, а сама Ариэль чувствовала, что отстает от друзей.

После посещения Джорджа в больнице ее преследовала одна мысль. Днем и ночью, в темноте и при свете она не могла ее стряхнуть.

«Оно было там, наверху, — сказал Джордж. — Сложное, с острыми краями. Крылья ворона».

Ждало его смерти, сказал он им.

И потом... появление этой девушки.

Я в тебя верю, Джордж.

«Я думал, она — ангел смерти, — сказал тогда Джордж. — Но сейчас я думаю, что она — ангел жизни».

Ариэль еще раз пропустила аккорд и запуталась в проигрыше в первом припеве «Твое тело — не твою душу», и тут уж заслужила по-настоящему недоуменный взгляд от Джона Чарльза. Приближалось ее соло на середине этой песни, надо было собраться, но... почему же Джордж

увидел в больничной палате эту девушку, что была у колодца? Не кого-нибудь, а именно ее?

Почему ее?

И слова насчет поехать обратно и посмотреть, осталось ли там это место — *а куда же ему деваться?* Оно там было, они его видели, что ему сделается?

«Нужно вам, что я написал?» — спрашивал Джордж.

Про ту песню.

Она вспомнила Майка, вспомнила начало: *«Добро пожаловать»*.

И тоже от той девушки у колодца.

Настало время ее соло.

Она опоздала на полтакта, но взметнула «Темпест» в воздух, шагнула к краю сцены и стала рвать металл и раскручивать густые капающие витки над головами зрителей, и слева публика полезла через сетку.

Ариэль сбилась, смешала пригоршню горячих нот, откатилась на шаг назад, но снова подхватила мотив, потому что все-таки она профессионал. Кочевник, Терри и Берк тоже увидели лезущие через сетку татуированные тела. Охранники Гарта Брикенфилда пытались столкнуть их обратно, но те, что уже перелезли, шли вперед, и охрана их толкала обратно и орала, но Ариэль из монитора слышала только голос своей гитары. На сетку навалилась толпа, напряжение мускулов против стальной проволоки, и вдруг изгородь рухнула. Просто упала и исчезла под кипящей стеной. Тела рванули вперед, водоворотами обтекая охранников, каждый из которых уже отбивался в одиночку. Съёмочные группы пытались убраться с пути, но некуда было убираться, их захлестнуло приливом и прижало к сцене, и больше не осталось перед сценой пустого места, и должно было начаться настоящее веселье, крутое веселье татуированных, загорелых и красноглазых музыкальных фанатов.

* * *

— «Прайм», говорит «Шелтер».

— Слушаю, Кларк.

— За нами на дороге машина. Черный «ренджровер». Номер через секунду будет на мониторе... да, о'кей. Номер аризонский. Водитель останавливается у ворот. Дверцы открываются. Вроде бы... трое мужчин и одна женщина. Нет, двое мужчин и две женщины. Не уверен.

«Ты не один такой», — подумал Тру.

Он расхаживал по парковке, следя за обстановкой и держа «уоки-токи» наготове, бродя между грузовиками, фургонами и трейлерами, и пока что очень много видел лиц неопределенного пола. Он остановился возле небольшого трейлера и посмотрел на юго-восток, туда, где расположилась группа «Шелтер».

— Что они делают?

— Они... Похоже, они хотят перелезть через ворота. Один пытается... нет, сдал назад.

— Глупые мальчишки, понимать бы должны, — сказал Тру, хотя помнил мальчишку, который лазил через многие барьеры колючей проволоки и запертые ворота, а ведь понимать бы должен был. Он пошел дальше, взмывая красную пыль черными носами туфель. — Уехали?

— На месте, сэр. Похоже... посмотрю сейчас в бинокль... похоже, травку решили покурить.

— «Прайм», говорит «Сигнет», — вмешался другой голос. — На стене муха. Вы меня слышите?

Тру почувствовал, как сжались челюсти. Веселость, вызванную сообщением о курильщиках, как ветром сдуло.

— Вас понял, — ответил Тру. — Дистанция?

Он уже повернулся лицом на северо-запад. Музыка гремела оттуда. Муха поднималась на противоположный склон горы, и у нее будет открытый обзор сцены.

— Триста двадцать семь ярдов.

При такой дистанции по дальномеру муху от сцены будет отделять более пятисот ярдов. Все еще поднимается, стрелять не сможет, пока не достигнет высоты группы «Сигнет».

— Подробности, — попросил Тру.

— Определенно с винтовкой, — сообщил командир «Сигнета».

Тру лишь секунду потратил, чтобы глотнуть слюну.

— Берите его. Вы знаете, что нужно. «Лоджик», вы в резерве. Как меня поняли?

— Понял вас, — ответил «Лоджик».

Тру пошел дальше. Через некоторое время он сообразил, что ходит кругами. Посмотрел на часы. Посмотрел на солнце. Прошел мимо почти голого мужика с длинными каштановыми волосами и тощей девицы топless, вытянувшихся вместе в теплой воде надувного детского бассейна. Поднес ко рту «Уоки-токи»:

— «Сигнет», как меня слышите?

Ответа не было. Наверняка заняты сейчас.

Он услышал из амфитеатра звук — завывание гитар, задающий ритм грохот ударных, яростные вопли клавиш и хриплый голос Джона Чарльза, но и еще что-то. Как крылья тысячи птиц. Однако наверху было только небо, полное белого огня.

Джон Чарльз вдруг резко оборвал песню. Раздался тяжелый удар взрыва, взвизгнула обратная связь в микрофонах. Что-то оглушительно хрустнуло и зазвенело.

Следующие два звука Тру распознал безошибочно.

Треск. Еще раз треск.

Выстрелы.

Он бросился к сцене.

Ариэль видала этих, расхаживающих гусиным шагом. Их было шестеро, бритых наголо и бледных, одетых в бе-

лые футболки, черные джинсы и блестящие черные ботинки. Они расхаживали среди публики быстрым шагом, выбрасывая руки в нацистском приветствии, врезаясь в других и пробиваясь через толпу тараном. Никто уже не слушал, никто в ее поле зрения уже не обращал внимания на музыкантов, — люди слышали музыку, как бегущие из тюрьмы заключенные слышат за спиной сирены, и хотели они только одного: прорваться через все торчащие перед ними препятствия.

Она на ритм-гитаре подыгрывала «Отчаяние некрасиво» и пыталась не отстать от бешеного темпа Берк. Терри, судя по звуку, лупил по клавишам кулаками, и даже Джон стал не попадать в ноты. Микрофон был у него почти во рту, и он орал, как столетний раб, испугавшийся плантаторского кнута.

Ничего себе, детка, сюрприз ты готовила мне.
Если б вышло по-твоему, мне бы висеть на сосне.
Ты брала мои деньги, меня же не ставила в грош.
И мне кажется, детка, давно ты напрасно живешь.

Но из списков живых тебя вычеркнет кто-то другой.
Посмотри, я свободен, и я расплевался с тобой.
Я хочу поглядеть, как, поняв, что все это всерьез,
Ты увидишь лицо свое в зеркале мокрым от слез.

Потому что отчаянье не пощадит красоты.
Ты увидишь, как слезы твои искажают черты.

Терри начал соло на клавишах, и Кочевник отступил от микрофона. Тяжелое, жесткое вибрато наполнилось блестящей золотистой болью. Кочевник посмотрел в публику, на людей, которые врезались друг в друга и расплывались, огрызаясь. У самого края сцены он заметил нескольких человек, оставивших на миг свою войну и гля-

дящих на него остекленелыми глазами. Увидев его, они протянули к нему свои татуированные руки, на шеях и на обнаженных грудях заиграли начерченные контуры, будто в каждом из тел сидело множество душ и они пытались вылезти наружу, используя Кочевника вместо лестницы. Он увидел здоровенного коренастого хмыря с ежиком черных волос — тот шатался вокруг, расталкивая людей налево и направо внушительными локтями. На красной футболке написано было «Телотсип». Другая примечательная личность — мужик с эспаньолкой и кельтскими татуировками, от которых все горло у него было черным, — влетел в одного из нациков, и тот сел на задницу. Кочевник вспомнил поговорку матери: «Весело будет до тех пор, пока кто-то не заплачет». В данном случае — пока не начнет махать кулаками.

Терри закончил соло, и Ариэль снова подхватила ритм. Кочевник шагнул к микрофону. Краем глаза заметил того парнишку с аккуратно подстриженными белокурыми волосами — тот пробивался через толпу к сцене, двигаясь медленно, с грацией танцовщика уклоняясь от локтей, коленей и черепов. Он был в джинсах и свободной серой футболке с цветной картинкой экзотических стран и зеленой подписью: «Каникулы во Вьетнаме.com». Глаза его были устремлены на Кочевника, который снова держал микрофон почти во рту.

Вот и кончилась роль, до конца ты не справилась с ней.

Но своих убивать — нет на свете поступка страшней.

Что я мог, если я для тебя то ли был, то ли нет?

Но того, что сказал я, не скажет тебе...

Пистолет.

Блеснуло на металле солнце.

Ветер зашелестел наверху в черном навесе.

Кочевник замолчал.

В руке белобрысого парнишки был пистолет. Маленький пистолет. Из-под футболки. И дуло направлено на Кочевника.

Парнишка мигнул — веки, наверное, нагружены наркотой — и повернул пистолет к Ариэль.

Подумать Кочевник не успел — просто прыгнул.

Он сбил стойку микрофона и рванул вперед, не сбросив с плеча лямку от гитары. Микрофон упал с гулким грохотом, заверещала обратная связь. Блок эффектов (или что-то другое) рухнул на сцену и завопил в колонках, как «Стратокастер» в агонии.

Сперва парня ударила гитара, потом сам Кочевник. Из пистолета в вытянутой руке щелкнули два выстрела, но стрелок уже лежал на земле. Кочевник сидел на нем и старался не выпустить руку, а та вертелась змеей, и вдруг белобрысый вскинул голову и ударил Кочевника в правый глаз. В голове замелькали искры, черной лентой взметнулась боль. Кочевнику показалось, что у него череп треснул, но этот гадский пистолет он не отдаст. Обоими кулаками он изо всей силы замолотил по белобрысому.

Кто-то подхватил его под мышки и поднял, кто-то другой упал на стрелка как одеяло. На этом одеяле была красная футболка, и он прижал коленом руку парнишки с пистолетом, глянул на Кочевника и на того, кто его держал, и сказал резко:

— Поднять его на сцену! Быстро!

На красной футболке была надпись «Телотсип». Кто-то еще наклонился и стал отдиравать побелевшие пальцы парня от пистолета. У этого на щеке была татуировка паутины (нарисованная?) и уж точно настоящие стальные шестиугольники в ушах.

— Назад! Все назад! — крикнул тот, что помогал Кочевнику залезть обратно на сцену. Ариэль стояла у края,

с лица ее сбежала краска. Она наклонилась, схватила Кочевника за руку, Терри наклонился и поймал его за рубашку.

Кочевник залез на сцену и рухнул на колени. В орбите правого глаза пульсировала боль. Может, он уже опухал и закрывался. Блин, да это же фонарь будет! Он же еще стрелял, ублюдок!

Ощущение было такое, будто сейчас стошнит. В носу застряла пороховая вонь. У человека, который ему помогал залезть, вся голова была в шипах каштановых волос, каштановая борода падала на голую грудь с татуировкой (фальшивой?) рогатого красного дьявола верхом на «харлее». В руках демонический фанат «харлея» держал раскрытый бумажник и показывал толпе полицейский значок.

Берк наклонилась к Кочевнику и что-то сказала. Он ни хрена не разобрал.

— Сейчас меня вывернет, — сказал он ей или хотел сказать, потому что себя он тоже едва слышал. Попытался скинуть с себя ремень от гитары, высвободиться, но ремень не отпускал.

Ариэль била дрожь. Она пятилась, пятилась от зрителей. Она чувствовала, *что* сейчас прорвется, она видела это в лицах, в стиснутых кулаках, в ярости, зарождающейся между пропащей землей и грязной водой. Юнца, который хотел в нее стрелять, подняли на ноги. Его pistolетом завладел агент Телотсип, и тут кто-то из нацистской шестерки прорвался и ударил мальчишку в ребра черным ботинком.

Может, ярость выплеснулась потому, что он испортил представление. Может, просто надо было кого-то забить до смерти. Как бы там ни было, на него набросились, и агентам ФБР пришлось драться за жизнь своего пленника.

Кочевник сел на сцену. Ариэль отвернулась, ей показалось, что ее тоже сейчас стошнит, и она побежала по коридору черных штор и напоролась на Труитта Аллена — он глянул на нее вопросительно и бросился на сцену. В одной руке у него был пистолет, в другой «уоки-токи».

Берк села за свои инструменты — самое для нее лучшее место в мире — и уставилась в никуда. Терри стоял, глядя на драку, вскипевшую по всему амфитеатру. Он видел, как молодого парня в голубой рубашке месили кулаками, перекидывая друг другу, два здоровенных, татуированных, ухмыляющихся хулигана. Парень упал на колени, из носа у него текла кровь. Еще одного, тощего и с бородой, топтал мужик в футболке с эмблемой «Уайлд-кэтс».

Терри шагнул к микрофону Ариэль и крикнул в него: — Перестаньте! Перестаньте, прошу вас!

Никто его не слышал, никто не перестал.

Тру подошел к краю сцены. Глядя на все это безумие, он поднял пистолет и стал выпускать пулю за пулей в сторону безмолвной красной горы.

Глава двадцатая

Сбрав волосы только что купленной электрической бритвой, Джереми Петт выходит из мужского туалета стоянки грузовиков «Трипл-Т», расположенной рядом с шоссе I-10 в девяти милях к юго-западу от Тусона.

Он принял душ, облегчился и теперь — чистый, свежий, выбритый до розовости — выходит в продуктовый отдел купить себе поесть. Требуется что-нибудь такое, что не нужно готовить или даже разогревать, потому что в его

укрытии электричества нет. Стоянка грузовиков находится всего в нескольких милях от места, где он живет с тех пор, как увидел в телевизоре свое лицо, описание своей машины и ее номера. Это было вчера, когда он лежал на кровати в номере пятнадцать мотеля «Краткий отдых» на Южном Ногелз-хайвее. Он сразу же встал, собрал свое барахло, расплатился со старым мексиканцем (который в субботу, когда Джереми въезжал, спросил его, не нужна ли ему симпатичная студентка для компании) и уехал. Но не торопясь, чтобы не привлекать внимание.

Он идет по проходам, выбирает пару банок свинины с фасолью, банку чили, три бутылки воды, пакет пончиков и пакет чипсов. Еще нужны сахар и соль, потому что там, где он живет, очень жарко. Увидев стойку с бейсбольными кепками, он выбирает себе коричневую с логотипом «Трипл-Т». Еще пару батончиков тоже неплохо. Припарковался он за зданием, под прикрытием отдыхающих грузовиков. И все время приглядывает за входом. За поясом джинсов под синей рубашкой у него автоматический пистолет с обоймой на восемь патронов.

В «Кратком отдыхе» (оказалось, что мотель как следует заряжен множеством симпатичных студенток, которые то и дело стучали ночью к нему в дверь и улыбались, показывая гнилые от метамфетаминов зубы) он смотрел новости. Прием по кабельному телевидению был нечеткий, смотреть трудно, но все, что нужно, Джереми узнал.

Один убитый в Свитуотере, один в реанимации в Тусоне. Снайпер охотится за рок-группой. Тусонской полиции и ФБР нужна помощь общественности. Разыскивается подозреваемый, ветеран морской пехоты, служивший в Ираке. Фирма «ГБ Промоушн» проводит девятый фестиваль «Стоун-Черч» в Хила-Бенд с четверга тридцать первого июля по воскресенье третьего августа. Билеты продаются на месте или могут быть приобретены онлайн

через «Тикетмастер». «ГБ Промоушн» заверяет зрителей, что охрана будет надежной и все меры предосторожности будут приняты.

Не езди туда, сказал ему Ганни в номере пятнадцать, когда Джереми укладывал вещи. Ганни стоял в дверях ванной, ботинками в луже от потекшего унитаза. Мокрые полотенца валялись на полу, словно дохлые белые собаки. *Сегодня и завтра отдохни.*

— Надо смываться. Меня накрыли.

У Джереми в голове вертелось одно слово, одна цель: Мексика... Мексика... Мексика...

Ганни ему напомнил, что еще не накрыли, пока не поймали. Да, у них есть его имя, его портрет, модель и цвет его машины, ее номера... но его самого же у них нет?

— Вопрос времени, — ответил Джереми.

Тогда ты знаешь что делать, сказал Ганни, проходя по комнате. *Забейся в нору.*

— Мексика. Мексика. Мексика.

Джереми застегнул молнию на чехле винтовки.

Ты не готов. Джереми? Ты понял? Забейся в нору.

И Ганни это сказал так убедительно, таким железным-в-бархатной-перчатке голосом, от которого один человек заглядывается на другого с восхищением, и Джереми посмотрел в тот угол, где стоял Ганни, на краю луча яркого света, пробивающегося из-под изогнувшейся шторы.

— Забейся в нору, — повторил Джереми, будто постигая идею. — Как? Где?

Ты морпех — и должен быть морпехом, напомнил Ганни, мрачно на него глянув.

Перевод: парень с девчачьей фамилией не должен быть девчонкой — в Корпусе служат *мужчины*.

Джереми останавливается у кассы, ждет, пока девушка упакует его покупки. А она еще при этом болтает по сотовому и потому работает одной рукой. И меееедленнн-

но. На полке за стойкой бормочет телевизор, и там по новостям «Кей-ГАН 9» показывают молодую корреспондентку с микрофоном. Внизу надпись: «Беспорядки на фестивале “Стоун-Черч”». Похоже на название вестерна в бумажной обложке — Джереми много таких читал в лагере в Фаллудже.

— Гай, это было час назад, — говорит репортерша, обирающаяся, очевидно, к ведущему. Грива каштановых волос бьется на ветру, репортерша пытается ее укротить, но безуспешно. У нее за спиной мелькают татуированные люди, строят рожи в камеру, показывают рога дьявола и высывают языки. — Когда выступала группа «The Five», кто-то вытащил пистолет и сделал два выстрела. В давке несколько человек контужено, но всерьез никто не пострадал, а стрелявший задержан. Есть несколько потрясающих роликов, которые мы можем показать.

Краткий клип: дергаются тела, камеру мотает взад-вперед, мелькнуло что-то, похожее на пистолет в руке, потом со сцены прыгает в толпу человек с волосами до плеч.

Джереми знает, кто это.

— Гай, у нас будет куда больше материала и подробностей после интервью с членами группы «The Five» в шесть вечера. Пока что представитель «ГБ Промоушн» заявил, что «Стоун-Черч» будет продолжаться, как запланировано, до вечера воскресенья.

— Потрясающее видео, просто потрясающее, — говорит Гай.

— Кепку? — спрашивает женщина за кассой.

Джереми смотрит на нее и соображает, что она спросила.

— Я ее надену, — отвечает он и тут же перестает смотреть ей в глаза — это единственный способ остаться невидимым. Но она и без того тут же возвращается к теле-

фонному разговору, а он выходит на жаркое желтое солнце позднего дня и идет к своей машине. Уезжает он медленно, не спеша, но поглядывает в зеркала, не видно ли мигалок.

Джереми едет на юго-запад, к месту, которое он нашел вчера, когда уехал из «Краткого отдыха» в поисках укрытия. Он его нашел, проехав по ряду плакатов «Дома на продажу», а внизу по-испански «Casas para la venta». Это чуть меньше четырех миль от стоянки грузовиков, на главной дороге, за жилым районом домов среднего класса с кактусовыми садами и красными черепичными крышами — трех разных типов, на выбор. Здесь многие дома стоят «на продажу». Некоторые, похоже, уже давно. Надо проехать молл с аптекой и магазином мексиканской еды навывнос, мимо секонд-хенда и маникюрного салона, но продуктовый магазин и видеосалон тоже «на продажу», хотя вывески все еще красуются над пустыми витринами. Надо свернуть направо, еще в виду умирающего молла. Построен он на собственной земле Господа Бога — на твердой земле пустыни под голым синим небом, где видны на востоке поросшие кактусами подножия и серые горы. У поворота небольшая группа мескитовых деревьев и между ними каменная стена с надписью «Ла-Пас Эстейтс» — потемневшими латунными буквами, вбитыми в камень.

А за поворотом, за деревьями, за стеной — пыльные улицы без названий, ведущие к пустым подъездным дорожкам и голым гаражам девяти домиков из необожженного кирпича, трех разных типов, на выбор, все с красными черепичными крышами. За этими девятью домами еще два наполовину недостроенных и один едва-едва начатый. Улицы проходят поодаль от заборов, означающих границу владений. Тут и там лежат мешки цементной смеси, брошенные тачки и черные мусорные меш-

ки, плавающие на солнце. За последним владением, где еще пытались работать, отмеченным кучами камней и коричневым кактусом, улицы сдаются пустыне, и здесь кончается чья-то умершая мечта.

Именно что умершая. Джереми направляет машину к своему собственному белокаменному куску рая в стороне от главной дороги — достаточно далеко, чтобы не опасаться. Таблички «Продается» повсюду, хотя некоторые рухнули под напором ветра и времени. «Открытый дом!» — объявляют некоторые. «Новые низкие цены!» — уговаривают другие. Сегодня утром Джереми видел здесь койота, неспешно трусившего посреди улицы.

Ни в одном из этих домов никого нет. Джереми думает, что неудачен был подряд на строительство, или у кого-то кончились деньги, или банк перекрыл поток наличности до тех пор, пока не начнут продаваться хотя бы существующие участки. Как бы там ни было, кому-то убыток, а ему, Джереми, укрытие.

Сейчас надо туда залезть и разобраться. Сообразить, что к чему. Он здесь так близко к Мексике, что просто в воздухе чует запах свободы. Запах новой жизни, как аромат лука, жарящегося на сковородке. Джереми заезжает на подъездную дорожку, девятую из девяти, ставит рычаг на нейтраль, выходит и откатывает гаражную дверь, которой полагалось бы отходить самой по нажатию кнопки на пульте владельца, но сегодня владелец не придет, и Джереми уже заранее отпер щеколду.

Он заезжает, снова ставит дверь на место, и, когда заходит в дом с пакетом продуктов, ему хочется крикнуть внутри: «Милая, я дома!»

Но кухни на самом деле еще нет. Есть белый кухонный стол и какие-то шкафчики, и можно понять, что здесь намечалась кухня, но никаких кухонных приборов. Новый линолеум защищен от пыльных сапог рабочих и

от пятен ярко-синим пластиком. Тот же слой синего во всех комнатах защищает ковер. Деньги, очевидно, кончились внезапно, потому что покраску не закончили и несколько банок краски остались лежать.

Что-то в этом цвете ему не нравится. Что-то в нем такое, что хочется бежать без оглядки, а в комнате, где он спит, он синий пластик снял и вынес, так что можно теперь свернуться на песочном ковре, подложив одежду под голову, и отдохнуть малость.

Он думает, что, быть может, такой был цвет у мешков для тел. Или он видел по телевизору такой пластик на крышах домов в Новом Орлеане. А может быть... может быть... что-то другое. Что-то.

Очень хочется, очень тянет, до боли тянет съесть пончик с сахарной пудрой.

Тебе нужна машина, говорит Ганни, и его лицо скользит поперек плеча Джереми.

Жарко в доме. Воздух застоялся, чувствуется отсутствие людей.

Машина, повторяет Ганни, будто умственно отсталому. *Ты понимаешь зачем.*

Джереми понимает. Пока что ему повезло — проехался до стоянки грузовиков и обратно. Не видел ни одной патрульной машины, и ни одна не видела его. Но вот это «забейся в нору» может оказаться капканом, построенным собственными руками. В этом пикапе ему не выехать на хайвей и в Мексику. Не получится прорваться в свободу и затеряться в будущем. Так что — да, машина ему нужна.

Ганни спрашивает тихо и проникновенно, как он умеет, где Джереми думает искать себе машину.

— У дилера? — спросил Джереми, но правильный ответ он знает.

Нужно место, где автомобили паркуются.

Он берет с собой в комнату, где спит, пончик, пакет чипсов и бутылку воды. Перед тем как сесть в своем углу, вынимает из-за пояса пистолет и кладет его на пол рядом с собой. Потом немного пьет, немного ест и думает, глядя при этом на пистолет.

С винтовкой он работает профессионально, но пистолет — дело другое. Тут надо находиться близко. Иначе очень легко промахнуться. Он всегда считал винтовку оружием наступательным, а пистолет — оборонительным. Вот почему он не стал стрелять из пистолета по барабанщице там, в Свитуотере. Ну конечно, можно было просто мимо нее проехать и застрелить, но что, если бы у нее хватило быстроты уклониться от смертельной пули? Тогда бы его лицо осталось у нее в зрительной памяти, и полиция его тоже узнала бы. А если еще кто-нибудь проехал бы мимо до того, как он бы с ней закончил... фу, грязная работа. Что ж, у них все равно сейчас есть его лицо — и совершенно непонятно, как это случилось, но все же в тот момент он думал, что не может рисковать столкновением вблизи. «Смотри, что случилось с тем любителем на фестивале. Два выстрела, и оба зря».

А вот интересно подумать, зачем *еще кому-то* понадобилось убрать этих сволочей? Может, не только Джереми всколыхнула их ложь?

Он чувствует, что Ганни вошел в комнату и стоит вон прямо там.

Джереми ест, пьет и в упор смотрит на пистолет.

Винтовка — дочь достоинства. Умереть от выстрела снайперской винтовки — это достойная смерть, очень достойная. Она — совместный результат высоких технологий, геометрии и данного Богом таланта. Но смерть от пистолета — грубая мерзость. Это намного ниже стандартов Джереми.

То, что делает он, — искусство.

Но он знает, что хочет от него Ганни.

— Мне что, убить ни в чем не повинного человека? — спрашивает Джереми с сахарной пудрой на подбородке.

Ганни еще раз напоминает, что ему нужна машина.

Джереми помнит день, когда выдалась свободная минутка и он связался по сети с Карен и Ником. В Ираке было утро, а в Хьюстоне — почти полночь. Он помнит, что она ради него накрутила волосы, и волосы у нее были очень красивые. Он помнит, что Ник смотрел на него через экран за семь тысяч шестьсот с чем-то там миль и задал всего один вопрос: «Пап, ты когда приедешь?»

И Джереми ответил: «Я смогу приехать, когда хорошие парни победят».

— Не заставляй меня убивать невинных, — сказал Джереми, но без всякой мольбы. Морпехи умолять не умеют. Морпех делает свою работу, чтобы можно было вернуться домой.

Ганни ему отвечает, что никого сегодня убивать не надо. Вот что надо — это раздобыть машину. И если это значит отвезти человека за две-три мили в пустыню, подальше от дороги, дать ему бутылку воды и направление, и чтобы идти надо было по вечерней прохладе, так какие тут проблемы?

— У тебя так легко все получается, — возразил Джереми.

Ганни сказал, что чем быстрее он выполнит задание, тем безопаснее оно пройдет, и он не будет тогда прикован к этому месту с этими синими ботинками на полу.

Джереми не шевельнулся. Он не уверен, что правильно расслышал.

Ганни просит его извинить. Он, оказывается, хотел сказать «синими пластинками». То есть «синим пластиком».

И какое-то время они оба молчат.

Джереми знает, что Ганни прав. Да, спорить с Ганни толку мало. Если он хочет отсюда выбраться, то ему нужна машина, а тогда ему нужно туда, где машины паркуются.

Например, к этому стрипмоллу на дороге.

Он берет пистолет. Встает и засовывает пистолет за пояс, под болтающуюся полу рубашки. Это надо сделать быстро, но он понимает, что пикап надо оставить там, где он сейчас. И понадобится время, чтобы перетащить баракло из своей машины в ту, которую удастся угнать. В бейсболке из «Трипл-Т» и с пистолетом под рубашкой он выходит из здания через заднюю дверь и идет, обогнув дом, на дорожку, а потом вдоль нее на улицу и по улице к стрипмоллу.

Мимо проезжают машины, но их немного. А это может быть очень, очень плохо. Или очень хорошо. Или вообще никак. Может, когда он дойдет до стрипмолла, то решит купить себе буррито и вернуться в укрытие. Идет он не спеша, но и не мешкая. Он — человек, у которого есть цель, но в глазах всех прохожих — не особо важная.

Он выходит на парковку, и там стоит десяток машин, в основном перед аптекой. Машины такие, дедушкины. Просторные «седаны» и старые американские бензиновые, но есть одна «хонда аккорд». Джереми останавливается и делает вид, что рассматривает подошву правого ботинка, а тем временем из аптеки выходят мужчина и женщина лет за пятьдесят. У женщины в руках пакет, мужчина обнимает ее за плечи. Он смотрит на Джереми, кивает, смотрит настороженно. Джереми кивает в ответ и направляется в сторону ресторанчика с мексиканской едой. Пара садится в серебристый «бьюик», запирает дверцы, заводит мотор. Джереми останавливается у дверей мексиканского ресторана, машина отъезжает.

«Может, и в самом деле купить буррито?» — решает он, потому что сердце колотится и надо бы посидеть под кондиционером.

Он входит, а навстречу ему выходит женщина с седыми волосами до плеч и с коричневым бумажным пакетом в руках. Он ждет, чтобы она вышла. Внутри в мексиканском ресторане темно, ничего особенно не разглядишь. Только какой-то старик прошел через качающиеся двери на кухню. Потом Джереми видит, что та женщина направляется к «хонде». Одета женщина отлично — строго и аккуратно, как служащая банка или офиса недвижимости. Она в темных очках, на плече у нее сумка на кожаном ремне. Вокруг шеи — красно-бело-синий шарф. Ни дать ни взять — портрет Американской Бабушки.

Она не страдает избыточным весом, и походка у нее молодая. Ноги под этими бирюзовыми брюками тоже должны быть молодые. Джереми решает, что такая женщина вполне сумеет выбраться из пустыни.

Она отпирает водительскую дверцу. В этот момент Джереми подходит к ней сзади и произносит без малейшей угрозы:

— Простите, мэ, можно вопрос?

Она вздрагивает, и губы у нее чуть дрожат, когда она поворачивается к Джереми. Она не знает, следует пугаться или нет.

— Я заблудился, вы мне не поможете? — спрашивает он.

— Заблудился? — удивляется она. У нее хриплый голос человека, который курит всю жизнь. Может, ей лет шестьдесят пять — острый подбородок и рамка глубоких морщин возле рта. И сетка таких же морщин на лбу. — А что вы ищете?

— «Ла-Пас Эстейтс», — отвечает он и тут же — *тут же!* — осознает, что именно этого говорить не надо было.

— А, это... Это там...

Она глядит в ту сторону, а Джереми вынимает пистолет, просовывает его под ее пакетами с продуктами и говорит:

— Крикнешь — застрелю. Быстро в машину.

И это надо сказать так, будто он не шутит, потому что она должна послушаться быстро, пока никого на стоянке нет.

Она вся начинает дрожать. У нее отвисает челюсть, и зубы у нее тоже серые.

— Пакет в машину, на пол, — говорит Джереми. — Садитесь за руль. *Садитесь*, я сказал!

Она не шевелится — может быть, не в состоянии двинуться.

— Мэм, — говорит Джереми, чувствуя, как ползет по шее струйка пота. — Я вас не трону. Мне нужна ваша машина. — Она пытается отдать ему ключи. — Нет, поведите вы. Я вас высажу на дороге.

— Не убивайте меня, — просит она.

— Я вас высажу на дороге, — повторяет Джереми. — Ну, будьте паинькой, отпирайте вторую сторону. А если тронете клаксон, я буду очень, очень недоволен. Ясно?

— Не убивайте меня, — повторяет она. — Я к сестре еду.

Она отпирает пассажирскую дверцу, кладет пакет на пол, а Джереми быстро обходит машину, не сводя глаз с женщины. Она садится в машину, он тоже, и ни одна из ее дрожащих рук не касается клаксона. Очень старается быть паинькой.

Джереми закрывает дверцу и чувствует, как она внезапно напряглась, будто решила, что надо пытаться вырваться, и он говорит очень спокойно:

— Делайте то, что я вам говорю. — Пистолет он держит низко, и она видит оружие краем глаза. — Заводите машину и поезжайте.

— Хорошо, — отвечает она, и что-то перехватывает ей горло. — Сейчас.

И как раз тут из магазина бытовых приборов выходит полная женщина, держа красную настольную лампу с абажуром, украшенным индейским узором. Пленница Джереми поворачивает к ней голову. Женщина останавливается взять с проволочной стойки газету для покупателей.

— Заводите машину и поезжайте, — повторяет Джереми, на этот раз направив пистолет ей в бок.

Американская Бабушка так и поступает. Женщина с красной лампой проходит мимо «аккорда» и идет к своему «таурусу», до которого еще несколько шагов.

— Куда мне ехать? — спрашивает Американская Бабушка, с трудом выговаривая слова.

И тут Джереми понимает, что допустил огромную ошибку. Огромное упущение. Забыл очень важную вещь. Прямо хоть зубами скрежещи.

Он забыл взять бутылку воды для женщины, чтобы пила в пустыне.

Высадить ее поблизости он не может. На этих улицах — нельзя. И он решает, что достанет для нее бутылку воды, пусть никто не сможет сказать, что он плохой парень.

— Налево, — говорит он ей. Потом через милю примерно, возле рощи мескитовых деревьев и каменной стены с почерневшими латунными буквами он говорит: — Направо.

Он направляет ее к своей улице и своему дому. Велит ей поставить «аккорд» вдоль дома, где его слепящая под солнцем белизна скрыта тенью. А потом он ей говорит, что надо зайти в дом, он ей даст бутылку воды, чтобы выпустить потом в пустыне.

— Хорошо, — говорит она тем же слабым прокуреным голосом. — Я к сестре еду, она меня ждет.

— Это всего минута, — говорит он.

В доме, в кухне, где пол покрыт раздражающе ярким синим пластиком, Джереми берет бутылку воды. Американская Бабушка прижалась спиной в угол. У Джереми возникает мысль, и он ее произносит вслух:

— Вам в туалет не надо?

— Прошу вас, — шепчет она. — Не убивайте меня.

— Все о'кей, все о'кей. — Ее перепуганная поза, эта вжатая в угол спина, эта попытка сделаться невидимой, как невидимым хочет быть он, невольно трогают Джереми. — Меня зовут Крис, — решает он сказать. Снимает бейсболку, показывая бритую голову. Когда ее найдет полиция, она скажет, что ее похитил бритоголовый по имени Крис. — А вас как зовут?

Она не отвечает. Голова у нее опущена, жесткие пряди рассыпались по плечам, подтянутая аккуратность выгорела без остатка.

Ганни появляется в дверях с другой стороны кухни — просто глянуть, как идут дела. И снова уходит.

Джереми не видит ее глаз за очками, и ему это не нравится.

— Не могли бы вы снять очки? — просит он, делая движение пистолетом.

Тонкие, в синих прожилках, дрожащие руки поднимаются к лицу и снимают очки. Глаза у женщины карие, утонувшие в морщинах. Она то ли не хочет, то ли не может на него смотреть.

— Я из Техаса, — говорит он, но зачем говорит, сам не знает. — А вы поблизости живете?

Она что-то пытается произнести, вроде «ага», но получается мычание, будто губы слиплись, и слезы медленно текут по морщинам левой щеки.

— Я слегка в беде. — Джереми соображает, что с кем-то говорит впервые за... за сколько времени? Как чело-

век с человеком, по-настоящему. Ганни — его ангел, а вот Американская Бабушка, кажется, будет хорошим слушателем. — В этом мире есть *очень* плохие люди, — говорит он ей. — Лгуны, они неправду говорят про Ирак. Они эту ложь разносят, они отравляют атмосферу. И можете не сомневаться, ни... хрена можете не сомневаться, что *они* бы там *ни дня* не выдержали. И бывает, понимаете, что ты должен сделать то, что должен, и выбора у тебя нет, мэм, вот нет выбора. Идешь единственным путем и делаешь то, что должен делать, то единственное, что тебя *учили* делать, и тут вдруг — бабах!

Американская Бабушка вздрагивает, будто пытается глубже втиснуться в угол, и вторая слеза течет по лицу — теперь по другой щеке.

— Вот вдруг кто-то врзается тебе в бок, а ты даже не видел его, — говорит Джереми. — И все.

Он замолкает — чувствует, что лицо его задвигалось, и эти движения он не контролирует. Как будто в мышцах и костях лица завелись насекомые, и они там ползают, ломая все структуры, которые придают ему человеческий вид, и когда они все сгрызут, перестанут есть, отложат яйца и разрушат его лицо в стремлении сожрать его целиком, чтобы выжить самим, и тогда внутри его родится монстр, заняв место того, кто был хорошим парнем.

Он в упор смотрит на синий пластик на полу, на эту болезненно-яркую синеву, и вдруг вспоминает. Воспоминание обдаёт взрывной волной жара, и Джереми понимает, почему он теперь здесь.

Молодой лейтенант, которого все называли Фоббит, вошел среди ночи и поднял Джереми и Криса с коек. Их повели в штабную палатку в центре базы, а там за столом с направленным светом сидел какой-то капитан, им обоим незнакомый, и штатский лет за тридцать, в джинсовой куртке, белой рубашке и в джинсах. Чем-то по-

хож на ковбоя или на члена церкви «Христиане в действии».

На столе, на карте участка Багдада, лежали цветные фотографии.

«Задание такое, — сказал штатский, которого не представили. — В пять ноль-ноль вы в сопровождении взвода выйдете на эту позицию. Дойдете вот досюда, до этого здания, и займете позицию в пять тридцать. Объект пройдет по этому переулку от семи ноль-ноль до восьми ноль-ноль. Источник нас информировал, что объект, по всей вероятности, будет в серых или черных шортах-карго, в красной, черной или камуфляжной футболке — возможно, с найковской закорючкой — и в бейсболке с эмблемой либо «Хьюстон рокетс», либо «Фанта». Я знаю, что Хьюстон — ваш родной город, сержант Петт, так что назовем это судьбой, если вы в нее верите. Объект будет двигаться вот к этому выходу, в этом здании на северо-восточном углу. Его следует устранить до того, как он туда дойдет. Я не имею права ни отвечать на ваши вопросы, ни даже выслушивать их, но могу сказать, что устранение объекта даст возможность положить конец этим самодельным минам, черт бы их побрал. И еще одно: ликвидация должна быть подтверждена. Для этого достаточно принести какой-нибудь предмет одежды. Бейсболка сойдет. И последнее, джентльмены: как бы ни обернулось ваше задание, этой встречи не было. Доброй охоты».

Скорчившись в желтом здании под пробивающимся через пылевую дымку солнцем, Крис высматривал цель через прицел наводчика. В восемь сорок одну он тихим голосом доложил: «Объект. Оранжевая бейсболка».

Джереми глянул в собственный прицел. Да, это он. Сопляк долговязый в черных шортах-карго, в камуфляжной футболке — чистой, без найковской запятой —

и оранжевой бейсболке «Фанта». Этот мелкий мерзавец *хотел*, чтобы его увидели, потому что к оранжевой бейсболке он добавил еще и ярко-синие пластиковые сандалии — эти, с тряпками на головах, такие любят. Этот глист сверкал как неоновая вывеска, и на нем висел тяжеленный черный рюкзак, с которым быстро не побегаешь.

Дистанция стрельбы была всего-то ярдов двести, как нечего делать, но Крис начал скамливать своей машинке баллистические данные. Он еще раз глянул в подзорную трубу, потом еще раз, а объект приближался к той дыре в здании, в которую его нельзя было допустить, и Крис оглянулся на Джереми и сказал: «Это ребенок».

«Ребенок? Да нет, это...»

Он хотел сказать «просто мелкорослый», но подрегулировал прицел, чтобы яснее увидеть лицо, и понял, что объекту не больше десяти лет. Отдернул глаз от прицела, будто туда попал горящий уголь.

Мальчишка в оранжевой бейсболке шел прямо. Футах в тридцати был от входа — квадратной темной дыры в разрушенном доме на северо-восточном углу.

«Это наш объект, — сказал Крис угрюмым голосом, не оставляющим сомнений. — Эти хрены собачьи нас послали убивать ребенка».

«Нет, — выдохнул Джереми. — Нет. Нет».

«Он движется, Джереми. Что будешь делать?»

«Это не наш объект».

«Хрена с два — не наш. Слушай, он уже почти в дыре. Давать поправку на ветер?»

«Не дави!» — огрызнулся Джереми, выдав лишь малую долю вздымавшегося в нем панического страха. Убить ребенка? Там кто-то начисто с ума спятил. Это кто, младший братец Садама? Связной, который сейчас сойдет в тускло освещенное подземелье, где снаряжают взрывные

устройства с битым стеклом, гвоздями и шариками от подшипников? У него в рюкзаке две дюжины дешевых мобилок, используемых как взрыватели?

Мальчишка уже был у входа и начал наклоняться, чтобы спуститься в дыру, потому что она была узкой, немного больше его самого.

«Поправку на ветер давать, Джереми?» — спросил Крис, ощущая ту же самую панику.

Мальчишка спускался вниз.

«Блин, — шепнул Джереми. Палец лежал на спуске. Он приложился глазом к прицелу, навел ствол, готовясь стрелять на поражение. — Блин-блин-блин-блин».

Других слов у него не было.

Мальчик уже почти скрылся в дыре.

Палец не шевельнулся. «Помоги мне, Боже», — подумал Джереми, сдерживаясь, чтобы не зарыдать.

Самодельные взрывные устройства. Жуткая дрянь. Ни те, кто их собирает, ни дети, приносящие им полные рюкзаки американской трагедии, не имеют права жить.

Мальчик остановился — он сдавал назад, лямка рюкзака зацепилась за торчащую трубу. Он протянул руку — отцепиться, — и Джереми послал пулю.

— Они не знают, не знают, — говорит Джереми Американской Бабушке. — Не знают, как это. Не знают и знать не хотят.

— Что «это»? — спрашивает она, потому что он ничего этого не объяснил.

Он вздыхает — долгий грустный вздох — и сообщает своей пленнице, что просит ее зайти в ванную. Просит опуститься на колени в ванну, потому что план у него изменился. Новый план, сообщает он ей, таков: он ее ударит по затылку пистолетом, а потом оставит ее и уедет. Все это он говорит ей с испариной на лице, и пальцы начинают играть с предохранителем.

Она идет, пошатываясь, прямо перед ним, волосы на лице. По дороге он берет у нее из рук сумку и опускает на синий пластиковый пол в неотремонтированном коридоре. Она всхлипывает, но тихо.

— Я постараюсь не делать вам слишком больно, — говорит он. — Я из хороших парней, честно. Просто я... ну, понимаете... немножко в беду попал.

В ванне она становится на колени, спиной к нему, и говорит вдруг на вдохе:

— Сейчас меня стошнит... — И ее начинает трясти, она дрожит, ее рвет в ванну. — Прошу вас, — шепчет она, стараясь сохранить хоть какое-то достоинство. — Пожалуйста, прощу вас.

По зеркалу проходит тень. За спиной Джереми стоит Ганни, его отражение появляется в зеркале рядом с Джереми.

Джереми наводит ствол на затылок Американской Бабушки. Когда он отводит затвор, досылая в камеру первый патрон, Бабушка вдруг оборачивается с жаркой яростью в глазах, будто проклиная его за ложь. Выпущенная пуля оставляет глубокую борозду у нее на скуле. Женщина даже не вскрикивает, а выпускает какое-то кошачье мяуканье, но она не робкая слабачка: бросается из ванны с яростным рычанием, когтями стараясь проложить себе путь из этой камеры смерти. Он еще раз в нее стреляет, в середину корпуса, но она рвется вперед — отчаявшаяся женщина, истекающая кровью жизни и желающая добраться до своей сестры.

Джереми стреляет третий раз, в коридоре с синим пластиком — бум-бум-бум, бууум.

Женщина эта сделана из хорошей стали, она уже почти сваливается на стену кучей, но все еще рвется вперед, и он вспоминает, как сам у себя в квартире в Темпле шел по коридору, шатаясь между жизнью и смертью.

И как же далеко ушел.

Она в передней, рвется к двери. Сейчас она то ли хнычет, то ли визжит высоко, слегка похоже на свист пробитой в нескольких местах шины. Женщина падает на ярко-синее, не успев добраться до двери, и что поразительно — и некоторым крутым ребятам из Зеленой Машины можно бы у нее поучиться, — продолжает ползти, подтягиваться, двигаться.

И наконец, уже у самой двери, но совсем не такая, какой она была час назад, Американская Бабушка переворачивается на спину и глядит с яростным упреком на Джереми, который всаживает ей пулю между глаз.

Какая грязная работа, говорит Ганни из залитого кровью коридора.

Джереми соображает, что не закончил рассказ. Он же не сказал ей, что, когда пуля вылетела, она попала мальчику в шею сбоку, и тот свалился в дыру, скрылся из виду. И они с Крисом должны были пойти по этим улицам, прячась под каждой стенкой и выглядывая из-за каждого угла, и тряпкоголовые на них смотрели и вопили, будто они инопланетяне. А прямо перед дырой лежала одна из мальчишковых синих сандалий, ярко-синяя, веселосиняя, не забыть. И крови полно. А спустившись за мальчишкой вниз, они нашли вторую сандалию на раскрошенном бетоне. И он там тоже лежал, свернувшись. Оранжевая бейсболка все еще была у него на голове, и он еще не расстался с жизнью, а в углу стояла — можете себе представить, леди? — обыкновенная коза, к железной решетке привязанная, а рядом с ней — миска с водой. И — вот поймите, да? — мальчик плакал, а изо рта и с шеи у него кровь, и кто-то — какая-то женщина у входа вдруг завывает, и Крис говорит: «Блин, надо ноги уносить». Так что приказ есть приказ, и я в своей профессии король, я стреляю пацану в голову и забираю бейсболку, и мы быс-

тро уносим ноги, но та женщина, понимаете, наверняка это была его мать, она теперь молчит, просто смотрит на нас, как мы идем, и эту дурацкую сандалию прижимает к щеке, будто это роза Аравии. Видите, леди, чего вы не знали?

А потом... потом, на базе, на нас спускает собак тот капитан, которого мы не знаем. Ночью, в закрытом помещении, где никто больше не услышит. Он на нас орет: вам *кто-нибудь* приказывал убирать какие бы то ни было вторичные объекты? Вторичные объекты? А... я понимаю, что он хочет сказать. Коза. Он злится, что я, когда убил мальчика, который пришел кормить и поить любимую козу, эту козу тоже пристрелил, потому что рядом не было никого из штатских «Христиан в действии», чтобы пристрелить их. Понимаете, леди... я подумал после долгого времени, черт-те сколько времени у меня было, чтобы думать... что все дело было в козе. Война между семьями, быть может, или между племенами. Может, сведения о взрывных устройствах передали затем, чтобы я убил мальчика, который украл у другого мальчика козу? Или я убил мальчика, который *выкрал* украденную у него козу? Я сделал за кого-то грязную работу в обмен на сведения о взрывных устройствах и бейсболку принес в доказательство?

— Не знаю, леди, — говорит Джереми лежащему на полу телу. — Там не все рассказывают. Просто иногда говорят, что это судьба.

Он глубоко вздыхает. Ему будет не хватать живого собеседника. Впрочем, всегда есть Ганни.

В ванной Джереми смотрит на себя в зеркало и видит под кожей кости и мышцы лица. На правой щеке возникает бугор и рассасывается, потом другой, съеживаясь, на лбу. Третий выскакивает рядом с левым глазом — будто это челюсть хочет высвободиться из сустава.

«Прав был Ганни, — думает он. — Не готов я еще ехать в Мексику. До того как я туда попаду, я должен...»

Заткнуть им пасть, говорит сзади Ганни. Как-то они узнали. Этот ролик говорит о многом, Джереми, и все, на что он способен, — это обидеть тебя и других солдат, кто выполнял свой долг. И вот в этом дело. Их надо заставить замолчать, потому что они делают плохо, очень плохо, для многих — очень многих — людей. Они даже сами не знают, что делают. У этого любителя сегодня был шанс, он его упустил. Но ты... Ты профессионал, Джереми. У тебя теперь есть машина. Время собирать вещи и заняться делом.

Джереми согласен. Он бросит пикап в гараже, прямо где он сейчас стоит. Скоро ли его найдут? Ой, очень не скоро. На той неделе, на которой семь пятниц будет.

А теперь всерьез. Если они играли на «Стоун-Черч», то могут ехать туда, где у них следующее выступление. Он скачал с их сайта список, там говорится: завтра вечером в «Касбахе» в Сан-Диего. Если не там, то в «Кобра-клуб» в Голливуде в субботу вечером. Надо, кстати, просмотреть сумку Американской Бабушки на предмет наличных.

Ага. Все, теперь все серьезно.

Лицо у Джереми перестало двигаться — пока что. Он снова становится собой. Чуть не всхлипнул, чуть не испустил вой, который отдался бы эхом в этой тесной ванной и напугал бы его так, что он весь остаток жизни не мог бы спать ночью и потел от страха, но приступ черного отчаяния проходит. Джереми заставляет его пройти, потому что с таким внутренним чувством человек жить не может. Она попала в сопутствующие потери. Не повезло. Что случилось, то случилось. Случайные потери при выполнении задания — мир не перевернется. Стисни зубы и шагай дальше. И одно он знает точно: как закончится это вот задание, он будет делать работу хорошего парня — против наркобаронов Мексики, он спасет

тысячи жизней и тем уравнивает счет. Это и называется — судьба.

Ганни подвигается ближе, щека к щеке в зеркале, и говорит, что еще одну вещь Джереми должен знать. Вот какую: прогресс в компьютерной технологии и судебной медицине дал полиции возможность вскрыть глазное яблоко убитого — и увидеть лицо убийцы, запечатленное на сетчатке в момент сгорания зрительного нерва. Джереми стоило бы что-нибудь на эту тему предпринять.

Джереми обдумывает — и соглашается.

Все, блин. Шутки кончились.

Часть пятая
ЭТО МЕСТО ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО

Глава двадцать первая

Ариэль сбилась с дороги.

Она бродила в незнакомых местах, в жаркой чаще зеленых лиан, поросших листьями, почти закрывавшими солнце. Небо виднелось лишь яркими белыми пятнами. Ариэль знала только одно: ей нужно выбраться отсюда, здесь оставаться нельзя, и она пробиралась вперед, раздвигая стену растительности, тут же смыкавшуюся за спиной.

В лианах прятались колючки, они кололись и оставляли царапины, стоило только шевельнуться. Путь вперед грозил бедой, но выбора не было. Надо было вытерпеть, пройти заросли и выйти на другой стороне.

Пахло землей, жарой и сырой зеленью. Еще ощущался другой запах — воздух пропитывал сладковатый аромат, густой как вино. На колючих плетях висели темные ягодки, их были сотни, совсем черные и чуть красноватые, и Ариэль поняла, что стоит в густой чаще ежевики, протянувшейся во все стороны.

Вопрос: в какую сторону выход? И другой вопрос, более тревожный: а есть ли выход вообще?

Она пошла вперед, в выбранном направлении, хотя и не помнила, как его выбирала. Наверное, выбрали за нее. В любой момент она могла остановиться, повернуться и пойти в другую сторону, но все-таки, думалось ей, бывает иногда, что надо в этом мире *чему-то* верить.

Она не слишком далеко ушла, когда из чаши вышел этот человек и встал перед ней, будто загораживая дорогу.

Ариэль знала его, знала его лицо — по фотографии с водительского удостоверения. Знала, что он сделал с двумя ее друзьями, и знала, что он сейчас хочет сделать с ней.

Она попятилась — он двинулся следом. Его лицо ничего не выражало. У Ариэль от страха стиснуло сердце, ноги стали подкашиваться. А он приближался неторопливо, с нездешней пугающей уверенностью, и лицо его стало меняться.

Кожа зарыбила и поползла, как глина под невидимой рукой. Под ней задвигались кости. С шелканьем и потрескиванием менялись, разрушались черты лица, одна щека выпятилась наружу, другая ввалилась, нос съежился и сменился увеличивающейся трещиной, лоб вытянулся куском камня в прожилках. Один глаз отступил внутрь, в темноту, другой выкатился, как у вытащенной из воды рыбы.

А нижняя челюсть поехала вперед, потом с треском, будто ломают сухие палки, она стала выходить из сустава, отделяясь от верхней. Ариэль пятилась сквозь режущие колючки, держа руку перед лицом, готовая оттолкнуть морду рептилии с разинутой пастью, а та раскрывалась до немыслимых размеров, гигантская даже по отношению к уродливой голове, из которой выросла. Изуродованное тело метнулось к Ариэль, продираясь через колючие плети, — руки опущены и сжаты в кулаки, на краю прожорливой пасти влажно блестит единственный глаз.

Из этой зияющей дыры вырвалось что-то темное. За ним еще что-то такое же, и еще, и еще, потом по три сразу, потом по пять, десять и двадцать, пасть изрыгала узкие темные снаряды, у которых тут же отрастали крылья

и черные перья, и они кружились вокруг Ариэль живым вихрем.

Из разинутого рта Джереми Петта вылетали черные рои ворон. Некоторые подлетали к Ариэль, клюясь и щипаясь, и красные глазки метались из стороны в сторону, но большая часть их налетала на ягоды, птицы срывали их с плетей и глотали, капая соком с клювов и сражаясь друг с другом за каждый кусок. Они кувыркались в почерневшем воздухе, сбиваясь в дерущиеся злобные узлы, в пронзительных криках слышались почти человеческие чувства: жадность, торжество победителей и досада проигравших.

Воздух загустел от ворон. Они бились в лицо Ариэль, сталкивались друг с другом, продолжая драться за раздавленные сладкие ягоды и рвать друг у друга перья, хлопали сломанными крыльями, штопором уходя вниз. В просветы окружившей ее черной стены Ариэль видела, как вертится вокруг себя Джереми Петт, выбрасывая в стороны руки подобно цилиндрам непонятной машины — двигателя карнавальной карусели, у которого вылетели стопоры и сгорели регуляторы, и вот теперь он вертится и вертится, пока не рассыплется осколками в ревущем взрыве. Чем больше ворон из него вылетало, тем сильнее он сжимался, усыхал. Одежда с него спала, обнажив тело — сморщенный ужас серой кожи. Уродливая голова моталась из стороны в сторону, бескостная, на шее, похожей на плеть. Вдруг она стала спадаться, последние пернатые черные твари выбрались из нее, теснясь, моргая красными бусинами глаз и тут же вцепляясь друг в друга, и голова съежилась, как спущенный шарик.

В этом невероятном визге, в этой выюге перьев и хлосе когтей Ариэль видела, как падает усохший скелет тела, все еще вертаться, и подумала: «Он — сосуд».

Вороны налетели на нее. Они запутывались в волосах, лезли в ноздри, забирались в глаза, били по губам. Она пошатнулась, отступила, стараясь найти место, где можно обороняться на этом поле жизни, вдруг ставшем филиалом ада, и тут поняла, что на нее они летят лишь потому, что она оказалась между ними и немногими нетронутыми плетями ежевики, где еще есть ягоды, а они не успокоятся, пока не объедят все, не оставив ни единой.

Посмотри на меня, сказал кто-то.

Ариэль обернулась. Рядом с ней стояла та девушка.

Именно такая, какой Ариэль ее запомнила. В той же одежде, в той же драной соломенной шляпе, и смотрела на Ариэль теми же черными глазами — безмятежными и бесстрастными. И щеки были те же, что и тогда, — в подростковых угрях.

Идем со мной, сказала девушка.

Сказала без акцента, но голос ее был похож на тот, который когда-то, очень-очень давно, Ариэль слышала — и верила ему.

Девушка протянула руку — Ариэль ее приняла.

Вороны продолжали клубиться вокруг, но ни одна не пролетала между ними.

Ариэль не знала, кто двинулся первым — девушка или она, — но они пошли рядом через плети ежевики, держась за руки, а черный занавес ворон хлопал крыльями им в лицо и шипел в спину. Но ни одна не вторгалась в занятое ими пространство, и стена ворон расступалась перед ними. С пронзительным визжащим звуком раздавались в стороны стены черных перьев и блестящих багровых глаз — как разлетаются сухие листья, стрясенные с мертвого дерева.

Ариэль проснулась и осталась лежать, глядя в потолок. Там медленно вращался вентилятор, очень тихо потрескивая. Солнце ярко светило сквозь светло-желтые

занавески на окне. Где-то около «Бентон-плейс» лаяла собака. Проехал мотоцикл. Ариэль повернула голову на подушке, высматривая часы. Те, что стояли на тумбочке, сказали, что сейчас десять минут одиннадцатого — приятная симметрия стрелок. Ариэль потянулась, услышала, как хрустнул позвоночник, и начала было вылезать из кровати, но решила полежать до четверти одиннадцатого и попытаться обдумать свой сон.

Она лежала в кровати гостевой спальни в доме матери Берк, в районе, где маленькие аккуратные дома встали на холме над федеральной дорогой номер пятнадцать в северо-западной части Сан-Диего. Сюда они приехали накануне вечером после двухсотвосемидесятимильной дороги с фестиваля «Стоун-Черч». Участники группы так были измотаны пережитым, что едва успели пробормотать какие-то вежливые слова миссис Фиск и сложить куда-то сумки — и тут же свалились. Труитт Аллен хотя и вел машину всю дорогу, пошел в кабинет с ноутбуком, сотовым телефоном и чашкой кофе и закрыл за собой дверь. Белый «ГМЦ Юкон» с тонированными стеклами, который их сопровождал по извилистым улицам и припарковался перед домом, наверное, еще на месте. Можно будет проверить, просто из любопытства, когда она встанет.

А еще она подумала, что очень интересно разобрались с необходимостью заправиться. Вчера, когда стал кончаться бензин, Тру по сотовому передал какие-то коды. «Жестянка» остановилось возле колонки на заправке «Тексако», и тут же белый «юкон» и еще один, серый металл, встали по обе стороны фургона и трейлера группы «The Five». Из обоих внедорожников вышло по одному человеку, оба одетые, как Тру, в простые штаны и рубашку, и эти двое встали лицом к темноте на дальней стороне дороги I-8. Их было бы не отличить от обычных

бизнесменов, путешествующих по делам и вышедших размять ноги, если бы не пара странной формы биноклей, через которые они осматривали окрестности, поворачиваясь в стороны.

— Ночное видение, — сказал ей Кочевник. — Или тепловое.

Тру закачал бензин. Из «юкона» вышел еще один человек и заправил обе машины. Агенты о чем-то быстро посоветовались, и двое зашли внутрь здания и вышли — каждый с двумя пакетами поп-корна и четырьмя чашками кофе на пенопластовом подносе. Тру спросил музыкантов, не надо ли кому в туалет, и когда выяснилось, что да, им был выдан персональный эскорт из агентов ФБР. Ни разу не было момента, когда как минимум двое агентов не смотрели бы в приборы ночного видения или что оно там. У Ариэль создалось впечатление, что в каждом «юконе» есть четвертый человек, на заднем сиденье, — так она решила по замеченным движениям и по четвертой чашке кофе. Девять человек, включая Тру. Много на это уйдет денег налогоплательщиков — охранять жизнь четырех музыкантов, у которых дезодорант *давно уже* выдохся. *Плюс* к тому Тру заплатил за бензин своей — или казенной — кредитной картой. Что тут удивляться, если страна по уши в долгах?

Ариэль подняла голову и глянула на вторую кровать. Джон Чарльз еще спал, запутавшись в простынях, как будто ему тоже снились плети ежевики и шагающий призрак Джереми Петта. Он лежал, отвернувшись лицом к окну. Очень неприятно было смотреть на его правый глаз, который за ночь распух, как устрица, и переливался затейливой гаммой от черного с лиловым оттенком до оливково-зеленого. Немного помогли пакет со льдом, выданный в медицинском трейлере, и доза экседрина-форте.

Джон спас ей жизнь.

Все равно вчерашние события не укладывались в голове. Совершенно верно говорит штампованная фраза: все произошло слишком быстро. Когда Джон прервал пение и музыка дернулась, а потом он нырнул вниз, как безумец... это невозможно было воспринять. А потом узнать, что этот молодой человек — девятнадцатилетний, судя по калифорнийскому водительскому удостоверению, как сообщил Тру, — целился *в нее*... нет, в голове не укладывается.

Стрелка скрутили и увели быстро и аккуратно. Группа «The Five» ушла со сцены, и техники убрали аппаратуру (через час должна была выступить «Monster Ripper»), а вскоре после этого — после захода в медицинский трейлер и короткого разговора с репортерами тусонского телевидения и с Брэдом Лоуэллом из «Дейли стар» — «Жестянка» отъехала от этого цирка. За рулем сидел Тру. На I-8 в сторону запада заняли свои позиции два «юкона» — серый металлик спереди и белый сзади, и вот так они поехали колонной.

Кочевник спас ей жизнь.

И Ариэль очень не скоро забудет об этом подарке. Если вообще когда-нибудь забудет.

Он чуть фыркнул, будто прочитав ее мысли. Рука его поднялась коснуться глаза, но даже во сне мозг сообразил, что лучше этого не делать, и рука упала обратно на грудь.

Тру не сказал им пока что, как зовут того парня, хотя наверняка видел в его документах. Он сказал, что будет информировать о ходе дела, и это было вчера, до того как он скрылся в кабинете.

Ариэль позволила себе вернуться в сон и проиграть его с самого начала. В комнате было светло, солнечно и радостно. Стоял пряный запах освежителя, который, наверное, утром разбрызгала миссис Фиск, учитывая, на-

сколько им необходим душ. О темном трудно было думать, но необходимо.

Он — сосуд.

Она вспомнила эту мысль. Что это значило? Яркий образ кишаших ворон, налетающих на ягоды и рвущих их с ветвей. И яркий образ девушки.

Той девушки.

Идем со мной.

Ариэль вдруг поразило желание — потребность — увидеть эту песню. Песня-«кумбайя», назвала ее Берк. Она наклонилась к полу, где рядом с синим чемоданом стояла ее кожаная сумка с бахромой. Открыв сумку, она вытащила блокнот с приклеенными камешками десятка цветов, и открыла его на странице, где была написана заготовка для общей песни. Предполагавшейся последней. Которая должна быть исполнена на последнем представлении в Остине, шестнадцатого августа. Песня-завещание группы «The Five», написанная всеми вместе, с частями души, вложенными в слова и музыку.

Добро пожаловать в наш мир, тебе все рады тут.

Придумай песню не длиннее четырех минут.

О чем споешь, о чем смолчишь — решай,

Тут все, как в жизни, и не проще.

Тебе дороги легкой, мужества в пути

Тебе дороги легкой, мужества в пути.

Ох, пригодится тебе мужество в пути.

Пока что вот так.

Не слишком примечательно.

Песня в работе.

Что-то в работе.

Ариэль снова пробежала строчки. То, что она записала, как она поняла сейчас, начиналось и заканчивалось — пока что по крайней мере — словами той девушки.

Сидя на кровати с подушкой под спиной, слушая лай собаки с улицы и глядя на льющиеся сквозь желтые шторы солнечные лучи, Ариэль почувствовала, как приходит к ней трансцендентная истина, ощущение чуда — и с примесью некоторого страха, да, но это было как попасть в тиски тугой и радостной дорожки ритма и темпа, ощущение и знание, что все *правильно*, все идет, как должно идти, и что сломать этот ритм, эту странную и иногда пугающую связь, прервать это движение вперед, ведущее к неведомому контрапункту, будет не просто непрофессионально — это будет трагедия.

Ариэль подумала, что та девушка — кем бы она ни была — помогает им создать песню.

— Джон? — позвала она. — Джон?

— Не, — промычал он. — Спасибо, не хочу.

Почему-то ей стало легче. Что бы она ему сказала? Как объяснить то, что чувствуешь? И это ведь всего лишь ощущение.

«Идем со мной», — сказала девушка.

Ариэль решила, что надо встать. Вот прямо сейчас. Нужно принять душ, отмыть волосы от красной пыли «Стоун-Черч», одеться и найти спокойное место, чтобы поработать над песней.

Пора быть серьезной.

Терри лежал на полу, спал в спальном мешке. Берк заняла диван в маленькой кладовке в подвале. «Меня устраивает», — услышала Ариэль ее слова, обращенные к матери, и Берк понесла свой чемодан вниз. Ариэль решила, что Берк собирается спать как можно дальше от комнаты, где уже почти десять лет лежали вместе мать и отчим. Насколько понимала эту историю Ариэль, Берк было четырнадцать, когда отец и мать развелись, а потом мать продала дом, где родилась Берк, и после свадьбы переехала вместе с дочерью к Флойду Фиску, разведенному

отцу двадцатиоднолетней дочери, студентки школы медсестер.

Ариэль приняла душ, вымыла волосы и оделась в джинсы и свободную лиловую блузку с длинными рукавами, с цветами и кружевами на рукавах и на шее. Одна из многих находок в магазинах винтажной одежды, хотя сейчас они почти так же дороги, как новые вещи. Выйдя из ванной, она столкнулась с Терри. С покрасневшими глазами он буркнул что-то вроде приветствия и прошаркал мимо в заношенном купальном халате.

Джон все еще был в отключке — может, и к лучшему. Она взяла блокнот и ручку с фиолетовыми чернилами и пошла по коридору в кухню, где мать Берк следила за мультиваркой, глядя «мыльную оперу» по телевизору.

— Доброе утро!

Мать Берк была урожденной Ким Чэпмен, но в театрально-болеельщицкой тусовке школы имени Патрика Генри ее стали называть Чэппи, и кличка прилипла. При виде нового человека лицо ее осветилось. Она была привлекательная женщина — высокая, худая, крепко сбитая, как и ее дочь. Но карие глаза — куда более темные, чем у Берк, — были грустны. Ариэль видела Чэппи несколько раз, когда они играли в Сан-Диего, но в доме не была никогда. Она знала, что Чэппи сорок пять, что она средняя сестра двух братьев, что ее отец-пенсионер был когда-то техником в компании «Нортрап Груманн» и однажды обменялся рукопожатием с Говардом Хьюзом, и что свои длинные и по-прежнему шелковистые волосы она подкрашивает от седины краской «Клариол медиум браун». Чэппи была в бежевых брюках и черной блузке-безрукавке.

— Доброе, — ответила Ариэль. — Пахнет вкусно.

— Овощное рагу на ленч. Завтракать будешь? Я что угодно могу приготовить.

— Вообще-то мне только стакан апельсинового сока. — Она подумала. — И тост, наверное. Джем к нему можно?

— Сок, два ломтя цельнозернового пшеничного тоста и клубничный джем. Нормально?

— Прекрасно. Я сок возьму.

Ариэль потянулась к холодильнику, покрытому яркими магнетиками разных оттенков, прижимающих цветные фотографии, некоторые уже полинявшие. Мелькнул иной мир: улыбающийся мужчина с начинающейся лысиной, широкоплечий, в роговых очках, сидит посреди разбросанных книг, стройная девушка лет шестнадцати с густыми волнистыми черными волосами стучит по ударной установке, закрыв глаза, какой-то терьер со склоненной набок головой смотрит на камеру испытующе, сцена в баре человек на двенадцать, почти все седые и длинноволосые, чокаются пивными бутылками, тот же лысеющий крепыш, теперь в темных очках, стоит, обняв за плечи счастливую Чэппи Фиск, а за ними — чудо природы: Большой Каньон.

— Сейчас дам.

Ариэль еще даже не успела понять, где сок, как Чэппи предупредительно, по-матерински метнулась вперед и достала пакет.

— Берк, наверное, еще спит? — спросила Ариэль, пока Чэппи наливала ей сок.

— Пока не проявлялась. Вот твой сок, сейчас тосты будут.

— Спасибо. — Ариэль отпила соку и оглядела кухню. Как и весь остальной дом, она была солнечной. Очень уютной, с уютными безделушками, собранными из разных туристских мест. Все аккуратно, чисто, в порядке. С этой солнечной кухней, где шел по телевизору сериал и где Чэппи хлопотала над тостером, никак не вязался

тот факт, что муж Чэппи — второй ее муж — и отчим Берк умер месяц назад, но все-таки было в этом доме, как бы ни был он светел, ощущение, что здесь нет кого-то, кто уже не вернется никогда.

Ариэль не была знакома с Флойдом Фиском, и, насколько она знала, никто из прочих тоже. Берк сказала матери задолго до концертов в Сан-Диего, что не хочет его и близко видеть, так что он и не появился ни разу.

«Флойд-мать-его-Фиск, — сказала она как-то Ариэль на репетиции, когда они разговорились о своих родителях. — Тебе не кажется, что имя, как для того парикмахера в Мэйберри? Знаешь, из сериала про Опи?»

«А чем он тебе так не нравится? — спросила Ариэль. — Он как-то плохо обращается с твоей матерью?»

«Плохо обращается с матерью, — повторила Берк, будто взвешивая эту возможную причину. — Нет, нормально он с ней обращается. Она его любит. Но он не мой папа. Понимаешь?»

Ариэль не была уверена, что понимает, но у Берк настроение стало грозное, и, значит, дальше в эту сторону ходить не надо, если на тебе громоотвода нет.

— Можно у тебя спросить? — обратилась к ней Чэппи, намазывая тосты клубничным джемом. — Вопрос, конечно, неловкий, но... Ты не подруга Берк?

— Ну да, мы с ней подруги.

— Нет, я... — Чэппи покосилась в сторону, отвела глаза. — Я хотела спросить: вы *близкие* подруги?

— А! — Ариэль поняла, о чем идет речь. — Нет-нет. Не в этом смысле подруги.

Чэппи покраснела, пожала плечами:

— Я не знала. Я не очень ее расспрашиваю. — Она подала Ариэль тост на желтой тарелке с коричневыми цветочками вдоль края. — Она, когда не в духе, может голову оторвать. Но ведь это не мне тебе рассказывать?

— Все мы, бывает, срываемся.

— А, да. Я должна была вам передать: мистер Аллен утром ушел в город. Сказал, что после обеда вернется.

— Он на фургоне поехал?

— Нет, взял одну из этих больших машин. Представляешь себе? Съел *четыре* яйца и чуть ли не весь мой бекон. Сказал, что возместит, но знаешь... здоров этот парень лопать. — Чэппи сделала вид, что смотрит свой сериал, но уголок рта у нее зашевелился, и понятно было, что сейчас она что-то скажет или спросит. — Разреши еще один вопрос, — проговорила она наконец. — Ты веришь, что этот человек вас защитит? В смысле сможет защитить вас всех, всю группу? Я этот ролик пересматривала много раз. И видела, как тебя едва-едва не подстрелили. Твои родители не волнуются за тебя? Они тебе звонили?

— Я им звонила, — ответила Ариэль. — Когда это впервые случилось, в Свитуотере. И из Тусона звонила снова.

— И... и что? Они хотят, чтобы ты вернулась домой? Или нет?

— Они об этом не говорили, и я от них этого не ждала. — Ариэль откусила кусок тоста и стала жевать. — В любом случае я бы не поехала, потому что это уже не мой дом. Я живу в Остине. Хотя... на следующий год могу оказаться в каком-нибудь другом месте.

— Берк мне говорила, что ваша группа распадается, — сказала Чэппи будничным тоном. — Прискорбно было слышать, потому что она всегда... — Она остановилась, будто решая, будет это предательством доверия или нет. Решила, что не будет. — Она всегда в вас верила. Больше, наверное, чем во все свои другие группы. И особенно — в Джона и в тебя. Верила, что вы достигнете успеха. Сделаете запись-хит, заключите контракт с фирмой

записи — такого типа. О Господи, я старая, да — но, клянусь, с Элвисом Пресли роман не крутила.

Ариэль улыбнулась.

— Зато крутила роман с Тоддом Рандгреном, — сказала Чэппи. — И слегка еще с Джо Страммером. И массаж спины делала Игги Попу. А Роберт Планта мне руку целовал как-то в Голливуде, прямо на бульваре Сансет. Такое не забывается никогда.

— Да, наверное.

— Ух, какой там был музыкальный фон, просто ох... — едва заметная пауза, и Ариэль уже ждала крепкого слова, но Чэппи взяла себя в руки, — ...охнуть и ахнуть, — сказала она. — Сколько всего происходило, сколько было групп. Как оно было искрометно. И мы в середине всего этого. Никто сейчас не поверит, сколько песен было написано о сестрах.

Ариэль кивнула. Чэппи не стеснялась признавать свое членство в сестричестве группы. Если послушать, как она рассказывала раньше, Чэппи и ее «сестры во утешении» полностью посвящали себя сохранению рассудка у своих рокеров и обеспечению им комфортной жизни, чтобы ничто не мешало созданию шедевров. Их рождению.

Ариэль допила сок и снова сказала спасибо.

— У меня кофе есть. Хочешь? — Чэппи показала на кофейник. На столе стояла ее собственная чашка — сувенирная, может быть, оригинальная, с групповым портретом «The Eagles». — А... ты же, наверное, из чайных девочек, не кофейных?

— Верно.

Чэппи налила себе кофе.

— Так ты думаешь, что мистер Аллен и эти люди сумеют вас защитить? — Она потянулась к буфету, открыла его плавным, неспешным и полностью машинальным движением, завершившимся доставанием полубутылки

«Джека Дэниэлса». Как будто ничего естественнее нет, чем плеснуть глоток виски в утренний кофе. — Полагаешься на ФБР?

— Похоже, что да — пока что.

— Ну, пока ты жива. — Чэппи закрыла бутылку и отставила в сторону. Пригубила своего высокооктанового горючего. — Как и моя дочь. Но ты же знаешь, что вчера ты едва не погибла? Нэнси Грейс по телевизору вчера сказала, что этот тип со «Стоун-Черч» подражал Джереми Петту, и она думает, что будут и другие. Слушай, если бы ты была *моей* родственницей, я бы вскочила на самолет и полетела за тобой. И сказала бы, что никакое турне и никакая музыка не стоят того, чтобы за них идти на гибель. Я бы сказала: отложи все, пока этот псих не окажется за решеткой.

— Вы что-нибудь подобное говорили Берк? — спросила Ариэль, зная ответ.

Чэппи сделала еще глоток.

— Знаешь, это, наверное, самый затертый штамп в мире, но я все-таки скажу: Берк шагает под свой барабан. Иной, который только она слышит. Она может испугаться, но никогда этого не покажет и никогда ни перед кем не спасует. Даже перед этим... — Снова повисло в воздухе слово и снова не упало. — Даже перед этим психом.

— Берк — сильный человек, — согласилась Ариэль. — Завидую ее силе. Умению добиваться того, чего она хочет.

— Да, отличный был бы мир, если бы каждый был как она. — Чэппи попыталась улыбнуться, но не очень получилось: слишком много было горечи в сердцевине улыбки. Чэппи встала и пошла проверить мультиварку.

Ариэль решила, что хватит расслаиваться.

— Я, наверное, выйду пройтись сейчас, — сказала она. Накануне она во дворе перед домом заметила деревянную скамейку под эвкалиптом. — Спасибо за...

— Я удивилась, что она вообще согласилась приехать, — перебила ее Чэппи, и Ариэль собралась отбивать нападение. — Даже пусть Флойда нет. Удивилась, но и только.

— Ну... — У Ариэль было чувство, будто она ступает на зыбкую почву. — Может быть, она хотела проверить, все ли у вас в порядке.

— Мне пришлось почти умолять ее приехать. Забрать то, что он ей оставил. Он мне прямо сказал в начале прошлого года: если с ним что-нибудь случится, он хочет, чтобы она получила то, что он для нее сохранил. Это для него было важно. — Она кивнула. — Да, очень важно. И еще письмо. Я ему сказала, что ничего не случится, все с ним в порядке, надо будет только еще раз проверить для надежности. Мэнди приходила дважды в неделю проконтролировать, как он принимает лекарство, и давление померить. Но он... Он сказал, что иногда устает. Вот просто устает. Ведь все устают. — Она поднесла чашку ко рту, но так и не глотнула, опустила, не коснувшись губами. — Они все что могли сделали — бригада «скорой». Я видела, как они работали, и знаю. Но Бог ты мой, как же мне его не хватает. — Рука взметнулась вверх, пальцы прижались к губам. Глаза заблестели. — Но главное — он очень, очень старался. Старался быть Берк отцом. Только она его держала на расстоянии. Поворачивалась спиной, что бы он для нее ни делал. О'кей, ну так он... он не был величайшим барабанщиком в мире в отличие от Уоррена — который сам о себе так думал. Флойд не знал музыки и не шатался с группами, а что любил больше всего на свете — так это читать. Или сидеть на диване и смотреть футбол или старые фильмы, и не было в нем блеска... но было что-то *существенное*. Ты меня понимаешь?

Она посмотрела на Ариэль с надеждой, и та ответила, что понимает абсолютно.

Чэппи заговорила снова, с очень уважительной интонацией:

— Флойд был никак не Тодд Рандгрэн. И не Джо Страммер или Игги Поп. Да и не Уоррен Бонневи тоже. Ему не случалось сказать, что выйдет за сигаретами, а через три дня позвонить из Лос-Анджелеса и попросить прислать денег, потому что он вот-вот получит концерт с самым модным исполнителем, кто там первый сейчас в чарте. А потом кулаками пробивать дырки в стене, потому что ему не перезвонили. Господи, да если бы дом, в котором Берк выросла, умел бы говорить, мы бы охренели от крика — прости за слово, но так и было бы. Флойд не орал, не вопил, не впадал в ярость в три часа ночи, заявляя, что это я сперла его палочки и закопала их на заднем дворе. И он не залезал в ванну и не начинал оттуда орать, что будь у него пистолет, он бы тут всех поубивал и себя тоже. Да, Ариэль, деньки и ночки те еще выпадали. А хуже всего — знаешь что? Что он и правда был *классным* барабанщиком. Колоссальный талант. В нем горел огонь, понимаешь? Но это страшно — смотреть, как человек, которого ты любишь, сгорает заживо.

Ариэль не знала, что сказать, и сказала, что душа просила:

— Я очень вам сочувствую.

Чэппи выдула губами воздух, отмахнулась от слов Ариэль и еще раз глотнула кофе с виски.

— Жизнь, — сказала она, — это тебе не пачка жвачки. Понимаешь, дело тут в том... Берк однажды меня спросила — на самом деле много раз, в своей вежливой манере спрашивала: как это я бросила ее отца, чтобы выйти за — ее термин — «абсолютного неудачника». Парикмахер из Мэйберри — иначе она его не называла. Нет, еще книжным червем. «Мам, это же эталон ничтожества», — говорила она. И я смотрела прямо ей в лицо, и она

опускала глаза. А я говорила, что люблю Флойда Фиска, потому что он любит меня и любит *ее*, хочет она это признать или нет, и потому что вот эти их «блестящие» сгорают и уходят дымом, а «основательные» — это опора. «Основательные» знают, что такое ответственность, — да-да, и можете говорить: «Ох, какое же это старье». Но я просто хотела быть счастливой и хотела, чтобы меня любили. Хотела, чтобы вокруг был порядок. И если это «старье», так заверните мне, потому что я его столько возьму, сколько смогу унести.

Вдруг глаза Чэппи наполнились слезами.

— Ой, — сказала она тихим упавшим голосом.

Ариэль увидела на столе коробку бумажных платочков, вытащила пару и протянула матери Берк.

— Спасибо. — Чэппи промокнула глаза. — Ты милая.

Ариэль еще немного с ней постояла, пока не стало ясно, что Чэппи облегчила душу, насколько была способна, и теперь снова хочет смотреть сериал, и что она допила обогащенный кофе и отставила чашку. Ариэль сказала, что посидит снаружи и подумает кое о чем. Чэппи сказала ей, что на скамейке будет удобно, Флойд там любил сидеть и читать, когда приходил вечером с работы из книжного магазина.

Дом был светло-коричневый с темной полосой вокруг окон. Территорию огораживал штaketник. Перед домом находился сад камней, и в тени эвкалипта стояла скамейка. На короткой подъездной дорожке расположилась «Жестянка» с трейлером, за ванильно-белым «жуком» Чэппи. Когда Ариэль вышла из дому и стала спускаться с крыльца, из белого «юкона», стоящего на улице, вышли два агента и начали беседовать, будто о бейболе или о чем-то столь же важном. Ариэль отметила, что они в темных очках и, разговаривая, не смотрят друг на друга, а оглядывают улицы, дома и холмы за ними. Она по-

дошла и, когда один из них слегка повернулся к ней, спросила, не принести ли им что-нибудь попить, но он ответил: «Нет, мисс, нам ничего не нужно. Но спасибо».

Ариэль подумала, что в огромном «юконе» должен быть туалет в заднем отсеке. Что-то такое надо было предусмотреть.

Она села на скамейку под деревом и открыла блокнот на строчках песни. Оба агента, уже перестав разговаривать, стояли к ней спиной.

Слова ее озадачивали. Что они могли бы значить? Она понятия не имела, куда должна была повести песня или что она собиралась сказать. Может быть, если очень крепко зажмуриться и очень крепко задуматься, снова выплывет эта девушка из зеленого тумана ежевичных плетей и скажет, что именно она имела в виду. А если у нее еще будет настроение выручать и спасать, подскажет строчку-другую.

Но в глубине души Ариэль понимала, что так не получится. Невидимая Рука не станет писать за них. Песня, как любой продукт творчества, чего-то стоит лишь тогда, когда протиснется через горе и радость человеческих переживаний. Если в ней нет ничего личного, то и ничего хорошего нет. От девушки из сна она не придет готовой. Над ней надо будет работать методом проб и ошибок, писать и зачеркивать, искать ритм и бороться за смысл.

Как всегда, и никак иначе.

— Вдохновение?

Ариэль подняла глаза на Терри, который уже принял душ и надел на себя серые шорты и рубашку цвета морской волны в синий с серым горошек, образца примерно шестьдесят девятого года.

— Над нашей песней работаю.

— Над той самой песней? — Он кивнул на пустую половину скамейки. — Можно?

— Место занято, — ответила она. — Специально для тебя.

Терри сел рядом. Наклонив голову, посмотрел на строчки, и Ариэль повернула блокнот к нему, чтобы лучше было видно.

— Что-нибудь тебе говорит? — спросила она.

— Если честно, то нет. А тебе?

— Мне кажется, это про перемены. Про подведение итогов. Про осознание, где ты, — решила она. — Про... свое место в жизни. Что сохранить, что оставить, чтобы идти дальше. Я понятно говорю?

— Да, — ответил Терри. — Понимаю. Так что тебе сейчас нужна еще пара строк и припев?

Она подумала и ответила:

— Не знаю, что мне нужно.

Хотела она сказать другое: «Я не знаю, *зачем* эта песня, и еще меньше — *о чем*». Очень было бы безумно — да и страшно — сказать, что их направляет та девушка у колодца. Что когда Джон сам по себе придумал идею общей песни, это было потому, что он хотел сохранить группу в том же виде, а эта девушка, она... что? Прочитала его мысли? Или заронила семя песни в голову Майка? И между делом бросила слова заботы, которые так поразили Джорджа, что он вспомнил их в реанимации на койке. А у Ариэль — вызвала желание завершить эту песню?

Но если это так — в каком-то таком смысле, как в «Сумеречной зоне», — то каков ответ на вопрос «зачем»?

— Я у тебя должна кое-что спросить, — сказала она. — Это прозвучит странно, но ты мне скажи: у тебя не было последнее время необычных снов?

Веки за очками заморгали.

— В ночь перед «Стоун-Черч». Я сильно нервничал перед выступлением. И у меня был жуткий сон, будто я играю на «Хаммонде» и откусил себе руки в запястьях.

— Это не то, что я имела в виду. Я знаю, что ты веришь в Бога и в своего рода рай, каков бы он ни был, и веришь и в *другую сторону*. Да? — Она подождала, пока он кивнет. — Я тебе хочу сказать про сон, который был у меня ночью... или уже под утро, не важно. Ты посиди и послушай, а потом я тебе расскажу про то, что у меня на уме, и если ты решишь, что я спятила... ну, Бог с ним, может, так и есть. Может, мне тогда надо на время все бросить и отдохнуть. — Она посмотрела прямо ему в глаза. — Но я так не думаю. — Она голосом подчеркнула уверенность в последних словах. — Так рассказывать?

— Да, конечно. Давай.

С каким доверием он это произнес. С какой смелостью, подумала Ариэль. Через несколько минут она узнает, насколько глубоко он убежден в своей системе верований, насколько смело воспримет ее интерпретацию работы Неведомой Руки.

Потому что она уже думала, что у другой стороны Неведомая Рука тоже есть.

И тоже может творить свою работу.

Глава двадцать вторая

Когда Ариэль закончила рассказ и они обсудили его в течение минут десяти, Терри подумал, что либо происшествие на фестивале сильно потрясло ее, либо с группой «The Five» что-то происходит такое, чего он ни объяснить, ни понять не может. Во что из этого верить, он тоже не знал. Одно дело — услышать в церкви от человека, которого ты вряд ли знаешь, обращенный к тебе голос. Это тоже было странным и пугающим, но *такое...*

Это как смотреть на свое отражение в зеркале, тронуть стекло рукой — и вдруг она проходит внутрь, как через ледяную пленку, и там открывается другой мир. Ты подозревал, что он всегда там был, ты о нем говорил и строил теории, но увидеть это реально, увидеть то пугающее чудо, что скрывается прямо за твоим зеркалом...

Или как плавать в море ночью, под миллионом звезд, плыть дальше и дальше от береговых огней, пока тебя не увлечет течение и уже не вернуться, и ты плывешь и плывешь, сопротивляясь течению, пока не устанешь, но тебе нужно отдохнуть, и поэтому нужно плыть, куда несет вода, и вернуть свою силу, а потом в этой черной как ночь воде тебе под ноги скользит что-то массивное и покрытое шрамами времени и продолжает скользить дальше и дальше, сущность слишком огромная, чтобы на нее смотреть, и ты знаешь, что это левиафан пришел тебя поглотить — а может, дать тебе опору, чтобы поднять голову над волнами.

То, что сказала ему Ариэль, ее мысли о песне и той девушке, о Джордже, который увидел ее в своей палате и назвал ангелом жизни, о воронах, вылетающих изо рта Джереми Петта на ежевичном поле боя... слишком даже для верующего. Слишком даже для человека, который в далекой церкви услышал свое имя из уст незнакомца.

— Не знаю, — ответил он, сидя на скамейке в благоуханной тени эвкалипта. Она его только что спросила, не считает ли он нужным обсудить это с Джоном и с Берк. Он видел, что ей этого хочется, но нужно было его согласие.

— Я не уверен, что они к этому готовы.

— То есть ты хочешь сказать, что ты не готов?

— Ариэль... послушай меня. Я же только пытаюсь разобраться, да? — Терри почувствовал, что барахтается словно ночной пловец вдали от берега. — Ты говоришь, что песня, типа... вдохновлена свыше, я так понял? Этой

девушкой, а она в чем-то не просто девушка? Но у Джона идея написать эту песню возникла куда раньше, чем мы доехали до этой плантации.

— Нет, у него возникла идея написать не *эту*, а какую-нибудь вообще песню. Он эту идею высказал, а вот она... — Ариэль заколебалась, очень похоже на то, как заколебалась во сне. Что конкретно она хочет сказать? — Она *формирует* песню.

Лучшего слова она подобрать не смогла.

— *Формирует*? То есть прямо сейчас? Ариэль, вот они — строки текста, прямо на странице. В блокноте. В этом вот твоём блокноте. И *ты* нашла эту строку на счет того, что надо сообразить, что оставить при себе, а что бросить на дороге. Ты, не она. Так как же это *она* формирует песню? Какое она вообще имеет к песне отношение? Ладно, пусть Джорджу она приснилась в больнице, как тебе этой ночью, но я не понимаю...

— С чего бы Джорджу видеть ее во сне? Он даже не говорил с ней в тот день.

— Во снах бывает. Что-то влезает в них, что-то выпадает. Послушай, у меня о ней сновидений не было. Насколько я знаю, не было у Джона и у Берк. Если она что-то вроде... ну, сверхъестественной силы, то почему бы ей не обратиться к нам ко всем одновременно?

Ариэль чуть не ответила, но сдержалась. Ответ был бы таким: «Может быть, она заговорила с тем, кто станет слушать. Может быть, она положила на него в том, что он передаст дальше».

— Какой бы в этом мог быть смысл? — Терри положил руку ей на плечо, будто успокаивал человека, выходящего из себя. — Давай честно. Мы должны написать песню, которая мир перевернет? Да ну, брось. Или песню, которая принесет нам большой успех, и мы вдруг станем звездами первой величины? Если ты заметила,

мы сейчас по всем новостям гремим, и кто это сделал? Не эта девушка. — Он придвинулся, будто хотел сказать что-то доверительное, но Ариэль и так знала, что это будет. — Это сделал Джереми Петт. Убийством Майка и ранением Джорджа. Это сделал какой-то псих на «Стоун-Черч», с пистолетом двадцать пятого калибра. Да, я верю, что есть Бог, и верю, что есть Сатана. Я верю в рай и ад и во все, над чем многие смеются. Но *это* — всего лишь несколько строк песни.

— Двадцать пятого? — Ариэль об этом услышала впервые. — Тру не говорил, что за пистолет там был.

— Мне показалось, что двадцать пятого. Маленький. У меня отец их собирает — пистолеты. Пару раз брал меня с собой в тир. — Терри пожал плечами. — Одно из мужских занятий, к которым отец пытался меня приохотить. — Он протянул руку за блокнотом и ручкой. — Возможно, я тебе кое-что покажу?

Она отдала ручку и блокнот.

Терри какое-то время глядел на строчки, потом под последней написал фиолетовыми чернилами:

Веди рукой моей, прошу, ты должен мне помочь.

И остановился, держа ручку наготове.

— О'кей, поняла, — сказала Ариэль.

Рука Терри задвигалась, и он начал писать:

О чем писать? Я как свеча, что освещает ночь.

Пусть это пламя горячо, но догорит,

И где тогда я буду?

Счастливый путь тебе и мужества в пути,

Тебе понадобится мужество в пути.

Терри поднял голову и отдал ручку Ариэль.

— Вторая строфа. Это я ее написал — или она?

Ариэль взяла ручку и блокнот тоже. И закрыла его.

Он был прав. Конечно, он был прав. Но она не могла избавиться от мысли, что если бы она не сидела здесь на скамейке, держа место для Терри, и если бы она не сказала ему, что у нее на уме, эта вторая строфа сегодня бы не родилась.

— Какой тяжкий хлеб! — сказал Терри, глядя на агентов ФБР, все так же внимательно сканирующих улицу, дома и холмы за ними. Помолчав, он заговорил задумчиво: — Понимаешь, мне очень жаль Майка и Джорджа. Но самое худшее, от чего с души воротит, — знаешь что? Это что внимание прессы *уже сделало* нас популярными, дало *успех*, если хочется употребить это слово. Из-за него уже проданы тысячи наших дисков, чего в другом случае просто не произошло бы. Не говоря уже о том, какие двери готовы перед нами открыться. И мы ведь делаем только то, что делали и *до того*. — Он горько улыбнулся. — Потому что до всего этого шума — куда мы двигались? А никуда, по кругу. — Она и без него знала, как они прожили эти три года: изнуряющие переезды, концерты, где мечтой было продать достаточно футболок, чтобы оплатить номер в мотеле, унижительная игра на разогреве для других групп, даже более молодых и менее опытных, которым посчастливилось ранее получить контракт на запись, и неизбежное предвидение собственного срыва — как бы ты тяжело ни работал и что бы ни делал вообще. — Это просто выматывает, — продолжал Терри. — Понимаешь? И *меня* вымотало. Сильно вымотало. А до того я играл в «Venomaires», был свидетелем смертельных битв между Джоном и Кевином Килером за власть в группе, а потом у Кевина случился тот нервный срыв на сцене в Атланте. А потом Джулия и обезболивающие таблетки.

Он вздохнул, и это был вздох человека, у которого была радость превратилась в обузу.

— Не знаю, что вы все будете делать — сохраните ли название и наберете ли новые лица. А я ухожу, потому что хочу заниматься винтажными клавишами, да, но и еще... где я буду, когда погаснет мой свет? Что я *сделал*? И что я *сделаю*? Значу ли я что-то хоть для кого-нибудь? — Он замолчал на минуту, потом поправил очки на лице, будто чтобы видеть яснее. — Мне нужно немножко места и времени, и то и другое — личное. Выйти из автобуса и понять, где я.

— А тот человек в церкви? — спросила Ариэль. — А его голос? Слова, что музыка — твоя жизнь?

— Играть я буду всегда, пусть даже только для себя. Всегда буду писать песни. Может, когда-нибудь с другой группой свяжусь. Может, буду записывать дома. Я не сомневаюсь в словах, которые он сказал. Я только хочу знать, зачем он дал себе труд ко мне обратиться, если это и все.

Терри смотрел в землю, где край тени от эвкалипта встречался с предвестием калифорнийского солнца.

— Ладно, — сказал он наконец, вставая несколько скрипуче, как старый хрыч, искусно замаскированный молодой кожей. — Жаркое-то как хорошо пахнет. А я голоден как волк.

Ариэль тоже встала, прижав блокнот к боку.

— Так пошли займемся, — предложила она, взяла его за руку, и они вместе вошли в дом. Оставшиеся на улице агенты вернулись в свой «юкон».

В кухне обнаружили две прекрасные утренние птички, выпорхнувшие из своих спальных гнездышек и уже обслуженные тарелками овощного рагу. У одной птички на голове имелась грива темных растрепанных кудрей, а под глазами, такими же темными, — черные круги. Одежда она была в просторную футболку и мужские шорты с камуфляжным рисунком, в руках она мрачно нянчила чашку кофе, то ли сдобренного той же специей, что у

мамы, то ли нет. Ее спутник в футболке с эмблемой группы и серых пижамных штанах, в которых он спал, был растрепан еще сильнее, волосы сбились набок, и...

— Ничего себе глаз! — сказал Терри не без восхищения.

— Спасибо, и чтоб тебе х... хорошее что-нибудь за сочувствие, — ответил Кочевник, стараясь в присутствии старшей дамы быть джентльменом.

Первое, что вспомнилось Терри при виде этого глаза, — заглавие альбома «King Crimson» семьдесят четвертого года: «Беззвездная и библейская чернота». Но только распухшая от удара физиономия не была совершенно черной, в ней имелись пятна и прожилки зелени примерно четырех болезненных оттенков. Вчера вечером смотрелось впечатляюще, но сегодня — вообще... Самое время этому фантому снова надеть маску.

— Ты к выступлению поправишься? — спросила Ариэль.

— Непременно. — Голос у Кочевника был еще более хриплый, чем обычно. — За меня не беспокойтесь.

Он продолжал есть жаркое, хотя, кажется, не сразу находил ложкой рот.

Ариэль кивнула, но ясно было, что она продолжает за него беспокоиться. Она помнила, как извинялась перед девушкой у колодца за поведение Джона, как сказала: «Я просто пытаюсь убрать свинство». Это был ее жизненный путь, похоже. Она пыталась убирать свинство за многими, в основном за мужчинами, с которыми была связана. Почти все они были музыкантами — и от этих свинства было больше всего. Как от Нила Тэпли, а до него был Джесс Вандергрифф, один из лучших акустических гитаристов восточного побережья, и он же — один из убежденнейших сторонников мнения, что есть лишь совершенство и дерьмо — и никаких промежуточных градаций. А до него были другие. Когда Нил слетел с просе-

лочной дороги навстречу смерти, после одного из самых диких своих срывов с наркотой — Ариэль была свидетелем этой невыносимой сцены, — она поклялась, что больше музыкантов не будет. Никогда никаких отношений ни с одним музыкантом из тех групп, в которых ей придется играть, никаких влюбленностей, даже самых шуточных и невинных развлечений после пары рюмок водки, когда заранее понятно, что надо будет пить чай «серебряные иглы» и готовить тряпку и щетку. Все. Никогда.

И все же...

Ночью она смотрела на лежащего на соседней кровати человека, на плечо и изувеченную половину лица, освещенного едва пробивающимся лунным светом, и к ней пришло понимание, что если бы не Терри на полу в спальном мешке, она могла бы откинуть одеяло, встать и пойти к Джону. Безмолвно, как тень.

Могла бы скользнуть к нему в постель и тихо тронуть лоб, будто пытаясь унять горячку его боли. Она бы сделала это для него, если бы он ей позволил. Она бы облегчила волнение в его костях и беспокойство его разума. Она взяла бы в ладони пламя его гнева и сделала бы из него свечу.

Потенциал у него огромный. Он так много умеет разного и даже сам не знает, насколько хорошо. Ариэль подумала, что поэтому, быть может, она им так восхищается. Он не бахвалится, не хвастается — просто *делает*. Хотелось бы ей иметь несколько угольков этого пламени — согреть коридоры собственного дома, где бывает порой слишком холодно. Она знала, что он бывает груб, бывает ребячлив, он может распахнуться и наговорить такого, о чем в ту же секунду пожалеет. Он может быть очень по-человечески слабым, вот каким он может быть. Человеческая слабость, накрученная почти до упора. Но как бы ей хотелось иметь его способность включать полный

газ, полную мощность двигателя, ревущего победно и жизнеутверждающе. Если он делал ошибку — такую, от которой она бы застыла, парализованная страхом, что повторит ее снова, — он эту ошибку пинком отшвыривал в сторону, как мешок с мусором. Он просто шел дальше, даже если не знал точно, куда идет. Если честно, иногда он и на гитаре так играл. Но всегда энергия и страсть искупали отсутствие направления. По крайней мере — во мнении Ариэль.

Она спрашивала себя, не влюбляется ли в него. *Любовь*. Не то слово, которым участники концертирующих групп описывают свои отношения, разве что в смысле «люблю своего брата», или «люблю свою сестру», или даже «люблю свою сумасшедшую бродячую семью». Ариэль не знала точно, но, кажется, она ощущала по отношению к нему — как это называлось в романах сестер Бронте, которые она в школе читать любила? Ах да. «Сердечную склонность».

Но и только, потому что она столько раз пыталась — и безуспешно, как правило, — убирать свинство, а заниматься этим, когда разбивается сердце, — не самое ее любимое дело. Не раз охватывала ее предутренняя печаль, когда Джон уходил из клуба с парой девиц, хохочущих и липнувших к нему, но так поступать свойственно было его сценической личности, которая звалась Кочевник, и Ариэль очень старалась — пока что успешно — исполнять «Эта песня — змея» без шипения и даже без намека на оное.

В общем, никогда не будет ничего ни с одним парнем ни из одной группы, в которых она играет. Ни влюбленностей, ни легких развлечений.

Но от одной фразы, которую сказал Терри под эвкалиптом, у нее сжалось сердце.

«Не знаю, что вы намерены делать, сохраните ли вы название и возьмете ли новых людей».

Три — не «Пять». Идут перемены. Если придут двое новых музыкантов, изменится химия. Если ничего не выйдет, Джон может решить сам уйти в другую группу. В конце концов, это же бизнес — разве нет? Берк может отколоться и пойти своим путем. Бизнес, да. А вовсе не семья.

Она подумала, что ей придется снова решать, что бросить и что взять с собой, потому что жизнь легкой не бывает.

Кочевник после своего заявления отложил ложку и очень бережно потрогал пластырь, будто приклеенный к лицу суперклеем.

— Может, тебе надо будет растянуть сегодня твой акустический сет. Две-три дополнительных песни. Публика уж очень такая... акустическая.

Клуб «Касбах» на углу Лорел-стрит и бульвара Кеттнер в Малой Италии был одним из любимых заведений группы. Музыкальный зал небольшой, сам клуб находится под траекторией взлета и посадки международного аэропорта Сан-Диего, но место веселое и дружелюбное, и в те три раза, когда они здесь играли, прием им оказывался звездный. Что особенно нравилось Ариэль, так это что ее акустический сет — обычно пара тихих песен, исполняемых вскоре после соло Берк на ударных, — более чем отлично проходил в «Касбахе». Публика реально слушала — в отличие от других клубов, где кричали, требуя все громче и громче.

— Конечно, — ответила Ариэль. — Рада буду.

Раздался рингтон сотового — пара тактов из «Вызывает Лондон» группы «The Clash». Чэппи посмотрела на номер, не узнала и ответила:

— Алло?

Послушала несколько секунд — Терри подошел сунуть нос в аромат медленноварки.

— Ребята, вы знаете кто-нибудь диджея из «Поговорим»? — спросила Чэппи, не отрывая телефон от уха. — «Рок зе нет»? *Прошу прощения?* — это в телефон. И снова гостям: — «Рок де нет».

— Нет, — ответил Терри.

— А это что за хрен? — спросил Кочевник, оставив все усилия быть джентльменом.

— Он хочет говорить *с тобой*, — сказала Чэппи, протягивая трубку Ариэль.

— Со мной? Нет, я ни с кем не хочу разговаривать.

— Она не хочет ни с кем разговаривать. Да, верно. Ладно, я им передам. Э-гм, послушайте... откуда у вас этот телефон?

Очевидно, ответа на этот вопрос Чэппи не ожидала, потому что положила трубку и сказала:

— Похоже, они вас нашли. Мистер Аллен мне говорил, что такое может случиться. Как бы то ни было, этот диджей мне сказал, что делает подкаст из Лос-Анджелеса. Говорит, чтобы заглянули к нему на сайт, «Рок де нет». — Она не смогла сдержать улыбки. — Ребята, вы видели такого офигенного ламера?

— А то, — сказал Кочевник, пытаясь направить ложку приблизительно в рот.

— Говорит, что будет сегодня во время проверки звука и хотел бы сделать интервью. Будьте готовы, репортеров там будет битком. Но ведь вы этого и хотите?

Все промолчали. Поскольку Кочевник был императором, иногда его мысли отражали мысли подданных, и сейчас так оно и было. Он думал, как и они все, что успех — если он означает признание, или славу, или деньги, или реванш над теми, кто глядел на тебя как на помой, — не стоит смерти и ранения двух участников группы. Все это было бы отлично, было бы мечтой любой группы, но слишком высока цена.

— Чего я хочу, — начала Берк и дала этой фразе повиснуть в воздухе на пару секунд, — это закончить с этим делом. — Она повернула к матери осунувшееся лицо. — С коробками в смысле.

Чэппи вышла из кухни и вернулась, держа в руках конверт. Его она положила на стол перед Берк. На конверте печатными буквами было написано: «Для Берк. Открой сперва коробки».

Берк взяла конверт, встала и направилась к задней двери. На ногах у нее были кроссовки без носков. Когда она увидела, что никто за ней не идет, она с форсированной и фальшивой веселостью крикнула:

— Пошли, ребята! Поразвлечемся!

Берк знала, что маленький отдельно стоящий гараж постепенно заваливали барахлом и в нем уже не осталось места для машины. Когда Чэппи отперла дверь и отвела ее наружу, оттуда пахло не застарелым маслом и бензином, а старой библиотекой. Солнце высветило десятки коробок, шаткие пирамиды из книг на железных полках, кипы газет и журналов повсюду, но Чэппи еще включила свет, чтобы иллюминация стала завершенной.

Берк осмотрелась. Рядом с ней стояла ее мать, за спиной — товарищи по группе. Флойд, мать его, Фиск крепко забил эту нору своим дерьмом, подумала она. Рай для тараканов и моли, для мышей, наверное, тоже. И запах... Она вспомнила сладковато-тошнотворный запах гниющих обложек и газет из лавочки Флойда, мать его, Фиска, «Второй шанс книги». Этот запах был там еще до того, как она родилась. Флойд купил эту затхлость у прежнего хозяина, уходящего на покой, а тот владел этой лавочкой еще тогда, когда Авраам Линкольн не бросил бриться.

Как же вся эта дрянь здесь перепутана!

Берк смотрела вверх и вниз, на всю эту преступно изведенную древесину. Открытый ящик слева приглашал

взглянуть. Он был полон плесневеющих журналов в пластиковых пакетах. На обложках тех, что были видны, красовались звездолеты, жуткие морды инопланетян, и можно было прочесть названия: «Гэлэкси», «Уорлд оф ит», «Аналог энд эстаундин сайенс фикшн». Ботинок по ноге, подумала Берк. Флойд, мать его, Фиск и не знал, наверное, что такое настоящая НФ вроде «Звездного пути» или «Звездных войн». В других коробках и на других полках можно было разглядеть названия вроде «Аргози», «Эскавайр», «Эллери Куин» и «Альфред Хичкок». И кому, блин, и на кой хрен нужно столько многотомников энциклопедий? Все они были перевязаны веревками и напоминали оружие массового поражения. А еще было тут барахло *древнее*, книги, будто переплетенные в доски или воловью шкуру. Наверное, сборники похабных анекдотов, написанных еще Нероном. «Однорукий скрипач и еще 101 история» или «Дерни, малышка!».

Но никаких тут тебе шуток, тут место серьезное. Здесь семейный автомобиль сменился первой ударной установкой Берк — в объявлении ее называли «юниорской». Здесь она разбивала палочки и иногда головы. Здесь она много раз бывала, когда подъезжал полицейский автомобиль, и коп, знакомый с семейством Фисков, говорил, что, если девочка не будет играть *ночью* так поздно, можно будет как-то договориться с соседями. Басовый ритм, бьющий сквозь закрытую дверь, — может быть, можно его как-то подушками заглушить?

Сладкий звук громовых раскатов, грохочущих над морем посредственности, над миром белого хлеба. Папа — тот бы понял. Папа сказал бы: «Добавь громкости, детка, и никогда не играй так тихо, чтобы пришлось слушать собственные мысли».

— Вот они. — Чэппи показала на три большие картонные коробки, стоящие бок о бок на полу у задней стен-

ки гаража. Берк увидела, что на левой черным маркером написано «1», на средней — «2» и на правой — «3». Они были запечатаны обычной белой клейкой лентой, но вскрыть их труда не представляло.

— Господи, сколько книжек, — сказал Терри, оборачиваясь по кругу между Ариэль и Кочевником. — А интересно, нет ли там инструкций к старым клавишам? Вы не знаете? — спросил он у Чэппи.

— Понятия не имею. Это все — то, что Флойд особо хотел сохранить. Видели бы вы подсобку у него в магазине!

— И так он вполне зарабатывал на жизнь? — спросил Кочевник. — Просто продавая старые книги?

— С тех пор как начал продажи на eBay, заказы приходили отовсюду. Богатеть мы не богатели, но на содержание дома хватало.

Раздался резкий рвущийся звук — Берк сдернула ленту с верхней крышки коробки номер один.

— Справишься? — спросил Кочевник.

Она не ответила, сорвала ленту с краев коробки и раскрыла ее.

Чэппи шагнула вперед — посмотреть. Она понятия не имела, что оставил Флойд их девочке.

Берк не знала, на что она смотрит. Едкая вонь старых газет ударила в нос, и Берк подумала, что, если сейчас высморкаться, сопли будут желтыми. Что бы это ни было — какие-то бумаги, — они были защищены пластиковыми пакетами и переложены картоном. Она вытащила на свет первый из них.

Он был как-то странно сложен. Берк сняла с него пластик, и вокруг нее закружились несколько кусочков бумаги. Почти как пыль, но не совсем.

Дальше открылось серое поле газетной бумаги с заголовком: «Высокая цена музыки и любви: где деньги с монтерейского фестиваля?»

И была там еще фотография Джона Леннона, черно-белая. Точно Джона Леннона, в таких очках, как у Терри, одетого как британский солдат с маскировочной сеткой на шлеме, и глаза прищурил против слепящего солнца, а губы сложились то ли в гримасу удивления, то ли трубочкой для свиста.

Над этим абзацем была шапка: «Роллинг Стоунз». И рядом дата: 9 ноября 1967 года.

Берк отдала газету Терри, который тоже вышел вперед посмотреть. Она вынула из пластиковой обертки следующую бумагу. На обложке этого номера «Роллинг стоунз» была фотография Тины Тернер и подпись, что эта молодая женщина и есть Тина Тернер. Ее поймали в размытый момент резкого движения на сцене, и была еще заметка с заголовком: «Боб Дилан живьем в Нэшвилле: начинается работа над новым долгоиграющим альбомом». Дата: 23 ноября 1967 года.

— Бог ты мой, — сказал Терри ошеломленно, всматриваясь в коробку с сокровищами. — Они же как новые! Золотой век «Роллинг стоунз»!

Третий выпуск, который достала Берк, содержал фотографию группы из тридцати примерно человек в самых разных одеждах, сидящих на ступенях перед зданием. Среди них — Знаменитая Четверка, и такой молодой Пол Маккартни! Заголовок гласил: «Новое про «The Beatles» — волшебное таинственное турне». Дата — 14 декабря 1967 года.

— Как новые, — повторил Терри, потрясенно качнув головой.

Если не считать старения самой бумаги, каждый выпуск был словно только что из типографии.

Берк продолжала извлекать их на свет из темной коробки. Она глядела на газеты, на их обложки, на какие-то страницы внутри, передавала друзьям — посмотреть. Ушедший век раскрывался перед ней. Он задержался в

зернистых черно-белых фотографиях с цветными рамками. Он остался в заголовках вроде «Американская революция 1969 года на сцене Лос-Анджелеса» или «Сорок страниц наркотиков, секса и дешевой драмы». Из прошлого сообщалось объявлениями, что группа «Cream» распалась, что «Роллинг стоунз» вот-вот вернутся, что Джонни Кэш дает концерт в «Сан-Квентине», что Дженнис Джоплин может стать Джуди Гарланд от рок-музыки, что «Филлмор-Уэст» закрывается, что «Пол — не мертв», что Подпольная Пресса Америки живет и здравствует, что процесс «Чикагской восьмерки» — суд над новой культурой, что на этих страницах есть «Все новости, которые стоят внимания», и что настоящее издание будет непрерывно освещать апокалипсис, имеющий произойти грядущим бурным летом семидесятого.

Во второй коробке тоже были журналы, все в идеальном состоянии и защищенные пластиком. В третьей коробке лицевые обложки сделались полноцветными, а бумага намного лучше. Чэппи пошла в дом принести еще кофе, и Терри попросил Берк докопаться до дна. Какое-то время ушло на то, чтобы добраться до последнего выпуска, датированного двадцать девятым апреля восьмидесяти второго года и украшенного черно-белой фотографией очень грустного темноглазого и темноволосого мужчины, которого подпись идентифицировала как Джона Белуши.

— Интервью с Сан Ра, — сказал Терри, аккуратно раскрывая один из более ранних выпусков. Картинки и буквы увеличивались в линзах его очков. Казалось, он сейчас в обморок упадет от экстаза. — Боже ты мой!

Кочевник рассматривал портрет на обложке — Элвис Пресли, затянутый в черную кожу. Ариэль как раз перевернула пару страниц «Стоун», который держала в руках, — и резко замерла. На странице перед ней была на-

брызгана тушью дикая, искаженная, одноглазая, завернутая в американский флаг фигура с неестественно широко разинутой пастью, и из этой пещеры свисала слюна и вылетала блевотина шипастых ракет и мчащихся военных самолетов. Корявыми резкими буквами было написано внизу имя художника, и это имя было — Стэдмен.

Она закрыла газету. Как-то беспокойно было на все это смотреть.

— Триста сорок пять выпусков примерно, — сказал Терри, придя в себя. Почти все они уже были уложены обратно в пластик и убраны в коробки, хотя на этот раз не по порядку. Несколько из старых еще остались лежать рядом. — Тебе еще один трейлер понадобится.

— Да, — сказала Берк. — Похоже.

В мыслях вертелись лица и имена, которые выдали ей эти коробки: Ван Моррисон, Джефф Бек, Фрэнк Заппа, Марвин Гэй, «The Jefferson Airplane», Джо Кокер, «The Grateful Dead», Дэвид Боуи, Кэт Стивенс, Джоан Баез, «MC5», «Doors», «Steely Dan», Брайн Вильсон, Джеймс Тейлор, Стив Уинвуд, Элтон Джон, Пит Таунсенд и Роджер Далтри и Кейт Мун и Джон Пол Джонс... и еще, и еще, и еще.

Ариэль взяла другой выпуск, потому что на обложке узнала лицо юной Джони Митчелл, которую любила слушать в отрочестве в одиночестве своей комнаты и которая сильно повлияла на ее творчество исполнителя и автора. Дата была — семнадцатое мая шестьдесят девятого года. Джони Митчелл смотрела на зрителя с едва заметной злостью в глазах, будто готова любой ценой отстаивать свое личное пространство. Заголовок был набран по-хипповски корявыми лиловыми буквами: «Лебединая песня фолк-музыки».

— Письмо. — Чэппи вернулась, держа свою чашку с эмблемой «Eagles». — Будешь читать?

— А, да. Буду.

Берк взяла конверт с многотомника энциклопедии, куда его положила. Разорвав его — осторожно, чтобы не повредить письмо, она поняла, что ее пальцы отпечатались на нем типографской краской сорокалетней давности. Чэппи отступила, чтобы не мешать, остальные продолжали тихо изучать давно умершую контркультуру, и из двухстраничного письма, наверняка напечатанного на компьютере в кабинете, Берк услышала голос своего отца:

«Дорогая Берк, надеюсь, тебе понравилось. Я нашел их много лет назад на одном складе в Сан-Франциско и хранил для тебя. Думаю, что сейчас меня уже нет. Ха-ха.

На самом деле у меня не было предчувствия, когда именно это случится. Было ощущение, что мое время кончается. Песочные часы пустеют, как в той «мыльной опере», что смотрит твоя мама. В моих часах песок пересыпался почти весь.

Я не музыкант и не специалист в музыке и не могу сказать, что все это современное меня хоть сколько-нибудь волнует. (Слова «все это» не означают неуважения:) Я был очень консервативным юношей — Университетский Припев, Яблочный Пирог и все такое прочее. За Никсона голосовал — сама понимаешь.)

Но что такое «Роллинг стоунз», я знал. Я читал некоторые из этих выпусков от корки до корки, и они меня заставили понять, как я тобой горжусь. Я знаю, ты не слишком хотела, чтобы я был поблизости или ходил на твои выступления, и я это понимаю, но надеюсь, что ты мне дашь шанс высказаться.

Ты можешь посмотреть на это и увидеть, во что ты вошла. Мир, который ты выбрала для жизни. Я думаю, ты его выбрала, но, может быть, *он* выбрал *тебя*? Я думаю, ты должна знать, если еще не знаешь, что ты — гражданка благословенного волшебного мира, хотя иногда благословения кажут-

ся проклятиями, и не слишком много волшебства удастся найти в грязном номере захолустного мотеля. (Твоя мама немножко просветила меня насчет того, что такое Дорога. Насколько это доступно такой размазне, как я:)

Я помню, как мы ходили на Битву Оркестров в августе девяносто шестого. В концертном зале».

Это да, подумала Берк. И вспомнила, что именно это она решила забыть. Ее мама с Флойдом Фиском только что познакомились, и он пытался получше узнать ее, Берк.

«Я помню, ты смотрела на одну из этих групп, и там барабанщик был силен, и ты пыталась играть вместе с ним, стуча по коленям, а ногой отстукивая на бас-барабане. Он здорово играл (по крайней мере я так думал), и когда я тебя спросил, что думаешь ты, ты ответила: «Хорошо стучит, но я могу лучше».

И так уверенно сказала, что я тебе с этой минуты поверил.

Я тебя видел в роликах на YouTube. Ты была права. Хотя я никогда и не сомневался.

Мне всегда хотелось, чтобы ты могла быть моей настоящей дочерью. Но тогда я не мог бы тебе дать того таланта, что ты получила от отца. Все-таки мне хочется думать, что и я тебе тоже что-то дал.

Ну... вот эти газеты в коробках. Если ты когда-нибудь усомнишься насчет своего места в профессии или задумаешься, может ли музыка что-нибудь изменить в этом мире, открой их и начни читать. Да, там и секс, и наркотики, и рок-н-ролл, но я не про то — про душу.

Я уверен, что музыка в лучших своих проявлениях существует для людей, которые не всегда могут говорить сами. Я уверен, что она помогает слабым обрести силу, испуганным — стать смелыми. Я уверен, что она помогает людям понять сердцем то, что невозможно понять умом. Я думаю, она — вернейшая связь с какой-то высшей силой, если ты в нее веришь (я знаю, что не веришь, но написать это должен был ;)

И никогда не сомневайся, что ты занимаешь в этом мире важное место. Читай эти газеты и смотри, кто перед тобой проходит, а потом подумай о тех, кто был еще раньше, и так далее, до рожечников и трубадуров и того бедняка, что играл на варгане в холодном доме, чтобы развлечь свою семью.

Трудно об этом думать, но когда-нибудь кто-нибудь посмотрит на твою игру — на концерте или на видео — и скажет: «Играет хорошо, но я могу лучше». Вот так устроен твой благословенный и волшебный мир

Береги себя и маму. Она самая лучшая женщина на этом свете

Целую,

Флойд».

Берк дочитала последние абзацы. Потом вложила страницы в конверт и села на ящик, полный мыслей умерших людей, и отвернулась к стене, и так долго сидела молча, что мама забеспокоилась и спросила, что с ней.

— Все в порядке, — ответила Берк тихим и отсутствующим голосом. — Все о'кей.

Она сейчас поняла, сидя в гараже, где не бывала много лет, что душевная боль умеет из человека выпихнуть все прочее. Эта боль умеет завладеть человеком, и он даже не поймет, что им владеют. Она чувствовала, что перед ней лежит долгая дорога, чтобы уйти от этого хозяина, и может быть, это даже не удастся — полностью, — но сейчас ей казалось, что осознать эту боль и признать, что она поработала тебя день за днем много лет подряд, — первый шаг к тому, чтобы разорвать цепь.

— Ариэль! — позвала она. От сидения с письмом в руке среди всех этих истлевающих книг и журналов, когда-то таких новых, у нее вдруг возникла ясная и настойчивая мысль.

— Да, что? — спросила Ариэль.

— Наша песня. — Берк обернулась к товарищам по группе и матери. Глаза у нее были красные, но она уже девочка большая и сильная и умеет держать себя в руках. Она не расплчется. — Моя доля в нашей песне, — сказала она и вытащила из памяти: — Стремись все выше, поднимайся и расти, — сказала она речитативом. — Но помни, что живым отсюда не уйти.

— Жуть, — сказал Терри, и Берк подумала, что именно так бы выразил это чувство Майк.

— Я что-то пропустил? — Все повернулись к Труитту Аллену, стоящему в дверях в белой тенниске и серых брюках. Никто не успел ответить, как он заметил глаз Кочевника. — Ой. Даже смотреть на такое — и то больно.

— Где ты был? — спросил Кочевник.

— А что, вы по мне скучали?

У Тру в руках был кожаный чехол с ноутбуком.

— Как соль скучает по перцу в ванильном мороженом, — ответил Кочевник. Его все еще мутило, и в глазу пульсировала боль. — Если бы я даже любил мороженое.

— Тебе бы полежать несколько дней, — сказал Тру. — Но сегодня начать не получится. — Он сделался серьезен, посмотрел на музыкантов по очереди. — Пошли зайдем внутрь, и я вам скажу, как вы, звезды музыки, будете вести этот, — он снова глянул на Кочевника, — концерт.

Глава двадцать третья

— Теперь я могу вам рассказать о нем больше. — Тру ел вегетарианское рагу из миски и пил из стакана холодный чай. С ним вместе обедали Терри и Ариэль, а Кочевник, Берк и Чэппи стояли в разных точках кухни. — Имя

и адрес на водительском удостоверении пробили по базе, родителей вчера вечером известили. Пока я там был, информацию передали в прессу, так что, наверное, в следующем выпуске новостей о нем скажут.

Под «там» имелось в виду местное отделение ФБР на углу Аэро-драйв и Раффин-роуд. Все утро он провел там, планируя систему охраны сегодняшнего концерта, одновременно получая информацию о подробностях из ту-сонских отделений ФБР и полиции.

— Я уже вам говорил, что ему девятнадцать и он из Калифорнии. — Тру замолчал, вытирая рот красным клетчатым платком. — Его зовут Коннор Эддисон. Из приличного района среднего класса в Оушенсайде. Как мы выяснили, Коннор взял отцовскую машину в среду, выехал на фривей в Сан-Диего, заправившись по отцовской кредитной карте, и поехал на «Стоун-Черч». Откуда он взял пистолет, никто не знает.

— Двадцать пятого калибра? — спросил Терри.

— Да, двадцать пятого, «беретта джетфайр». У тебя есть опыт?

— Я так решил по звуку. Мой отец собирает пистолеты, брал меня пару раз с собой в тир.

— Маленький пистолет, — сказал Тру, обращаясь ко всем. — Легко спрятать. — Он не сказал, что когда услышал на фестивале пистолетный выстрел, решил, что это как минимум тридцать восьмой калибр: звук усилило микрофоном, который сбил Кочевник. — Да, так вот. Он живет с родителями. Своей машины у него нет. Были неприятности с амфетаминами и кокаином, вышибли из местного колледжа, пару раз терял работу, свою машину в прошлом году разбил... В общем, неблагополучный юноша.

— С Джереми Петта обезьянничал? — спросила Чэппи. — Так сказала вчера Нэнси Грейс.

— Может быть. — Тру глотнул чаю, очень холодного и очень мятного. Прессе сразу после инцидента было сказано, что стрелявший — *не* Джереми Петт, но имя Эддисона не сообщалось, пока не уточнили подробности. — Он не говорит. От него ни слова не добиться.

— Псих он, — сказал Кочевник. — И самое ему место в дурдоме.

«Но очень твердолобый псих».

— У Эддисона интересная биография. — Тру продолжал есть рагу, набирая неполные ложки и заедая пшеничным хлебом, поданным к ленчу. Агентам снаружи, благослови их Господь, пришлось сбегать в ближайший фастфуд. — Его родные в Оушенсайде попали в новости в 2003 году. Как-то вечером родители ушли из дому и оставили его смотреть за восьмилетней сестренкой. Эддисон явно разозлился, собрал приятелей, чтобы побаловаться наркотиками, а сестре сказал уматывать и покататься на велике. Она послушалась, и ее больше не видели до тех пор, пока кости ее не нашли в мусорном мешке на болоте рядом с Джефферсон-стрит. — Он глотнул чаю — запить хлеб. — Кое-что из содержимого мешка удалось проследить до прачечной и выйти на одного русского иммигранта, который жил милях в пяти от дома Эддисонов. Этот индивидуум находил огромное удовольствие в том, чтобы кататься по окрестностям, высматривая девочек, которых можно похитить, изнасиловать и убить. Он это уже проделал в Портленде и Сакраменто. И с каким же удовольствием он об этом *рассказывал* оушенсайдским копам! Картины рисовал, которые потом уж только в самых желтых подтирках появились.

Вспомнив оцифрованные статьи, которые ему показали в местном отделении, Тру решил, что уже сыт.

— Но как это все связано с тем, что этот гнойный нарк пытался убить Ариэль? — спросил Кочевник. — И где Джереми Петт?

Хорошие вопросы, подумал Тру. Именно их он сегодня выяснял в местном отделе, в конференц-зале, на связи с тусонским отделением, тусонской полицией, полисменами Сан-Диего, сотрудниками городской прокуратуры и вообще со всеми, кто мог иметь к этому хоть какое-то отношение. И даже из Остина ему звонили с час назад, и это вызвало его следующее заявление.

— Придержи пока вопросы, — сказал он. — Мне звонил Роджер Честер. Вы сегодня гвоздь программы в «Касбахе».

— Ух ты, ух ты, ура-ура! — Кочевник почти вернулся к обычному своему ошетиненному колючему состоянию. — Я хочу знать, где сейчас этот блядский Джереми Петт.

— Послушай одну минуту. — Тру не мог начать рассказывать Джону Чарльзу, через что ему пришлось пройти с менеджерами «Касбаха», чтобы соблюсти стандарты безопасности. Одной из серьезных проблем было то, что из-за аэропорта в этой зоне было полно многоуровневых парковок. И пара таких — точно напротив клуба, и туда людей надо будет поставить на каждый этаж. — Я сейчас говорю о том, что будет *после* «Касбаха». *Завтра* вечером. Билеты в клуб «Кобра» распроданы, и вы, кстати, там тоже идете гвоздем программы. И снова вас хотят поставить главными в воскресенье вечером. А на вечер понедельника вы записаны... сейчас, дайте посмотрю. — Он полез за бумажником — узким и тонким — и вытащил из него бумажку с печатью ФБР, на которой записал новое расписание «The Five». — Ага. Записаны на выступление «Sound Machine» на бульваре Санта-Моника. Вместе с вами главными будут — сам не верю своим словам — «Sack

of Buttholes»*. — Тру поднял глаза на Ариэль: — Это правда, или я купился на розыгрыш?

— Правда, — ответила она.

«SOB» тоже была группой из Остина, и ее тоже представляло Агентство Роджера Честера.

— Ничего себе, — сказал Тру. — Ну ладно. Извините, что на такой бумаге, мне все данные приходят на личный помощник. Так... во вторник вечером вы играете в «Мэд-жик Монтиз» в Анахейме. Честер считает, что все сувениры будут распроданы сегодня, и распорядился о прямой доставке в Голливуд и Анахейм. Вы слушаете?

Он посмотрел на своих подопечных.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Чэппи, сделав большие глаза. — Вы *хотите*, чтобы их убили?

— Мам, — сказала Берк предупреждающим тоном, — это наша работа.

— Совершенно не обязательно, чтобы вас за нее убивали! О Господи, да вернитесь вы в Остин и подождите, пока его поймают!

— Дальше давай, — сказала Берк, обращаясь к Тру. — Что там?

— Потом возвращаетесь к прежнему расписанию: «Ред Дор» в Фениксе восьмого, на следующий вечер «Стейнд Глас» в Альбукерке, пятнадцатого — «Лайзард Лундж» в Далласе, а шестнадцатого снова в Остине в «Виста Футура».

После разговора с Роджером Честером Тру понял, что ему предстоит колоссальная работа по обследованию всех этих мест и установке там охраны, уж не говоря об организации передвижения мобильных групп. Городское начальство совсем не рвется подставлять своих граждан под риск, полиции не нравится ощущение, что ею вертит ФБР, и сегодня впервые Тру услышал из тусонского отделения

---

* В переводе название группы означает «Мешок задниц».

упоминание о всех тех деньгах, которые он вбухивает в эту операцию. Конечно, сам Тру — крупный пес, но не единственный, и поводки держат большие руки. Кроме того, сегодня большая рука, держащая поводок в Тусоне, указала, что хотя Петта видели (согласно докладам) в дюжине штатов от Аляски до Флориды, сам Петт, если у него есть хоть какой-то инстинкт самосохранения, должен был бы рвануть прямо в Мексику, пока он так близко от границы. Сделал он это после того, как опубликовали его описание? Или успел еще и раньше? Номер его пикапа не засветился ни на одной камере пограничных пунктов, но человек, который хочет смыться, мог и пешком пройти.

«Поосторожнее, Труитт, — предупреждали его. — Тут может так рвануть — костей не соберешь».

Работа дорожного менеджера оказалась тяжелым хлебом. Да, он человек, привыкший вникать в детали, но планирование остановок для заправки, для еды, ночлеги во всех этих городах, организация охраны внутри и снаружи клубов, согласование действий с местной полицией, привлечение агентов из разных местных отделений... выходило труднее, чем он рассчитывал.

Он бы не стал этим заниматься, не будь он...

— А семью Петта проверили? — спросил Кочевник, обрывая мысли Тру. — Его родителей. Дом его проверили?

— В первый же день, — ответил Тру. — За домом наблюдаем и получили согласие владельцев на установку подслушивающего и перехватывающего устройств. Сын их ничего о себе не сообщал после инцидента в Хьюстоне. Перед отбытием в Ирак заехал ненадолго. Еще скажу вам, что мистер Петт — тоже ветеран Корпуса морской пехоты, старой школы, и, как мне сказали, он считает, что его сыну не хватило жесткости, чтобы сделать карьеру. Мать Петта, как мне доложили, вряд ли имеет в доме

какой-то вес. Агент, который там был, сформулировал так, что она «старается быть невидимой»... Я думаю, он уехал в Мексику. — Тру доел рагу и отложил ложку. — Я думаю, он сделал что хотел — и скрылся.

— Вы этого не знаете! — возразила Чэппи. — Я думаю, он *псих*, а вы тут выставяете себя как... — «The Clash» сыграли свой отрывочек из «Вызывает Лондон», и Чэппи глянула на экран, где снова был какой-то незнакомый номер. — Как сидящие утки, — договорила она и ответила в телефон: — Да? О Господи, минуту. — Она спросила, не хочет ли кто из присутствующих говорить с «Нейшнл стар».

— Еще одно, — сказал Тру, когда Чэппи отклонила предложение. — Сегодня на установке звука — это примерно через девяносто минут — будет целая палитра репортеров. Роджер Честер мне намекнул, что журнал «Пипл» посылает корреспондента и фотографа. И местная служба новостей будет. Много еще журналов и бог знает кого.

— Диджей «Поговорим» там будет, — сказал Кочевник. — Попытается от Ариэль кусок отхватить.

— *Кто?*

— Да не обращай на Джона внимания, — посоветовала Ариэль. — Это тот, с подкастом. Сегодня утром звонил.

— *Без моей санкции* не пройдет никто. — Голубые глаза Тру вспыхнули ярче. — Вот это я хочу, чтобы вы знали. Я буду проверять все аккредитации и говорить с каждым, кто хочет беседовать с любым из вас. Договорились?

— Ты у нас менеджер, — сказала Берк.

— А я-то думала, что это я психованная, — буркнула Чэппи в чашку.

Тру хмыкнул, но ничего не сказал. Достали его эти разговоры о психах.

Он решил остального не рассказывать. Ни про Коннора Эддисона, ни про того типа с винтовкой двадцать второго калибра, которого поймали во время трудного восхождения на гору Хелл. Не надо им знать. Нечего их — как это сказала Берк? — из здравого рассудка выпугивать.

— Я часок посплю, — сказал Тру, вставая.

Он поставил тарелку и стакан в раковину. Потом подумал, что почему-то никому не смотрит в глаза, и ушел на диван в кабинете, где оборудовал себе «командный центр» на столе рядом с компьютером и беспроводным кабельным модемом, которым пользовался Флойд Фиск.

Когда без чего-то три «Жестянка» под управлением Тру подъехала к «Касбаху», было ясно, что цирк вернулся в город. Грузовики со спутниковыми тарелками и эмблемами служб новостей почти перегородили Кеннет-авеню, а полицейские пытались этот затор как-то продвинуть. Работники «Касбаха» помогли музыкантам выгрузить аппаратуру. Музыкальный зал был маленьким — интимным, можно было бы сказать, и посетителей там было человек сто тридцать, не больше, но вокруг шаталось не меньше сорока репортеров, поджидающих «The Five». Низкий потолок, за сценой стена, выложенная вроде бы кожаными сиденьями от кресел — так показалось Тру. Он представился владельцу и менеджеру и поговорил с ними несколько минут, а потом, пока аппаратуру устанавливали на сцене, Тру встал между группой и псами прессы, пытаясь подерживать какой-то порядок.

Ариэль была приятно поражена таким оборотом дел, криками для привлечения внимания, пылающим светом следящих за ней камер. Берк не стала смотреть по сторонам. Терри нагнул голову, вдруг застеснявшись прожекторов намного сильнее, чем сам от себя мог бы ожидать.

Кочевник просто смеялся. Вот все эти камеры передают его изображение на всю страну, а он предстает не юным длинноволосым Элвисом с улиц, а проигравшим в драке четверых в клетке на арене.

Владелец «Касбаха», бородач по имени Тим Мэйс, вышел на сцену и сообщил собранию, что на интервью отводится час — вот с *этой минуты*, а потом все должны выйти, чтобы можно было установить звук и подготовить все к выступлению.

Тру был верен своему слову и стал спрашивать документы — визитные карточки, удостоверения, что угодно — у выстроившихся для интервью репортеров. Некоторые из них возмущались, на что ему было решительно наплевать. Он стоял, перекрывая дорогу к столу, где сидела группа «The Five», и не оставалось вопросов, кто в лесу медведь, а если кому не нравится, может сунуть свою цифровую технику в черный футляр — который тоже должен быть обыскан в целях безопасности — и валить отсюда куда хочет.

Группа из журнала «Пипл» — молодая азиатка с волнистыми каштановыми волосами и тощий тип, держащий дорогой «Никон» так, будто это пятидолларовый баскетбольный мяч, — подошла и начала свое интервью. «Какое это ощущение — такая внезапная бурная популярность? А давно вы вместе? Джон, а что ты думал, когда прыгнул тогда? А, да... то есть ты выступаешь под именем Кочевник? А у вас есть предположения, почему вы засветились на радаре у Джереми Петта? А у Коннора Эддисона? Немножко о себе, два-три слова о биографии. Что планируете после этого турне?»

В поисках ответа все посмотрели на Кочевника.

— Мы над этим работаем.

— Удачи, — пожелала корреспондентка «Пипл», когда были сделаны фотографии «The Five» на сцене на

фоне черной обивки. Лица сдвинуты вместе, будто они — одна суть, правая рука у каждого протянута ладонью наружу, пальцы расставлены. Без улыбок — сила и уверенность, и пусть твой фонарь под глазом и бледнеющие царапины на щеке скажут правду каждому сыну бедняка*.

— Ариэль, привет!

Этот голос поймал ее, когда она возвращалась к столу, где ее коллеги вели разговор с другими репортерами. Кто-то ее взял за локоть. Она оглянулась — перед ней стоял, улыбаясь, плечистый молодой парень в белой бейсболке с крупными золотыми буквами: «Диджей».

— Как она, жизнь? Ничего, если я пару вопросов задам? Твой менеджер меня пропустил, так что это можно. — Улыбка не погасала ни на секунду. Широкие плечи распирали белую нейлоновую куртку на пару размеров теснее, чем нужно бы. Ростом репортер был примерно пять футов семь дюймов, улыбка обнажала крупные передние зубы. Бейсболка надвинута тесно и низко, с большим изогнутым козырьком. Волосы песочного цвета, глубоко посаженные глаза — светло-карие. Выдающийся нос, который за угол поворачивал раньше, чем эмблема клуба на футболке. — Всего минута, не больше. — Он уже устанавливал треножник с видеокамерой. Возле его кроссовок лежал на полу кожаный футляр для этой самой камеры. — Давай садись. — Кто-то из-за спины попросил его поторапливаться, он бросил на говорившего короткий взгляд: — Мы же тут все профи, так? Значит, надо было тебе пораньше сюда собраться.

Тут же его улыбка переключилась на Ариэль, и он протянул руку, помогая девушке сесть.

---

* «Сын бедняка» (Poor Man's Son) — композиция группы «Survivor».

— Диджей «Поговорим», — сказал он, когда Ариэль села. — Он же Доминик Янковски, но про это мы помолчим. Рад познакомиться. — Он протянул руку, она ее пожала. На каждом пальце у него были перстни. — Ща, настрою эту хреновину, и понеслась. — Он приделывал камеру к треножнику, который явно повидал в своей жизни многое и не все перенес легко. Одна нога была у него обмотана толстым слоем скотча. — Я не хотел никого волновать, когда позвонил, — объяснял он, не прерывая работы. — Просто думал сделать то, что вы хотите. Должен был сделать при вот такой вот конкуренции. Вы же меня понимаете?

— Да, наверное, — ответила она.

— Вы ведь *талантлив*ы, — улыбнулся он ей еще раз. — Я видел ваши ролики. Потрясающе, фантастически, особенно тот, с песней про змею. Это вы написали?

— Я.

— Мне нравится, что в ней говорится. И очень красиво. О'кей, мы готовы. — Камера смотрела в лицо Ариэль. — Так, теперь мне только включить эту гадскую тварь.

Выключатель не уступал напору пальца.

Ариэль шевельнулась на стуле. Двое, стоящие за спиной диджея, махали ей камерами, стараясь привлечь внимание.

— Можно спросить, для чего материал?

— Для моего сайта, «Рок де нет точка ком». Вы не смотрели? — Ответа он не ждал. — Там как раз и живет диджей «Поговорим», миледи. Там он жарит по ночным проводам, говоря откровенно. Вот, есть. — Зажегся красный огонек. — К делу.

— О чем именно откровенно?

— Ариэль! — заговорил диджей таким тоном, будто они ближайшие друзья, которые не виделись много лет. —

О вас и о вашей группе. И о любой другой группе, которая рвется в звезды. То, что мы сегодня записываем, будет у меня в шоу в воскресенье вечером. — Он обошел ее, чтобы посмотреть в объектив через ее плечо, приблизил щеку к ее лицу. Она подумала, что его одеколон пахнет лейкопластырем. — Диджей «Поговорим» в воскресный вечер, йо-йо-йо! — Он взбросил палец, короткий, как у медвежонка Фоззи. — Мы сейчас в Сан-Диего в «Касбахе», разговариваем с Ариэль Коллиер, девушка мечты группы «The Five», смотрите их прямо в этом клипе. — Он выпрямился, поправил бейсболку. — Клип я вставлю, вам понравится. Вы вроде из Бостона?

— Из Манчестера.

— Филли, — сказал диджей ударяя себя кулаком в грудь и показывая знак мира.

— Детройт, — отозвался Кочевник, вдруг оказавшийся рядом с ним. — Который всегда бьет Филли.

— Ух ты! — Диджей криво улыбнулся и вскинул кулак, чтобы стукнуться с Кочевником костяшками, но лишь ударил воздух. — Мистер Кочевник со злобным видом! — Акцент хулигана из городского гетто у него пропал. — У нас запись идет, видите огонек?

— «Рок де нет точка ком», — сказала Ариэль, приподнимая брови.

— Извините, я из журнала «Глоб». — Держа камеру наготове, к ним придвинулся бородач в темно-синем пиджаке и рубашке с открытым воротом. Голос звучал несколько раздраженно. — Мне как, отдельно договариваться о встрече ради нескольких простых вопросов, или...

— А ты не напирай! — Диджей обернулся с такой яростью, что даже Кочевник шагнул назад. — Я вот тут стою, а ты не напирай.

— Я — профессионал, так что нечего...

— Ты, мудило, вон туда, за линию! И там стой, кретин! Я тут с утра ждал!

— Что тут творится? — Тру подвинул плечом репортера из «Глоб» или кто он там. — Кто тут будет нарушать порядок, немедленно выйдет. Вы нарушали? — Вопрос был адресован человеку из «Глоб».

— Сэр, я жду своей очереди, только и всего. Этот человек транжирит тот час, который был дан нам, профессионалам...

— Отсосешь, — прервал его диджей.

Результатом всего это было то, что репортер «Глоба» развернулся к двери, Тру отошел, потирая виски от дикой головной боли, и когда у диджея схлынула краска жара с лица, он сказал, что видео классно будет смотреться у него на сайте и его фаны будут визжать сильнее нажавшихся крыс.

Интервью продолжалось еще минут семь, и Кочевник узнал, что диджей «Поговорим» записал подкаст в подвале у своей тетки в Лос-Анджелесе, где жил, пока ремонтировалась его хаза в Вествуде. Еще он сказал, что только что сделал последнюю запись для своего нового диска, в своем стиле, который он назвал «грайнд-хоп», и Диззи Ди в «Уокэраундз рекордз» и Джаспер Джек в «Мутхаз энгри бой» заинтересовались, и он для создания своего стейтмента использовал много образцов от таких групп, как «Insane Clown Posse». Может, Ариэль и Кочевнику интересно будет получить по экземпляру? Он их может завтра вечером принести в «Кобра-клуб».

— Вообще-то у меня со временем некоторый напруг... — начал Кочевник, но Ариэль перебила:

— Конечно, приносите. Послушаю вашу музыку.

Диджей «Поговорим» расплылся в улыбке:

— Ага, здорово. Ну, я ее это, почищу. — Он несколько секунд молча стоял, уставясь на Ариэль. Кочевник

подумал, что мужик отключился. Ой, или *влюблен*. Но тут улыбка диджея сделалась шире, и он сказал: — Ну, похоже, все. — Отключил камеру. — Да! — спохватился он, пока они не обратились к следующему в очереди. — Ариэль, можно попросить о колоссальном одолжении? У меня могут быть к вам еще вопросы, так не можете ли вы — и если нет, я не обижусь — сделать мне пропуск за кулисы? Потому что я все равно приду. Еще бы тогда поснимал видео. — Улыбка, большие передние зубы. — Богом клянусь, «узи» с собой брать не буду.

— Не обидишься — и молодец, — сказал ему Кочевник. — А насчет «узи» — не слишком смешно.

Диджей «Поговорим» широко улыбнулся Кочевнику, но глаза у него остались пустые.

— Ну уж простите, — сказал он. — У нас, простых парней из Филли, откуда взяться классу?

— Я могу достать вам пропуск на время перед представлением, — сказала Ариэль под удивленным взглядом Кочевника. — Можете вернуться после нашего сета. Подойдет?

— Как по мерке, — ответил он. Небось слышал это выражение в малобюджетном рискованном фильме семидесятых про черных, что-нибудь вроде «Супермуха в аду Гарлема».

Когда диджей собрал камеру с треножником и отбыл, Кочевник спросил Ариэль, не спятила ли она, если не чуует такого шута горохового, и зачем ей нужно, чтобы нескладеха вроде этого появился не то что в «Кобра-клуб», а даже рядом?

— Перед представлением — ничего страшного, — ответила она твердо. — Каждый достоин своего шанса.

Кочевник не ответил, но Город Ангелов он хорошо знал. Тут люди хотят того, чего не заработали. А слово «достойны» вообще в их словаре отсутствует.

Глава двадцать четвертая

Час миновал. Установка звука шла своим чередом. Группа вернулась к Чэппи и устроилась на отдых. Тру пошел в кабинет и стал звонить по сотовому, в очередной раз вникая в подробности организации охраны. Остальные съели приготовленный Чэппи ужин, кто хотел — переоделся и принял душ, а потом все поехали обратно в «Касбах». Народу было битком. Первыми выступали «Mindfokers» — шесть парней из Сан-Франциско, выдававших тяжелый, бьющий по голове рок с дисторшеном и вибрато, после их двух бисов на сцену перед обитой стеной, под здоровенный кондиционер, который, казалось, вот-вот упадет, вышли «Mad Lads», и эта четверка хорошо завела публику фанк-гитарой и ярко-красными клавишами «Элка X-705», при виде которых у Терри слюнки потекли. Ведущий певец «Mad Lads» открыл футляр, вытащил оттуда аккордеон и покориł зрителей шальным исполнением «В полуночный час», щедро приправляя его каджунским диалектом.

Когда «The Five» вышла на сцену, было половина первого ночи. Выступление началось с «Бедлам о-го-го», замедленной до первоначального темпа. В середине выступления, когда Берк исполняла свое соло на ударных, а Терри со своим отчаянным «Хэммондом» с ней соревновался, заработала мощная и ровная машина звукового полета, в орбите вращающихся сфер, высоко наверху, где музыка представляется мозгу исполнителя как постоянная игра меняющихся геометрических форм на черном фоне космоса, спадающих и возникающих заново, как в тысяче калейдоскопов, или, как пытался описать Кочевник это ощущение, — слияния с музыкой воедино, будто существуешь недолго внутри спирографа и прикла-

дываешь кончик цветного фломастера к отверстиям зацепленных колес, положенных на бумагу, и когда талант и труд приводят тебя туда, где ты хочешь быть — с гитарой, вокалом, ударными или клавишными, снова, и снова, и снова, — начинает появляться затейливый узор, дух захватывающая комбинация математики и искусства. И когда ты так глубоко уйдешь в видение, аплодисменты и выкрики публики звучат как призыв отпустить магию и вернуться на землю, потому что нельзя слишком долго оставаться на этой высоте, а тяга подняться туда еще раз — это составная часть наркотика, именуемого творчеством.

В дом Чэппи они вернулись примерно в половине четвертого, вымотанные, но удовлетворенные, как после хорошего секса, после двух бисов и варианта «Затемнение в Грэтли», когда они чуть крышу не снесли с «Касбаха». У Чэппи нашлось несколько банок пива, и она их выдала музыкантам, растянувшимся, как полумертвые, в гостиной. Терри сидел на диване между Ариэль и Берк, Чэппи в плетеном кресле, а Кочевник валялся на золотистом ковре. Устроившийся в зеленом кресле Тру принял пиво с благодарностью. Ночь прошла без инцидентов, и группа «The Five», и агенты, рискующие жизнью по его приказу, — все благополучно вернулись домой. Кроме, конечно, тех, что дежурили в «юконе» перед домом.

Тру пил пиво и слушал разговор. Они устали, да, но были еще заведены, как сами это называют. Терри трепался насчет интродукции, где он вроде бы налажал, а Кочевник ему советовал не брать в голову. Потом Кочевник сел, направил свои лазеры на Берк и сказал, что все-таки она частит в некоторых песнях, а она ответила, что он не прав и ритм тютелька в тютельку выдержан. Он несколько секунд с ней спорил, потом они оба пожали пле-

чами и вернулись к пиву, и тем и кончилось. Но Берк поняла, что надо кое-что в тайминге обдумать заново. Снова возобновилась болтовня, все смеялись, вспоминая, как зверел ведущий певец «Mad Lads» с аккордеоном в руках, и вдруг Чэппи встала и спросила:

— А никто не хочет дернуть на сон грядущий? Что-нибудь покрепче пива?

— Мам, — отозвалась Берк, — не начинай. Уже поздно.

— Это *поздно*? Господи, я тебя едва успела увидеть, ты две ночи тут пробыла и уезжаешь... когда? В десять утра?

— Мы можем остаться до одиннадцати, — сказал Тру.

— Ладно, в одиннадцать. Вы, мистер секретный агент! Виски с колой?

— Я... гм...

— С *кока-колой*, — объяснила она на случай, если он в человеческой расе пришелец.

— Я выпью, — сказал Терри.

— А, черт с ним, — сказала Берк, пожала плечами и откинулась на спинку, положив ноги в кроссовках на журнальный столик и сбросив на пол несколько журналов. — Записываюсь.

— Наш человек. Еще кому?

Тру посмотрел на присутствующих. Такие молодые. Вдруг у него возникло чувство, что он очень далеко от дома, а когда все кончится, домой ему может и не захотеться. Для него эта ночь была восхитительна. Пусть почти вся она была наполнена бессмысленным шумом и едва сдерживаемым хаосом, но все же... вся эта молодость, вся эта страстность, жизнь под одной крышей... это ему просто глаза раскрывало. В его времена это называлось бы «расширением сознания». Если в это верить.

— Мне немного в рюмку, если они у вас есть.

— У *меня*? — осклабилась Чэппи. — Вам какого цвета и из какого бара?

— Мам! — сказала Берк. — Не валяй дурака.

— Тебе следует помочь матери, — сказал Тру, когда Чэппи вышла на кухню. — Помочь налить, я имею в виду. — Он посмотрел на ее хорошо стоптанные кроссовки. — И вероятно, следует убраться со стола.

— Бог ты мой! — насмешливо ахнула Берк. Глаза у нее расширились в деланном удивлении. — Ребята, наш-то разъездной менеджер стал нашим сержантом! А я знала, что так и будет. Если маме наплевать, тебе-то какое дело?

Все же она вспомнила, что Флойду было на это не наплевать.

— Леди так не делают, — ответил Тру.

«Отсчет до взрыва, — подумал Кочевник. — Пять... четыре... три... два...»

— Пойди помоги матери, — сказал Тру, и голос его нес суровый чекан официальности. — Ты ей нужна.

«Один».

И это самое одинокое число в мире — не прозвучало.

У Берк лицо будто застыло с приоткрытым ртом. Глаза блестели, как новенький стакан. Она медленно мигнула, потом сказала: «О'кей», — настолько спокойно и тихо, что у товарищей по группе чуть мозг не вынесло. Потом она встала и вышла.

— Риск — твое второе имя? — спросил Кочевник у Тру.

— Мое второе имя — Элмер, — ответил тот, поднимая журналы с пола и кладя аккуратной стопкой туда, где они были.

Кочевник, Ариэль и Терри решили, что имя звучит отлично.

Тру допил пиво. Стаканы с выпивкой принесли на деревянном подносе, выкрашенном арбузной зеленью. Рюмка для Тру была полна до краев, и на ней красовалась эмблема, свидетельствующая, что рюмка взята в

баре «Фанки пайрат» на Бурбон-стрит в Новом Орлеане. Тру ее ополовинил и не преминул отметить, что Чэппи открыла новую бутылку «Джека Дэниэлса» и поставила на стол — туда, где раньше лежали ноги ее дочери. Берк вернулась на диван со стаканом — и ни шипения не испустила, ни проклятия не развернула в качестве боевого знамени.

Но этим гадским барабанам завтра достанется на орехи, подумал Кочевник, устраиваясь поудобнее со своей выпивкой. А может... а может, и нет.

Тру допил до дна. Он все еще думал о «Касбахе» и о том, как публика — достойная публика, понимающая, а не такой сброд, как на «Стоун-Черч», — реагировала на музыку «The Five». Это был иной мир. Тру представить себе не мог, какое мужество нужно человеку, чтобы выйти на сцену перед чужими, которые готовы твою мечту разнести в клочья. Чэппи предложила налить ему еще, и он согласился. Разговор шел о завтрашнем концерте, о том, как надо чуть собраться здесь или растянуть слегка там — «дать дышать», назвал это Кочевник, будто песня — живое существо. Разговор катился расслабленно, непринужденно, разговор людей, уважающих друг друга и, как было ясно, связанных узами родства, профессионализма... узами *чести* на самом деле.

Эти узы он понимал.

Он уже почти допил вторую рюмку, когда сказал:

— Я был когда-то в одной группе.

Сказал так резко и неожиданно, что сам не услышал приближения своих слов, даже мысленно.

Непринужденный спокойный разговор стих.

— Посмотрите в эти глаза, — сказал Тру, и когда он улыбнулся, ему показалось, что губами тяжело двигать. — Это правда. В смысле не только меня так зовут, а еще я правду говорю.

— На чем играл? — спросил Кочевник, полупрезрительно полуусмехнувшись. — Неандертальцам на костяной скрипке?

— Да нет, без дураков. — Он видел, что Чэппи снова ему наливает, и ладно, выезжать только в одиннадцать. До восьми он поспит, ему всегда сна нужно было мало, и ночь приятная, и все нормально. — Я на акустической гитаре играл в группе «Honest Johns». Трое парней. И я. В смысле — трое вместе со мной. Я тогда еще в школе учился. — Он еще выпил, и видит Бог, он будет отлично спать в эту ночь. Или утро, без разницы. Когда с музыкантами свяжешься, время выкидывает фокусы. — Ну, на самом деле мы нигде не играли. Только репетировали у приятеля в игровой комнате.

— В какой-какой? — переспросил Кочевник.

— На первом этаже, — объяснил Тру. Эти ребятки ведут себя как взрослые, но о мире знают не больше детей. — У моего приятеля был восьмидорожечный магнитофон. Катушечный.

— Круто, — сказал Терри.

— Играли мы... сейчас вспомню... «Чего бы оно ни стоило» группы «Buffalo Springfield». И еще «Затяжка по кругу» из Брюера и Шипли...

— Ух ты! — восторженно сказал Терри.

— ...«Черную птицу» «The Beatles». А лучше всего у нас получалось «Сюита: Голубоглазая Джуди» из репертуара...

— Кросби, Стиллза и Нэша! — Ариэль держала в руках стакан с апельсиновым соком и солнечно улыбалась. — Вау! Я же всегда играла эту песню!

— Правда? Я помню, у нее настройка непривычная.

— Да, ми-модальная.

Кочевник не мог не задать следующий вопрос:

— А кто пел?

— Все мы, — ответил Тру, не понимая, в какую западную ступает. — Разложили на три голоса.

Он еще раз глотнул и подумал о себе как о том парнишке в игровой комнате, двое друзей с двух сторон, все поют в микрофон, а здоровенный магнитофон в углу наматывает звуки на катушку — лишь для того, чтобы они исчезли без следа, оставшись только в памяти.

— Спой нам первые строчки, — сказал Кочевник.

— Что? Ой, нет. Я уже много лет эту песню не пел.

— Слова забыл? Не настолько ты древний старик.

— Джон! — Ариэль перехватила его взгляд и покачала головой.

— Но *мотив* ты не можешь не помнить, — настаивал Кочевник.

Зачем он так напирал, зачем проявлял такую недоброту, сам не знал. Разве что потому, что концерт вчерашний удался на славу, и пресса тоже считала, что он удался, и в статье в «Пипл» будет сказано, что группу ждет успех еще больший, и будущее этой уже мертвой группы станет Колоссальным Успехом, написанным сверкающим неоном и знаками доллара в двадцать футов высотой, и чувствовал себя Кочевник как последнее дерьмо, потому что не в музыке было дело, не в таланте и преданности ремеслу, а в сенсационной смерти и в снайперских пулях, и как человек хотя бы с остатками самоуважения может назвать *это* успехом? Он думал, что и остальные, при всех их улыбках и приятных переживаниях вчерашнего приема не могут не чувствовать того же самого или просто не дают себе об этом думать.

— Если помнишь мотив, — не отпускал Кочевник, — слова могут вернуться.

Тру кивнул:

— Мотив я помню.

Рюмка его снова опустела, и Чэппи рванулась было наливать, потому что всегда приятно завести нового собутыльника, даже если это агент ФБР, но остановилась, встретив ровный повелительный взгляд дочери, говоривший: «Хватит».

— Хотелось бы мне послушать. — Кочевник подтянул колени к подбородку. — Может, ты у нас... загубленный талант, типа.

— Джон, брось, — сказал Терри.

Кочевник посмотрел на него свирепо и спросил:

— Куда мы едем?

Без предупреждения, без глубокого вдоха, без объяснений, что голос у него хриплый, что он не может на публике и жалеет, что вообще про это вспомнил, Тру запел.

Высота голоса была как раз что надо, выше и мягче, чем можно было бы ожидать. В голосе слышались интонации школьника, поющего для своих друзей в игровой комнате.

Доходит до того,
Что уже больше не смешно.
Прости меня.
Так больно мне бывает,
Что не могу не плакать.
Я одинок.
Я твой, и ты моя, ты то, что ты...

Голос Тру дрогнул. Он замолчал и посмотрел на своих слушателей, а те уставились на него. Он хотел отпить из рюмки, но заметил, что она пуста. «Вот же черт, каким шутком себя выставил, — подумал он. — Чертов старик, — подумал он. — Чертов старик».

Может, надо было бы захлопать, чтобы нарушить молчание. Ариэль подумала об этом и едва не захлопала, но не стала.

Первой в брешь двинулась Берк:

— Джон наверняка мечтает, чтобы у него получалось так петь в твоём возрасте.

— Ну, — ответил Тру и пожал плечами, глядя на собственные начищенные туфли.

— Неплохо, — должен был признать Кочевник, помолчав ещё несколько секунд. — Если захочешь когда-нибудь брать уроки вокала, я с тебя больше ста долларов за час не возьму.

Тру повернул рюмку между ладонями. Он понял, что забылся. Забыл, зачем он здесь и что вообще делает в жизни. Может быть, сейчас самое время дать им понять, что второй раз он себе забыться не позволит.

— В машине, — напомнил он. — По дороге на «Стон-ун-Черч». — Он все ещё смотрел на ботинки, но обращался к Джону Чарльзу. — Ты меня спросил, уж не надо ли тебе сочувствовать Джереми Петту.

— Да, помню.

Тру кивнул. На виске у него бился пульс.

— Ты бывал на войне?

— Нет.

— А в армии? Служил стране когда-нибудь?

— Стране? — Голос Кочевника будто ошетинился. — Это как? Подставить себя под нож, чтобы подрядчик заколотил большие бабки, а на Уолл-стрит поднялись акции производителей флагов?

Тру поднял взгляд на Кочевника, и глаза у него были печальные.

— Ты вообще ни во что не веришь? — Он повторил вопрос, обращаясь ко всем: — Неужто никто из вас не верит в призыв более высокий, чем... чем то, что вы делаете?

— Более высокий? — переспросил Терри. — В Бога я верю, если ты об этом...

— Я о службе *стране*, — подчеркнул Тру. — О битве за свободу. Не только здесь, но во всем мире. — Он не сводил глаз с Кочевника. Может быть, голова еще несколько шумела после виски, но это надо высказать. — Можешь что хочешь говорить про Джереми Петта, и я не стану оправдывать то, что он сделал, но этот парень... этот *морпех* служил стране, не щадя своих сил, и что бы он ни сделал и ни собрался сделать, нельзя назвать совсем плохим человека, который не стал Белым Танком.

— Белым Танком? Это что значит? — нахмурилась Ариэль.

— Военный термин. Солдат, бросивший раненого товарища на поле боя. На самом деле по первым буквам... — Этого слова он не мог сказать. — Гадский Трус.

Вот это Кочевника поразило. Просто треснуло по черепу. «Наш сержант», — сказала Берк.

— Ты нам не говорил, где ты служил копом до того, как пошел в ФБР. — Голос Кочевника прозвучал сипло. — Ты был в армии?

Тру не отвел глаз:

— Военная полиция. Корпус морской пехоты США.

Он ушел в армию сразу после колледжа, зная, что опыт работы в военной полиции поможет ему быстрее продвигаться в той работе, которую он себе наметил.

Кочевник сообразил, что к чему, — и остальные одновременно с ним.

— Так дело не в том, чтобы нас спасти. Тебе надо спасти *его*.

— Именно так, — подтвердил Тру.

— Блин! — едко сказала Берк и наклонилась вперед, переключившись полностью в режим атаки и сцепив зубы. — Так ты *надеешься*, что он попытается нас убить?

— Строю планы в расчете на это, — поправил ее Тру.

Вот тебе и правда, обернувшаяся ложью.

— Наш дорожный менеджер, — заговорил Кочевник, чувствуя, как в сердце нарастает знакомая злость, — хочет спасти своего парня. Своего слегка сбившегося с пути сумасшедшего морпеха. И какая разница, если надо будет для этого продырявить одного-двух, а то и всех нас? Так, Гомер*?

— Не совсем, но близко. — Тру снова устался на туфли. Любил, когда они начищены до блеска. Вообще любил, чтобы все было аккуратно и подтянуто, но жизнь, к сожалению, имеет привычку устраивать хаос. Он чувствовал, что из всех из них на него с состраданием на лице смотрит только эта девушка. Она ему нравилась. Если честно, ему вообще нравились все эти люди. — Никто не хочет, чтобы пострадал хоть кто-нибудь из вас, — сказал он, не поднимая головы. — Я знал, что Петт мог попытаться вас достать на «Стоун-Черч». Были приняты все возможные меры.

— Ага, но какой-то мудака с пистолетом пролез. — Голос Кочевника хлестнул кнутом.

— Все возможные меры, кроме металлодетекторов. Но — да, я надеялся, что он покажется. Что сделает попытку, когда мы остановились на хайвее.

— Господи! — сказала Берк. — Настолько на нас наплевать?

— С той техникой, что у нас есть — которую вы видели и которую не видели, — моим людям нужен был бы единственный выстрел из темноты, чтобы засечь место. Я уже говорил вам, каким хорошим снайпером был Петт. Выстрел в Майка Дэвиса был сделан с прежней точностью, но он не попал с первой попытки. Так ведь?

Тру смотрел, как Чэппи наливает себе стакан. У нее рука слегка дрожала. Он подождал, пока она нальет, и

---

* Имеется в виду Гомер Пайл, персонаж фильма «Цельнометаллическая оболочка»

только потом стал говорить дальше. Взгляд Ариэль — он видел ее краем глаза — заставлял его жалеть, что вообще настал этот час.

— Значит, квалификация Петта снизилась, — сказал он. — Очень маловероятно было, что он достигнет цели с первого выстрела, разве что очень повезет или он будет очень близко, чего ему не хотелось. Я считал тогда и считаю сейчас, что если Петт все еще в стране и если он все еще преследует нас и хочет убить кого-либо из вас, то он попытается снова. Где — не важно. Вы можете вернуться в Остин и сказать, что игра закончена, но... это *его* игра, и *он* будет решать, кончена она или нет. — Тру повернул взгляд голубых глаз к Кочевнику, который скривился в отвращении. — Но ты совершенно прав, Джон. Мой главный приоритет в этом деле — взять Петта живым и оказать ему всю необходимую помощь. — Он сделал долгую паузу, чтобы Кочевник, да и все они прониклись его словами. — Вот почему здесь я, а не какой-нибудь другой агент из офиса, который морпехом не был. Скажем так: ветераны ищут друг друга. Ради *жизни*. Или по крайней мере должны искать. То, через что этот парень прошел в Ираке и после увольнения... это трагедия, и я не желаю смотреть на еще одну трагедию — чтобы ему пустили пулю в голову и поволокли как кусок грязи. Потому что он — не кусок грязи.

Тру почувствовал, что лицо у него горит. Может, от виски. Или потому, что он чертовски зол.

— Так, я хочу полной ясности, — сказала Берк. — Ты говоришь, что его жизнь тебе дороже наших? И если он где-то высунется, твои люди не станут стрелять на поражение?

— Мои люди отлично обучены той работе, которой я от них жду, — был ответ. — Я хочу, чтобы он попал в психбольницу, на самое лучшее лечение. А не на кладбище.

— Правительство в действии! — язвительно улыбнулась Чэппи, и глаза у нее стали маленькими. — Хер с ним, с народом!

Она подняла стакан в тосте.

Кочевник допил свой стакан. Интересно, насколько быстра у старика реакция, и уклонится ли он от брошенного в голову стакана?

— Если твои люди увидят Петта до того, как он выстрелит в кого-либо из нас, они не станут пытаться уложить его наповал? У них будет *приказ* брать его только живым, если до этого дойдет?

— Именно так, — ответил Тру.

Ариэль встала с дивана и отнесла пустой стакан в кухню. Тру старался на нее не смотреть, а она на кухне задержалась.

Комнату заполнило молчание. Точнее, опустошило ее.

— Ты не понимаешь, — начал Тру с разгорающейся искрой гнева в голосе. — Не понимаешь, через что этим ребятам пришлось пройти. Не понимаешь, что им пришлось увидеть. *Не можешь* понять, потому что живешь на всем готовом. Все у тебя есть. Тебе никогда не приходилось драться за что-то такое, за что стоит умирать? Приходилось или нет? Отвечай!

— А кто решает, что стоит, а что нет? — отпарировал Кочевник. — Ты? Президент? Какой-нибудь корпоративный босс, решивший возвести мегамолл и мегаплекс посреди Багдада? Кто?

— Видишь? — Тру улыбнулся криво, но щеки у него горели. — До тебя не дошло. Есть такие вещи — свобода, например, — за которые стоит погибать, даже если ты думаешь иначе. Если люди отвернутся от своего долга, что с ними станет?

— Из них многие, — ответил Терри, — останутся в живых.

— Сидеть тут и не быть обязанным ничего *делать* — это легко. От тебя никто ничего не требует — сиди и бери. — Тру едва не встал и не прервал этот разговор, потому что получался он очень беспорядочный и бесцельный, но одну вещь еще он должен был сказать, важную вещь, которую надо, чтобы услышали Джон Чарльз и остальные, хотя бы они это слышать или нет. Он знал, что Ариэль стоит в кухне у двери. И хорошо, ей тоже надо это слышать. — Чего вы не понимаете и никогда не поймете — это что эти люди воюют за вас, — сказал он. — За ваше будущее.

— За нефть для моей машины? — свирепо ослабил-ся Кочевник. — Ты про это?

— В частности. За наш образ жизни, пока мы не сможем подключить иные источники энергии. Но ты не понимаешь, что Джереми Петт и такие, как он, отправились туда с мужеством и решимостью делать работу, которую они обязаны делать как солдаты на службе своей страны. Не важно, хотели они или нет, их не спросили, и они не хотели, чтобы их спрашивали, потому что именно это они были *обучены* делать. И я могу вам сказать, что снайперская подготовка, которую проходил Петт, потяжелее других. Она невероятно трудна, и пройти ее могут только лучшие из лучших. Тебя бы не взяли ему носки подавать! — Движение указательного пальца подчеркнуло этот пункт. — Так вот, он — лучший из лучших, делающий то, что его обучили делать, и тут у него дома случается страшное несчастье, убивающее его дух и оставляющее пустую оболочку. Но физических повреждений — серьезных и долговременных — у него нет, а психологические травмы он, очевидно, сумел скрыть, потому что его учили терпеть и не поддаваться боли, и очень много его учил этому родной отец, так что никто не берет сержанта Петта под контроль. Нет, в госпиталях для

ветеранов не хватает ни персонала, ни коек, так что крепкие, здоровые парни вроде Джереми Петта получали грамоту, что Корпус морской пехоты весьма благодарен им за службу. Может, им еще и медаль давали, как Петту, чтобы помнили, чем они отличаются от таких, как *ты*. Потом этих искалеченных молодых ветеранов, обученных убивать людей на расстоянии более восьмисот ярдов, выпускают в мир искать *работу*.

Голубые глаза Тру уже не были холодными, в них горело пламя. Они бросали Кочевнику вызов — а ну, попробуй перебить!

Вызов принят не был.

— А наш мир суров, — продолжал Тру. — Мы все это знаем. И что ты умеешь, тем и пользуешься, не так ли? Не все ли мы так? А за рабочие места идет конкуренция, и хватаешься, за что удастся зацепиться. Может быть, если бы ты был Джереми Петтом, у тебя были бы планы на целую жизнь вперед, планы работать так, что спина трещит и кости болят, и заработать себе и своим родным в Корпусе *дом*. Но планы, знаешь, удастся выполнить не всегда. Какая-то мелочь не учтена — и упс! Извини. Вот тебе грамота, а вот медаль, чтобы ты на нее поглядывал и помнил времена, когда ты что-то собой представлял. А теперь тебе придется идти в этот штатский мир и в нем искать работу. Тебе, который был лучшим из лучших среди умеющих с расстояния восьмисот ярдов.

Тру наклонился вперед.

— И со временем, когда долго стучишься в стены, а они не поддаются, когда понимаешь, какой была твоя жизнь и какой она в этом мире стала... может быть, тогда ты начинаешь искать нового врага, потому что лишь на поле боя начинает чего-то стоять жизнь, которой ты живешь. — Тру кивнул сам себе. — Вот я думаю, такая

история с ним и случилась, и я не буду очередным гадом, который его отпихнет к обочине. Если это будет в моих силах, я его спасу.

Он встал с рюмкой в руке.

— Спасибо за гостеприимство, миссис Фиск. А теперь я иду спать. — В кабинете на диванчике. — Поставлю себе будильник.

В этом не было необходимости, он умел просыпаться в любое задуманное время, но хотел гарантии, что не проспит. Хотя ему никогда не случалось проспать.

Когда он зашел в кухню поставить рюмку, Ариэль посторонилась, давая ему пройти.

Тру уже открыл дверь в кабинет, когда Кочевник сказал:

— Один только вопрос. Если Джереми Петт сперва наставит винтовку *на тебя* — что тогда? Тоже будешь в первую очередь его спасать?

Тру не ответил, и дверь за его спиной закрылась.

В шесть утра у него загудел сотовый. Тру тут же проснулся. Глаза слезились, рот будто забили опилками от половиц в баре, но сознание уже работало.

* * *

— Доброе утро, Труитт, — сказал знакомый голос. — Посылаю тебе вложение в почту. Материал срочный.

— Что там?

— Около полуночи заговорил Коннор Эддисон. Все на видео.

— О'кей. — Тру потер рукой глаза. — Посылай.

— Еще кое-что.

— Выкладывай.

— Несколько десятков сообщений о том, что заметили Петта, но вчера есть два из Ногалеса. Одно из них —

от местного полисмена. Мы туда послали людей поспрашивать, строго неофициально и очень осторожно.

— Отлично.

— Он мог туда перебраться, — сказал человек из тусонского отделения. — Да, и скоро может возникнуть разговор насчет сворачивания. На это дело *очень* много уходит сил.

— Да, я в курсе.

— И много людей. А оно у нас не единственное.

— Конечно, я понимаю, — ответил Тру.

Он спал в одежде и сейчас чувствовал, что весь измят.

Пришел вопрос, которого он ждал:

— Сможешь обойтись одной группой?

Тру вздохнул. Тяжело, чтобы там было слышно.

— Я только спросил. Ты подумай, потом мне перезвони, да?

— Да, — ответил Тру, разминая затекшую мышцу на левом плече. — Перезвоню.

Когда разговор закончился, Тру поставил лэптоп на стол и включил его. Проверил, горят ли на беспроводном модеме кабинета все нужные сигналы, а потом так зевнул, что чуть не вывихнул челюсть.

И взялся за работу.

Глава двадцать пятая

Два номера для группы в мотеле «Дэйз Инн» на Западном бульваре Сансет Тру не понравились. Он решил, что окна слишком открыты со стороны парковки на восточной стороне здания, и хотя группы в «юконах» будут посменно дежурить с биноклями и приборами ночного

видения, все равно ему это не нравилось. Он заставил поменять номера так, чтобы окна выходили на запад, где их загораживало другое здание. Потом он вернулся в свой номер, расположенный дальше по коридору, распаковал вещи, плеснул в лицо холодной воды из-под крана, лег на кровать навзничь и так и лежал, пока звонил жене и спрашивал, как проходит день.

«Тут все нормально, — говорил он ей. — Калифорнийское солнышко. Трафик не слишком плотный. Группа сегодня дает удаленное интервью из клуба «Кобра» — да, так он называется, — Нэнси Грейс, если хочешь, посмотри вечером ее шоу. Помнишь человека из агентства по поиску талантов, я тебе про него рассказывал? Роджер Честер? Это он устраивает. И мне должны позвонить люди Греты ван Састерен, сделаем парочку радиоинтервью перед концертом. Ну, в общем, складывается такая же минута безумия, как вчера».

Ее фраза: «минута безумия». Период хаотической деятельности, когда остается лишь пригнуть голову и держаться, как кот на шторе.

Он ей сказал, что все под контролем. У него есть все, что ему нужно. Да, он знает, что забыл рыбий жир, оставил его на полочке с витаминами. Паровой утюг плохо работает. Наверное, они на всей полке выбрали единственный дефектный. Но все, что надо, у него есть. Он сказал ей про пальмы, которые растут прямо на улице, совсем как в кино, и ей бы до безумия хотелось посмотреть обувной склад «Офф Бродвей», который тут почти через улицу. Он попросил ее не волноваться, он найдет место, где будет хороший салат-бар.

Он не стал ей говорить, что у него «Дом блинчиков» через дорогу, потому что она знает, как он любит смешивать блинчики с сиропом, хрустящий бекон и капающие желтком яйца в невероятную вкуснятину пира, веселым

сердечным смехом толстяка, ржущего над таблетками «Омега-3». Но такой пир он себе позволял нечасто. Только когда «Дом блинчиков» поблизости попадался.

«Люблю тебя», — сказала она ему.

«Люблю тебя», — ответил он. — Завтра позвоню».

Это можно было и не говорить: он ей звонил каждый день, когда бывал в командировках.

«Береги себя», — сказала она ему.

«Непреренно», — ответил он.

Такой вот ритуал, прикосновение рук на расстоянии.

Он положил телефон и лег на спину, глядя в творможно-белый потолок и гадая, когда это надо сделать и надо ли.

Перед установкой звука? После концерта?

Надо ли вообще?

Хотел бы он знать, будь он одним из них?

Это решение из тех, за которые ему платят. Его работа. Эти молодые люди в холле — взрослые. Нехорошо было бы от них скрывать... Но опять же: что хорошего будет, если им показать?

Он задал себе другой вопрос: будь он *отцом* кого-нибудь из них, хотел бы он, чтобы знали его сын или дочь?

Тру полежал еще немного, обдумывая решение со всех сторон, чтобы дать себе выход, если ему этого хочется. Потом встал, взял лэптоп и вышел.

— Мистер Тру! — отреагировал Кочевник, ответив на стук. — Как поживаете?

Воздух сегодня был несколько суров, морозен на этом пути из Сан-Диего, но Тру случалось выживать в куда более суровую и морозную погоду.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал он. — Пока я настрою, не могли бы вы позвать сюда девочек?

— *Кого?*

— *Дам*, — поправился Тру.

Когда все собрались и Тру настроил лэптоп, сидя у письменного стола, который никогда не видел, как прикладывают перо к бумаге, он спросил, всем ли видно. На экране была видна печать ФБР на черном фоне.

— Говорит и показывает ФБР? — спросила Берк.

— Да. — Тру навел курсор трекбола на иконку программы работы с изображениями, щелкнул, выбрал «Просмотреть все», и появилось несколько цветных превьюшек. Эти картинки он получил в защищенном вложении из Тусона вчера утром, когда заезжал в офис в Сан-Диего. — Тут будет графика, — предупредил он и поймал себя на том, что смотрит на Ариэль.

— Я думаю, мы это переживем, — ответил Кочевник с намеком на фырканье.

Синяк вокруг глаза уже позеленел, и глаз вроде бы видел. Кочевник все еще кипел по поводу вчерашнего разговора. И если честно, он был глубоко и горестно разочарован мистером Полуправдой.

— О'кей. Первая картинка.

Он щелкнул по иконке, и экран заполнило изображение в высоком качестве.

Они не поняли, на что смотрят. Терри из кресла спросил:

— А что это?

Показанная картинка изображала... вроде как бледную и веснушчатую кожу? А еще... яркая коричневая татуировка? Очертания бокала с буквой Х посередине, а внизу — V в обрамлении двух извитых хвостов?

— Это клеймо, — ответил Тру. — Находится вот здесь. — Он показал на себе, прямо над левой лопаткой. — Те, кто в этом разбирается, говорят, что это часть печати Люцифера из книги «Гримориум верум», изданной в восемнадцатом веке.

Он щелкнул второй эскиз, и снова появилось яркое коричневое клеймо на бледной коже, но эта кожа была взрыта длинными рваными шрамами.

— Кто-то его обработал кнутом, — сказал Тру, не дожидаясь вопросов. — Кто-то, кто *по-настоящему* любит держать кнут. Этот символ считается изображением всевидящего глаза и опять-таки связан с сатанизмом.

— Стоп! — Кочевник, сидевший на другой кровати рядом с Ариэль, теперь встал. — Что это за херня такая?

— Это клейма, шрамы от различных типов кнутов, бритвенные порезы, раны, сделанные рыболовными крючками и битым стеклом, а также иными приспособлениями, которые эксперты пока не определили, — на спине и на груди Коннора Эддисона. Их нашли, когда его из той свалки оттащили в трейлер-медпункт. Фотографии сделаны полицией Тусона.

Тру щелкнул третье изображение — еще несколько скрещенных шрамов крупным планом. Они были оставлены вонзенным металлическим предметом, имеющим форму миниатюрной пятипалой когтистой лапы.

— Ох... Господи, — выдохнула Берк.

— В нижней части спины, справа, — сообщил Тру.

На всех картинках были надписи, на каком месте тела они находятся.

От следующего изображения Ариэль отшатнулась, Кочевник сузил глаза, а Терри выдохнул:

— Ну и ну...

Это было клеймо: перевернутая большая пентаграмма, в центре голова — наполовину козлиная, наполовину человеческая, рога аккуратно обведены языками пламени, на лбу горит ббб, и все сделано подробно, с прилежанием и творчески — если можно назвать творческой работу каленым железом и электровыжигателем.

— Эта посередине груди, — сказал Тру. — Здесь видно, что соски у него тоже выжжены.

— Я больше не могу, — сказала Ариэль, закрывая глаза и отворачиваясь.

— О'кей, не обязательно смотреть все, но я хотел, чтобы вы имели представление. — Тру закрыл программу демонстрации изображений и перешел к другому файлу. — Вот тут говорится... Вчера около полуночи Коннор Эддисон захотел говорить с полицией. Вдруг выразил такое желание, так что пришлось выслушать, что он хочет сказать. Готовы?

Кочевник все еще стоял. Он шагнул и встал между Ариэль и экраном, словно желая защитить ее от этих мерзких изображений истерзанной плоти.

— Зачем ты нам все это показываешь?

— Чтобы вы знали, что произошло, — спокойно ответил Тру.

— Да мы же *уже* знаем, — возразил Терри.

— Нет, не знаете.

Тру дважды щелкнул видеофайл, и началось воспроизведение.

В кадре была одна из маленьких допросных — такая, как в любом реалити-шоу на этой планете. Камера стояла в верхнем углу. По одну сторону стола сидели двое мужчин — один седой в белой рубашке и в галстук с красным узором, другой в темно-синей рубашке с закатанными рукавами. Седой коп протирает глаза, будто мешки ворочал до полуночи. У того, что в синей рубашке, были коротко стриженные каштановые волосы, крепкая фигура с широкой спиной и плечами борца. Между ними лежали ручки, блокнот и что-то вроде диктофона. По другую сторону стола сидел тощий и бледный юнец, одетый в кричащий оранжевый спортивный костюм, который недавно так понравился Кочевнику. Руки Эддисона были

сложены на столе в молитвенной позе. Тщательно расчесанные светлые волосы казались мокрыми, будто он только что, перед тем как очистить душу, решил принять душ.

В нижнем левом углу кадра стоял штамп даты-времени, справа — счетчик кадров. Время было ноль часов девять минут.

— Тогда начнем, — сказал старший коп. Голос рокотал, как радиоприемник, у которого усиление сместили в сторону низких частот. — Ваше имя, пожалуйста.

— Аполлион, — сказал молодой человек.

Он говорил с собранной уверенностью, тихим голосом, отвечавшим его внешности, но не тому рваному ужасу, что был у него под костюмом.

— Прошу прощения? — переспросил второй коп.

Голос прозвучал как у ковбоя: «Аккуратней, парнишка. У меня тут пять фасолин в барабане».

— Аполлион, — повторил негромкий голос, потом произнес по буквам.

Пальцы Радиоприемника забарабанили по столу:

— Домашний адрес?

— У вас же все это есть, — ответил молодой человек, Коннор Эддисон или Аполлион, или как он еще себя называет.

— Нам хотелось бы услышать от вас.

Молодой человек смотрел прямо в камеру. Левый глаз у него почернел и распух. Подбородок заклеен пластырем, нижняя губа вздулась. Кочевник вдруг ощутил колоссальную гордость за себя, хотя знал, что большую часть этих травм нанес Нацист.

— Называйте меня Аполлион, — произнес в камеру негромкий голос. — Я не от мира сего.

Ковбой вырвал страничку из блокнота и начал вставать со стула.

— Я вам могу рассказать, что это значит, и в сеть лезть не придется.

Ковбой остановился, подумал секунду, чуть все же не пошел, потому что нервы гуляли, но взял себя в руки, сел, разгладил на столе страницу и уставился на Аполлиона.

— Я — разрушитель, — сказал бледный юноша. — Я — все, чего вы боитесь, я — все, чем вы хотели бы быть.

— Вот как? — спросил Ковбой, опустив глаза на лист бумаги.

— Вот так, — ответил Аполлион.

— «Я хотел бы сидеть за решеткой по очень серьезному обвинению в покушении на убийство»? Так, Коннор? — пророкотал Радиоприемник.

Аполлион снова поднял к камере побитое лицо и просиял улыбкой:

— Им бы надо уши прочистить.

— Ну хорошо, *Аполлион*. — Радиоприемник сказал это так, будто объявлял какую-нибудь группу восьмидесятых стиля глэм-метал. — Вы хотели говорить — мы слушаем. — Он откинулся на спинку, стул скрипнул. Радиоприемник развел руками: — Говорите.

— Я бы хотел шоколадку. Сладкое что-нибудь.

— После разговора. Давайте я вам помогу начать, задам вопрос. Зачем вы в четверг пытались совершить убийство? Ведь именно это вы пытались сделать? Застрелить как можно больше людей на сцене?

— Это три вопроса, — заметил Аполлион.

— Может, начнете с первого? — предложил Ковбой.

— Мне бы «сникерс». Любую шоколадку.

— Ладно, хватит дурака валять. — Приемник встал. — Давай, мы это уже проходили.

Аполлион не шевельнулся и через несколько секунд сказал:

— Седьмым домом фурии владеют.

— Как? — переспросил Ковбой, пытаясь понять.

— Мне было сказано ехать на «Стоун-Черч», — сказал юноша. Он обхватил себя обеими руками, свое тощее тело, покрытое жуткими шрамами и ожогами. — Я видел рекламу по телевизору. Я видел, кто там будет. Та группа, за которой охотится снайпер. Будет играть в четверг после трех часов дня. Одно выступление. Я посмотрел у них на сайте. И на сайте фестиваля «Стоун-Черч».

Он замолчал.

— Говорите дальше, — предложил Приемник.

Он снова сел, но на край стула, готовый вскочить и снова бряцать мечом, если придется.

Ковбой попробовал копнуть глубже:

— Так кто это *сказал* вам ехать на «Стоун-Черч»?

Аполлион начал едва заметно раскачиваться взад-вперед. На лице у него застыла улыбка. От ее вида у Ариэль даже при такой дистанции в пространстве и времени побежали мурашки по коже.

— Кто *сказал* вам ехать на «Стоун-Черч», Аполлион? — повторил Ковбой.

Молодой человек что-то ответил. Так тихо, что они не расслышали.

— Вы что сказали? — переспросил Радиоприемник. — *Кто?*

Аполлион повторил чуть громче. Какое-то имя, скороговоркой. Как имя чего-то, чего должен бояться даже разрушитель.

Имя девочки.

— Бесси, — сказал он.

Тру остановил ролик.

— Бесси — это... — начал он, но его перебила Ариэль, потому что уже знала:

— Его сестра. Изнасилованная и убитая младшая сестра.

Тру уставился на нее, будто увидел на ее лице такое, чего никогда в жизни не видел, или услышал в ее голосе твердую уверенность, которую не совсем понял, и Ариэль чувствовала, что остальные тоже на нее смотрят, и она сама свои чувства понимала не полностью, но глядя на это видео, на безумную улыбку этого человека, слыша его жутковато тихий голос, произносящий имя давно мертвой девочки, она чувствовала, что даже в этой комнате не все спокойно и тени в углах шевелятся и дрожат, когда на них не смотришь.

— Да он псих, — сказал Кочевник. — Бесноватый.

Не успев договорить, он подумал о тех психах и бесноватых, которые разукрасили тело Аполлиона огнем и кровью.

— Это не все, — сообщил Тру.

— Показывай дальше, — сказала Ариэль.

Тру щелкнул курсором по кружку со стрелкой.

— Кто такая Бесси? — спросил Ковбой, показывая, что не дал себе труда ознакомиться с делом, но Аполлион не шевельнулся и слова не сказал. Радиоприемник написал что-то в блокноте и подвинул напарнику. Ковбой прочел и коротко кивнул.

— Значит, Бесси вам велела ехать на «Стоун-Черч» и убивать людей. Я правильно понял? — спросил Радиоприемник.

Аполлион снова не ответил, и казалось, что уже не ответит. Таймер отсчитал двенадцать секунд. И тогда он сказал:

— Она мне велела найти пистолет, украсть, если надо будет, из дома Кэла Холланда, и убить эту девушку.

— Какую?

— Ту девушку из рок-группы. — Распухшие губы Аполлиона чуть изогнулись в досаде. — Которая поет. Бесси

мне велела убить ее, потому что, если ее не будет, они не смогут закончить.

— Что закончить, Аполлион? — спросил Ковбой.

— То, что делают. — Он продолжал качаться туда-сюда. — Бесси говорит, они даже сами этого не знают.

— Гм, — произнес Радиоприемник. — Так что... Бесси вам сказала, что это?

— Ну нет. — Аполлион покачал головой. Он печально улыбнулся — улыбкой старшеклассника, умного, но ботана, предмета издевательств крутых ребят, который эту свою роль навсегда запомнил. — Мне не позволено.

— Останови! — велел Кочевник. Тру нерешительно подвел палец. — Сейчас же останови!

Кадр застыл. Тру посмотрел на Кочевника, подняв темные брови.

— Чем это нам может быть полезно? — На разгневанного Кочевника с сине-зеленым распухшим глазом страшно было смотреть. — Ты думаешь, вот это нам *поможет* ставить звук, общаться с прессой, давать интервью и держаться в форме? Это должно нам помочь сделать то, что мы должны делать?

— Джон, — тихо сказала Ариэль. — Нам надо это посмотреть.

— Нет, не надо. — Он показал на рамку кадра на экране. — Это психованный, подсевший на боль фрик-сатанист. И больше он никто, ясно?

— А кем он еще мог бы быть, Джон? — спросил Терри, и Ариэль поняла, что он снова сидит рядом с ней, на месте, которое она для него держала там на скамейке перед эвкалиптом, но сейчас он ее слушал. Ловил каждое слово.

Кочевник был не способен отвечать. Он смотрел на Терри, на Ариэль и снова на Терри, потом на Берк, уме-

ющую капать едкой кислотой на все неуправляемые мысли или неудобные идеи и сплавлять их в один Ком Глупости.

На этот раз яд не капал. На этот раз Берк закусила губу, издала короткий нервный смешок и встряхнула головой, будто говоря, что сказать ей нечего.

— Закончить что? — спросил Тру, обращаясь ко всем. — Просто ради интереса? Вы думаете, имеется в виду ваше турне, или...

— Мертвые не разговаривают! — почти выкрикнул Кочевник. — Призраки не выходят из могил приказывать людям делать то или это! Мертвые — мертвы! Их просто *нет*!

Но еще не успев договорить, он услышал слова своего личного призрака: *Джонни, тут нет дорожной карты.*

«Но это же другое, — подумал он. — Это воспоминание». Отец его — не призрак, который велит ему украсть пистолет и застрелить девушку, потому что, если ее не будет, не будет закончена какая-то песня.

Ну вот, подумал он. Вот это оно и есть. Вот в этом и дело. В общей песне. И девушка у колодца. Девушка в драной соломенной шляпе с черпаком воды, которая пыталась засунуть его в свой мешок идиотов. «Ангел жизни», — назвал ее Джордж. Божий глас, обратившийся в церкви к Терри, рай и ад и прочий мусор для тех, кто боится думать своей головой. Ну да, приехали.

— Говорите свою чушь, — обратился он ко всем, — чтобы я мог назвать ее чушью.

У Ариэль глаза были темно-серые с искоркой сапфировой синевы, как блески чего-то загадочного, мелькающего на поверхности моря.

— Ты знаешь, в чем тут дело, Джон. Знаешь лучше всех, потому что идея была твоя.

— Это просто *песня*, — сказал он с интонацией чуть ли не просительной. — Даже не законченная, даже музыки для нее нет. Просто несколько цепочек слов, связанных в строчки. Никаких скрытых смыслов. Никаких вспышек света. Просто это был способ... как-то удерживать...

— Уберечь группу от распада, — подсказала Ариэль. — Я знаю, что так это началось, но теперь я думаю, что этим не кончилось.

— Новая песня? — спросил Тру. — Вы пишете новую песню? На вашем сайте говорится об этом?

— Нет, — ответил Терри. — Мы об этом стали думать уже после выезда из Остина.

— Тогда откуда это мог бы знать Коннор Эддисон? И если верить ему... верить его сестре, вы даже не знаете, что делаете. Так как это может быть?

— Нет у этого фрика сестры, ее убили! Хватит уже про его сестру! — Кочевник боялся, что сейчас у него провода перегорят. Его придется грузить в «скорую» и везти в реанимацию в Голливуде, и, быть может, та девушка явится к нему в палату и скажет: «Я в тебя верю», а он ей тогда крикнет в ответ: «Да пошла ты, я вот в тебя ни хрена не верю!»

Тру проговорил как можно спокойнее:

— Осталось всего несколько минут. Я хотел бы вам показать до конца.

— Берк! — сказал Кочевник. — Пошли куда-нибудь в бар, и мать их так!

— Нет, — ответила Ариэль, глянула на него и отвела глаза. — Я, пожалуй, останусь. Да и вообще... небезопасно сейчас разгуливать.

Тру щелкнул кнопку воспроизведения. Кочевник не стал выходить из комнаты.

Ковбой постукивал ручкой по краю стола. Радиоприемник потер рукой рот, готовясь зарокотать.

— Откуда у вас эти шрамы, Аполлион? — спросил Приемник. — Это же сатанистские символы?

— Два вопроса, один ответ: седьмым домом Фурии владеют.

— Да-да, вы уже говорили. В этой фразе смысл есть, или это словесный мусор?

— Для меня в ней смысл есть.

— Просветите нас.

— Да я бы даже и хотел бы, — последовал ответ, — но вам этой игры не понять.

Тут Ковбой влез в разговор обеими ногами:

— Игры? Какой еще игры?

Разрушитель молчал.

«Та-та-та», — выстукивала по краю стола ручка Ковбоя. Радиоприемник прокашлялся — как треск помех в репродукторе.

— Ваш отец говорил мне вчера, что вы были образцовым студентом...

— Я и сейчас образцовый студент — просто сменил факультет.

— Мы до этого дойдем. Он сказал, что вы активно занимались в шахматном клубе. Это и есть ваша игра?

— Вас бы это больше устроило, — криво улыбнулся Аполлион. — А шоколадку свою я получу? Я бы настолько лучше говорил, если бы во рту что-то было сладкое.

— Угу. — Радиоприемник вздохнул и посмотрел взглядом измученного человека, который от всей души, искренне хочет домой. — Билли, ты не принесешь ему чего-нибудь? Вам что хотелось бы? «Сникерс»?

— Любой шоколад, — ответил Аполлион.

Билли — Ковбой — встал, поискал в кармане мелочь и вышел.

— Зря он это, — буркнул Кочевник себе под нос.

На видео никто ничего не говорил, пока Ковбой не вернулся.

— Это подойдет? — спросил он, кладя перед Аполлионом пакетик «M&M's».

— Да, спасибо.

Аполлион аккуратно надорвал пакет и высыпал его содержимое кучкой. Потом начал раскладывать драже по цветам — синее, зеленое, желтое, красное, коричневое и оранжевое. Взял по штучке зеленого и желтого и стал жевать.

— Не скажете ли вы нам, — заговорил Радиоприемник, — как именно Бесси велела вам ехать на «Стоун-Черч»?

Аполлион продолжал раскладывать цвета, время от времени съедая по паре-тройке драже.

— Вы слышали вопрос? — спросил Ковбой.

Терпение его становилось все тоньше и тоньше, как змея на голодной диете.

Когда Радиоприемник заговорил снова, бас его звучал угрожающе. Игры кончились.

— Вашей сестры нет в живых. Так как вы можете тут сидеть и говорить нам — и думать, что мы поверим, — будто она вам велела украсть пистолет и кого-то убить? Противоречит логике, не находите?

Аполлион съел еще несколько драже, потом встретился взглядом с седым копом.

— Логика, — ответил он, — есть создание человека. Она — узкая дверь в очень большой дом. В этом доме много комнат. В некоторых хочется жить, в других... не особо. Логика — пересушенная рубашка, и когда ее вынимают из машины, она жмет в горле, душит и стягивает плечи, но мама тебе говорит, что ее все равно надо носить, потому что она на тебе была в тот вечер, и она тебе

ни за что не позволит ее выбросить. Потом, когда ты из нее вырастаешь и ее уже на тебя никак не натянуть, мама из нее делает тебе наволочку на подушку. Логично? Из рубашки наволочку делать?

Оба копа какое-то время молчали. Ковбой шевельнулся на стуле. Приемник потер пальцы, опираясь локтями на стол.

— Мы говорим о вашей сестре, — сказал он. — Как она смогла вам это сказать? Она что — материализовалась? Соткалась из воздуха?

— Она просто приходит. Она есть — и ее нет.

Аполлион продолжал есть драже, будто у него в распоряжении была вечность.

— И вы делаете то, что она вам говорит? — спросил Ковбой. — Так что это *ее* вина, да?

Аполлион перестал жевать.

Он не шевелился, молчал. Секунды тикали.

Двое копов переглянулись. Кажется, что-то нащупали.

— Ее *вина*, — повторил Аполлион, глядя в никуда. И снова: — Ее *вина*.

Они ждали, и зрители в номере мотеля видели, как лицо арестованного заблестело от пота, улыбка задержалась, пропадая и появляясь неестественно быстро, и он приложил пальцы к шарикам «M&M's», как к полюсам батареи, которая в нем поддерживает жизнь.

— Я собирался повеситься, — сказал он пустым голосом, — и тогда она пришла первый раз. Мне осталось только шагнуть со стула. А Бесси сидела на моей кровати и сказала: «Коннор, не надо. — Она сказала: — Тебя любят, Коннор, очень сильно и хотят, чтобы ты знал, как сильно тебя любят. Но ты должен показать, что ты силен, Коннор. Они не любят слабых». Вот она и сказала мне пойти встать перед мойкой автомобилей, и за

мной придут и меня подберут, и там был человек, который мне дал выпить воды из бутылки, и потом мы поехали, и я заснул. А когда проснулся... Это была комната в каком-то доме, и меня спросили люди, могут ли они со мной кое-что сделать. Они были вежливые. И умные, это да. Сперва мне много приходилось пить из этой бутылки, а потом... после первых нескольких раз стало все о'кей. Когда папа и мама увидели, они хотели звать полицию, но я им передал, что Бесси мне сказала: если мою силу не проверят здесь, будут проверять ее силу *там*. И она мне все рассказала. Как больно сделал ей тот человек и что именно он с ней сделал, и она боится, что они узнают, какая она несильная, и выбросят ее тогда туда, где слабаки, и она очень просила: «Коннор, давай ты будешь вместо меня?» И я сказал, что я буду, — говорил молодой человек. — А она сказала, что за это она попытается меня простить. — Он смотрел то на Радиоприемника, то на Ковбоя, и улыбка у него будто включалась и выключалась. — Они мне дали новое имя и родили меня заново. Они показали мне *смысл*. А когда ты наконец-то, наконец-то увидишь смысл... ты узнаешь, какая есть сила, помимо... — он вспоминал слово, — логики.

Аполлион продолжал есть драже, по паре штук за раз.

Когда Радиоприемник снова заговорил, басы зазвучали слегка приглушенными:

— А как вы думаете, почему Бесси вам велела убить эту девушку?

— Она была огорчена — Бесси. В среду рано утром, когда она приходила ко мне. Она сказала, что Коннор умер, а родился Аполлион. Родился *в муках*. Я теперь губитель, и губить — моя работа. Губить. — Он нахмурился, держа возле рта красное драже. — Похоже, я облажал-

ся. — Он медленно вложил конфетку в рот. — Сперва я собирался убить ведущего певца. Терпеть не могу его голос. А потом... потом я подумал, что лучше сделать, как Бесси хочет, а то ей попадет. Ее будут мучить, а я... я этого не вынесу. Потому что, ну, понимаете, она же такая *маленькая*. Так что, пожалуй, облажался я... Пожалуй, облажался я, — повторил он. — Пожалуй, облажался я, — сказал он снова. — Пожалуй...

Вдруг он с невероятной скоростью схватил пригоршню драже, забросил в рот, согнулся и сделал резкий, жуткий, хриплый вдох, схватился за горло, сжал его обеими руками и свалился боком со стула. Два копа выскочили из-за стола и бросились к нему, стараясь не дать ему перекрыть себе воздух. Ковбой стал отрывать его руки от горла, тело под ним билось и лягалось, Радиоприемник выбежал в дверь и заорал почти неразборчиво — как грохот музыкального автомата.

Тру выключил ролик.

Кочевник вдруг сообразил, где он: почти в углу. Он все отступал и отступал туда, пятясь дюйм за дюймом, пока не уперся спиной и пятиться стало некуда.

Он ощущал невероятное давление, как астронавт в центрифуге, его вертело все быстрее и быстрее, уже кожа стала отставать на затылке под искусственной силой тяжести. И думал он об одной безумной штуке, которую орут музыканты, когда все плохо, когда летят предохранители, когда колонки превращают звук в смесь грязи и дерьма, когда отказывают прожектора, когда половина дисков в футлярах оказываются переломанными, когда публика теряет терпение и требует крови и деньги назад, когда каждая нота дребезжит ржавым горшком и каждое слово теряется во взбесившемся вое обратной связи.

Он подумал: «Лупи в коубелл!»

Но в самой глубине души он понимал, что никогда не смел подумать о возможности жизни после смерти, возможности существования того, что люди в ограниченности своей называют раем или адом, никогда не смел, потому что если думать об этом, впустить такое в себя — значит, поверить, будто его герой, его кумир, *тот человек* будет обречен на страдание за ту боль, которую причинил он женщине, всю жизнь любившей только его.

И Джон Чарльз вспоминает иногда, что когда в больнице в Луисвиле ему сообщили о смерти отца от трех огнестрельных ран, первая мысль, невысказанная и навсегда оставшаяся не высказанной, была такая: «По заслугам».

«Бог ты мой, — думает Джон, поднимая руку, чтобы зажать себе рот. — Бог ты мой».

— Его успели отвезти в больницу, — объяснил Тру. — Все с ним в порядке. Физически в смысле. Если отвлечься от... всех этих шрамов. Но он ушел в себя. Его поместили в отделение для самоубийц.

Терри шумно выдохнул. Берк не могла оторвать взгляд от пола. Ариэль обернулась к Джону.

— Мы поймали еще одного, — сообщил Тру. — Лез по склону горы с винтовкой двадцать второго калибра. Очевидно, хотел занять позицию для стрельбы, хотя, должен вам сказать, он бы скорее сперва себя пристрелил — случайно. Он домашний мастер на полставки, а на полную он — как ты это назвал, Джон? — полный псих. Живет в трейлер-парке, миль сорок к северу от Стоун-Черча. Соседи говорят, что он все время слышит голоса и об этом рассказывает. У себя на крыше трейлера поставил всевозможные антенны, говорит, что в военно-морском флоте

был экспертом по электронике. Не проверено. Однако соседи говорят, будто он считает, что его трейлер находится на, как он говорит, «линии связи». Знаете, как он ее назвал в полиции? «Ангельская линия». — Улыбка Тру продержалась недолго. — Он говорит, что есть очень серьезные причины для смерти этой девушки из «The Five», потому что ангелов она очень беспокоит. Вообще их вся группа беспокоит. Он говорит, что ангелы всюду распространяют это по линии, каждую секунду, каждую минуту, круглые сутки, обращаясь ко всем, кто может слышать. Он сказал, что они все больше... по его выражению, «заводятся». Такая вот телеграфная линия духов. — Тру пожал плечами. — Если в это верить. Так что этот человек — он решил, что, если ангелы хотят ее смерти, для него отличная возможность показать, на чьей он стороне. *Если* в это верить.

Он закрыл лэптоп.

Поправил бумагу на столе, который никогда не видел, как прикладывают перо к бумаге.

Потом повернулся к группе «The Five» и очень ясно, настолько серьезно, насколько можно было без того, чтобы нагонять жуть, проговорил:

— Я хочу, чтобы вы мне рассказали прямо сейчас, ничего не утаивая, — во что вы влезли. Что бы это ни было, как бы ни было странно или... нелогично, или что-то в этом роде. Может, вы даже не знаете, какие границы перешагнули. Но прошу вас... не утаивайте *ничего*. Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать?

— Два психа, — сказал Кочевник, но впервые в жизни голос его предал, потому что Кочевник знал сам, что лжет. Он продолжал стоять спиной в угол, руки приподняты и сжаты в кулаки, готовые послать кого-нибудь в нокдаун.

— Я хочу, — сказала Ариэль.

Глава двадцать шестая

С сияющего электричеством бульвара Сансет «Кобра-клуб» смотрелся унылым коричневым кубом без окон, без вывески, без каких-либо признаков, что его как-то используют, если не считать прозрачных пластиковых стендов с постерами групп да резных черных ворот, что запирали вход до восьми вечера.

Подготовка к выступлению «The Five» закончилась чуть за полночь. В клубе было тесно и шумно. Он был из серии «черный ящик», с абсолютно черными стенами. Бар в углублении освещался желтыми лампочками с керамическими абажурами в виде кобр. За сценой висел задник с огромной красноглазой коброй, встающей из корзины, нарисованной на черном бархате. Большие безмолвные черно-серебристые колонки JBL, все еще остывающие после тяжелых гармоник предыдущей группы, «Twenty Million Miles to Earth», обещали расхаживающей и болтающей публике продолжение выносящего мозг развлечения под трехдолларовое пиво, напитки покрепче и фирменную выпивку заведения — «Кобра-кок».

Это рок-н-ролл, детка.

Отличие этой ночи от всех прочих ночей за всю историю пестрого и иногда бурного существования клуба состояло в том, что все желающие войти должны были стоять перед открытыми воротами, пока два человека в фирменных футболках клуба обводили их тела ручными металлодетекторами. Женщинам надо было открывать сумки. Все входящие и все вносимое должны были быть просканированы. Если кольцо в пупке, или пирсинг Нейфертити, или лабиальная бусина, а у мужчин бусины на головке, либо «дельфин», либо еще какие-то вложения или приложения к сырокопченой колбаске вызывали

писк детектора, то владельцу металла надо было либо подвергнуться обыску в закрытом помещении у одного с ним пола полицейского, либо тащить свою металлическую гордость в другое место — например, в «Вайпер руум» чуть дальше по бульвару. Не нравится — никто не держит.

Некоторые уходили, большинство оставались — ради возможности потом сказать, что не только их копы ошупывали, но они видели Группу, Которая Не Желает Погибать.

За кулисами творилась суматоха. Менеджер и четверо членов группы «Twenty Million Miles to Earth» все еще таскали аппаратуру по узкому коридору с зелеными стенами к двери сцены, натыкаясь и увязая в разных людях, каждому из которых что-то было надо. Была проблема с «леколайтами», и техники суетились, переступая через провода. Двое рабочих сцены спорили с менеджером насчет того, кто последним видел и держал в руках защитный экран, который не могли найти, и кто-то бросил посреди дороги тележку с бухтами кабелей, и ее металлические выступы цапали всех проходящих, будто змея кусалась.

Сквозь эту суматоху Ариэль пробиралась поспешно, ибо ей надо было в туалет.

Несколько бутылок чая «серебряные иглы», выпитых за долгий день и за ужином, прошли свой путь и просились наружу. Нервы, подумала Ариэль. Из-за ролика, где Коннор Эддисон пытался совершить самоубийство с помощью шоколадного драже, из-за рассказа Тру про человека, который слышал голоса в трейлер-парке. Из-за ее пересказа собственного сна, во время которого ей снова привиделся Джереми Петт, изрыгающий темные эскадрильи. Из-за интервью с репортерами во время установки звука, от какого-то человека с визитной карточкой, сообщившего, что он — глава агентства в Мантикоре и у

него много идей насчет будущего их группы, но раз их уже не пять, то и называться «The Five» они не должны, а должны называться «Death Ride»*. От необходимости уговаривать Джона, когда он хотел этому типу голову оторвать, потому что Джон был в плохой форме и она бы никогда этого о нем не сказала, но у него был больной и напряженный вид мальчишки, который идет через кладбище на закате и не успевает до темноты. Из-за того, что пришлось отгонять других деятелей из агентств с визитными карточками и другими богатыми идеями, от радиоинтервьюеров и толп людей, которые ждали снаружи с дисками для автографов и вопросами, на которые хотели получить ответы.

И еще из-за инструкций Тру, выданных его очень четким и очень волевым голосом: ничего из того, что говорилось и показывалось в этой комнате, не должно обсуждаться за ее пределами *ни с кем*.

Чай «серебряные иглы» на входе — чай «серебряные иглы» на выходе.

Она прошла мимо тележки, избежав укуса, и вошла в туалет.

Он был тесный, белая плитка — не чистейшая в мире, но и музыканты не чистоплюи. Туалет «унисекс» с двумя кабинками и парой писсуаров, рукомойником и зеркалом. Верхний свет, простой стеклянный абажур, был резок и весьма не льстив, как сказал ей взгляд в зеркало. Ариэль вошла в дальнюю от двери кабинку, закрыла дверь на задвижку, сняла джинсы, стянула кружевные трусы, села и вздохнула с облегчением. Вдруг испугавшись, посмотрела, есть ли бумага. Полрулона еще, так что ничего страшного.

Избавившись от давления «серебряных игл», она размяла руки, подвигала пальцами, готовясь к гитаре.

---

* «Поездка смерти» (англ.).

Гитара. Всегда в мире есть гитара. И самое удивительное — эта гитара всегда ждет ее.

Надо все выбросить из головы и думать только о выступлении. Вот это самое главное, что бы ни творилось вокруг: собраться и сосредоточиться на выступлении. На самом деле даже на *одной песне* — той, которая исполняется. Нет, даже более того — на одном такте... на одной ноте. Вот так это делается, когда у тебя беда или забота. Нота за нотой — и вдруг беда отпускает тебя на свободу.

А что ее действительно тревожило — помимо Джереми Петта и Коннора Эддисона и самой идеи, будто существует телеграфная линия духов, передающая, что ангелы очень обеспокоены ею и ее товарищами по группе, лихорадочно обеспокоены, — это сомнение в том, что она сумеет удержаться от следующего посещения туалета до соло Берк на ударных.

Она услышала звук — повернулся замок в двери. Потом щелкнул захватанный выключатель, и свет погас.

— Эй, я тут! — крикнула она.

Ответа не было.

— Я тут!

Чьи-то шаги по кафелю. Скрип кроссовок.

— Пожалуйста, включите свет! — попросила Ариэль, нашаривая бумагу.

Заиграла музыка.

Там... Татам... там... татам... Низкий басовый ритм, плохого качества, с шумами. Диктофон?

Ариэль быстро вытерлась, взялась за трусы и джинсы и встала. Натянула одежду. Хотела было попросить того, кто там, прекратить дурачиться, но тут вступил гортанный, гулкий мужской голос с придыханием, поддержанный клацающим ритмом бубна, кабасы и постукивающих друг о друга барабанных палочек.

Когда я приду, чтоб тебя замочить, — вышибу дверь
с полпинка.
Я возьму с собой шлюху, такую, как ты, и крутого,
как я, чувака.
Твою морду распишем красиво от уха до уха,
И пока ты балдеешь, мы сядем смотреть гей-порнуху.
Вот так... вот так... вот так... вот так...

— Эй, прекратите! — крикнула Ариэль и услышала,
что голос у нее дрожит. — Включите свет!

Когда я приду, чтоб тебя замочить, — я, наверное,
мозг твой сожру.
Я подставлю под дождь свои зубы в крови, плюну в небо,
как в злую дыру.
И того, кто таким меня создал, сто раз прокляну.
И пойду убивать, и убью я еще не одну.
Вот так... вот так... вот так... вот так...

Вдруг музыка прекратилась.

Дверь вышибло свирепым пинком. Она ударила прямо в лицо, ослепила болью и бросила спиной на унитаз. Ариэль успела подумать, что у нее нос разбит и губы рассечены, беспомощно мемекнула от ужаса, и тут он на нее навалился. Она взметнула руки, будто защищаясь от налетающей из темноты массы ворон. Чужая рука схватила ее за волосы, кулак ударил по голове сбоку. В глазах вспыхнули искры и молнии, рот наполнился кровью. Колени подкосились, губы затянуло поперек чем-то липким, и дальше, вокруг головы. Прихватив волосы. Еще виток, еще и еще.

И пахло как лейкопластырь.

Он схватил ее за шею, швырнул прочь, она поехала по грязному кафелю. Валяясь на животе, она попыталась подобрать колени и встать, но ей вывернули руки назад

почти до излома. Ариэль замычала залепленным ртом, а этот человек заматывал ей руки скотчем.

Он был очень быстр и явно имел опыт.

Схватившись за ее джинсы, он сдернул их, оцарапав кожу ногтями. Потом стал стаскивать трусы.

В помутнении сознания, оцепеневшая в холодном шоке, она подумала, что кто-нибудь сейчас ее спасет. Кто-нибудь должен положить конец этому безобразию, это же просто смешно. Ей выступать надо. Нота за нотой — так приходит свобода от беды.

Твердый член уперся в нее сзади, нащупывая вход.

«Нет», — сказала она, но рот не мог этого повторить.
Нет.

Ухватив ее обеими руками за волосы, насильник стал пропихиваться внутрь.

Никто ее не спасет, она это поняла полностью и окончательно. Можешь лежать, пока тебя насилуют, и ждать спасителя, который не появится. Можешь сопротивляться, пока этот человек тебя не убьет.

Ариэль извернулась, отдернулась прочь. Он снова рванул ее за волосы и продолжал вдвигаться. Она еще раз вывернулась, услышала слова: «Ах ты, сука!» — и снова он ударил ее, презрительно, наотмашь, тыльной стороной ладони, справа над ухом. В мозгу загудели низкие частоты. Слезы горячо подступили к глазам, хлынули на щеки, но когда он в третий раз попытался вдвинуть, она резко выгнулась назад, изо всех сил ударив затылком, попала во что-то твердое — ключица, плечо, подбородок, — и вдруг его тяжесть свалилась с нее.

Ариэль дернулась вперед, на коленях поползла по грязному кафелю.

— Ах ты, мандюшка, — сказал он из темноты. — Ну, я тебя!

Послышался скрип его кроссовок, она обернулась, опершись на связанные руки и ахнув от резкой боли в них. Ударила обеими ногами на звук.

Правая попала во что-то твердое. Голень? Колено?

— Блин! — приглушенно выругался он от боли. — Все, абзац тебе.

Она узнала голос, но теперь это было горловое рычание, сочившееся злобой и ненавистью. Голос тысяч разных песен стилей хорроркор и детрэп. Ариэль снова ударила ногами, но ни во что не попала. Он заходил сбоку, ей показалось, что она видит его размытое движение. Поползла назад и стукнулась головой о какую-то металлическую трубу. Значит, под раковиной. Лодыжку царапнула чужая туфля — Ариэль ударила туда и промахнулась. Стала снова сгибать ногу для удара, но ее поймали чужие пальцы. Он выдернул девушку из этой ненадежной гавани и потянул по полу, и она ударила другой ногой, размахнувшись широко и сильно, первый раз промахнулась, но попыталась ударить второй раз каблуком, на этот раз попала в кость. Он зашипел, но держал крепко. Он вдвинул ботинок ей в пах и стал толкать, выкручивая ногу, как будто хотел оторвать ту часть тела, что интересовала его, и унести домой, в теткин подвал.

Кто-то подошел к двери, задержал ручку.

— Ариэль! — Голос Берк. — Мы начинаем, давай!

Нападавший ее отпустил.

— Ариэль? — Ручка вертелась туда-сюда. — Ты как там?

Ариэль встала на колени лицом к двери. Попыталась крикнуть изо всех сил — получился задушенный стон, и тут он навалился на нее сверху, обхватив локтем горло, уткнувшись лицом в ее волосы. Он прерывисто дышал ей в ухо, и давление руки на горло нарастало.

В голове Ариэль стало расти давление, глаза вытаскивались из орбит. Локоть готов был раздавить гортань.

Ручка двери стукнула еще раз, туда-сюда.

И Берк ушла.

В коридоре, отойдя от двери, она была готова идти искать Джона. Ариэль, наверное, стало плохо, и что же теперь делать?

Но тут она увидела штатив видеокамеры, прислоненный к стене рядом с дверью. Довольно грустное зрелище: одна нога замотана липкой лентой. На полу рядом с треножником черный футляр камеры. Берк его расстегнула — камера на месте. Хорошая камера, на боку написано про десять и шесть десятых мегапикселей. Кто мог оставить такое валяться на полу? С экспонометром, с аккумуляторами, сменными объективами, фильтрами, приспособлениями — прямо кради не хочу.

Она знала, что техники на эту штуку молятся и всюду ее используют, но за каким хреном с собой таскать четыре рулона?

За дверью туалета, за запертой дверью, он душил Ариэль насмерть.

Она пыталась сопротивляться. Выворачиваться, выгибать спину, стряхнуть его, бить назад затылком. Но он делал что хотел, дышал ей в ухо, убивая ее, а свободной рукой себя обрабатывал быстро-быстро-быстро и стал издавать звуки, которые издают мужчины, принимая обладание за любовь, а порнографию за секс, — высокое пронзительное мычание и объявление на весь мир: «Ага, ага, сейчас, сейчас кончу, ох как сейчас...»

Дверь сорвало с петель.

Плечом вперед влетела Берк.

Ворвавшийся свет упал на выпученные глаза диджея «Поговорим». С губ капала слюна, торчали шипы волос,

скрепленные лаком. Одет он был в темно-коричневую рубаху с капюшоном, она сбилась на торсе, а капюшон был спущен на плечи. Кольца он сегодня оставил дома, потому что решил одеться попроще.

Берк увидела рот Ариэль, замотанный липкой лентой, увидела ужас в ее глазах, локоть этого типа, душивший ей горло. Кровь, текущую из обеих ноздрей Ариэль, испоганившую ее красивую голубую блузку с пышными рукавами, которую сама Берк не надела бы ни за что.

Берк подумала, что его надо будет убить. И была готова.

Он затрясся, пришел в себя, понял, что происходит, и отпустил Ариэль. Оттолкнув ее в сторону, он прыгнул вперед — тощей пантерой, рвущейся на свободу. Штаны у него были расстегнуты. Берк не успела решить, звать ли на помощь, как диджей «Поговорим» налетел на нее, заноса кулак для удара, но Берк увидела его приближение и одной рукой поставила блок, а другой нанесла прямой в этот дурацкий нос картошкой.

Вложив в него все, что в ней было, — а было до хрена.

Кровь хлынула, будто трубу сорвало, но его это не остановило. Он яростно и отчаянно продолжал нападать, хватая Берк за волосы, пытаясь выцарапать глаза.

«Как девчонка дерется», — подумала Берк, с силой ударяя коленом в пах.

Может, ему и было больно, и он пронзительно взвизгнул, но его гнали взвинченные адреналином нервы, и раздавленные всмятку яйца его не остановили. Лицо у него стало бледным как смерть, но он рвался наружу. Програлся мимо Берк, вылетел в дверь, сбросил куртку, потому что Берк успела вцепиться в капюшон, и в болтающейся белой футболке, заляпанной сегодняшним ужином в «Хангри мэн», захромал налево, но там оказались

люди, прошедшие за кулисы по пропускам от «Twenty Million Miles to Earth», они стояли на дороге и таращились на него, а Берк вслед кричала:

— Держите его, держите!

И диджей «Поговорим» свернул направо, попытался проскочить мимо тележки, которая чуть его не опрокинула и как следует тяпнула за ногу. Пролетел мимо еще двоих рабочих сцены, ища себе дорогу, и тут вдруг из двери впереди вышел этот хмырь из Детройта.

— Джон, держи его! — крикнула Берк, вцепившаяся в пустую темно-коричневую куртку.

Что Детройт всегда бьет Филли — утверждение слишком общее. Может, не всегда оно так.

Но сейчас вполне оправдалось.

Кочевник успел нанести три прямых, пока диджей понял, что его лупят. Это не были обычные тычки, как в драке в баре или на парковке. В них был некоторый подтекст, определенная сила, и они очень ясно объяснили диджею, что он на верном пути в больницу. Еще тройка ударов — раз-раз-раз! — и диджей лишился речи и передних зубов.

Кочевник еще раз ударил в горло — не так сильно, как когда-то Квинса Мэсси перед «Олив-гарден», но так, чтобы запомнилось.

Диджей рухнул на колени. Лицо у него было не столько лицом, сколько хорошим образцом абстрактной живописи. Кочевник стоял и смотрел сверху на этот «Этюд в багровых тонах с носом на лбу». Из дверей выглянул Терри, вытаращив глаза за очками, и решил оставаться там, где был, — от греха подальше.

Секунда оцепенения — как всегда бывает после внезапной драки или катастрофы.

— Джон, Терри, помогите! — крикнула Берк, и от дрожи в ее голосе у Кочевника сжалось сердце.

Он посмотрел в коридор. Берк поддерживала кого-то, не узнать кого. Они медленно шли к нему, с трудом, и вокруг толпились рабочие сцены и посетители с пропусками за кулисы от «Twenty Million Miles to Earth», пыта-ясь помочь.

Кочевник увидел рот, замотанный липкой лентой, та же лента вокруг головы схватила спутанные волосы. Уви-дел, что она растирает запястья и с одного тоже свисает длинный кусок ленты. Увидел, что голубая блузка с пыш-ными рукавами загублена. Ее любимая. Ариэль, заметив его взгляд, опустила голову, будто стыдясь, что ее видят в таком состоянии.

— Боже мой! — крикнул Терри, бросаясь вперед на помощь Ариэль.

* * *

Кто-то шелкнул вспышкой.

Кочевник этому фотографу выдрал бы глаза и засу-нул бы ему же в задницу для инспекции, но делать этого не пришлось. Один из рабочих сцены метнулся вперед и схватил камеру. Последовал протест, и двое внезапно по-явившихся ребят из персонала клуба быстренько убрали этот мусор.

Кочевник снова посмотрел на Ариэль — Берк ее под-держивала, а Терри отлеплял ленту ото рта и волос. Ок-ружающие ошеломленно молчали. Когда ленту сняли, Ариэль шагнула вперед, потом согнулась пополам, и ее вырвало на пол.

— Ничего, ничего, — повторяла Берк, поглаживая ее по спине.

Ариэль пришлось прислониться к стене, и кто-то дал ей полотенце — прижать к окровавленному лицу.

За дверью, ведущей на сцену, публика начала скандировать, вызывая «The Five».

Кочевник смотрел сверху на диджея «Поговорим».

И в нем закипал гнев, пузырился в жилах, как кровь жизни. Может, для Кочевника он ею и был.

Надо с этим покончить прямо сейчас.

Он замахнулся ногой, готовясь вышибить мозги.

Юнец задрал подбородок. И плачущее, окровавленное лицо. Кровавые слезы обтекали углы искривленного рта. Глаза ничего не видели, глядя куда-то далеко-далеко за спину этого типа из Детройта.

Кочевник готов был ударить.

Но остановился.

И подумал, сколько он еще может добавить к этой чаше страдания. Слышно было, как трясется грудь диджея и вырываются из нее всхлипывания. Диджей закрыл глаза руками, будто прячась от слепящего света. Интересно, какую на *этого* парнишку надевали тесную рубашку, что оставило ожоги и шрамы на *его* душе и разуме? Кочевник представил себе, как этот мальчишка уезжал из Филли в кепке с большим козырьком и далеко идущими мечтами. «Буду звездой первой величины, мам. Зажгу их всех».

А оказался он там, где люди хотят что-то получить, не заработав сперва, где ты без власти и денег — ноль, где жар собственных мечтаний тебя же и плавит, и гля, мам, где я теперь.

Не Кочевнику добавлять в эту чашу.

Он опустил ногу. Повернувшись обратно к Ариэль, он увидел, что в коридор пришли Тру и два копа, а с ними менеджер клуба — тощий тип в во всем черном и с аккумуляторной бородкой. Тру тихо говорил с Ариэль, приблизив лицо. Кочевник увидел, что она кивнула. Подошли два копа и подняли диджея «Поговорим» на ноги. У него тут

же подогнулись колени, и его полувывели-полувытащили в артистическую.

— Вызовите «скорую»! — приказал Тру, но Ариэль замотала головой и поймала менеджера за рукав.

— Нет, — сказала она. — Не надо «скорой».

— Давайте, — велел Тру.

— Нет! — Голос Ариэль стал громче. — Я не поеду в больницу!

— Слушай, детка, *надо*, — сказала Берк. — Мы с тобой поедем.

— Нет, — повторила Ариэль. — Я буду выступать.

— *Выступить?* — Терри бросил беглый взгляд на Берк и на Тру, у которого будто кожей скулы обтянуло за последние полминуты. — Это как?

— На сцене, — ответила Ариэль, прижимая полотенце к кровоточащему носу. Он онемел, и она не могла понять, сломан он или нет. Языком она уже проверила, на месте ли зубы, и хотя нащупала незнакомые края, решила, что нормально. — Нас вызывают, — сказала она. — Он меня ударил, но не успел. — И объяснила, чтобы до них дошло: — Не изнасиловал.

— Ты едешь в больницу, — распорядился Тру, глядя ей в глаза. — Хочешь ты того или нет. Вызывайте «скорую», — скомандовал он менеджеру.

Ариэль отняла от лица полотенце и завопила.

Одно слово.

Слово «нет».

Менеджер остановился, и никто другой не двинулся — даже тот мужик, что прибирал грязь. Скандирование шло громче, громче, и *было пора начинать*.

Кочевник подошел к ней. Ее глаза повернулись к нему, и это были ее глаза, да, но они стали другими. Они видели такое, чего лучше бы ей никогда не видеть. Они нали-

лись кровью, в их серой глубине застыл страх, но в основном из них смотрела злость.

— Никто мне не помешает! — сказала Ариэль им всем, а может, и всему миру. Она сцепила зубы, чувствуя во рту вкус собственной крови и новые острые края. — Никто не сможет мне помешать делать то, что я делаю! Никто!

Она высвободилась из рук Берк и Терри. Стояла без поддержки.

— Потому что это моя суть! — крикнула она. — Я родилась для этого!

Берк протянула руку к ее плечу — Ариэль эту руку оттолкнула.

— Нет... пустите меня. Пустите...

Она затрясла головой и снова прижала к носу полотенце. Когда оно еще сильнее пропиталось кровью, она бросила его в сторону и вперилась в глаза Тру.

— Никто не помешает мне, — сказала она, — делать, то, для чего я рождена. Вот это вот. Музыку. Я не для того так работала... весь этот путь прошла... все группы, всех людей, все вообще... чтобы мне тут говорили, будто я не могу выступать, если я говорю, что могу.

Она еще много могла сказать, но в груди теснились всхлипывания, и она боялась, что развалится и собственных костей не соберет, а потому ничего не сказала, хотя темнота, которая только что пыталась ее уничтожить, *хотела*, чтобы она, Ариэль, поджала хвост и безропотно поехала в больницу. Она не сказала, что эта тьма пирует в раненом безмолвии разбитых сердец и изнасилованных душ, растет и крепчает на горьких воспоминаниях и разбитых мечтах. Не сказала, что *не выступать* сейчас означало бы окончательную жизненную капитуляцию, потому что сопротивляться этой тьме, отодвигать ее — для этого ты и рождена. Ты должна играть на гитаре и петь, если ты рождена для этого. Должна выйти на сцену, по-

битая и окровавленная, и всем дать знать, что ты стоишь там, где тебе положено стоять в этом мире, и *никто* — тем более мелкая жадная дурная вошь, которая попыталась тебя оттуда выбросить, — тебя с места не сдвинет.

Ничего этого она не сказала, но взамен сказала другое:

— А теперь слушайте. У меня может быть сломан нос. В публице наверняка есть врач, или сестра, или студент-медик. Кто-то, кто сможет посмотреть. Здесь где-то должна быть аптечка первой помощи. У меня голова трещит, может быть сотрясение. *Врач* нужен, — сказала она, чтобы они поняли. — И час времени дайте мне. Если я отключусь или рвота не перестанет — тогда ладно, звоните в «скорую». Но один час — мой. И мне... блин, новая блузка нужна.

— Ты с ума сошла, — сказал Тру.

— Мне надо вымыться, — продолжала она, будто не слыша. — Лицо вымыть, но *туда* я не могу зайти. — Они поняли, о чем она. — Господи Боже мой, — сказала она усталым голосом. — Мне снова нужно отлить.

— Это нервное, — пояснил Тру.

— Да нет, — сказала она. — Слишком много чая.

Тру хотел было что-то сказать, отбить эту сумасшедшую стрелу, но не мог вспомнить, что именно. Он не улыбался, был суров как скала. Но целеустремленностью, выразившейся на лице девушки, он проникся. Он понял, чем она ему нравится. Самая волевая из всей группы, быть может, хотя до сих пор от нее этого не требовалось.

— Ты мне позволишь — обещаешь, что позволишь отвезти тебя в больницу, когда мы закончим?

— Да.

— Тебе нужен только час? И все?

— И все, — ответила она, и он знал, что она не врет.

— Вы согласны? — спросил Тру у менеджера.

— Годится.

— А вы? — обернулся Тру к группе.

Терри и Берк посмотрели на Кочевника.

— Полностью, — ответил он.

Если Ариэль может выступать с разбитым носом, он как-нибудь переживет распухшие костяшки. Это будет концерт века.

Или веков.

* * *

Народ в коридоре рассасывался. В артистической копы вызвали машину для транспортировки подозреваемого, который почти наверняка окажется «скотч-на-сильником». Менеджер клуба вышел на сцену, к развеселой, размоченной пивом и заведенной «Коброй» толпе и задал вопрос, который меньше всего рассчитывал бы задать ближайший миллион лет:

— Есть в зале врач?

Тру и Берк отошли, и Кочевник вдруг оказался прямо перед Ариэль. Он смотрел на нее и чувствовал, как кривятся губы в сухой улыбке восхищения. Про Джереми Петта он не понял, про девушку тоже, как и про песню и про все, что она значит, но понял, что может в Ариэль влюбиться, если себе это позволит.

И это, быть может, уже наполовину произошло.

Он потрогал подбитый глаз, потом постучал пальцем по носу.

— Кажется, мы с тобой слегка в родстве.

Кто к кому потянулся первый? Слишком близко они были, чтобы понять.

Он ее обнял, и она к нему крепко прижалась, и он понял, что плачет, просто небольшие слезы капаят из-под

крепко зажмуренных век, потому что очень, очень при-
скорбно, что такое страшное с ней случилось, такое, что
душу наизнанку выворачивает. И хотя — слава Богу —
диджей не овладел ею, но она соприкоснулась с урод-
ством этого человека, со злобой, вылепленной из его стра-
даний, какова бы ни была их причина. Но таково уст-
ройство этого мира, и от него Кочевник мог ее защитить
не больше, чем себя или любого из них. А еще все это
идет в тот суп, который называется «творчество».

Он прильнул головой к ее плечу, вдохнул ее аромат.
От нее чуть-чуть пахло жимолостью, как от солнечного
летнего луга. Вполне подходящий аромат для героини
викторианского романа, обреченной влюбиться в жесто-
косердного грубияна.

Но это не он, потому что он сын своего отца, а ни его
отец таким не был, ни он сам таким никогда не будет.

Ариэль прижала его к себе, услышала, что он хлюпа-
ет носом, как ребенок, и тихо сказала:

— Все хорошо.

И повторила снова, чтобы он уже не сомневался.

Глава двадцать седьмая

«Колеса автобуса крутятся-крутятся... крутятся-кру-
тятся... крутятся-крутятся...»

Детская песенка, подумал Терри. И подумал, не так
ли это началось — для них для всех.

Музыка, слышанная в детстве. Мелодия из местной
телепередачи, той исчезающей породы, когда ведущий в
капитанской фуражке крутит детям мультики, показыва-
ет фокусы с шариками и салфетками. Его называют «Ку-

зен» или «Кэппи». Обрывок рождественской песенки в магазине, когда горят все праздничные огни, и Санта уже пустился в путь. Серебряные нотки из музыкальной шка-тулки, где медленно крутит пируэты миниатюрная тан-цовщица. Персонаж с гармоникой в старом черно-белом вестерне или фильме про войну. Далекий пронзительный свисток поезда, одинокий в дождливой ночи.

Что-то в них всех было рано разбужено, в этом Терри не сомневался. Что-то такое, что и другие дети слышали, но забывали. А вот они все что-то слышали, запомнили и до сих пор хранят в себе, спрятанное надежно и глубоко. Что именно запомнил он, Терри знал. И знал отлично.

Тру нажал на тормоз. «Жестянка» замедлила ход на вершине подъема. Не очень крутой подъем на таком пря-мом и ровном протяжении федеральной дороги I-40, но все же заметный. Тру выглянул в боковое зеркало, за кор-му трейлера.

Белая машина была на месте.

Где-то на полмили позади? Ну, это даже смешно, подумал он, потому что в этот час воскресенья из Альбукер-ка на запад едет куча самых разных машин. Маленькие легковушки и большие внедорожники, грузовики с при-цепами, фургоны, пикапы всех моделей и всех цветов. Но эта вот белая машина — иностранная, вроде бы «хон-да» — какое-то время держалась достаточно близко, что-бы Тру разглядел человека за рулем. В темных очках — *да ладно, под вечер едет на запад при таком солнце*, — и в бейсболке с каким-то логотипом. Но потом белый авто-мобиль сбавил ход и отстал машины на три или четыре, зато теперь вроде бы держит постоянную скорость. Точ-нее, держит ту же скорость, что и «Жестянка».

То есть едет *медленно*.

Белая машина. Иностранной марки. Молодой, судя по виду, водитель.

С чего это он мимо не просвистел?

— С чего это ты тормозишь? — спросил Кочевник с сиденья за спиной Терри.

— Ноге дал отдохнуть, наверное, — ответил Тру и дал газу старому двигателю.

Белая машина. Иностранной марки. Не темно-синий пикап.

Тру снова стал смотреть прямо вперед. Первый слой этой дороги могли положить, натянув через пустыню Нью-Мексико гигантскую резиновую ленту. Туго натянуть и класть асфальт по ее тени. Непонятно, были ли тогда резиновые ленты, но если были, то могли.

Что-то у него шарики за ролики начинают закатываться. Жизнь на дороге. Неудивительно, что люди начинают курить дурь, пить лишнее и выбрасывать телевизоры из окон мотелей. Он слегка вздрогнул — на волосок, никто и не заметил, — когда мимо промчалась фура, презрительно хлестнув «Жестянку» пощечиной ветра. Тру заметил, что это хормеловский холодильник. Фургон с мясом, подумал он.

Никогда раньше он траву не курил. Интересно, есть ли она у кого-нибудь из пассажиров «Жестянки»? Он никогда не спрашивал — действительно не хотел знать. По крайней мере при нем не курили ни разу. Хайвей этот такой прямой, что действует просто гипнотически. По обе стороны — пустыня со щетиной зловещего вида растительности, готовой воткнуть в ногу шип при малейшем прикосновении. Интересно, сколько гремучих змей под этими уродливыми колючками высовывают дрожащие раздвоенные языки, вынюхивая добычу?

Он понял, что у него съезжает крыша, потому что начал думать, не спросить ли у ребят из группы, какова мадригуана на вкус.

Он поерзал на сиденье.

— Ты как? — спросил его Терри с пассажирского сиденья, и Тру ответил, что все нормально.

Он быстро глянул в зеркало заднего вида. Ариэль дремала. Наклейка поперек носа, скрывающая синяк, была на месте, но чернота под глазами ушла. Нос не был сломан, хотя распух и болел на следующий день, а засохшие сгустки крови у нее выделялись, пока не проехали Анахейм. Два передних зуба у нее треснули, придется с ними идти к дантисту. Но девушка — чертовски классный солдат.

Джон Чарльз смотрел в пространство и думал. Синяк вокруг правого глаза выцвел до бледно-зеленого. А думать Джону много о чем было. Берк на заднем сиденье слушала айпод, закрыв глаза и чуть кивая в такт ритму, пробивавшемуся из наушников. Девушка умела на барабанах играть как машина, но Тру сделал ошибку, спросив ее, что она думает о машинах для игры на барабанах, и получил в уши годичный запас слов на разные буквы алфавита. Терри, разумеется, был бодр и оживлен. Сегодня его день.

На этом хайвее машин было много. Всех сортов и моделей, больших и маленьких. Но вот эта машина позади... сейчас он ее не видел, но знал, что она там.

Отчего он так нервничал — из-за факта медленного истощения. Кубышка всегда начинает показывать дно, даже для ФБР. И большая лапа на поводке подтаскивает маленьких собачек на место.

Весть нашла его после Анахейма, на следующее утро.

Дальше придется обходиться одной группой. Требуемые средства несоразмерны ситуации, было ему сказано. (Как он любит этот язык шелканья на счетах!) Ему было сказано — и, честно говоря, совсем не тем теплым голосом, которым обычно разговаривал с ним старый приятель, — что тут вреда может быть не меньше, чем пользы. «Я знаю, как это для тебя важно, но...»

Ой. Когда понимаешь, что ты совсем не такая большая собака, как ты думал, это несколько задевает. Впрочем, *настолько* больших собак попросту не бывает.

Группа в металлически-сером «юконе» отделилась от каравана. Пока, ребята. А мы дальше.

Потом вот сегодня утром, после вчерашнего концерта в «Стейнд-гласс».

Тру брился в ванной номера «Комфорт Инн», когда раздался телефонный звонок.

— Доброе утро, — сказал Тру с пеной на верхней губе. — Ты как последний язычник пропускаешь сегодня церковь?

— Труитт, есть разговор.

— Само собой, раз ты мне позвонил.

— Ты сидишь?

— Нет, но у меня в руке бритва.

Он знал, что это будет. Надеялся, что телефонный звонок приведет группу агентов к мотелю, где забился в нору Джереми Петт, боясь отдернуть занавески или открыть дверь ради лучика солнца, не смеющий выбраться из тесноты номера даже за пиццей из-за поднятого в прессе шума, но надежды еще недостаточно, чтобы вышло так, как хочешь. Петт просто и непреложно исчез. Уехал в Мексику? Считалось, что так. Но где же его грузовик? Его нигде не видели, так куда он делся? Предполагалось, что брошен на обочине. Завезен в канаву или запаркован среди мескитовых деревьев и кустов выше человеческого роста, к северу от многих троп, пробитых в почве мексиканскими нелегалами. В конце-то концов, тропы эти ведут в обе стороны. Другая теория: Петт, обученный искусству таиться, мог в буквальном смысле уйти в подполье — найти туннель, ведущий через границу. Наверняка они есть.

Чтобы остаться в стране, когда твое лицо и номера твоей машины показали по всем каналам, надо быть со-

вершенно безумным. Так говорили теоретики. Нужно *хотеть*, чтобы тебя поймали. И за каким чертом ему тащиться за группой в Калифорнию, когда он мог прямо в Мексику уйти из Тусона?

— Труитт, — сказал язычник воскресного утра, — мы отзываем вторую группу. — Тру чуть порезался, проводя бритвой под левой ноздрей. — И тебе нет нужды оставаться. Прекращай операцию и тащи их всех сюда.

— Так, давай не части, спокойнее. — Тру сообразил, что обращается к собственному сердцу. — Турне заканчивается через шесть дней, считая сегодняшний, и осталось всего два концерта — в Далласе пятнадцатого и в Остине шестнадцатого. И все. Мы сегодня выезжаем из мотеля и едем навестить одного человека, которого хочет посетить Терри. Терри — это клавишник.

— Я статью в «Пипл» читал, черт побери, и их имена *знаю*.

— О'кей. Сразу после этого выезжаем и едем в Амарилло. Оттуда завтра в Даллас. Я решил, что они могут поболтаться в Далласе...

— Прости, ты сказал «поболтаться»?

Тру услышал собственный вздох — вздох раздражения. Эти «люди из публики» (термин Терри) просто не в теме.

— Они хорошие ребята, — сказал он. — И работают как черти. Ты бы не поверил, какие они трудяги.

— Я знаю, что они сейчас на пике славы. Тысячи дисков продают, да?

— Да.

И не только. После «Кобра-клуба» на каждом концерте яблоку негде упасть. Его лично это сильно напрягало, потому что очень затрудняло охрану. Известие, что ребята из «The Five» помогли поймать скотч-насильника, действительно вызвало ажиотаж. Роджер Честер звонил, оша-

лелый от радости, и говорил, что получает предложения от телеканалов сделать про «The Five» реалити-сериал, а издатели звонят насчет издать про них книжку срочно, а кому-то еще нужен представитель, рекламирующий новый энергетик. Сорвалось с цепи, как сказал Джон. Но особой радости он при этом не демонстрировал. Так в чем же дело?

— Шесть дней и еще два концерта, — сказал Тру в телефон, промокая красную точку под левой ноздрей. — Могу я с ними быть эти дни? И могу ли рассчитывать на поддержку местных отделений?

Блин, будто милостыню выпрашивает.

— Труитт, — сказал ему голос, приделанный к большой руке, что держит поводок. — Ты же понимаешь, что на самом деле ты не их менеджер? Ты свою роль понимаешь, да?

— Понимаю. Но видишь ли... я им сказал, что проведу их через это турне. — Он замолчал, пытаясь найти слова, которые разбили бы молчание на том конце. — Они действительно хорошие ребята.

— Я с первого раза услышал.

— Не могу я их бросить, — сказал Тру.

— Мне в этом слышится «не брошу». Так, Труитт?

— Совершенно верно, сэр.

Молчание на этот раз продержалось чуть дольше и было чуть гуще.

И пока оно длилось, Труитт думал, должен ли он сказать своему старому другу, земляку и начальнику, что Ариэль Коллиер считает, будто песня, которую они писали, была им внушена — ну, не так чтобы прямо *внушена*, но в каком-то смысле процесс был *направлен* — но и это тоже неточно — девушкой, которая не то чтобы не совсем человек, но что-то большее, чем человек, если в такое верить, и эта песня, которую они писали, совершенно обык-

новенная песня, никто ничего такого особенного в ней не видел, никаких скрытых смыслов или мистических откровений, и если предполагалось, что эта песня должна быть прорывом к успеху, то получается поздноватое, потому что она еще не закончена, а «The Five» уже попала в журнал «Пипл», и тираж ее дисков растет до сотен тысяч, и продаются они в огромном количестве по всему миру, так что успех их уже настиг, и кстати, Терри Спитценхем — ой, опять я забыл, что ты знаешь их имена, — верит в то же самое: будто эта песня вдохновлена божественным, а Берк Бонневи и Джон Чарльз не очень понимают, как все это понимать, но вроде им приходится признать, что ничто другое никогда так не потрясало их основ, а вот эта штука трещины в цементе понаделала, а еще — и очень важное «еще» — Ариэль думает, будто есть связь между Джереми Петтом, Коннором Эддисоном, нашим гуру телекоммуникаций из трейлер-парка и, быть, может, скотч-насильником, потому что эта сущность — жадный *король ворон*, называет она его, только говорит, что это опять же неточный смысл, — желает не допустить завершения песни, а потому грязную работу поручает человеческим рукам.

Вот, собственно, что я думаю и на чем стою.

— Труитт!

— Да, сэр?

— Одно из твоих лучших качеств — что ты любое дело целеустремленно доводишь до логического конца. Я это ценю. Я тебе скажу так: ты можешь и это дело довести до конца, но тебе придется действовать в одиночку. — Голос сделал паузу, ожидая реакции Тру. Таковой не последовало. — Вторую группу я отозвал. Полчаса назад они были освобождены от задания и получили инструкцию возвращаться домой как можно скорее. С минуты на минуту

Кейси тебе сам доложит. Ты сказал, что у тебя сегодня есть дела?

— Так точно.

— Я не могу оправдать затраты, Труитт. Я могу с тобой работать, обеспечивая безопасность на этих мероприятиях в Далласе и Остине. Но чтобы этот караван продолжал жечь время и деньги на дороге... смысла не вижу.

Труитт знал, что спорить бесполезно. Если большая рука на поводке не видит смысла, значит, смысла *нет*. И он не мог бы выделить ничего из случившегося за неделю как причину сохранить на дороге хотя бы одну группу. Все шло как по маслу, если не считать инцидента у «Мэджик монтиз» в Анахейме во вторник, когда обкуранный юноша пустил в толпу фейерверк. «The Five» перестала играть на то время, что нужно было полиции, чтобы убрать мальчишку за решетку, и начала с того места, на котором остановилась.

Когда агент Кейси пришел объявить то, что Тру уже знал, Тру ему сказал, что ценит его отличную работу и внимание к деталям и проследит, чтобы каждый участник получил похвальное слово в рапорте. У него был большой соблазн попросить Кейси два часа подождать, пока ребята соберутся после вчерашнего позднего концерта в бывшей церкви, и проводить их по дороге 66, а потом уже возвращаться в Тусон, но это исключалось. Приказ отдан, и ребята стремятся домой, к семьям.

«Пока, парни. А мы дальше».

Но после отъезда Кейси у Тру не сразу получилось отпарить серые брюки, которые он хотел надеть в этот день. Пар просто не шел из сопел, и вдруг Тру так разозлился, что шваркнул горячим утюгом о стойку ванны, и у него в руках оказался кусок пластика, разбрызгивающий воду по всему полу. Тру понял, что висит на краю, а это не то место, где ему положено быть.

Вот почему он продолжал следить за белой машиной. Вот почему он интересовался, кто ее ведет и почему держит такой странный скоростной режим. Подумал было дать вызов полиции по сотовому, назвать себя и попросить о небольшой услуге — проверить номер машины.

— Кому звонишь? — спросил Терри, когда Тру достал из кожаной сумки телефон.

— Секунду, — ответил Тру и почти сразу понял, что никому он не звонит. Ни баров, ни иного сервиса в этой пустыне нет. — Так, проверить хотел одну вещь, — ответил он, откладывая телефон.

— Мы должны быть уже почти на месте, — сказал Терри. — Знак должен быть, «Блю-Чок».

— О'кей, — ответил Тру и попытался сосредоточиться на дороге.

* * *

Терри отлично знал, что слышал и запомнил в детстве, и знал, что помнит это и сейчас — в надежной, безопасной глубине души.

Это дома у бабушки с дедушкой. Родители матери жили в кирпичном доме за пару кварталов от его начальной школы. Там они живут и сейчас — дедушка Джеральд семидесяти пяти лет и бабушка Мими, которой только что исполнилось семьдесят. Иногда после школы Терри заходил к ним выпить чего-нибудь холодненького и посидеть на крыльце в тени, пока дедушка слушает по радио ранние осенние бейсбольные матчи и курит трубку, у которой на чашке вырезано человеческое лицо. Дедушка говорил, что это мушкетер. И еще дедушка играл с ним в настольные игры. По любому поводу вытаскивались из шкафа старые «Собачья бой» Милтон-Брэдли или «Детектор лжи» Маттелла, или коробка с по-настоящему кру-

той игрой «Трасограм» с пятьюдесятью двумя вариантами и всеми ее разноцветными игровыми досками. А когда день близился к вечеру, а уходить Терри не хотел, потому что здесь дом маленький и теплый и совсем не такой, как у него, бабушка Мими доставала из шкафа игрушечный электроорган, включала в сеть и ставила к себе на колени, сядя перед Терри. Он никогда не забудет звук, который издавал инструмент, оживая после щелчка выключателя. Как будто разогревается оркестр — постепенно просыпаются скрипки, гобои, флейты и трубы. Оркестр в маленькой пластиковой коробочке. А потом бабушка играла гибкими пальцами, и он был уверен, что пальцы у нее гибкие, потому что она часто играет, а клавиши *звали* ее играть, день за днем, потому что они нужны были друг другу, чтобы оставаться молодыми.

Каких только историй не рассказывал инструмент! Терри закрывал глаза, слушал и видел внутренним зрением мальчика на плоту, и к нему льнет красивая девочка, и река несет их по порогам, мимо опасных камней, и мальчику приходится быстро соображать и действовать на этой предательской быстрине. Или сотня казаков на лошадях едут по снегу под луной, яркой, как новенькая монетка. Или он сам, постарше, но все еще молодой, играет на этих самых клавишах перед колоссальной аудиторией в большом концертном зале, и тут предводитель казаков въезжает прямо по проходу и вручает ему наградную саблю, а девочка встает из переднего ряда и говорит, что вечно будет принадлежать ему.

Тут, конечно, дедушка прокашливается на той стороне игрового поля, и Терри, открывая глаза, видит, что из украшенной перьями шляпы мушкетера вырывается клуб дыма, а дедушка шлепает по столу картой «Пять вспышек» из «собачьих боев», а это значит, что Терри сгорел начисто.

Он начинал думать, что это он их объединяет.

«Терри, — сказала как-то бабушка Мими, — хочешь, покажу тебе некоторые аккорды?»

«Корды? Это вроде шнуров?»

«Вроде, — ответила она. — Только эти шнуры никогда не перетрутся и всегда будут соединять тебя с чудом».

Но прошло несколько лет, и однажды маленький органчик просто не проснулся. Это был «Хохнер органетта» — инструмент, который вряд ли найдешь в ближайшей музыкальной лавочке. Он молча стоял в шкафу, собирая пыль. Не поэтому ли пальцы бабушки Мими стали распухать и искривляться артритом?

«Давай я почию», — сказал Терри Спитценхем, уже старшеклассник.

Руководства пользователя не было, схем электроники — тоже. Может, где-то в Германии и можно было найти специалиста по «Хохнер органетта», но в Оклахома-Сити таковых не имелось. Терри открыл корпус, посмотрел на древние провода и трубки. Проводку заменил, но безрезультатно. Дело в напряжении, говорили его книжки по электронике. Не вырабатывается достаточное напряжение для создания звука. Он пытался так и этак, этак и снова вот так, но органчик молчал. В конце концов он решил его разобрать до винтика и собрать снова.

Инструмент обрел голос, но слишком поздно для бабушки Мими, у которой пальцы больше не могли играть. Но она сказала, что очень хотела бы *послушать*, потому что, когда закрывает глаза и он играет — вот на этой маленькой клавиатуре, где двенадцать черных клавиш и семнадцать белых, — у нее такое ощущение, будто она играет вместе с ним.

Первым купленным им винтажным инструментом был «Хохнер симфоник 320» — настоящая гнусавая и сво-

лочная зараза, завалявшаяся в гараже. Если такие старые черти — не сердце рока, значит, он, Терри, не понимает, что такое рок.

А вот сейчас его минуты отделяют от возможности увидеть — коснуться, *поиграть на ней*, если можно будет — легенду легенд: «Леди Франкенштейн».

— Вот знак! — сказал он и сам поразился детской взволнованности, прозвучавшей в голосе.

«Блю-Чок», было написано на знаке. Тру заметил, что знак поврежден парой близко расположенных пулевых пробоин. Свернув с шоссе 66, он направился по растрескавшейся неровной асфальтовой дороге на север. Впереди расположилась столовая гора, лилоевая над выжженным коричневым фоном пустыни. Проехав шестьдесят футов, Тру плавно остановил «Жестянку» и всмотрелся в боковое зеркало.

— В чем проблема? — спросил Кочевник.

Тру как-то загадочно себя вел сегодня. Что-то происходило, и дело было не только в том, что вторая группа охраны их покинула, как он сообщил музыкантам за обедом.

Тру задержал дыхание. На коленях у него лежала кожаная сумка, где был его пистолет. И Тру очень, очень внимательно смотрел на поворот съезда.

— Тру, в чем дело? — Ариэль проснулась, когда машина остановилась, а сейчас и Берк открыла глаза и вынула наушники из ушей.

— Где мы? — спросила она.

Тру видел летящие по шоссе автомобили. Но высматривал он белую машину, которая могла вдруг свернуть на Блю-Чок.

Все молчали: они поняли, что Тру не просто работает — он был как двухсотфунтовый камертон, только-только завибрировавший от удара.

Белая машина проехала мимо.

Вот тогда Тру позволил себе выдохнуть.

Дав чуть-чуть газу, он повел «Жестянку» вперед.

— Так что это вообще было?

Кочевник глядел назад, но, естественно, ему все загораживал корпус трейлера.

— Хотел убедиться, что за нами никто не следует.

— С чего бы это? — спросила Берк напряженным голосом. — Ты что-то заметил?

— Все в порядке, — ответил он и повел машину в сторону столовой горы.

Местность становилась холмистой, дорога то уходила вверх по заросшим колючкой возвышенностям, то падала в провалы с каменистыми стенами. Время от времени попадались трейлеры с запасными генераторами, потому что на опорах электропередачи, идущих в эту сторону, проводов не было. Машина миновала несколько домов, провалившихся под тяжестью времени. Может быть, здесь была когда-то деревушка, когда шестьдесят шестая была живописной ленивой дорогой, театром База и Тода* в их красном «корвете» с откидным верхом, но сейчас осталась только вешка на пути.

Дорога петляла. Если в этих красных каменных стенах и был синий мел**, то он удачно закамуфлировался. Место это было так далеко от большой дороги, что казалось освежающе чистым — ни пивной банки, ни разбитой бутылки, ни брызг граффити. Не открытая еще страна, подумал Тру. Ну, была когда-то открытой, но природа всегда побеждает.

Машина повернула, и перед группой появился коричневый каменный дом, о котором писал Эрик Геросими-ни в письме к Терри. На самом деле это была пустая ко-

---

* Персонажи старого американского сериала «Дорога 66».

** Блю-Чок (Blue Chalk) — синий мел (англ.).

робка. Заброшенная заправочная станция. Давно заброшенная, судя по виду двух заржавелых древних колонок. Побелевшим от пыли штабелем валялись несколько шин, идеально подошедших бы для «ранчеро» тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

— Черт побери! — сказала Берк, выглянув из окна. — Неужто и вправду бензин когда-то стоил двадцать пять центов за галлон? — Почти нечитаемая металлическая табличка на разбитой стене утверждала, что так и было. — И кто такая Этель?

Тру не ответил на этот вопрос.

Через дорогу стояло с полдюжины остатков домов, от которых сохранилось не так уж много — крыши да коробки, а вокруг лежали камни и куски глины, скатившиеся с расположенного за ними холма. Между двумя развалившимися домами виднелись проржавелые качели на цепях, горка и качели-доска. Бывшая детская площадка.

«Жестянка» проделала еще один резкий поворот, еще один спуск в промытую водой расщелину, и тут асфальт кончился. Дорога стала грунтовой.

— Этот твой друг хотел уйти от мира? — спросил Тру, притормаживая. — Ты уверен?

— Он сказал, что живет в полумиле от бензоколонок, — ответил Терри. — Мы почти приехали.

— Я думаю, если бы я хотел стать отшельником, выбрал бы островок на Карибах, — сказал Тру, но дал газу, и колеса фургона завертелись, поднимая клубы пыли. — Может, я и псих, но я бы так сделал.

Они ехали дальше. Тру то и дело поглядывал в боковое зеркало. Ему не нравилось, что за пылью никого видно не будет. Еще один змеиный извив дороги, и Терри сказал:

— Вот оно.

Справа стояло небольшое обыкновенное беленое строение, ничего особенного. Вполне могло находиться в окрестности любого юго-западного города, если бы ландшафтный дизайнер был минималистом с любовью к каменистым пейзажам. Впрочем, беленые дома в пригородах подключены к линиям электропередачи и не имеют перед собой двух больших металлических ящиков, которые, судя по идущим от них кабелям, могут быть только мощными генераторами. Ближе стало слышно, что они рокочут, как старый самолетный мотор, раскручивающий пропеллер. За домом стоял самый настоящий унитаз, а рядом с ним — приподнятая деревянная платформа с установленной сверху душевой головкой и ведром. Чтобы привести душ в действие, надо было потянуть за привязанную к ведру цепочку. На участке голой глины перед зданием виднелся ветхий пикап цвета кротовой шкуры. Берк подумала, что эта машинка много выпила бензина по двадцать пять центов за галлон.

Тру оценивал картину, посреди которой они оказались. Впереди ярдах в ста стояли два трейлера, дальше грунтовая дорога упиралась в каменную стену, уходящую к небу. В этих трейлерах, очевидно, живут отшельники, мастера дзен. Или же они варят метамфетамины и укрываются от налогов.

— Ребята, вы вестерны смотрели когда-нибудь? — спросил он. Они посмотрели недоуменно. — Про каньон-ящик слыхали? — Ответа не последовало, и он подумал, чему только теперь детей в школе учат. — Ну вот, мы в таком и оказались.

Он остановил «Жестянку» перед домом. Рыжевато-коричневый пес рванул с затененного крыльца, уперся лапами в камни и произнес приветственную речь, которую не мог заглушить даже рокот авиационных моторов.

Терри увидел, что из дома вышел человек, остановился на крыльце и стал смотреть, как они вылезают из фургона. Смотрел так, будто решал, знает он их или нет. Тру прижал кожаную сумку ближе к боку.

Терри крикнул, перекрывая шум генераторов и лай собаки:

— Мистер Геросимини! Я Терри Спитценхем! Из «The Five», помните? Вы мне написали, что я могу приехать...

— Брат мой! — крикнул человек, воздевая руки в воздух. У него была седая борода, ниспадающая на грудь комбинезона и украшенная чем-то вроде металлических бисерин. — *Наконец-то!*

Он зашагал с крыльца походкой энергичного юноши. Лающий пес занял позицию между ним и приезжими.

Эрик Геросимини рождал музыку, пока шел, хотя они ее не слышали. У него в бороде на белых и золотых нитках болтались колокольчики. Он шел босиком. Кочевник подумал, что подошвы этих ороговевших ног должны быть не меньше дюйма толщиной, раз выживают в столь диких краях. Геросимини был худ, плечи у него сгорбились, и на макушке лысина, если не считать оставшихся кустиков седины, а волосы по бокам и на затылке падали на плечи занавесом. На носу у него сидели очки в металлической оправе, похожие на очки Терри.

— Брат мой. Наконец-то вернулся домой.

Господи Боже мой, подумал Кочевник. Этот тип предложит Терри поменяться с ним местами, чтобы он мог выйти наружу и окрасить мир красным, а Терри придется сторожить эти скрытые от мира чертовы органчики, пока его не сменит следующий протак.

Но Эрик Геросимини погрозил собаке пальцем и сурово сказал:

— Стерео!

Лай дворняги стих. Потом рассыпающийся гений «13-th Floors» посмотрел Терри прямо в лицо, замигал светло-синими глазами и тронул его рубашку — сегодня в черно-красных цветочках на сизом фоне.

— Рубашка «босс», — сказал он восхищенно. — Винтажная, шестьдесят шестой? Эйч-Ай-Эс?

— Точно подмечено. — Терри вспомнил, с кем говорит, и добавил: — Сэр.

Геросимини обнял Терри за плечи.

— Заходите в дом. Все. Посмотрите на мечты сумасшедшего.

Они пошли за ним, Стерео обнюхивал их тени.

Глава двадцать восьмая

— Я не знал, застану вас здесь или нет, — сказал Терри, не представляя, что еще сказать.

— Обычно я здесь, друг. Не очень много вылезаю отсюда, но... как у вас там говорят? Все пучком.

— Могу я задать один вопрос? — Тру подождал, пока взгляд Эрика Геросимини остановится на нем. Кажется, у него трудности с фиксацией взгляда. — Зачем вы живете так далеко от города? Тут же ничего вокруг нет.

Взгляд Геросимини скользнул вдоль стрелок брюк Тру и остановился на черных начищенных туфлях. Лукавая улыбка засветилась на морщинистом лице.

— Знаешь, друг, я давно-о-о уже не в деле, но вижу, что совсем не те нынче дорожные менеджеры пошли.

Они сидели в помещении, которое можно было бы назвать гостиной. Здесь имелись надувные стулья флуоресцентных цветов, клетчатый диван, который вполне

мог быть даром шотландской Армии спасения. На дощатом полу лежал синий ковер с изображением луны и солнца. В углу стояло тощее безлиственное дерево в заржавелой металлической кадке, и на его ветвях странными плодами висели разной формы и разных цветов ветровые колокольчики. Под струей питаемого генератором вентилятора они непрестанно и музыкально позванивали. Синий конус благовоний дымился в металлической чашке на столе, сделанном, как решил Тру, из прессованных телефонных справочников. Слабый сладковатый аромат курильницы напомнил Ариэль, как пахнет воздух в Сингин-бич, в Манчестере, после летнего дождя. Вокруг стояло несколько незажженных фонарей со свечами в марокканском стиле, наводя на мысль, что генераторы работают не всегда. Стерео растянулся на полу возле босых ног хозяина, жуя гигиеническую резиновую кость.

И не в каждой гостиной стены до последнего квадратного дюйма облицованы акустической звукопоглощающей плиткой. Окна прикрывали бамбуковые жалюзи. Кое-где на плитках стены висели постеры с изображениями моста Золотые Ворота в Сан-Франциско, зубчатой величественности Биг-Сура и горизонта Сиэтла с «Иглой космоса».

Геросимини принес маленькие фарфоровые чашечки с водой красноватого оттенка из фонтана «Львиная голова», которую, как он сказал, прислал ему такой же оборотень* из местности, называемой Чэлис-Велл в Англии. Потом произнес полутост-полумолитву насчет того, что мир должен быть исцелен силой мистических вод и начинается это исцеление прямо сейчас и прямо здесь.

Кочевник подумал, что вкус у воды — будто в ней ржавые гвозди размачивали. Он пару раз глотнул и решил,

---

* Игра на сходстве слов «дауншифтер» (downshifter) и «оборотень» (shapersifter)

что мистическая это вода или какая-то другая, но вывихом челюсти от спазма он рисковать не будет.

— Так далеко от города, — повторил Геросимини часть вопроса Тру. Он развалился в ярко-оранжевом надувном кресле. Ветровые колокольчики тихо позвякивали под вентилятором, а Стерео грыз свою искусственную косточку. — И ничего вокруг. С чего вы это взяли, мистер менеджер?

— У меня два глаза, и оба видят.

— Вы *уверены*, что видят?

— Вполне.

Тру еще отпил воды, окрашенной оксидом железа. Не так уж и плохо, но сколько бы он прямо сейчас заплатил за стакан холодного чая!

— А вы? — спросил Геросимини, обращаясь к Ариэль. — Вы очень молчаливы. Тоже считаете, что здесь вокруг ничего нет?

Она пожала плечами, не очень понимая, какого ответа он от нее ждет.

— Наверное, я...

— Нет, — перебил он. — Говорите, что на самом деле думаете.

— Я думаю... — Она видела, что он оценивает ее, и решила сказать ему, что думает на самом деле. — Я думаю, что ночью здесь ветер, и когда идешь через него, слышишь музыку, голоса... или музыку и голоса вместе. Я думаю, что здесь небо со звездами, которое глаза вышибает начисто. Я думаю, что краски заката и рассвета не повторяются никогда. Я думаю, что тут можно плавать в лунном свете, если захочешь. Я думаю, здесь можно стоять в синей прохладе вечера и ощущать запах океанских волн, что когда-то здесь плескались. — Она прямо сейчас чувствовала их запах — от дымного конуса в курильнице. — Я думаю, что камни передвигаются, когда

на них не смотришь, но если смотреть пристально, то когда-нибудь это заметишь. Я думаю, что в облаках можно увидеть сто тысяч картин — и никогда дважды одну и ту же. Я думаю, что если как следует постараться, то можно увидеть и ангелов.

— А дьяволов? — приподнял седые брови Геросимини. — Их-то, если как следует постараться, тоже можно увидеть?

Она кивнула:

— Да. Но мне бы не хотелось стараться.

Он посмотрел на остальных гостей с улыбкой, говорившей им, что тихие воды — самые глубокие.

— А вы что на это скажете, мистер менеджер?

— Скажу, что я, наверное, близорукий, — ответил он, и это было правдой.

От этих слов гений «13-th floors» рассмеялся. Звук явно был очень необычен, потому что Стерео оторвался от своей кости и издал странный вопросительный возглас, средний между визгом и рычанием. Потом снова стал жевать кость.

— Моя очередь спросить, — объявил Кочевник и заметил, что Терри глядит на него со страхом, не зная, что сейчас вывалит Джон его герою. Кочевник, естественно, слышал о группе «13-th floors», и Геросимини завоевал в его глазах уважение оставленным пылающим следом, но вот этот бородастый шестидесяти-с-лишним-летний мешок хипповской пыли казался ему просто старым шутом. — Вы тут назвали Терри братом и сказали, что он наконец-то вернулся домой. Это что должно значить?

— У меня нет компьютера, — ответил Геросимини и долго сидел молча, так долго, что Кочевник решил, будто тонны кислоты, проглоченные за долгие годы, взорвали его мозг психоделической бомбой. Но тут старик допил чашку своей чудной воды. — Получив письмо от Тер-

ри, я поехал в город, в интернет-зал библиотеки. Зашел на ваш сайт. Отличный сайт, ребята. Клевый, навигация простая. Посмотрел ваши видео. Написал Терри, что купил один из ваших дисков. Их нелегко найти. Но... понимаете... я знал вас всех до того, как вы родились.

— Правда?

Кислотная бомба, неслабая.

— Правда. Ты был ведущим вокалистом «Mojo Ghandis» и ведущим вокалистом «Freight Train South». Ты на сцене был фронтменом у «The Souljers», и еще ты до кровавого пота пахал у Прауда Пита и у «The Prophets». И я тебя знал, не сомневайся. Видел, как ты выгораешь на сцене, заводишь публику, много-много вечеров. Много-много концертов. — Голова с паутиной седых волос кивала, синие глаза смотрели на Кочевника, не мигая. — Ариэль я тоже знал. Она была той, к которой ты шел, когда надо было спуститься на землю. Когда в высокой тьме становилось зыбко и страшно и нужно было надежное убежище, куда приземлиться. Она была той, что говорила тебе то, чего ты не хотел слышать, потому что она была одной из немногих — из *очень* немногих, которым было не наплевать, жив ты или нет. А Терри... ну да. Он тоже был. В скольких группах, за сколькими клавишами — кто сочтет? Но он всегда был там, где он должен быть, где он нужен.

Геросимини перевел взгляд на Берк.

— Вот с тобой непонятно, — сказал он, — знаю ли я тебя или нет. В мое время — нет. Женщина-ударник — это был бы фрик. Фиг знает, может, ты и есть фрик. Но я знаю одно: ты можешь заткнуть за пояс любого, кто сидел позади *меня*. Так что прими комплимент от старого крокодила, который ударников так выводил из себя, что они рвались прочь из группы любой ценой, даже ценой прыжка в окно. Как тот парень, про которого ты слыша-

ла, наверное, что в «Холидей Инн» прыгнул в бассейн и женщине спину сломал? — Геросимини широко улыбнулся. — Померещилось ему, дебилу, что мы у края парковки стоим. — Вдруг лицо помрачнело: — А где ваш бабист?

Тут до них всех дошло, как встряска, что Эрик Геросимини понятия не имеет, что пережила группа «The Five» за последние двадцать четыре дня. Без компьютера, без сети, наверняка без телевизора и радио, может быть, с нелюбовью к чтению газет и журналов... он действительно решил оставить побольше миль между собой и современной цивилизацией. Может быть, подумал Кочевник, он и музыку уже не любит.

— Майка с нами нет, — сказала Берк. — Но мы его потом нагоним.

— Непревзойденный, — оценил Геросимини, подняв большой палец. — А, да... твой вопрос. — Он повернулся к Кочевнику: — Терри — мой брат, потому что чувствует любовь. К тому, что мы делаем. Что мы чувствуем, когда играем. И я сказал, что он наконец пришел домой, потому что он давно уже сюда хотел. Не именно в эту точку, нет, а туда, где я. Я знаю, что мной было сделано, знаю, кто я. А Терри вроде как в родстве со мной. Вот он и пришел к своим родным. И не только, есть еще одно. Хочет познакомиться с леди. Правда, Терри?

От этого вопроса сердце у Терри забилося чаще. Момент близился.

— Да, — сказал он.

Геросимини встал, и Стерео тут же последовал его примеру.

— Позволь мне тебя представить.

Все пошли за ним в тесную кухню, оттуда через скользящую металлическую дверь в комнату побольше в глубине дома. Геросимини шелкнул выключателем. Загоре-

лись неоновые лампы, и Терри подумал, что это — первая ступень лестницы в небо.

В этой комнате стены тоже были облицованы белой акустической плиткой. Пол бетонный, серый. Стояли несколько пар колонок разной величины, на столе — микшерный пульт на двадцать четыре дорожки, кресло для работы за этим пультом и кабели, соединяющие пульт с предметом, который Тру наверняка узнал, — многодорожечный катушечный магнитофон. Рядом с консолью — деревянная этажерка с блоками эхо и эффектов, компрессоры, лимитеры и прочие студийные принадлежности. Вся аппаратура выглядела не слишком новой, а часть ее была определенно винтажной: конец шестидесятых — начало семидесятых. Если хоть что-то из этого барахла работает, коллекционеры уписались бы от восторга, подумал Кочевник. Антикварные микрофоны разных конструкций ждали работы на своих стойках. В пластиковом контейнере свернулись клубком змей кабели, настенные провода и силовые шнуры.

У левой стены студии стоял второй стол, меньше, чем тот, что с микшером, а на нем — пишущая машинка. В каретке зажат лист бумаги, на нем что-то напечатано. Рядом стопка бумаги, жестяной стаканчик с карандашами и ручками, пепельница с выкуренной наполовину толстой сигаретой, которую Тру решил не рассматривать пристально. Справа — верстак с разными частями схем и проводов.

Терри смотрел только вперед. В студии Эрика Геросимини его внимание привлек только ряд крышесносных винтажных органов и электрических пианино, господствовавших над местностью.

На несколько секунд у него остановилось дыхание. Что-то в мозгу получило такой сильный и такой глубокий удар от электрического стимулятора удовольствия,

что автоматические функции жизнеобеспечения чуть не отключились. Но в конце концов он сообразил, что надо действительно набрать в легкие воздуха — прочистить голову и не дать себе отключиться, потому что второго такого момента в его жизни просто может не быть.

Он быстро оценил, на что именно смотрит: «Вокс континенталь ЮК», версия 1 с классными черными клавишами, год 1962. Красный, как пожарная машина, «Вокс ягуар 304», построенный, чтобы зажигать на танцполе. Серебряный верх электрического пианино «Родос» 1968 года, старый заслуженный воин «Родос марк 1», семьдесят пятого, синтезатор «АРП» — нет, *два* синтезатора, с одного снята крышка, видны внутренности и, наверное, разобран на запчасти. Красивый «Роланд юпитер 8», «Минимуг вояджер» и «Муг соник 6», «Профет 600» с выпавшими клавишами на верхнем конце, «Родос хрома», непонятный прибор в чемодане с маркой «Соник», с синей клавиатурой, с панелью управления с разноцветными ручками и чем-то вроде перфорированной платы для представления осцилляторов, прекрасный инкрустированный деревом с двойной клавиатурой ранний «Меллотрон», глянцево блестящий «Пантер дуо 2200», инструмент «Партридж фэмили», сценический, но вполне способный отвязно зажигать в любом байкерском баре, элегантный и слегка высокомерный серый «Дорик», две причудливые стойки «Кастом комбос», обитый искусственной кожей «Зодиак», соединяющий клавиатуру со сценическими колонками, одна синяя, другая желтая.

Он увидел изящные «Фарфисы» и «Кордовоксы» с эффектом «Астросаунд». Статридцатифунтовую винтажную «Ямаху» с двойной клавиатурой, год выпуска примерно семьдесят второй. Еще он увидел «Джемы»: «Караван», «Спринтер» и «Джокер-61». А дальше шли инструменты, которых он не знал, без имен и марок. Те, что

родились в расширенном кислотой мозгу Эрика Геросимини.

Узкая серебристая клавиатура с крыльями, как у истребителя, ждущего взлета. На крыльях, что выгнулись назад по обе стороны от играющего, расположились десятки тумблеров. Дальше громоздился черный синтезатор пяти футов высотой и шириной фута четыре. Над кроваво-красной клавиатурой нависли ряды переключателей, разноцветные кабели соединяли между собой разъемы, на грубом выступе инструмента расположились десятки рукояток и зловещий разбитый винный бокал на металлическом подносе.

И еще инструмент в форме руки, с рядами серых круглых кнопок, реагирующих на касание или нажатие каждой своего пальца. Симфония для одной руки. Какая-то штука, похожая на гибрид арфы со стиральной доской. Клавиатура на пять клавиш, три белых и две черных, с консолью управления, похожей на распушенный павлиний хвост. Рядом — красное акустическое пианино с сероватыми клавишами, из открытой верхней крышки торчат пустынные растения и кактусы. Это Геросимини экспериментирует с органическими демпферами звука? Пытается создать природный звук, используя элементы природы?

— Это что? — спросил Терри.

Геросимини выгнул шею, обернулся.

— А, это у меня кашпо.

А дальше... всего в пятнадцати футах, за кашпо, стояла она, белая, чистая, на четырех блестящих алюминиевых ногах.

Геросимини подошел к стене, открыл металлический футляр и потянул рычажок. Как включился второй генератор, слышно не было, но вибрация пола сделалась ощутимой. На центральном пульте загорелись зеленые

огоньки. На инструментах вспыхнули разноцветные лампы, одни ровно, другие стали пульсировать. Это был торжественный гул жизни.

— Брат мой, — сказал Геросимини, обращаясь к Терри, — можешь играть что хочешь. Ты у себя дома.

Терри опустил голову. В тишине текла по его щеке слеза радости.

— Мистер Геросимини? — спросила Ариэль с другого конца студии. Она подошла к пишущей машинке — из профессионального интереса, посмотреть, что делает Геросимини. — У вас новый проект?

Она вспомнила письмо, которое читал Терри. «Я работаю над настоящей вещью», — писал Геросимини.

— Новый. — Он пробрался по лабиринту и встал рядом с ней. Все прилепленные лентой к полу кабели были ему знакомы, как и каждая вилка в каждом штепселе, и он мог пройти между ними в полной темноте, ничего не зацепив. — Я это пишу уже некоторое время.

Ариэль не хотела смотреть, что он там напечатал на бумаге или что мелькнуло перед глазами, когда она увидела напечатанное, зачеркнутое и снова напечатанное на других бумагах в муках творчества. Она не хотела подвергаться влиянию чужой поэзии, когда собственная песня еще не дописана. Майк внес свою долю, Джордж свою, Терри и Берк — тоже. Но Джон — нет. Пока нет. А она, хотя и добавила строчку, чувствовала, что ей выпадет заканчивать песню, сложить ее из элементов. Найти в ней смысл, если таковой в ней должен быть. Пока что в ночной работе со словами ничего в голову не пришло. Терри попытался добавить несколько строк, но вычеркнул все. Похоже, его часть закончена. Или нет? Берк дальше участвовать не хотела, но пожелала Ариэль успеха.

Ариэль подумала, что Джон боится этой песни. Не хочет о ней говорить. Не хочет даже смотреть на нее. Ут-

ром он сказал, что сегодня, десятого августа, — семнадцать лет как в Луисвилле, Кентукки, погиб его отец. Он сказал, что тоскует по отцу и что Дин Чарльз был очень хорошим музыкантом. Дин Чарльз знал, как надо играть для публики. Как дать ей то, за что она деньги платит. Свою роль музыканта он знал. Но, добавил Джон, отец никогда не знал, как это — быть хорошим человеком. По крайней мере с теми, кому он больше всего был дорог.

«Я — не мой отец», — сказал он, обращаясь к Ариэль.

«Я знаю, что ты — не он», — ответила она.

Он сказал, что когда-нибудь расскажет ей все целиком, и она сказала, что будет ждать, пока он созреет для рассказа.

Но эта песня... Джон, который не боится ничего, боится этой песни.

И все же он не выбросил ее. Он не велел смять бумажку и сжечь или разорвать на клочки и бросить в помойку мотеля, когда они уезжали.

Нет. Ариэль поняла, что закончить песню он предпочитает ей.

Но она тоже боялась, и боялась того, что может ошибиться, что может как-то все испортить, что смысл и цель будут загублены из-за неверного движения руки человека или несовершенства его ума. Ничто, созданное человеком, не совершенно, и ничто не может быть совершенно. Но что хотела девушка у колодца, о чем должна *говорить* эта песня? Чем хотела она, чтобы эта песня *стала*?

— И называется «Эпицентр».

— Кто называется? — переспросила Ариэль.

— Мой проект. Моя рок-опера. — Геросимини стоял рядом с девушкой, а стоящий неподалеку Кочевник перестал рассматривать весь этот старый хлам и стал слушать, а Тру подошел ближе, чтобы тоже слышать, а Берк, хоть и кривилась на барабанную машину на стойке эф-

фектов, тоже ухо насторожила, слушая старого хиппи, а Терри в противоположном конце студии, уже готовый коснуться прохладной белой красоты «Леди Франкенштейн», услышав слова «моя рок-опера», остановился, отвернулся от клавиш и подошел к ее создателю поближе. — Работа не закончена, есть только несколько отдельных кусков, — объяснил Геросимини. — Хотите послушать?

— Нет, — ответила Ариэль, и Терри чуть на пол не рухнул. Но понял ее, когда она добавила: — Мы сейчас работаем над очень важной вещью. И не должны, я думаю, пускать сейчас себе в голову ничьи стихи и ничью музыку. Хотя, конечно, спасибо.

— О'кей. — Геросимини был разочарован, но пожал плечами. — Я понимаю. Не хотите мутить воду в колодце.

— Именно так, — согласилась она.

— «Эпицентр», — сказал Тру. — Это про девять-одиннадцать?

— Угадал, друг. Про девять-одиннадцать, и про девять-десять, и про девять-двенадцать, и про девять-десять, и про каждый день.

— Про каждый день?

— Именно. Про войну, которая идет каждый день, мистер менеджер. Каждый час и каждую минуту. Про тихую войну. Которая не кричит в заголовках, пока не случится какого-нибудь ужаса, после которого люди мучительно ломают себе голову, как могло случиться *такое*. В толк не возьмут, как они могли думать, будто знают этого милого человека с соседней улицы. Того самого, что утром как-то проснулся и поехал с винтовкой в ближайший магазин. Школьника, который запер соучеников в классе и стал палить по ним из автомата. Ту почтенную мать семейства, что не могла больше выносить давления и сдалась голосам, велевшим ей утопить детей и тем дать им лучшую жизнь. Вот это и есть — «Эпицентр».

— Эпицентр *чего?* — спросил Кочевник.

— Человеческого страдания, — ответил ему Геросимини. — Эпицентр души.

Кочевник глянул на Ариэль, но она не сводила глаз с хозяина дома, а тот сказал Терри:

— Давай. Не стесняйся. Не ты первый ее нашел, но ты самый молодой из всех. Она ценит прикосновение молодости.

Терри не шевельнулся. Он все еще переваривал то, что сказал Геросимини о своей рок-опере.

Заговорил Тру:

— Вы о какой войне говорите?

— О той единственной. — Геросимини несколько секунд глядел на Тру в упор, при этом едва заметно улыбаясь грустной улыбкой. — Войне духа. Войне между духами, друг. За души людей. За умы и сердца их. За их *руки*, потому что это то, что им нужно на самом деле. Без людских рук они — ноль, разве ты не понимаешь?

— То есть добро против зла? — спросила Берк. — Как в комиксах?

— В этой результат не фиксирован и не предопределен. И ладно, если хочешь, называй ее «добро против зла». Свет против тьмы. Созидание против разрушения. Я не знаю, что это такое, но верю, что оно — есть.

Раньше Кочевник бы подумал, что это опять кислотная бомба, но сейчас, после всего, что пришлось испытать... особенно после этого хмыря Коннора Эддисона...

«Ангелы очень ею обеспокоены», — сказал этот псих из трейлер-парка.

Он, наверное, решил, будто слышит на высокой частоте то, что пробегает по его линии связи. Будто принимает всю информацию из «Радио Стоун-Черч», или как называется та станция, по которой темные сущности по ту сторону стекла пересылают свои бюллетени отмеченным.

Уж насколько он ненавидит больницы, но, наверное, надо будет лечь полечиться, когда вернется в Остин. Пусть проверят, нет ли опухоли мозга, а если даже ничего не найдут, то хочется полежать на этакой койке, которую можно поднимать и опускать, и чтобы снотворные давали и еще что-нибудь для хорошего самоощущения, да смотреть самые тупые телепередачи, пока все вот это вот не превратится в смутные воспоминания, как кошмарный сон.

— Эпицентр, — сказал Геросимини, обращаясь теперь к Ариэль, — это то место, где на самом деле происходит война. В мире страдает каждый, каждый знает какую-то боль, разочарование, неудовлетворенность. Потому что мир такой. Он устроен не так, как тебе хотелось бы. Самые богатые люди мира, самые красивые кинозвезды — они это знают. Этого знания никому не удастся избежать. И смотри: одна сторона стремится это еще усилить и вгоняет клин, расширяя щель, проделанную болью, потом влезает туда, в душу и разум, и говорит тебе, что ты неудачник, что твою долю расхватывает кто хочет, что люди смеются тебе в спину, потому что ты — старый, бывший, с сердцем, полным только сожалений. Что бы ни было им нужно сказать, однако это им сказать нужно. И ой, да, — они это умеют профессионально. Но другая сторона хочет эту трещину залечить. Это не значит — сказать тебе, что никогда больше не будет страданий, разочарований или *несправедливости*, потому что это неправда — наш мир состоит из людей, и человеческих неудач и провалов ожидать следует. Так уж он устроен, наш мир.

Но, — продолжал Геросимини уже тише, — та сторона, что хочет залечить трещину, не станет делать это за тебя. Она, быть может, тебя подтолкнет или покажет первый шаг, но не будет водить твоей рукой всю дорогу. Решение твое, и тебе его выполнять. А почему?

Обратив искрящиеся глаза к Тру, он оставил вопрос висеть в воздухе.

— Скажите сами, — ответил Тру, когда молчание Геросимини затянулось.

— А потому что, — сказал гений «13-th Floors», — одна сторона хочет, чтобы ты был слаб и чтобы эту слабость распространял как заразу, а другая сторона хочет, чтобы ты был сильным и другим помог обрести силу. Но найти эту силу ты должен сам. Я так считаю, брат мой Кемосабе.

— Да какое им вообще дело? — спросила Берк, и голос ее прозвучал хрипло, а глаза смотрели дико. — Если они вообще существуют, какого они вообще нами интересуются?

— Это ты у них спрашивай, сестра. Не думаю, что ты получишь ответ — я ни разу не получил. Может быть, это можно назвать игрой — хотя это всего лишь слово нашего языка. Может, дело чести. Может, это действительно что-то значит в схеме мироустройства. Но я тебе скажу: я не думаю, что это ничего не стоит. Иначе вряд ли я стал бы писать на эту тему рок-оперу.

Кочевник снова посмотрел на Ариэль, и она на этот раз не отвела глаза.

— Я должен спросить у вас двоих, — сказал Геросимини. — Это была драка? Кулаками в смысле? И глаз и нос при этом пострадали? Если так, то одно в группах не изменилось: чем больше страсти, тем больше синяков. Но все равно вам нужно чувствовать любовь. — Он отвернулся и пошел пробираться по кабелям и между клавишными к Терри. — Давай, друг. Чего ты ждешь? Окажи ей внимание.

Он подвинул вращающийся стул от верстака и поставил перед «Леди Франкенштейн». Терри сел.

Красные огоньки консоли горели ровно, кроме одного в центре, который медленно пульсировал... пульсировал... пульсировал...

Терри заиграл — пробуя струны, как бабушка учила.

«Леди Франкенштейн» заговорила. Сперва голос у нее был словно спросонья, чуть мутноватый, чуть медленный. В конце концов, она была уже не первой молодости, и реакция не самая быстрая. Цветущие годы ее прошли задолго до эпохи диско, и у нее был голос женщины, которая полно и свободно жила своей жизнью, распустив длинные волосы в искрах прожекторов, и глаза у нее блестели от ожиданий и обилия возможностей, но сейчас она уже седеет и стала чуть мрачнее, и носит она шарф черного бархата, потому что ей не очень нравится, как меняется у нее шея, дорогой мой, и она думает, что сегодня сядет вот здесь, подальше от прожекторов, и сегодня — только сегодня — с удовольствием посмотрит, как танцуют другие.

Терри прошелся по первой череде аккордов, чтобы почувствовать клавиши, потом заиграл написанную им самим песню «У меня под окном» — о юноше, который смотрит, как проходит каждый день красивая девушка, но никак не наберется храбрости с ней заговорить, и тут он заметил, что красный сигнал на консоли «Леди Франкенштейн» начал пульсировать быстрее. И еще быстрее. И еще.

Эрик Геросимини сказал правду: она и вправду ценит прикосновение молодости.

Ее голос — женский, теплый, понимающий — плыл из двух внешних колонок, по обе стороны от нее. Как будто кто-то пел чистым прохладным голосом, но под этим голосом слышался и другой. Вдруг включались несколько голосов, и Терри понимал, насколько сильно уда-

рил по клавишам. Слабо — один голос, сильнее — гармония двух или трех. «Леди Франкенштейн» была не просто женщиной — она была вселенной женского пола.

А потом было самое поразительное. Эрик Геросимини вышел и встал возле Терри, и начал правой рукой играть вместе с ним, и голос стал иным — темнее, может быть, грубее чуть-чуть — под прикосновением его пальцев, и Терри подумал, не встроены ли в клавиши тепловые сенсоры, что-то, передающее личную энергию в электрические цепи и создающее закольцованный эффект настроения, о котором он слышал, но голос — голоса — «Леди Франкенштейн» менялся в зависимости от состояния того, кто на ней играет.

Он хотел было остановиться и спросить Геросимини, как это может быть. Хотел узнать, нет ли в быстро бьющемся сердце леди термоакустического элемента, превращающего в звук тепло человеческое. Узнать, как сделаны ее схемы, увидеть самому сложное переплетение жил-проводов, соединяющих ее в единое целое.

Но нет.

Не хотел он этого.

Потому что она была — и он знал это — источником того, что пробудилось в каждом из них в детстве. Того, что они слышали и сберегли, а другие дети не слышали или не сберегли. Того, что до сих пор в каждом из них осталось, спрятанное глубоко и надежно.

Она была — волшебство.

Слушая ее музыку, слыша голоса ангельского хора, в который проникло несколько испорченных девчонок, Тру хмыкнул и сказал:

— Вот так и бывает, когда подумаешь, что нет ничего нового в этом старом мире.

Ариэль повернула голову — будто поймать ушами эти слова, пока они не испарились навечно.

— Как ты сказал?

— Сказал, что стоит только подумать, будто ничего нового не бывает.

— Нет, — ответила она. — Это не все.

Он понятия не имел, о чем она. И перематывал память к началу, когда вдруг Стерео бросил свою кость и начал яростно лаять на переднюю стену дома. Ловко перепрыгивая через кабели и разветвители, пес подлетел к двери, разрываясь от лая.

Терри и Геросимини продолжали играть, и «Леди Франкенштейн» выпевала десяток клубящихся гармоний.

— Что это с псом? — спросил Тру. — Музыки не любит?

— Музыку любит, — ответил Геросимини, не поднимая век, отяжелевших от наслаждения голосами. — Уши — дай Бог. Автомобилей не любит.

— А-а, — сказал Тру. И тут до него дошло.

— Сосед проехал, — пояснил Геросимини. — Уолли, наверное, на моце своем.

Но он обращался к пустому месту, потому что Тру уже мчался прочь из студии, не глядя ни вправо, ни влево. Протягивая руку к двери, он положил другую на рукоять пистолета. Стерео устроил у дверей собачий ад, рвясь наружу. Наверное, так Геросимини узнал об их прибытии. Тру подошел к окну, отвел бамбуковую штору, но увидел только плавающие в воздухе волны коричневой пыли.

Сняв пистолет с предохранителя, он чуть приоткрыл дверь. Но Стерео было не до осторожности: он вылетел наружу, как лающий таран. За ним на крытое крыльцо вышел Тру, высматривая автомобиль, которого не было.

Только пыль, и Стерео лаял посреди дороги, расставив лапы и устремив пасть на юг.

Единственная дорога наружу.

Два генератора создавали непрерывный гром, и он отдавался от скал. Тру посмотрел направо, где стояла пара

трейлеров. Пыль туда не доходила. Пусть он слегка близорук, но фургон «фольксваген» перед одним из трейлеров видит. Рядом с другим стоит здоровенная старая уродина, похожая на «АМС Гремлин» на четырех блоках. У одного приятеля в колледже такая была. «Коробка смерти» — обозвал ее Тру в тот день, когда у нее на ходу стал разваливаться двигатель. Рядом с «гремлином» стоял мотоцикл.

Тру повернулся к югу. Стерео перестал лаять и принюхивался к чему-то, что поспешно перебегало от камня к камню.

К шуму генераторов в доме Стерео привык, подумал Тру. Но только чувствительные уши собаки могли уловить звуковые частоты автомобиля или мотоцикла через звуконепроницаемую облицовку.

Единственная дорога наружу.

Машина остановилась перед домом и сдала задним ходом. Вероятно, обогнула дом зигзагом. Водитель не мог не заметить конца дороги там, где стояли трейлеры.

Тру еще раз проверил сотовый. Ни одной палочки. В этом каньоне сеть не ловится.

— В чем проблема? — спросил Кочевник, выглядывая из дверей. Ему приходилось говорить громко.

— Сделай мне одолжение, посмотри: есть у тебя сигнал на телефоне?

Кочевник попробовал.

— Нету. — Он увидел, как помрачнели глаза Тру, и сердце у него стукнуло сильнее. — В чем дело?

— Вот что, — сказал Тру. — Похоже, нам надо уезжать. Прямо сейчас.

— Слушай, ты меня достаем.

— Моя задача — сохранить вам жизнь. Если для этого надо тебя доставать, я достану.

— Я думал, у тебя задача питего ипо* — поймать Дже-реми Петта живым и сдать в психушку.

Тру смотрел на траекторию. Пыль все еще висела над дорогой. Была, кажется, песня под названием «Кривая мертвеца»... Эх, не вовремя вспомнил.

Он сделал движение к двери, Кочевник отступил, давая дорогу, и Тру вернулся в студию, где все еще пел хор женских голосов. Застегнул сумку.

— Ребята, — сказал он. — Нам пора.

— Да ты что! — вскрикнул Терри. Он перестал играть, Геросимини следом, и «Леди Франкенштейн» замолчала, но ее красное сердце все еще бурно билось. — Как это — *пора?*

— Что случилось? — спросила Ариэль. Она ощущала исходящее одновременно от Джона и Тру сообщение, что не все в порядке в поселке Блю-Чок.

— Надо ехать, — сказал Тру. — Прямо сейчас.

— Да ну что ты! — подошел к нему Геросимини. — Вы же еще должны поужинать. Я состряпал целый котел чили, и еще у меня есть грибы — *fabuloso* волшебные!

— Спасибо, мы не можем остаться на ужин. Терри, пойдем.

— Тру, ну прошу тебя! — Терри развернулся на стуле, не желая вставать. — Еще хоть час, ну *пожалуйста!*

— Попало дерьмо на вентилятор? Верно? — спросила Берк трезвым голосом.

Тру посмотрел на обращенные к нему лица. Все они ждали ответа. Он пошевелил в руке кожаную сумку, ощутив успокаивающие контуры пистолета. Впрочем, на дальней дистанции против винтовки почти бесполезен. Но оставаться нельзя. Вечно тут не просидишь. Может, это кто-то сбился с дороги, проезжая мимо. «Ага, размеч-

---

* номер один (*ит.*).

тался». Да нет, может быть. Все же считают, что Джереми Петт в Мексике. Так почему же он думает, будто Джереми Петт сидит в своей машине на той стороне этого изгиба? В *своей* машине? Белая машина, которая проехала мимо поворота? А что тогда случилось с темно-синим пикапом Петта?

— Да остынь, мистер менеджер, — сказал Геросимини с сердцем. — Дай ты Терри этот час. Ладно, если грибов не любишь, у меня есть отлично быющая по шарам ганджа, прихватил с Ямайки, когда был там последний раз.

— С *Ямайки*? — недоверчиво спросил Кочевник. — Ты?

— Ага, я. — Лицо этого кислотного старика вдруг расплылось в понимающей улыбке. — Ох, Боже мой. Ты думал, что я... ну, типа нищий? Далеко нет. Слушай, где-то в восьмидесятых я кое-какие свои идеи продал «Роланду», и там по ним построили синтезаторы. Мой бухгалтер говорит, что я стою больше шести миллионов долларов. Я никому из своей группы не говорил. Ребята хорошие, но среди них есть слабаки, они бы на меня насели ради денег. Мы со Стерео ездим каждый год на Ямайку на пару месяцев. Люблю океан. Рыбалка на глубокой воде, ром, классные косяки, все прочее такое. На следующий год договорился с ремонтной фирмой — пока нас не будет, тут все переделают. Под солнечную энергию. Терри, ты на чем-нибудь роландовском играл?

— У меня «Джей-Ви-80».

— Тоже с моим участием. Я ж сказал, все получились хорошие.

Тру посмотрел на пол, на черные туфли.

Он не знал, что сказать своей группе. Надеялся, что язык сам найдет слова, когда начнет говорить, потому что мозги в эту сторону крутились очень халтурно.

— Берк, — сказал он. — Какое-то время вполне можем тут побыть. Ты же меня знаешь, у меня просто начинается зуд в ногах, если мы сидим на месте. — Он быстро глянул на Ариэль, которая его тоже знала. Потом на Терри. — Тридцать минут — пойдет?

Терри задумался. Бросил взгляд на красавицу клавиатуру, о существовании которой просто не знал мир. Столько надо сыграть, а времени так мало.

— Переживу, — ответил он.

— Отлично. Это и в самом деле отлично. — Тру кивнул и снова коснулся контуров пистолета в кожаном чехле. Мало толку от него против винтовки, но ничего другого нет. Хотя... — Слушай, ты не охотник? — спросил он Геросимини.

Если он рыбак, может быть...

— Терпеть не могу ружей, — ответил Геросимини. — Еще сильнее, чем Стерео — машин.

— О'кей, я так. Из любопытства. — Тру улыбнулся Ариэль: — Пойду пройдуся. Поблизости. Знаешь, мне же трудно усидеть на месте.

Он отвернулся от своей группы и пошел к входной двери и к дороге, что вела на юг.

Глава двадцать девятая

На туфлях лежала пыль. Она взметалась с каждым его шагом. Поскрипывали под ногами камешки. Потом мелькнула на земле другая тень. Она догоняла сзади, расстояние сокращалось.

Когда тень догнала и пошла рядом, Кочевник спросил:

— Ты спятил на хрен?

Тру держал пистолет в руке, опущенной вдоль тела, шел быстро по извиwu дороги, жаркое солнце светило сбоку в лицо, на спину и на плечо. Кочевник не отставал.

— Тебе бы лучше вернуться, — сказал Тру.

— Ты думаешь, это он там? Думаешь, он за нами следовал и сейчас там сидит и ждет? Но если так, что толку будет, если ты дашь ему себя *увидеть*? Ты думаешь, подойдешь к нему, предложишь ему сдаться ФБР, и вот оно — время героя? Ага! Не смеши мои тапочки. Он тебе мозги на хрен вышибет раньше, чем ты...

Тру резко остановился и повернулся к нему:

— Я тебе уже говорил, чтобы ты перестал ругаться! — Глаза у него горели. — Для общения это не нужно. Это *унизительно*, а ты не заслуживаешь унижения. Вылезь из помойки, понятно?

Они смотрели друг на друга в упор, тапо-а-тапо*.

Потом Тру снова зашагал на юг, Кочевник отстал на шаг, но догнал.

— И чем нам поможет, если он тебя застрелит? — был его следующий вопрос. — Если тебя *убьют*, нам что делать?

— Я только посмотреть. Очень осторожно. Высунуть шею за этот поворот.

— О'кей, ладно. Но если он тебя увидит первым — а судя по тому, что ты о нем рассказывал, так оно и будет, — он тебя уложит, перезарядится и пойдет за нами. Пусть он не знает твоего лица, но он знает, что ты с этой группой. У тебя в руке пистолет... дальше он сообразит. Может, он ехал за нами вчера из клуба и встал достаточно близко, чтобы следить за мотелем. Может, он видел, что «юкон» уехал, и тоже это учел. А может быть — может быть! — его там вообще нет. Но я не стал бы вылезать за

---

* лицом к лицу (*исп.*).

поворот и выяснять, потому что эти бл... эти пули летят куда быстрее меня.

Тру продолжал идти. Кочевник заговорил, стараясь убедить:

— Послушай, а если попросить Геросимини выехать на своем грузовике и разведать, как там и что? Если увидит, что кто-то ждет, позвонит по телефону. Позовет на помощь.

— Если Петт там, он знает, что мы у него как на ладони. И вряд ли он кого-нибудь выпустит. Ты хочешь взять на себя ответственность за смерть этого человека?

— Судя по ходу вещей, мы не проживем столько, чтобы быть за что-то ответственными. За что бы то *на хрен* ни было, — сказал Кочевник, подчеркивая каждое слово.

— Это была большая ошибка, — ответил Тру. — Сюда приезжать. Очень, очень большая ошибка.

— Хочешь сказать, это Терри? Постой! — Кочевник поймал Тру за тенниску, остановил.

Солнце палило жаростно. У Тру на лбу блестел пот, и Кочевник тоже чувствовал промокший воротник футболки.

— Не надо дальше, прошу тебя. *Пожалуйста*, не ходи дальше.

— Джон, я делаю свою дело.

— Ваше *дело*, мистер менеджер, — *протащить* нас через это турне. До конца. — Кочевник придвинулся, практически лицо в лицо. — Что бы для этого ни потребовалось. Держать на ходу фургон, находить нам место, где спать, место, где постирать одежду. Следить, чтобы никто едой не отравился, а если на дороге понадобится врач, твое дело это организовать. Изю всех сил поддерживать перепутанную звуковую аппаратуру, добиваться толку от владельцев клубов, которым глубоко на все плевать. Го-

ворить нам, что мы классно выступили, когда мы все знаем, что лажанулись, но в следующий раз зато будет лучше. *Проводить* турне, друг. И это ежедневная рутина, и это твоя работа. Потому что ты вписался менеджером не меньше, чем агентом ФБР.

Тру со страдальческим лицом не поднимал глаз.

— Джон...

— Я не закончил, — предупредил Кочевник. — Может, твой герой войны вон там за поворотом. Может, его там нет. Видит Бог, надеюсь, что нет. Ты хочешь его спасти, потому что он бывал в суровых боях, которые так его искалечили. Как ты сказал, где никогда не бывали мы. А ты уверен? Ты уверен, что мы никогда не дрались за дело, за которое стоит умирать?

— И что это за дело? Создавать музыку?

Кочевник мотнул головой.

— Быть *услышанными*, — сказал он.

Они стояли молча. Тени их лежали на земле, с одной стороны был изгиб дороги, с другой — каменная стена, отражавшая раскаты близящейся грозы.

— Проведи наше турне. До конца, — повторил Кочевник.

Тру посмотрел в сторону поворота. Может быть, Петта там нет. А если есть...

— Я постараюсь, — ответил он. — Но если он сидит там с винтовкой и приготовился, то может сегодня кого-нибудь убить. Может быть, не одного. Даже при тонированных стеклах. Из этого фургона мы большой скорости не выжмем, когда на прицепе трейлер. И даже если отцепить его, мало поможет. Петт может стрелять сперва в водителя или по шинам. Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Скажешь остальным, или мне сказать?

— Скажу.

— Геросимини в это втягивать не надо. Он решит, что должен чем-то помочь, и либо подставит себя под пулю, либо будет нам обузой. Я собираюсь гнать на полном газу. Всем прочим придется сложиться в три погибели. Не слишком гениальный план, но другого нет.

— О'кей.

— О'кей, — повторил Тру.

Он стал отступать от изгиба, внимательно на него поглядывая, и Кочевник поступил так же. Отойдя на некоторое расстояние, они повернулись и зашагали к дому — черные лакированные туфли и черные кроссовки равным образом вздымали пыль.

Когда они появились в студии, Терри играл на «Вокс континенталь» композицию «Белее бледного» группы «Procul Nativum», и Кочевник подумал, что эта красивая песня никогда не звучала так поразительно. Она вызвала у него слезы на глазах; он видел, как Терри вкладывает в нее душу. Геросимини стоял чуть поодаль, закрыв глаза и ощущая любовь.

* * *

Тру поманил к себе Берк и Ариэль и что-то им стал говорить серьезно и очень тихо.

Когда он замолчал, Ариэль кивнула и задрала подбородок, как боец, бросающий вызов судьбе. Берк отошла на несколько шагов и оперлась рукой на стену. Так она простояла минуту, не поднимая лица. Ариэль подошла и обняла ее за плечи, и Берк тоже кивнула.

* * *

Терри продолжал играть. Кочевник видел, как Тру посмотрел на часы. Тридцать минут прошли. Тру накло-

нился — наверное, у него развязался шнурок. Потом и у других шнурки потребовали внимания.

Терри доиграл песню — одну из величайших, написанных когда-либо для клавишных. Он заморгал, будто выйдя из тени на солнце. Огляделся, увидел Тру и спросил, не пора ли ехать, и Тру сказал, что пора, но сперва надо поговорить. Они вышли из студии, Геросимини повернул главный выключатель, и все голоса снова заснули.

Снаружи, пока Стерео мерил глазами «Жестянку» и готовился услышать ненавистный звук двигателя, группа прощалась с Геросимини. Ариэль выразила надежду, что он закончит «Эпицентр», и он снова сказал, что он над этим работает. Он спросил, дать ли им косяков на дорогу, и Тру никогда в жизни не испытывал большего искушения, но ответил: нет, спасибо. Группа села в фургон: Тру за руль, Терри рядом, Ариэль за ним, Кочевник рядом с ней, и Берк сзади. Рассадку не обсуждали, просто так вышло. Выезжать придется той же дорогой, что ехали сюда.

Мотор завелся, Стерео залаял, Геросимини помахал рукой, Тру поехал вперед — туда, где можно было подать трейлер назад и развернуться. Стерео продолжал лаять. Когда они проезжали мимо, Геросимини снова помахал рукой — нет, на этот раз взметнул в салюте. Тру положил пистолет на колени.

— Это может оказаться ложная тревога, — сказал он, — и его там не будет. Но пока я не проеду этот извив, газ буду держать в пол. — Он уже набирал скорость, трейлер стонал. — Всех прошу *сжаться*. И вниз на пол. Голову накрыть руками, колени поджать. В общем, голову в задницу засунуть, кто может.

— Остроумно, — отметила Берк, но голос у нее дрогнул.

— Спасибо, — сказал Терри, когда машина въезжала на извив.

— За что? — спросил Тру.

Мотор ревел изо всех сил. «Жестянка» тряслась, трейлер вилял из стороны в сторону.

— Что дал мне время, — был ответ.

Тру боролся с рулевым колесом. Трейлер дергал фургон и хотел вцепиться в каменную стену, но Тру удерживал его на грани.

* * *

Они миновали извив.

Джереми Петта там не было.

Ариэль попыталась поднять голову.

— Всем оставаться на полу! — резко скомандовал Тру.

Стрелка спидометра перестала дрожать на пределе и заметалась по всей шкале, как взбесившийся метроном. Из-под колес вставали пыльные знамена. Еще один поворот, потом подъем со дна лощины. По бортам «Жестянки» шелкали камешки. Тру держал скорость, а в двигателе что-то начало тонко завывать.

Резкий переход между грунтовкой и растресканным асфальтом — толчок, от которого содрогнулся фургон, а трейлер заметался, как хвост у Стерео. Машина огибала резкий поворот, и Тру не знал, удержит ли он фургон на такой скорости, поэтому он чуть-чуть притормозил, лишь бы не влететь в камни, и они вылетели из-за поворота к заброшенной заправке с древними колонками и перекрывающему дорогу под углом белому автомобилю.

«Хонда», подумал Тру, стискивая зубы, решившись в набегающую секунду резко дернуть руль влево и проехать мимо, даже если обе машины превратятся в груды дымящегося металла.

Этот гад где-то украл «аккорд».

Ветровое стекло пробило пулей.

Она гулко шелкнула, пронизывая стекло, и еще раз, вылетая из окна Кочевника. Значит, понял Тру, Петт справа, может быть, среди развалин домов. Он услышал хлопок — лопнула правая передняя шина, — и «Жестянка» завалилась набок, как хромая лошадь. Тру потерял управление.

Машина поехала по глине и щебню, вцепилась в бензоколонки, срезала их в красном вихре ржавчины. Что-то металлическое уперлось в брюхо фургона, вцепилось, и двигатель взвыл, как человек в агонии. Еще одна пуля выбила окно Терри, засыпала его и Тру осколками. «Жестянка» остановилась юзом, испуская днищем снопы искр.

— Не вставать! Не вставать! — кричал Тру.

Высунув руку поверх порезанной стеклом головы Терри, он выстрелил два раза в сторону развалин и скал — просто чтобы сержант знал, что и он не безоружен. Но где находится сержант, он не знал. К моменту, когда его глаза найдут Джереми Петта, подумал он, это уже будут глаза мертвеца.

Берк, девушка крутая, ловила ртом воздух.

— Берк, ты как? — окликнул ее Кочевник, но она не ответила. Еще одна пуля пробила окно Ариэль, оставив круглое отверстие.

Тру опасался, что Петт разнесет их в клочья. Из порезанной стеклом правой брови капала кровь. Надо отсюда выбираться. Попасть внутрь здания. Передняя стена почти вся развалилась, открыв миру внутренности дома. Там было темно, но видны были груды щебня и рухнувшие стропила. Заставить Петта идти туда, и тогда можно будет работать пистолетом на короткой дистанции.

Ну и план, подумал он. А насчет взять Петта живым, добиться для него помощи...

Тот еще план.

— Внимание! — крикнул он. — Мы сейчас...

Его прервала струйка жара, пронесшаяся мимо рта, оставившая дыру в его окне, откуда тут же разошлась паутина серебристых трещин. Взвизгнул рикошет от каменных стен дома. Тру сполз вниз по сиденью.

— Мы сейчас пойдем внутрь! — договорил он. Расстояние от фургона до здания было порядка четырнадцати футов. — Я иду первым и прикрываю вас! Всем выходить только через мою дверь! Как можно быстрее! — Другой вариант — выходить через дверь справа, что было прямо на виду у Петта. — Без моей команды не двигаться, понятно?

Он спалил еще несколько секунд на приведение нервов в порядок, а потом этот его «второй лучший план» сдулся и сдох, потому что открыть водительскую дверцу ему не удалось. Ручка болталась свободно — тросик был перебит. Как ножом резанула паника — момент, кошмарный для всякого, кто отвечает за жизнь людей. Надо что-то делать, и быстро.

— Джон, береги глаза! — Тру двумя пулями пробил большое окно на стороне Кочевника. Тот понял идею и обеими ногами высадил остатки стекла. Тру снова спустился вниз, открыл сумку, достал еще патронов и перезарядил четыре гнезда. У него была еще коробка, так что с этим проблем нет. — Терри, оставайся на месте, стреляю поверх твоей головы! Остальные — на выход! Пошли!

Они вылезали кто во что горазд, а Тру тем временем сделал пять выстрелов. Петт поймет, что у него за пистолет, по звуку. Напугать его не напугает, но может заставить пригнуть голову.

Может.

Тру перезарядил пистолет. Снова послышался выстрел винтовки Петта, но куда попала пуля, Тру не знал. Мо-

жет, стреляет по зданию. По «группе, которая не умирает». На этот раз, быть может, и придется.

— Терри, ты как?

— Нормально. Кажется. — Голос слегка дрожал. — Порезало малость.

— Меня тоже. Теперь проползай между сиденьями и наружу. Я прикрою. Готов?

— Ага.

— Пошел!

Терри пополз назад, протолкнулся в окно. Тру стал стрелять с пассажирской стороны, три выстрела наугад. Терри вывалился на землю, как мешок с тряпьем, и когда поднялся, чтобы бежать в укрытие, его ударила пуля в правый бок, он вскрикнул — будто всего лишь от неожиданности — и свалился.

* * *

Он там, где должен быть. Он там, куда добирался. Он прибыл, и сегодня — его день. Ганни с ним на камнях, плечом к плечу. Винтовка теплая, и пахнет от нее приятно. Очень хорошо, что их фургон не повредил ему машину, потому что она ему понадобится добраться до Мексики. Он туда поедет, когда все кончится. Как это говорится? Сегодня — первый день твоей оставшейся жизни.

Трудная была охота, интересная. Следить за ними от города к городу, ехать мимо клубов, отмечать, где они останавливаются, и быть очень осторожным, чтобы этим людям в «юконе» не дать себя заметить. Не зря его учили. Он знает свое дело, и в своей профессии он если не король, то принц. Об этом говорят «Бронзовая звезда» и мистер Салазар.

И Ганни тоже его высоко ценит.

На голове у Джереми бейсболка со стоянки грузовиков «Трипл-Т». Темные очки он снял, чтобы лучше видеть цели в прицел. Очки принадлежали Американской Бабушке. Совсем не старушечьи — очень такие крутые. В запертном отделении для перчаток «аккорда» он нашел сто шестьдесят долларов в банковском конверте. Почему оно называется «для перчаток»? Этот вопрос его занимал на долгом пути из Тусона в Сан-Диего. Ганни время от времени сидел на заднем сиденье, но своего мнения не имел.

Сейчас Джереми видит, как они вылезают из фургона в то здание. Время поджигает, поскольку хотя местность — почти идеальное стрельбище (разве что фургон загорает), но в любую минуту может кто-нибудь появиться, а это уже некрасиво. И ощущение подсказывает, что надо действовать. Вот такое же ощущение ему подсказало, когда фургон и трейлер съезжали с шоссе, что лучше держаться поодаль, потому что фургон там просто остановится и не надо их пугать. Только вот развернуться удалось лишь через пятнадцать миль, мать бы их так, потому что за ним пристроился коп, и переезжать грунтовую разделительную полосу значило бы засветиться.

Ну вот и они. Он изменил позицию ярдов на десять, и это оправдалось, потому что под этим углом можно было выстрелить в этого бритоголового и ничего не загорало. Выстрел хорош, прямо в легкое навывлет. Он ждет, чтобы вылез тот, с пистолетиком тридцать восьмого калибра. О'кей... о'кей... вот он вылезает из того же окна, что все прочие. И наклоняется над этим, что на земле лежит. И пистолетик у него в правой руке. Дерьма кусок.

Джереми вздыхает и стреляет — просто давая понять этому человеку, что он думает об этом пистолете, и у этого мужика брызгает правый локоть, и пистолет падает из внезапно онемевших пальцев.

«Вот так тебе, засранец», — думает Джереми.

А вот и этот длинноволосый. Ведущий певец. Выбегает из дому. Джереми интересуется, этот хмырь, этот, как там его мать, Кочевник, не думает, что идет по улице под палящим солнцем? Не думает, что кровь у него трех цветов, как флаг?

— Пусть в траве зеленой ты найдешь покой, — говорит Джереми изображению в прицеле, и палец у него лежит на спуске.

Кочевник выскочил из здания помочь человеку с раздробленным локтем, у которого рука, видите ли, отказала. Теперь они оба пытаются помочь скинхеду. Терри, да. Так его зовут. Шпитценхрен или что-то в этом роде. Терри подняли на колени, пытаются поставить его на ноги. Ой, смотри ты, хиппушка эта выскочила помогать, и барабанщица стоит на краю солнца и тени, потом вылезает тоже, и голоса их долетают до Джереми — они друг друга торопят.

Открыт выстрел прямо в голову Кочевнику. Точно между глаз.

Ганни говорит: сперва хиппушку. Что-то она его очень волнует, эта девушка, а почему — он толком не говорит. Говорит только: *сейчас* в нее стреляй, кретин!

Джереми может выстрелить, но колеблется.

Что хочешь про этих людей можно сказать, но Белыми Танками их не назовешь.

Они уже почти подняли Терри на ноги.

Джереми меняет прицел и посылает Терри в спину еще одну пулю, Терри снова падает лицом вниз, остальные потрясенно замирают. Джереми наводит ствол на голову хиппушки, но тут барабанщица хватает ее за руку и тащит к зданию — блин, сильна стерва! — берет хиппушку на руки и последние футы пробегает бегом.

Кочевник просовывает голову под сломанную руку того, что с пистолетом, и тащит его тушку в здание, и Джереми дважды стреляет в темноту, куда они скрылись.

Пора перезарядить.

Ганни спрашивает, что он себе думает. Кажется, иногда Ганни не понимает, кто тут командует. Он не ценит терпения и не хочет понимать, что и врага тоже можно уважать, каким бы заклятым этот враг ни был. Джереми знает, что был бы выдающимся ганнери-сержантом, если бы ему дали шанс. Он бы примером был для всех. Примером, как не сдаваться. Как никогда не соглашаться умереть. Но ведь ему не захотели давать шанс?

Да, не замедлил напомнить Ганни. Не захотели. Он говорит, чтобы Джереми не отвлекался от дела, что надо будет спуститься туда и закончить работу сорокапятикалиберным, что у него заткнут за пояс джинсов. И спустится он *прямо сейчас*, потому что вот это и называется «мексиканская ничья», но у Джереми есть два ствола, а у того, кто держал там пистолет, рука сломана и хлещет кровью, так что *шевелись*, пока никто на дороге не появился.

Джереми хочет знать, что такого особенного в этой хипповой девице. Она же, блин, всего лишь *девка*, ну, может, лживая, может, злобная, но что в ней такого *особенного*?

Ганни ему говорит, что ему это знать не положено. Он на задании, и задание надо выполнить, чтобы начать в Мексике новую жизнь. А для того надо спуститься и просто убить *ее*, а остальные пусть себе сами гниют, ему до лампочки.

Но *почему?* — хочет знать Джереми. Что за важность такая?

Ганни несколько завелся. Даже слегка из себя выходит. Будто хочет огнем и кровью плевать.

Потому что война, говорит он.

Ну, это Джереми и так знает. Потому что лживый этот ролик. Потому что вранье про то, будто мы туда поехали убивать детей. Стрелять, чтобы они падали, теряя сандалии. Стрелять, *зная*, что это убийство. А потом вернулись сюда и ни одной душе не сказали, потому что мы хорошие ребята, верные, патриотичные, а про такое говорить нельзя, даже своему другу, который ничего не делает, только улыбается тебе пустым лицом, сидя на коляске в госпитале для ветеранов в Темпле.

Отличный день для белой свадьбы.

Ага, думает Джереми.

Он встает как солдат. Он идет между камнями к дорожке, к стоящему за ней дому. Жарко, мучает жажда, и надо закончить работу. Еще два шага, и он лоб в лоб столкнется с первым мигом своей оставшейся жизни.

Он подходит к белой машине. Винтовку он держит на изготовку, другая рука ныряет под рубашку, касается автоматического пистолета. И Ганни идет рядом, Джереми чувствует его. Минует скинхеда, лежащего на брюхе возле смятого фургона. Где пистолет? Он где-то здесь выпал.

Кто-то из них его поднял, значит.

Джереми вытаскивает свой, держит его перед собой и продвигается к дому шаг за шагом. Ганни рядом трещит насчет убить девушку, не может остановиться — как мальчишка, спешащий на карнавал.

* * *

Терри слышит музыку. Это он сам играет «Белее бледного» на «Вокс континенталь». И больно. Он то забудется, то снова очнется, как испорченная колонка. Проводка сильно повреждена. Но зато какую музыку он слышит! Он знает, что умирает, но музыку будет слушать до кон-

ца... и что такое смерть, как не пропуск полного доступа на гораздо более обширную сцену?

Но эта хрень, что лежит под ним, чем бы она ни была, причиняет дикую боль.

Она под левым боком, в ребра впивается.

Он медленно сдвигается. Дыхание булькает, как трубы в одном мотеле, который он запомнил. Терри шупает под собой, чтобы сдвинуть эту твердую боль и спокойно слушать музыку, и рука находит что-то металлическое. Пальцы ощупывают контур. Это пистолет Тру.

Кто-то проходит мимо, Терри это знает. Идет к зданию, куда скрылись его друзья. Человек в бейсболке. Несколько секунд ушло, чтобы присмотреться, потому что ленноновские очки свалились и все расплывается и окрашено красным, но он рассмотрел, что у этого человека винтовка и пистолет.

Терри подумал, что у него не вагон времени и сил тоже не вагон остался. Но он оказался там, где нужно и когда нужно.

Положив ладонь на рукоятку, он нашупал спуск.

Сделав вдох, он перевернулся, чтобы поднять пистолет, и когда человек повернулся, уловив движение, Терри нажал на спуск — так, как делал в тире в Оклахома-Сити. Пуля попала снизу в бок, в нескольких дюймах от позвоночника, и Джереми, ощутив резкую рвущую боль, понял, что крупно влип, потому что выстрел был смертельный. Он пошатнулся, услышал, как досадливо вздохнул Ганни, будто это была самая большая глупость, которая только в мире бывает, но Джереми подумал, что Ганни слишком увлекся, кукарекая насчет убить эту девушку, и забыл прикрывать спину.

Терри попытался снова спустить курок, но рука и палец не слушались. И локоть тоже согнулся. Пистолет упал на землю. Джереми подошел к раненому, злясь скорее на

Ганни, чем на кого-нибудь другого. Ткнул стволом сорокакапятикалиберного Терри в лицо, готовый снести ему череп, и тут увидел, что тот улыбается легкой улыбкой, а глаза у него остекленели в момент смерти.

И вид у гада был такой, будто слышал что-то совершенно неслышимое.

Ганни сказал, что надо идти и заканчивать, теперь же он знает, где был пистолет. *Убей девчонку*, сказал Ганни. *Да ладно, убей их всех, но ее первой.*

Джереми кивнул. Он чувствовал, как из него вытекает кровь, сзади рубашка намокла. Артерию могло зацепить. Вот паразит. Какой-то гадский *любитель* сделал выстрел профессионала. Хотелось засмеяться, но Джереми боялся расплакаться, а это не то, чего ему сейчас бы хотелось. Кроме того, есть задание, которое надо закончить. Но в Мексику он теперь за свою жизнь уже не успеет. И не будет он в этой жизни работать на *federales*, и не будет у него дома на берегу, и не построит он себе карьеру как наемник-ликвидатор, и мало что сделает иного за оставшееся очень короткое время.

Он все же заплакал — всего несколько слез. И плакал, пока шел к водоразделу тени и солнца, и увидел их там, потому что им некуда было деваться. Почти вся крыша провалилась, бревна и щебень блокировали подход к задним окнам. Человек с раздробленным локтем лежал навзничь на камнях, лицо побелело от боли, над правым глазом красный порез от стекла, рука поддерживает раздробленный локоть. Тенниска когда-то была белой. Рядом с ним барабанщица, не сводит с Джереми полных ужаса глаз. В руке у нее камень, будто бросить хочет.

— Не вздумай, — говорит он ей.

И голос звучит очень далеко.

Кочевник пошевелился. Он стоял неподвижно там, где отчаянно пытался пробиться сквозь груды обломков

к окну, но это было безнадежно. Он подвернул правую ногу, когда пытался поддержать Терри, и второй раз подвернул ее еще сильнее, когда помогал Тру. Рядом с ним стояла Ариэль с исцарапанными руками, измазанными об те же обломки.

Джереми вздохнул. Он решил, что все-таки не будет заканчивать с ними пистолетом. Эти ребята — не Белые Танки, и убивать их надо уважительно. Пистолет — штука мерзкая, а вот винтовка — произведение искусства.

Он сунул пистолет обратно за пояс джинсов, коснулся раны на спине. Когда достал руку, она была будто в алой перчатке. Джереми дослал патрон и с отвращением увидел, что оружие вымазано кровью.

Лежащий на земле Тру хрипло сказал:

— Джереми... Сержант Петт... *Отставить.*

Первой убей девчонку, напомнил Ганни, будто Джереми уже забыл.

Ариэль поняла две вещи: Джереми Петт насмерть истекает кровью из раны, нанесенной Терри, и он собирается убить их всех.

Таковы были факты. И еще один факт: она знала, что привело его сюда.

Хотя колени дрожали и трусы она чуть намочила, Ариэль вышла вперед.

— Тебе нужна я, — сказала она.

Потому что это была правда, и это был единственно возможный поступок.

— Ариэль! — Кочевник протянул к ней руки, шагнул следом, но она даже не глянула. Когда он взял ее за плечо и попытался повернуть к себе, она его оттолкнула.

— Только я, — сказала она Джереми. Голос ее стал спокойнее — она уже все решила. И теперь могла смотреть Джереми в глаза и принять судьбу. — Именно меня ты хочешь убить. Ты — и тот, кто с тобой.

— Блин! — сказал он, пораженный. — Это же Ганни. Ты его видишь?

— Я выйду с тобой отсюда. Если ты меня убьешь, оставишь ли ты жить моих друзей?

Обман, сказал Ганни, недоверчиво скалясь. *Убей ее на месте.*

Но Джереми, чувствуя, как из него вытекает время, нахмурился и ответил:

— Быть может.

— Ни за что! Ни за что!

По лицу Берк лились слезы. Она встала, все еще сжимая камень в руке.

Ариэль сообразила, что если она его отведет достаточно далеко от других, то даже если он ее убьет — *когда* он ее убьет, — у него может не хватить сил вернуться обратно.

— Я готова, — сказала Ариэль. Голос ее едва не дрогнул, но она этого не допустила. — Тот, кто с тобой, хочет моей смерти. И если тебе нужно это сделать, я готова. Об одном прошу: *пожалуйста*, оставь жизнь моим друзьям.

Обман, повторил Ганни.

* * *

Кочевник подобрал доску с торчащими гвоздями. Лицо его посерело, в волосах застряли осколки стекла. Он напрягся, готовый рвануться вперед изо всех сил — если сможет еще рвануться, — и начал замах.

Ариэль увидела, что налитые глаза Джереми обернулись к нему, и тихо сказала:

— Джон, не надо.

Она подошла к Джереми ближе. Прямо встала рядом. И без страха сказала ему в лицо три самых трудных слова за всю свою жизнь:

— Идемте со мной.

Она подалась вперед — взять его за окровавленную руку и увести прочь от своей семьи.

Он отступил.

Что-то тут не то, подумал он.

Что-то тут совсем все спуталось. Добро и зло, сила и слабость — все перемешалось. Ему казалось, что она должна хныкать и умолять. У него винтовка. У нее ничего. Он этого не понимал. Это противоречило всей его подготовке: невооруженный противник смотрит на винтовку, видит в ней смерть и не впадает перед ней в ужас. А она же *слабая*. Она слаба, темна, и...

...лжива?

Он почувствовал, что может потерять сознание. Тьма уже близилась. Кровь не только вытекала наружу — она заполняла внутренности. Джереми был пузырем и готов был лопнуть.

«Я убил ребенка, — подумал он. — Это был я. Я совершил убийство. Это был я».

Вот что грызло его уже давно. Вгрызалось и скребло, разъедало и размалывало, как в брюхе зверя. Вот что его изуродовало, что превратило время в длинную полночь, остановившуюся навеки. Вот что въелось ему в кости и свило гнездо в сердце.

И продолжало тюкать как клювом даже сейчас. Не останавливаясь никогда.

Тюк.

Тюк.

Тюк.

Бог наказал его за это убийство — он теперь был уверен. Да, можете считать, что поздно, если хотите, но это Бог заставил его платить. И вот сейчас, когда мир начал медленно поворачиваться вокруг него, когда густел вкус крови во рту, Джереми подумал, что если бы... если бы он

только мог рассказать об этом *кому-нибудь*. Карен, например, и попросить за него молиться. Но она погибла раньше, чем это можно было бы сделать. Рассказать отцу, и чтобы добрая рука легла на плечо, — но нет, это был бы только еще один кулак. Рассказать любому офицеру, или ребятам, или кому-нибудь из врачей в госпитале, где — он надеялся — кто-нибудь как-нибудь в среду спросит его, как он вообще. Кому-нибудь, *кому угодно*, лишь бы *слушали*, и сказать то, что больше всего на свете надо было ему сказать. Но, как сказал тот «христианин в действии», *этой встречи не было*.

А теперь там, где он меньше всего ожидал, человек, от которого можно было ожидать меньше всего, готов его слушать. Из всех людей на земле — эта вот хиппушка. Она стоит перед ним, не боясь винтовки, и он видит, что она настроилась умереть за других, — что еще можно сказать о человеке?

* * *

— Я убил ребенка, — говорит Джереми. Ариэль слушает. — В Ираке. — Слова выходят трудно, будто усаженные шипами. Тяжело их выдавить. — Я плохой человек. Но другие... солдаты... они не все как я. Вы не правы, когда говорите такое. Мы не детей убивать туда ехали. Мы ехали делать свою работу. Они не все как я. — Голос дрожит, свежие слезы потекли по щекам. — Ты слышишь меня?

Она чувствует то, чего он хотел. Глаза у нее испуганные, и он начинает пошатываться. Она сосредоточилась на этом моменте, только на нем, и с усилием, раздвинувшим границы ее силы воли, отложила прочь горе о том, что сделал этот человек.

Она знала. И знала: какая бы сила ни послала его в этот путь, что бы ни привело его сюда, что бы ни обеща-

ла ему эта сила, какие бы заявления ни делала, она не сможет дать ему того, что сейчас предложит Ариэль. Это так просто, но так важно, что отсутствие этого сокрушает душу.

— Я слышу тебя, — сказала она.

«Боже мой, — думает Джереми. — Боже мой, Господи Иисусе... я убивал ни в чем не повинных людей».

— Мне жаль, — шепчет он. — Мне очень, очень жаль...

Может, эта группа резко высказалась в беседе с Феликсом Гого. Может быть, ребята ошибочно судили его товарищей-солдат... но в чем лгал сам этот ролик? В чем неточность описания того выбора, который должен делать солдат, и как бы жестко тебя ни готовили, у тебя всего секунды на решение вопросов жизни и смерти? В чем неправда — показать, как тьма может вихрем опуститься на тебя и растерзать тебя в клочья?

«Это я лгал, — думает он. — Я».

И Ганни.

Ганни тоже лжет.

И никого сегодня убивать не надо, думает он. Битва кончена.

* * *

Джереми чувствует, что у него лицо начинает распадаться. Изо лба поднимается извивающийся узел. Джереми поднимает руку, толкает его обратно. Правый глаз начинает вываливаться из орбиты. Он пальцами засовывает глаз на место. Рот раскрывается все шире и шире, челюсть выходит из суставов, но он толкает челюсть на место твердой рукой, и рот закрывается, и легкая рябь и дрожь, пробегающая по глади костей и плоти, затихает и исчезает.

* * *

Он мелко дрожит. Он опускает винтовку, и тогда из-за спины Ариэль Коллиер выходит детская фигурка и держится за край ее испачканной блузки, и лица в тени не видно, но слышен голос:

Пан! Теперь тебе можно домой.

Ганни орет Джереми в ухо, что эта штука *врет!*

Орет, что это не то, что Джереми думает. Что это обман, что он не должен, не может позволить своим глазам задурить себе мозг. *Ты на задании, кретин гребаный!*

Но на краткий миг, пока Ганни, визжа и захлебываясь, орет в одно ухо, потом в другое, Джереми Петту дозволено увидеть то, что за стеклом.

Там другие фигуры, на границе солнца и тени. Они стоят посреди щебня, за спиной Ариэль Коллиер, Джона Чарльза, Берк Бонневи и Труитта Аллена. Стоят молча, только смотрят. Но Джереми слышит, как Ганни испускает крик горечи, переходящий в стон боли. Джереми переводит взгляд с хиппушки на барабанщицу, на длинноволосого, на того, что на земле. На маленькую фигурку, у которой в зрачках светятся огоньки, напомнившие Джереми свечи.

— Простите меня, — говорит он им всем, каждому уху, готовому слушать. И пятится, и роняет винтовку.

Он отходит подальше, собраться с мыслями, и начинает медленно и болезненно подниматься на холмик глины и камней. На полпути вынимает из-за пояса сорока-пятикалиберный и бросает его тоже и поднимается на вершину холмика, откуда ему открывается простор пустыни, запорошенный коричневым с белыми полосами, под синим небом.

А он идет дальше.

Он знает, что Елисейские поля именно в эту сторону. Он сегодня, впрочем, туда не попадет. Его ждет долгий, долгий путь к...

Он падает. Веса в себе не ощущает, но, кажется, слышит крылья и сухое постукивание когтей, и что-то впиивается ему в спину и вгрызается в шею. Он пытается подняться, но не может. Еще раз — и снова неудача. Он чувствует, как раздирают ему кожу, как шумят широкие крылья, молотя воздух над головой.

Может быть, на одной стороне десять тысяч раз по десять тысяч кричат и подпрыгивают, а на другой стороне десять тысяч раз по десять тысяч орут и подбадривают человека на арене, окровавленного, выброшенного и преданного, но дух воина в нем не сломлен.

Все выкристаллизовалось до острых краев, до вороновых крыльев, черного оригами.

Против морпеха, который не намерен сдаваться.

Джереми отбрасывает это все как старую кожу, идет, шатается. Горизонт пропадает в спустившемся красном тумане. Да, сегодня, он знает, ему в Елисейские поля не попасть. Слишком много за ним числится. Слишком много невинной крови на руках, чтобы сегодня ему позволили туда войти. Но куда бы он ни пошел, это будет шаг *в сторону Елисейских полей*. Он себе сказал, что как бы ни было трудно, что бы ни пришлось делать для этого, даже невозможное, он найдет способ. Он никогда не сдастся в этой борьбе за право пройти к жене и сыну — кем бы они ни стали — на ту сторону всего этого.

Та сущность снова опустилась на него, но на этот раз не повергла его наземь. Он шел вперед, шатаясь, а она билась об него, когтила спину, била в голову клювом как поршнем.

Спина Джереми согнулась, но не сломилась, и он вспомнил, что говорил ему Ганни на хайвее возле Свиту-

отера. И это тоже было вранье, а противоположное ему — правда.

— Без меня, — шепнул Джереми в разгневанный воздух, — *ты* ноль.

И он стянул эту тварь пожатием плеч, она закрутилась вокруг него темной стеной.

И постепенно, вихрь за вихрем, темные полосы стали исчезать. Не столько даже исчезали, сколько таяли, расплываясь нитями и сгустками, распадавшимися на все более и более мелкие куски.

Джереми рухнул на колени.

Он набрал воздуха, он взглянул на открывшуюся перед ним землю. Черные тучи спешили к нему, проталкиваясь через ужасающие электрические разряды. В воздухе пахло озоном, гарью беспорядка и хаоса. Джереми знал, что ему предстоит долгий переход.

И в последние секунды перед тем, как отправиться на это последнее задание, он собрался, чтобы встретить бурю.

Часть шестая
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Глава тридцатая

— Люди, мы хотим вам сказать спасибо, что вы сегодня здесь, — объявил Кочевник в свой микрофон.

Подходило к концу выступление в «Виста Футура» в Остине, вечером субботы, шестнадцатого августа. В клубе яблоку негде было упасть — очередной набитый ящик на этой «дороге ствола и ножа». Когда закрыли двери, тех, кто не попал, пришлось развернуть обратно. Было объявлено, что пришедших в футболке «The Five» пускают бесплатно — это значило, что пришедший был на концертах группы или купил себе футболку на веб-сайте. Приглашаются зрители любого возраста.

Время шло к полуночи, и концерт уже почти кончался.

Кочевник стоял в конусе чисто-белого света, держа на руках свой «Стратокастер». Чуть в стороне от него, в нескольких футах, стояла Ариэль со своей акустической «Овацией», за ней Берк в середине своих «Людвигзов». Как ни поразительно, при крушении трейлера пострадали только большой барабан и напольный том. Берк теперь стала горячей сторонницей пенопластовых кубов и цветных меток.

Сегодня не было басиста, и не стояли на сцене клавиши. Музыканты вышли только втроем и должны были импровизировать, заполнять пустоты и делать все, что

приходилось делать, потому что они — профессионалы, а шоу должно продолжаться.

Но, как понимал Кочевник, не бесконечно.

Он смотрел на вспыхивающие огоньки телефонных камер. Многие принесли видеоаппаратуру и установили ее, но места было мало. Группа не возражала, чтобы был заснят весь концерт. Вывешен на YouTube. Чтобы потом показывали внукам, что делали бабушка с дедушкой в далекое лето две тысячи восьмого, до того как все музыканты стали играть только в эфире на виртуальных инструментах.

Шоу вышло потрясающее. Кочевник выдал пару зажигательных номеров, но сердца в них не вложил особо, да и прозвучали они не так горячо без клавишных переливов Терри. В этот вечер царил голос Ариэль, ее акустическая гитара, на которой она играла с прецизионной страстностью человека, который не только хочет быть ясно услышанным, но и сам хочет ясно высказаться.

— Наверное, все знают, что это наше последнее выступление.

Он поднял руку ладонью наружу, и ожидаемые стоны раздались из публики, но и зрители знали, что сейчас делают именно то, что ожидает группа. Это было как удар кулаком в грудь, переходящий в знак мира.

— «Группа, которая не умирает»! — крикнул кто-то справа.

— Йесс! — заревел другой голос, и публика взорвалась воплями и свистом, и еще какими-то звуками, выражая нахлынувшие эмоции, и Кочевник подождал, пока народ стихнет, и тогда улыбнулся лицам, высвеченным отражениями огней сцены, и сказал:

— Спасибо. — Он прокашлялся. — Мы недавно потеряли троих наших друзей, — продолжал он.

Впервые сегодня он заговорил об этом. Было краткое представление от ведущего, и потом «The Five» сразу заиграла «Когда ударит гроза». Дальше пошли песни лишь с краткими пояснениями между ними Кочевника или Ариэль. Он не стал шутить насчет своей хромоты как у старика, потому что растянутая правая лодыжка его все еще беспокоила, хотя была перетянута под штаниной. Ариэль тоже ничего не говорила по поводу своего слегка лилового носа. И Берк тоже не давала никаких объяснений по поводу значка с бас-гитарой на одном лацкане черного пиджака и такого же значка с изображением клавиш на другом. В новостях уже рассказали всем, кто хотел слышать. Нэнси Грейс сделала с ними интервью, и Грета ван Сустерен тоже. Берк дала телефонное интервью Рэчел Мэддоу в ее передаче и должна была выступить в «Адвокате» через месяц. Выступать в очевидном ключе, желательном для прессы: спятивший ветеран Ирака охотился за рок-группой и был убит в пустыне Нью-Мексико, ура-ура.

Вот эту версию они и выдавали на все вопросы — с подачи Тру.

Журналы и газеты, сети и блоггеры возникали тысячами. Даже Уолли стал знаменитостью, и репортеры ломились в двери его трейлера. Уолли на мотоцикле, подъезжающий к развалинам напротив старой заправки, служившей когда-то жителям Блю-Чок, потом люди, вываливающиеся на дорогу, и кровь хлещет.

Один из таких настырных репортеров открыл Эрика Геросимини. *Заново* открыл. Гения «13-th floors» — одной из самых влиятельных групп кислотного рока шестидесятых. Джастин Тимберлейк сказал, что годами искал его — получить разрешение на переделку одной песни в современном стиле. Лили Аллен заявила, что она все его

старье держит у себя в шкафу. Эрик Геросимини сообщил через своего представителя, что переезжает на Ямайку.

Но прежде он отвалил большую кучу денег университету Оклахомы, чтобы учредить стипендию в Американском институте органа. Стипендию имени Терри Спитценхема.

Специализация института — сохранение и развитие игры на величественных духовых органах, которые стоят в церквях, соборах и больших кинотеатрах. Многие люди даже не подозревают, что такие клавишные инструменты еще существуют.

Джордж звонил из больницы во время удаленного интервью на «Эм-эс-бэ-эн-эс». Он сказал, что проходит курс психотерапии. Находится в лесу, выздоровление идет как ожидалось. Голос звучал уверенно. Кочевник воспользовался случаем и спросил в прямом эфире, зачем он носит пенни на туфлях. Джордж ответил, не задумываясь: на счастье.

— Сегодня наше последнее выступление, — повторил Кочевник. — И мы исполним еще одну песню. — Ему пришлось сделать паузу на несколько секунд, и Ариэль хотела тронуть его за плечо, но удержала руку. Он теперь уже большой мальчик. — Это будет последняя песня, — продолжал Кочевник. — На бис не будет ничего. Поздно, да и, судя по лицам, многим уже давно пора спать. *Шучу*, — ответил он на недовольное «буу», но на самом деле не шутил. — Эту песню мы написали на дороге, и каждый добавил свои несколько строк. Спойет ее Ариэль. Песня называется «Новый старый мир». И еще раз всем спасибо.

Он отступил, чтобы Ариэль встала впереди в центре, и публика стала аплодировать и ждать, пока Берк начала отстукивать ритм, сто двадцать шесть в минуту, опираясь на темный голос баса и яркий треск хай-хэта.

Ариэль начала вступление на «Овации». Сегодня она была одета не столько претенциозно, сколько броско, потому что хотела попробовать что-то новое. На ней были розовая блузка, черные джинсы и синяя безрукавка в крупный красный и розовый горошек. На голове — шляпа с полями, сдвинутая набок, из-под нее — рыжеватые локоны. Она решила наконец, что пришло время для нее получать *удовольствие* от этого — от своего призвания. Достаточно было страданий, думала она, и сейчас время чуть-чуть развеяться. Начать с гардероба, полного хипповых прибабасов. Она все равно останется в винтажном, но цвета будут разнообразнее и ярче. Как говорила песня, некоторые вещи ты меняешь сам.

Ариэль начала с аккорда ля мажор. Песня звучала торжественно. В ней предполагался намек на триумфальное шествие. В костях своих она несла силу английских баллад и жар земли Техаса. В сердце ее ощущалось прикосновение соула, но в сердце самого сердца это был классический рок-н-ролл.

Зазвучал теплый наполненный голос Ариэль:

Добро пожаловать в наш мир, тебе все рады тут.
Придумай песню не длиннее четырех минут.
О чем споешь, о чем смолчишь — решай,
Тут все, как в жизни, и не проще.

Тебе дороги легкой, мужества в пути.
Тебе дороги легкой, мужества в пути.
Ох, пригодится тебе мужество в пути.

Веди рукой моей, прошу, ты должен мне помочь.
О чем писать? Я как свеча, что освещает ночь.
Пусть это пламя горячо, но догорит,
И где тогда я буду?

Счастливым путем тебе и мужества в пути.
Счастливым путем тебе и мужества в пути,
Тебе понадобится мужество в пути.

До того был разговор в кабинете у Роджера Честера.

Происходил он вчера, на четвертом этаже серого здания на Бразос-стрит. «The Five» отменила вечерний концерт в пятницу в Далласе. Музыканты остались в больнице в Альбукерке с Тру, пока не приехала его жена. Агенты альбукеркского отделения ФБР очень им помогли, организовали доставку в Остин имущества из разбитого трейлера, озаботились телом Терри и привезли из пустыни умершего там Джереми Петта. Группу «The Five» доставили самолетом из Альбукерка в Остин любезным распоряжением чековой книжки Роджера Честера.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели мне в глаза, — сказал Роджер Честер, сидя за столом спиной к венецианскому окну, выходящему на мировую столицу живой музыки. Эш сидел в коричневом кожаном кресле слева от него — собранный, элегантный, непроницаемый. — Прямо *вот сюда*. — Честер показал двумя пальцами в свои темно-карие глаза, слегка увеличенные черепаховыми очками. — И ответили мне, *почему* вы, как мне сказал Эш, отказываетесь участвовать в реалити-шоу?

Кочевник, Берк и Ариэль сидели втроем на коричневом кожаном диване. Перед ними на стеклянном журнальном столике лежали «Мани», «Техас мансли», «Биллборд» и, естественно, «Пипл» с изображением группы в правом верхнем углу. Кочевнику хотелось бы, чтобы Берк положила черные сапоги на этот стол и смела журналы в сторону, но она этого делать не стала. Она не сводила глаз с головы снежного барана над венецианским окном. Если такая штука упадет на голову, то может человеку мозги вышибить.

— Только не надо говорить всем сразу, — сказал Роджер Честер. — Он глянул на Эша. — Как так вышло, что на тебя они это вывалили таким толстым слоем, а на меня — тоньше, чем бумажник у спика*?

Кочевник чуть не посоветовал мистеру Честеру спросить своего приятеля Феликса Гого, насколько тонок у него бумажник. Но промолчал.

— О'кей, я знаю, что вам пришлось пережить очень тяжелую... — Честер искал слово, соответствующее человеку его положения, и выбрал: — ...фигню. Все знают, что пришлось трудно. И я понимаю на все сто, что вам нужно какое-то время отдохнуть. Это боевой шок у вас. Ну так у кого бы его не было? Я верно говорю?

— Совершенно верно, — согласился Эш.

— Но мы должны обсудить ваше *будущее*. И серьезно. Надо действовать быстро, пока, как говорится, «железо горячо».

Берк пошевелилась. Кочевник подумал на миг, что она все-таки *положит* ноги на стол и сбросит журналы, но момент миновал. Сам он не смог удержаться и спросил:

— Это так говорят, когда клеймят скотину?

Роджер Честер посмотрел на него поверх очков.

— О Боже мой! — сказал он. — Помилуй Господь меня и душу мою грешную. У вас проблемы?

«Ноль проблем», — готов был ответить Кочевник, но это была бы неправда, да и сама эта фраза могла бы его разозлить воспоминаниями о сумасшедшей официантке в Тусоне.

— Мы расходимся, — сказал он. — Завтра вечером — последний концерт.

— Да, я про это слышал от Эша. — Роджер Честер глотнул кофе из кружки с логотипом университета Теха-

---

* Презрительное название латиноамериканца.

са. — Но слушать не стал. Потому что это совершенно дурацкая бессмыслица. Вы мне говорите, что решили завязать — после всего, что сейчас прошли? После всех событий, всей этой работы, и теперь, когда *за вами* гоняются телевизионщики всех каналов и *вашу* жизнь показывают всему миру, когда издатели варят быстрые книжки, которые за вас напишут призраки, промоутеры по всей стране и в заморских странах требуют вас, контракты на запись висят на денежных деревьях и просят, чтобы их сорвали, — тут вы и завязываете. *Завязывают*, — обратился он к Эшу, будто обходительный коллега из Нью-Дели забыл свой урезанный английский.

Эш только пожал плечами и улыбнулся, показав передние зубы. У Кочевника мелькнула мысль, что они отлично смотрелись бы на полу.

— Нам нужно время, — заговорила Ариэль. — Решить, что делать дальше... — Она начала было говорить слово «сэр», но губы отказались.

— И мы, блин, — сказала Берк, — ни в каком, мать его так, реалити-шоу участвовать не будем.

— А-а, вы *выше этого*? Вот в чем дело? Это для вас *низко*?

— Я считаю, что в этом нет необходимости, — ответил Кочевник. — Мы все так считаем.

— Вы считаете, что деньги зарабатывать — нет необходимости? Да? Потому что именно об этом идет речь. Вагон денег. Плюс потрясающая засветка, возможность продвижения новых песен и дисков, может быть, специальный концерт с прямой трансляцией по телевизору.. — Честер хлопнул ладонью по столу. — Боже ты мой, сам не могу поверить, что мне приходится говорить это вслух! Послушайте, вы сейчас на гребне! Вы теперь *кто-то*, а были — никто! У вас полно пороха, и вы можете черт знает какую устроить вспышку!

— Именно что вспышку, — ответил Кочевник. — Как раз об этом я тоже подумал.

— Если в ваших словах есть какой-то высший смысл, не посвятите ли вы меня в него?

— Я задам вам один вопрос. — Кочевник посмотрел через стол прямо ему в глаза. — Можете назвать какую-нибудь из наших песен?

— «Когда ударит гроза», — сказал Эш.

— Не вы. Я хотел бы получить ответ от мистера Честера. Какое-нибудь название песни приходит на ум?

Роджер Честер смотрел и молчал. Сделал глоток из кружки.

— Строчки из наших песен? — Ответа не было. — Название дисков? — Кочевник приподнял брови. — Ну хоть что-нибудь?

В субботний вечер Ариэль в снопе желтого света пела на сцене «Виста Футура»:

Быть может, станет тесно в старой коже, как в петле,
Себя почувствуешь последним гадом на земле,
Но кое-что, ты знаешь, неизменно,
Кое-что ты сам меняешь
В суровом мире, что жесток и очень стар,
В привычном страшном мире, что жесток и стар.

Барабаны Берк набрали силу, тарелки заговорили переливами, Кочевник шагнул вперед исполнить соло на «стратокастере». Оно было легким и свободным, почти блюзовым. Звучало оно так, будто его выплеснули на залитую дождем улицу из клуба, где висела афиша: «Только одно выступление. Дин и группа “Roadmen”».

Он нервничал, но не из-за соло — с этим все в порядке, — но оттого, что дальше будет строчка, которую написал он. И еще потому, что в глубине души боялся этой песни.

* * *

— Один диск назовите, — попросил Кочевник Роджера Честера в офисе на четвертом этаже. — Вот начало названия нашего последнего диска: «Кет-ЦЕЛЬ...»

— Мне это знать не надо, — ответил человек за столом. — Этим занимается Эш.

Кочевник кивнул. Интонация Роджера Честера была очень красноречива.

— А вы вообще музыку любите? — спросил Кочевник. Необходимости притворяться больше не было.

— Вашего типа — нет. Не особенно.

— А вообще какую-нибудь?

— Слушайте, не надо тут умничать. Этот бизнес, другой мой, начал еще мой дед. Сколотил караван певцов-кантри, и они играли в таких местах, где вы бы *ссать* не стали. А мой дед был зазывалой — стоял сзади в грузовике и орал в мегафон. Зазывал клиентов с полей и ферм и брал с них маленькие денежки за большое развлечение. — От его голоса звенело стекло. Кочевник подумал, что еще чуть-чуть — и снежный баран возьмет реванш.

— А-а, понял теперь! — Глаза у Роджера Честера светились, но недобрым пламенем. — Эш, посмотри-ка на эту троицу. Знаешь, что ты видишь?

Наверное, Эш решил, что вопрос риторический, потому что от ответа воздержался.

— Это *арти-и-исты*! — громогласно сообщил Роджер Честер. — Мне такие попадались. Они приходят изменить мир и объявить великие истины, а кончают тем, что живут в машинах и на хлеб зарабатывают, играя на перекрестках. Знаете, что я вам скажу? — Он выдержал паузу — не слишком долгую. — На ваше *искусство* всем положить с прибором. На ваши *откровения*. Так было во времена моего деда, и уж *точно* в наши времена так. Люди хотят *развлекаться*. — Он разделил это слово на три отчетливых сло-

га, будто его гости никогда его раньше не слышали. — Что музыка *говорит* — им плевать. Они не слушают. Они приходят в бар в пятницу вечером — повеселиться, пива выпить, с парнем или с девушкой познакомиться. А вы тут знаете кто? Звуковой фон, вот кто вы.

Берк положила сапог на стол.

Роджер Честер на нее глянул, но его уносил поток вещания истины, и он решил, что выдаст этим людям то, на что они напросились.

— Суть нашего дела — *деньги*, — сказал он. — А не искусство. Искусство идет на хрен. Разве что я на нем смогу наварить как следует, и тогда я скажу: принесите мне побольше искусства! Но продавать людям откровения — это работа тухлая. Если это ваше откровение, ваш *месседж* нельзя замаркировать, упаковать, продвинуть на рынок и продать масштабно, то его — с *моей* точки зрения, друг мой, — попросту нет.

Вот это второе «друг мой» чуть не столкнуло Кочевника за край. Но он сдержался. Сдержался. Положил руки на колени и крепко сжал пальцы и попытался улыбнуться, но вышла напряженная гримаса. Против развлечения он не возражал. Развлечь публику — ничего плохого в этом нет. Музыка «The Five» и была в основном развлекательная, хороший рок-н-ролл или баллады, но все-таки... слышать, что у них есть граница, черта, которую нельзя переступать, ящик, в котором надо сидеть и быть довольными и даже не пытаться вылезти наружу... Это само по себе было каким-то видом смерти. Смертью эксперимента, смертью благородных неудач от попытки достать слишком высоко. Смертью различения хорошего и плохого в собственной работе. Единственное, чего хочешь, — чтобы тебе заплатили, и домой к телевизору, потому что ничего нет важнее монеты.

— Мистер Честер, — заговорил Кочевник. — Вы же ничего не знаете о нашей музыке. А она та же самая, что была всегда. Месяц назад — вы правы, нас едва ли кто-нибудь знал. Мы работали, у нас были свои фанаты, но...

— И ничего у вас не получалось. Я видел цифры.

— Верно, — сказал Кочевник, продумывая каждое слово. — Так что же поменялось? Мы вдруг стали знамениты и всем этим людям вдруг страшно нужны. И вы хотите впихнуть нас во все гостинные и в каждый айпод — потому что двоих наших музыкантов *убили*? И еще один в больнице? Но ведь музыка — та же самая. Мы работаем, работаем и стараемся сделать как можно лучше, — и ничего не получаем, не выменяв на гибель наших друзей? — У него сорвался голос. — Вы ничего этого для нас раньше не делали и неправильно было бы делать сейчас. На этом мы все согласились. Группа «The Five» кончилась. Потому что если у нас будет успех, мы хотим, чтобы это был успех нашей музыки, а не гибели наших друзей.

— Джон! — Роджер Честер выложил имя, как яйцо на сковородку. Улыбнулся, перестал улыбаться, улыбнулся снова. — Речь хорошая, но бессмысленная. Допустим, вы сейчас отсюда выйдете злые, как шершни, и решите расплеваться с моим агентством. Вы решите меня *уволить* — за попытку заработать вам кучу денег и большой успех. Но дело в том... что в этом бизнесе заправляю я. Не я один — другие, такие же, как я, они повсюду. Понимаете, мы вроде как сторожим ворота. Да, мы ищем музыкальные таланты. Нам они нужны. Но народу с музыкальными талантами — *уйма*. Тогда мы среди них ищем людей симпатичных или с какой-то странностью. С позицией и личностью. Такое, на что массовая аудитория купится. Ищем бунтарей — или создаем их сами. Организуем критику и упоминания в журналах. Мы поливаем траву, а не сорняки. Так что если мы кого-то пустим внутрь и этот

кто-то не даст нам того объема продаж, который мы ожидаем, то это будет — неправильно. И мы — что ж, мы подтолкнем его обратно к воротам. И какое-то время мы с ним повозимся, но если нам покажется, что это время можно использовать продуктивнее... ну, тогда мы его вытолкаем за ворота и пожелаем счастливого будущего. Так что вы можете отсюда уйти, но куда ж вы пойдете? А, я забыл про сеть! Ой, не смещите меня. Можно подумать, там водятся настоящие деньги или можно сделать настоящую карьеру — с недоделанными этими блоггерами и дешевыми прокатными дископечатающими станками.

Роджер Честер сделал большой, долгий глоток кофе.
И еще один.

— Так куда же вы пойдете?

Соло Кочевника закончилось, но эхо его еще отдавалось от черных стен. Ариэль снова шагнула к микрофону.

Так здравствуй, выходи в наш мир, тебе все рады тут.
Он втиснут в промежуток тех же четырех минут.
Ты должен все увидеть сам, понять
И не сойти с ума при этом.
Тебе желаю я счастливого пути,
Я верю, ты сумеешь сам его найти.
Был старый мир — сегодня новый старый мир.
Был старый мир — сегодня новый старый мир.

И снова стихли барабаны — только остался ритм баса и лязганье хай-хэта, и тихо, будто читая вслух детские стихи, Ариэль спела:

Стремись все выше, поднимайся и расти.
Но помни, что живым отсюда не уйти.
Стремись все выше, поднимайся и расти.
Но помни, что живым отсюда не уйти.

* * *

Сидя на коричневом диване с Берк и Ариэль, Кочевник подумал о судьбе группы «Ezra's Jawbone», о словах людей в костюмах, что потрясающая рок-опера «Дастин Дэй», не похожая ни на какой образец и не подражавшая ни одному существующему звуку, не годится, потому что в ней нет *сингла*, на который клюнет покупатель, ребята. И эти костюмные внушили музыкантам «Ezra's Jawbone» мысль, будто это их провал — их, а не тех, кто не слышит музыки.

А Кочевник знал правду. И отчасти поэтому громкость голоса у Роджера Честера бесконтрольно зашкаливала.

— Вам медведь на ухо наступил, уши у вас жестяные, — сказал он Роджеру Честеру. — Вот вам и приходится ждать, пока кто-то скажет, что музыка хорошая и имеет свою ценность, а тогда вы спешно становитесь приветливым и радостным и всем рассказываете, что давно это знали. Может быть, вы боитесь, потому что у вас есть инвесторы, ищущие быстрых денег, и вы не можете — и не станете — поддерживать ничего, кроме абсолютно верных дел. Но вы же на верных делах делаете деньги? На удобных? Если вы не любите музыку вообще, если не видите в ней ценности, кроме денежной, как вы можете себе позволить упустить прибыль? И вот мы... вчера никто, а сегодня — такое верное дело, вернее не бывает. Потому что случилась трагедия и на нас обратили внимание.

— Для меня это звучит как золотой шанс.

— Как вы стали командовать людьми, для которых музыка действительно что-то значит, мне не понять, — сказал Кочевник. — А *ты*, — обратился он к Эшу, — ты свои уши в задницу засунул.

Роджер Честер снял очки и протер их белым носовым платком. Он все еще напряженно улыбался.

— Все, что я могу на это сказать: мы обсуждаем вековую войну между искусством и бизнесом? Так, друг мой,

бизнес ее выиграл давным-давно. И если вы еще этой истины не знаете, то... — Он надел очки, чтобы лучше рассмотреть лицо побежденного. — Добро пожаловать в реальный мир.

Кочевник сказал Берк и Ариэль, что им пора, наверное. Все встали, и тут Роджер Честер переборщил с прощальным ударом в спину:

— Выходит, что ваши друзья погибли ни за что.

Кочевник уставился на него через стол. Еще месяц назад он бы прыгнул на этого человека, кем бы тот на фиг ни был и какой бы ни был старый, и вбил бы эти слова ему в рот. Он бы его согнул в три погибели и заставил улыбаться туда, где солнце не светило.

Но сегодня — нет.

— Вы знаете, куда пересылать чеки, — бросил он.

— Разумеется, мистер Чарльз. За вычетом пятнадцати процентов нашей комиссии, путевых издержек, различных рекламных и непредвиденных расходов, как сказано в нашем соглашении. Знаю, конечно.

Они двинулись прочь из офиса. Перед тем как за ними закрылась дверь, Роджер Честер сказал:

— Вы еще вернетесь.

На сцене Кочевник то и дело думал, как бы прозвучала эта песня с поддержкой бас-гитары Майка, с золотыми клубами звуков от клавиш Терри. Они уже почти доиграли, почти закончили, а Кочевник все еще боялся этой песни, потому что не понимал ее, не понимал ее цели и причины, не знал, что случится, когда отзвучит последняя нота.

Ариэль, приблизив рот к серебристому микрофону, еще раз повторила рифмованные строчки:

Стремись все выше, поднимайся и расти.

Но помни, что живым отсюда не уйти.

И тут снова в полный голос зазвучали барабаны, Берк вложила в них свою силу, Кочевник пустил в расцвеченный воздух несколько парящих фраз, и Ариэль закончила надрывным выкриком:

Был старый мир,
Сегодня новый старый мир.
Сегодня новый старый мир.
Быть может, новый мир.
Не тот же старый мир.
Был старый мир,
Сегодня новый старый мир.
Сегодня новый мир.

Последняя строка летела и ширилась до тех пор, пока поставленный оперный голос Ариэль не сделался грубым и хриплым, но она управляла им, играя натянутыми до предела голосовыми связками:

Не тот же старый мир!

Песня подошла к концу — осталось несколько секунд. Музыка стала стихать — последний взлет электрической гитары, словно взмах клинка в воздухе, и Кочевник закончил, и Ариэль сыграла ту же фразу, с которой начинала песню, и Берк ударила в бас-барабан и хлопнула хай-хэтом — и все.

Насколько мог понять Кочевник, ничего в старом мире не изменилось.

Зал вопил и аплодировал, вспыхивали блицы фотоаппаратов, снималось видео, Берк бросила в публику палочки, Кочевник сказал:

— Доброй ночи всем — и спасибо, что пришли.

Он отключил гитару и вынес ее со сцены. За ним пошла Ариэль, следом Берк. Стали гаснуть огни, сообщая,

что концерт окончен. Из колонок полилась музыка — запись какой-то другой группы. Публика, почти вся в футболках «The Five», потянулась понемногу наружу. Зрители были довольны: представление удалось.

За кулисы пришел Тор Бронсон в белом костюме и футболке «The Five». Загорелая кожа светилась, волосы были лимонно-желтые. На руке у него висела блондинка, которая могла бы быть его дочерью-подростком, и одета она была как ученица католической школы, а во рту у нее был леденец на палочке. Кочевник подумал, что теперь Тор забавляется порнокуколками.

— Ах ты, дешевый паразит! — сказал Кочевник, имея в виду, что Тор сэкономил десять долларов, надев футболку. Тор на это ответил, что если этот гребаный сосунок теперь имеет время, так должен приехать к нему в Кали и у него поселиться. Кочевник сказал, что подумает, а не хрен думать, сказал Тор, надо так и сделать. Сказал, что остановился в «Дрискилле» — переговорить кое с кем в студиях звукозаписи и несколько дней оттянуться, погреться на техасском солнышке, новые группы послушать, и если Кочевник к нему не заедет, он тогда некоторую пару яиц поджарит на костре и сожрет на техасском тосте с соусом «хабанеро». Хотя и не гей.

— О'кей, — сказал Кочевник.

Тру с женой разминулись с Тором и его кобылкой в дверях артистической, и Кочевник решил, что если старый мир не треснул от этого события пополам, то еще несколько тысяч лет он продержится.

Тру и его жена сели с Кочевником, Ариэль, Берк, владельцем «Виста Футура», парой ребят, ведущих фанские сайты в сети, техником по звуку и каким-то бородатым стариком в берете, владельцем «Сыграй это снова, друг» — магазина винтажного винила и компакт-дисков на Андерсон-лейн. Он вкатил тележку с двумя большими ко-

робками дисков «The Five», которые просил оставшихся членов группы подписать серебряным маркером. Какие-то еще люди ходили туда-сюда — познакомиться, сделать снимок. Какая-то добрая душа принесла музыкантам пиво. Два серебристых маркера исписались насухо. Старик достал еще несколько из рюкзака, запах которого показался Тру слегка подозрительным. И скроен он был из пятнистой ткани с большим вышитым листом конопли. Жена Тру, хрупкая миловидная женщина по имени Кейт, поглядывала на бородатого настороженно, а у того была привычка смотреть на людей в упор, и для нее он не сделал исключения. Смотреть не мигая несколько минут. Еще у него была привычка вскакивать, несколько раз пробегать по комнате, а потом садиться на стул, поджав ноги по-турецки. Она прошептала мужу, что вряд ли этот человек от мира сего. Тру ничего не ответил. У него была повязка на правом глазу, локоть болел под гипсом, и им было пора возвращаться в «Рэдиссон», потому что рано утром они улетали домой.

— Пора нам, пожалуй, — сказал Тру.

Ариэль его обняла, Берк подошла угрюмо, с каменным лицом, и он не мог понять, что она сейчас сделает. А она сжала кулак и взметнула его в воздух, он стукнул по этому кулаку ладонью, и она тогда расплылась в улыбке — типа «какой же ты болван» — и тоже обняла его.

— Какое счастье, что мне не надо все это подписывать, — сказал Тру Кочевнику, здоровой рукой показывая на коробки.

— Ага, — согласился Кочевник. — Менеджерам легче.

Тру кивнул. Посмотрев на Кейт, увидел, что она уставилась на бородатого, а тот на нее — битва гляделок.

— Карточка есть? — спросил он Кочевника.

— *Тачка?* Есть, конечно.

— Карточка, — поправил Тру. У него одна была такая в левом кармане, приготовленная, и он достал ее и отдал Кочевнику. — Визитная карточка с телефонным номером.

— А! Нет, нету.

Кочевник взял карточку, на которой был рабочий телефон Тру плюс добавочный на лицевой стороне, а на обороте левой рукой написан его домашний телефон.

— Стоит иметь. Чтобы люди знали, как с тобой связаться. — Тру знал, что если бы ему понадобилось связаться с Кочевником, у него вся сеть ФБР была бы в распоряжении вместо телефонного справочника. — А с чего ты решил, будто я сказал «тачка»? В ушах звенит?

— Да нет, просто никто меня про карточку раньше не спрашивал.

— Тебе стоило бы подумать насчет защиты ушей. Всем вам. Ведь слух для вас очень важен.

— Да, мне говорили.

Тру уставился на него в упор:

— Ах ты, сукин ты сын! — Тру не мог сдерживать улыбки. — Ты мне денег должен, кстати. За некоторые издержки на зубных врачей и уборку безобразия, что ты устроил в греческом ресторане Тусона, и чем меньше ты будешь об этом знать, тем лучше. Но когда-нибудь я их с тебя получу. Когда ты будешь достаточно богат, чтобы расплатиться.

— Быть может. — Кочевник пожал плечами. — Посмотрим.

— Ладно, пора нам, — сказал Тру.

У Кочевника заняло сердце. Он обнял Труитта Аллена, прижал его к себе, и Тру сказал: «Осторожно, локоть», — но голос у него дрогнул при этих словах. Кейт отступила на несколько шагов, и старый бородач моргнул и отвел глаза на подписанный серебром диск, лежа-

ший у него на коленях, с изображением группы «The Five» на фоне змея, сползающего с пирамиды Эль-Кастильо в Чичен-Ице. Музыканты окружены размытым лиловым сиянием, а темно-багровое заглавие читается как «Кет-ЦЕЛЬ-коатль оправдывает средства». Старикан понятия не имел, что все это создано компьютером и фотошопом — они уж никак не могли себе позволить поездку на Юкатан — и возникло из сна, который привиделся Ариэль после мексиканского ужина, возмущавшегося тем, что его съели. В памяти у девушки остался навязчивый и несколько пугающий образ: путешествие сквозь пространство и время на спине пернатого змея, Кетцалькоатля — связующего звена между богами и людской знатью, надзирателя за человеческими жертвами. И название песни возникло из циничного выражения, советующего выбираться из любой ситуации любыми средствами, подвернувшимися под руку. Вот на такие мысли ее навело сновидение.

— Будь собой, — сказал Тру Кочевнику. Он эту фразу заготовил на прощальный момент, потому что такой совет рокер мог бы воспринять.

— И на полную пружину, — ответил Кочевник.

Этой фразы Тру явно не понял, но и не надо. Сошлись ненадолго две планеты, по необходимости, и теперь та же необходимость разводит их по прежним орбитам.

— Спасибо, что нас вытащил, — сказал Кочевник, и в этом был смысл, хотя у Тру впереди будет много ночей на размышление, не было ли лучшего способа вытащить группу, и так, чтобы Терри Спитценхем не погиб. Но он никогда не забудет, как играл Терри в той студии, голос «Леди Франкенштейн» из колонок и слова Терри: «Спасибо, что дал мне время».

И еще он знал, что на самом деле вытащила их Ариэль, и он ей это сказал. Противостоять Джереми Петту с

его винтовкой, как это сделала она, — был самый храбрый или самый безрассудный поступок, который Тру видел за всю свою жизнь. Должны быть какие-нибудь медали для гражданских за такое, но так как Кейт будет единственным человеком, который услышит всю историю целиком или узнает, что рассказала ему Ариэль — как она видела ситуацию, — то ничего существеннее грамоты ФБР с благодарностью он для девушки не добудет. Он сделал для других все, что мог, способствуя концу, пусть и трагическому, опасного индивидуума, который к тому же был своим братом-морпехом. Но за кулисами он сумел погасить денежные обязательства Джона Чарльза и почистить его личное дело. Самого его ожидало на будущей неделе награждение Звездой ФБР и медалью «За доблесть».

* * *

Тру считал для себя честью знакомство с ними. Он чувствовал себя одним из них. В конце концов, Ариэль сказала ему, что поняла смысл песни из его случайно брошенной фразы: «Как раз когда думаешь, что нет ничего нового в этом старом мире». После этих слов, сказала она, ей все стало ясно. Так что в этой песне есть и его вклад. Он — *автор песни*.

В каком-то смысле.

Жена взяла его за левую руку, потому что он не шевельнулся и на самом деле хотел бы остаться, пока не подпишут все диски, все до конца, и начнут выключать свет.

Она вывела его из артистической, и когда он оглянулся, то хотел им сказать, что снова возьмет гитару, когда рука заживет. Но не стал, потому что им нужно заканчивать вечер и ехать домой отдыхать. И ему уж точно надо.

Глава тридцать первая

Они уже почти закончили надписывать диски, когда в артистическую вошел высокий молодой человек лет двадцати. Под пиджаком в красную полоску у него была футболка с эмблемой «The Five». Волосы у него были длинные, песочно-каштановые, глаза серые. Красивый, но тощий и угловатый, и выражение лица мрачно-озабоченное. Когда Берк взглянула на него в первый раз, она первым делом подумала, что Джина Фейн, новая Дженис Джоплин и признанный Голос Нации, умерла от слишком бурной жизни.

Молодого человека звали Бен Райвингтон, и он был басистом в группе «Мадстейнз». Подойдя прямо к Берк, он спросил:

— Можно с тобой поговорить?

— Валяй, — ответила она, продолжая подписывать диски.

Он посмотрел на Ариэль и Кочевника, которые знали, кто он, но не были с ним знакомы. Берк с этим человеком ни разу в жизни не говорила.

— Я бы предпочел с глазу на глаз.

— Ладно, — решила Берк. — Подожди, я тут закончу.

— Выступление у вас было отличное, — сказал гость, обращаясь к Кочевнику и Ариэль. — Я ваш большой фан, еще с первого вашего диска. Хотел с тобой заговорить в «Кертен-клуб», но... иногда, бывает, вдруг завигаешься. И на людей просто смотреть не хочется, сам знаешь.

— А то, — ответил Кочевник.

— Футболку я в сети купил.

— Тебе идет, — улыбнулась Ариэль. Она, как и Кочевник, гадала, почему сегодня этот крокодил нигде не играет. Джина Фейн и «Мадстейнз» были очень популярны

и очень талантливы, они были молоды — старшим был двадцатидвухлетний барабанщик ХВ4У*, — и энергия из них хлестала. — Не знала, что вы тут в городе. У вас был ранний концерт?

— Нет, — ответил он. — Я приехал из Далласа, когда про это узнал. У нас... Джина не совсем в форме.

— А что с ней?

— Не совсем в форме, — ответил он, отводя глаза, и Ариэль поняла, что развивать тему не нужно. Он смотрел, как она подписывает диск и тянется за следующим. — Вы действительно через огонь прошли, — сказал он. — Не понимаю, как вы уцелели.

— Повезло.

— Я слышал, что не в одном везении дело. Слышал, что... — Он опустил глаза. Ариэль ждала, пока он найдет слова, которые ищет. — Что с вами была благодать. Без нее живыми бы не вышли. Здорово по-дурацки звучит?

— Да нет, — ответил Кочевник. — В смысле... в смысле это можно понять.

— Последняя песня мне понравилась, — сказал Райвингтон. — «Новый старый мир». Что-то мне созвучное.

Ариэль подняла на него глаза. Она видела, что ему что-то нужно, отчаянно нужно, и он не пришел бы сюда, если бы не надеялся это найти.

— Я после концерта хотел прийти поговорить, но на вас там навалилась публика, а я знаю, как это бывает. Поэтому пошел в другой клуб выпить пива. Услышал, как другая группа заканчивает концерт. Но ваша последняя песня меня зацепила и заставила снова прийти. Вот насчет того, что меняешь сам. Вроде как если хочешь, чтобы что-то было сделано, так и сделай. Ответственность на себя возьми. — Он вдруг улыбнулся, как застенчивый подросток, и даже покраснел. — Ну да, звучит как хер-

---

* Псевдоним игрока в покер.

ня... когда такое говорю я, а не песня, — поправился он. — Песне-то как раз респект, ребята.

— Спасибо, — сказал Кочевник.

Он продолжал подписывать, но слушал очень внимательно.

— Я считаю, что песня может зацепить человека. И обратиться к нему. Ну, типа ткнуть пальцем в грудь и сказать вроде: «А ну, ты, вставай!» Я понятно говорю?

— Правильно говоришь, — согласился Кочевник.

— Ага. — Райвингтон вздохнул с облегчением, будто перешел через очень важный мост.

Группа закончила надписывать диски, бородач в берете тарачил глаза и рассыпался в благодарностях, поцеловал руку Ариэль, хотел поцеловать руку Берк, сообразил, что не надо, и увез свою тачку разгружаться. Никого не осталось, кроме владельца «Виста Футура» и менеджера, которые наводили порядок в офисе и писали заказы на доставку пива. Барабаны Берк погрузили на дно ее небольшого черного пикапа, стоящего на парковке на той стороне улицы. Три гитары Кочевника и набор стompблoк-сов лежали в его красном «форд-фокусе» две тысячи первого года, ожидая на той же стоянке. «Овация» и «Темпест» Ариэль ждали в ее серебристой «короле».

— Вот что, — сказала Берк Бену Райвингтону, шагая вместе с Кочевником и Ариэль к выходу из клуба. — Все, что ты хочешь мне сказать, можешь сказать при моих друзьях.

Райвингтон остановился. Его лицо было высвечено резким светом угловых ламп — светом реальной жизни, когда представление закончилось и зрители разошлись.

— О'кей, — сказал он. — Джина болеет. Она на герыче.

Все промолчали. Кочевник знал, что Джина не отстанет от Дженис по части алкоголя и наркотиков, и он все

надеялся, что не найдется такого дурака, который даст ей попробовать героин для комплекта.

— Ей нужно помочь. — Райвингтон обращался к Берк. — Понимаешь, она же гребаный псих. У нее голос, у нее талант, у нее вид, и она охрененно любит музыку больше всего на свете, но эта дрянь ее убивает. И убьет, если никто не придет помочь.

— Так организуй ей помощь.

— Вот это мне песня и велела сделать, — ответил Райвингтон. — Вернуться сюда и попросить тебя помочь мне спасти Джину.

— *Меня?* Почему меня?

— Через две недели у нас начинается турне. Едем в Англию. Первые концерты за границей — это же, блин, какая адова работа будет. А Джина — это Джина. Соберет свое барахло, залезет в нору и эту нору с собой утащит. И я могу сказать, что если уж она захочет залезть, то так залезет, что никто за ней туда не попадет. Но пару дней назад ушел Лоуренс.

— А кто это?

— XB4Y, — ответил Райвингтон. — Лоуренс Джолли, так его на самом деле зовут. Сказал, что хватит с него ее выходок, он уходит к хренам в «Beastie Crew». Те в любом случае лучше подходят под его стиль. Так что наш человек в агентстве ищет нам ударника, но... это должен быть человек *зрелый*. И с опытом дороги, понимаешь?

Берк решила, что понимает. Но не понимала, нравится ли это ей.

— Мне всего двадцать шесть.

— Ну, так это... больше, чем остальным. Я только говорю, нам нужен... Джине нужен... нужен человек, на которого она может положиться. Кто, ну, понимает, что к чему.

— И ты думаешь, что это я?

Райвингтон переступил с ноги на ногу. Несколько секунд он не решался взглянуть в грозное облако, которым могло стать ее лицо, потом взглянул.

— Я на это надеялся.

Берк повернула голову, посмотрела туда, где стояли Кочевник и Ариэль. Стояли так, что им было слышно, но на расстоянии, показывающем, что она свободна, если захочет.

— Самое странное, — продолжал Райвингтон, — что Джина — из консервативной семьи, и она взбунтовалась, она там свой талант и себя бросила им всем в морду... но она их любит. Такое чувство, что эта семья ей нужна. Она только не знает, как снова к ним вернуться.

Берк смотрела в пол. Долго смотрела.

— Может, сядем где-нибудь пива выпьем? Я угощаю. И поговорим? — спросил он.

Берк подняла голову. У нее на скулах напряглись желваки.

— Если ты или кто-нибудь из вас хоть когда-нибудь назовет меня «мэм», — сказала она, — я ему на фиг мозги вышибу. Это ясно?

— Ага! — Он закивал очень энергично. — Ноль проблем.

Берк еще раз посмотрела на друзей, улыбнулась им злорадно, так, чтобы Райвингтон не видел.

— Это без шуток.

— Понятно.

— Теперь можешь мне ставить пиво, — сказала она.

И еще раз оглянулась на потемневшую сцену.

На парковке они с Кочевником стукнулись ладонями, Ариэль она поцеловала в щеку.

— Созвонимся, — сказала она, может, чересчур жизнерадостно.

Равингтон сел в свою «хонду-пилот» и завел мотор. «Кирпичная стена» Берк подошла к своей машине, с небрежной грацией вдвинулась за руль и пустилась вслед за Райвингтоном в будущее, показав друзьям знак мира.

Кочевник и Ариэль остались вдвоем — и одни.

— По чашке кофе? — предложил он.

— Я знаю тут место, где есть «серебряная игла».

— Веди.

* * *

Кейт Аллен проснулась, почувствовав, что мужа в кровати нет. В номере «Рэдиссона» было темно. Кейт стала нащупывать лампу на ночном столике, но муж сказал:

— Это не нужно.

Он сидел в кресле у окна, в отглаженной синей пижаме. Шторы были открыты. Уличный свет еще горел и мигал, и в ночном небе медленно летел самолет.

— Который час? — спросила она.

— Поздно. Или уже рано, скоро рассвет.

— Это рука тебе спать мешает? Болит?

— Болит, конечно. — Рука в гипсе была вытянута перед ним, Кейт видела его профиль в стекле. — Но ничего страшного, я просто думаю. Ложись спать.

Она знала, что ему много есть о чем подумать. Он рассказал ей о поездке к родным Джереми Петта в Рено. Это, он сказал, он должен сделать. Полет на один день, утром туда, вечером обратно. Он рассказал, как приехал к маленькому дому в грустной части города, где, сказал он, стоит в воздухе едкий запах, горький горелый запах. Он ей рассказал, как отец Джереми Петта, награжденный морпех, ни разу не взглянул ему в глаза во время разговора, хотя Труитт выразил свое глубочайшее сочувствие

и глубочайшее уважение к молодому человеку, который потерял дорогу.

Отец Джереми Петта не разжимал правого кулака, у него даже костяшки побелели. На левой руке не хватало трех пальцев. Он был сержантом морской пехоты, участником «Бури в пустыне» в девяносто первом. Мать Джереми Петта, сказал Труитт жене, надела на лицо непроницаемую маску, и когда ходила, то будто прилипала к стенам, и раз или два она оказалась на стуле, где несколько секунд назад ее не было, или же вот только что она была видна в дверях — и вдруг ее там нет.

Она в совершенстве овладела искусством становиться невидимой.

«Спасибо, что заехали», — сказал в дверях отец Джереми Петта, но запавшие глаза смотрели на клочок земли, где не было травы.

Кейт лежала на подушке, глядя в темноте на мужа.

— Я думаю, можем выбраться в аэропорт пораньше.

Он кивнул, но почти незаметным движением.

— Хочешь, расскажу одну вещь? — спросил он.

Она сказала, что хочет, конечно.

— Про городок Стоун-Черч, — сказал он. — Все время в голове вертится. Уже пару дней.

Он ей изложил историю, рассказанную Ариэль. История взволновала Кейт, и Тру непонятно было, как ей рассказать остальное — про Коннора Эддисона и так далее, но чувствовал, что он как ее муж и как самый близкий друг должен будет в свое время это сделать. Она ведь тоже ему самый близкий друг.

— Стоун-Черч, — повторил он. — Правда, поразительная история? Просто невероятная. Вдруг когда-то, бог его знает когда, человек тридцать — сорок вышли на дорогу, ведущую прочь от Стоун-Черч...

И, говорил он, не поразительно ли будет, если они вдруг вылезут — все в синяках и порезах от цепей и проволочных заграждений, и на них старые наряды, но совсем не маскарад, и они моргают на солнце, которое вообще забыли, что когда-то видели, потому что вся их жизнь кажется им дурным сном... Они идут по дороге, в этот далекий день будущего, и с ними старый доктор, и большой медведь-шериф, а его поддерживает тоненькая китаянка, и четверо головорезов Гражданской, которые приехали подраться, а попали снова на войну, и пара проституток, у которых еще французские духи не выветрились, и неотесанные мужики, и их неотесанные жены и дети. И прямо между ними, в самом центре, идут двое мальчишек, женщина, которая много вынесла, и полубессознательный проповедник, несущий тельце девочки, завернутой в его собственный пиджак.

Дурной сон, думают они. Кошмарный сон о кошмарном мире. Вроде как заснуть в одно мгновение и проснуться, ничего не соображая, не понимая, где ты. И это не проходит, а тянется и тянется. И быть может, они держатся вместе, пытаясь найти дорогу из кошмара, а у проповедника больше, чем у всех, причин двигаться самому и побуждать двигаться других. Самая главная причина: вопреки всему этому туману и безнадежности — дать своему ребенку христианское погребение.

Не удивительно ли было бы, говорил Тру, если бы, когда все эти люди пробирались по стране, где нет ни горизонта, ни компаса, ни солнца и ни луны, вышел вдруг из сгущения тьмы некто, увечный и болезненный, и треснувшими губами прошептал бы: «Идите за мной».

И что за дорога это была бы? Откуда и куда? Через неведомые равнины, через пустынные горы и долины, где клубятся тени? И время теряет смысл, время перестает

существовать. Некоторые могут отпасть или уйти, или их смянут на другие тропы, и они пропадут. Этому некто пришлось бы заставлять остальных двигаться. Потому что он знает, потому что он нашел дорогу отсюда. Не для себя — его жизнь кончена. Для *них*, потому что они еще не прожили своей жизни, а в стекле есть трещина.

Как они выберутся? В том же тумане кошмара, что привел их сюда? Ударом грома, который пробудит их среди ночи? Или же где-то впереди, за тысячи миль впереди есть пятнышко света в темноте, и надо идти на него, как на пламя свечи?

Увидят ли они, что и они сами, и одежда их засыпана красной каменной пылью, как будто они соткались заново, продавленные через стены горы и воссозданные на той стороне? Увидят ли они у себя в волосах блески серебра? И что может сказать преподобный тому изувеченному поводырю в последний день, в последний миг перед исходом? «Как тебя зовут?»

И он может ответить голосом из самых глубин страдания: «Меня зовут...»

— Хватит, — сказала Кейт. — Я серьезно.

Тру тихо дышал. Локоть болел, но скоро должно было стать лучше.

— Такая штука, — сказал он, — могла бы потрясти основы мира.

— Ну, воображение у тебя очень живое. Я всегда это знала. Когда выйдешь в отставку, надо будет тебе это записать.

— Нет. Я просто подожду, пока это случится.

Тру уставился в окно на огни человечества. Все увереннее начинал заявлять о себе синий рассвет. Интересно было бы, подумал Тру, действительно податься в отставку. Ранение может ее ускорить. И хорошо было бы уйти большой собакой, с костью Медали за Доблесть в зубах.

— Подумываю заняться менеджментом, — сказал он.

Кейт не решилась спросить, что это значит. Но подумала, что надо поторопиться, встать пораньше и отвезти его в «Дом блинов» по дороге в аэропорт, пусть поест любимую еду: блины с сиропом и яичницу с беконом.

Вряд ли это сильно скажется на его сердце.

По крайней мере один раз можно.

* * *

Кочевник и Ариэль были на дороге. Свою машину она оставила на их последней остановке — там, где они смотрели, как свежеспекоенные пончики едут на транспорте, пудрятса сахаром или корицей и покрываютса свежей глазурью. Сели они в «фокус» Кочевника. Это был единокровный брат «Жестянки» — с мятым радиатором, царапинами на борту с пассажирской стороны, зазубринами, сколами, вмятинами и выпуклостями. Кочевник его приобрел по дешевке у собрата-музыканта, и тогда у машины уже были некоторые несовершенства, но он сам добавил тоже немало. Сейчас, когда они ехали в косом свете фар по техасской дороге, опустив стекла, и предрасветный воздух был подслащен уходящей ночью, Кочевник подумал, что может себе позволить новые колеса.

Это, конечно, было глубокой ночью. Кружка черного кофе, не слишком горького, и чашка «серебряных игл» в небольшой забегаловке в центре с названием «Сельма». В зале стояла дюжина столов, и тут подавали отличное шоколадное печенье, хотя Ариэль не стала его заказывать. Здесь у них начался разговор — о той песне. Потом Кочевник решил, что все-таки голоден, и они снова встретились в кафе «Магнолия». На этот раз Ариэль себе заказала вегетарианский сандвич, а Кочевник попросил гамбургер, только обязательно проверьте, чтобы без сыра,

и если можно, среднепрожаренный, в середине чтобы чуть-чуть розовый.

Официантка сказала, что будет сделано.

И продолжился разговор о песне.

— Ну? — сказал Кочевник. Ночная публика вокруг ела и пила, официантки деловито сновали мимо. — Что случилось потом?

— А разве что-то случилось? Я не знаю.

Они в «Сельме» уже заговаривали об этом, но Ариэль понимала, что для него важно возвращаться снова и снова, выискивая, что он мог упустить из виду.

— Что-то должно было случиться. Иначе не могло быть.

Он положил локти на стол, уставился прямо в ее загадочные глаза. Нога болела от долгого стояния, от долгого вождения, но если когда-нибудь он не сможет выдержать небольшую боль, в тот день его надо будет вышибить из этого странного старого мира. Который уж точно не нов. Или нов? Кочевник не знал. Ариэль была уверена, что им дала задание написать песню девушка, которая была не человеком. Они не просили этого задания, но деваться некуда. Потом, как считала Ариэль, Джереми Петт получил задание не допустить, чтобы песня была закончена, — получил от некоей сущности, которую он звал «Ганни». Или же Петт совсем свихнулся, и в этом все дело? А Коннор Эддисон? А псих из трейлер-парка?

Кочевник подумал об этом трейлере, стоящем на жарком солнце посреди пустыни, на «линии ангелов», исходящей с северной стороны Стоун-Черча, или, как он когда-то назывался, Апач-Липа. Этот тупой мудака, так называемый специалист ВМФ по электронике, не умел отличить ангелов от демонов. Кочевник подумал, что было бы, если бы кто-нибудь, умеющий воспринимать

эти флюиды или как они там (это звучало как мысли Ариэль), стоял в этом трейлере, в помещении, которое псих использовал как центральный пост, и слушал, или чувствовал, или улавливал тишину в проводах. Может, услышал бы бормотания, рассеянные голоса, едва заметные, как слышится пиратская радиостанция из стенной розетки, или вой помех, которые на самом деле не помехи, а нечестивый голос, возвышенный в ярости, потом уплывающий, как повизгивающая собака. А может быть, быстрый говор, как будто зубы стерты до пеньков, или вдруг кто-то скажет: «Ты!» — звуки перепутаны и перемешаны, как взаимные упреки после проигранной битвы.

Но больше всего — тишина в проводах.

Может быть, зловещая тишина. Та, которая говорит, что нужно составить новый план, потому что эта война — навеки.

Написать эту песню — суровое было дело. Ариэль была неколебима в убеждении, что он должен вставить свою строчку. А он не хотел вообще с этим связываться. Он боялся, что когда это будет сделано, когда песню допоют до конца, последнюю песню, клуб «Виста Футура» будет целиком втянут — буль-буль — в космическую воронку, в Преисподнюю, в Небеса, в какие-то промежуточные измерения, и придется отбиваться от ворон в вечных зарослях ежевики, если не успеют набрать корзины для Иисуса. Черт его знает, чего он ожидал.

«Тебе нужно написать строчку, — говорила ему Ариэль с огнем в голосе. — Ты *первый* об этом заговорил, понимаешь? Майк начал, но идею дал ты. И ты должен написать строчку».

В больнице в Альбукерке, пока ждали, чтобы прилетела жена Тру, он посмотрел на то, что она написала, на заглавие, которое она дала, и спросил:

— Это вообще про что?

— Ты еще не понял?

На самом деле он понял.

О понимании. Понимании, кто ты такой в ограничениях жесткого старого мира. О понимании, что иногда обстоятельства сурового старого мира тебя сдавливают, расплющивают и втоптывают в грязь. Но чтобы выжить, чтобы жить дальше, тебе нужно себя сделать легче. Отбросить то, что перестало быть важным, то, что висит на тебе грузом. Тебе нужно мужество, чтобы жить дальше, и иногда ты находишь его в себе, иногда в других. Бывает, что дело кажется безнадежным, кажется дорогой дурака, и никогда не бывает путь счастливым, пусть даже тебе пожелает это ангел, и есть вещи, которые не меняются и не изменятся, но ничего не изменится вообще, если ты сам не поверишь в возможность перемен.

И еще — это тот самый старый мир, что был вчера. Тот же суровый старый мир, жесткий старый мир. И всегда он таким останется. Но это мир, который нельзя описать всего за четыре минуты, со всей его мешаниной добра и зла, силы и слабости, света и тьмы. Это — мир, таков, каким будет всегда.

Люди живут и умирают, и жизни людей драгоценны; время создавать и существовать, жить и любить — тоже драгоценное время. И песня говорила: «Продолжай действовать, продолжай *жить* всей полнотой жизни, продолжай расти и создавать, потому что никто живым не уйдет». Это не выкрик страха — это декларация. «Сегодня ты здесь, — говорила песня. — Завтра тебя не будет».

«Промеж этих дней, — спрашивала песня, — что будешь ты делать? Кем станешь ты?»

Может ли быть новый мир в этом старом?

Да, может.

Может ли быть новый мир в этом старом?

Это каждый решает сам. Путешествие туда — это путь внутрь себя, иногда через землю страха. Мир, существующий в человеке, личный мир, глубоко внутри. Вот там и происходит перемена, когда может быть создан мир, новый мир посреди старого.

И этот путь требует от тебя всего твоего мужества.

* * *

Но наверняка, думал Кочевник, сидя с блокнотом Ариэль на коленях, для него это не был и никогда не будет тот же самый старый мир.

И в этом все дело.

В конце он повторил вступление Майка с вариацией и добавил то, что подходило, по его мнению, к песне. Он не считал, что его вклад очень хорош. Он прислушивался к мыслям Ариэль по поводу музыки, вступления, структуры аккордов и припева. Он давал идеи, которые ему казались рабочими, но Берк не нравилась мысль ускорять ритм, и Ариэль сочла, что он не прав в смысле некоторых перемен аккордов. Он был более чем уверен в том, что тут в определенном месте нужен си-диез, но Ариэль это не нравилось.

— Мы чего, церковный гимн пишем, люди? — спросил он в досаде. — Мы же рок-группа!

— Будет все хорошо, — ответила ему Ариэль. — Когда будет закончено. Обязательно.

— Ну ладно, тогда *ты* ее и заканчивай! У меня перекур.

Но на самом деле он этой песни боялся.

— Что должно было произойти? — спросил он снова у Ариэль за столиком в кафе «Магнолия».

Она качнула головой.

— У тебя вообще *мнение* есть? В смысле зачем она была? Да, я знаю, о чем она. Или думаю по крайней мере, что знаю, но ведь на самом деле мы этого не знаем? Не знаем точно?

— Нет, — ответила Ариэль. — Точно мы не знаем. Да и как мы *могли бы* знать точно?

— Может, она была для Джинны Фейн. Чтобы тот парень услышал, чтобы попросил Берк помочь ему удержать Джину от передоза герыча. Получается?

Она знала, что он сам в это не верит, но ответила:

— Может быть, так и было.

— Угу. Тогда скажи мне: ты думаешь, что ангелы вот так переживали по поводу героиновой зависимости Джинны? Что все это они устроили ради спасения жизни Джинны Фейн, чтобы она продолжала петь и стала второй Дженнис Джоппин? И те силы, которые хотели нас остановить — да просто *убить*, к хренам, — добивались лишь того, чтобы Джина ею не стала? — Кочевник чуть не хрястнул кулаком по столу. Но сдержался. — Не может этого быть! — Он стал заводитьсь. Надо было съесть гамбургер и сбавить обороты. — Не вижу смысла, — заявил он. — Сказал бы мне кто-нибудь, в чем он тут есть. Или был. Как вышло, что та девушка, та... кто бы она ни была, не поведала нам, чего она хочет? Что нам надо сделать. Она же говорила по-английски. Ну, Господи ж ты Боже мой, она наверняка на всех языках мира умела говорить, если она та, за кого ты ее принимаешь! Так почему же она нам не сказала?

— Да потому что, — ответила Ариэль, — мы бы ей не поверили. И как бы тебе понравилось писать песню, зная, что некая сила, *огромная* сила, Джон, просит нас выполнить команду? Она *хотела*, чтобы мы написали песню. И мы написали песню, которую она хотела.

— Ты в этом уверена?

— Да. И мы написали песню, которую хотели мы. Она столько же для нас, сколько для...

Она замолчала, не в силах договорить до конца.

— Джины Фейн? — спросил Кочевник.

Ариэль откусила кусок сэндвича и запила водой из бутылки. Кочевник смотрел на нее.

Очень многое хотел бы он спросить на эту тему. Один вопрос был: «Почему мы?» Второй: «Эти силы сейчас присутствуют здесь в кафе, и мы их просто не видим?» И еще: «Может, они вообще всегда и повсюду, и когда сидишь на унитазе, надо быть поскромнее?» И вопрос, который больше всего хотелось задать: «Они все знают? Если нет, чего они не знают? Они спят, едят, трахаются? И все вокруг нас, блин, иллюзия, сон во сне?»

Ну да. И еще один: «Откуда они взялись?»

Но Ариэль в задумчивости жевала свой сэндвич, и Кочевник решил, что она знает по этому поводу не больше, чем он, не больше, чем знали от начала времен ученые, жрецы, философы и тысячи тысяч других.

Им не дозволено знать.

Кочевник подумал, что это как космос. Можешь дойти только до определенного предела, когда размышляешь, сколько там звезд и как пространство уходит в вечность. Где стенки этого ящика?

— Я хочу одного: делать музыку, — сказал он, и Ариэль посмотрела на него, оторвавшись от сэндвича, улыбнулась половиной лица, и он не успел сдержать вопроса, который выскочил сам: — Я тебе еще буду нужен?

— *Что?*

— Я тебе еще буду нужен? — повторил он и сам ответил: — На самом деле нет. Ты готова начать свое. Может, я слишком сурово с тобой говорил в Тусоне, но это была правда. Ты можешь собрать свою группу. «Группа Ариэль Коллиер».

— Не звучит, — сморщилась она.

— «Ариэли». «Г.А.К.». «Синие шляпы». Вот это уже годится. Это и правда классно. Да, так насчет названия твоей группы. Например...

— «Двое», — сказала она, глянув на него загадочно.

— Я на время вне игры, — ответил он, отводя глаза. — Мне какое-то время нужно просто подумать.

— И мне тоже.

Момент настал. И очень правильным, очень уместным казалось сделать это прямо здесь. Новый старый мир — прямо за столом «Магнолии».

— Ты меня классом выше, — сказал он. — Как гитарист, как певец и уж точно как автор песен. И дальше ты будешь только расти. А я из типично любительской группы.

— «Когда ударит гроза» — не любительской группы песня. Ты много написал песен не любительского класса.

— Все куски, которые действительно что-то говорят людям, написала ты. Будят эмоции и так далее. Я так, при сем присутствовал. Ты знаешь, что мной двигало? Злость. На очень многое. Могу объяснить, если ты захочешь слушать. Злость — очень слабо сказано. Скорее, блин, вулканическая раскаленная ярость, чего вам всем пришлось насмотреться. — Он отпил глоток «пибба». — Пока она жива, можно действовать. А вот когда мы стали собирать большие залы и репортеры на нас обратили внимание... я стал терять злость. Стал чувствовать, будто мы... ну, будто у нас *успех*, а именно его недостаток меня дополнительно злил. А без злости — что у меня есть? Я растерял класс, какой был. И знаю это. Так что у меня есть?

— Ты не растерял класс. Спроси фанов, растерял ты или нет.

— Это недостаточный класс.

Она тяжело вздохнула и бросила на него раздраженный взгляд:

— Достаточного ни у кого нету. Каждому приходится упираться и упираться и пробивать какие-то стены. Я *знаю*, что у меня недостаточный класс. Но я надеюсь — планирую — повысить его завтра или в следующий раз, если не выйдет. Начинаешь ты такой, какой ты есть. Ты уже много стен проломил. *Не спорь*, — сказала она, видя, как он морщится, — я правду говорю. Но следующая стена, которую надо будет проломить, ты должен будешь проломить *талантом*, а не кулаками.

Он задумался — и еще продвинулся на шаг в своем новом мире.

— Ты мне поможешь?

— Это как? *Уроки*, что ли, давать? Представляю себе.

— Нет, — ответил он. — Ты мне поможешь самого себя пнуть?

Она посмотрела на него через стол, поверх недоеденного сэндвича и остатков гамбургера. Наверное, подумала она, это можно было бы назвать свиданием.

— Да, — ответила она.

Они еще довольно долго посидели, пока не подошли две молодые пары и не спросили, не ошибаются ли они, принимая их за тех, за кого принимают.

«А за кого вы нас приняли?» — хотел спросить Кочевник, но ответил приветливо, и их с Ариэль сфотографировали, и пары объяснили, что хотели попасть на представление в «Виста Футура», но двери уже закрылись, там пожарные правила или что-то в этом роде, и они оказались в «Антонз», слушали «The Crop Circles». Кочевник взял счет и заплатил — «Боже мой, а ведь и вправду свидание», — подумала Ариэль, и они вышли из кафе, и тут Кочевник сказал, что хотел бы сводить ее в еще одно место, тут недалеко.

Они смотрели, как плывут по линии пончики один за другим. Кочевник взял себе глазированный, а Ариэль —

жаренный в масле. Потом он спросил, может ли он ей рассказать историю из своей жизни, про отца, и если да, он хотел бы рассказывать за рулем, просто ехать куда-нибудь и рассказывать, и ехать до самого утра.

Отъехав несколько миль от Остина, они свернули с хайвея на техасские проселки. Проезжали маленькие города, просыпающиеся перед рассветом. Ехали мимо темных полей и далеких огоньков в домах, стоящих, казалось, на краю мира.

Кочевник рассказывал при опущенных окнах, и предрассветный воздух был подслащен теплом ночи, и когда он закончил, когда все было сказано, что надо было сказать, Ариэль наклонилась и поцеловала его в уголок рта и сказала, что да, он ей нужен.

Ей нужен боец, сказала она. Нужен человек, озлобленный против машины. Нужен человек, говорящий правду — так, как он ее понимает. И если действительно часть злости оставила его, то это была злость на себя, калечащая злость, выедающая душу владельца. Ей нужен тот человек, которым он, Кочевник, сейчас становится, который хорошо в себя углубился, который заставляет себя создавать и говорить, слышать и быть услышанным, тот, кто сказал, что просто класса недостаточно никогда. Она думает, что могла бы полюбить такого человека, если это еще не произошло. И велела ему никогда, никогда этого не забывать.

* * *

К тому же, сказала она, он чертовски сексуальный сукин сын.

Надо было где-нибудь заправиться. На пересечении четырех дорог стояла небольшая заправка, свет в ней горел. Маленькое семейное заведение, похоже на мини-

атюрную ночлежку. Кочевник, в приятном обалдении от только что услышанного, подрулил к колонкам. Ариэль вышла размять ноги. Воздух был недвижим и тих, небо синело, и мерцали над головой последние звезды. Кочевник уже собрался взять пистолет ближайшей колонки, как прозвучал мужской голос:

— Никаких кредиток, только наличными. И деньги вперед.

Кочевник и Ариэль обернулись на голос. В свете желтой (чтобы мошки не летели) лампы виден был сидящий перед дверью человек. Рядом с ним, внутри за открытой дверью, находились полки с барахлом: бумажные полотенца, пакеты чипсов, моторное масло, омыватели и прочее. И небольшой киоск с бакалеей. Человек был одет в ковбойскую шляпу, линялый рабочий комбинезон, джинсы и ботинки. И в руках у него была акустическая гитара. На ней он и играл, когда они подъехали.

— Деньги вперед, — повторил он голосом резким, как сухойей, продолжая перебирать струны.

— Мне на двадцать баксов.

Кочевник, хромая, подошел к хозяину, доставая бумажник. Замедлил шаг, приближаясь к ковбою, потому что лица в тени полей шляпы не было видно, но казалось, что этот человек старше, чем земля под холмами. Тощий, как столб изгороди, простой, как дубленая шкура, и на вид был злее, чем розочка из разбитой бутылки пятидолларового виски.

Ковбой, продолжая перебирать струны, протянул жилистую руку и взял деньги.

— Заливай бензин, — разрешил он и снова заиграл какой-то техасского типа мотив, который Кочевник не узнал.

Кочевник включил пистолет, бензин полился в бак. Ариэль отошла чуть в сторону, подняла лицо к небу, по-

ставив руки на бедра. Кочевник подумал, что в этом наряде она чертовски хороша. Подумал, что неплохо было бы отвезти ее куда-нибудь позавтракать. Но он не очень понимал, где вообще находится, и никаких дорожных знаков не было.

— Сэр, — обратился он к ковбою. — Куда идет эта дорога?

Он показал на перекресток, на дорогу, идущую на восток.

— Дальше, — ответил старик.

Кочевник ощутил легкую дрожь, будто что-то шагало у него глубоко внутри.

— Как вы сказали? — переспросил он.

Ковбой продолжал играть, перебирая пальцами вверх-вниз по гитаре. Просто напоказ.

— Если тебе надо уши прочистить, у меня ушные палочки есть.

— Джон? — спросила Ариэль, подходя ближе. — Что тут?

Кочевник не ответил. Он не мог говорить.

Это был ответ на загадку, мучившую его семнадцать лет. Может быть, тоже дар судьбы.

Джонни, дорожной карты тут нет...

...но дорога идет дальше.

Джон Чарльз знал, что более точного ответа — пусть даже он есть — ему не получить никогда.

* * *

Он улыбнулся Ариэль. Почувствовал, что улыбается еще шире. Почувствовал, как тяжесть свалилась с плеч.

Очень приятное ощущение.

— Все хорошо? — спросила Ариэль.

Он кивнул, вытащил пистолет из горловины. Закрыв бензобак. Отступил, глядя на развалюху-автомобиль, будто увидев его в новом свете.

— Сэр? — обратился он к ковбою, который так и сидел, опустив голову. — Есть у вас краска-аэрозоль?

— Красная, белая и синяя. Красная и белая кончились. Можешь выбирать.

Кочевник выбрал синюю. Заплатил за нее, сказал ковбою, чтобы сдачу оставил себе, и под перебор гитары за спиной встряхнул банку, снял колпачок и написал четыре буквы на одном борту под окном водителя, потом на другом. Ариэль стояла рядом, не веря своим глазам, глядя, как ярко-синяя краска стекает с концов букв.

— Ты сумасшедший! — сказала она, улыбаясь во весь рот.

— Я музыкант, — ответил он. Это объясняло все. Нога болела — не слишком сильно, но достаточно, чтобы дать ей отдых. Кочевник решил, что помощь ему не помешает. — Поведешь?

— Конечно, — ответила она, принимая протянутые ключи.

Джон Чарльз влез на пассажирское сиденье. Ариэль Коллиер села за руль. Джон предложил ехать на восток, навстречу солнцу. Когда они отъезжали, ковбой все так же продолжал играть, не поднимая взгляда от струн.

Джон подумал, что любому кораблю нужны два капитана. Два — чтобы принять руль, когда один устанет, или у него сердце схватит, или он усомнится в цели путешествия. Может быть, эти два капитана вот этого корабля никогда не узнают, каков был смысл этой песни или для кого она была. Но быть может, достаточно знать, что она уже там, на сайтах фанатов и на «YouTube», в памяти слушателей. И «The Five» там будет тоже, на видео-

роликах и на дисках. Просто надо будет искать, чтобы ее найти.

Все еще поющую, все еще живую, сколько бы лет ни прошло.

«Арго», кровный брат «Жестянки», ехал на восток, навстречу утру.

Индиговый свет восхода преображал землю. Он превращал песчаные холмы в волны, а светлые камни — в белые гребни.

И омывал далекий берег, ждущий где-то впереди.

Глава тридцать вторая

Она проснулась от звука гитары, плывущего через разделяющую их стену.

Сердце забилося сильнее. Который час? Будильник показывал без четверти четыре. Через несколько минут все равно вставать.

Гитара. Подумать только.

Она включила лампу на ночном столике, встала, завернувшись в хлопчатобумажный халат, и вышла из комнаты, чтобы зайти к Дженн — для этого надо было сделать два шага.

Дверь была закрыта. Она постучалась.

Звон гитары немедленно стих.

— Открывай! — потребовала она.

Наступила неуверенная тишина. Женщина ощущала Дженн там в комнате. Сидит на кровати, наверное, и смотрит на дверь.

— Я слышала, как ты играла, детка. Очень неплохо звучало.

Шаги. Тихие — походка у Дженн легкая.

Дверь открылась, дочка выглянула наружу.

— Я не хотела тебя будить, — сказала Дженн.

— Деточка, ну *это* пусть тебя не беспокоит! Я очень рада была это слышать.

Преуменьшение — слабо сказано. Самая большая в мире рыба, пытающаяся сойти за малька.

Она видела, что Дженн вчера не ложилась спать. На девочке были те же джинсы и футболка, в которых она ходила на концерт. Вид у нее был усталый, карие глаза слегка затуманены.

— Ты так и не ложилась?

— Все в порядке, — ответила Дженн.

— Гм. — Мать заглянула в комнату, на постеры на стенах. Типичная комната шестнадцатилетней девушки. Гитара Дженн — старый «Уошберн Джоел», купленный в лавке ростовщика три года назад, — стояла на стойке рядом с кроватью. — Ну ладно. — Рискнуть задать следующий вопрос? — Не хочешь позавтракать? Яйцо или ломтик бекона?

Дженн задумалась. У нее, когда она задумывалась, губы крепко сжимались.

— А два ломтика можно?

— Сейчас сделаю, — ответила женщина, и когда она отвернулась, чтобы идти на кухню домика на Ланселотлейн, у нее дрожали губы, и слезы блеснули в глазах.

Дженн отступила в комнату, но дверь оставила приотворенной.

Взяла гитару. Села на кровать и поиграла еще чуть-чуть. Ничего особенного, так, несколько аккордов. Услышать, как ноты звенят. Они казались медными, как волосы у матери. Попробовала хаммер-оны и пулл-оффы, постепенно набирая темп. Получалось, но пальцы были очень уж скованы. Перешла к тэппингу, снова набирая темп.

Ой. Жуть какая-то, будто полную миску накидали шипучих конфет.

Нет, ей еще учиться и учиться.

Она снова стала перебирать струны, медленно, пуская медные шарики по комнате, чтобы они отражались от стен. По крайней мере — мысленно она это видела. Некоторые отскакивали от постеров. Допев свою песню, они таяли в воздухе.

Дженн повернула голову. Посмотрела выше своего уродливого отражения в зеркале на висящую над ним пробковую доску с фотографиями отца и своей. На фотографиях они оба играют на гитарах. Ей четырнадцать, а он еще жив. В углу доски — синяя лента с надписью «Первый приз, «шоу талантов», старшая школа Сидар-Парка».

Она снова перевела взгляд на лицо отца. Какой же он был красивый. Большой и сильный. Работал автомехаником в «Феликс Гого Тойота» в Темпле. Отец говорил, что не создали еще двигатель, который он не мог бы починить. Каждый день ездил пятьдесят семь миль на работу утром и пятьдесят семь миль домой вечером. Каждый будний день, сколько она себя помнила. Ее он называл Птицей.

— Птица, — говорил он. — Вороны *все равно* прилетят.

Это «все равно» было как нажатие пальцем на больное место.

Так он объяснял, что плохое все равно случится, как бы ты ни молилась, чтобы его не было. Как бы ты ни просила Бога спасти отца. Как бы ты ни плакала у себя в комнате, сколько бы ни лежала там, вспоминая, какой он был красивый, какой большой и какой сильный, пока рак не начал его грызть изнутри и сморщивать. Вороны — они никуда не денутся.

— Знаешь что, Птица? — говорил он в больничной палате, когда солнце лилось в окна, и в носу у него были эти трубки. — Меня надо малость подсократить. А то в Жемчужные Врата не пройду. Ладно, детка, ерунда все это. Вытри слезы. Лори, дай ей платок. А ты слушай, слушай! — Он посмотрел на нее строго — это всегда действовало. — А ну-ка соберись. Мама мне сказала, что ты не ешь. Это правда?

— Я не голодная.

— Детка, а ну-ка давай проголодайся! Одно дело — когда усыхает такой замшелый старый пенёк, а другое — такая веточка, как ты.

— *Пан*, — сказала она тогда, и у нее чуть глаза не вытекли совсем.

И на гитаре он тоже играл отлично. Руки — да, были большие, но так легко передвигались по струнам. Они вместе сидели на крыльце и играли «Безымянный конь» группы «America», и «Лакенбах, Техас» Вэйлона Дженнингса, и его же «Мама, не давай своим детям вырасти ковбоями». И много-много других.

Ее тоже называли в честь Вэйлона Дженнингса, который когда-то пожал руку ее отцу и говорил с ним как обычный человек на концерте в Остине — задолго до ее рождения. Ее звали не «Дженнифер», а просто «Дженн». Дженн Стюарт.

— Птица, — сказал он ей как-то в июльский день на крыльце, незадолго до того, как выяснилась его болезнь, — ты же прирожденный гитарист. Клянусь, у тебя молния в пальцах. У меня бы никогда мелодии так не получились бы! Девонька, мне стыдно играть рядом с тобой!

Это он так говорил, что гордится ею.

И Птицей тоже он ее прозвал. Говорил, что своей песней она может птиц сманить с дерева, и наверняка сама

она наполовину птица, раз так поет. Голос все выше, выше, до облаков, выше и выше, прямо Богу в уши. «Ты наверняка наполовину птица, Птица. А вторая половина — от старого древесного клопа! Правда, Лори?»

И мама Лори улыбалась и отвечала: «Вся в отца!»

У Дженн были отцовские глаза, но похожа она больше была на мать. Она была худощава — сейчас просто исхудала — и жилиста, и волосы того же медного цвета. Хорошенькая (была когда-то), с высокими скулами и изящным носом, снова-таки как у матери. И это было хорошо, потому что у многих Стюартов и Ингрэмов шнобели были будь здоров. Она умела быть веселой, быстро соображала и любила танцевать, но в ней была какая-то жилка от суровой земли Техаса. Эта жилка придавала ей серьезность, а иногда мрачноватую задумчивость. Эта же жилка удерживала ее от многих глупостей. Старая душа, говорила мать, когда проявлялась эта сторона характера. Старше своих лет. Эта черта характера велела не курить ни сигарет, ни травы, хотя мама признавалась, что курила травку, когда она, как говорила она с некоторой гордостью, «слегка хипповала». Пиво Дженн как-то попробовала на вечеринке после городского первенства по футболу — и вернулась к привычному сладкому чаю.

Иногда она убирала волосы как мама — в косы. Сегодня, впрочем, они лежали на плечах свободно. Но у мамы они блестят, а у Дженн — тусклые.

Она еще поперебирала струны, просто пробуя снова, как оно. Пальцы уже не те, что были. Сколько же это она не вынимала гитару из шкафа? Три месяца, четыре? Полгода? Похоже на то.

Вчера хороший концерт был в «Виста Футура». Мама ей рассказывала, как встретила «The Five» в «Деннизе», на работе.

«Знаешь, один из них, когда я спросила его, что это такое — удар кулаком в грудь и знак мира, так он сказал: “Фигня это”. Вот так и сказал. Я чуть не лопнула, когда старалась не рассмеяться. А вот девочка хорошая. И добрая. Это она мне футболку подарила... Ты что-нибудь на ужин хочешь, детка?»

Дженн их видела по телевизору, следила за их приключениями и в каком-то смысле разделяла их испытания. Сперва снайпер застрелил басиста в Свитуотере. У Дженн в Свитуотере жила бабушка, поэтому сообщение привлекло ее внимание. Потом эта история с их менеджером в Тусоне. И события на фестивале «Стоун-Черч», и наконец две смерти в пустыне Нью-Мексико.

История трагическая. Дженн ходила на их сайт, слышала их песни, смотрела их видео. Она считала, что они очень сильные и очень талантливые, особенно Ариэль Коллиер, а голос Кочевника она считала не хуже, чем у Вэйлона. Так что когда мама принесла газету с объявлением, что «The Five» дают последнее выступление в «Виста Футура» и приглашаются зрители всех возрастов, а тех, кто придет в футболке, пускают бесплатно, так что...

«Нет, мам, я не могу. Ну вот просто не то настроение».

Дженн встала, вернула гитару на стойку и посмотрела на себя в зеркало.

Ненавистное зеркало. Мерзкое, уродливое зеркало. Оно показывало, что вороны *все равно* прилетят, даже если останешься у себя в комнате и перестанешь выходить наружу. Прилетят, если есть перестанешь. Прилетят, если будешь шарахаться от еды, потому что сперва ее вид напоминает тебе, как отец от тошноты не может удержать в себе обед и усыхает до больного и умирающего мешка с костями, и тебе тоже не хочется есть, раз он не может. А потом... потом начинаешь думать, что на самом деле...

я хочу быть с ним и играть на гитарах, быть одной семьей, как все время были, и маму я всем сердцем люблю, но без папы не могу, и если я вот так пододвинусь к краю... к самому краю... чтобы чуть скользнуть, и заснешь сладко, он придет ко мне как дух, снова придет, как было, и скажет: «А ну-ка поешь», — и посмотрит на меня, и увидит, как мне без него плохо, и что как он ушел, так и музыки тоже нету.

Но он не пришел. Он не мог на эту сторону.

А называется это — анорексия. Доктор сказал: *anorexia nervosa*.

Дженн посмотрела на себя. И правда веточка. Половина веточки. Черенок листка. Кости сосчитать можно.

«Нет, мам, я не могу пойти».

Мама сказала, что она могла бы пойти, и было бы хорошо, только надо себе позволить. Никто ее там не узнает, если она на этот счет беспокоится. «А я потом тебя заберу, Дженн, *иди*».

Эта группа столько вынесла. Видела столько смертей и трагедий. И все-таки продолжает играть. Ее не заставили замолчать. Так что... может быть...

«Ладно, мам. Я пойду».

Она едва не осталась за порогом. Возле клуба она оказалась в ожидающей толпе из примерно восемнадцати тысяч человек, и там Дженн разговорилась с девушкой своих лет, которую мама отпустила на концерт. Девушку звали Дайана, у нее были толстые очки и добрая улыбка. Она была одета в футболку с эмблемой «The Five» и объявила себя их фанаткой номер один. Сказала, что мама ее привезла из Уэйко. Потом двери открылись, и толпа хлынула внутрь, и все шли потоком. У входа стоял человек и считал зрителей металлическим приборчиком. Когда Дженн подошла ближе и какие-то люди оттолкнули

Дайану назад, чтобы самим пролезть раньше, человек кому-то внутрь крикнул: «Уже почти под завязку!»

И Дженн тогда костлявой рукой потянулась назад через бурлящую толпу, поймала Дайану за руку и сперва потянула на себя, потом протолкнула вперед, чтобы та вошла в дверь первой, потому что Уэйко куда дальше Сидар-Парка и Дженн в случае чего может маме позвонить, а Дайана останется на улице.

Но они вошли обе. Двери закрыли через шесть часов после Дженн.

— Завтрак сейчас будет! — крикнула мать из кухни. — Апельсиновый сок или молоко?

В вопросе звучала надежда.

Дженн уставилась на себя в зеркало. И снова слышала эту песню.

Последнюю песню.

Она слышала слова «Я как свеча, что освещает ночь».

«Дженн, слушай, что я скажу. Внимательно слушай. — Это был голос отца. Он говорил с ней в один из последних дней в больничной палате. — Я не хочу, чтобы ты болела. Ты меня слышишь? У тебя *жизнь* впереди. Слышишь? Чтобы ты была свечой, Дженн. Чтобы твой свет был виден людям. Я думаю, что с твоим талантом и с твоим сердцем так оно и должно быть. Но болеть ты не имеешь права. Не имеешь права идти за мной. Тебе это понятно?»

Ей было понятно, но совладать с собой она не могла. Вороны прилетели и маленьких птичек расклевывали.

Но вот последняя песня...

И вот это: «Стремись все выше, поднимайся и расти. Но помни, что живым отсюда не уйти».

И снова голос отца. Кажется, это был тот самый последний день.

«Дженн, — прошептал он. — Птичка моя красивая. Ты не плачь, деточка. Лори, и ты перестань. Все нормально. Разве может кто-нибудь уйти из жизни *живым*? Да ни в жизнь. И вот поэтому нужно ценить каждый день... каждую минуту. Я вас люблю, мои девочки. Да благословит вас Бог».

И от этой строки в песне у Дженн в «Виста Футура» навернулись на глаза слезы. Потекли по щекам, и Дайана на нее посмотрела и сказала, что, наверное, тогда Фанат Номер Один — Дженн, раз песня так ее тронула.

Дженн подумала — нет, она точно *знала*, — что на этот раз отец нашел способ пробиться к ней.

Песня была хорошая. Настоящая, хорошая песня, и она Дженн глубоко тронула. Она сказала ей такое, чего не могла сказать больше никому во всем зале.

Но Дженн тогда подумала, что может лучше.

Она посмотрела на висящие на стенах постеры.

Вот Гвен Стефани, которую Дженн считала одной из самых красивых и талантливых женщин мира. И у нее доброе сердце — Дженн это в человеке видит всегда.

Вот женщина по имени Джони Митчелл. Она стоит на сцене перед колоссальной толпой, взметнув руки вверх. Винтажный постер, купленный на eBay. Эти две женщины, на принадлежащих ей дисках, — отдельные и различные таланты. У обеих в голосе огонь и страсть. Джони Митчелл хотела что-то сделать, хотела дать голос тем, у кого его нет. Она хотела ясно говорить — и чтобы ее ясно слышали. А для этого нужно ясно слышать самой.

Гвен Стефани свой талант пустила на развлечение. Чаровать и восхищать, танцевать под ритм, получать удовольствие, смеяться и помогать людям стряхивать на время груз мирских проблем. Помогать им обрести силы, когда прилетают вороны.

Дженн одинаково любила их песни и одинаково любила слушать всех музыкантов своей коллекции. Но эти две... эти два отдельных и различных таланта — к ним она возвращалась снова и снова.

Она думала... что, если бы кто-то мог слить их воедино, справиться в один талант, один голос, одну личность? Искательницу правды и радостную проводницу веселья?

И они обе, в этом сочетании, чтобы писали песни сердцем?

Какая это была бы музыка!

Дженн подумала, что, наверное, надо ей сегодня позавтракать. Хотя бы попытаться.

Нельзя петь на голодный желудок.

А уж танцевать — точно никак.

— Молоко, — ответила она матери.

— Хорошо, ангел мой, — ответила мать. И голос у нее сел.

Вот та последняя песня, думала Дженн. Эта песня ей говорила что-то и таким ясным голосом, который не услышать нельзя.

Но кое-что, ты знаешь, неизменно,
Кое-что ты сам меняешь.

Она еще раз посмотрела на фотографию свою с отцом, подумав, сколько же он проявил мужества, когда оказался готов к дороге.

И ей тоже оно нужно. Сколько-то.

— И сок тоже, — сказала она в кухню. — Пожалуйста, мам, — добавила она, подумав.

За завтраком она ела мало, как птичка, но Лори подумала, что это все-таки начало. Раз уж она не пошла в туалет отдать там все обратно. Лори спросила, что она сегодня собирается делать — обещался ясный жаркий день,

и Дженн ответила, что будет возиться с гитарой, может быть, еще позвонит Норин Веласко и Анне Коуп и спросит, не принесут ли они свои гитары. Давно они не собирались.

— А на обед что-нибудь попробуешь? — спросила Лори.

Дженн возилась с ломтиком бекона.

— У нас арахисовое масло есть?

Лори оделась на работу, в форму «Денниз». Табличку «Привет, я Лори» она наденет уже там. Волосы она заплела в косы, почистила зубы. «Слава Богу, что у Дженн не мои кусачки», — подумала она. Солнце должно было вот-вот взойти.

Слышно было, как дочь снова заиграла на гитаре. Музыка — красивейший дар.

Она зашла попрощаться, и Дженн спросила:

— Мам, я тут подумала. Можно, я опять начну брать уроки?

— Я думаю, можно. Вполне можно.

Дженн бросила уроки месяц назад. У нее получалось хорошо, и очень хорошо, но Дженн была из тех — по крайней мере пока не заболела, — кто всегда хочет добиться лучшего.

— А мы можем себе это позволить? Я могла бы работу найти в молле.

— Можем позволить. Поговорим потом, а пока — хорошего тебе дня.

«И не волнуйся слишком», — чуть не сказала Лори, но сегодня, наверное, не стоило.

Она стала закрывать дверь.

— Можно оставить открытой, мам, — сказала Дженн.

— О'кей. — Лори слушала, как играет дочь. Смотрела, как ходят пальцы по струнам. Посылая в воздух музыку. Кто знает, куда она улетит. — Все, целую.

— И я тебя, — ответила Дженн. — Спасибо за завтрак.

— Чаевые можешь оставить на столе. — Лори ответила улыбкой на улыбку дочери и вышла, унося в ушах музыку.

По дороге к машине она думала, что с деньгами напряг, так он всегда напряг, и как-нибудь для гитарных уроков Дженн можно будет выкроить. Это казалось очень важным для Дженн и очень правильным.

Потому что принести жертву для того, кого любишь, — ноль проблем.

Для того, кого любишь.

Благодарности и посвящения

Прежде всего и главным образом хотел бы выразить свою благодарность Кассу Скриппсу из «Метро талант эйдженси» в Атланте за то, что показал мне жизнь музыкантов (его точное выражение) «на дороге ствола и ножа».

Хочу поблагодарить группу «The Verve». Я как-то обедал в ресторане «Калифорния пицца китчен» и услышал из колонок песню. Она сразу же меня всколыхнула, и мне пришлось спросить у метрдотеля, как называется песня и что это за артисты. Так зародилось у меня семечко этой книги — о песне, находящей отклик в человеческой душе. Это была «Симфония горькой радости».

Эту книгу мне хочется посвятить перечисленным ниже группам и артистам. Это люди, которых я слушал, когда мне нужен был допинг музыки или ее бальзам. Все они в этом списке. Список был длинный, и я, чтобы все было справедливо, вложил все имена и названия в синюю шляпу и вытаскивал по очереди наугад. Они тут расставлены не по известности, популярности, жанру или времени. В этом порядке расставила их синяя шляпа.

Итак, спасибо вам:

Дуэйн Эдди, «The Haunted», «The Red Walls», «Nova's Nine», «ХТС», «The Cuff Links», Пинк, «The Pretenders», Кэт Стивенс, Норман Гринбаум, «Blood Sweat and Tears»,

«Sex Pistols», «Empire Of The Sun», «Orchestral Maneuvers In The Dark», «Panic At The Disco», «The Grass Roots», «Wang Chung», Принс, «AC/DC», «Crimson Metal Dragon», «Adam and The Ants», Энни Леннокс, Брайан Уилсон, «Pearl Jam», «Booker T & The MGs», «My Chemical Romance», «The Hot Melts», «Green Day», «Allman Brothers Band», «Cream», «The Kingston Trio», «The The», «The Killers», «The Trashmen», Элтон Джон, «The Beau Brummels», «Dirtblonde», «No River City», Карли Саймон, «The Clash», «Chevelle 6», «Delicate Balance», «10cc», Роберт Фрипп, «Heart», «The Fray», «Moon Taxi», «13-th Floor Elevators», «Nirvana», «Led Zeppelin», «The Wheels», «Spencer Davis Group», Синди Лоупер, «Gang of Four».

Спасибо вам:

«Sonic Youth», Кертис Мэйфилд, «311», «Soul Society», «Metallica», «Steppenwolf», «The Specials», «Procul Harum», Джуниор Браун, «The Doors», Билли Джоэл, «The White Stripes», «Buffalo Tom», «Spirit», «Pink Floyd», «Three Dog Night», «The B52s», «Amboy Dukes», Саймон и Гарфанкел, «Uriah Heep», «The Black Crowes», «The Rolling Stones», Дион, «The Human League», «HIM», Пэт Бенатар, «Herman's Hermits», «The Yeah Yous», «The Farm», «Gonn», Эдвин Старр, «Simple Minds», «Jethro Tull», «Flock Of Seagulls», Роберт Палмер, «Grains Of Sand», Брайан Ино, «The Screaming Blue Messiahs», «Famen», «Tears For Fears», Лео Коттке, Брюс Кокберн, «Red Hot Chili Peppers», «Blue Oyster Cult», Дженис Джоплин, «Things To Come», «Filter», «America», «Beastie Boys», «The Police», «The Flaming Lips».

И вам спасибо:

«Traffic», «The Goo Goo Dolls», Джонни Кэш, «The Black Eyed Peas», «Fear», «Lovin' Spoonful», Элисон Мойе, «The Buckingham», Элвис Костелло и группа «The Attractions», Джонни Риверс, «The Moody Blues», Бакетхед, Гэри

Ньюман, «Toad the Wet Sprocket», «Rare Earth», Билли Ай-дол, «Jan and Dean», «Evanescence», «The Ides of March», «Blondie», Шерил Кроу, «Royal Trux», «The Yardbirds», «The Motels», «Kronos Quartet», «The Kinks», «Red Sky July», «Rage Against The Machine», Дэвид Боуи, «The Swingin' Medallions», «Morning Bell», «Mountain», «Smashing Pumpkins», «Slipknot», «Black Sabbath», «The Byrds», «Mouse & The Traps», «Talking Heads», Элвис Пресли, «INXS», Лили Аллен, «Alice In Chains», Джоан Джетт, «Jefferson Airplane», «The Pretty Things», Джеймс Браун, «The Bold», Этта Джеймс, «Supertramp», «Chicago», «Weezer», Донован, «Delphi Rising», «13-th Omen», «Ram Jam».

И еще:

Badly Drawn Boy, «The Isley Brothers», «The Cars», «Crowded House», «Squeeze», «Insane Clown Posse», «Guns N' Roses», Джимми Мак-Грифф, «The Dandy Warhols», Джонни Митчелл, «The Beach Boys», «Concrete Blonde», «The Kingsmen», «Fading Tribesmen», «The Geto Boys», Джимми Смит, «The Third Bardo», «The Cult», Рой Орбисон, «Aerosmith», «War», «Nine Inch Nails», Дик Дэйл, Роб Зомби, «KC & The Sunshine Band», the «Chocolate Watch Band», «Counting Crows», Винс Гилл, Гвен Стефани и «No Doubt», «The Seeds», «Hole», «Moby Grape», «The Turtles», «MC5», Джо Кокер, Sam The Sham и «The Pharaohs», «Count Five», «The Beatles», Мэри Чапин Карпентер, «Oasis», «Cheap Trick», «Джеймс Тейлор», «U2», «Band Of Horses», Венди и Лиза, «The Checkerlads», Джерри Ли Льюис, «Journey», «Dead Kennedys», «Nameless», «The Zombies», «Strawberry Alarm Clock», «Kings Of Leon».

И вам спасибо:

Уоррен Зивон, «The Rockin' Rebellions», Лес Пол, Брюс Спрингстин, Бек, «Crosby Stills Nash and Young», «The Waitresses», «The Breeders», «The Righteous Brothers», «The Grateful Dead», «Run-DMC», «Duran Duran», «Wire Train»,

«The Band», Эдриен Лерт, «Peter Paul and Mary», «The Osbourne Brothers», «Fabulous DJs», «Van Halen», Натали Мерчант, «Fall Out Boy», «Toronados», «Yes», Игги Поп, «Jesus Jones», «Electric Flag», Элис Купер, «Росо», Джоан Баез, Брюер и Шипли, «Grand Funk Railroad», Джимми Хендрик, Тони де Франческо, «James Gang», «The Eagles», «The Call», «The Who», Тина Тернер, «Pet Shop Boys», «Sugarloaf», «Def Leppard», «Dead Tight Five», «Candy Store Prophets», Билли Джо Ройал, «Sound We Sleep», Митч Райдер и «The Detroit Wheels».

И вам:

Ван Моррисон, «The Troggs», «King Crimson», Джексон Браун, Тейлор Хикс, «Sir Douglas Quintet», Мелани, «ZZ Top», Боб Дилан, Марвин Гэй, «The Electric Prunes», «Molly Hatchet», Биг Мама Торнтон, «The Velvet Underground», «Bad Company», «Black Oak Arkansas», «Dire Straits», Джуди Коллинз, «T. Rex», Боб Сигер, «The Butthole Surfers», «The O'Jays», «Question Mark and the Mysticians», «Iron Maiden», «Free», «Jane's Addiction», «London Suede», «The Fixx», Рикки Ли Джонс, «The Guess Who», «Midnight Oil», Шейла И., «Prefab Sprout», «The Kytes», Келли Кларксон, Джуди Коллинз, «The J. Geils Band», «They Might Be Giants», «The Acid Gallery», Бой Джордж, «Yer Cronies», Люси Мишель и «The Velvet Lapelles», «Oingo Boingo», Карен Лоуренс и «The Pinz», «The Fugitives», «Fever Tree», «Lord & The Flies», «Emerson Lake & Palmers», «Teenage Fanclub», «The Turnstyle».

И еще:

«The Castaways», «The Bloodhound Gang», «Orange Machine», «Turfits», «'Til Tuesday», Эммилу Харрис, «The Psychedelic Furs», «The Shadows of Knight», «Foreigner», «Steely Dan», «Lynyrd Skynyrd», «The Animals», «Spring Heel Jack», «The Standells», «the Main Ingredient, Jr». «Walker & The All-Stars», «Doobie Brothers», Кэрол Кинг, Отис Реддинг,

«Lemon Pipers», Мэрилин Мэнсон, «Them», Тодд Рандгрэн, «The Dakotas», «The Misunderstood», Брюс Хорнсби, «Soundgarden», Пол Ривер и «The Raiders», «The Sinners», Захария Тэкс, «Helmet», «The Dream Academy», «Cypress Hill», Леон Рассел, «The Ting Tings», «Sky Cries Mary», «Dave Clark Five», «Inspirational Carpets», «Devo», «The Clique», «The Go-Betweens», «Wimple Winch», «The Poets», «Toadies», «The Lost Brothers», «The Jaggerz», «Sly & The Family Stone», «Remember Tomorrow», «Polly Mackey & The Pleasure Principle», «Ten Wheel Drive», «The Glass Menagerie», «The Status Quo», «Beyond Solace», «Soul Inc.» и «Field Hippies».

Всем этим группам и людям я хочу сказать: вы столько мне дали — вы даже понятия не имеете сколько. И мне никогда не расплатиться за ваш талант и за ваши дары.

Я знаю, что не назвал тысячи великих групп. Оставил за бортом те, что сверкнули огненной кометой по сценам малых городов и сгорели раньше, чем я родился. Не назвал тех, что возникли как раз когда я это писал. Не назвал группу, которая выкрасила волосы серебром, и группу, что отрывалась на сцене в тогах. Не назвал группу, которую никто не может понять, и ту, которая смеет улыбаться для собственного портрета.

И закончить мне хочется тремя словами, сказанными в прыжке и с выкриком: «Поддержим живую музыку!»

Роберт Маккаммон

Содержание

Часть первая. ТАК УМИРАЮТ ГРУППЫ.....	7
Часть вторая. ТЫ МОЙ ПЕС	85
Часть третья. БАЛЛАДА О КАРТОШКЕ ПО-ГРЕЧЕСКИ	177
Часть четвертая. «СТОУН-ЧЕРЧ»	279
Часть пятая. ЭТО МЕСТО ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО..	407
Часть шестая. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ.....	577

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Маккаммон Роберт

ПЯТЕРКА

Роман

Ответственный редактор *В. Демичев*
Художественный редактор *Е. Фрей*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес www.ast.ru
E-mail astpub@aha.ru
Вконтакте vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 белме
Біздің электрондық мекенжайымыз www.ast.ru
E-mail astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш. 3«а», литер Б, офис 1
Тел. 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс 8(727) 251 58 12 вн. 107,
E-mail RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.06.2015. Формат 84x108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6
Тираж 3 000 экз. Заказ № 4167

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

.....

Роберт Маккаммон. Один из самых популярных в мире авторов романов в жанре «саспенс», шестикратный призер премии имени Брэма Стокера, ушедший из литературы на 10 лет ради воспитания ребенка и вернувшийся с триумфальным «Голосом ночной птицы», побившим все рекорды продаж. Писатель, диапазон интересов которого необъятен – от событий американской истории 300-летней давности до Второй мировой войны, от рок-н-ролла до шаманских культов и дионисийских мистерий, от вампирских клыков до инопланетной угрозы.

.....

Рок-группа «The Five» на грани распада – похоже, странствия по маленьким городкам и выступления в захолустных барах не всем по душе, ведь проходят годы, а настоящей славы, какая была у «Роллингов» или «Битлов», не видно.

И вдруг, как гром среди ясного неба, на молодых музыкантов обрушивается смертельное внимание убийцы, отчего-то невзлюбившего песни «Пятерки». Смерть одного из рокеров резко подогревает интерес к малоизвестной группе: продажи дисков исчисляются четырехзначными цифрами, все телевизионные каналы транслируют их историю. Вот она, долгожданная слава!

Только стоит ли она того, чтобы за нее умереть?

Ведь убийца не собирается останавливаться, более того, кажется, что за его неожиданными атаками стоит сам Дьявол...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-092582-7

